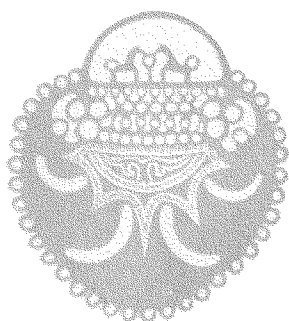

С О В Е Т С К А Я А Р Х Е О Л О Г И Я

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Советская археология» помещаются научно-исследовательские статьи по вопросам археологии и смежных с нею дисциплин, критические статьи и рецензии на вновь вышедшие книги по археологии, публикации новых археологических материалов.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются редакционной коллегией.

При подготовке рукописей просим автора придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в 2 экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала на одной стороне листа стандартного размера с полями с левой стороны листа.

2. Сноски помещаются внизу страницы, а не в конце статьи. Нумерация сносок построчная.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала, год, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений в 2 экземплярах.

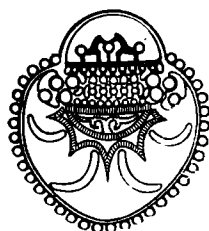
6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото — контрастные и рисунки — тушью). Фотографии следует представлять в 2 экземплярах. Иллюстрации должны быть пронумерованы соответственно порядку их упоминания в тексте статьи, на обороте каждого рисунка следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. К иллюстрациям необходимо приложить список подписей под рисунками в двух экземплярах.

Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского, греческого и арабского алфавита, должны быть сдублированы на кальку, для изготовления клише.

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Должны быть указаны дата отправления и полный почтовый адрес автора.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1958

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. В. Арциховский, ответственный редактор,
А. Я. Брюсов, зам. ответственного редактора,
Г. А. Федоров-Давыдов, ответственный секретарь,
А. М. Беленицкий, *С. Н. Бибииков*, *В. Д. Блаватский*, *Л. А. Голубева*,
Л. А. Евтюхова, *А. Л. Монгайт*, *А. П. Окладников*, *Т. С. Пассек*,
Б. Б. Пиотровский, *Б. А. Рыбаков*, *А. П. Смирнов*

Адрес редакции:

Москва К-1, пер. Садовских, 2, тел. Д 0-31-41

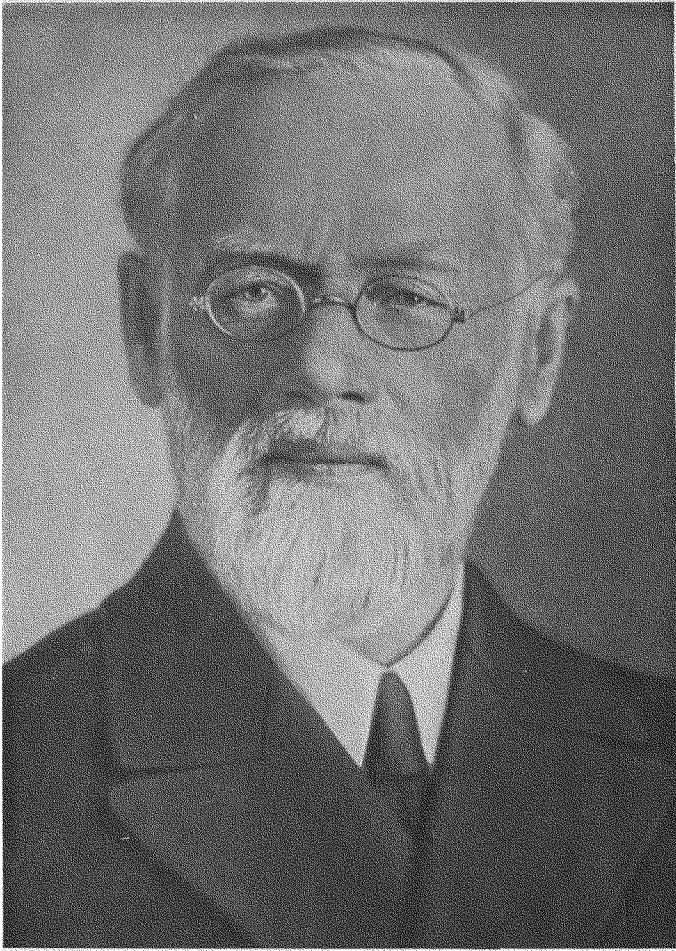
Технический редактор *М. А. Николаева*

Т-07432 Подписано к печати 28 VII 1958 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 9¹/₂
Печ. л. 26,03+7 вклеек Уч.-изд. л. 30,8 Тираж 1800 экз. Заказ 446

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. А. СПИЦЫНА (1858—1958)

В этом году исполняется сто лет со дня рождения крупнейшего русского ученого, историка и археолога, члена-корреспондента Академии наук СССР Александра Андреевича Спицына. Александр Андреевич родился 14 августа (ст. ст.) 1858 года в г. Яранске бывш. Вятской губ. Происходил из мещан. Свое детство он провел в г. Котельниче, а ученические годы — в Вятке. По окончании историко-филологического факультета Петербургского университета в 1882 г. Александр Андреевич возвратился на свою родину, в г. Вятку, где работал преподавателем истории в Вятской женской гимназии. К этому периоду относится начало научной деятельности Александра Андреевича, напечатавшего в «Вятских Губернских Ведомостях» (1880 г.) и в «Календаре Вятской губернии» ряд исследований по истории и археологии Вятского края. Одно из них, а именно «Каталог древностей Вятского края», было представлено в качестве кандидатской диссертации. В 1892 г. он был приглашен в Петербург и назначен членом Археологической Комиссии, а несколько позднее (в 1909 г.) начал читать курс лекций по русской археологии в Петербургском университете.

Акад. С. А. Жебелев пишет по этому поводу: «Вспоминаю, что когда Александр Андреевич вступал в число приват-доцентов Петербургского Университета, получить это звание можно было только после сдачи магистерских экзаменов и прочтения на историко-филологическом факультете двух пробных лекций, одной на тему по своему выбору, другой на тему, предложенную факультетом. Историко-филологический факультет во внимание к трудам и заслугам Александра Андреевича, освободил его и от экзаменов и от пробных лекций... В мою бытность членом факультета,— пишет далее акад. С. А. Жебелев,— подобного рода исключение из общепринятых правил было сделано только для А. А. Спицына»¹.

С 1914 г. Александр Андреевич, кроме общего курса по русской археологии, читал и лекции по исторической географии как в университете, так и в Петербургском Археологическом институте.

Великая Октябрьская социалистическая революция застала Александра Андреевича на посту члена Археологической Комиссии и профессора Петербургского университета. Со дня основания Государственной Академии истории материальной культуры (1918 г.) Александр Андреевич избирается ее действительным членом. В 1919 г. в ГАИМК он заведовал разрядом русских, финских и литовских древностей и одновременно организовал две комиссии — по изучению русской нумизматики и русской миниатюры. Особенно важна тогда была его работа по составлению указателя материалов русской старины, заключающихся в начальной русской летописи. В те же годы он ведет большую работу по истории русской одежды и по жилищу XVI—XVII вв., составляет обзор по русской археологии, пишет руководство по производству археологических раскопок.

¹ Акад. С. А. Жебелев. Археолог-энтузиаст. (Памяти А. А. Спицына). СА, X, 1948, стр. 10.

Помимо курса лекций в Петербургском университете и в Археологическом институте, Александр Андреевич в 1919 и в 1920 гг. постоянно читал лекции на учительских курсах в Петербурге, Новгороде, на музейных курсах в Москве, доклады на научных заседаниях в ГАИМК и в Русском Археологическом Обществе. В 1929 г. Александр Андреевич был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Научная деятельность Александра Андреевича Спицына в Петербурге была тесно связана с Археологической Комиссией, где сосредоточивались тогда все новые материалы по археологии. Составляя археологическую библиографию и каталоги, систематически производя учет археологических памятников, он с увлечением подготавливал к изданию наиболее интересные и важные из них. «Я мог издавать столько, сколько успевал приготовить», — пишет Александр Андреевич в статье «Мои научные работы»². «Постепенно получалась возможность сравнений и, наконец, хронологии и определения народностей, а еще позднее можно было приступить к общим обзорам отдельных тем в русских древностях и все сводилось к обработке общей схемы их, иначе говоря, руководства к русской археологии»³.

А. А. Спицын подвергал обработке, как он пишет сам, «всякие темы, кроме классических и палеолита, для которых требовались и были особые специалисты». К этим годам относится и начало работы его над картотекой, которую он вел всю свою жизнь. Эта картотека — знаменитые «Спицынские корочки» — отразила то огромное количество памятников, которое становилось известным Александру Андреевичу. При своей жизни Александр Андреевич предоставлял широкую возможность всем желающим пользоваться его картотекой. После его смерти она поступила в архив ЛОИИМК и не утратила своего большого научного значения и в настоящее время.

Одной из ценнейших больших работ, начатых тогда же А. А. Спицыным, было составление и издание общих обзоров древностей почти по всем губерниям. С 1895 по 1899 г. им были напечатаны обзоры 26 губерний⁴. Продолжая эту работу, в 1922 г. Александр Андреевич издал «Бежицкие древности», в 1924 и в 1926 гг. — древности Ивано-Вознесенской губ., в 1925 г. — Пензенской, в 1926 г. — Вологодской губ. и «Ржевские древности». Ряд работ Александра Андреевича обзорного и исследовательского характера печатался в «Известиях Археологической Комиссии» и в «Записках Русского Археологического Общества». Большое количество разнородного материала было им издано в ежегодных «Отчетах Археологической Комиссии», в составлении и редактировании которых он принимал самое активное участие.

Говоря о тематике своих научных работ, А. А. Спицын указывал, что, кроме палеолита и классических древностей, они касались самых разнообразных вопросов археологии России. Однако в 1915 г. он напечатал статью, в которой дал обзор известных к тому времени сведений и о палеолитических стоянках. По неолиту Севера им были изданы Бологовская и Балахинская стоянки. Неолит южных районов затронут в небольшой статье в «Сборнике Д. И. Багаляя» (1927 г.), где освещаются вопросы о микролитах и макролитах.

Много внимания Александр Андреевич уделял памятникам бронзового века. Еще в 1905 г. он подразделил его на старший, средний и младший, а позднее, уточнив эту периодизацию, выделил особо медный век (старший и младший) и бронзовый век (старший и младший).

Особенно занимали его трипольская и фатьяновская культуры. Издавая отчет о своих раскопках трипольских площадок в с. Колодистом.

² А. А. Спицын. Мои научные работы. Seminarium Kondakovianum. т. II, Prague 1928, стр. 332.

³ Там же.

⁴ Обзоры большинства остальных губерний хранятся неизданными в его архиве.

Александр Андреевич тщательно описал эти памятники и определил их как остатки жилых построек. Он первым подробно описал и издал также могильники фатьяновской культуры и выполнил большую работу по составлению первого общего обзора материалов по курганам со «скорченными костяками». В бронзе Поволжья Александр Андреевич выделил памятники хвалынского типа. Среди древностей медного и бронзового века Александр Андреевич издал такие памятники, как Галичский и Бородинскийклады, Турбинские находки, клад из Сосновой Мазы и материалы из Кызыл-Ванкского могильника. Он изучал и публиковал материалы по гальштатским и латенским древностям, а также материалы из раскопок Н. И. Репникова крымских каменных ящиков.

Последним большим трудом Александра Андреевича дореволюционного времени была его работа «Курганы скифов-пахарей». К скифо-сарматским темам Александр Андреевич обращался неоднократно. Он издавал материалы из раскопок Ф. А. Брауна скифского кургана близ Екатеринослава, писал о фаларах Южной России.

Основной своей научной темой Александр Андреевич считал все же тему о русских древностях. В связи с ней он всесторонне изучал и древности литвы, финнов, поздних кочевников и татар. Он издал монографию «Люцинский могильник», литовские курганы VIII—IX вв., курганы VI—VIII вв. в Ковенской губ., опубликовал предметы с выемчатой эмалью. Объехав все важнейшие музеи Прибалтики, он издал в Ковно в трудах Университета «Литовские древности» (1925 г.).

Большое внимание он уделил также городищам дьякова типа и Уралу, издав монографии «Гляденовское костыще», «Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых», «Шаманские изображения» и др.

Немало сделано Александром Андреевичем и по культурам поздних кочевников. Его привлекали и были им изданы «Курганы киевских кочевников» и «Половецкие погребения», а в 1927 г. в «Известиях Таврической Архивной Комиссии» (т. I) вышла его статья «Татарские курганы». В этой области им был написан ряд заметок и по более частным вопросам.

Среди своих исследований по древней Руси он особенно выделял две общие свои работы: «Расселение древнерусских племен» и подготовленную к изданию «Карту русских древностей». В обеих работах с большой глубиной осуществлена группировка памятников, которая совпала с летописными данными. Отдельные отчеты о различных раскопках славянских памятников были напечатаны Александром Андреевичем в «Записках Русского Археологического Общества» и в «Известиях Археологической Комиссии». В них он рассматривал материалы из курганов кривичей, вятичей, северян, радимичей, дреговичей и др. В 1899 г. он издал работу «Предполагаемые древности Черной Руси», а в 1927 г. печатает статью, посвященную предполагаемым древностям антов.

Александр Андреевич неоднократно обращался к чисто историческим темам. К подобным исследованиям должны быть отнесены такие его работы, как «Историко-археологические розыскания», «Торговые пути древней Руси», «Тмутараканский Камень», «Археология в темах начальной русской истории», «Русская историческая география» и др.

Свою статью «Мои научные работы», написанную в 1928 г., т. е. за три года до смерти, Александр Андреевич заканчивал словами, которые показывают, как до последних лет своей жизни он сохранял волю и способность к научной работе и какие большие задачи он ставил перед собой: «Пробегаю список исполненных работ,— писал Александр Андреевич,— не могу не видеть, что количественно он значителен, но мне всегда искренне казалось, как кажется и в эту минуту, что прошлое—это так себе, а что настоящее дело меня ждет в будущем. Это желанное будущее, конечно, курс русской археологии, а за ним курс русской старины»⁵.

⁵ А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 342.

Исполнить это Александру Андреевичу было уже не суждено. Он скончался 17 сентября 1931 г. в возрасте 73 лет. Похоронен Александр Андреевич Спицын в Ленинграде на Смоленском кладбище.

Всю свою жизнь Александр Андреевич отдал русской археологической науке. Образ ученого, беззаветно преданного этой науке, ученого огромных знаний и творческих способностей, необычайно скромного и простого человека, требовательного к себе и всегда благорасположенного к людям, энтузиаста в науке, на долгие годы сохранится в памяти советских археологов.

Т. С. Пассек, Б. А. Латынин

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ОБ А. А. СПИЦЫНЕ

1. С. Платонов, И. Крачковский, С. Ольденбург. Записка об ученых трудах проф. А. А. Спицына. ИАН, VI, сер. № 18, 1927, стр. 1503—1517; Список ученых трудов А. А. Спицына. Там же.
2. А. А. Спицын. Мои научные работы. Seminarium Kondakovianum, т. II, Prague, 1928; В. В. Саханев. А. А. Спицын. Там же.
3. В. И. Равдоникас. Памяти А. А. Спицына (1858—1931). Сообщ. ГАИМК, 1931, № 9/10.
4. С. А. Жебелев. Археолог-энтузиаст. (Памяти Спицына). СА, X, 1948; О. И. Бич. Архив А. А. Спицына. Там же; Список ученых трудов А. А. Спицына. Там же
5. БСЭ, т. 40, 1957, стр. 313.

З. А. АБРАМОВА

ПЕЩЕРНЫЙ ЛЕВ В ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ

Многочисленные и разнообразные наскальные рисунки и гравюры из палеолитических пещерных местонахождений Западной Европы вошли в сокровищницу мирового искусства как древнейшие памятники изобразительного искусства человека. Начиная со второй половины XIX в. — времени первых открытий этих изображений — неоднократно отмечалось, что излюбленной темой первобытного художника являлись преимущественно крупные животные (мамонты, бизоны, лошади, олени), в меньшей мере — хищники, медведи и кошачьи, и значительно реже — люди, растения и др. Скульптурные изображения в верхнем палеолите менее распространены. Чаще всего они представляют собой женские фигурки, изготовленные из бивня мамонта и различных пород мягкого камня. Эти фигурки пользуются широкой известностью и неоднократно привлекали к себе пристальное внимание как зарубежных, так и советских ученых. Менее известны скульптурные изображения животных, встреченные на сравнительно небольшом числе стоянок. Наряду с фигурками, достаточно четко изображающими мамонта, медведя, бизона, лошадь, встречаются (как целые, так и в виде отдельных головок) скульптуры животного, относящегося, безусловно, к семейству кошачьих, но соединяющего в себе признаки как льва, так и тигра. Вероятнее всего, что эти скульптуры изображают пещерного льва, кости которого чаще, чем кости других кошачьих, встречаются в фауне верхнепалеолитических стоянок.

Стоянка Костенки I на Дону, открытая и исследованная П. П. Ефименко в 1923—1936 гг., единственная из верхнепалеолитических стоянок СССР, изобилует не только превосходными женскими скульптурами, но и многочисленными изображениями животных. Среди последних очень интересны головки хищника, изготовленные из мергеля и изображающие именно пещерного льва.

Одна из головок выделяется особой выразительностью передачи существенных деталей и облика этого животного и по праву может быть причислена к лучшим образцам палеолитической скульптуры¹. Она изготовлена из мергеля, имеет небольшие размеры: длина — 2 см, высота — 1,5 см, толщина — 1,3 см. Округлая, изящной формы головка посажена на мощную шею. Морда — короткая, с четко выраженными пастью и носом. Хорошо переданы настороженные уши. Левый глаз имеет вид процарапанного кружка, правый глаз поврежден. В основании шеи видны следы сколов (рис. 1, 2 и 3).

Вторая скульптура² изготовлена из желтоватого мергеля и имеет длину — 3,5 см, высоту — 3,3 см, толщину — 1,4 см. Это небольшая головка с короткой, массивной, как бы обрубленной мордой, полуоткрытой пастью, низким лбом, характерными очертаниями ноздрей и большими

¹ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, табл. XIII, 1.

² Там же, табл. XIII, 2.

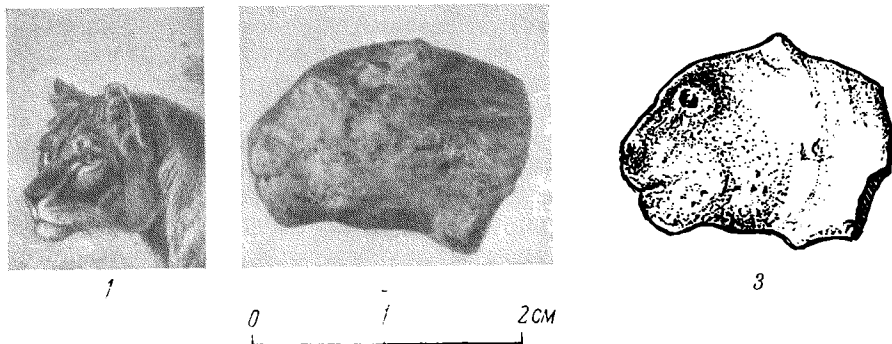

Рис. 1

1 — голова сенегальской львицы; 2 — скульптурная головка льва из Костенок I; 3 — прорись этой же головки

круглыми выпуклыми глазами. Сверху головка почти симметрична. Обе плоские стороны выполнены в барельефной технике достаточно выразительно, но переход головы к шее не обработан и сохраняют следы крупных сколов. Несомненно, эта головка изображает то же животное, что и предыдущая, но выполнена она грубее, менее детально и не так реалистично (рис. 2).

Еще пять головок хищников из Костенок I могут быть также отнесены к изображениям этого рода, хотя они плохо сохранились и представляют собой лишь фрагменты скульптур с некоторыми деталями изображений, трактовка которых может быть спорной. Одна из таких головок изготовлена из мергеля и имеет в длину и ширину по 2,6 см. Рядом с узким, рельефно выступающим носом расположены округлые выпуклости, передающие, видимо, типичные тигровые «бакенбарды». Пасть изображена в виде широкой щели, подбородок раздвоен. Верхняя часть головки обломана. Вертикальная штриховка в виде коротких параллельных линий по обе стороны морды, очевидно, нанесена для передачи свисающей шерсти.

Вторая фрагментированная головка также из мергеля, имеет размеры: длина — 2,4 см, высота — 2,2 см, толщина — 1,4 см. Головка моделирована лишь с одной стороны, но округлые очертания как самой головки, так и короткой морды напоминают ближе всего очертания головы льва. Рядом с характерным круглым выпуклым глазком сверху донизу на головке проведены две глубокие линии. Перпендикулярно к ним, ближе к тыльной части головки, расположено еще несколько коротких черточек. Возможно, вся эта нарезка воспроизводит гриву.

Третья фрагментированная головка изготовлена также из мергеля, имеет длину — 2,6 см, высоту — 2 см, толщину — 1,6 см. По общим очертани-

Рис. 2. Головка льва из Костенок I

ям, можно думать, головка воспроизводит какое-то животное кошачьей породы. Она имеет округлую, несколько сплюсненную форму, симметрично выступающие уши и широко расставленные круглые выпуклые глаза.

Две последние головки еще менее выразительны, но сохраняют основные признаки: симметрично расположенные уши, широкую укороченную морду, тупой нос.

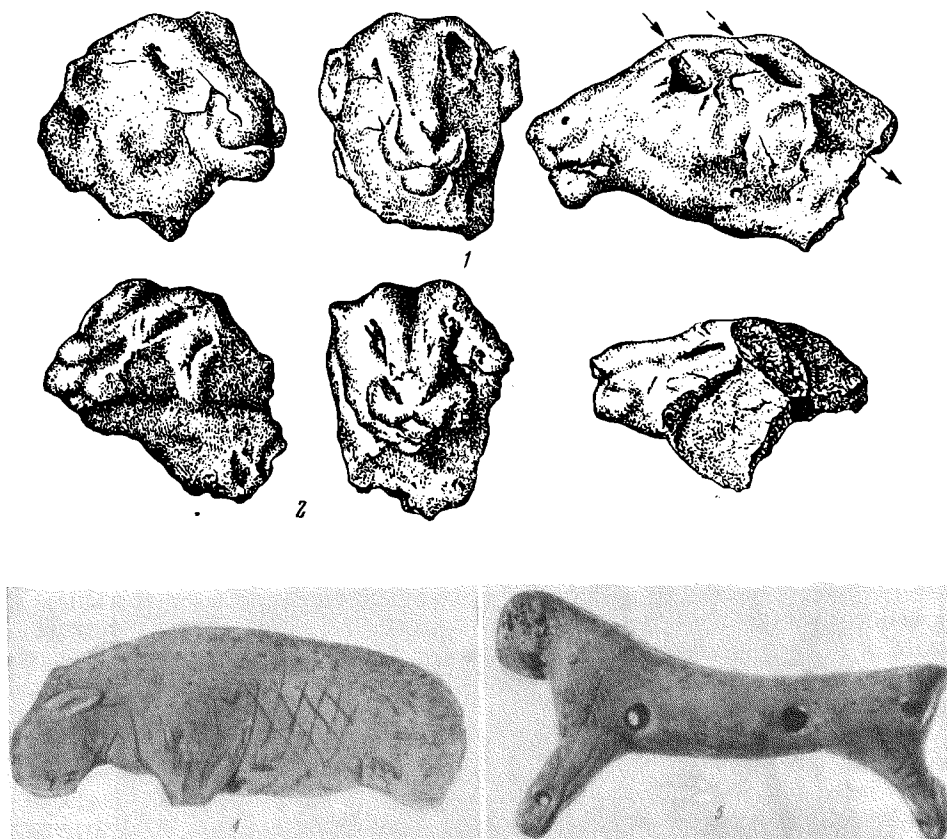

Рис. 3. Палеолитические скульптуры кошачьих
1—3 — Долни-Вестоницы; 4 — Фогельгерд; 5 — Истурец

Ближайшую аналогию головкам хищника из Костенок I представляют головки из стоянки Долни-Вестоницы в Чехословакии. Там сохранилось большое количество скульптур из обожженной глины. Семь из них принадлежат пещерному льву. Головки все одного типа, невелики по размерам, часть их фрагментирована (рис. 3, 1—3). Особенно выразительна головка львицы с вытянутой вперед мордой, характерными очертаниями нижней челюсти и мощной шеей. Заслуживает внимания, что головка эта намеренно испорчена двумя отверстиями. Одно находится на месте левого глаза, второе — в теменной части и проходит насквозь, к шее (рис. 3, 1)³.

В 1954 г. во время раскопок стоянки Павлов (Чехословакия) в числе прочих скульптур была найдена статуэтка хищника типа кошки, изготовленная из бивня мамонта⁴.

³ K. Absolon. Moravia in Palaeolithic Times. AJA, январь — март, 1943, т. LIII, N 1, стр. 25, табл. V, D, E; A. Bohmers. Die Aurignacgruppe. Eine Einteilung der ältesten Kunst der Urzeit. Germanien, 1942, стр. 30, рис. 23.

⁴ B. Klím a. Vyzkum paleolitického sídlíste u Pavlovy v Roce 1954. Archeologické rozhledy, т. IX, вып. 2, 1957, стр. 150—151.

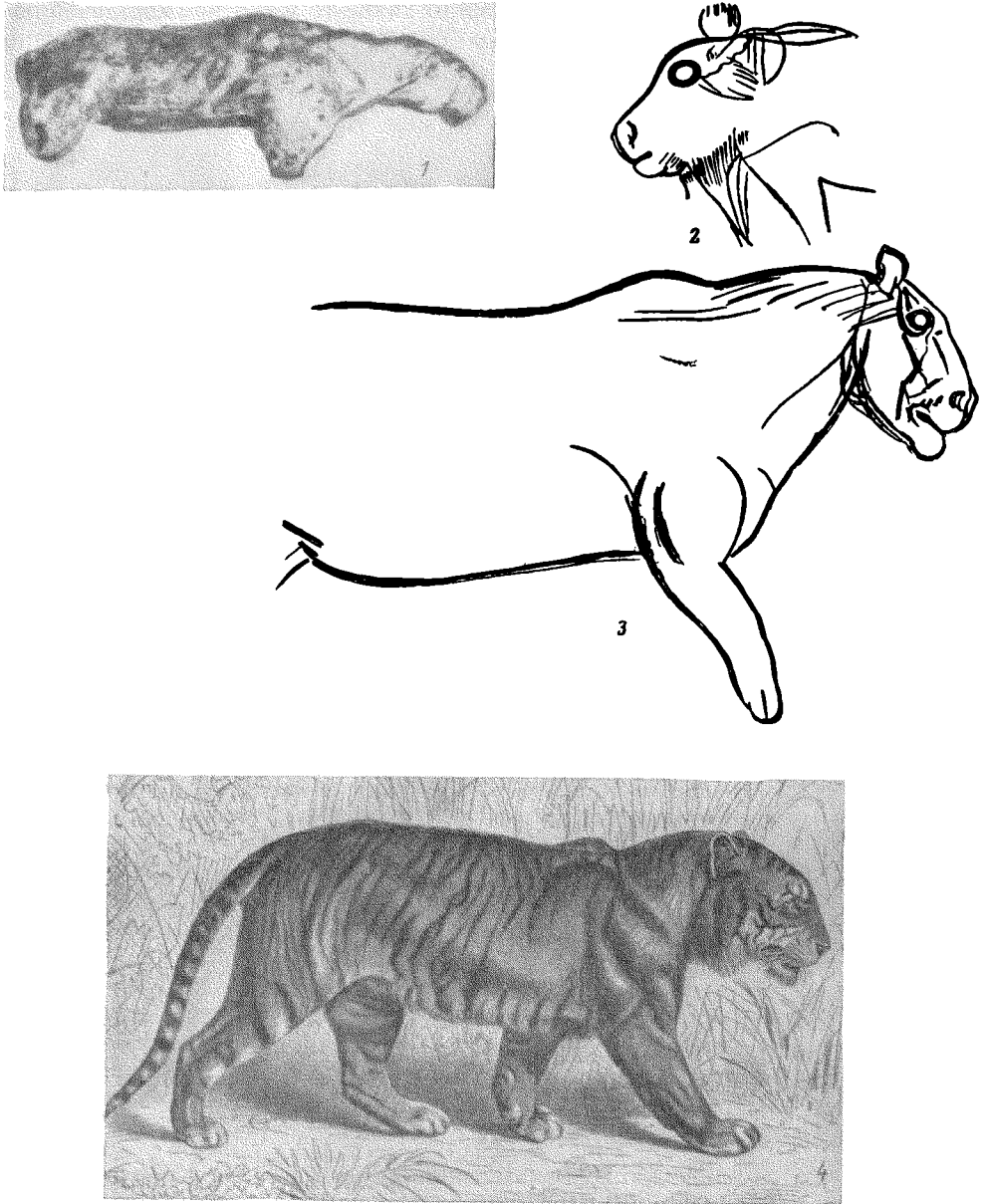

Рис. 4

1—3 — палеолитические изображения кошачьих (1 — Фогельгерд, 2 — Гурдан;
3 — Комбарелль); 4 — королевский тигр

Очень любопытные фигурки «пантероподобных» хищников из бивня мамонта были найдены в пещере Фогельгерд (Вюртемберг, Германия).

Исследовавший пещеру Г. Рик называет одну фигурку «пантерой», а вторую — «пещерным львом»⁵.

Фигурка «пантеры» изображает вытянутое гибкое тело хищника. Длинная головка с характерной тупой мордой направлена вперед. На фотографии, воспроизводящей правую сторону животного, хорошо заметны небольшое округлое ухо, глазок и свисающая нижняя губа. Животное стоит, передние и задние лапы соединены попарно и выступают в виде тупых ко-

⁵ G. Riek. Les civilisations paléolithiques du Vogelherd. Préhistoire, т. II, вып. II, 1933, стр. 176.

нусов. Фигурка, как видно, слегка повреждена, но сохраняет следы точечных ямок, покрывающих тело, на затылке заметны черточки (рис. 4, 1).

Вторая фигурка из Фогельгерда имеет в длину 9,2 см и в высоту 3,5 см. Фигурка очень плоская, Г. Рик даже называет ее барельефом (толщина ее — 1,1 см). Голова массивная, с тупой мордой и длинным прижатым к телу ухом; туловище вытянутое, крупное; ноги изображены в виде коротких обручков. Большая часть тела покрыта орнаментом, на спине видны длинные параллельные ряды точек, на боку пересекающиеся линии образуют род сетки. Вторая сторона, по-видимому, также обработана, так как автор пишет: «...если лежащие уши сделаны хорошо, то, напротив, пасть и глаза сделаны небрежно» (рис. 3, 4).

Две фигурки так называемых кошек были найдены в пещере Истюриц (Пиренеи).

Одна из них, изготовленная из мягкого камня (впоследствии утраченная и восстановленная по очень плохой фотографии), воспроизводит хищника несомненно кошачьей породы. Р. де Сэн-Перье относит ее к *Felis pardina* или разновидности рыси. Е. Пассемар считает, что это львица⁶.

Фигурка второго животного из Истюриц названа «заколдованной кошкой». Она широко известна и неоднократно воспроизводилась в советской литературе. Эта фигурка вырезана из обломка рога оленя, два маленьких отростка которого представляют лапы. Голова округлой формы, без деталей, очень невыразительна, но общие очертания тела, его гибкость и изящество позволяют говорить, что это именно львица. Изображение особенно интересно тем, что на нем имеется ряд отверстий и несколько зубчатых знаков. Отверстия просверлены на горле, груди, животе и крае передних лап, т. е., как пишет исследователь, ими как бы поражены все жизненно важные части тела животного. Зубчатые знаки в виде елочек помещены на обоих плечах и на обоих бедрах (рис. 3, 5)⁷.

Исключительно интересные скульптуры крупного кошачьего, изображающие, по общему мнению, пещерного льва, были открыты в пещере Монтеспан (Франция). На полу пещеры вдоль стены одна за другой были расположены три скульптуры, вернее горельефы, изготовленные из глины. Особенно интересно первое изображение крупного животного (длина — около 1,7 м, высота — 0,7 м). Упавшие и лежавшие на земле куски глины указывали на общие контуры животного. Сохранившиеся на месте части скульптуры позволяли различить крупную кошку с удлинненным телом, мощными лапами и массивной грудью. Кисточка на конце хвоста позволяет точно определить, что это изображение именно льва. Шея и грудь скульптуры буквально испещрены следами дротиков и копий. Два других изображения — того же рода, но очень плохой сохранности⁸.

Наскальные изображения пещерного льва немногочисленны и не всегда четко определимы. Упомянем лишь некоторые. По силе выразительности на первом месте стоит известное изображение пещерного льва, выгравированное на стене пещеры Комбарель (Франция).

Массивная, опущенная вниз голова с характерными очертаниями морды, небольшим ухом, круглым глазом и тупым носом поразительно напоминает головку львицы из Костенок I. Мощная шея, плавно изогнутая линия спины и короткая, но тяжелая передняя лапа переданы скупой, но чрезвычайно живо (рис. 4, 3)⁹.

⁶ E. Passeraud. La caverne d'Isturitz en Pays Basque. Préhistoire. т. IX, 1944, стр. 49, табл. XXV, 1.

⁷ Там же, стр. 50—51, табл. XXVI, 1.

⁸ E. Trombe et G. Dubic. Le centre préhistorique de Ganties-Montespan (Haute Garonne). Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine, mémoire 22, Paris, 1917, стр. 72—73, рис. 58, 59. См. также Н. Кастере. Десять лет под землей. М., 1956, стр. 139.

⁹ L. Capitan, H. Breuil et D. Peyrony. La caverne de Font-de-Gaume aux Eyzies (Dordogne). Paris, 1910, стр. 157—158, рис. 129. См. также Г. Обермайер. Доисторический человек. СПб., 1913, рис. 158.

Очень близка к этому изображению голова хищника, выгравированная на маленькой плоской гальке из пещеры Гурдан (Франция). Короткая морда, большой крупный глаз, торчащие уши и шея, обросшая шерстью, — все это черты крупного кошачьего (рис. 4, 2) ¹⁰.

По общему облику мощного вытянутого тела большой кошки изображению из Комбарелль близок настенный рисунок львицы из пещеры Фон-де-Гом (Франция). Особенно интересно, что это животное нарисовано в узкой длинной щели, которой заканчивается пещера. Львица кажется повернутой прямо к группе великолепно выгравированных лошадей и как будто приготовилась прыгнуть ¹¹.

Рис. 5. Статуэт-ка из Мальты (вид сзади)

Изображения кошачьих встречены еще в ряде пещер Франции. В пещере Бадегуль найдены три выгравированных на песчаниковых плитках изображения хищника (льва или тигра). Особенно выразительна одна голова с мощной шеей и коротким ухом, прочерченная очень глубокими линиями с целью, как предполагает автор, магической защиты от свирепости этого животного ¹².

В так называемом Зале Кошек пещеры Ляско А. Брейль различил пять или шесть животных, которые характеризуются короткой круглой мордой, слегка выступающими ушами и характерной линией спины. Исследовавший пещеру Уиндэлс считает, что это, без сомнения, как и изображения «кошек» в других пещерах, большие «пещерные кошки», или, другими словами, «пещерные львы» ¹³.

Различные изображения пещерного льва позволяют судить о его внешнем виде. Согласно реконструкциям, предложенным как Флеровым, так и Морозовой-Эккерт, это животное напоминало более тигра, чем льва. На верхнепалеолитических изображениях вытянутое гибкое тело тигра сочетается с массивной головой льва, а иногда и с более изящной головой львицы. На шее иногда расположена грива, кончик хвоста снабжен кисточкой. Судить о раскраске шкуры можно лишь по косвенным данным.

Правда, на фигурках хищников из Фогельгерд нанесен орнамент в виде перекрещивающихся линий и скоплений точек, но подобные линии наблюдаются и на фигурке мамонта, и, по-видимому, они служили для передачи шерсти.

Находка в палеолитической стоянке Мальта статуэтки из бивня мамонта, покрытой поперечными концентрическими опоясывающими фигурку нарезками, позволила В. И. Громову предложить гипотезу о внешнем виде пещерного льва. Существенной деталью статуэтки из Мальты является изображение длинного свисающего хвоста в виде двух параллельных надрезов вдоль ног сзади (рис. 5). Орнаментация статуэтки и наличие хвоста, возможно, являются изображением шкуры животного, наброшенной на человека. «Судя по рисунку, а также и по величине шкуры, сравнительно с размерами человеческой фигуры, можно остановиться только на «пещерном льве» с типичным тигровым рисунком шкуры» ¹⁴.

Очень интересна в этой связи маленькая, схематично выполненная скульптура кошачьего из неолитического слоя пещеры Sha-Kuo T'un

¹⁰ L. Capitan, H. Breuil et D. Peyrony. Ук. соч., стр. 155, рис. 124.

¹¹ L. Capitan, H. Breuil et D. Peyrony. Carnassiers, Rhinocéros figurés dans les Cavernes du Périgord. Congrès intern. d'Anthropologie et d'Archéologie pré-historique. 13-e session. Monaco, 1906, т. I, 1907, стр. 387, рис. 13, б.

¹² A. Cheynier Badegoule. Station solutréenne et proto-magdalénienne. Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine, N 23, Paris, 1949, рис. 36, 40.

¹³ F. Windels. Lascaux. «Chapell Sixtine» de la préhistoire. Montignac-sur-Vézère, 1948. The Lascaux Cave Paintings, London, 1950, стр. 122, рис. на стр. 106.

¹⁴ В. И. Громов. О внешнем виде пещерного льва. ПИДО, № 1—2, 1935, стр. 167.

в Маньчжурии, открытая И. Г. Андерсоном¹⁵. Ф. Аккерман рассматривает ее как изображение человека, плотно завернутого в тигровую шкуру и обладающего тигровой головой. Такая маскировка связывается с ритуальным обрядом¹⁶. По словам Андерсона, на поверхности фигурки, местами выветренной, имеются тонкие продолговатые бороздки.

Все вышерассмотренные изображения, несмотря на их различия, несомненно, воспроизводили животное крупной кошачьей породы, вероятнее всего пещерного льва, крупного и опасного хищника, хорошо известного верхнепалеолитическому человеку и, несомненно, игравшего важную роль в его жизни.

Исследователи, имевшие дело с костными остатками пещерного льва, единодушно отмечают, что в скелете этого хищника имеется смешение признаков льва и тигра. В. И. Громова пишет, что три черепа пещерного льва, известные из Восточной Европы и Сибири, имеют соединение тигровых свойств в мозговой части черепа с львиными в лицевой. Вообще, отмечает она, «кости льва и тигра, во-первых, очень сходны между собою и, во-вторых, отличаются у обоих чрезвычайной изменчивостью признаков»¹⁷.

В. И. Громова, кстати, считает неудачным название «пещерный лев», замечая, что он, во-первых, не лев и, во-вторых, не пещерный, так как жил в равнинных местностях (в противоположность пещерным медведю и гиене)¹⁸.

Подводя итог исследованиям остатков крупных четвертичных кошек в СССР, В. И. Громова заключает, «что в восточной Европе и северной Азии в плейстоцене жил один вид крупных кошек *Felis Spelaea Goldf.*, соединивший в себе признаки льва и тигра, но, кроме того, обладавший некоторыми специфическими свойствами; размеры его, не превышавшие в северных областях крупных современных кошек (север Сибири, Галич), в более южных сильно колебались от таковых же ... до значительно более крупных»¹⁹.

М. Буль в своей специальной работе, посвященной крупным пещерным кошкам, отмечает, что кости их в палеолитических местонахождениях Центральной и Западной Европы всегда принадлежат львам и никогда — тиграм. Правда, не все эти львы — пещерные²⁰. А. Неринг считает, что пещерные львы были северной разновидностью, приспособленной к климату более холодному, обладающей более толстой шкурой, так же как существует в настоящее время разновидность тигра на юго-востоке Сибири — в бассейне Амура и в Приморье. Обилие костей пещерного льва в пещерных отложениях Запада (в соединении с видами холодолюбивой фауны) подтверждает эту мысль.

Там же находятся кости и других кошачьих, поэтому не исключено, что некоторые фигурки (как, например, кошка из Истюрца) могли изображать рысь.

Н. К. Верещагин в своей работе, посвященной хищникам Бинагадинского местонахождения, вслед за другими исследователями отмечая смешанность львиных и тигровых признаков у четвертичного пещерного льва, приводит ряд различий между черепами львов и тигров. Для нас особенно интересны две черты, влияющие на внешний вид этих животных:

¹⁵ J. G. Andersson. The Cave-Deposit at Sha Kuo T'un in Fengtien. Geological Survey of China. Palaeontologia Sinica, series D, т. I, вып. I, Peking, 1923, стр. 18—19, табл. VIII, 19.

¹⁶ Ph. Akkerman. Ritual Bronzes of Ancient China. The Dryden Press. Publishers, New York, 1945, стр. 72.

¹⁷ В. И. Громова. Новые материалы по четвертичной фауне Поволжья и по истории млекопитающих восточной Европы и северной Азии вообще. Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода, т. II, 1932, стр. 75—76.

¹⁸ Там же, стр. 94, прим. 1.

¹⁹ Там же, стр. 94.

²⁰ M. Boule. Les grands chats des cavernes. Annales de Paléontologie. т. I, Paris стр. 69—95.

1) профиль черепа тигра выпукл в области носолобных швов, а у льва вогнут; 2) лицевая часть черепа тигра как бы подобрана вверх и кзади, чем обусловлен ее «кошачий» облик в противоположность более примитивному, «собачьему», облику лицевой части черепа льва. Смешанность признаков льва и тигра у пещерного льва позволяет Н. К. Верещагину дать новое название этому животному — тигролев, «так как это лучше отражает его морфологические особенности»²¹.

Из сравнения палеолитических изображений с фотографиями современных львицы (рис. 1, 1) и тигра (рис. 4, 4), можно также увидеть их сходство как с тем, так и с другим животным²².

Костные остатки этого крупного хищника широко распространены на территории Евразии как в местонахождениях четвертичной фауны, так и в фауне палеолитических стоянок. Сводка отдельных находок костей пещерного льва дана В. И. Громовой в вышеупомянутой работе, и на них мы останавливаться не будем. Значительно интереснее проследить находки костей пещерного льва в верхнепалеолитических стоянках.

В Костенках I кости его найдены в относительно большом количестве. Это преимущественно кости лап, как разрозненные, так и расположенные в анатомическом порядке, хвостовые позвонки, обломки черепа и отдельные зубы²³.

В Костенках II найдена челюсть молодой особи пещерного льва. В верхнем горизонте Костенок IV собрано 49 остатков, принадлежащих трем особям молодого, среднего и старого возраста; большинство остатков найдено в слое круглых жилых углублений. Крупные обломки двух черепов пещерного льва находились в слое западного круглого жилища²⁴.

Верхний горизонт Тельманской стоянки дал череп пещерного льва и семь костей, принадлежащих одной особи.

В Аносовке I (раскопки П. И. Борисковского в 1953 г.) найдены две кости пещерного льва: плюсна и предплюсневая кость.

Отдельные кости пещерного льва встречались также в Костенках III, в верхнем горизонте Кирилловской стоянки и др.

Стоянки Сибири дают интересную картину. В Мальте найдены один клык и кости передних и задних лап пещерного льва²⁵.

В Афонтовой горе II среди различных остатков многочисленной фауны найден только один молочный коренной зуб «крупной пещерной кошки»²⁶.

В Переселенческом пункте у Красноярска найден только один зуб пещерного льва²⁷. Остальные стоянки Сибири остатков пещерного льва не содержат.

Таким образом, несмотря на широкое распространение костей пещерного льва, они встречаются далеко не на всех стоянках с обильной фауной, а если и встречаются, то в очень ограниченном количестве и в определенном подборе. По-видимому, борьба с этим могучим и страшным хищником представляла большие трудности для первобытного охотника, и в случае удачной охоты на него кости пещерного льва приобретали особое, видимо, магическое значение. В этом отношении следует обратить внимание на сохраняющие анатомическое положение кости лап пещерного льва. Они не были брошены за ненадобностью, как можно было бы предпола-

²¹ Н. К. Верещагин. Хищные (Carnivoraе) из Бинагадинского асфальта. Тр. Естественно-Исторического музея им. Г. Зардаби, вып. IV, Баку, 1951, стр. 83.

²² А. Э. Брэм. Жизнь животных, т. I, СПб., 1893, рис. на стр. 405 и 463.

²³ В. И. Громов. Некоторые новые данные о фауне и геологии палеолита Восточной Европы и Сибири. Палеолит СССР. ИГАИМК, вып. 118, М.—Л., 1935, стр. 267 сл.

²⁴ А. Н. Рогачев. Александровское поселение древнекаменного века у села Костенки на Дону. МИА, № 45, 1955, стр. 18.

²⁵ В. И. Громов. Фаунистический состав и геологические данные о палеолитической стоянке Мальта под г. Иркутском. Тр. Сов. секции АИЧПЕ, вып. I, М.—Л., 1937, стр. 298.

²⁶ Е го ж е. Некоторые новые данные о фауне и геологии палеолита..., стр. 198.

²⁷ Там же, стр. 199 и 261.

гать, а намеренно припрятаны, как отмечает П. П. Ефименко, в специальные ямки в полу жилища Костенок I. Особенно часто на стоянках находят зубы, главным образом клыки, пещерного льва. Уместно вспомнить в этой связи просверленные клыки пещерного льва из стоянки Сорд во Франции, на которых нанесены точно такие же знаки в виде елочек, как и на изображении кошки из Истюриц. И, конечно, не случайно наличие почти на всех упомянутых стоянках именно черепов пещерного льва. Очевидно, черепа, зубы, кости лап и хвостовые позвонки особенно привлекали внимание палеолитического человека и играли какую-то роль в его представлениях.

Число известных изображений четвертичной кошки — пещерного льва или тигрольва — сравнительно невелико. Творчество первобытного художника было посвящено изображению лошадей, бизонов, оленей и других животных, на которых он систематически охотился и от наличия которых зависела жизнь и благополучие общества. Пещерный лев не был, очевидно, промысловым животным, но являлся сильным и опасным врагом. Безусловно, что его боялись и пытались воздействовать на него путем нанесения ударов и магических знаков на изображения (головка львицы из Долни-Вестоницы и фигурка так называемой «заколдованной кошки» из Истюриц с отверстиями и знаками, горельеф льва из Монтеспан со следами многочисленных ударов). Знаки на фигурке из Истюриц, несомненно, имеют магическое значение. Исследователи пещеры Истюриц видят в них гарпуны, которыми хотели поразить животное.

Совершенно иначе можно трактовать сцену из пещеры Фон-де-Гом. Напомним, что на стене узкой галереи одному изображению хищника противостоят несколько изображений лошадей. Возможно, здесь хищник выступал в роли благодетельного существа, защитника и покровителя людей, посылающего им добычу.

Интересны этнографические данные, свидетельствующие о страхе и преклонении перед тигром. По словам Н. А. Байкова, собрание всех суеверий народов Дальнего Востока о тигре заняло бы целый том. Он писал: «...гольды, орочны и тунгусы, а также бродячие охотничьи племена Манчжурии — солоны и манегры, не только почитают тигра, как существо высшего порядка, но воздают ему божеские почести и приносят ему жертву в виде своей охотничьей добычи»²⁸. Коренные манчжурские звероловы не только не охотились на тигра, но всячески охраняли его от пришлого населения — китайцев и русских²⁹.

Гольдские легенды рассказывают, как тигр помогал будто бы людям в трудные минуты, например, принес умирающим в лесу охотникам козулю³⁰.

Гольды видели в тигре человеческое существо, облакающееся временами в шкуру хищника. Орочи никогда не охотились на тигра, которого они считали своим предком. Гольдский род Актенка также считал своим прародителем тигра. И. А. Лопатин приводит легенду о происхождении рода Актенка, в которой рассказывается о девушке, жившей с охотниками на стоянке в лесу.

«Однажды утром, когда никого кроме ее не было дома, к ней пришел тигр. Она сильно испугалась, но он человеческим голосом стал успокаивать ее, а потом объявил ей, что она будет его женой. Девушка забеременела и родила мальчика. Имя ему дали Актенка, что значит рожденный от тигра. Мальчик быстро вырос и стал ловким охотником. Он женился, и у его жены родилось много детей... от них произошли все гольды, принадлежащие теперь к роду Актенка»³¹. Поэтому члены этого рода не боя-

²⁸ Н. А. Байков. Манчжурский тигр. Харбин, 1925, стр. 17.

²⁹ Там же.

³⁰ И. А. Лопатин. Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские. Зап. Общества изучения Амурского края. Владивостокское отделение Приамурского отдела РГО, т. XVII, Владивосток, 1922, стр. 209.

³¹ Там же, стр. 208.

лись тигра и считали, что он не делает им зла. Если гольд встречал тигра случайно на охоте, он не стрелял, а бросал ружье и заклинал зверя, говоря: «Эй, старик! Дай нам счастья на охоте. Дай кушать, пошли зверя на выстрел»³².

У гиляков считалось грехом не только убивать тигра, но даже «ломать» (топтать) его след. Наткнувшись на след животного, ему бросали самую драгоценную в пути вещь — огниво. Найденный труп тигра хоронили в особом срубе и приносили ему жертву³³.

Орочи считали, что хозяин тигров — дуса ъдјени (дуса-эдјени) — является хозяином тайги и всех населяющих ее животных. Этот хозяин тигров может и послать человеку зверя, и выручить из беды, и вылечить от болезни³⁴.

Те же функции, по воззрениям амурских народностей, могло выполнять и простое изображение тигра. Л. Шренк описывает ряд таких изображений у гиляков, гольдов и ольчей, к которым, по его словам, эти народности относятся с крайним страхом.

У ольчей в лесу хранилось изображение лежащего животного, с хвостом, закинутым на спину, и широкой короткой головой, ясно указывающей на кошачью породу. Второе такое изображение было тщательно скрыто в небольшом шалаше, сделанном из деревянных обрубков. Эта фигура, длиною около двух футов, несомненно, изображала тигра.

У гольдов были точно такие же изображения тигров, но не в лежачей позе, а поставленных на ноги. Л. Шренк описывает одного гольда, который носил на рукаве своей одежды два маленьких изображения тигра и леопарда — амулет, спасающий от нападения этих хищных зверей, подобно тому, как гольды носили на шее маленькие изображения людей³⁵.

Н. Н. Харузин упоминает, что на одежде гольдского шамана были нарисованы звери и идолы, тигр, символ силы, дракон, змея и др. «Подобное же изображение тигров, равно как и идолов в виде человеческих фигур — духов-покровителей шаманы привешивают себе на грудь»³⁶.

Одно из изображений тигра у гиляков очень близко по своему характеру к палеолитическим. Оно имеет вытянутое туловище, соединенные попарно ноги, большую прямоугольную, как бы обрубленную морду. Туловище покрыто поперечными параллельными вырезами, передающими характерную полосатость тигровой шкуры. Этот прием очень близко напоминает орнамент, покрывающий уже упомянутую статуетку из Мальты. Гиляки, по свидетельству Л. Шренка, относились к этим идолам с суеверным страхом. Но поскольку в северном климате тигр встречается редко, а «следовательно, и несчастные случаи при встрече с ним очень редки, то и идолы атта встречаются далеко не так часто, как медвежьи»³⁷.

По другим воззрениям, к охотникам переходила сила и ловкость зверя, если они ели мясо этого зверя, носили на себе его зубы или кости. Малайцы Сингапура покупали за дорогую плату мясо тигра и употребляли его в пищу, чтобы сделаться храбрее³⁸.

А. Брэм писал, что охотники Сиам верили в то, что мясо тигра действует благотворно и придает силу и смелость. В некоторых местах мясо тигра считалось лекарством, но китайские врачи полагали, что кости тигра действуют еще сильнее, чем его мясо³⁹.

Большое значение имела и шкура тигра: она как будто бы уничтожала злую волю, действующую извне, и успокаивала лежащего на ней челове-

³² И. А. Лопатин. Ук. соч. стр. 206.

³³ Л. Я. Штернберг. Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора. СПб., 1908, стр. 205.

³⁴ Его же. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, стр. 24.

³⁵ Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. III, СПб., 1903, стр. 117.

³⁶ Н. Н. Харузин. Этнография, т. IV, СПб., 1905, стр. 417.

³⁷ Л. Шренк. Ук. соч., стр. 115.

³⁸ Н. Н. Харузин. Ук. соч., стр. 124.

³⁹ А. Брэм. Жизнь животных, т. I, стр. 423.

ка⁴⁰. У санталов в Бенгалии, где тигр считался тотемом, наиболее торжественная клятва произносилась на шкуре тигра. Считалось, что за ложную клятву тотем так или иначе покарает клятвопреступника»⁴¹. Африканские шаманы облачались во время магических действий в шкуры львов и тигров⁴².

Амурские звероловы, пишет Н. А. Байков, носили тигровый коготь как амулет от дурного человека и дурного глаза. Засушенный глаз тигра как будто бы помогал видеть то, что скрыто от человеческого глаза.

Для нас в связи с палеолитическими находками особенно интересно поверье, что кости тигровых пальцев передней лапы приносят удачу во всяком деле⁴³.

Череп животных, их клыки и зубы, по представлениям первобытного человека, обладали особенной силой и могли охранять от злых духов, передавать часть своего могущества самому человеку.

Известно огромное количество просверленных зубов различных животных на стоянках верхнего палеолита, которые называют обычно украшениями. Для первобытного человека, по всей видимости, зубы эти прежде всего имели значение амулетов-охранителей. Что касается зубов тигра, то шикари, например, украшали себя зубами тигра не только в доказательство победы над ним, но также и потому, что они считали их предохранительным средством против нападения тигров⁴⁴.

Исходя из этнографических параллелей и учитывая условия, в которых встречаются остатки пещерного льва на поселениях и его изображения, можно сделать вывод, что с этим животным у человека верхнепалеолитического времени были связаны прежде всего определенные магические ритуалы, вызванные вполне понятным чувством страха и преклонения перед этим грозным хищником. В культуре животных ему, несомненно, принадлежало одно из первых мест.

Столь же вероятно, что в верхнем палеолите, как и у многих народов нашего времени, с образом тигра были связаны особые идеи, входящие в круг тотемистических представлений. Этими представлениями, несомненно, и вызвано появление тех изображений пещерного льва, о которых говорилось выше. Изучение их помогает полнее понять сложный комплекс идей, из которых складываются пока еще слабо изученные верования первобытного человека.

⁴⁰ Н. А. Байков, Ук. соч., стр. 17.

⁴¹ Н. Н. Харузин, Ук. соч., стр. 82.

⁴² Там же, стр. 416.

⁴³ Н. А. Байков, Ук. соч., стр. 17.

⁴⁴ А. Брэм, Жизнь животных, т. I, стр. 423.

А. Я. БРЮСОВ

К ВОПРОСУ ОБ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОБЛЕМЕ ¹

Более полутора веков проблема индоевропейского единства и его распада является предметом самых противоречивых гипотез и предположений. Дискуссии 1951 и 1956 гг. по этой одной из основных проблем истории древнего населения Европы, к сожалению, не принесли ожидаемых результатов ². В противоположность западноевропейской и американской археологической литературе ³, в которой этот вопрос живо дебатруется, в советских археологических журналах «Советская археология», «Краткие сообщения ИИМК», «Археология» и «Краткие сообщения ИА УАН» почти не находим статей на эту тему. Не пора ли от словесных выступлений на конференциях и пленумах перейти к широкому обмену мнениями на страницах этих изданий?

Эти соображения побудили меня выступить с данной статьей, являющейся переработкой доклада, сделанного на совместном заседании Института истории материальной культуры и Института языкознания АН СССР весной 1955 г. и встреченного тогда весьма неблагоприятно.

Как известно, существует широко распространенная гипотеза о том, что индоевропейское языковое единство распалось приблизительно в III — II тысячелетиях до н. э. (иногда этот распад датируют IV тысячелетием до н. э.). Из этой датировки исходят почти все попытки определить ход этого распада, первоначальную территорию индоевропейцев и пути их расселения. Ниже приводим несколько примеров таких построений. Есть сторонники еще более позднего распада индоевропейского языкового единства, но я не знаю работ, в которых допускалась бы более ранняя дата.

Подобная точка зрения, вполне допустимая на том уровне развития археологии и лингвистики, когда сложилась эта гипотеза, т. е. более 50 лет тому назад, в конце XIX в., вряд ли может быть оправдана в настоящее время. Археологический материал, полученный в результате последних

---

¹ *Примечание редакции.* Наши археологи, к сожалению, не высказываются по индоевропейской проблеме, хотя мнение археологов здесь важно. Поэтому редакция считает нужным напечатать статью А. Я. Брюсова. Как пишет сам автор, его выводы были встречены археологами и лингвистами весьма неблагоприятно. Тем не менее они должны быть напечатаны и обсуждены.

² См. материалы совещания по методологии этногенетических исследований, проведенного Институтами языкознания, истории, этнографии и истории материальной культуры АН СССР 27/X—3/XI 1951 г., и прения по докладу Б. В. Горнунга «Проблема распространения индоевропейской речи в доисторические эпохи» на сессии Отделения исторических наук АН СССР в 1956 г.

³ См., например, Н. Н е n s k e n. Indo-European Languages and Archeology. *American Anthropologist*, т. 57, № 6, ч. 3, Menasha, Wisc. 1955; J. B r o n s t e d. Omkring indoeuropaeerproblemet. *Corolla archaeologica in honorem C. A. Nordman*, Helsinki, 1952; K. J e t t m a r. Zur Wanderungsgeschichte der Iranier. *Die Wiener Schule der Völkerkunde. Festschr. z. 25-Jahr. Bestand. 1929—1954*, стр. 327—348; см. также многочисленные высказывания по этой проблеме в целом ряде общих трудов по археологии, как, например: М. G i m b u t a s. *The Prehistory of Eastern Europe*. Cambridge, Massachusetts, 1956; P. V. G l o b. *Studier over den jyske Enkeltgravskultur*. Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie. København, 1944.

десятилетий, заставляет совсем по-иному смотреть на эту отдаленную эпоху и часто приходит в противоречие с укоренившейся гипотезой. Поэтому я беру на себя смелость набросать в качестве предположения схему сложения и распада индоевропейского единства. Естественно при этом, что, не будучи лингвистом, я опираюсь в основном на ближе мне знакомые археологические факты.

Не претендуя ни в какой мере на разрешение проблемы сложения и распада индоевропейского единства, я полагаю, что моя статья может послужить поводом для дальнейших совместных попыток археологов и лингвистов найти выход из создавшегося положения. При этом я должен подчеркнуть, что стержнем этой статьи является вопрос о времени сложения и распада индоевропейского единства и что других сторон проблемы я буду касаться только в той мере, в какой это необходимо в пределах установления этой даты.

Я не вхожу здесь в рассмотрение вопроса о том, соответствуют или не соответствуют археологические культуры этническим единствам, поскольку по этому вопросу я уже выступил в печати⁴. Напомню только, что знак равенства между этими двумя категориями я считаю возможным проводить только в отношении неолитической (и, быть может, мезолитической) эпохи и эпохи ранней бронзы.

Я был бы искренне рад, если бы советские археологи и лингвисты, а также, может быть, наши зарубежные коллеги выступили со своими соображениями и возражениями по данной теме на страницах печати. Это соответствовало бы многократно высказанным на конференции 1951 г. пожеланиям и, вероятно, в значительной мере содействовало бы дальнейшему ходу разрешения сложной и волнующей проблемы о времени сложения и распада индоевропейского единства.

* * *

Археологические открытия последних лет изменили существовавшее ранее представление о культуре племен Старого Света в неолитическую эпоху. Многие культурные достижения человечества отодвинуты далеко в глубь времен, и неолитические племена (по меньшей мере в ряде областей Афревразии) вырисовываются в настоящее время далеко не такими «дикарями», какими их изображали ранее. Каменные стены с башней, окружавшие ранненеолитический Иерихон, каменные дома в Скэйра-Брэй на Оркнейских островах, мостовые в Арпачае, Скэйра-Брэй и Айхбюле, земледелие и скотоводство, распространенные у населения этих и других (Балт, Джармо, Омозен) ранненеолитических поселений V—IV тысячелетий до н. э., доказывают, что уже шесть-семь тысяч лет тому назад Евразия не только была почти вся заселена, но и населявшие ее племена в различных областях, вплоть до далекого севера, перешли к прочной оседлости, производящему хозяйству, а в некоторых случаях — к полугородскому образу жизни.

Археологические раскопки многих тысяч поселений и могильников до сих пор не обнаружили и, по-видимому, не обнаружат следов каких-либо крупных вторжений в Европу извне. Все указывает на то, что происходившие с того времени передвижения населения протекали почти исключительно внутри самой Европы. Вместе с тем имеется ряд доказательств, что материальная культура европейских племен показывает в различных областях Европы преемственность с раннего неолита (а иногда и с мезолита) вплоть до исторического времени. Среди археологов, признающих гипотезу о соответствии археологических культур этническим общностям, спор идет только о том, к какому народу индоевропейской семьи языков следует отнести ту или иную археологическую культуру.

⁴ См. А. Я. Брюсов. Археологические культуры и этнические общности. СА, ХХVI, 1956, стр. 5—27.

Таким образом, перед сторонниками гипотезы о распаде индоевропейского единства в III—II тысячелетиях до н. э. стоит дилемма:

1) либо признать (для соглашающихся с тем, что археологические культуры соответствуют этническим общностям), что до намечаемого срока распада индоевропейского единства все (или почти все) население Европы говорило на едином индоевропейском языке, только с диалектными различиями,

2) либо (для отрицающих соответствие археологических культур этническим общностям) считать, что индоевропейские племена расселились по Европе после указанного срока, навязав свой язык местному неиндоевропейскому населению, но переняв повсеместно и немедленно материальную культуру населения той области, в которой они поселились.

Но это только одно из затруднений, стоящих перед сторонниками гипотезы о позднем распаде индоевропейского единства.

Одним из первоначальных доказательств того, что начало распада относится к III—II тысячелетиям до н. э., послужило наличие соответствий в индоевропейских языках терминов скотоводства. Начало скотоводства в Европе действительно прежде относили к этому времени. В настоящее же время начало скотоводства даже в Европе датируется значительно более ранним временем. Наличие скотоводства обнаружено, например, в культуре Эртебёлле, которую ранее относили даже к мезолиту⁵. Колесные повозки в курганах ямной культуры, находки костей домашних животных и глиняных статуэток быков и свиней на поселениях трипольской культуры и аналогичных ей культур на Балканском полуострове доказывают наличие разнообразного состава стад и вполне одомашненных животных, т. е. подтверждают существование вполне развитого скотоводства с применением тягловой силы животных. Уже одно это делает совершенно неприемлемой ссылку на соответствия в индоевропейских языках терминов скотоводства как доказательство распада индоевропейского единства в III—II тысячелетиях до н. э. Кроме того, тот факт, что во многих случаях на стоянках Европы, обнаруживающих древнейшие признаки скотоводства, состав стада представлен различными видами вполне одомашненных животных, доказывает, что часто скотоводство было заимствовано извне. А в таком случае термины скотоводства доказывали бы только то, что каждый вид скота включался в обиход населения вместе со своим наименованием, которое претерпевало звуковые изменения соответственно с внутренними законами того языка, в словарный фонд которого оно входило.

«Первоначальное тождество и распространение после распада языков (т. е. заимствование.— А. Б.) — по существу своему совершенно различны, но по большей части не представляется возможным установить, что относится к одному и что к другому»⁶.

Поэтому нет оснований категорически отрицать роль заимствования при анализе индоевропейских соответствий в терминах скотоводства. Не следует забывать в этом отношении, что римские слова, характеризующие многие культурные явления и заимствованные германскими племенами, также приобрели своеобразную форму в каждом из германских наречий, и если бы не было латинского подлинника, то естественно было бы считать эти слова объединенными первобытным германским родством. Известный пример: лат. caseus, ст.-англ. chási, ст.-сакс. kási, англосакс. cése, англ. cheese.

⁵ J. Troels-Smith. Ertebøllekultur-bondekultur. Resultater af de sidste 10 aars undersøgelser i Aamosen, Vesterjaelland. Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie. København, 1953.

⁶ Б. Грозный. Доисторические судьбы Передней Азии. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 44. Б. Грозный высказывает предположение, что наименование быка было заимствовано от шумеров египтянами, некоторыми суданскими, древнеиндийским, зендским, китайским и тибето-бирманскими языками. См. также А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 382.

Другим оружием в лингвистическом арсенале для доказательства позднего разделения индоевропейских языков служит наличие соответствий в терминах отцовского родства, что, конечно, нельзя объяснить заимствованием терминологии, а следовательно, необходимо признать господство отцовского счета родства в эпоху общего индоевропейского языка.

Отцовский счет родства принято увязывать с наличием скотоводства. Но последнее, как было показано выше, возникло задолго до III—II тысячелетий до н. э. Нельзя также пройти мимо предположения некоторых из советских этнографов, утверждающих, что переход от матриархата к патриархату может происходить и в условиях охотничье-рыболовческого образа жизни⁷.

Я не могу не высказать удивления по поводу того, что лингвисты почему-то оставляют без внимания отсутствие соответствий в индоевропейских языках в таких терминах, которые связаны с родо-племенным строем. Между тем это с равным правом могло бы свидетельствовать о распаде индоевропейского языкового единства до того, как родо-племенной строй получил у индоевропейцев полное развитие.

Перейдем теперь к другой группе затруднений, которые возникают перед сторонниками позднего распада индоевропейского языкового единства. Прежде всего эта концепция идет в разрез с установленным фактом крайней устойчивости языка. Греческий язык времени сложения «Илиады» стоит несравненно ближе к современному греческому языку, чем к языкам других индоевропейских языковых групп, хотя их разделяет промежуток времени более чем в 3000 лет. Масперо считал возможным восстанавливать формы древнеегипетского языка на основании данных, почерпнутых из современного коптского языка. Временной разрыв между ними еще больше.

Сколько же времени потребовалось для того, чтобы возникли существующие различия, отличающие, например, славянские языки от кельтских или германские от индоиранских? Открытия последних лет показали, что уже в середине II тысячелетия до н. э. в Малой Азии существовало несколько индоевропейских языков. Надо полагать, что различия между ними настолько значительны, что позволяют лингвистам говорить именно о языках, а не о наречиях или диалектах. Но при этом речь идет только об одной языковой группе. Сколько же времени потребовалось для того, чтобы сначала возникла эта группа, а затем внутри нее сложились различные языки?

Если принять гипотезу о существовании индоевропейского единства в IV, III—II тысячелетиях до н. э. и вместе с тем признавать, что выделение из индоевропейского языка — основы различных языковых групп происходило постепенно (учитывая сложный дальнейший путь разделения этих групп на отдельные языки, их схождения и расхождения), то как можно уложить все это в промежуток времени нескольких тысячелетий (принимая во внимание крайнюю устойчивость языка, доказываемую массой примеров)?

Впрочем, у самих лингвистов можно найти возражения против столь поздней даты. В. Георгиев, например, полемизируя с А. С. Чикобавой, пишет, что «индоевропейские племена, а именно лувийцы, населяли западную Малую Азию уже в III тысячелетии до н. э. По всей вероятности, индоевропейские племена очень рано — в III тысячелетии и даже еще раньше — обитали в западной Малой Азии, где они находились в соприкосновении с неиндоевропейскими племенами»⁸.

Но А. Мейе еще более повышал дату распада индоевропейского языкового единства. Он писал: «...потребовались века, чтобы осуществить

⁷ См., например, М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953, стр. 116.

⁸ В. Георгиев. Вопросы родства средиземноморских языков. ВЯ, 1954, № 4, стр. 63.

распространение индоевропейских языков по тому пространству, которое они занимают на заре исторической эпохи, когда они начинают закрепляться в письменности, т. е. к началу второго тысячелетия до хр. эры — в отношении хеттского, и около VIII в. до хр. эры в отношении прочих языков. Каково бы ни было число этих столетий, они должны были быть (разрядка моя.— А. Б.) для индоевропейских языков периодом «быстрых изменений»⁹.

Нетрудно видеть, что здесь время распада индоевропейского языкового единства подменяется временем появления письменности, а вывод о быстрых изменениях сделан на основании полученных таким образом дат.

Что же касается абсолютных датировок, то можно судить о положении в этом вопросе по высказываниям самих лингвистов. Так, они пишут: «...все абсолютные датировки являются гадательными (разрядка здесь и ниже моя.— А. Б.), и более прочной является только относительная хронология этапов распада. Однако и здесь, даже в области индоевропейских языков, есть совершенно неясные вопросы»¹⁰.

Еще любопытнее положение с попытками выяснить исторический ход расселения индоевропейских племен, положивший начало обособлению индоевропейских языковых групп. Авторы, основывавшие свои гипотезы на предположении об относительно позднем начале распада индоевропейского языкового единства, приходят к самым различным, часто противоположным результатам как в отношении времени этого распада, так и в отношении территории, некогда занятой «индоевропейцами». Ограничусь несколькими примерами.

Б. В. Горнунг полагает, что первоначальная территория индоевропейской языковой общности в конце IV — начале III тысячелетия до н. э. включала в себя большую часть севера Балканского полуострова, бассейн Среднего Дуная до Карпат к востоку от Тиссы и до Татр, а также область распространения археологической культуры Триполье А (по Т. С. Пасек). Первой из этой общности выделилась хетто-лувийская группа с экспансией в Малую Азию (трипольская и аналогичные ей культуры на Балканах). В конце III тысячелетия до н. э. происходит расселение к северу (культура шаровидных амфор). Тогда же выделяется несохранившаяся группа, представленная среднеднепровской, фатьяновской, комаровской культурами. В начале II тысячелетия до н. э. происходит «отрыв» части юго-восточной группы (позднеямная и катакомбная культуры во взаимодействии с трипольской и полтавтинской). Из дальнейших рассуждений отмечу только то, что, по мнению Б. В. Горнунга, на основе западноевропейских вариантов культуры шнуровой керамики и боевых топоров слагаются протоиллирийская (унетицкая и предлужицкая культуры), протокельтская и протоиталогерманская диалектные группы. Тогда же заселяется Греция (среднеэлладская культура) и формируется протославянская группа¹¹.

Х. Хенкен в своей статье¹² приводит представляющиеся ему вероятными различные гипотезы о происхождении индоевропейцев. Первоначальной территорией индоевропейцев он считает область между Альпами и Восточной Германией (культура полей погребений позднебронзовой эпохи

⁹ А. Мейе. Ук. соч., стр. 423.

¹⁰ Б. В. Горнунг, В. Д. Левин, В. Н. Сидоров. Проблема образования и развития языковых семей. ВЯ, 1952, № 1, стр. 54.

¹¹ Б. В. Горнунг. Проблема распространения индоевропейской речи в доисторические эпохи (к постановке вопроса в лингвистико-археологическом отношении). Тезисы доклада на сессии Отделения исторических наук АН СССР 1956 г.

Из этих тезисов мною приведены только некоторые данные, без выписок их обоснований, поскольку нас в данном случае интересует только наличие разногласий по вопросу о первоначальной территории и путях расселения индоевропейцев у сторонников гипотезы о позднем распаде индоевропейского языкового единства.

¹² Н. Хенкен. Ук. соч., стр. 44, 79, 20—27, 37, 38, 46, 49.

конца II и начала I тысячелетия до н. э., а в Венгрии — середина II тысячелетия до н. э.). В XIII в. до н. э. началась экспансия индоевропейцев (гальштаттская культура). К латенской эпохе относится экспансия кельтов, которых Х. Хенкен считает возможным выводить от племен культуры шнуровой керамики и боевых топоров, а вероятнее — от племен культуры шаровидных амфор. Впрочем, и «тевтонский» язык Х. Хенкен готов связывать с языком племен культуры шнуровой керамики, которые, в свою очередь (по М. Гимбутас), могут быть потомками племен культуры шаровидных амфор. С теми же племенами следует, по Х. Хенкену, увязывать и балто-славянские языки. Венетские племена и племена культуры Вилланова (неиндоевропейские), по Х. Хенкену, пришли в Италию в IX—VIII вв. до н. э. Что же касается позднейших племен, говоривших на индоевропейских языках, например на латинском, то Х. Хенкен считает, что они пришли с востока (с Балканского полуострова) в бронзовом веке. Племена, говорившие на славянском языке, он помещает, по-видимому, на территории Польши, Белоруссии и Северо-Западной Украины, увязывая их происхождение с племенами культуры шаровидных амфор.

Не излагая других многочисленных гипотез Х. Хенкена, упомяну, что в конце своей статьи он отводит место для изложения мнений по данному вопросу Н. Трубецкого¹³, Л. Пальмера¹⁴ и др., которые мы здесь не приводим. Ограничимся только небольшой выдержкой из труда П. Глоба.

Иссыхание максимально заселенных южнорусских степей в суббореальный период привело, говорит автор, к массовому расселению. «Племена, двинувшиеся к северу, обосновались в Центральной России (фатьяновская культура), в Юго-Западной Финляндии и в Швеции (культура ладбевидных топоров). Здесь эта культура укрепились сначала в Средней Швеции и затем распространилась к югу. Другие племена направились к северо-западу и завладели новыми землями у Балтийского моря (культура ржшева и одерская культура), в Центральной Европе (культура Злоты и саксо-тюрингская культура шнуровой керамики), в Северо-Западной Германии и Ютландии (культура одиночных погребений). Позднее саксо-тюрингская группа стала играть решающую роль в Центральной Европе и распространилась по всем направлениям...». Еще позднее происходят передвижения населения, «зависевшие, может быть в значительной мере от движения племен культуры шаровидных амфор»¹⁵.

Каждый автор подкрепляет свои выводы археологическими и лингвистическими доказательствами. Ни один из этих выводов не кажется более обоснованным, чем другой. Обилие разногласий в данном вопросе заставляет предполагать, что в самом корне этих предположений имеется какая-то существенная ошибка.

Мне кажется, что надо было бы сначала установить, что общим индоевропейским языком мы будем называть язык не времени распада, а времени его существования задолго до распада и будем рассматривать, где, когда и при каких условиях он мог существовать. Это пролило бы свет на многие спорные вопросы. Возможно и вероятно, что в раннюю пору существования этого языка он был настолько же не похож на позднейшие группы индоевропейского языка, насколько древнейший латинский язык не похож на диалекты начинавших складываться романских языков. Поэтому предположение о первоначальном (в неолитическую эпоху) населении большей части Европы может подлежать сомнению.

¹³ N. S. Trubetzkoy. Gedanken über das Indo-germanenproblem. Acta linguistica, 1-81—89. Copenhagen, 1939.

¹⁴ L. R. Palmer. Achaean and Indo-Europeans. Oxford, 1955.

¹⁵ P. V. Glob. Ук. соч., стр. 241—258. Для того чтобы не внести каких-либо искажений, цитирую по французскому резюме самого автора.

«Возникает следующий принципиальный вопрос,— пишет В. Георгиев,— если какая-нибудь надпись, как, например, лемноская, не нашла до сих пор удачной интерпретации при помощи сопоставления с индоевропейскими языками, в праве ли мы считать ее язык неиндоевропейским, хотя никакой другой язык не помог ее интерпретации... Такой путь исследования неправилен»¹⁶.

Тем более приложимо это соображение к языкам таинственных мезолитических и неолитических «неиндоевропейцев», от которых даже надписей до нас не дошло.

Поэтому, не прибегая к гипотезе о европейских неиндоевропейцах (исключая северо-восток Европы и некоторые области южного средиземноморского побережья Европы) и принимая гипотезу о европейском происхождении индоевропейцев как наиболее вероятную и общепринятую, попытаемся выяснить, когда и где в Европе было такое положение, чтобы на ее территории существовала относительно обширная и притом также относительно замкнутая область, единственно доступная для обитания в условиях культуры того времени.

Добавим к этому еще одно требование о том, чтобы в данной области существовал приблизительно однообразный характер ландшафта, поскольку нередко делались попытки определить основную территорию индоевропейцев до их расселения по наличию в индоевропейских языках соответствий в названии флоры.

И, наконец, одним из дополнительных требований должно быть объяснение наличия в областях, прилегающих к северному берегу Средиземного моря (Пиренейский полуостров, Южная Италия, возможно, юг Балканского полуострова, а также Малая Азия), остатков племен безусловно неиндоевропейского происхождения.

Суммируя все эти требования и рассматривая ретроспективно геологическую, палеоклиматологическую и археологическую карты Европы, мы сможем наметить только одну эпоху, значительно более древнюю, чем предполагали до сих пор.

Положение, удовлетворяющее всем поставленным выше требованиям, существовало в Европе в эпоху максимального (рисского) оледенения.

Узкая полоса на юге Европы, вытянутая с запада на восток, была ограничена обширными водными пространствами Средиземного и Черного морей — на юге, Атлантического океана — на западе, Хвалынского моря — на востоке, громадой ледника — на севере. Здесь на достаточно большом изолированном и расчлененном горными высотами пространстве мог выработаться общий язык с его многочисленными диалектами. Мосты суши, соединявшие Северо-Западную Африку с Пиренейским и Апеннинским полуостровами, открывали возможность заселения Пиренейского полуострова юга Апеннинского полуострова южными племенами с иным строем речи. На востоке племена с особым строем речи могли заселять Малую Азию и отсюда проникать на Балканский полуостров, соединенный с Малой Азией также мостом суши.

Слагавшийся у населения этого пространства язык, конечно, не мог быть тем языком-основой, из которой исходят лингвисты для времени незадолго до так называемого «распада» индоевропейского языкового единства. Но «надо помнить, что каждая языковая семья возникла не на голом месте, что ей что-то предшествовало, что человеческая речь существовала уже многие тысячелетия до образования существующих сейчас семей языков»¹⁷. Я опускаю конец цитаты, гласящий, что «ни одна из этих семей не может восходить к эпохе возникновения звуковой речи». Эти строки коренным образом противоречат предшествующему утверждению; принять их, значило бы признать, что был момент, когда прерва-

¹⁶ В. Георгиев. Вопросы родства средиземноморских языков. ВЯ, 1954, № 4 стр. 61.

¹⁷ Б. В. Горнунг, В. Д. Левин, В. Н. Сидоров. Ук. соч., стр. 64.

лась преемственность в развитии языка, и что «существующие сейчас семьи языков», возникли действительно «на пустом месте»¹⁸.

В этой обстановке, более или менее однообразной в климатическом, а следовательно, и в флористическом отношении, в течение тысячелетий мог развиваться язык населения, редко размещенного на этом пространстве. Как следует называть этот язык, я не знаю, но к концу ледникового периода он должен был приобрести те диалектические разновидности и те диалектические особенности, которые в дальнейшем легли в основу индоевропейских языковых групп.

С окончанием ледникового периода племена, занимавшие это пространство, стали, естественно, расселяться к северу на освобожденные от ледника и ставшие доступными для обитания области, отчасти следуя за расселением животных, охота на которых составляла основу их материальной жизни. Этот процесс расселения иногда прослеживается археологически. К этому же времени следует отнести заселение всей Англии и Ирландии по мосту суши, соединявшему эти острова с материком.

Это первичное, происходившее в конце палеолита и в мезолитическую эпоху расселение можно рассматривать как предпосылку распада индоевропейского единства. Нет возможности из-за отсутствия необходимых данных судить о том, какие языковые группы образовались при изоляции отдельных масс населения на этой огромной территории. Но в их числе могли быть языковые группы того мезолитического населения Европы, которые ныне без достаточных оснований принимают за неиндоевропейские, о чем уже говорилось выше.

В дальнейшем, как показывают археологические изыскания, имели место многочисленные передвижки населения в различных направлениях. При этом, несомненно, происходили явления ассимиляции и распада этих языковых групп, в процессе чего некоторые из существовавших языков должны были исчезнуть так же, как позднее исчезли некоторые индоевропейские языки в Малой Азии. Были, несомненно, также процессы заимствования из неиндоевропейских языков у населения, занимавшего части Пиренейского, Апеннинского и Балканского полуостровов, Малую Азию и Кавказ.

Вполне допустимо предположение о возможности в это время или позднее проникновения индоевропейцев с севера в Малую Азию и в Среднюю Азию, а финноязычных племен из Азии в Северо-Восточную Европу.

Набросанная мною картина, конечно, не может быть подтверждена фактическими данными и является только предположением. Но от других высказанных предположений оно отличается тем, что не противоречит установленным в наше время фактическим данным.

¹⁸ Здесь уместно сказать несколько слов о так называемом «праязыке». Если правильно утверждение, гласящее: «о том, что представляли собой индоевропейские языки, например, Средней Европы, хотя бы к началу нашей эры, лингвисты не имеют никакого представления» (Б. В. Горнунг. Ук. соч., стр. 56), то несомненно, что судить о языках европейских племен не только в палеолитическую, но и в раннеолитическую эпоху они не могут. Но это не довод для отрицания существования более ранних языков или языка, к которому генетически восходят существующие сейчас языковые семьи, как бы мы эти ранние языки ни называли, хотя бы и праязыком. Отрицать непрерывность развития языка (в общем смысле этого термина) значило бы скатиться к марксистской «теории» языковых «взрывов». Не случайно, повторяя с некоторыми изменениями слова И. И. Мещанинова, И. В. Сталин исключил из них конечный вывод. У И. И. Мещанинова сказано: «Если из языков родовых ячеек образовались позднее племенные языки, а из них, в свою очередь, образовались народные и затем национальные, то где здесь можно видеть единый праязык? — я его не вижу» (Уч. зап. ЛГУ, серия востоковедческих наук, № 2, Л., 1948, стр. 17). И. В. Сталин пишет: «Что касается дальнейшего развития от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным, — то везде на всех этапах развития язык, как средство общения людей в обществе, был общим и единым для общества...» (И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1953, стр. 12).

Могут быть высказаны сомнения относительно такого огромного отрезка времени, потребовавшегося для сложения и распада индоевропейского языкового единства. Можно привести и приводятся примеры более коротких сроков аналогичного процесса. Так, указывается на время, потребовавшееся для сложения греческого койнэ, для распада общевосточнославянского языка и т. д. Но если внимательнее отнестись к рассмотрению этих процессов, они окажутся, в сущности, только эпизодами в общем процессе схождения и расхождения языковых общностей, происходящими всегда и везде, на всем пути сложения языковых групп. Что об этом известно вообще и в отношении конкретных случаев? Только некоторые данные, и притом неполные, за последние четыре-пять тысячелетий. Между тем лингвистика признает, что процессы сложения и распада языков были многообразными, многочисленными, зависели от конкретных исторических условий в отношении объединения или разобщенности населения.

Другим возражением является якобы недопустимость продления генетического родства индоевропейских языков до эпохи нижнего палеолита, до времен неандертальца! На это я уже ответил выше: либо признается, что никакой язык не возникает «на пустом месте», а тогда неизбежно придется доводить линию развития индоевропейских языков до неандертальцев; либо необходимо допустить разрывы в развитии языков и таким образом скатиться до марристских «взрывов». Отрицать наше отдаленное языковое родство с неандертальцами не есть ли то же самое, что отрицать происхождение человека от обезьяны?

Серьезным возражением могли бы служить доказательства существования в Европе в раннеэолитическое время неиндоевропейских языков. Но, как я уже говорил выше, таких безусловных доказательств нет, за исключением южной части Европы и ее северо-востока. А это не противоречит моему предположению.

Итак, по моему предположению, процесс расселения индоевропейцев и распад индоевропейского языкового единства должен был закончиться ко времени мезолитической и раннеэолитической эпох. К IV—V тысячелетиям до н. э. археологический материал обнаруживает четкую картину заселенности почти всей территории Европы. Дальнейшие перемещения населения, все более и более отчетливо выявляемые археологией, происходили в основном только внутри этой области и не дают никаких оснований видеть в них приток массы иноязычного населения.

Обрисованная здесь схема далека, конечно, даже от обоснованности гипотезы. Она носит характер простой вероятности, или, иными словами, не противоречит, как мне кажется, ни современным данным археологии, ни выводам языкознания. В этой схеме могут найти место и наличие достаточно развитых индоевропейских и неиндоевропейских языков в Малой Азии во II и даже в III тысячелетии до н. э., и древний характер заимствований из индоевропейских языков в финно-угорской речи, и наличие неиндоевропейских языков на южных полуостровах Европы, и распределение индоевропейских языковых групп в общем в меридиональном направлении.

Во всяком случае, мне кажется, что пора отказаться от агностицизма в этой области и общими усилиями представителей исторических дисциплин составить рабочую схему или даже несколько рабочих схем относительно проблемы возникновения, развития и распада индоевропейского языкового единства.

С. Н. БИБИКОВ

О ВРЕМЕНИ ОБРАЗОВАНИЯ НАДПОЙМЕННОГО УСТУПА В ДОЛИНЕ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ ДНЕСТРА

Днестр почти на всем протяжении от с. Студеница (Ново-Ушицкий район Хмельницкой обл.) до г. Дубоссары (Молдавская ССР) течет по сравнительно узкой долине, местами принимающей вид каньона или теснины. Крутые, иногда отвесные берега чередуются с более отлогими, с развитой сетью оврагов. Коренные берега, в основании которых лежат известняки, перекрываются черноземными и лёссовидными плато, занимающими большие площади приречных возвышенностей.

Характерным элементом ландшафта долины Днестра являются также обширные ровные площадки аллювиально-делювиального происхождения, на которых располагаются современные села. Площадки эти чаще всего прислонены к возвышенностям коренных берегов.

Археологические разведки, произведенные на таких площадках, обычно дают материалы трипольского и более позднего времени — эпохи бронзы, скифские, раннеславянские, славянского средневековья и др. Есть основания предполагать, что в некоторых пунктах Поднепровья, где прибрежные площадки подстилаются гравием, могут быть встречены и более древние остатки культуры. Так, например, работами Средне-Днепровской экспедиции ИИМК АН СССР и Института археологии АН УССР на отрезке Днестра между с. Лукой-Врублевецкой (Каменец-Подольский район Хмельницкой обл.) и г. Хотинем (Черновицкая обл.) выявлен на бичевнике, т. е. почти у самого уреза воды, ряд пунктов с кремневыми орудиями архаического облика. Их можно датировать не позднее мустьерского времени. Появление палеолитических орудий на бичевнике, видимо, следует связать с размывом участка древней береговой террасы, сложенной из галечника и составляющей цоколь берегового уступа.

Иную датировку получают отложения, составляющие собственно береговой уступ, или первую надпойменную террасу, или высокую пойму, хотя пойму (в прямом смысле этого слова) на Среднем Поднепровье нельзя считать рельефно выраженной.

Археологическое обследование береговых обнажений в ряде пунктов на Среднем Днестре выявило ряд любопытных черт. В нескольких значительно удаленных друг от друга пунктах — в Луке-Врублевецкой, в Попенках и Журах (Рыбницкий район Молдавской ССР) и др. — отмечается довольно глубокое залегание остатков культуры трипольского и раннеславянского возрастов в толще берегового уступа, на глубине, достигающей нескольких метров. Перекрывающие памятники отложения состоят главным образом из глинистых супесей с примесью овражного гравия или без него. Обычно же памятники этого времени, распространенные на возвышенных участках и плато, залегают на глубине не более 1 м и, как редкое исключение, несколько глубже.

Не всегда удается установить стратиграфическое соотношение в числовых выражениях между трипольскими и более поздними комплексами, в том числе и раннеславянскими. Затруднения возникают вследствие на-

рушения последовательности отложений хозяйственными ямами, жилыми углублениями, часто маскирующими древнюю дневную поверхность. Кроме того, ввиду полной ясности в хронологическом и культурно-историческом определении каждого из археологических комплексов вопрос о стратиграфическом положении их в толще берегового уступа не всегда занимал исследователей. Однако наблюдения у с. Журы, сделанные там в процессе раскопок трипольского поселения, могут представить немалый интерес не только для археологии, но и для естественно-исторических дисциплин.

Остатки трипольского поселения у с. Журы обнаружены в обрыве левого берега Днестра, у южной околицы села. Само село располагается на обширной террасовидной площадке, весьма пригодной для земледелия и выпаса скота, огражденной с северо-востока и с востока скалистыми известняковым краем с довольно сильно выраженными карстовыми чертами. Таким образом, площадка в какой-то мере оказывается защищенной от холодных ветров. В юго-западном направлении площадка обрывается крутым уступом (высотой 7—9 м) к Днестру. Этот уступ и составляет плечо первой надпойменной террасы, хотя пойма в настоящем виде здесь не выражена.

Правый берег Днестра в пункте, лежащем напротив трипольского поселения, тоже имеет террасовидную площадку, но менее обширную, примыкающую к известняковой возвышенности коренного берега, прорезанной развитой сетью молодых оврагов.

Трипольский слой залегает здесь в толще берегового уступа, занимая нижний отдел отложений. Характер отложений берегового уступа имеет свои примечательные черты и выглядит следующим образом (рис. 1).

1-й слой	— серая рыхлая тонкоструктурная супесь	0,40 м
2-й »	— более темная супесь с большим включением глинистых частиц	0,30 м
3-й »	— светлый, хорошо отмученный песок	0,10 м
4-й »	— темная супесь	0,30 м
5-й »	— светлая рыхлая супесь	0,40 м
6-й »	— более темная супесь с повышенным содержанием глины	0,20 м
7-й »	— светлая супесь	0,30 м
8-й »	— более темная супесь	0,20 м
9-й »	— темная супесь	0,44 м
10-й »	— светлый песок	0,06 м
11-й »	— темная плотная супесь	0,20 м
12-й »	— светлый песок	0,06 м
13-й »	— темная супесь	0,26 м
14-й »	— светлый песок	0,08 м
15-й »	— светлая супесь	0,30 м
16-й »	— темный погребенный гумус, плотный, «жирный», на срезе глянцевитый	0,60 м
17-й »	— светло-желтый плотный суглинок	3,30 м

Несмотря на внешнюю пестроту отложений, слагающих береговой уступ, их все же можно расчленить на три стратиграфические части, отличные по своему происхождению. Первая часть включает супесчаные отложения аллювиально-делювиального происхождения, рассеченные прослойками песка (слои 1-й—15-й). Мощность этих отложений — 3,60 м. Вторая часть — погребенный гумус — 0,60 м. Третья часть — светло-желтый плотный суглинок — 3,30 м. Приведенное стратиграфическое членение береговой толщи простирается на значительное расстояние вдоль берега Днестра в районе с. Журы. Остатки, относящиеся к трипольской культуре, залегают в третьей части отложений на глубине 5,50 м и заключены в светло-желтый суглинок. Общая высота берегового уступа над уровнем Днестра 7—7,5 м.

Период накопления отложений, перекрывающих остатки глинобитных жилищ трипольского времени, может быть определен примерно в 5500—6000 лет. Однако археологические данные позволяют еще больше уточнить и расчленить датировку отложений, слагающих береговой уступ,

благодаря присутствию здесь остатков культуры раннеславянского времени.

В одном из пунктов на срезе обнажения, поблизости от трипольского глинобитного жилища, были замечены остатки каменной кладки. Как оказалось, это — развал фундамента наземного жилища раннеславянского времени (III—IV вв. н. э.). Находки, сделанные на месте жилья, можно отнести к черняховской культуре. Интересно, что руины жилища залегали в нижней части погребенного гумуса, на 1,40 м выше залегания трипольских глинобитных жилищ.

Важно отметить, что светло-желтый суглинок и погребенный гумус не имеют ясно выраженных следов аллювиальных наносов. Слои эти отличаются от вышележащих однородностью структуры и нигде не нарушаются аллювиальными включениями. Наоборот, в толще, лежащей выше погребенного гумуса, запечатлелись бурные аллювиальные процессы, отмеченные в самой консистенции супесчаных отложений, а также присутствием прослоек речного песка.

Эти наблюдения дают возможность сделать заключение о том, что режим Днестра резко изменился. Многовековой спокойный режим, без бурных паводков и стремительных водостоков, можно отметить для периода, когда откладывались светло-желтый суглинок и гумус, т. е. в культурно-хронологическом исчислении — от триполья до первых веков нашей эры. В абсолютном исчислении этот отрезок времени, считая от триполья, занимает (по минимальным подсчетам) около 3000 лет. За это время отложилась толща мощностью до 2 м (верхняя часть светло-желтого суглинка и гумус).

Иную картину можно отметить в накоплении супесчаных отложений с прослойками песка, лежащих выше погребенного гумуса. Элементарный подсчет дает показатель мощности супесей вместе с прослойками песка более 3,5 м. Переводя этот показатель в рамки абсолютной хронологии, получаем период около 2000 лет. Другими словами, накопление супесчаных отложений шло почти втрое активнее, чем отложений, слагающих нижнюю половину толщи берегового уступа. Нужно учесть при этом, что образованию береговых аллювиальных отложений сопутствует двусторонний процесс накопления и эрозии. В этих условиях аккумуляция супесей становится еще более ясной. Заметим, что размыв берега в пределах залегания светло-желтого суглинка и гумуса оказался минимальным, о чем говорит топографическое положение памятника на берегу Днестра и удивительная сохранность его. Видимо, здесь имела место уравновешен-

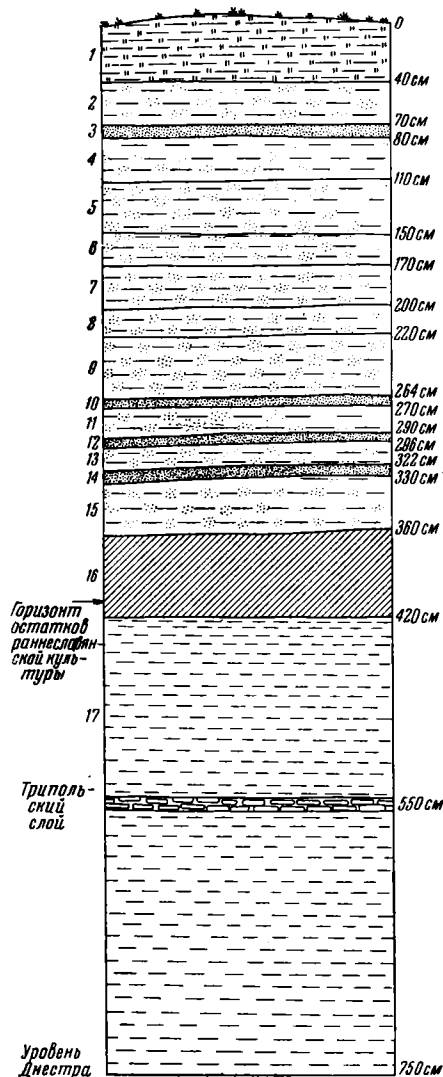

Рис. 1. Разрез берегового уступа у с. Журы

ная цикличность легких размывов береговой кромки с накоплением материала на задернованных береговых откосах.

Остается объяснить, чем вызван столь различный режим Днестра в период, предшествующий нашему летосчислению, и после начала нашей эры. Причины изменения режима Днестра в сторону активизации на рубеже нашей эры нельзя видеть только в особенностях физико-географических условий того времени. Главное все же заключается в том, что на рубеже нашей эры произошел быстрый расцвет земледельческого хозяйства, под влиянием которого изменилась и естественная среда.

Первоначально широкое распространение лесных массивов в эпоху триполья и позднее регулировало режим Днестра в том отношении, что уровень реки оставался более или менее постоянным, не было высоких паводков. Только этим можно объяснить низкое расположение поселений не только раннетрипольского времени, но и эпохи развитого триполья, находящихся над уровнем Днестра всего лишь на 2—2,5 м.

Иное положение (и не только на этом участке Поднестровья) сложилось в первые века нашей эры. Как известно, в это время получило широкое развитие земледельческое хозяйство. Происходила усиленная распашка земельных угодий, вызванная увеличением потребности в зерновых культурах у численно возросшего населения. Увеличение посевных площадей стало возможным в связи с возросшей сельскохозяйственной техникой, и в первую очередь — с внедрением железного топора, плуга и с более широким использованием тягловой силы.

Все это происходило в первые века нашей эры на фоне общего развития производительных сил (выделения ремесла, усиления торговли и т. д.). В этих условиях часто использовались и ближайšie к поселениям пойменные и надпойменные участки леса, корчевка которого не представляла тех трудностей, какие были до применения железного топора и тягловой силы. В Поднестровье речные долины и взгорья стали объектами интенсивных лесных порубок. Освобожденные от леса участки становились плодородными пашнями и тучными лугами. Уничтожение лесов вело к серьезным изменениям в физико-географической обстановке, а главным образом — к изменению режима Днестра и его притоков. Наступили резкие сезонные колебания в уровне стояния вод и интенсивности водостока. Бурные разливы Днестра в периоды паводков вытеснили оседлое население с пойменных низин на возвышенные участки или на коренные берега. Низины же оставались участками для земледелия, огородничества и скотоводства, т. е. использовались так же, как и сейчас.

В прибрежных отложениях у с. Журы особенно четко прослеживается этот процесс изменения природной обстановки на рубеже нашей эры. В этом отношении разрез берегового уступа у с. Журы является тем счастливым исключением, где ясные стратиграфические данные сочетаются с хорошо датированными археологическими остатками.

Условия залегания раннетрипольских памятников на Днестре сходны с теми, какие можно было отметить для поселения у с. Журы. Остатки поселения раннетрипольской культуры у с. Луки-Врублевецкой (в 200—250 км от Жур вверх по Днестру) перекрыты почти трехметровой толщей, слагающей уступ береговой площадки, и находятся на высоте около 2 м над уровнем Днестра. Другие раннетрипольские памятники — Бернова Лука, Наславча Лука, Лука-Устинская, Солончены I, Голерканы также погребены под отложениями надпойменной террасы.

Об изменении режима Днестра на рубеже нашей эры в связи с исчезновением в его бассейне лесных массивов убедительно говорят и данные палеозоологии. В списках фауны раннетрипольских памятников значатся такие, например, виды типичных представителей леса, как лось, рысь, росомаха, медведь, белка и др. Эти виды животных исчезают уже в раннеславянских слоях, что нельзя не поставить в связь с истреблением лесов и с появлением неблагоприятных условий для развития этих видов.

Н. Н. ГУРИНА

ВАЛДАЙСКАЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Территория современных Новгородской и Калининской областей издавна привлекала к себе внимание как любителей старины, так и специалистов-археологов, в числе которых: П. Ф. Симсон¹, Н. К. Рерих², Э. Кандыба³, Н. Ф. Романченко⁴, П. П. Ефименко⁵, Е. Н. Басова⁶, Б. Ф. Земляков⁷, О. Н. Бадер⁸, В. В. Федоров⁹, Л. Я. Крижевская¹⁰, Н. А. Гумилевский¹¹ и др.

В результате их усилий крупнейшие музеи Ленинграда и Москвы — Государственный Эрмитаж, отдел Археологии Института антропологии и этнографии АН СССР и Государственный Исторический музей — обогатились весьма обширными и ценными археологическими материалами. Среди них по численности, несомненно, первое место принадлежит коллекции инженера Э. Кандыбы¹², которая измеряется десятками тысяч предметов, и инженера Н. Ф. Романченко, насчитывающая свыше 500 экземпляров различных кремневых изделий. Обе коллекции содержат огромное количество как законченных орудий превосходной выработки, так и полуфабрикатов в виде заготовок и нуклеусов. Вместе с тем, полученные путем сборов любителями, а не специалистами-археологами, или приобретенные с помощью покупки¹³, данные коллекции страдают весьма существенным недостатком: они лишены сведений о точном местонахождении и топографии памятников. По всей вероятности, именно указанным способом приобретения коллекций следует объяснить и полное отсутствие в них керамики (явление, весьма характерное почти для всех коллекций, полученных таким способом в конце прошлого столетия). Однако забвение этого обстоятельства привело к тому, что обе коллекции вошли в спе-

¹ П. Ф. Симсон. Каменный век под Ржевом. Тверь, 1903; его же. Стоянка каменного века под г. Зубцовым. Тр. 5-го Областного Владимирского съезда. Владимир, 1909.

² Н. К. Рерих. Каменный век на озере Пирос. ЗОРСА, № 11, СПб., 1905.

³ Коллекция хранится в Археологич. отделе ИАЭ, № 2101.

⁴ Коллекция хранится в Гос. Эрмитаже, № 83.

⁵ П. П. Ефименко. Некоторые находки каменных орудий Тверской и Новгородской губ. и их место в системе Европейской палеоэтнологии. Русский антропологический журнал, 1916, вып. 1—2, СПб., стр. 60—82.

⁶ Е. Н. Басова. Памятники труда человека под Ржевом. Ржевский край, № 1, Ржев, 1926.

⁷ Раскопки на Городищенской горе. См. Л. Я. Крижевская. Неолитические стоянки верхнего Поволжья. МИА, № 13, 1950, стр. 55—69.

⁸ О. Н. Бадер. Неолитические поселения Петровских озер. МИА, № 13, 1950, стр. 26—59.

⁹ В. В. Федоров. К вопросу о «каменных складах» в неолитическое время. МИА, № 39, 1953, стр. 286—292.

¹⁰ Л. Я. Крижевская. Ук. соч., стр. 55—69.

¹¹ Коллекция хранится в Гос. Эрмитаже, №№ 174, 1052, 1054, 1074.

¹² Инженер Э. Кандыба ежегодно во время путешествий на лодке на участке р. Волги от г. Селижарова до г. Ржева производил сборы кремневых изделий. В Музей антропологии им был отправлен товарный вагон кремня, в том числе огромное количество орудий и заготовок.

¹³ Коллекция инженера Н. Ф. Романченко была куплена у Кандыбы.

циальную литературу под названием «верхневолжских макролитов», характеризующих собой особую стадию развития древнего общества на этой территории — стадию бескерамичного неолита.

Несмотря на отмеченные недостатки, данные коллекции имеют значительную ценность, главным образом ввиду многочисленности представленных в них изделий, позволяющих выявить ведущие типы орудий, каждый из которых представлен сериями¹⁴. Однако полное осмысление их возможно лишь в свете вновь добытых и хорошо документированных материалов.

Из коллекций, полученных путем сборов, хотя и меньших по численности, но гораздо лучше документированных, следует указать на коллекции Н. К. Рериха с оз. Пирос¹⁵ и П. П. Ефименко с озер Пирос, Кафтино и Валдай¹⁶. Собранные специалистами коллекции значительно полнее отражают памятники, так как включают наряду с кремневыми орудиями и некоторое количество керамики.

За последнее двадцатилетие этот район (главным образом Валдайская возвышенность) снова привлек к себе внимание археологов. В Вышневолоцком районе раскопки неолитических стоянок производили: В. В. Федоров, Б. Ф. Земляков и Л. Я. Крижевская.

Большой материал с лобережья озер (в том числе Городолюбля), затопленного в настоящее время Вышневолоцким водохранилищем, собрал А. Х. Репман.

Таким образом, за предшествующий период, как явствует уже из приведенного нами краткого перечня, в восточной части Новгородской и в западной части Калининской области был собран весьма обширный, хотя в ряде случаев и не совсем полноценный в научном отношении материал.

Добытая П. П. Ефименко коллекция с самого начала привлекла внимание исследователя весьма отчетливо выраженным своеобразием, проявляющимся в особых формах кремневых орудий. Это позволило ему высказать (хотя и в очень осторожной форме) предположение о наличии на этой территории особой стадии развития материальной культуры, предшествующей неолиту и характеризующейся отсутствием керамики¹⁷.

Гораздо более решительно высказался В. И. Равдоникас, безоговорочно отнесший этот материал в разряд памятников кампинийской культуры¹⁸.

Позже в своей кандидатской диссертации, посвященной макролитам Верхней Волги, Л. Я. Крижевская выдвинула следующее положение: отсутствие или крайнюю ограниченность керамики в памятниках с макролитическими формами орудий следует объяснить не принадлежностью их к бескерамичному неолиту, а особым характером данных памятников, представлявших собой в подавляющем большинстве случаев мастерские по добыче и первичной обработке кремня¹⁹.

Не ставя перед собой задачу окончательно решить здесь вопрос о макролитах Валдайской возвышенности как определенной стадии развития культуры местных первобытных племен (хотя совсем не касаться этого вопроса невозможно), мы постараемся показать специфические черты материальной культуры племен, обитавших на данной территории в период неолита, отчетливо проявляющиеся в составе и своеобразии форм кремневого инвентаря и керамики. Попытаемся и определить границу распространения этих племен.

Как мы увидим далее, решение весьма важных вопросов, связанных с данной темой, в настоящее время, к сожалению, не может еще считаться

¹⁴ Так, например, в коллекции Романченко насчитывается 117 долот, 72 заготовки для них, 143 скребка, 29 крупных скребел, 150 наконечников стрел и копий и т. д.

¹⁵ Н. К. Рерих. Ук. соч.

¹⁶ П. П. Ефименко. Ук. соч.

¹⁷ П. П. Ефименко. Ук. соч.

¹⁸ В. И. Равдоникас. История первобытного общества, т. I. Л., 1938, стр. 281 и сл.

¹⁹ Л. Я. Крижевская. Ук. соч.

окончательным и требует дополнительных исследований. Однако сама постановка их имеет целью направить внимание археологов, интересующихся кругом данных памятников, на поиски нового материала, дающего возможность ответить на еще не решенные вопросы.

Причиной, заставившей нас обратиться к данной теме, послужил огромный и хорошо документированный вещественный материал, добытый за последние три года неолитическим отрядом Прибалтийской экспедиции на территории Калининской, Новгородской и Псковской областей²⁰, значительно раздвигающий границы распространения определенного круга памятников и позволяющий взглянуть на ранее известные материалы через призму новых фактов.

Как известно, за последнее десятилетие специалистами, работающими в области лесного неолита²¹, был выделен ряд археологических культур, позволивших путем изучения специфики археологических комплексов наметить отдельные племенные образования. Однако на картах распространения этих культур, наиболее полно представленных в работе А. Я. Брюсова²², обширная территория Ленинградской, Калининской, Новгородской и Псковской областей осталась незаполненной, что давало повод считать эту территорию в период неолита необитаемой. В действительности же, как мы постараемся показать, она была прочно освоена неолитическими племенами, материальная культура которых имела свои специфические, весьма отчетливо выраженные особенности.

За последние три года (1955 — 1957) наш отряд обследовал области, непосредственно примыкающие к Прибалтике или расположенные по соседству с ней, — Псковскую, Великолукскую, Калининскую и отчасти Новгородскую, причем в двух первых из них специальные поиски неолитических памятников производились впервые. Разведкой были затронуты наиболее крупные водные бассейны: восточное побережье Чудского и юго-западное побережье Псковского озер, р. Великая, Себежское оз. и некоторые соседние мелкие озера, а также побережья озер Жижицкого, Охват, Пено, Селигер, Валдай и Пирос.

В процессе разведок удалось прежде всего выявить общую картину заселенности этой территории в период неолита, а раскопки на вновь открытых памятниках позволили уловить специфические особенности материальной культуры живших здесь неолитических племен.

Как показало обследование, в неолите территория современной Псковской области, непосредственно примыкающая к Прибалтике, была относительно слабо заселена. Поселения встречаются здесь чрезвычайно редко и носят кратковременный характер. По всей вероятности, данное обстоятельство было вызвано неблагоприятными физико-географическими условиями, в частности неудобством берегов рек и озер для жизни и занятия рыболовством и отсутствием пород камня, пригодных для использования их в качестве сырья при изготовлении орудий. По-видимому, именно здесь проходила граница между неолитическими племенами, заселявшими современную Прибалтику, и их восточными соседями.

Восточная граница этой слабо заселенной полосы проходила примерно где-то в районе Жижицкого озера, на побережье которого были найдены гораздо более отчетливо выраженные по сравнению с западными частями области и более многочисленные остатки неолитических поселений. Обследование протекающей несколько восточнее р. Торопы и связанных с ней мелких озер позволило обнаружить значительное число неолитических поселений. Однако наибольшее количество их было открыто еще восточнее, на побережье озер Охват, Пено, Селигер и Валдай.

²⁰ Начальник отряда Н. Н. Гурина.

²¹ См. А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952; М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР, МИА, № 29, 1952.

²² А. Я. Брюсов. Уж. соч.

Таким образом, становится очевидным, что территория, лежащая к востоку от Псковской области, в период неолита была густо заселена. Конечно, это не было сплошным заселением всего пространства. По-видимому, поселки группировались в наиболее благоприятных для этого местах, на побережье сравнительно небольших, но исключительно богатых рыбой озер. Подтверждением этого служит маленькое оз. Охват, где нами было открыто 34 неолитических поселения, и оз. Пено, на котором только при частичном обследовании выявлено свыше 20 неолитических памятников. Одним из факторов, способствовавших освоению этой территории человеком, следует считать обилие прекрасного желвачного кремня на побережье озер и рек.

Большое количество вновь открытых неолитических поселений, чрезвычайно богатых материалом, имеющих четкие топографические и стратиграфические данные, позволяет в настоящее время глубже понять обильные музейные коллекции с этой территории и тем самым составить более точное представление о материальной культуре некогда жившего здесь населения.

Неолитические памятники этой территории обладают многими общими чертами, позволяющими рассматривать их как нечто цельное и в то же время отличное от памятников соседних территорий, лежащих к северу, югу и востоку от названных нами областей.

Одной из наиболее ярко выраженных черт инвентаря наших памятников является исключительное обилие кремневых орудий и огромное количество полуфабрикатов — отходов от производства нуклеусов и отщепов.

Орудия рассматриваемых нами стоянок, как мелкие, так и крупные, в подавляющем большинстве случаев изготовлены из кремня. Достаточно сказать, что в инвентаре 50 стоянок озер Охват и Пено, давших огромное количество кремневых орудий, только один топор изготовлен из сланца. Необходимо учесть при этом, что среди рубящих кремневых орудий значительная часть имеет весьма крупный размер.

Вторая существенная черта инвентаря этой группы памятников — исключительно малое количество зашлифованных орудий; все они, в том числе и крупные кремневые топоры, изготовлены с помощью сколов и отжимной ретуши. Весьма редки орудия с частичной пришлифовкой их по рабочему краю. Отжимная, но более тщательная ретушь применена и при выделке мелких орудий: наконечников стрел, копий, скребков, резцов и проколов.

Общей чертой интересующих нас памятников является обилие краевых отщепов, столь хорошо известных по материалам палеолитических стоянок и столь необычных (в массовом масштабе) для неолитических поселений²³.

Они бывают как мелкими, так и сравнительно крупными, причем весьма часто имеют определенную форму (рис. 1, 4, 5, 9), хорошо известную по палеолитическим и мезолитическим памятникам.

Не менее характерной чертой инвентаря стоянок указанного района является обилие ножевидных пластин различной величины (рис. 1, 1—3), нередко очень длинных (13 см) и тонких, с параллельными гранями, тщательно отжатых от нуклеусов. В ряде случаев они имеют легкую ретушь по краю, в других — лишь слабые следы от употребления в виде некоторой залощенности или сработанности. Такого большого количества ножевидных пластин на неолитических стоянках в других районах не встречается.

В прямой связи с обилием ножевидных пластин стоят находки большого числа кремневых нуклеусов (рис. 1, 7, 10, 11), нередко крупного размера, часто совершенно правильной конической формы. Классическими образцами таких нуклеусов являются экземпляры из коллекции Романчен-

²³ Известное количество отщепов содержат и коллекции Романченко и Кандыбы. Это тем более показательно, что, как правило, случайные сборы состоят из вполне законченных орудий.

ко: они идеально конусовидной формы, длина их иногда превышает 20 см. Такие крупные экземпляры на наших памятниках не встречаются, но форма их остается весьма правильной.

Наиболее отчетливо выраженными общими признаками для всех исследованных нами и для ранее известных стоянок являются строго повто-

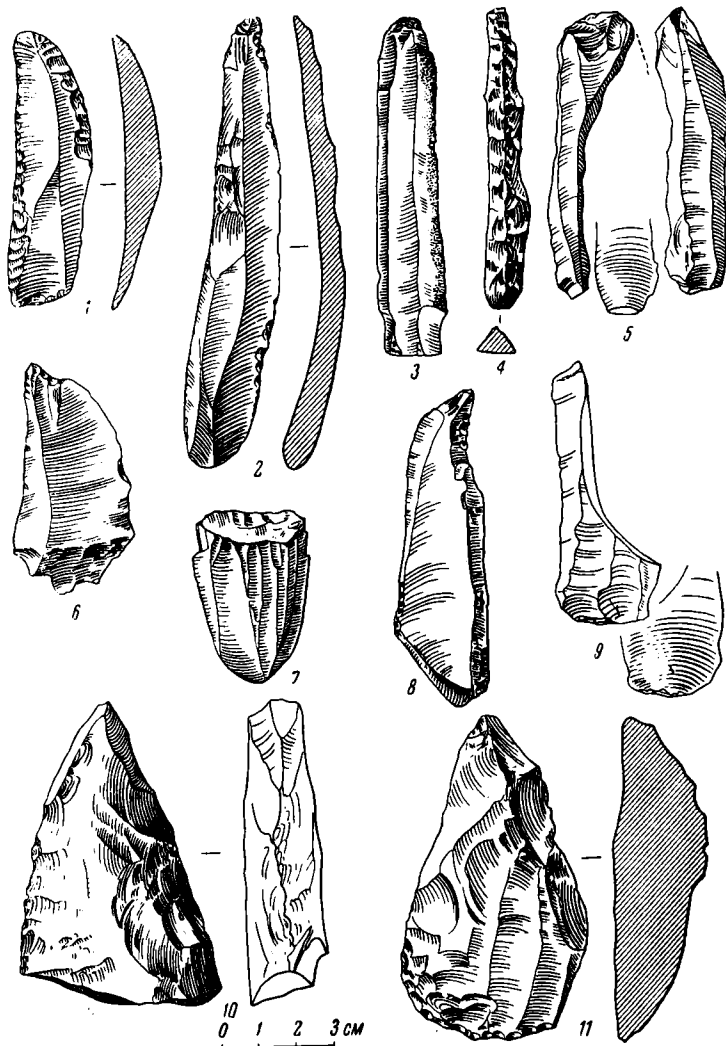

Рис. 1. Ножевидные пластинки, краевые отщепы и нуклеусы

1, 2 — кремневые ножи со стоянок оз. Пено; 3 — ножевидная пластинка со стоянки оз. Пено; 4, 5, 9 — краевые отщепы со стоянок оз. Охват и Пено; 6, 8 — резцы с оз. Пено; 7, 10, 11 — нуклеус и нуклевидные орудия со стоянок оз. Охват и Пено

ряющиеся состав и форма орудий, резко отличающие их из орудий всех других стоянок, расположенных за пределами очерченной нами территории.

При этом, во-первых, следует помнить, что формы орудий, о которых идет речь, закономерно повторяются на всех или на абсолютном большинстве стоянок, отделенных друг от друга весьма значительным расстоянием, нередко в сотню километров. Во-вторых, они встречаются на каждой стоянке, как правило, сериями. Наконец, очень существенно, что в пределах каждой стоянки наблюдается строгая повторяемость сочетания типичных форм различных по назначению предметов.

Все эти черты, взятые в совокупности, и дают основание видеть в памятниках указанных областей определенное единство, обусловленное общностью материальной культуры и родством живших здесь неолитических племен — иными словами, основание для выделения особой, валдайской культуры.

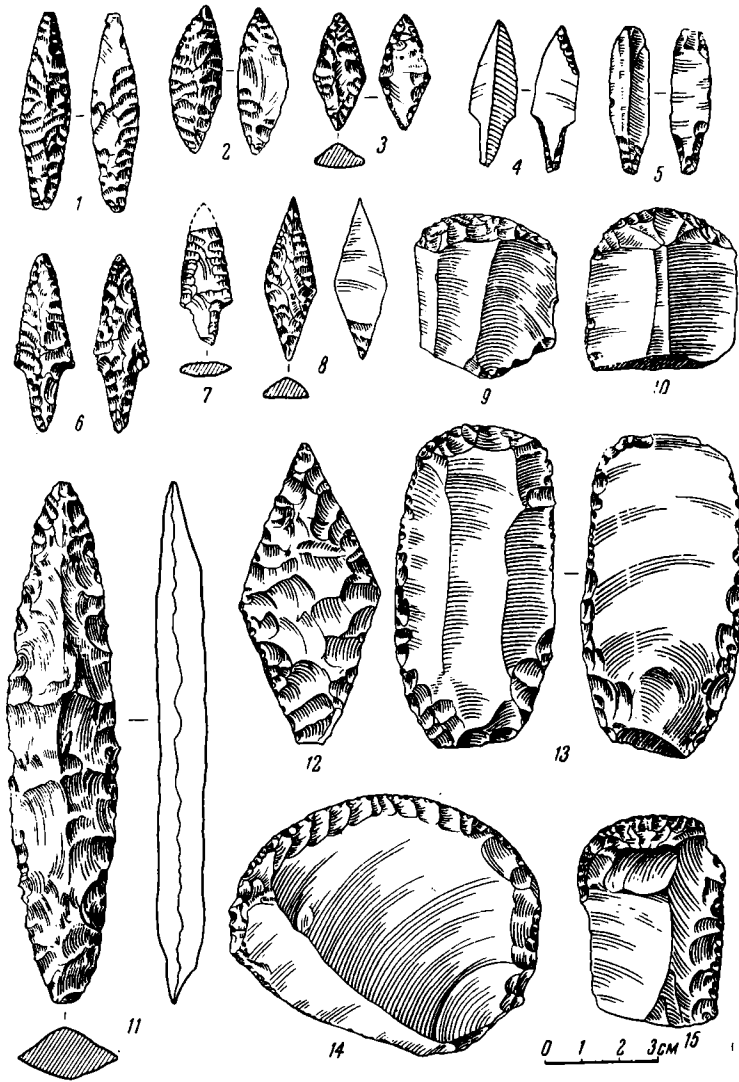

Рис. 2. Наконечники стрел и скребки

1, 4, 5, 14 — оз. Селигер; 2, 3, 6—10, 12, 15 — оз. Пено; 11, 13 — оз. Охват

Чтобы убедиться в правомерности этого выделения, следует познакомиться несколько ближе с типами орудий, наиболее характерных для этой культуры. При этом следует учитывать, что речь будет идти лишь о ведущих типах орудий, представленных в массовом масштабе на всех или на подавляющем большинстве памятников этой территории²⁴.

При выделении наиболее характерных типов орудий обращают на себя внимание прежде всего наконечники стрел. Как известно, наиболее распространенной формой наконечников стрел в неолите лесной полосы яв-

²⁴ В целях получения более ясной картины мы должны будем абстрагироваться от индивидуальных орудий, не типичных для всех памятников.

ляются листовидные, с двусторонней обработкой. Подобные наконечники встречаются и на наших стоянках, однако весьма редко; преобладают же наконечники ромбические и черешковые. Первые — часто резко вытянутые, правильной формы, вторые — с широким насадом (рис. 2, 1—8).

Для большинства наконечников стрел этого района характерна и другая черта — уплощенность, вследствие того, что они изготовлены из ножевидных пластин или пластинчатых отщепов.

Ретушь хотя и покрывает чаще обе поверхности орудия, но нередко лишь с брюшка, преимущественно на концах и по краю, тогда как остальная поверхность остается без обработки. Помимо таких наконечников стрел, имеется и некоторое количество экземпляров, изготовленных из ножевидных пластин, подретушированных с брюшка и со спинки лишь на ударном конце и насаде.

Такие наконечники по форме напоминают наконечники свидерской культуры.

На стоянках весьма многочисленны наконечники копий. Они имеют также хорошо выраженную форму, в подавляющем большинстве случаев ромбовидную — от резко вытянутой, слабо напоминающей ромб до почти правильной ромба (рис. 2, 11, 12).

Значительный интерес среди нашего материала представляют скребки — категория орудий, казалось бы трудно поддающаяся хронологической и территориальной классификации.

Помимо обычных некрупных и сравнительно разнообразных кремневых скребков, на стоянках имеются такие формы, которые встречаются в памятниках, отражающих этапы раннего неолита, или же вовсе неизвестные в других неолитических поселениях лесной полосы Европейской части СССР.

Наиболее отчетливо выраженными являются три типа скребков, подобно другим орудиям встречающиеся большими сериями на каждом из памятников. Первый тип скребка представляет собой массивную, но очень правильную ножевидную пластину, имеющую на спинке три грани — следы отжатых перед этим от нуклеуса других ножевидных пластин (рис. 2, 9, 10). Рабочий край их округлый и обработан крутой и очень тщательной ретушью, расположенной чаще всего в два ряда. Самое лезвие рабочего края оформляет наиболее мелкая и тщательная ретушь. Тыльная часть и края не имеют обработки. Величина этих скребков различна, преобладают относительно крупные (до $4 \times 3,5$ см). Подобные скребки встречаются на неолитических стоянках сравнительно редко и преимущественно в ранних памятниках. Зато они весьма характерны для мезолитических и даже палеолитических коллекций.

Второй тип скребка представлен большим количеством экземпляров как на многих наших стоянках, так и в коллекции Н. Ф. Романченко. Он изготовлен из пластинчатого отщепа удлинённых очертаний, реже — из массивной ножевидной пластины. Наиболее обычное отношение длины к ширине — $8,5 : 4$. Брюшко скребка гладкое, отчетливо сохраняющее раковистость излома, спинка в большинстве случаев трехгранная, со следами отжатых от нее пластин (рис. 2, 13, 15).

Среди скребков данного типа имеются две разновидности, которые при совершенно одинаковой пропорции, величине и технике изготовления различаются тем, что у одних рабочей частью служит лишь один округлый конец, у других же — два противоположных конца, в том числе хорошо отретушированная тыльная часть.

Третий тип скребка, очень многочисленный на стоянках этого района, по форме и величине правильнее назвать скреблом. В противоположность двум предыдущим типам, он по очертаниям наиболее близок к овалу, изготовлен из массивного отщепя, сохранившего на брюшке раковистость излома. Несмотря на значительную величину (до 10 см), он относительно плоский. Рабочей частью орудия служат две или три округлые грани.

Без обработки в ряде случаев остаются сравнительно небольшие участки. Ретушь, покрывающая орудие, нанесена очень тщательно (рис. 2, 14). Нуклеусами для этого типа скребков служили, по-видимому, желваки кремня округлой формы. На одном из экземпляров орудия с оз. Охват сохранилась желвачная корка, причем видно, что пластина снята одним ударом: это свидетельствует о совершенных приемах обработки кремневых орудий.

Имеются и промежуточные типы скребков, отличающиеся от основных или меньшей величиной, или несколько более расплывчатыми очертаниями.

Не менее выразительны и оригинальны многочисленные крупные рубящие орудия, среди которых также отчетливо выделяются три типа.

К первому из них следует отнести тесловидные орудия, весьма часто встречаемые на стоянках. Размеры их различны, преобладают крупные (в особенности в коллекции Н. Ф. Романченко, где они достигают 13 см). Форма резко удлиненная, тыльная часть сужена и как бы слегка приострена. Рабочая часть асимметрична: одна из сторон ее почти прямая, вторая же круто спущена к лезвию и снабжена небольшим, слабо выраженным желобком. Лишь в единичных случаях последний имеет легкую пришлифовку. Это именно тот тип орудия, который П. П. Ефименко в указанной работе осторожно сопоставил с орудиями «tranchet» Западной Европы и за которым позже было закреплено название «топор типа транше». В связи с этим следует здесь подчеркнуть, что никакого траншевидного скола оно не имеет и рабочий край его обработан с помощью крупной ретуши (рис. 3, 1—3, 5, 9).

Данный тип орудий известен на стоянках оз. Селигер, на р. Мсте, на стоянке Бологое, в собраниях Н. Ф. Романченко и Э. Кандыбы. За пределами очерченной нами территории он не встречается, в силу чего и может считаться руководящим типом для валдайской культуры.

Вторым широко распространенным типом крупных рубящих орудий является топор удлиненной формы, овально-подчетыреугольных очертаний, с тыльной частью, почти столь же широкой, как и лезвие. Последнее имеет почти правильную симметричную форму и обработано весьма тщательной ретушью, отжатой по направлению от центра к краю (рис. 3, 10, 11). Величина этих орудий, так же как и пропорции, несколько варьирует. Весьма часто встречается отношение длины к ширине предмета как 10 : 3,5 или 12 : 4. Это именно тот тип орудий, которым в нашей литературе было присвоено название топора типа «пик». Наблюдения над лезвием этих предметов показывают следы сработанности от весьма частого и длительного употребления.

Наконец, третьим, также весьма отчетливо выраженным типом орудий валдайской неолитической культуры являются сравнительно небольшой величины кремневые топоры, изготовленные с помощью крупной ретуши (рис. 3, 4, 8); подобно описанным выше тесловидным орудиям, они сужены к тыльной части. Обработка их менее тщательна, в силу чего создается впечатление, что это заготовки; однако следы сработанности на ряде экземпляров исключают это предположение. Лезвие их сравнительно симметрично.

Об употреблении данных орудий в качестве топоров свидетельствует выемка на лезвии сбоку, появившаяся в результате сработанности. Топоры этого типа встречаются на стоянках, расположенных на побережье озер, весьма далеко отстоящих друг от друга,— Пено, Охват, Селигер, Валдай, Пирос,— а также в коллекциях Романченко и Кандыбы.

Помимо трех перечисленных выше типов крупных рубящих орудий, есть и другие, также сравнительно хорошо выраженные, но наблюдаемые далеко не на всех стоянках. Среди них назовем топоробразные орудия с сильно расширенной рабочей частью, резко вытянутые топоры подчетыреугольных очертаний, орудия миндалевидной формы (рис. 3, 7) и, наконец,

сравнительно узкие, длинные рубящие орудия, сходные с заготовками для наконечников копий (рис. 3, 6).

Из мелких орудий, служивших для обработки кожи, кости, дерева и других предметов, весьма характерными для стоянок рассматриваемой территории следует считать некрупные ножички на пластинчатых отще-

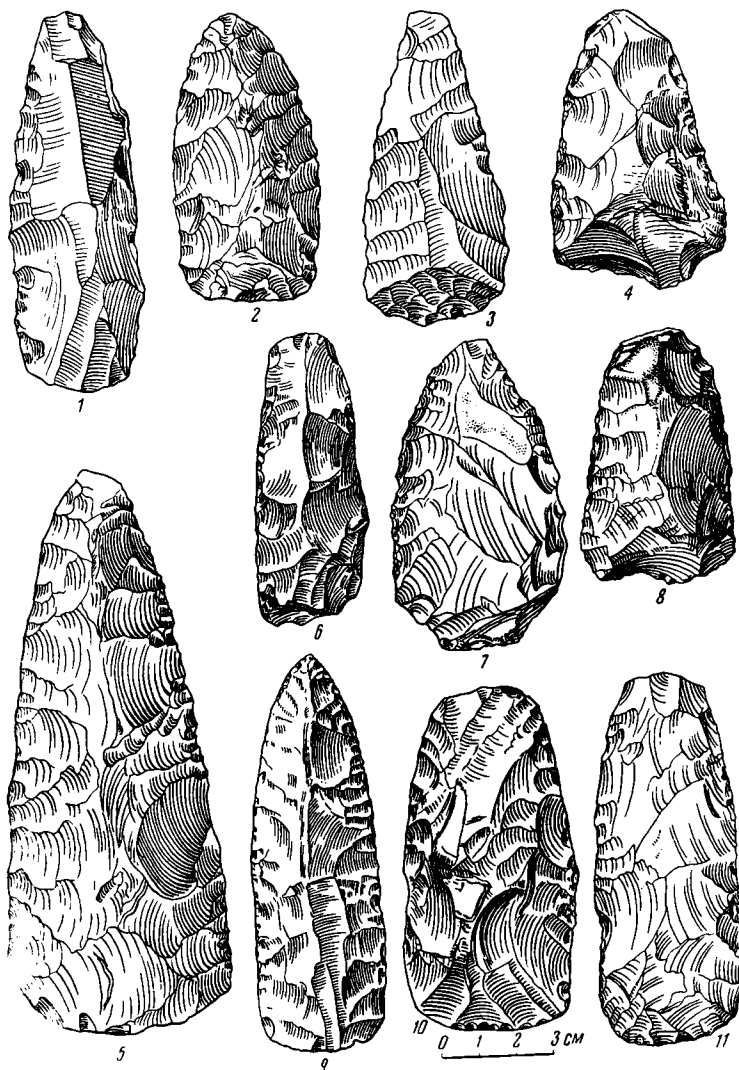

Рис. 3. Крупные кремневые орудия

1 — Бологое; 2 — оз. Пирос; 3 — оз. Селигер; 4 — оз. Охват; 5 — р. Мста;
6 — оз. Охват; 7 — оз. Охват, стоянка 6; 8 — оз. Пено; 9 — оз. Селигер;
10, 11 — оз. Охват

пах, обработанные очень плоской ретушью по всем четырем граням (рис. 4, 2—4), более крупные и массивные кривые ножи, проколки и резчики и, наконец, фигурный кремль (рис. 4, 5).

Не менее отчетливые следы общности замечаются и при сопоставлении керамики наших стоянок (несмотря на некоторые вариации в ее орнаменте). Вместе с тем сосуды рассматриваемого района довольно резко отличаются от неолитических сосудов стоянок соседней территории. Речь идет здесь не о величине (сравнительно большой) или форме сосудов (в подавляющем большинстве случаев остродонной), поскольку эти черты свой-

ственны в одинаковой мере всем неолитическим стоянкам лесной полосы Европейской части СССР, а лишь о характере теста и орнаментации.

В подавляющем большинстве в глину добавлена растительная примесь в виде мелких волокон, оставивших после себя пустоты. Известно, что сама по себе растительная примесь в сосудах не является еще показателем

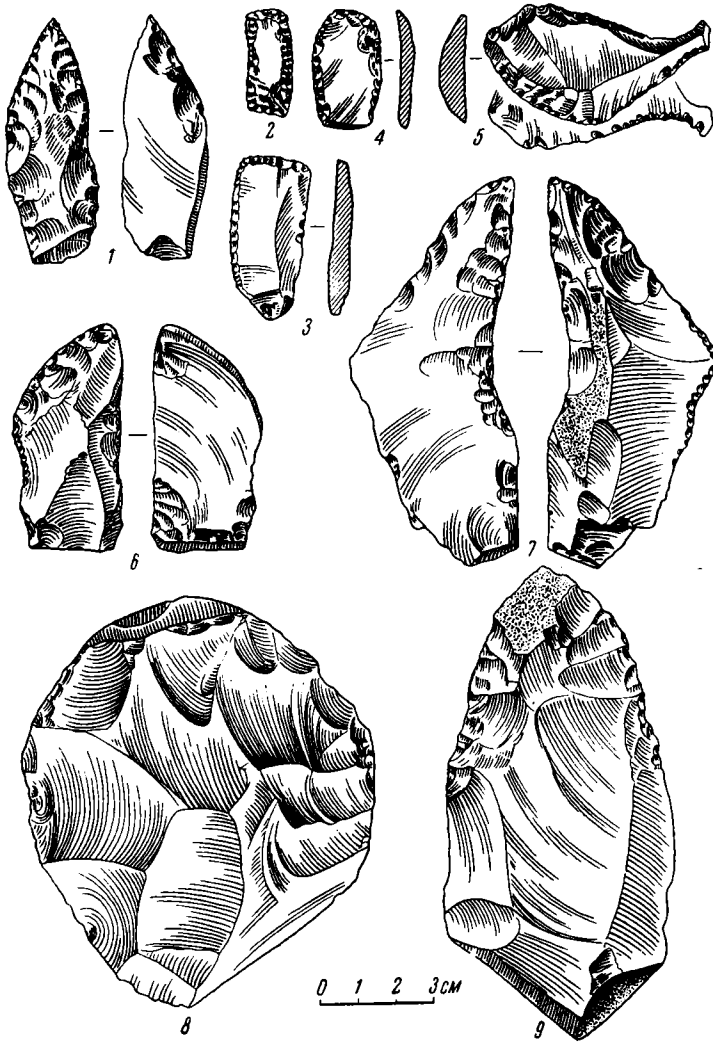

Рис. 4. Кремневые ножи и прочие предметы

1 — оз. Охват; 2 — оз. Селигер; 3 — оз. Пено, стоянка 2; 4 — оз. Пено, стоянка 9; 5 — оз. Пено, стоянка 2; 6 — оз. Охват; 7 — оз. Пено, стоянка 2; 8 — оз. Пено, стоянка 2; 9 — оз. Пено, стоянка 2

своеобразия культуры, поскольку она наблюдается на весьма широкой территории, хотя в лесной полосе Европейской части СССР и приурочена к определенному отрезку времени. Однако наличие этой примеси в сосудах, украшенных орнаментом особого характера, позволяет довольно точно отграничить эту керамику от керамики стоянок соседней территории и выявить тем самым своеобразие рассматриваемой культуры.

Главной чертой орнамента сосудов валдайских стоянок является его легкий поверхностный характер. Хотя составными элементами узора и являются в основном те же ямки, гребенка и прочерченные линии, какие известны и на керамике соседних неолитических памятников (прибалтий-

ских — на западе, льяловских — на юге, карельских — на севере, окских и костромских — на востоке), однако в наших стоянках все эти элементы как бы смягчены. Ямки, как правило, неглубокие, не имеют правильной округлой формы, оттиски гребенки — чаще всего мелкие и узкие. Имеют

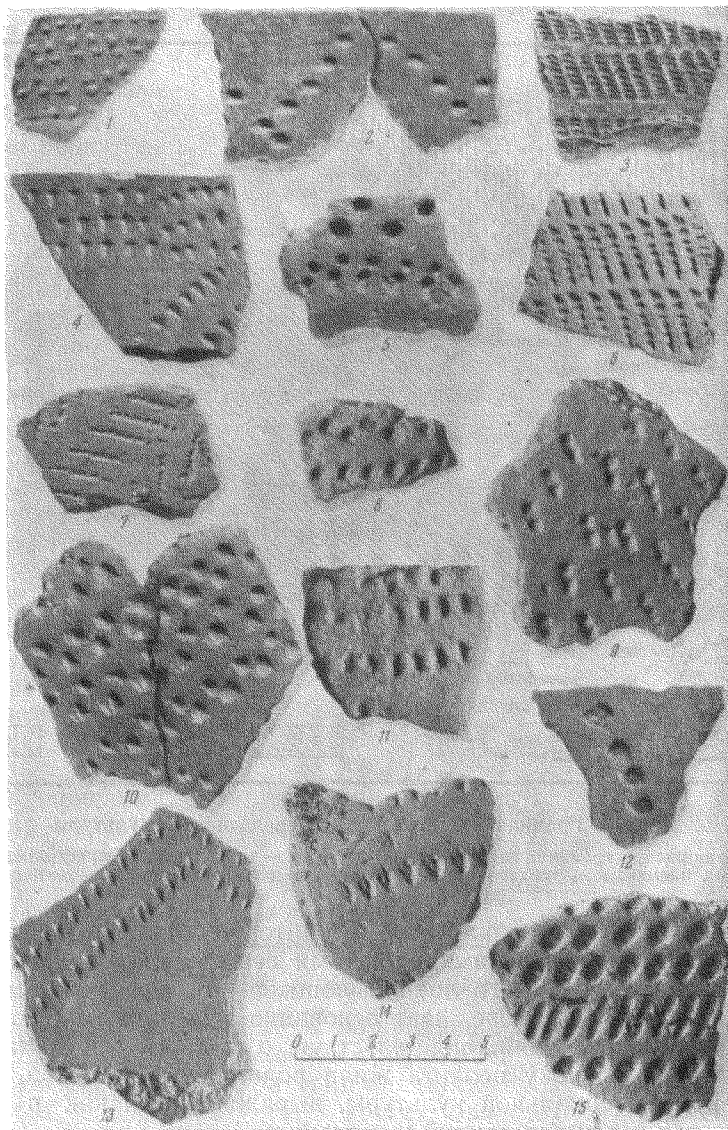

Рис. 5. Фрагменты керамики

1 — оз. Валдай; 2, 4, 6 — оз. Пено, стоянка 2; 3 — оз. Селигер, стоянка 3; 5 — оз. Мстино; 7 — оз. Охват, стоянка 3; 8 — р. Мста; 9 — оз. Пено; 10 — оз. Пудоро; 11 — р. Мста; 12 — оз. Охват, стоянка 10; 13, 14 — оз. Пено, стоянка 3; 15 — стоянка Бологое

место и оттиски своеобразного штампа в виде как бы сдвоенных ямок с перемычкой посередине, то очень мелкого, то более крупного размера, образующие чаще всего полосы, идущие по сосуду в вертикальном или диагональном направлении (рис. 5, 1—15). Иногда встречаются отпечатки в виде очень мелких ямок как бы с усиками (рис. 5, 14). Весьма часты также украшения в виде тонких и очень четких линий, прочерченных по подсыхшей глине.

В композиции орнамента на сосуде отсутствует строгая зональность, прослеживается общая тенденция к расположению узора по диагонали.

Таковы в общих чертах основные формы орудий и типы керамики в стоянках юго-западной части Новгородской, восточной части Псковской и западной части Калининской областей (в пределах Валдайской возвышенности).

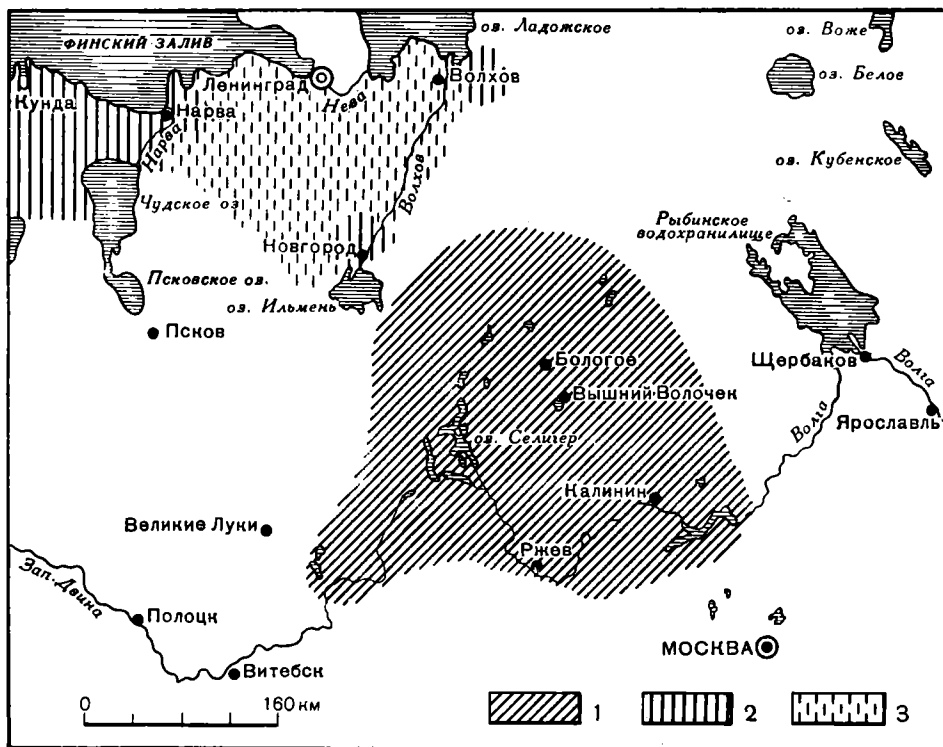

Рис. 6. Граница распространения валдайской культуры

1 — территория распространения валдайской культуры; 2 — территория распространения восточно-прибалтийских племен; 3 — предполагаемая территория распространения восточноприбалтийских племен

Наличие на всех стоянках этой территории отчетливо выраженных типов орудий, представленных большими сериями и дополненных своеобразной керамикой, строго локализующихся в определенном, хотя и достаточно широком районе, дает основание выделить особую, валдайскую культуру. Последняя свидетельствует о том, что в пределах указанной территории в эпоху неолита жили родственные племена, имеющие общие черты материальной культуры, выражающиеся как в общности хозяйства, так и в типах орудий и керамики.

Предлагаемая читателю карта (рис. 6) имеет своей целью показать границу распространения этих племен, как она рисуется в свете имеющегося в настоящее время материала. Можно надеяться, что последующие работы позволят выявить эти границы с большей полнотой и отчетливостью. Для этого потребуются, в частности, исследование в северной части Новгородской и западной части Ленинградской области. Однако уже и теперь, благодаря работам, проведенным Нарвской экспедицией в 1951—1953 гг., можно заключить, что на территории западной части Ленинградской области в эпоху неолита обитали племена, имевшие общие черты материальной культуры с племенами, жившими на территории Восточной Эстонии, Южного Приладожья²⁵ и, по-видимому, на побережье оз. Иль-

²⁵ Стоянки, исследованные А. А. Иностранцевым.

мень. Сходство в материальной культуре (и, в частности, тождество в орнаментации и оригинальной технике изготовления сосудов) было обусловлено, по всей вероятности, не просто общением, а близким родством этих племен.

На юге граница валдайской культуры проходила, по-видимому, где-то южнее Петровских озер и примыкала к льяловской культуре. По всей вероятности, именно этим и следует объяснить отдельные черты сходства в кремневом инвентаре валдайских и льяловских стоянок.

Что касается западной границы распространения валдайской культуры, то она, как было уже сказано, проходила где-то ближе к средней части Псковской области. Далее к западу лежало сравнительно слабо заселенное пространство, доходившее до современной Прибалтики — области распространения прибалтийских неолитических племен. В материальной культуре последних общие черты с племенами валдайской культуры прослеживаются слабо. Гораздо больше общих черт встречаем при сравнении нашего материала с материалом Белоруссии и Смоленской области. Сходство наблюдается в типах отдельных орудий (например, скребки и ножи) и в керамике.

Определение границ территории валдайской культуры неизбежно влечет за собой и постановку двух других вопросов: а) наблюдаются ли некоторые локальные варианты внутри этой единой культуры и б) каковы ее хронологические рамки.

Ответы на эти вопросы при настоящей степени изученности данной территории могут быть даны лишь в предварительном плане. Для окончательного решения их требуются полные раскопки всех известных в настоящее время памятников и поиски новых. Насколько позволяет вынести суждение по данному вопросу имеющийся материал, внутри этой культуры намечаются три провинции (рис. 7): а) северная группа — стоянки с озер Валдай, Пирос, Тубас, Мстино и др.; б) западная группа — стоянки с озер Селигер, Пено, Охват, р. Торопа и др.; в) южная группа — стоянки по р. Волге от Селижарова до Ржева и, возможно, Калинина.

При наличии ряда общих черт, свойственных всем трем группам памятников, внутри каждой из них наблюдаются и некоторые местные черты,

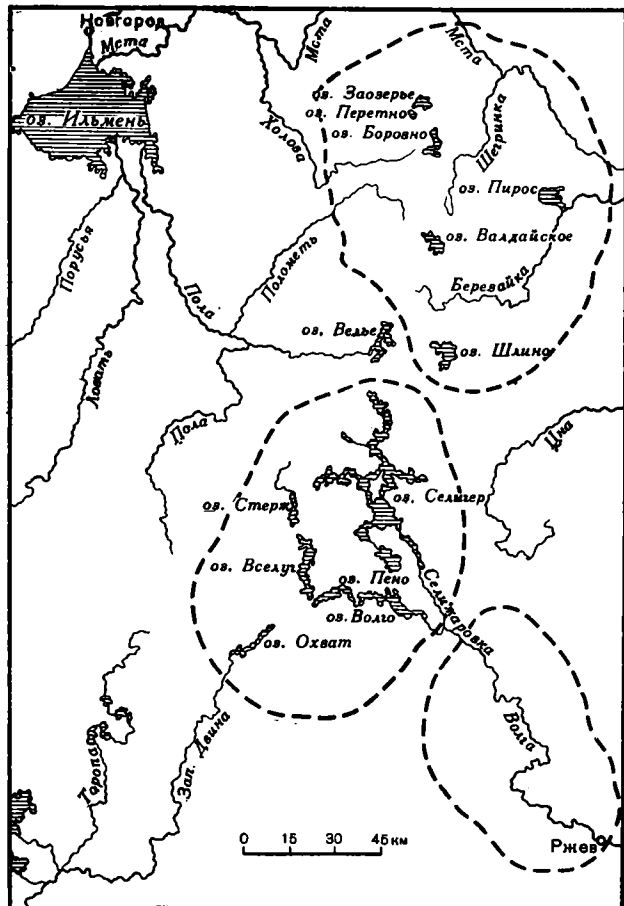

Рис. 7. Намечаемые провинции валдайской культуры

проявляющиеся в формах кремневого инвентаря и керамике. Отчетливо выраженной особенностью южной группы является более макролитовидный характер инвентаря, что может быть объяснено естественно-географическими условиями. Именно на этом участке прослеживаются выходы кремня на поверхность, в силу чего здесь и располагаются мастерские по его добыче и первичной обработке.

Что касается хронологических границ этой культуры, то можно сказать следующее.

Изучая каменный инвентарь неолитических поселений валдайской культуры, нельзя не заметить в нем наличия элементов, характерных для раннего неолита и даже мезолитической эпохи. К ним относятся прежде всего некоторые типы наконечников стрел, изготовленные на пластинах (рис. 2, 4, 5), встречаемые в ряде памятников — на стоянках озер Охват, Пено, Бологое и, в особенности, озера Селигер. Некоторые из них очень близки к наконечникам свидерского типа, другие же, хотя и не повторяют полностью их форму, но также изготовлены в подавляющем большинстве случаев из ножевидных пластин, имеющих тщательную ретушь лишь со спинки и только частичную — с брюшка.

Второй, не менее любопытной чертой является наличие концевых скребков из крупных тщательно отжатых ножевидных пластин с крутой ретушью на конце, преимущественно без обработки на других гранях (рис. 2, 9, 10). Подобная форма скребка типична для мезолитических стоянок и лишь в виде редкого исключения встречается на ранних неолитических памятниках.

К числу предметов, находящихся себе аналогии в ранних памятниках, относятся и скребки на резко удлиненных ножевидных пластинах или пластинчатых сколах, преимущественно с ретушью на одном узком конце.

Следует указать также на многочисленные ножевидные пластины, очень тонкие и длинные, часто превращенные в ножи, и соответствующие этому правильные призматические или конические нуклеусы, а также исключительно большое число краевых отщепов (рис. 1), не типичное для неолитических стоянок лесной полосы.

Наконец, необходимо отметить наличие крупных орудий, близких по форме к миндалевидным, на которые в свое время обратил внимание П. П. Ефименко, указав на их сходство с палеолитическими «ручными рубилами» (рис. 4, 8, 9). Необходимо при этом заметить только, что на всех памятниках (в том числе и ранее исследованных) их не более пяти.

В связи со сказанным возникает вопрос, определяют ли эти элементы раннюю дату памятников.

Оценивая весь инвентарь (орудия и керамику) стоянок, исследованных путем раскопок (как нами, так и в свое время В. В. Федоровым, Л. Я. Крижевской и Б. Ф. Земляковым), нельзя не прийти к выводу, что перед нами памятники вполне развитого неолита.

Совместное залегание кремневого инвентаря с керамикой (в целом очень однотипной) в одном культурном слое, мощность которого, как правило, не превышает 20—25 см, исключает предположение о наличии разновременных комплексов. Существенно, что данное явление повторяется на серии памятников, заставляя тем самым считать его закономерным.

Основываясь на характере керамики (растительная примесь к глиняному тесту, поверхностный легкий орнамент), памятники валдайской культуры следует, по-видимому, датировать II тысячелетием до н. э. Об относительно позднем возрасте их свидетельствуют и находки на ряде стоянок (Валдайская № 1, Прикол на оз. Пирос, Алексеевская 5 и 8, стоянки на р. Мсте и др.) керамики с легкими отпечатками ткани, столь характерными для периода конца неолита — начала раннего металла в лесной полосе Европейской части СССР. Наличие этой керамики совместно с керамикой описанного выше типа, встречаемой на всей массе валдайских стоянок, позволяет довести верхнюю границу валдайской культуры до конца II ты-

сячелетия до н. э. Что касается ее нижней границы, то в настоящий момент дать окончательное решение вопроса пока еще невозможно.

На рассмотренной территории не найдено мезолитических памятников, хотя в части кремневого инвентаря наших стоянок и прослеживаются некоторые мезолитические черты, о чем сказано было выше. Нельзя также не обратить внимания на известное сходство между орудиями с мезолитическими чертами с валдайских стоянок и мезолитическими орудиями Польши²⁶, Южной Литвы²⁷, р. Десны²⁸, северной Белоруссии²⁹, а также верхнего течения р. Оки³⁰.

Поскольку в исследованных нами памятниках орудия с мезолитическими чертами встречаются совместно с неолитическими орудиями в сопровождении керамики и не выделяются стратиграфически, мы вправе считать их пережиточными явлениями, местной особенностью, обусловленной, однако, в прошлом единством культурного развития и, вероятно, родством племен, обитавших к юго-западу от Валдая, и племен валдайской культуры. Однако было бы неправильно отрицать теоретическую возможность наличия на этой территории мезолитических памятников.

Возможность существования их становится особенно реальной в свете открытых в 1957 г. классических мезолитических памятников в северной Белоруссии, на р. Западной Двине, верхнее течение которой так богато памятниками валдайской культуры.

Вместе с тем нельзя не коснуться еще раз вопроса о так называемых верхневолжских макролитах. Проведя тщательное изучение огромных коллекций с Верхней Волги, хранящихся в Государственном Эрмитаже и отделе археологии ИАЭ, и сопоставив их с очень большим количеством вновь добытого материала, мы пришли к выводу о полной тождественности основных форм инвентаря³¹.

Отличительной особенностью коллекций Н. Ф. Романченко и Э. Кандыбы является в отдельных случаях более крупная величина орудий по сравнению с орудиями наших стоянок. Последнее обстоятельство можно объяснить тем, что коллекции собраны в районе выходов кремня, использованных древним человеком в качестве сырья для мастерских по добыче и первичной обработке орудий, о чем писала Л. Я. Крижевская.

Отсутствие же керамики среди указанных коллекций объясняется тем, что они часто собирались не специалистами-археологами, а случайными людьми или приобретались путем покупки.

Вопрос о верхневолжских макролитах, на мой взгляд, может быть решен следующим образом.

Если мы будем исходить из того положения, что наличие крупных орудий является основанием для употребления термина «макролиты», то мы должны будем признать наличие таких макролитов на Верхней Волге в пределах валдайской культуры. Однако наши попытки найти в них классические формы кампинийской культуры, отчетливо представленные в Западной Европе, не увенчаются успехом.

В верхневолжских макролитах нет топоров формы «pic» и «tranchet». Вместо этого в них присутствуют свои особые типы орудий, тождественные орудиям, обнаруженным в культурном слое стоянок вместе с неолитической керамикой. Полагаю, что в настоящее время пока нет оснований выделять на рассмотренной выше территории памятники, характеризующие собой стадию докерамического неолита.

²⁶ L. Sawicki. Przemysl swiderski i stanowiska Wydnowego swidry Wielkie I. Przegląd Archeologiczny, т. V, I, 1933—1935.

²⁷ Коллекция из Кошетас, хранящаяся в Институте истории г. Вильнюса.

²⁸ Работы М. В. Воеводского и В. П. Левенка.

²⁹ Работы нашей экспедиции в 1957 г.

³⁰ П. Н. Третьяков. Эпипалеолитические поселения Скняжинских дюн. МИА, № 13, 1952.

³¹ К сожалению, рамки данной статьи не позволяют показать наглядно результатов этого сопоставления, что, однако, мы намерены сделать в специальной работе.

Б. А. ЛАТЫНИН

О ЮЖНЫХ ГРАНИЦАХ ОЙКУМЕНИ СТЕПНЫХ КУЛЬТУР ЭПОХИ БРОНЗЫ

На основании работ последних лет можно было бы, казалось, считать, что границы распространения культур эпохи бронзы степной и лесостепной полосы Восточной Европы, Южной Сибири и степей, прилегающих к ним с юга, прослежены уже довольно точно. Существовавшие представления об ойкумене этих культур наиболее полное отражение нашли в археологических картах, приведенных в работе С. В. Киселева о Южной Сибири и в I томе «Очерков истории СССР»¹.

Анализируя эти карты, можно видеть, что ареалы культур ранней (энеолит) и средней поры бронзы в значительной мере совпадают. Границы же распространения памятников поздней бронзы, так называемых срубных и очень близких и синхронных с ними андроновских, обычно не только покрывают ареалы предшествовавших им в этих районах культур более ранних периодов эпохи бронзы, но и выходят за их пределы. Они охватили обширную область от южной границы леса и до сухих степей, в которую, таким образом, входили зоны, весьма отличавшиеся по своим климатическим и иным природным условиям.

Возможность хозяйственного освоения столь различных зон была обусловлена, очевидно, тем относительно более высоким уровнем развития производительных сил, которого в эту эпоху достигли племена срубной и андроновской культуры.

Племенам срубной культуры он позволил освоить, не меняя профиля хозяйства и сложившихся форм материальной культуры, такие различные зоны (от Днестра до южного Приуралья), как бассейн правых притоков Оки и левобережье низовий Камы — на севере и степи Причерноморья и Прикаспия — на юге.

Находившиеся на том же уровне андроновские племена освоили в эту эпоху широкий пояс от Приуралья до Енисея в Южной Сибири и до степей Караганды и Актюбинска в Казахстане, а также значительно более южную зону в Средней Азии. Этот сравнительно высокий уровень развития был достигнут на базе оседлого хозяйства, в котором сочетались дополнявшие друг друга мотыжное земледелие и придомное пастушеское скотоводство.

Однако, как подтвердили раскопки Е. Ф. Лаговойской Михайловского селища на Нижнем Днепре, не только срубная и андроновская культуры, но и культуры более ранней поры бронзы (так называемые ямная и катакомбная) развивались на основе оседлого хозяйства того же смешанного, земледельческо-скотоводческого типа².

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949, табл. II и VII; Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства. М., 1956, стр. 128, карта бронзового века в СССР.

² Е. Ф. Лаговойская. Михайловское селище и его историческое значение. КСИА, вып. 4, Киев 1954, стр. 119—121; Е. Ф. Лаговойская, Л. М. Макаревич, О. Г. Шапошников. Раскопки Михайловского поселения в 1954 г. КСИА, вып. 5, 1955, стр. 13—18; А. И. Шевченко. Фауна поселения эпохи бронзы в с. Михайловке на нижнем Днепре, КСИА, вып. 7, 1957; Б. А. Латынин. К вопросу об уровне развития производительных сил в эпоху ранней бронзы. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 3—13.

Такая общность типа хозяйства делает еще более убедительным мнение исследователей, полагающих, что срубная культура Поволжья сложилась как следующий этап развития местных культур средней и ранней поры бронзы, представленных памятниками полтавкинской группы и ямной культуры³, а андроновская культура генетически связана своим ранним, окуневским, этапом с предшествовавшей ей афанасьевской культурой⁴.

Можно полагать, что наиболее высокий уровень развития этого типа примитивного оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства был достигнут племенами срубной и андроновской культур при широком использовании ими речных пойм, удобряемых плодородными наносами и увлажняемых весенними разливами⁵. Последнее было особенно важно для южных зон расселения этих племен.

В условиях развития техники эпохи бронзы и организации общественного производства при родовом строе этот уровень являлся для такого типа хозяйства предельным. Для дальнейшего повышения продуктивности земледелия и его значения в хозяйстве был необходим переход от мотыжной к пашенной обработке полей, а для развития скотоводства — переход от ближнего (придомного) выпаса стад к отгонным его формам и кочевничеству.

Эти последующие коренные изменения в системе материального производства и путях развития производительных сил обусловили и соответственные перемены в производственных отношениях и социальном строе. Они привели к разложению родового общества, к военной демократии

³ Тезис о генетической преемственности степных культур эпохи бронзы в Нижнем Поволжье был выдвинут еще П. С. Рыковым и развит затем в работах И. В. Синицына, главным образом на основании изучения обряда курганных погребений и керамики.

⁴ С. А. Теплоухов. Древние погребения Минусинского края. Материалы по этнографии, т. III, вып. 2. Л., 1927, стр. 83; М. Н. Комарова. Погребения Окуневского улуса. СА, IX, 1947, стр. 47—60; О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, вып. XVII, 1948, стр. 151, 152, 155; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949, стр. 49, 58, 59. В последнем сочинении на стр. 36 отмечаются как наиболее юго-западные из известных находки афанасьевской керамики в районе Барнаула и Семипалатинска и предполагается о еще более западном и южном распространении афанасьевской культуры и ее связях с Приаралем и югом Средней Азии. В Казахстане давность распространения и связь андроновской культуры с предшествовавшей афанасьевской подтверждают открытое в 1952 г. раннеандроновское поселение у Усть-Нарына и погребения окуневского или федоровского этапа в оврагах 8 и 9 могильника у аула Қанай (см. С. С. Черников, О работах Восточно-Казахстанской экспедиции. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 45—47, рис. 17, 18 и стр. 55, 56, рис. 21). О преемственности развития так называемой тазабагыябской культуры из предшествовавшей ей в Приарале кельтеминарской говорит С. П. Толстов (см. С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 76). К доандроновским, катакомбным, формам принадлежит листовидный бронзовый нож из так называемого Чимбайлыкского клада, найденного в конце XIX в. в верховьях Чирчика. Хранится в Музее истории АН УзССР в Ташкенте. См. А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, рис. 69, табл. XV, 3; Т. Г. Оболдуева. Погребение эпохи бронзы в Ташкентской области. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 147.

⁵ М. И. Артамонов. Донская экспедиция ГАИМК. ПИМК, 1933, № 1—2; В. В. Гольмстен. Серпы из Сосновой Мазы. ПИМК, 1933, № 5—6; К. В. Сальников. Андроновские поселения Зауралья. СА, XX, 1954, стр. 244, 245, 248, 252; его же. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1951, стр. 124—126; О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 103 сл. Н. Я. Мерперт, не определяя, впрочем, своего отношения к существующему на протяжении ряда лет и получившему широкое распространение такому пониманию срубного и андроновского земледелия на пойменных почвах, сделал попытку связать его и с «подсечно-огневой системой». Однако ни прямые археологические указания, ни природные условия расположения срубных и андроновских поселений, в особенности в степной зоне, ни этнографические параллели не дают, мне кажется, для этого достаточных оснований. См. Н. Я. Мерперт. Бронзовый век Поволжья. Тезисы докладов на сессии Отделения историко-наук и на пленуме Института истории материальной культуры АН СССР, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1956 г. М., 1957, стр. 69, § 16.

и возникновению культур оседлых племен земледельцев-пахарей и племен кочевников-скотоводов скифского времени⁶.

Значительные изменения в существовавшие представления о границах андроновской культуры внесло открытие Хорезмской экспедицией нескольких «стоянок» поздней бронзы в низовьях Аму-Дарьи. С. П. Толстов выделил их в особую, тазабагьябскую культуру, указав при этом на большую близость ее с андроновской⁷.

Дальнейшие работы Хорезмской экспедиции в этом районе (могильник Кокча-3 и др.) подтвердили их близость или, как мне представляется, тождество.

Аналогичные памятники были обнаружены также и в еще более южных областях Средней Азии: в Ташкентском районе⁸, в Ферганской долине⁹, в Бухаре¹⁰ и в Южной Туркмении¹¹. Все это заставляет отодвинуть границы ареала андроновской культуры дальше на юг, по крайней мере до предгорий Копет-Дага.

Поскольку андроновские памятники были известны и изучались ранее только в более северных областях — в Южной Сибири и Казахстане, — новые данные, говорившие и о более южном распространении андроновской культуры, послужили основанием для возникновения гипотезы о продвижении (переселении) андроновских племен с севера в Среднюю Азию как того европеоидного населения, которое проникло затем и в Индию.

Гипотеза о продвижении андроновских племен с севера, казалось, могла бы найти некоторые подтверждения в особой форме естественно

⁶ М. П. Грязнов. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири. КСИЭ, вып. XXIV, 1955; К. Ф. Смирнов. Проблема происхождения и территория ранних сармат. СА, 1957, № 3, стр. 3 сл.

⁷ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 66—68; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 76.

⁸ Т. Г. Оболдуева. Ук. соч.

⁹ Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. КСИИМК, вып. 63, 1956; А. П. Окладников. Исследования памятников каменного и бронзового века в Таджикистане летом 1954 г. Сб. «Археологические работы в Таджикистане летом 1954 г.» Тр. АН ТаджССР, т. XXXVII, Сталинабад, 1956; Э. Гулямова, Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский, В. А. Ранов. Археологические и нумизматические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Сталинабад, 1956, стр. 11 сл. и табл. 3; Б. А. Литвинский. Работы отряда по изучению памятников бронзового века в Кайрак-Кумах в 1955 г. Сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1955 г.» Тр. АН ТаджССР, т. LXIII, Сталинабад, 1956, стр. 27 сл. и рис. 1—4.

¹⁰ Следы андроновских (тазабагьябских) поселений и могильник, получивший затем название «Заман-Баба II», были обнаружены Я. Г. Гулямовым при обследованиях 1950—1953 гг. в низовьях затухающих протоков дельты Зеравшана — Махан-Дарья и Гурдуш. См. Я. Г. Гулямов. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. Тр. Института истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 156 сл., рис. 3—5.

¹¹ R. P u m p e l l y. Prehistoric Civilisation of Anau. Exploration in Turkestan. Expedition of 1904. Washington, 1908, т. I, табл. XV, рис. 7—9; Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау». Изв. АН ТуркмССР, 1954, № 1, стр. 25; А. Ф. Ганялин. Теккем-тепе. Тр. Института истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР, т. II. Ашхабад, 1956, стр. 78, 84—86 и рис. 9. Правильно определяя один из комплексов керамики, обнаруженной при раскопках на Теккем-Тепе, а также в ряде других мест Южной Туркмении, как андроновский, автор в то же время совершенно необоснованно называет эту керамику почему-то «кочевнической». Это, впрочем, относится не только к работе А. Ф. Ганялина. При обнаружении андроновских памятников в Средней Азии вместе с указанием на несомненную близость их к этой культуре для них обычно предлагается еще и какое-нибудь местное название как для особой новой «культуры»: «тазабагьябская» — в Хорезме, «кайраккумская» — в Западной Фергане, «культура Гурдуша» — в низовье Зеравшана. Отмечая сходство и близость вновь открытой группы памятников с андроновскими, не говорят, однако, о тех особенностях, которые дают основания для выделения этой группы в особую «культуру». Об андроновских поселениях в Южной Туркмении и их датировке см. также В. М. Массон. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 58—65.

орошаемого земледелия, выявленной работами Хорезмской экспедиции по берегам протоков Акча-Дарьинской дельты¹².

Если связь отмеченных здесь небольших обвалованных участков полей у Кокча-3 с андроновскими памятниками подтвердится (а сомнений это, видимо, не вызывает), они явились бы свидетельством существования особой поливной разновидности того пойменного, но не поливного земледелия, которое было обычным для всех более северных зон срубной и андроновской культур. Можно было бы считать, что именно на базе этой поливной его разновидности (с обвалованием, задерживавшим воду пойменных разливов), приспособленной к жаркому сухому климату Средней Азии, андроновская культура и развивалась в южных, среднеазиатских районах.

Однако и при этом оставался бы открытым вопрос о возникновении такой «поливной» разновидности обычного срубного и андроновского пойменного земледелия. Была ли она только вновь выработана (или заимствована) в новых условиях той южной зоны, в которую андроновские племена якобы пришли с севера, или же это была исконная форма того южного локального варианта андроновской культуры, который в этих условиях сложился здесь на месте?

Для проблемы генезиса андроновской культуры в южных районах Средней Азии большое значение имеет открытие Я. Г. Гулямовым могильника более раннего времени у оз. Заман-Баба. Оно, видимо, делает необходимым отказаться от переселенческих гипотез и в этом случае и по-иному подойти к вопросу об андроновских памятниках этой зоны.

Могильник Заман-Баба I¹³ расположен за юго-западными окраинами Бухарского оазиса, в низовьях одного из затухающих в Кызыл-Кумах протоков Зеравшана — Гурдуш.

Могильник бескурганый или (что также представляется возможным) с насыпями, впоследствии развеянными ветром. Я. Г. Гулямов в предварительном сообщении о работах 1950—1953 гг.¹⁴ в этом районе делит могильник на два сектора: восточный, с погребениями в овальных ямах, сильнее пострадавший от выветривания верхних горизонтов почвы, и западный, лучше сохранившийся. В западном секторе наряду с погребениями в овальных ямах были обнаружены и погребения в ямах с подбоем — «катакомбах».

Как в тех, так и в других костяки лежали на левом боку, скорченные, головой на восток или на северо-восток. В «катакомбных» погребениях отмечены случаи повторных захоронений. Положение костяков в погребениях восточного сектора не могло быть установлено.

Я. Г. Гулямов относит погребения восточного сектора к более раннему периоду существования могильника. Ссылаясь на О. А. Кривцову-Гракову, он сопоставляет последовательность смены погребений в ямах погребениями в «катакомбах» с аналогичным явлением в раскопках В. А. Городцова на Донце и Ф. А. Брауна в районе Мелитополя¹⁵.

При отсутствии, как полагает Я. Г. Гулямов, существенных различий

¹² С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. Советское востоковедение, 1955, № 6, стр. 89 сл. и рис. 10. Описанная форма андроновского (тазабагыябского) естественно орошаемого земледелия с обвалованием небольших квадратных полей по берегам протоков Акча-Дарьинской дельты у Кокча-3 вряд ли могла явиться самой начальной его формой. По своей относительной сложности она заставляет, как это мне представляется, предположить вероятность существования в Хорезме еще более ранних и примитивных форм естественно орошаемого земледелия в лиманных разливах низовий затухавших протоков дельты и в предшествующее андроновской культуре время.

¹³ Как отмечено выше, Я. Г. Гулямовым поблизости был обнаружен еще и другой, более поздний (андоновский) могильник Заман-Баба II.

¹⁴ Я. Г. Гулямов. Ук. соч., стр. 149—161.

¹⁵ Там же, стр. 151—156 и рис. 10, 12. Ссылка на Ф. А. Брауна, видимо, основана на недоразумении, так как такой смены обрядов погребения его раскопками у Серогоз и Б. Белозерки не обнаружено.

в керамике из погребений обоих секторов было замечено, однако, что в погребениях восточного сектора постоянно находили кремневые наконечники стрел, тогда как в западном секторе их не было. В «катакомбах» же западного сектора при женских, видимо, погребениях вместе с комочками сурьмы и красной охры обычны миниатюрные медные «лопаточки» с округлым стержнем, которые не встречены в восточном секторе¹⁶.

Для определения культурной принадлежности могильника Заман-Баба I особенно большое значение имеет обнаруженная в нем керамика.

Глиняные сосуды входили в состав инвентаря всех погребений и находились обычно у головы. По сумме определяющих ее признаков (землисто-черной комковатой и неровной в изломе массы, технике изготовления, отделке поверхностей, обжигу, а также по формам и конструктивным особенностям сосудов) керамика могильника является необычной для южной зоны Средней Азии.

Она лепная, с коническим, округлым или слегка уплощенным дном, коричневатого или серовато-черного оттенка, слабого и неровного восстановительного или нейтрального обжига, но довольно тонкостенная и тщательно изготовленная. На наружных и внутренних поверхностях сосудов хорошо заметны следы «гребенчатого» сглаживания зубчатым инструментом при лепке, очень характерные (так же, как и все остальные черты) для керамики эпохи бронзы более северных, степных областей. Наиболее близко по своим особенностям они стоят к «гребенчатому» сглаживанию на сосудах ямной и афанасьевской культур. Иногда эти следы слегка заровнены сверху (Заман-Баба).

Среди форм сосудов можно выделить небольшие конические остродонные чаши и несколько вытянутых пропорций горшки с закругленным или слегка уплощенным дном и невысокими слабо отогнутыми краями горла. Особо следует отметить плоскодонные сосуды-курильницы с небольшим отделением внутри, которые, если не по своей форме, то по назначению, видимо, аналогичны чашам-курильницам из погребений афанасьевской и катакомбной культур.

Орнаментированных сосудов, судя по имеющимся материалам, видимо, не было.

При всей несомненной близости этого типа лепной остродонной керамики могильника Заман-Баба к керамике культур периода ранней бронзы Нижнего Поволжья и Южной Сибири ее нельзя не сопоставить также и с керамикой некоторых других памятников, ставших уже известными в степной зоне юга Средней Азии.

Аналогичная лепная остродонная посуда со следами «гребенчатого» сглаживания была обнаружена, например, в верхних горизонтах пещеры Джебель близ Красноводска¹⁷. Датировка этих слоев III — началом II тысячелетия до н. э. устанавливается А. П. Окладниковым по находкам в них фрагментов «импортной», изготовленной на круге серой лощеной керамики с каннелюрами, аналогичной посуде II и III слоев Шах-Тепе у Астрабада в раскопках Т. Арне¹⁸.

Нельзя, конечно, не вспомнить в связи с могильником Заман-Баба и так называемую кельтеминарскую культуру Приаралья и Западного

¹⁶ При обсуждении доклада, представленного мною на эту тему 29 марта 1957 г. в секции неолита и бронзы на пленуме ИИМК, М. П. Грязновым было высказано предположение о том, что погребения в ямах восточного сектора, возможно, являются остатками таких же, как и в западном его секторе, погребений в «катакомбах», но настолько сильно уже разветренных ветрами, что верхний свод подбоя и входной дромос у них оказались уничтоженными. Против такого предположения, кроме непосредственных наблюдений Я. Г. Гулямова при раскопках могильника, приведенных в его работе, говорит и указанная разница в составе инвентаря погребений в ямах восточного сектора и «катакомбах» западного.

¹⁷ А. П. Окладников. Пещера Джебель — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 77, 106, 109 и рис. 45, 62, 62а.

¹⁸ Там же, стр. 204 сл.

Казахстана. Верхние слои пещеры Джебель, в которых встречены кости мелкого рогатого скота и каменные ручные зернотерки, были отнесены к ранней бронзе¹⁹, а «кельтеминарские» стоянки Джанбас-Кала 4, 5 и др. — к неолиту²⁰. Но характеризующая эти стоянки керамика и находки костей домашних животных и меди в некоторых других стоянках этой культуры позволяют, как это мне представляется, отнести их также к ранней бронзе и свидетельствуют о существовании не только скотоводства, но и земледелия в Приаралье в период, предшествующий сложению здесь андроновской культуры²¹.

А. П. Окладников, противопоставляя культуру верхних слоев Джебеля древним земледельческим культурам «анауского» типа, сближает ее, хотя и в очень осторожной форме, с «кельтеминарскими» стоянками, с дюнными стоянками Нижнего Поволжья, с ямной культурой Причерноморья и афанасьевской в Южной Сибири. Материалы могильника Заман-Баба дают теперь возможность с гораздо большим основанием и с большей уверенностью ставить вопрос о культурной близости этих групп памятников²².

Время могильника Заман-Баба устанавливается находкой в одном из его погребений фрагмента нижней части светлофонного, изготовленного на круге биконического сосуда с черной монохромной росписью, совершенно иного типа, чем описанная выше остальная керамика могильника²³. По определению В. М. Массона, этот сосуд принадлежит к типам «анауской» керамики периода «Намазга IV» и датируется началом II или концом III тысячелетия до н. э.²⁴

К «импортным» вещам того же круга южных, «анауских» культур и к тому же, видимо, времени относятся обнаруженные в могильнике глиняная плоская статуэтка и бусы из халцедона, агата, ляпис-лазури, малахита и белые — из алебаstra или «пемзовые». Особенно интересно ожерелье из белых «кресчатых» бус²⁵, аналогичных некоторым типам крупных бус из Тепе-Гиссар у Дамгана²⁶.

Близки к этой своеобразной «кресчатой» или «звездчатой» форме и небольшие пуговичные печати из поселения Тахирбай-3 в дельте Мургаба,

¹⁹ А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 201.

²⁰ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 59—66; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 67—72 и рис. 18а.

²¹ А. А. Формозов. Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане. Вестник Казахстанского филиала Академии наук СССР, 1945, № 2; его же. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XXV, 1949; его же. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КСИИМК, вып. XXXI, 1950; его же. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, вып. XXXIX, 1953, стр. 6—10, рис. 3. См. также С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, рис. 7; А. В. Виноградов. Кельтеминарская культура. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1957.

²² А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 209, 211, 213—216. О связях кельтеминарской культуры с ямной и афанасьевской культурами см. также С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 71; А. В. Виноградов. Ук. автореферат, стр. 13 сл.; его же. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. СЭ, 1957, № 1, стр. 29, 30, 44, 45. Менее убедительными мне представляются приводимые со ссылкой на В. Н. Чернецова аналогии с керамикой Приобья и Урала. См. А. П. Смирнов. Некоторые спорные вопросы угро-финской археологии. СА, 1957, № 3, стр. 22.

²³ Я. Г. Гулямов. Ук. соч., стр. 153. Там же и в весьма обстоятельном докладе Е. Е. Кузьминой, который она представила 28 апреля секции Средней Азии экспедиционного племума ИИМК 1957 г., кроме этого фрагмента и лепной керамики со следами «гребенчатого» сглаживания, отмечался еще и какой-то иной тип «изготовленной на круге», но не расписной и более грубой посуды. В коллекции из могильника Заман-Баба I, хранящейся в Музее истории АН УзССР в Ташкенте, с которой я имел возможность ознакомиться, такая керамика, однако, не представлена, и судить о ней трудно. См. Е. Е. Кузьмина. Могильник Заман-Баба. СЭ, 1958, № 2.

²⁴ В. М. Массон. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба. Изв. АН ТуркмССР, 1956, № 2, стр. 19; его же. Ранние земледельческие поселения Южной Туркмении. Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и на пленуме ИИМК 1957 г. М., 1957, стр. 34, § 8.

²⁵ Я. Г. Гулямов. Ук. соч., стр. 155 и рис. 11.

²⁶ E. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937, стр. 226, рис. 135 (Hissar III B); табл. XVIII, H2426 (Hissar III).

относимые к маргианскому варианту периода «Намазга VI»²⁷. Мотив равноконечного креста с квадратом в середине имеется также в росписи керамики такого раннего памятника, как Геоксюр²⁸.

Следует отметить, что при раскопках Тахирбай-3 и несколько, видимо, более раннего поселения Аучин-тепе были найдены медные наконечники дротиков или ножи-кинжалы с плоским черешком и треугольно-вытянутым коротким лезвием, весьма близкие к медным ножам ямной и афанасьевской культур²⁹.

Из Аучин-Тепе происходят и листовидные кремневые наконечники стрел, подобные тем, что известны как в этих культурах, так и в могильнике Заман-Баба I. В погребениях восточного его сектора кремневые стрелы с двусторонней регушкой принадлежат или к этой листовидной удлиненной форме стрел ямной и афанасьевской культур, или к миндалевидным, типичным для катакомбной культуры степей Восточной Европы.

Обряд погребения в скорченном положении в ямах или «катакомбах» с ориентировкой на восток или северо-восток, присутствие красной краски, типы кремневых стрел и в особенности характерная лепная остродонная или со слегка уплощенным дном и «гребенчатым» сглаживанием керамика позволяют достаточно уверенно определить круг культур, к которым относится могильник Заман-Баба I. Это памятник не соседних древнеземледельческих «анауских» культур Южной Туркмении и Ирана, а один из могильников степных культур эпохи бронзы более северных областей. Все эти данные, и главным образом керамика, так же как и находки в могильнике импортных предметов, датируемых концом III — началом II тысячелетия до н. э., указывают на то, что он относится к концу раннего — началу среднего периода этой эпохи.

При этом как в андроновских тазабагъябских памятниках низовьев Аму-Дарьи (Кокча-3 и др.) прослеживается известная близость их и со срубной культурой Нижнего Поволжья, так и в более раннем могильнике Заман-Баба I выступают черты не только южносибирской афанасьевской, но и более западных, ямной и отчасти катакомбной культур³⁰.

Открытие в южной зоне Средней Азии большого могильника одной из степных культур ранней поры бронзы, известных прежде только в гораздо более северных областях, дает возможность сделать некоторые выводы. Они, как это мне представляется, могут иметь довольно существенное значение в дальнейших работах по изучению эпохи бронзы этих областей.

Границы степных культур раннего (энеолит) и среднего периодов бронзы — ямной и, возможно, катакомбной — следует отодвинуть в их южных локальных вариантах намного дальше к югу, вероятно, до предгорий Копет-Дага. Это уже пришлось сделать с границами ареалов андроновской и, возможно, срубной культур развитой и поздней бронзы.

Подтверждаются высказывавшиеся предположения о вероятности распространения культуры ранней и средней поры бронзы (известной в Южной Сибири как афанасьевская) и юго-западнее. Обнаружение ее памятников в Казахстане поможет, видимо, выявить те промежуточные локальные варианты, которые непосредственно свяжут раннюю бронзу Южной Сибири и Средней Азии. Нет оснований рассматривать существование многочисленных андроновских памятников в южных районах Сред-

²⁷ В. М. М а с с о н. Изучение древнеземледельческих поселений, стр. 18 сл. и рис. 1.

²⁸ Из раскопок В. М. Массона в 1956 г. Представлена на выставке к экспедиционному пленуму ЛОИИМК в марте 1956 г. в Ленинграде. Доклад о раскопках на Геоксюре был сделан В. И. Сарияниди. См. также В. М. М а с с о н. Ранние земледельческие поселения южной Туркмении, стр. 33, § 4.

²⁹ В. М. М а с с о н. Изучение древнеземледельческих поселений..., стр. 19 и рис. 1.

³⁰ Соотношение его с кельтеминарской культурой (в понимании ее А. А. Формозовым), как и вообще весь вопрос о соотношении кельтеминарской культуры с древнеямной, афанасьевской, а также и с полтавскими памятниками Заволжья, близость керамики которых с кельтеминарской мне представляется несомненной, думаю, может быть вполне установленным только при дальнейшем накоплении материалов по Восточному Прикаспию.

ней Азии только как следствие переселения европеоидных племен, носителей этой культуры, с севера. Как окуневский этап андроновской культуры в Южной Сибири и полтавкинские памятники для родственной ей срубной культуры в Поволжье, так и могильник Заман-Баба указывают на возможность аналогичного пути развития среднеазиатского варианта андроновской культуры на месте, из предшествовавшей ей и здесь культуры более раннего периода бронзы, видимо, типа афанасьевской.

Расценивая переселения как причину изменения и движущий фактор процесса исторического развития общества, можно было бы с таким же основанием, что и гипотезу о переселении андроновских племен с севера на юг, выдвинуть диаметрально противоположную гипотезу (как это обычно и бывает в миграционистских построениях) о продвижении их с юга на север. Тогда степи Причерноморья, Поволжья, Казахстана и Южной Сибири оказались бы (также обоснованно и с равной долей вероятия) на положении неких «эпицентров» ареала степных культур эпохи бронзы и одновременно — самых отдаленных северо-западных и северо-восточных его «окраин».

Устанавливается факт соприкосновения и длительного сосуществования на смежных территориях в южной части Средней Азии племен культур архаической расписной керамики «анауского» круга, сложившихся здесь с переходом к начальным формам естественно орошаемого земледелия еще в V—IV тысячелетиях (Джейтун), с племенами степных культур энеолита и ранней бронзы более северных областей³¹. Непосредственные и тесные связи их ярко отражены в инвентаре погребений могильника Заман-Баба I.

Это ставит вопрос о вероятности распространения на такой основе семян хлебных злаков (ячменя, пшеницы) из афгано-иранского очага их древнего окультуривания на север, в степи Поволжья, Восточного Причерноморья, Казахстана и Южной Сибири. В результате длительного сосуществования на смежных территориях возможно распространение в эти области в период ранней бронзы (энеолита) и некоторых видов домашних животных, видимо, южного, азиатского происхождения: крупной породы быка и овец.

Ни для семян хлебных злаков, ни для этих пород скота среднеазиатский путь их распространения на север, надо полагать, не был единственным. Наравне с ним следует учитывать как малоазийский и средиземноморский очаги и значение в этом Триполья и культур линейно-ленточной керамики для более западных областей, так, вероятно, и дальневосточный очаг и значение Яншао для северо-востока.

Недостаток археологических материалов не позволяет еще судить о существовании тех же степных культур эпохи бронзы и далее к югу, на Иранском плоскогорье. Возможность этого все же не исключена, и рассмотрение проблемы генезиса некоторых сакских, мидийских и персидских племен на таком субстрате представляется довольно вероятным.

---

³¹ Для верхних слоев пещеры Джебель и Шах-Тепе у Астрабада на такие же связи указывает и А. П. Окладников. См. А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 202.

В. Л. ЯНИН

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ТАК НАЗЫВАЕМОГО ШЛЕМА ЯРОСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧА

Летом 1808 г. крестьянка Ларионова, «находясь в кустарнике для щипания орехов, усмотрела близ орехового куста в кочке что-то светящееся»¹. Это «что-то» оказалось древним позолоченным шлемом, под которым лежала свернутая кольчуга. С тех пор прошло полтора столетия, в течение которых была создана целая литература, посвященная необычной находке. В науку вошел интереснейший памятник, в равной мере значительный и для исследователей политической истории, и для исследователей русского прикладного искусства домонгольской поры.

Место находки доспеха, обнаруженного у р. Колокши близ с. Лыково в бывш. Юрьев-Польском уезде Владимирской губернии, само по себе способствовало истолкованию открытых предметов. Их объяснение было предложено первым исследователем шлема президентом Академии художеств А. Н. Олениным², установившим, что находка была сделана на месте знаменитой Липицкой битвы 1216 г., подробно описанной в летописи. В Липицкой битве решалась судьба наследства Всеволода Большое Гнездо. Перед смертью Всеволод завещал Владимирское великое княжение не старшему сыну, Константину, а следующему сыну, Юрию, за что Константин «воздвиже брови своя со гневом на бранию свою, паче же на Георгия»³. В 1216 г. Константин в союзе с новгородским войском, возглавляемым Мстиславом Удалым, выступил против великого князя Юрия и другого брата, Ярослава, которые были наголову разбиты. Поражение было настолько жестоким, что побежденные князья, спасая свою жизнь, бежали с поля битвы, побросав свое вооружение, в одних рубашках. Летописец так описывает это трагическое бегство: «...князь же Юрьи стоял противу Костянтину и узре Ярославль полк побегше и той прибеже в Володимер о полудни на четвертом коне, а трех одушил, в первой сорочице... Ярослав же такоже прибег один в Переяславль на 5 кони, а 4 одушил...»⁴.

Находка доспеха, брошенного на поле боя, явилась прекрасной иллюстрацией к летописному рассказу и подтвердила к тому же его полную достоверность. А. Н. Оленину удалось обосновать и конкретную принадлежность находки. Доспех мог принадлежать одному из двух князей — Юрию или Ярославу. Первый носил крестильное имя Георгий, второго в крещении звали Федором, о чем записано в летописи под 1190 г. Это имя содержится в благопожелательной надписи на челе Липицкого шлема: «Великий архистратиге гн Михаиле помози рабу своему Феодору»⁵.

Художественная ценность шлема заключается в его отделке (рис. 1). Он обложен серебряными позолоченными пластинами, на которых чекан-

¹ ЗРАО, т. XI, вып. 1—2. СПб., 1899, стр. 389.

² (А. Н. О л е н и н). Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян. СПб., 1832.

³ ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, стр. 117, 235.

⁴ ПСРЛ, т. I, вып. 2. Л., 1927, стр. 408.

⁵ Опись Московской Оружейной палаты, ч. III, кн. 2. Броня. М., 1884, стр. 7—8 и таблица. В альбоме снимков при «Описи Оружейной палаты» см. табл. 334. Указания на многочисленные издания шлема см. А. С. О р л о в. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1952, стр. 66.

Рис. 1. Липицкий шлем (ум. в 2,6 р.

a

b

Рис. 2.

a — «денус» Липицкого шлема (нат. вел.); *b* — печать с изображением святых Федора и Георгия

кой нанесены изображения святых, орнаменты и фигуры фантастических зверей и птиц. Центральное место на челе шлема занимает фигура архангела Михаила в полный рост, выполненная в манере лучших образцов торевтики домонгольского времени. Михаил изображен в обычной канонической позе, прямолично, с железом в правой руке и со сферой в левой. В отличие от многочисленных рядовых чеканных изображений этого святого, встречаемых постоянно на древних печатях, здесь фигура святого кажется более живой и непринужденной благодаря артистической передаче складок его одежды. По краю пластины с изображением Михаила нанесена приведенная выше надпись.

В подвершии шлема, вокруг еловца, размещены четыре серебряных лепестка с поясными изображениями святых, образующими деисусный чин (рис. 2,а). Центральное положение на передней части шлема, непосредственно над изображением Михаила, занимает пластина с фигурой Вседержителя с титлами по сторонам, с Евангелием в левой руке и благословляющей правой, в крещатом, украшенном арабесками нимбе. На боковых поверхностях шлема помещены изображения святых воинов: слева от Вседержителя фигура св. Феодора с мечом, справа — св. Георгия с копьем. Святые держат в руках щиты; по сторонам надписи, обозначающие имена. Феодор, как того и требовали каноны, изображен с бородой. Георгий — безбородый. На задней пластине — изображение святителя Василия с соответствующей надписью.

Тулья шлема украшена чеканной серебряной полосой, сплошь покрытой перевязанными между собой сердцевидными клеймами с заключенными в них фигурами птиц, барсов и грифонов. Верхняя часть полосы в треугольных промежутках между клеймами украшена чередующимися изображениями цветов и листьев.

Сравнение художественного стиля всех этих изображений со стилем других произведений искусства домонгольского времени давно уже привело исследователей к выводу о том, что наиболее близкие аналогии убранству шлема обнаруживаются в памятниках белокаменной резьбы второй половины XII — первой половины XIII в., в частности в рельефах Георгиевского собора в Юрьеве Польском, построенного в 1234 г. Это сходство первоначально послужило для подтверждения предложенной А. Н. Олениным атрибуции шлема⁶. Впоследствии Б. А. Рыбаковым была уточнена дата шлема путем следующего остроумного соображения. Липицкий шлем — шлем взрослого человека. Между тем Ярослав, родившийся в 1190 г., до 16—18 лет должен был пользоваться маленьким, юношеским шлемом. Следовательно, Липицкий шлем был изготовлен после 1206 г.⁷ Шлем Ярослава занял прочное место в ряду художественных памятников предмонгольского времени, пополнив собой ту группу владимиро-суздальских памятников, генетическое происхождение которой до находки в Новгороде резных колонн начала XI в.⁸ казалось спорным и необычным. Принятая в литературе дата изготовления шлема указывала на то, что его изображения возникли под прямым воздействием произведений белокаменной резьбы эпохи Андрея и Всеволода.

Однако в отличие от памятников белокаменной резьбы, до последнего времени не имевших прямых прототипов в произведениях русского искусства предшествующего времени, Липицкий шлем имеет достаточно прочную связь с древнерусскими художественными памятниками более ранней поры XII в. В литературе, однако, эта связь оценена совершенно недостаточно. Чаще всего улавливали и бегло отмечали сходство орнаментов шлема с орнаментами вещей из древнерусских кладов, главным образом

⁶ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. 6. Памятники Владимира, Новгорода и Пскова. СПб., 1899, стр. 86; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М.—Л., 1948, стр. 292.

⁷ Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 291.

⁸ А. В. Арциховский и. Колонна из новгородских раскопок. Вестник Московского университета. 1954, № 4, стр. 65—68.

владимирских, тогда как фигуры святых сравнивались исключительно с фигурами каменных рельефов⁹. Между тем сходство этих изображений с целым рядом изображений XII в. несомненно. Укажу на значительную близость фигуры Михаила к изображениям этого архангела на многочисленных печатях XII в., на чрезвычайную близость поясных изображений святых таким же изображениям на потире из собора в Переяславле-Залесском (XII в.)¹⁰ и на купольной части большого Новгородского сиона¹¹. Последние два памятника аналогичны и по композиционному размещению фигур святых в верхней части предмета вокруг центральной точки.

Подобные композиции, центром которых является большое изображение на челе шлема, не встречаются на других русских шлемах. Однако в письменных источниках мы найдем прямое указание на то, что такая композиция применялась в домонгольской Руси. Ипатьевская летопись в описании битвы при Руте 1151 г. рассказывает, как к Изяславу Мстиславичу, лежавшему раненым, подошли его же воины и не узнали его под шлемом. «Изяслав же рече: «Князь есмь» и один из них рече: «А ты ны еси и надобе» и вынза меч свой и нача и сечи по шелому; бе же на шеломе над челом написан святыи мученик Пянтелемон злат (разрядка моя.—В. Я.) и удари и мечем, и тако вшибеся шелом до лба»¹².

Помимо исключительной стилистической близости перечисленных выше изображений, их сходство с изображениями шлема обнаруживается и в палеографии надписей. К XII в. относятся и аналогии некоторым деталям. В частности, процветший крест на Евангелии в руках Вседержителя много раз встречается на печатях XII в. и вовсе не свойствен памятникам XIII в. Однако обращение к особенностям стиля и композиции аналогичных изображений может служить лишь для подтверждения очень широкой даты шлема в рамках всего XII в. и первой половины XIII в. Для уточнения времени его изготовления следует вновь вернуться к подробностям исторической датировки.

Принятая в настоящее время дата Липицкого шлема основывается на следующих трех фактах: 1) совпадение места находки с местом Липицкой битвы; 2) летописное свидетельство о поспешном бегстве побежденных князей, бросивших свои доспехи¹³; 3) совпадение христианского имени Ярослава — Феодор — с именем благопожелательной формулы шлема. (Отмечу, что решающая роль в определении даты принадлежит сочетанию всех трех обстоятельств, так как на Липицком поле происходила не только битва 1216 г., но и битва 1177 г., а Федором могли звать не только Ярослава, но и многих других князей домонгольского времени).

Сочетание этих трех обстоятельств казалось настолько убедительным, что для проверки датировки шлема никогда не привлекали общую композицию изображений. Между тем достаточно хорошо известно, что истолкование деисусных композиций древнерусских вещевых памятников может оказаться исключительно важным для осмысления таких памятников в целом. Деисусный чин, включающий обычно изображения Христа, Богоматери, Иоанна Предтечи, архангелов Михаила и Гавриила, часто изменялся заказчиком: в него вводились дополнительные фигуры, имеющие особый смысл. Воспользуюсь в качестве примера уже упомянутыми изо-

⁹ И. Толстой и Н. Кондаков. Ук. соч., стр. 86; Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 292.

¹⁰ А. В. Орешников. Заметка о потире Переяславль-Залесского собора. Археологические известия и заметки, М., 1897, № 11, стр. 338—345.

¹¹ Автор обосновывает дату купольной части большого Новгородского сиона первой четвертью XII в. см. В. Л. Янин. Из истории русской художественной и политической жизни. СА, 1957, № 1, стр. 121—128.

¹² ПСРЛ, т. I, стр. 144; т. II, стр. 63—64, 301; т. VII, стр. 55.

¹³ Летописец сообщает, что в одной рубашке прибежал во Владимир Юрий, а не Ярослав. Однако практически невозможно представить себе Ярослава (который загнал на пути в Переяславль четырех коней) скачущим в шлеме и кольчуге.

бражениями Переяславского потира и Новгородского сиона. На первом памятнике деисус расширен за счет помещения в него фигуры св. Георгия, которая служит патрональным изображением Георгия — Юрия Долгорукого, строителя переяславского собора и первого вкладчика нового храма¹⁴. На Софийском сионе деисус расширен за счет помещения в него фигуры св. Василия как патронального изображения Василия — Владимира Мономаха, заказчика того древнего сиона, из которого происходит купольная часть сиона, дошедшего до нас¹⁵.

В сравнении с этими примерами деисус Липицкого шлема кажется необычным. В нем нет изображений Марии и Иоанна, из архангелов оставлен только Михаил, изображение которого перенесено на чело шлема. Фигуры Феодора, Георгия и Василия, расположены в том порядке, в каком в обычных деисусах располагаются Мария, Иоанн и дополнительная фигура.

Такой деисус может быть или сложным патрональным изображением владельца шлема, или же изображением, вызванным спецификой шлема как части военного доспеха. Рассмотрим сначала второе предположение. Перенесение фигуры архистратига Михаила на чело шлема как будто указывает на то, что основной идеей композиции было обращение к святым покровителям военачальников. Та же идея могла быть подчеркнута в тексте надписи. Изображения святых Феодора и Георгия в данном случае вполне уместны, так как оба святых — воины. Однако, приняв такое толкование композиции, мы не сможем объяснить присутствие на шлеме изображения св. Василия, символика которого не имеет ничего общего ни с войной, ни со сражениями.

Вернемся к первому предположению о лично-патрональном характере композиции шлема. В русских домонгольских памятниках известны два варианта таких изображений. В первом случае идея личного патроната выражается, так сказать, в чистом виде, путем изображения тезоименитого святого, ангела-хранителя, или же двух святых, тезоименитых владельцу вещи и его отцу. С таким приемом мы постоянно встречаемся на домонгольских княжеских печатях, а также в деисусных изображениях, расширенных введением в них одного святого.

Во втором случае выражается идея семейного патроната, классическим примером чего может служить рельеф Дмитровского собора, изображающий Всеволода Большое Гнездо в окружении его многочисленных детей¹⁶.

Известное основание для истолкования деисуса Липицкого шлема как лично-патронального изображения дает то обстоятельство, что главной фигурой этого деисуса, после Вседержителя, является фигура св. Феодора, тезоименитого владельцу шлема. Эта фигура заняла здесь место Богоматери в обычных деисусах и именно к ней обращен благословляющий жест Вседержителя. В таком случае Георгия и Василия следует искать среди ближайших родственников владельца шлема. Есть ли такие родственники у Ярослава Всеволодовича?

А. В. Арциховский, который толковал всю композицию шлема как лично-патрональное изображение его владельца, отмечал: «Подбор святых позволяет опять вспомнить о князе Ярославе (Феодоре), о его брате Юрии (Георгии) и о третьем брате Василии»¹⁷. Это объяснение невозможно, однако, признать удовлетворительным, поскольку упоминание в летописи Василия Всеволодовича основано на недоразумении или небрежности переписчика. Василий в источниках упоминается только один раз и не в основном тексте летописи, а в дополнительных статьях к Новгородской

¹⁴ А. В. Орешников. Ук. соч.

¹⁵ В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 121—123.

¹⁶ Н. Н. Воронин. Скульптурный портрет Всеволода III. КСИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 137—139.

¹⁷ А. В. Арциховский. Русское оружие X—XIII вв. Доклады и сообщения исторического ф-та МГУ, вып. 4, М., 1946, стр. 15; его же. Оружие. История культуры древней Руси, т. I, М., 1948, стр. 435.

И летописи, в разделе, озаглавленном «Родословие великих князей русских»¹⁸. В этом разделе приведена поколенная роспись потомства великих князей, изобилующая самыми фантастическими искажениями, наиболее впечатляющими из которых является превращение Владимира Мономаха в Мономаха Владимировича. Что касается сыновей Всеволода, то Святослав-Гавриил в этой росписи превращен в двух князей — Святослава и Гавриила. Иван опущен вообще, а взамен помещен Василий, вовсе неизвестный другим летописцам, которые прекрасно знали суздальские дела первой половины XIII в. У Ярослава Всеволодовича был действительно сын Василий, но он родился в 1241 г., т. е. спустя 25 лет после Липицкой битвы. Нет ореди сыновей Ярослава также и Георгия; впрочем, в 1216 г. Ярослав вообще не имел еще детей. Наконец, чрезвычайно важен тот факт, что среди святых, изображенных на шлеме, отсутствует св. Дмитрий — патрон отца Ярослава, Всеволода Большое Гнездо.

Этот анализ приводит к важному выводу, который ставит под сомнение правильность датировки и атрибуции Липицкого шлема, несмотря на подкупающую аргументацию такой датировки, предложенную А. Н. Олениным. Признав владельцем шлема Ярослава Всеволодовича, мы не получаем возможности объяснить смысл помещенных на шлеме изображений.

Поэтому, отневшись на время от укоренившейся в литературе и в сознании оленинской аргументации, попробуем предпринять чисто формальный анализ этих изображений, чем мы неизбежно должны были заняться, если бы место находки шлема оставалось неизвестным.

Центральное положение в деисусной композиции занимают фигуры Феодора и Георгия. Сочетание этих фигур, по-видимому, прямо указывает, что владельца шлема звали Феодором Георгиевичем. Такого князя, однако, летопись не знает, так же, впрочем, как она не знает князя Георгия Феодоровича. Зато князь, сочетающий оба эти имени в своем имени, хорошо известен в новгородской сфрагистике. До нас дошли в количестве четырех экземпляров обнаруженные в Новгороде небольшие свинцовые буллы, несущие на одной стороне изображение св. Феодора, а на другой — св. Георгия (рис. 2,б)¹⁹.

Несмотря на отсутствие летописных указаний, мы имеем прекрасную возможность точно определить принадлежность этих печатей, основанием чему являются особенности употребления христианского имени Георгий в домонгольской Руси, сохранившиеся, впрочем, в быту и по сей день.

Имя Георгий проникает на Русь вместе с принятием христианства и первоначально не имеет постоянного соответствия какому-либо языческому славянскому имени. Подобно именам Дмитрий, Феодор, Михаил и др. оно могло сочетаться с любым славянским именем. В частности, во время крещения Руси это имя получил Ярослав Владимирович. Однако в дальнейшем имя Георгий получает более узкое применение. в форме «Гюргий» оно приобретает вполне мирское звучание, и носители его не имеют второго имени. Впервые эта форма возникает в самом конце XI в. в имени Юрия Владимировича Долгорукого. Лишь очень редко имя Георгий сочетается с близким ему по звучанию вторым, мирским, именем Игорь, как это было в именах Игоря Святославича, героя «Слова о Полку Игореве»²⁰. Особенности применения имени Георгий очень упрощают работу по определению княжеских печатей, несущих изображение этого святого, тогда как большинство остальных изображений и имен, применявшихся безразлично к мирскому имени, могут быть связаны с конкретными историческими лицами при отсутствии прямых указаний летописей и синодиков только очень сложным путем.

¹⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950. стр. 466.

¹⁹ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. I, 24; табл. XXIX, 8. Новгородский музей, инв. №№ 4104, 4129 (последние две печати не изданы).

²⁰ ПСРЛ, т. II, стр. 300.

Отсутствие у князей Георгиев второго имени позволяет значительно сузить круг новгородских князей — возможных владельцев печати с изображением святых Феодора и Георгия. Такими владельцами могут быть те новгородские князья, которые были Юриями или Юрьевичами. Их совсем немного. Юрием Андреевичем звали новгородского князя 1173—1175 гг., сына Андрея Боголюбского, а в дальнейшем грузинского царя и соправителя Тамары. Ростиславом Юрьевичем звали новгородского князя 1137—1139 и 1140—1141 гг., старшего сына Юрия Долгорукого. Наконец, Мстиславом Юрьевичем звали новгородского князя 1154—1157 гг., младшего сына Юрия Долгорукого.

Печать с изображением святых Феодора и Георгия должна была принадлежать одному из этих трех князей. Рассмотрим возможности каждого. Юрий Андреевич не может быть владельцем этой печати, на его буллах должно быть изображение святых Георгия и Андрея. Такие печати хорошо известны и дошли до нас, по крайней мере, в шести экземплярах²¹. Не может быть владельцем нашей печати и Ростислав Юрьевич, так как его христианское имя было Николай²². Печати Ростислава с изображением княжеского знака и св. Николая известны также в новгородской сфрагистике²³. Остается лишь князь Мстислав Юрьевич, христианское имя которого неизвестно. С другой стороны, в новгородской сфрагистике не существует каких-либо других печатей с изображением Георгия, кроме перечисленных. Поэтому только Мстиславу возможно приписывать печати с изображением святых Феодора и Георгия, устанавливая, таким образом, что Мстислава в крещении звали Феодором.

Если толковать главные изображения Липицкого шлема как лично-патрональные, то, основываясь исключительно на формальных признаках, следует считать, что этот шлем принадлежал не Ярославу Всеволодовичу, а его дяде Мстиславу Юрьевичу. Как же в этом случае объяснить помещение в деисусную композицию также и фигуры Василия? Оказывается, что при таком толковании изображение Василия в деисусе более чем закономерно. Оно не только не противоречит предложенной атрибуции предмета, но и прекрасно подтверждает предположение о принадлежности шлема Мстиславу Юрьевичу. Василием звали в крещении деда Мстислава — Владимира Мономаха. Деисус шлема оказывается лично-патрональным и изображает святых покровителей владельца шлема: Мстислава-Феодора, его отца, Юрия-Георгия Долгорукого, и его деда, Владимира-Василия Мономаха. Здесь мы имеем дело с обычаем усложненного отчества, образцы бытования которого нетрудно указать в письменных памятниках. Вспомним зачин «Поучения» Мономаха: «Аз худый дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василий, русским именем Володимир, отцом възлюбленным и матерью своею Мьномахи...»²⁴. Или вспомним текст из Мстиславова евангелия: «Христолюбивому и богом честимому князю Феодору, а мирьскы Мстиславу, внуку сущю Всеволожю, а сыну Володимирию...»²⁵, — или же соответствующие строки из «Хождения игумена Даниила»: «...княжение Руское великого князя Святополка Изяславича, внука Ярослава Владимировича Киевского...»²⁶.

Однако, истолковав изображения шлема при помощи изложенного выше способа, мы останавливаемся перед новым противоречием. Судьба Мсти-

²¹ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. I, 16, 19, 22; табл. XLVIII, 4; табл. XLIX, 16, Новгородский музей, инв. № 4049 (последняя печать не издана).

²² В. Л. Янин. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 9 сл.

²³ Там же.

²⁴ ПСРЛ, т. I, стр. 100.

²⁵ П. К. Симони. Мстиславово евангелие начала XII века. СПб., 1904; П. Биларский. Состав и месящестов Мстиславова списка Евангелия. СПб., 1861.

²⁶ Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII века. Под ред. А. С. Норова, СПб., 1864, стр. 155.

слава хорошо известна. Этот князь не мог потерять своего шлема на Липицком поле. Изгнанный в 1157 г. из Новгорода, он снова попытался водвориться там в 1160 г. при содействии своего брата Андрея Боголюбского, но потерпел неудачу. В 1162 г. он был изгнан Андреем из Суздальской волости и удалился вместе с братьями и матерью в Царьград, где получил от императора Мануила земли от «Аскалона»²⁷. В Русь он уже не вернулся и, по-видимому, умер в Византии. Таким образом, он не мог участвовать ни в Липицкой битве 1177 г., ни в Липицкой битве 1216 г. Не мог участвовать в этих битвах и его единственный сын Ярослав, имевший возможность появиться на поле боя в отцовском шлеме. В 1177 г. он был в союзе с победителем битвы Всеволодом, но в битве не участвовал. К 1216 г. его уже не было в живых.

Убедительность аргументации А. Н. Оленина не может быть разрушена новым определением принадлежности шлема. Его аргументация позволяет решить и указанное выше противоречие. По-видимому, шлем действительно был потерян в 1216 г. и последним его владельцем был Ярослав Всеволодович. Однако изготовлен он был не для него и не после 1206 г., а значительно раньше, между 1149 и 1162 гг., для дяди Ярослава, Мстислава Юрьевича. Под указанными годами этот князь упоминается в русских летописях. Из доспехов семейного арсенала Ярослав мог воспользоваться любым подходящим шлемом, а выбор доспеха дяди может быть объяснен совпадением христианских имен Ярослава и Мстислава: и того и другого звали Феодором.

Объяснение А. Н. Оленина оказывается правильным только наполовину. Как свидетельство важных политических событий Липицкий шлем является памятником битвы 1216 г. и прекрасным подтверждением летописного текста о бегстве побежденных князей. Как историко-художественный памятник он не принадлежит искусству начала XIII в. и оказывается на полстолетие старше той даты, с которой его всегда связывают. Будучи произведением искусства середины XII в., Липицкий шлем оказывается не современником, а предшественником близких ему по стилю белокаменных владимирских рельефов и благодаря этому занимает особо важное место в генетически сложном процессе развития русского изобразительного искусства домонгольского времени.

²⁷ Указатель к первым восьми томам ПСРЛ, отдел I. Указатель лиц, вып. II. СПб., 1898, стр. 122—123.

М. Г. РАБИНОВИЧ

О НАЧАЛЬНОМ ПЕРИОДЕ ИСТОРИИ МОСКВЫ

В журнале «Советская археология» № 4 за 1957 г. помещена статья Р. Л. Розенфельдта «К вопросу о начале Москвы». Ее задача — осветить на основании археологических материалов важнейшие вопросы древней истории Москвы. Справедливо считая, что ключ к решению спорных вопросов в этой области — широкие археологические раскопки, автор высказывает и ряд спорных положений. К ним следует прежде всего отнести мысль о том, что кремлевский холм первоначально не был заселен, а древнейший московский поселок находился восточнее, на низком берегу р. Москвы, примерно в районе современного Москворецкого моста. На каких данных построено это предположение? Отправной точкой автору послужила интерпретация А. А. Спицыным еще в XIX в. давней находки славянских украшений (двух гривен и двух семилопастных височных колец) в Кремле как остатков разрушенного кургана. Отсюда Р. Л. Розенфельдт заключает, что на мысе при впадении р. Неглинной в Москву-реку в XII в. был курганный могильник, а следовательно, поселения быть не могло. Но, с нашей точки зрения, «парность височных колец» (употребляя выражение автора)¹ сама по себе не указывает на курганный комплекс, а «парность» гривен даже говорит против такого предположения, ибо до сих пор неизвестно славянского (в частности, вятического) погребения, в котором найдено было бы две гривны. По две гривны женщины тогда не носили. Неизвестно ничего о происхождении этих вещей из погребения. А. А. Спицын, исследователь чрезвычайно добросовестный, высказывается об этой находке осторожно. В основном тексте своей статьи он и не определяет ее происхождения. Только в примечании он высказывает предположение, что, «быть может, это вещи из сглаженного кургана»².

Если же учесть, что холм был тогда весь покрыт лесом, что подчеркивает и Р. Л. Розенфельдт, то наличие здесь курганного могильника предположить трудно, так как в лесу насыпать курганы нельзя. Их сооружали обычно на открытых местах по берегам рек, а леса, в которых в настоящее время находятся многие курганные группы, выросли гораздо позже и покрыли даже сами курганы. Скорее можно предположить существование здесь поселения, где могло быть любое количество украшений.

Другой аргумент Р. Л. Розенфельдта в пользу того, что древнее поселение находилось «к югу от Красной площади», — это довольно неопределенная ссылка на какие-то «данные геологоразведочных работ»³ о том, что в районе бывш. Москворецкой улицы «или еще западнее» культурный слой достигает мощности 18 м. Но ведь характер этого культурного слоя и время его образования остаются автору неизвестными, как и более точные границы его распространения.

Между тем, общеизвестно, что к югу от Красной площади, как и в западной ее части, в 1508 г. было устроено одно из крупнейших гидротехни-

¹ Р. Л. Розенфельдт. К вопросу о начале Москвы. СА, 1957, № 4, стр. 94.

² А. А. Спицын. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. ЗОРСА, т. XI, вып. I и II, новая серия. СПб., 1899, стр. 206, прим. 1.

³ Р. Л. Розенфельдт. Ук. соч., стр. 98.

ческих сооружений — ров, соединявший реки Москву и Неглинную. В районе современного мавзолея этот ров был шириной около 32 м и глубиной около 12 м⁴. Можно думать, что южнее, в месте соединения его с Москвой-рекой, были и сооружения, обеспечивавшие нормальный перепад воды, поэтому возможно, что здесь и самый ров был глубже и шире. В 1707 г. здесь были построены земляные бастионы, которые позднее разравнили, а в 1802 г. был засыпан и ров⁵. Не проще ли предположить, что смутившее Р. Л. Розенфельдта резкое утолщение культурного слоя к югу от Красной площади связано с засыпкой рва?

По меньшей мере странным является утверждение Р. Л. Розенфельдта, что сказания о начале Москвы говорят о постройке Кремля на необжитом месте⁶. Из текста этих легенд, записанных в достаточно отдаленные времена, явствует как раз обратное. Как нам уже случалось констатировать, все они сходятся на том, что Москва возникла не на пустом месте, что городу предшествовали разные поселения, находившиеся на месте Кремля (который еще в XVI в. называли попросту «градом Москвой») и по другую сторону Москвы-реки. Иногда прямо указывается на то, что жили там, где потом был построен царский дворец⁷. А что густой хвойный лес подходил очень близко к жилью, в этом и ранее никто не сомневался. Наконец, предположение Р. Л. Розенфельдта противоречит всему, что мы до сих пор знаем об обычном расположении древнерусских городов. Древние центры этих городов лежат в большинстве случаев именно на мысах, подобных кремлевскому. Не стоит повторять, что на таких мысах поселения располагались еще в дьяковские времена и под культурным слоем древнерусских городов здесь нередко находят без всякой стерильной прослойки дьяковский культурный слой.

Укрепления, построенные при Юрии Долгоруком на новых местах во Владимиро-Суздальской земле, обычно располагались не на мысах, а на плоской равнине (Юрьев Польский, Дмитров), на берегах рек или озер между двумя оврагами (Перемышль Московский) и даже на низменном берегу озера (Галич Мерский). Расположение же укрепления на стрелке мыса, которое мы считаем доказанным для Московского кремля, упомянутого под 1156 г., гораздо более характерно для русских укреплений XI в.⁸ Очевидно, здесь строителям приходилось считаться с уже сложившейся ранее планировкой.

Ничем не подтверждаются и другие соображения автора статьи, долженствующие аргументировать отрыв поселения в Зарядье от поселения на кремлевском холме.

Непонятно, например, о какой «большой изолированности участков» можно говорить, если один из них представляет мыс холма, а другие расположены на его «подоле», вдоль низменной части берега реки, куда и овраги обычно не доходят.

Р. Л. Розенфельдт признает существование на территории Москвы какого-то поселка, более древнего, чем Кремль, построенный Юрием Долгоруким в 1156 г. Однако неясно, к какому времени он относит возникновение этого поселка. Значительное место в своей статье он уделяет анализу некоторых из старых находок в Москве, стремясь при этом доказать их наиболее позднюю дату — по возможности позднее XII в. В тех случаях, когда этого сделать уже никак нельзя, Р. Л. Розенфельдт просто отказывается рассматривать такие находки. Например, общеизвестно, что на правом берегу р. Неглинной, напротив кремлевского холма, был найден

⁴ Н. Д. Виноградов. Застройка и планировка от пл. Революции до Старой пл. МИА, № 7, 1947, стр. 34.

⁵ С. П. Баргеньев. Московский Кремль в старину и теперь, т. I. М., 1912.

⁶ Р. Л. Розенфельдт. Ук. соч., стр. 95.

⁷ См. М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М., 1947, стр. 212, 215, 221.

⁸ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 244; П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, № 52, 1956, стр. 62 сл.

клад арабских монет — диргемов, из которых уцелели две монеты, чеканенные в 862 и 866 гг. Р. Л. Розенфельдт заявляет, что их нельзя привлекать для датировки древнейшего московского поселка, так как клады нередко зарывали и вне поселений⁹. Последнее утверждение автора справедливо. Но ведь монеты не могли попасть сюда сами по себе. Клад был зарыт людьми и, по всей вероятности, не так уж далеко от места их жительства, иначе им трудно было бы при необходимости опять выкопать его. И если Р. Л. Розенфельдт соглашается, что раскопками в Зарядье открыта восточная окраина поселка, центр которого находился где-то западнее на берегу Москвы-реки, по направлению к устью Неглинной, естественно предположить, что этот центр может быть древнее окраины. Странно не задуматься над тем, не зарыли ли клад диргемов древнейшие насельники Москвы неподалеку от своего первого поселка. На это обращали внимание все предыдущие исследователи¹⁰.

В отношении московской керамики Р. Л. Розенфельдт ограничивается утверждением, что в Москве не найдено керамики древнее XII в. (в частности, керамики XI в.), не опираясь при этом ни на какие доказательства. Здесь можно лишь указать, что он является теперь, пожалуй, единственным сторонником этой точки зрения, ибо и А. Ф. Дубынин уже несколько раз в печати утверждал, что культурный слой на территории Зарядья, подвергнутой раскопкам, начал откладываться в конце XI в.¹¹ Мы, со своей стороны, предполагаем несколько более раннюю дату, но тоже в пределах XI в. В Москве найдена керамика, аналогичная керамике XI в. Пскова, Торопца, Вщижа, Гнёздова¹². Это было установлено рядом археологов, в том числе Б. А. Рыбаковым, С. А. Таракановой и мною при рассмотрении конкретных образцов, представленных самим Р. Л. Розенфельдтом. В своем докладе о керамике в славяно-русском секторе ИИМК АН СССР в 1957 г. последний вновь вынужден был признать, что в Москве имеется керамика, аналогичная гнёздовской, а ведь гнёздовская керамика имеет дату не позднее начала XI в.

Что же касается поздней датировки Р. Л. Розенфельдтом поливной керамики из нижних слоев раскопок в Зарядье, то она также неубедительна, ибо в этом случае мы имели бы множество находок такой керамики в вышележащих пластах, а этого на самом деле нет.

Аналогичным образом обстоит дело и с другими датировками, приводимыми в статье. Так, например, безоговорочная датировка пряслиц по диаметру внутреннего канала, насколько известно, не подтверждается материалами Екимяуцкого городища или иных памятников. Расхождение в весе между московской и новгородской гирьками — всего 1,6% — является для того времени вполне обычным отклонением. Конечно, дальнейшее изучение вещевого материала и сравнение его с другими русскими и зарубежными материалами еще многое изменит в наших предположениях. Так, торговая пломба с клеймом епископа одного из рейнских городов, определенная первоначально В. Л. Яниным как пломба Германа III, епископа Кельнского (ум. в 1040 г.), должна быть еще тщательно изучена. Аналогичные находки сделаны за последнее время также и в Польше.

Чрезвычайно сложная стратиграфия культурного слоя в Зарядье, да и в других местах Москвы, многочисленные перекопы, которые археологам не всегда удается проследить, — все это, разумеется, очень затрудняет датировки. Но вряд ли исследователю может помочь настойчивое стремление во что бы то ни стало датировать слой как можно позже.

⁹ Р. Л. Розенфельдт. Ук. соч., стр. 97.

¹⁰ См., например, П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории, СПб., 1847, стр. 122 сл.

¹¹ См., например, А. Ф. Дубынин. К истории Московского посада. КСИИМК, вып. 68, 1956, стр. 123.

¹² М. Г. Рабинович. Материалы по истории Великого посада Москвы. Тр. Музея истории и реконструкции Москвы, вып. V, М., 1954, стр. 80—82.

Итак, позиция Р. Л. Розенфельдта в вопросе датировки древнейшего московского поселка далеко не четкая. С одной стороны, он признает, что Кремль появился позже, чем поселение в Зарядье (а последнее изучено лишь в периферийной части), тогда как в центре поселка (где бы он ни был) культурный слой более мощный. С другой стороны, он датирует все находки XII веком и более поздним временем, что скорее говорило бы о приблизительно одновременном возникновении Кремля и поселка в Зарядье.

Вслед за рядом других исследователей, из которых наиболее подробно обосновал эту точку зрения С. П. Бартедьев¹³, Р. Л. Розенфельдт считает, что Москва первоначально была не городом, а сельским поселением. Однако он не приводит новых аргументов в пользу этого предположения. Правда, он сомневается в датировке открытых в Зарядье мастерских. Нужно сказать, что лишь одна из них — кожевенно-сапожная мастерская, открытая в раскопе VIII, была датирована XI в. Но, во-первых, из всех древнерусских ремесел именно кожевенно-сапожное совершенно не характерно для деревни, а во-вторых, ведь и сам Р. Л. Розенфельдт признает, что вскрытая раскопками площадь очень мала и что центр поселка должен иметь слой более богатый. Не стоит приводить здесь всю аргументацию в пользу того, что Москва с самого начала была городом. Она развернута в специальной статье¹⁴, против положений которой Р. Л. Розенфельдт не привел никаких возражений. Нужно лишь подчеркнуть, что весь характер находок в Зарядье (начиная с древнейших горизонтов) говорит о поселении городского, а не сельского типа. Достаточно указать на упомянутые Р. Л. Розенфельдтом находки стеклянных браслетов и перстней, которые в деревне являются редкостью, а в Москве встречаются все чаще. Заслуживает внимания и самое местоположение вскрытой раскопками части поселка: на низком берегу, у воды, под крутым обрывом берега. Такое положение не характерно для русской деревни. Современные деревни, как и древние селища, располагаются при аналогичной топографии местности не непосредственно у воды, а на более высокой террасе берега, чтобы избежать излишней сырости и иметь свободный доступ к окружающим деревню обрабатываемым полям. Расположение на низком берегу ремесленного и торгового поселка вполне естественно, так как вся жизнь его была связана с рекой и пристанью.

Древнейший период истории нашей столицы еще мало изучен. Многие вопросы, с ним связанные, остаются спорными, и именно археологии предстоит сказать здесь решающее слово. Между тем, специальные археологические раскопки в Москве хотя и ведутся уже более десяти лет, но масштабы и темпы их таковы, что до сих пор можно говорить лишь о начальной стадии исследования города. Советская археология знает уже весьма эффективные методы раскопок древних городов, при помощи которых вскрыты большие площади и получены огромные материалы, позволяющие сделать важнейшие исторические выводы. Достаточно указать хотя бы на прекрасно организованные археологические работы в Новгороде Великом. Но раскопки Москвы и сейчас ведутся на незначительных по площади случайных участках.

Ведь все высказанные Р. Л. Розенфельдтом предположения можно проверить, если продолжать раскопки в Зарядье в западном направлении, к южной оконечности Красной площади (что возможно и сейчас). Необходимы и раскопки в Кремле, без которых в нашей литературе могут появляться самые фантастические гипотезы. Но уже в течение четырех лет раскопки идут в совершенно ином направлении — к северу и северо-востоку. Нужно пожелать Московской экспедиции широко развернуть работы, которые дадут материал для решения спорных вопросов истории нашей столицы.

¹³ С. П. Бартедьев. Ук. соч., т. I стр. 3, 6 и др.

¹⁴ М. Г. Рабинович. О начальной истории Московского Кремля. ВИ, 1956, № 1,

Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

ДЕНЕЖНО-ВЕСОВЫЕ ЕДИНИЦЫ ТАНЫ В НАЧАЛЕ XIV в. (По данным Франческо Пеголотти)

Изучение средневековой восточной метрологии упирается в трудно преодолимое препятствие — крайнюю скудость источников. Кроме отдельных фрагментов из разновременных и разнохарактерных источников, фрагментов, часто состоящих из нескольких лишь фраз, исследователь восточной метрологии располагает источниками только для самого раннего этапа сложения арабской денежной и весовой системы — для VII—VIII вв.

Это обстоятельство чрезвычайно запутало и без того сложную проблему восточных метрологических систем, и в первую очередь весовой метрологии.

Однако необходимость выяснить восточные весовые денежные системы чувствуется все более и более остро. Мы не можем поставить изучение торговли и денежного обращения на прочный фундамент фактов, не выяснив окончательно абсолютные значения тех или иных единиц, употреблявшихся в разных странах в ту или иную эпоху. При исследовании письменных источников мы должны четко представлять себе величину тех метрологических норм, которые упоминаются древними авторами.

Однако, наряду с этой вспомогательной ролью, метрология, и особенно весовая метрология, связанная с проблемами нумизматики, позволяет поставить и разрешить целый ряд вопросов экономической истории средневековья.

Наименее ясной областью восточной метрологии являются золотоордынские денежно-весовые системы. Однако актуальность изучения этих систем очень велика. Решение целого ряда вопросов экономической истории Руси зависит от разработки этой темы.

Исследователь, углубившийся в эту тему, оказывается в очень тяжелом положении: он не может привлечь почти никаких письменных источников (за исключением небольших отрывков) для реконструкции денежных и весовых систем Золотой Орды.

Тем большее значение приобретает сопоставление разнохарактерных и полученных различными путями данных. Даже письменные источники о золотоордынских денежно-весовых системах настолько отрывочны, что окончательными мы можем считать только те выводы, которые подтверждаются при сопоставлении цифр, полученных при анализе разных источников, будь то письменные свидетельства или монетный материал. Особо важное значение приобретает совпадение выведенного серией расчетов теоретического веса какой-либо монеты с ее эмпирическим весом, полученным путем непосредственного взвешивания.

В настоящее время только для Хорезма мы располагаем письменным источником, достоверность которого подкреплена таким совпадением. Развернутые и подробные расчеты анонимного автора этой ценной для нас заметки о хорезмской монетной системе позволяют восстановить денежно-

весовые нормы Хорезма с большой долей вероятности и довольно детально¹.

Задачей данной статьи является такого рода проверка данных, касающихся весовых и монетных единиц Таны, или Азака,— одного из главных центров денежного производства в Улусе Джучи.

Эти данные приводит знаменитый флорентийский финансист, агент торгового дома Барди — Франческо Балдучи Пеголотти в своем известном справочнике «*La Pratica della Mercatura*», составленном между 1338 и 1342 гг.²

Изданная впервые в 1765—1766 гг., эта книга стала важным источником для экономики Западной Европы XIV в. и стран Черного моря³. Данные Пеголотти использовались и в общих работах по Золотой Орде⁴. Однако те ценные свидетельства о денежно-весовых системах в Золотой Орде, которые содержит книга Пеголотти, не обращали на себя внимания ни нумизматов, ни историков.

Только то, что писал Пеголотти о Кафе, было частично использовано в работах по генуэзско-татарской нумизматике⁵. Данные о денежном деле в Тане не использовались совсем, а если на них и ссылались, то интерпретировались они неверно.

Основной материал о землях, прилегающих к Черному морю, Пеголотти собрал во время своей семилетней службы на Кипре в качестве представителя финансового дома Барди⁶. Его пребывание на Кипре относится к 20-м годам XIV в., и основной материал, собранный Пеголотти о Тане, видимо, следует относить к тому же времени.

Средневековый Азов (золотоордынский Азак), называемый в западных источниках Таной, имел большое значение для торговли Европы с Востоком. Рукопись Пеголотти начинается с описания пути в Китай через Тану, Сарай, Сарайчук, Ургенч, Отрар, Алмалык. Далее приводится список весовых норм, употреблявшихся в Тане:

«Кантар (*santaro*), такой же, как генуэзский кантар.

Либра большая (*libbra grossa*), которая равна 20 генуэзским руотлям.

Руотли (*ruotoli*), которых 20, составляют 1 большую либру.

Либра малая (*libbra sottile*), такая же, как генуэзская либра.

Точетто (*tocchetto*), которых 12, составляют 1 большую либру.

Саджо (*saggio*), которых 45, составляют 1 соммо (*sommo*)»⁷.

Затем в разных местах своей книги Пеголотти приводит соотношения единиц Таны с мерами веса Венеции, Перы (итальянская колония в Константинополе) и Генуи.

«1 большая либра Таны составляет в Венеции 30 малых либр.

1 точетто Таны составляет в Венеции 2 либры и 7 малых унций (*once sottile*)»⁸.

«1 соммо серебра Таны стоит в Пере 9 перперов Перы, и весит соммо 7½ унции Перы, и есть в сплаве 11 унций 17 денариев чистого серебра на либру.

¹ Г. А. Федоров-Давыдов. Монетная система Хорезма XIV в. СА, 1957, № 2; его же. Клады золотоордынских монет (основные этапы развития денежного обращения и денежно-весовых систем в Золотой Орде XIII—XV вв.). Автореферат кандидатской диссертации. М., 1957, стр. 11.

² F. V. Pegolotti. *La pratica della Mercatura*, ed. by Allan Evans. Cambridge — Massachusetts, 1936, стр. XIII.

³ См., например, *La Primaudaise. Histoire du commerce de la Mer Noire et des colonies Genoises de la Crimée*. Paris, 1848.

⁴ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М., 1954.

⁵ В. Юргевич. О монетах генуэзских, находимых в России. ЗООИД, т. VIII, Одесса, 1872; его же. Замечания на статью о генуэзских монетах, сделанные итальянским ученым К. Десимони. ЗООИД, т. VIII.

⁶ F. Pegolotti. Ук. соч., стр. XX сл.

⁷ Там же, стр. 23 сл.

⁸ Там же, стр. 25.

6 саджо Таны составляют 1 унцию Перы.

72 саджо Перы составляют 1 либру серебра, или такое соммо по весу Перы, которое равно 69 саджо Таны, которых 45 саджо приходится на 1 соммо (Таны) и по весу Перы это равно $1\frac{1}{2}$ соммо Перы.

Руотолы Таны составляют $1\frac{1}{2}$ либры Перы.

Кантар Таны равняется 1 кантару Перы.

Точетто Таны равняется $2\frac{1}{2}$ либры Перы.

И малая либра Таны равняется такой же либре Перы»⁹.

«5 либр Таны составляют в Венеции 100 больших либр Венеции.

7 унций без 2 венецианских гроссов (grossi) серебра составляют 1 соммо серебра по весу Таны и приравнивается этот названный соммо к 8 большим венецианским сольдо (soldo grossi)»¹⁰.

«5 либр по весу Таны составляют в Генуе 1 генуэзский кантар.

69 саджо Таны составляют 1 генуэзскую либру.

7 унций и 20 денариев серебра по весу Генуи составляют 1 соммо по весу серебра Таны»¹¹.

Попробуем определить абсолютные значения весовых и денежных единиц Таны, пользуясь этими перерасчетами.

С а д ж о. Пеголотти сообщает, что 69 саджо составляют 1 генуэзскую либру, вес которой равен 316,75 г¹². Следовательно, вес 1 саджо равен $316,75 : 69 = 4,59$ г. Пеголотти указывает, что эта весовая единица служила для взвешивания золота, драгоценных камней и жемчуга¹³. Видимо, 1 саджо соответствовало восточному мискалю, т. е. единице, предназначенной для взвешивания золота.

С о м м о. По Пеголотти, 1 соммо равен 45 саджо. Принимая вес саджо в 4,59 г, мы получим: 1 соммо = $4,59 \times 45 = 206,5$ г.

Проверить эту величину можно другим сопоставлением.

1 соммо равняется 7 унциям и 20 денариям Генуи. Генуэзская унция была равна 24 денариям¹⁴. Следовательно: 20 денариев = $\frac{20}{24}$ унции = $\frac{5}{6}$ унции. Отсюда: 1 соммо = $\frac{75}{6}$ унции. 1 унция равнялась $\frac{1}{12}$ либры и весила, следовательно, $316,75 : 12 = 26,4$ г. Таким образом, 1 соммо было равно $26,4 \text{ г} \times \frac{75}{6} = 206,8$ г.

Рассмотрим соотношение соммо с венецианскими единицами. 1 соммо Таны равно 7 венецианским унциям без 2 гроссов. Вес унции серебра в Венеции был равен 29,72 г¹⁵. Вес гросса равен 2 г¹⁶. Следовательно, вес соммо Таны равен $29,72 \text{ г} \times 7 - 4 \text{ г} = 204,04$ г.

Мы получили три значения соммо, дающие небольшие отклонения в пределах 204,04—206,8 г. Однако соотношение 1 соммо Таны = 7,5 унции Перы дает нам совсем другую величину танской единицы. 1 унция Перы равнялась (по Пеголотти) 1 унции Генуи¹⁷. Это обстоятельство и

⁹ Там же, стр. 53.

¹⁰ Там же, стр. 150.

¹¹ Там же, стр. 223.

¹² W. H i n z. Islamische Masse und Gewichte Ungerechnet ins metrische Sistem. Leiden, 1955, стр. 17.

¹³ F. B. P e g o l o t t i. Ук. соч., стр. 24.

¹⁴ Там же, стр. 215.

¹⁵ 1 унция серебра Венеции = 33 tari и $3\frac{1}{3}$ grani сицилийских и апулийских (F. B. P e g o l o t t i. Ук. соч., стр. 114). 1 унция Генуи = 29 tari + 10 grani. 1 tari = 20 grani. Производим следующую серию расчетов: 1 унция Генуи = $580 + 10 \text{ grani} = 590 \text{ grani}$; $1 \text{ grani} = \frac{1 \text{ унция Генуи}}{590} = \frac{26,4}{590} = 0,0448$ г. 1 унция Венеции = $660 + 3\frac{1}{3} \text{ grani} = 663,33 \text{ grani} = 29,72$ г.

¹⁶ Для изучаемого времени в Венеции 12 гроссов = 1 сольдо, а 20 сольдо = 1 большой либре, 158 малых либр = 100 большим либрам (см. P. M o l m e n t i. La Storia di Venezia nella vita privata. Torino, 1880; F. B. P e g o l o t t i. Ук. соч. стр. 137). 100 венецианских малых либр = 96 генуэзским либрам. Следовательно: 1 венецианская малая либра = $316,75 \text{ г} \times 0,96 = 304,08$ г. 1 большая венецианская либра = $304,08 \times \frac{158}{100} = 480,446$ г. 1 сольдо $\approx 24,02$ г; 1 гросс = 2,00 г.

¹⁷ F. B. P e g o l o t t i. Ук. соч., стр. 114.

учел В. Хинц, когда высчитал, что 1 соммо = 7,5 унции Генуи = $26,4 \times 7,5 = 198$ г. А 1 саджо (мискаль) Таны = $198 \text{ г} : 45 = 4,4$ г¹⁸. Однако В. Хинц не заметил, что эти расчеты при унции, равной 26,4 г, противоречат результатам, полученным на основании других свидетельств Пеголотти. Трудно сомневаться в правильности самого соотношения единиц, приведенного Пеголотти, автора весьма точного. Скорее можно предположить, что мы имеем какой-то другой вариант константинопольской унции (названной унцией Перы), отличной от генуэзской унции. Известно, что в Константинополе в домонгольское время существовала либра в 327,456 г¹⁹, унция в 27,3 г. Подставив это значение унции в соотношение 1 соммо Таны = 7,5 унции, получим, что вес соммо равен $27,3 \times 7,5 = 204,75$ г. Эта величина довольно близко подходит к выведенным выше значениям танского соммо.

Нельзя не обратить внимания на близкое совпадение весовой нормы танского соммо с весом русского «северного слитка», который обычно связывают с весовой нормой 204,7 г²⁰. Эта весовая норма, документированная в более поздних источниках, сопоставляется с 1 «гривной серебра», равной в свою очередь 4 «гривнам кун». Однако расхождение со средним весом слитка довольно большое, до 6—7 г. Это расхождение объясняется, видимо, угаром части серебра и лигатуры при переплавке металла. Имеется и другая теория, согласно которой слиток, в XI веке весивший 204,7 г, в результате стирания и обычной для средневековья фальсификации денег понизил свою норму веса, и в XIII—XIV вв. теоретический его вес снизился до 197 г²¹.

Расчет соммо по данным Пеголотти показывает, что теоретическая норма слитка была и в XIII—XIV вв. равна примерно 204—207 г. Кроме того, Пеголотти убеждает нас, что эта норма, ведущая свое происхождение от русских денежно-весовых единиц X—XI вв., была хорошо известна в Азаке XIII—XV вв. и даже вошла в расчет денежной стопы.

Тот факт, что танское соммо является теоретической нормой серебряного слитка, явствует из прямого заявления об этом самого Пеголотти (см. ниже). Характерно, что этот слиток, обращавшийся в Золотой Орде, получил там наименование «сума» или «саума»²². Созвучие «сума» с итальянским «соммо» (сумма, вес), очевидно, закрепило это итальянское слово за слитком в 204,7 г, известным в Тане.

Топография находок слитков показывает, что эти слитки имели интенсивное обращение в XIII—XIV вв. главным образом на территориях, лежащих на границах Золотой Орды и русских земель. Кроме того, известно довольно много слитков с Нижнего Поволжья и Волжской Болгарии.

Данные Пеголотти позволяют расширить ареал распространения полунунтового слитка далеко на юг.

Аспр Пеголотти сообщает, что серебряная монета, обращавшаяся в Тане (Азаке), чеканилась из расчета 202 монеты из 1 соммо. Так, Пеголотти пишет:

«В Тане имеют хождение соммы и серебряные аспры, и в соммо входит 45 танских саджей, и есть в сплаве 11 унций и 17 денариев чистого серебра на либру. И когда кто-либо относит серебро на монетный двор Таны, то из каждого из названных соммов монетный двор делает 202 аспра по счету. И хотя монетный двор делает из сомма 202 аспра, но отдает посторонним 190 аспров и считается, что остаток идет за работу и в

¹⁸ W. Hinz. Ук. соч., стр. 7.

¹⁹ В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, стр. 54 и сл.

²⁰ Там же, стр. 46.

²¹ Г. Б. Федоров. Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I. МИА, № 12, 1949, стр. 148.

²² В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, М., 1884, стр. 302—303; т. II, М.—Л., 1941, стр. 88.

доход монетного двора. Так что 190 аспров приравняются по цене к танскому соммо. Только те соммы отдаются в уплату по весу, которые представляют собой серебряные слитки вышеназванной пробы. Что касается тех слитков, которые рознятся между собой по весу, то на одну чашку весов кладут эти серебряные слитки, а на другую кладут по весу столько соммов, сколько нужно для уравнивания. И если по весу (серебряный слиток) меньше одного сомма, то доплачиваются аспры. И считается, что каждый соммо равняется 45 танским содкам.

И обращается в Тане монета, которая целиком из меди без примеси серебра, называемая фоллери, из которых 16 фоллери приравняются к одному аспру; и эти названные фоллери не принимаются и не уплачиваются при крупных торговых сделках (*mercantantia*), но обращаются только на зеленом рынке (*in erbe?*) и используются в мелких делах, необходимых для земли (или страны, города, *reg la ferrga*)»²³.

1 аспр Таны = $\frac{1}{202}$ соммо = $206,5 \text{ г.} : 202 = 1,02 \text{ г.}$ Малочисленные дошедшие до нас монеты Азака начала XIV в. дают вес очень близкий к полученной цифре²⁴. Некоторое превышение теоретического значения веса монет естественно, так как нужно учитывать неизбежную стертость обрабатывавшихся на рынке монет.

Данные Пеголотти относятся, видимо, к 20-м годам XIV в., а быть может, к самому началу 30-х годов. Серебряная монета Азака (Таны), по Пеголотти, весит 1,02 г. Несмотря на малочисленность дошедших до нас экземпляров азацких монет этого веса мы должны все же признать за ними достаточно важное значение в денежном деле Азака, так как иначе эти азацкие монеты не попали бы в книгу Пеголотти. Проведенная в 1310—1311 гг. денежная реформа золотоордынского хана Токты ставила своей целью унификацию денежного обращения и замену местного чекана единой устойчивой сарайской монетой. Мы знаем, например, что в мордовских землях сарайские дирхемы вытесняют монеты местного чекана к началу второй четверти XIV в. Если в кладе из с. Вяземки Пензенской губ.²⁵, зарытом около 1323 г., содержалось 68% монет, чеканенных в Мохше, то клады конца 20-х, а также 30-х годов XIV в. содержат почти только сарайский или новосарайский чекан. По-видимому, тот же процесс протекал и в Волжской Болгарии, где местное монетное производство сохранилось до 30-х годов XIV в. Для Крыма и Азака мы не имели сколько-нибудь удовлетворительных данных. Свидетельство Пеголотти о норме азацкой монеты 20-х годов XIV в. говорит нам, что и здесь сарайские монеты в первой четверти XIV в. не имели решающего значения. Иначе Пеголотти, несомненно, привел бы расчет соммо не в азацкой, а в сарайской монетной норме.

Приведенный выше отрывок вообще очень интересен для истории денежного дела Золотой Орды. Мы узнаем, что слитки проверялись на пробу серебра, причем был установлен определенный максимум лигатуры. Серебра в слитке должно было быть не меньше 11 унций и 17 денариев на либру, т. е. лигатуры допускалось не больше 2,4%. Мы знаем также, что 12 аспров удерживалось для оплаты работы мастеров и в доход монетного двора. Заказчик получал за соммо только 190 аспров серебра. Удержание в пользу монетного двора составляло, таким образом, 5,9%. За счет этого устанавливался курс аспра, несколько завышенный по сравнению с металлическим содержанием монеты. 190 аспров, весившие 193,9 г, приравнивались к соммо весом 206,5 г. Превышение курса серебра в форме монеты над курсом серебра в слитках, судя по расчетам Пеголотти, было невелико.

²³ Ф. В. Pegolotti. Ук. соч., стр. 35.

²⁴ В ГИМ хранятся монеты Азака 717 г. хиджры: 0,75 г — 1 экз.; 0,85 г — 1 экз.; 0,90 г — 1 экз.; 0,93 г — 2 экз.; 0,95 г — 1 экз.; 0,97 г — 1 экз.; 1,00 г — 3 экз.; 1,01 г — 1 экз.; 739 г. хиджры: 0,95 г — 1 экз.

²⁵ Архив ЛОИМК, ф. I, д. № 154; ОАК за 1909—1910 гг., стр. 46.

Выше было приведено и рассмотрено свидетельство Пеголотти о том, что соммо по весу Венеции равно 7 унциям без 2 гроссов, т. е. 204,04 г. Однако стоимость соммо равна 8 большим венецианским сольдо, составляющим всего 192 г серебра (1 сольдо = 24,02 г), т. е. приблизительно 190 аспров.

Приблизительно такое же соотношение курсов серебра в слитках и серебра в форме монеты можно установить для других областей Золотой Орды. Персидский автор XIV в. Вассаф сообщает, что в 30-х годах слиток соу (соммо) стоил 6 динаров²⁶, т. е. 120 золотоордынских дирхемов²⁷. Сарайский дирхем — основная монета Золотой Орды — после реформы хана Токты 1310—1311 гг. был равен по весу 1,55—1,60 г. Теоретическую норму его можно принять равной 1,59 г. 120 дирхемов по 1,59 г составляли 190,8 г (т. е. приблизительно около 190 аспров Таны).

По данным Пеголотти можно восстановить также курс серебра, выраженный в золоте. Слиток соммо равнялся по стоимости 5 золотым флоринам (fiorini d'oro)²⁸. Это дает возможность установить приблизительное соотношение серебра и золота для Таны первой четверти XIV в. Один флорин весил 3,537 г²⁹. Следовательно, 17,685 г золота приравнялись к 206,5 г серебра. Отсюда легко вывести рацию золота и серебра для Таны: 1 : 11,6.

В другом месте Пеголотти пишет, что соммо Таны приравнивается 9 перперам Перы (perperi di Pera). Эти последние представляли собой, по Пеголотти, золотые монеты, равные по весу саджо Перы и содержавшие 11 каратов золота в каждой унции³⁰, т. е. 2,01 г.

Следовательно, 206,5 г серебра приравнялись в Тане $2,01 \times 9 = 18,09$ г золота. Таким образом выводится рацию: 1 : 11,4.

Эти близкие между собою цифры можно проверить следующим образом: Ибн-Батута, автор, лично посетивший в 30-х годах Азак, пишет: «...отличному коню цена 50 или 60 дирхемов (азакских), равняющихся нашему (т. е. магребскому динару; Ибн-Батута делает почти все переводы денежных единиц на магребские динары. *Примечание наше.*— Г. Ф.-Д.) динару или около того»³¹. Магребский золотой динар был равен 4,38 г высокопробного золота³². Следовательно, 50 или 60 г серебра, по Ибн-Батуте, можно приравнивать к 4,38 г золота. Отсюда рацию золота и серебра устанавливается следующее: 1 : 11,4 или 1 : 13,7.

Эти цифры показывают, что золото ценилось довольно высоко, выше, чем в Иране и Средней Азии³³. Видимо, за счет притока серебра в виде дани с русских земель Золотая Орда была избавлена от дефицита в серебре, который так остро чувствовался в Средней Азии и на Среднем Востоке. Это позволило, между прочим, развернуть такую массовую чеканку монеты, какую мы наблюдаем в золотоордынских городах в XIV в., и сохранить довольно низкую, по сравнению с другими странами, стоимость серебра, выраженную в золоте. Однако при оценке рации этих благородных металлов в Тане первой четверти XIV в. необходимо иметь в виду, что торговля с Генуей и другими итальянскими городами не могла не влиять на эти отношения и пропорции. Характерно, что цифры 1 : 11,6,

²⁶ В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. II.

²⁷ Динар в Золотой Орде был счетной единицей, равной 6 дирхемам. См. В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. I, стр. 242, 438.

²⁸ F. V. Pegolotti. Ук. соч., стр. 22.

²⁹ W. Grötter. Wörterbuch der Münzkunde. Berlin — Leipzig, 1930, стр. 288.

³⁰ F. V. Pegolotti. Ук. соч., стр. 49. В унции содержалось 24 карата. 1 саджо Перы было равно 1 генуэзскому саджо, в свою очередь равному 1/72 генуэзской либры (см. F. V. Pegolotti. Ук. соч., стр. 32, 48), т. е. 4,39 г. Следовательно, 1 перперо содержал: $\frac{4,39 \times 11}{24} = 2,01$ г золота.

³¹ В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. I, стр. 268.

³² Г. А. Федоров-Давыдов. К вопросу о денежном курсе золота в Иране и Средней Азии в XIV в. КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 52.

³³ Там же, стр. 53.

полученные при анализе данных Пеголотти, поразительно близки к рацию серебра и золота для Италии середины XIV в.³⁴

Фоллери. Медная монета в Золотой Орде называлась пулом (от латинского «*follis*», арабский «*фельс*»). В Тане, по словам Пеголотти, 1 аспр = 16 фоллерам. Хорошо известна группа джучидских монет с легендой «16 данг пул»³⁵ и различными вариантами этой легенды. В. К. Трутовский высказал предположение, что эта легенда содержит указание на соотношение серебряного и медного номиналов в Золотой Орде³⁶. Это предположение (при всей спорности дальнейших построений В. К. Трутовского) представляется правильным. Выражение «по высочайшему повелению», добавленное к некоторым вариантам монет с этой легендой, наводит на размышления о какой-то законодательной регламентации обращения медных монет.

Соотношение 1 : 16, приводимое Пеголотти, очень интересно. Оно показывает, что азакское денежное обращение находилось в какой-то степени под влиянием центральной ханской власти.

Первые монеты с указанной легендой выпущены были в 1321 г. Это позволяет датировать отрывок из книги Пеголотти временем не ранее данного года и отнести все упоминания об аспрах к 1320-м годам.

Нам известно, что «высочайшее повеление» о равенстве 16 пул некоему «дангу» (как читают это слово большинство нумизматов) было распространено не только на Сарай и Азак. Сокращенный вариант упоминавшейся выше легенды известен и на хорезмском пуле. По-видимому, в Хорезме слову «данг» соответствовала весовая и счетная денежная единица даник, равная $\frac{2}{5}$ дирхема (установлено, что 40 пулов = 1 дирхему)³⁷.

В Азаке (Тане) слову «данг» соответствует слово «аспр», т. е. серебряная монета, битая в Азаке в начале XIV в. по норме около 1 г.

Чему же соответствовал данг-даник в Сарае? Сейчас мы не можем ответить на этот вопрос. Была ли это просто монета сарайской чеканки, которую восточные авторы называют дирхемом, или это была какая-то фракция дирхема — сказать трудно. Во всяком случае ясно одно, что «высочайшее повеление», навязывавшее различным областям Золотой Орды соотношение «16 пул — данг», осуществлялось в разных местах по-разному: неодинаковы были пулы и разными были «данги».

Большая либра. Большая танская либра равнялась $\frac{1}{5}$ генуэзского кантара, равного 150 генуэзским либрам³⁸. Следовательно, 1 большая либра Таны = 30 генуэзским либрам = 9502,5 г.

1 либра Таны = 30 малым венецианским либрам. Вес последних равен 304,08 г³⁹. Следовательно, 1 большая либра Таны = 912,24 г. 5 либр Таны составляют 100 больших венецианских либр. 1 венецианская большая либра = 480,446 г⁴⁰. Следовательно, 1 большая танская либра = = 9608,92 г.

Большая либра Таны определена по Пеголотти тремя значениями. Видимо, предпочтение нужно отдать первой величине, выведенной непосредственно из генуэзских стандартов, так как с Генуей у Таны были наиболее тесные торговые связи.

³⁴ A. Nagel. Zum Wertverhältnisse zwischen Gold und Silber in 14 Jahrhundert. Numismatische Zeitschrift. Wien, 1891, кн. 23, стр. 177—180.

³⁵ См. Х. М. Френ. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами иных мухаммедческих династий в прибавлении. СПб., 1838, стр. 7, № 41; стр. 9, № 56; стр. 10, № 61, 69; С. А. Янина. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции. МИА, № 42, 1954, стр. 434, №№ 30, 35.

³⁶ В. К. Трутовский. Алтын, его происхождение, история, эволюция. Тр. секции археологии РАНИОН, т. II, М., 1928, стр. 135.

³⁷ Г. А. Федоров-Давыдов. Монетная система..., стр. 246.

³⁸ F. V. Pegolotti. Ук. соч., стр. 32, 223.

³⁹ 100 малых либр Венеции = 96 генуэзским либрам (F. V. Pegolotti, Ук. соч., стр. 147). Отсюда 1 либра Венеции = 0,96 × 1 либра Генуи = 0,96 × 316,75 = 304,08

⁴⁰ См. выше примечание 16.

Руотоли. 20 руотоли = 1 большой либре Таны. 1 руотоли Таны = $= \frac{1}{20}$ либры Таны = 475,13 г. Эта единица была известна в Кафе⁴¹. Итальянское *quotoli* соответствовало, видимо, восточному весовому термину «ратль».

Точетто. 12 точетто Таны = 1 большой либре Таны. 1 точетто = 791,87 г.

Малая либра. 1 малая либра Таны = 1 либре Перы = 1 генуэзской либре = 316,75 г. Эта генуэзская единица известна также в Кафе и Константинополе⁴².

Кантар. 1 кантар = 1 генуэзскому кантару = 150 генуэзским либрам = 47 512,5 г. Этот кантар также известен в Кафе и в Константинополе⁴³.

Итак, денежно-весовые нормы Таны начала XIV в. реконструируются следующим образом:

- 1 раталь = 1,5 генуэзской либры = 475,13 г;
- 1 малая либра = 1 генуэзской либре = 316,75 г;
- 1 большая либра = 30 генуэзским либрам = 9502,5 г;
- 1 точетто = $\frac{1}{12}$ большой либры = 791,87 г;
- 1 мискаль (саджо) = 4,59 г;
- 1 саум (соммо) = 45 мискалям = 206,5 г;
- 1 даник (аспр) = $\frac{1}{202}$ саума = 1,02 г;
- 1 пул (фоллери) = $\frac{1}{16}$ даника.

Большинство единиц является по происхождению генуэзскими весовыми стандартами для крупных взвешиваний. Они общи для Таны, Кафы и Константинополя в начале XIV в. Весовая единица, связанная с денежным делом, — соммо — по происхождению связана с русскими нормами и с полуфунтовым слитком. В Кафе имелся другой соммо, равный 224,4 г⁴⁴. Влияние русской полуфунтовой весовой нормы (гривна серебра) на денежное дело Азака — факт, исторически очень важный. Он говорит о большом развитии русско-причерноморской торговли по Дону и Сев. Донцу. Весовая норма саджо (мискаль) происходит с Востока.

Характерно, что в Кафе набор весовых норм имеет больше генуэзских единиц. Саджо точно совпадает с генуэзской единицей того же названия, известной и в Константинополе⁴⁵.

Смешанный набор весовых единиц создавал неудобные для расчетов пропорции между величинами, разными по происхождению. Например, 1 большая либра = 2070 саджо.

В 1 саджо было $\frac{202}{45}$ аспра. Более гармонично сочетались генуэзские нормы, единые по происхождению.

Сложная система весовых норм Таны объективно отображает ту роль, которую играл этот город на путях международной торговли в золотоордынскую эпоху. В Азаке скрещивались пути, ведущие в Русь, и магистрали, связывавшие Черное море со Средней Азией, Индией и Китаем.

⁴¹ F. V. Pegolotti. Ук. соч., стр. 25.

⁴² Там же, стр. 26, 32.

⁴³ Там же.

⁴⁴ См. В. Юргевич. О монетах... стр. 87; его же. Замечания..., стр. 234.

⁴⁵ F. V. Pegolotti. Ук. соч., стр. 26, 48.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

О ПОДВОДНОЙ АРХЕОЛОГИИ

Как известно, полевая археология существует уже более двух столетий; в течение этого времени усилия археологов были сосредоточены на открытии и раскопках скрытых под землею памятников древности. Однако находившиеся под водою древние предметы, время от времени случайно обнаруживаемые, также становились достоянием археологической науки. В качестве примера можно назвать целый ряд мраморных и бронзовых скульптур и иных древностей, которые были извлечены со дна морей или иных водоемов в XIX и XX вв. Таковы, например: позднеархаическая статуя Аполлона, обнаруженная около Пиомбино в Тоскане¹, античные бронзы, открытые около мыса Артемисия, среди которых выделяется статуя бородатого бога², мраморное изваяние Аполлона раннеклассического времени³, обломки которого были собраны при очистке дна Тибра в 1891 г., бронзовая статуя юноши IV в. до н.э., найденная на дне моря около Марафона (рис. 1)⁴, или, наконец, обломки бронзовых украшений и других металлических частей корабля императора Калигулы, затонувшего в озере Неми (рис. 2)⁵.

Нужно думать, что как перечисленные, так и иные произведения искусства оказывались на дне морей преимущественно в результате кораблекрушений.

Помимо различных древностей, затонувших в морях, внимание археологов привлекали также и развалины античных сооружений и иных памятников древности, которые в последующее время были затоплены и, таким образом, оказались на дне.

Исследователи юга России П. А. Дюбрюкс и И. И. Бларамберг отметили на составленной ими карте Боспора Киммерийского наличие шести мраморных колонн в море, к югу от северной косы «Чушки» в Керченском проливе. Эта карта была опубликована при известном труде П. А. Дюбрюкса⁶, написанном в 1828—1833 г.⁷

¹ M. Collignon. Histoire de la sculpture grecque. Paris, 1892. I, стр. 313 и сл., табл. V.

² G. Rodenwaldt. Die Kunst der Antike (Hellas und Rom). Berlin, 1929, табл. 248, 249.

³ A. Springer, A. Michaelis, P. Wolters. Die Kunst des Altetums. Leipzig, 1923, стр. 257, рис. 487.

⁴ G. Rodenwaldt. Ук. соч., табл. 385—387.

⁵ R. Paribeni. Le terme di Diocleziano. Roma, 1922, стр. 312—315.

⁶ П. Дюбрюкс. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерического, от входа в пролив, близ Еникальского маяка, до горы Опук включительно, при Черном море ЗООИД, т. IV, 1858, табл. I; Ф. Жиль. Древности Босфора Киммерического. СПб., 1854, I, стр. CIV, прим. 4; см. также К. Герц. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870, стр. 114 и сл.

⁷ По свидетельству Ф. Жили (ук. соч., I, стр. CIV, прим. 4), А. Ашик уверял его, что в 1823 и 1824 гг. была сделана неудачная попытка извлечь из моря одну из этих колонн

Рис. 1. Голова бронзовой статуи юноши, найденной в море около Маратона

ми старых источников без точных указаний места и условий находки.

Так, в 20-х годах XIX в. на дне Таманского залива, возле древней Фанагории, были обнаружены и извлечены две большие мраморные статуи античного времени, представляющие собой лежащих львов (рис. 5)¹³. Обе эти статуи в настоящее время находятся в Феодосийском музее.

В Северном Причерноморье на дне моря засвидетельствованы также многочисленные находки глиняной посуды, главным образом остродонных амфор. Среди этих находок примечателен выброшенный морем на побережье Эльтегена в XIX в. небольшой кувшинчик с серебряными монетами пантикапейской, аполлонийской и нимфейской чеканки¹⁴. В начале нынешнего столетия около Ай-Тодорского мыса, на расстоянии 80—100 м

Еще А. С. Уваров указывал, что прибрежная часть Ольвии находится под водою Бугского лимана⁸. Этому обстоятельству особое внимание уделял Б. В. Фармаковский⁹; по поручению последнего, В. И. Деренкиным были произведены обмеры стен, расположенных под водою (рис. 3 и 4)¹⁰. Внимание археологов привлекли также находившиеся под водою развалины около Фанагории. Ф. Жиль, наблюдавший их в 1858 г., назвал это сооружение молем; определение Ф. Жилия было позднее повторено К. Герцем¹¹.

После раскопок 1939—1940 г., уточнивших границы Фанагории, стало очевидным, что в находящихшихся под водою строительных остатках скорее всего следует видеть развал бута оборонительной стены, а не мол¹². Подробнее на этом вопросе мы остановимся ниже.

Отнюдь не всегда можно сказать, при каких обстоятельствах те или иные древние предметы оказались на дне моря, особенно в тех случаях, когда мы располагаем только скудными сведения-

Рис. 2. Бронзовое украшение корабля, потонувшего в оз. Неми

⁸ А. Уваров. Исследования о древностях южной России и берегов Черного моря. Выпуск первый. СПб., 1851, стр. 40.

⁹ Б. В. Фармаковский. Ольвия. М., 1915, стр. 23.

¹⁰ См. А. Н. Карасев. Оборонительные сооружения Ольвии. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 32 и сл.

¹¹ К. Герц. Ук. соч., стр. 88.

¹² В. Д. Блаватский. О строительном деле Фанагории. Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, М., 1950, вып. IX, стр. 33, 34, прим. 2.

¹³ Л. П. Колли. Следы древней культуры на дне морском. Современное положение вопроса о нахождении в море античных памятников. Изв. Таврической Ученой Архивной Комиссии, № 43, Симферополь, 1909, стр. 126.

¹⁴ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 163—165.

Рис. 3. Крупные блоки ольвийских стен, сфотографированные во время спада воды

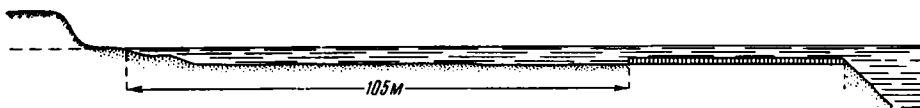

Рис. 4. Разрез береговой полосы Ольвии (обмеры 1916 г.)

от берега, были обнаружены различные предметы античного времени¹⁵. В ноябре 1905 г. в Феодосийском порту с глубины около 4,8 м были извлечены 15 амфор¹⁶, обросших морскими водорослями и раковинами.

Несколько лет спустя, в море около острова Березани были найдены две красноглиняные палеры римского времени, украшенные рельефами¹⁷.

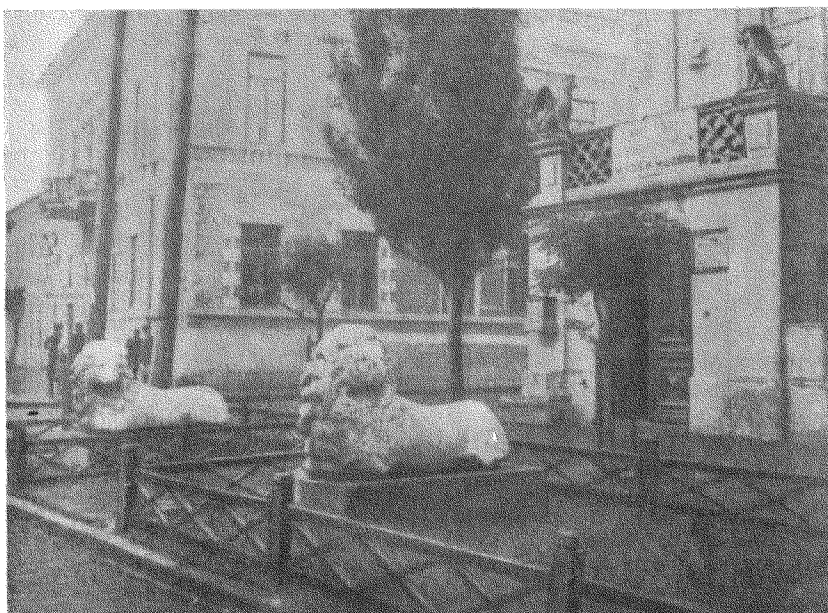

Рис. 5. Мраморные статуи львов, поднятые со дна моря около Фанагории

¹⁵ Л. П. Колли. Ук. соч., стр. 126—127.

¹⁶ Около места находки упомянутых амфор в 1894 г. было обнаружено сооружение вроде мола; там было до 4000 концов свай, глубоко сидевших в иле. Ряды этих свай шли по направлениям, образующим угол. Вопрос о времени, к которому следует отнести это сооружение, остается неясным (см. Л. П. Колли. Ук. соч., стр. 130).

¹⁷ ОАК за 1913—1915, стр. 204.

В 30-х годах текущего столетия в СССР были произведены попытки исследования и извлечения находящихся под водой древностей с помощью водолазов в тяжелом снаряжении (в вентилируемых скафандрах), представлявших ЭПРОНом.

Таковы были попытки К. Э. Гриневича отыскать подводный город на дне Черного моря, около Херсонесского маяка. Позднее, в конце 30-х го-

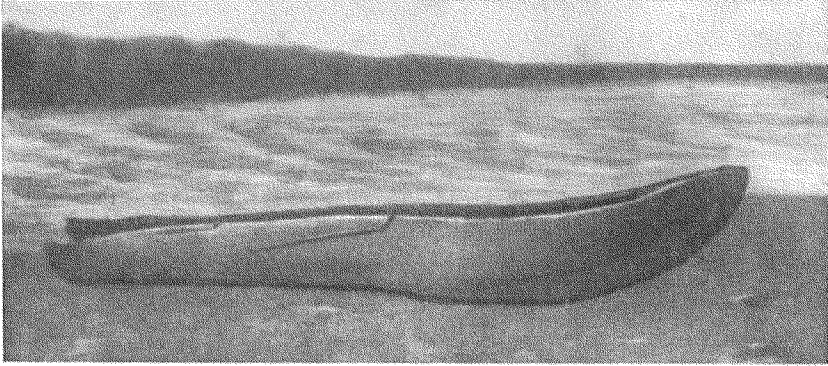

Рис. 6. Челн-однодеревка, обнаруженный в р. Буге

дов, Р. А. Орбели производил попытки наладить подводные археологические исследования также с помощью водолазов ЭПРОН. Наиболее значительным результатом этих работ был подъем со дна Буга, недалеко от с. Саботиновки, затонувшего челна-однодеревки (рис. 6)¹⁸. Этот челн, длиной 6,81 м, сделанный из дуба, был изготовлен посредством выжигания огнем.

В августе 1953 г. в Сухумской бухте¹⁹, по левую сторону устья р. Беслетки, был обнаружен мраморный надгробный рельеф греческой работы V в. до н. э. (рис. 7). Он лежал недалеко от берега, на глубине 2 м. В том же районе на дне моря, примерно в 70—100 м от берега, наблюдалось наличие развалин какого-то строения; здесь во время штормов выбрасывало на берег обломки чернолаковой посуды.

* * *

С целью добыть находящиеся под водой археологические памятники неоднократно предпринимались обширные работы. Так, в 1900—1901 гг. со дна Эгейского моря около о. Антикиферы был поднят целый ряд древностей, обнаруженных на затонувшем там корабле²⁰. Этот корабль, вероятно, направлявшийся из Греции в Италию, затонул в последние века до нашей эры. Среди многочисленных обнаруженных там находок следует отметить скульптуры из бронзы и мрамора и их обломки, бронзовые украшения, клины, различную посуду, в том числе остродонные амфоры, лагины, кувшины, флаконы, миски и пр., большое количество обломков дерева и железный якорь с четырьмя лапками (длиною 1,50 м). Из числа названных скульптур особого внимания заслуживают широко известные: бронзовая статуя юноши школы Поликлета²¹, а также бронзовая портретная голова бородатого мужчины (рис. 8 и 9)²².

¹⁸ Р. А. Орбели. Исследования и изыскания. Материалы к истории подводного грота с древнейших времен до наших дней. М.—Л., 1947, стр. 251—260.

¹⁹ М. М. Трапш. Мраморный барельеф из Сухуми. ВДИ, 1954, № 1, стр. 163 и сл.

²⁰ Τα εἰρημὰτα τοῦ ναυαγίου τῶν Ἀντικιφύρων. Ἐφ. Ἀρχ., 1902, стр. 146—171, табл. А—Θ и 7—17; V. Stais. Marbres et bronzes Musée National. Athènes, 1910, т. I, стр. 259 и сл.; E. Riefs. Sitzungsberichte der Archäolog. Gesellschaft zu Berlin, 1901, Arch. Anz., стр. 17 сл., рис. 1—4.

²¹ Ἐφ. Ἀρχ., 1902, табл. 7—12; V. Stais. Ук. соч., стр. 302 и сл., № 13396.

²² Ἐφ. Ἀρχ., 1902, табл. 13; G. Rodenwaldt. Ук. соч., табл. 450.

Не менее богатая добыча выпала на долю археологов после обнаружения в 1907 г. у берегов Туниса возле Мехедии древнего корабля, затонувшего на глубине около 40 м. По инициативе А. Мерлина были начаты подводные работы, которые велись до 1913 г.²³ Поднятые со дна моря находки значительно обогатили коллекции музея в Тунисе. Было установлено, что погибший корабль имел около 40 м в длину. Его богатый груз

Рис. 7. Мраморный рельеф греческой работы V в. до н. э., найденный в Сухумской бухте

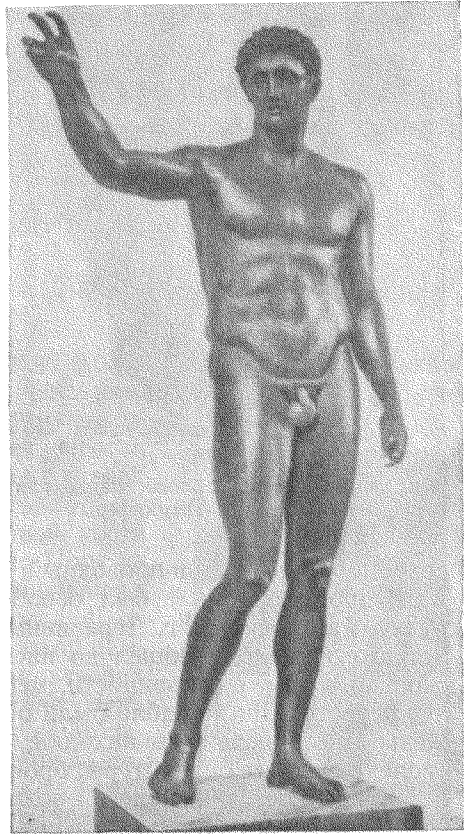

Рис. 8. Бронзовая статуя юноши, найденная в море около Антикиферы

был весьма разнообразен: лежавшие в семь рядов 65 мраморных колонн занимали пространство 25 м длиной и 7—9 м шириной. Кроме того, были обнаружены своеобразные мраморные капители неоаттического круга, бронзовые и мраморные большие скульптуры, бронзовые статуэтки, парадные доспехи (рис. 10), различные свинцовые и керамические изделия, многочисленные аттические надписи IV до н. э. и пр. Вероятно, датой гибели этого корабля была вторая половина II—первая половина I в. до н. э. Это дало основание предполагать, что на данном корабле перевозилась добыча, взятая в Афинах после занятия этого города войсками Суллы в 86 г. до н. э.

Проведенные работы не исчерпали тех археологических богатств, которые содержал корабль, затонувший около Мехедии, и в дальнейшем там

²³ A. Schulten. Archäologische Funde im Jahre 1908. Nordafrika. Arch. Anz., 1909, стр. 207 сл., рис. 4—8; его же. Archäologische Funde im Jahre 1909. Nordafrika. Arch. Anz., 1910, стр. 258 сл., рис. 1—4; его же. Archäologische Funde im Jahre 1911. Nordafrika. Arch. Anz., 1912, стр. 389 сл., рис. 2—8; A. Merlin et L. Poinsot. Marbres trouvés en mer près de Mehdia (Tunise). RA, XVIII, 1911, стр. 92—126.

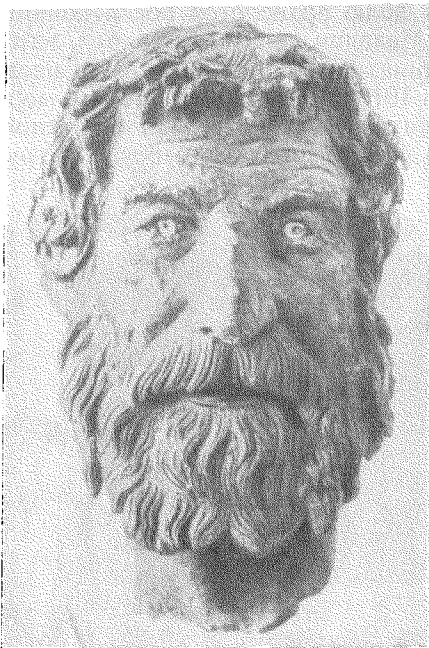

Рис. 9. Бронзовая голова, найденная в море около Антикиферы

сохранившийся водопроводный кран.

Второй корабль²⁶ был освобожден от воды весной 1932 г. Деревянный скелет этого корабля дошел до нас в несколько лучшей сохранности, чем скелет первого. При корабле были обнаружены многочисленные находки, в том числе бронзовые скульптуры, бронзовый циркуль и остатки колеса, возможно, водоотливного.

Среди других археологических памятников, обнаруженных на дне оз. Неми, следует отметить: бот²⁷ длиной 10 м и шириной 2,5 м, нагруженный камнем, лежавший под слоем тины, остатки сильно разрушенной барки²⁸ длиной 5 м, затянутой илом, большие якоря — деревянный и бронзовый с деревянной обкладкой, возможно, предохранявшей от слишком глубокого погружения в тину, и ограду из свай, сохранившуюся на 200 м в длину (рис. 11, 12, 13, 14).

²⁴ E. Böhringer. Archäologische Funde im Jahre 1927. Italien. Arch. Anz., 1928, стр. 172—174.

²⁵ W. Technau. Archäologische Funde von Mitte 1929 bis Oktober 1930. Arch. Anz., 1930, стр. 239 и сл., рис. 11—16, стр. 351 сл.

²⁶ Его же. Archäologische Funde in Italien, Albanien, Tripolitaniien und Kyrenaika von Oktober 1930 bis Oktober 1931 Arch. Anz., 1931, стр. 646 сл., рис. 3—5.

²⁷ Его же. Archäologische Funde in Italien, Tripolitaniien und der Kyrenaika von Oktober 1931 bis Oktober 1932. Arch. Anz., 1932, стр. 479.

²⁸ W. Technau. Archäologische Funde von Mitte 1929 bis October 1930 Arch. Anz., 1930, стр. 351.

производил исследование известный французский подводник — капитан Жак-Ив Кусто.

В Италии в 1927—1932 гг. были произведены большие работы на оз. Неми с целью сделать доступными для археологов два римских корабля, затонувших там в древности. Один из этих кораблей находился на глубине 6 м, а другой — 22 м ниже современной поверхности озера²⁴. Воды озера были выкачаны помпами, причем был вырыт отводный канал. В результате этих работ оба корабля оказались на суше.

Первый корабль²⁵ был полностью освобожден от воды осенью 1929 г. Эти работы были связаны с большими трудностями и не обошлись без повреждений корабля. После откачки воды над кораблем был сооружен защитный ангар. Плохая сохранность верхних частей корабля затрудняла истолкование его назначения. При корабле были обнаружены различные бронзовые детали; особого упоминания заслуживает довольно хорошо

Рис. 10. Бронзовый панцирь, найденный на дне моря около Мехедии

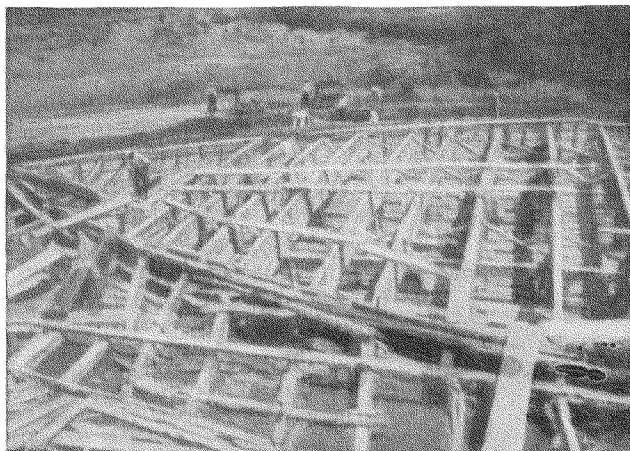

Рис. 11. Второй корабль, затонувший в оз. Неми (деталь)

Исследования находящих­ся под водою археологических памятников особенно оживились в 50-х годах XX в., чему немало способствовало развитие легководолазного дела. Много ценных находок было обнаружено в море у южных берегов Франции²⁹. В заливе Фо открыты древние стены, керамика кампанская, аретинская и галло-римская, а также голова богини из слоновой кости очень хорошей работы (рис. 15)³⁰. Около Порт де Бук найдены обломки коринфской капители и эллинистических саркофагов. В Сен Тропез³¹ со дна моря были подняты 13 мраморных блоков римского времени, возможно, предназначавшихся для одной из Нарбонских построек; общий вес этих блоков был около 210 т³². Возле берегов Монако найдена бронзовая фигура пантеры, сильно поврежденная коррозией³³.

Около Санари обнаружены остатки кораблей и амфоры на глубине 8 м, а возле Брегансона — мессалиотская амфора.

Наиболее значительные результаты за последние годы дали обследования древних кораблей, затонувших у побережий Франции и Италии. Так, весьма плодотворные работы были произведены у берегов Лигурии. В море, на расстоянии одной мили от Альбенги³⁴, на глубине 40 м, был обнаружен затонувший римский грузовой корабль. Систематические работы по исследованию этого корабля начались в феврале 1950 г. Они велись со спасательного итальянского судна «L'Artiglio».

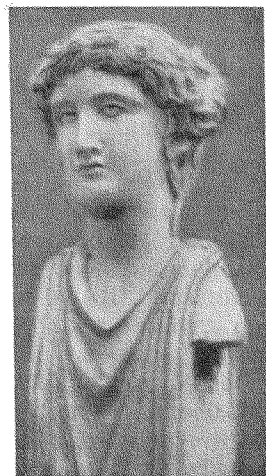

Рис. 12. Бронзовый герм с корабля, затонувшего в оз. Неми

²⁹ F. Benoit. Exploration sousmarine sur les côtes de Provence. *Provance Historique*, II, 1952, стр. CLIX—CLXII (по аннотации «Fasti Archaeologici», VII. Firenze, 1954, стр. 355)

³⁰ Fasti Archaeologici, VII, стр. 357, рис. 112.

³¹ L. S. Casson. *Sea-Digging*. *Archaeology*, 1953, т. 6, № 7, стр. 228.

³² Рецензия Mario A. de Chiago на работу Nino Lamboglia e Fernando Benoit «Scavi Sottomarini in Liguria e in Provenza, Bordighera. 1953». *AJA*, 59 (1955), стр. 84.

³³ По сообщению М. дель Киаро, опубликована у R. L'Antier. *Panthere en bronze trouvee en mer pres de Monaco*. *Mon. et mem. f. F. Pio*, 46 (1952), стр. 69 и сл.

³⁴ Mario A. del Chiago. Ук. соч., стр. 84.

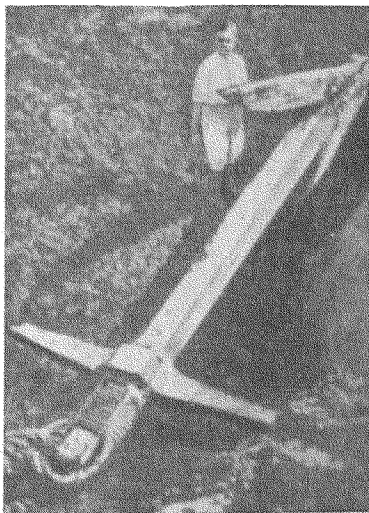

Рис. 13. Деревянный якорь, найденный на дне оз. Неми

произведено посредством деревянных штырей, в которые были впущены бронзовые гвозди, усилившие плотность сцепления. Среди находок на этом корабле отметим инструменты корабельного плотника, а также остатки довольно хорошо сохранившегося якоря.

В 1952 г. было начато исследование древнего корабля, затонувшего в Средиземном море около небольшого скалистого острова Гран Конлюэ, расположенного возле гавани Марселя (рис. 16)³⁵. Корабль находился на глубине около 50 м. Водолазные работы велись со специально оборудованного корабля «Калипсо», ими руководил капитан Жак-Ив Кусто. Затонувший корабль оказался купеческим судном, погибшим примерно в начале II в. до н. э. Корабль длиной около 30 м был обшит свинцовыми листами; общий вес извлеченных наверх листов достигал 20 т. Было обнаружено большое количество железных гвоздей, имевших на шляпках свинцовые облицовки. Такими гвоздями свинцовая обшивка прибивалась к дереву. Груз корабля состоял из 2200 остродонных амфор; при этом трюм корабля был заполнен греческими амфорами, а на палубе помещались кампанские амфоры. Найдено много черной гальки (вероятно,

Было установлено, что римский корабль достигал в длину 40 м; затонул он в конце II — начале I в. до н. э. Обнаружены части свинцовой обшивки, прикреплявшейся к дереву посредством бронзовых гвоздей. Груз корабля состоял из 3000 остродонных амфор, из которых 110 дошли в целом виде.

В 1948 г. А. Брусар³⁵, секретарь клуба Alpin Sous Maris, обнаружил на дне моря, западнее Кана, около дер. Адау, большое количество амфор. При дальнейших исследованиях выяснилось, что там затонуло три корабля, груженных сосудами с вином и отчасти маслом. Эти корабли датировались II в. до н. э., I в. до н. э. и I в. н. э. Наиболее важные результаты дало обследование корабля I в. до н. э.; там были обнаружены остатки шпангоута и прилегающей к нему обшивки борта, свидетельствующие о большом мастерстве кораблестроителей. Крепление этих частей было

Рис. 14. Палисады, обнаруженные на дне оз. Неми

³⁵ L. Casson. More Sea Digging. Archaeology, № 10, 1957, стр. 253 сл.

³⁶ Его же. Sea-Digging, стр. 226; J. Y. Cousteau. Fish Men Discover a 2200 Year Old Creek Ship. The National Geographic Magazine, Washington, 1954, № 1; Mario A. del Chiaro. Ук. соч., стр. 84 и сл.; V. Canarache. Importul amforelor stampilate la Istria. Editura Academiei Republicii Populare Române, 1957, стр. 13 сл., рис. 13, 14.

остатки древней мозаики). Якорь корабля был деревянный со свинцовой обшивкой. Перечисленные находки были обнаружены на площади около 900 м².

Однако в настоящее время количество известных нам затонувших в древности кораблей далеко не ограничивается приведенным списком³⁷. По сведениям, собранным директором Древностей Прованса и Корсики Ф. Бенуа, в настоящее время известно по меньшей мере 17 кораблей, датированных от VI в. до н. э. до IV в. н. э., которые затонули в прибрежной полосе между Марселем и границей Италии. На дне моря в проливе между Корсикой и Сардинией обнаружено большое количество античной керамики.

Следует подчеркнуть, что исследования грузов античных кораблей, обнаруженных у берегов древней Галлии, дополнили имевшиеся в науке сведения не только о характере морской торговли, но также и об экономике Восточного Средиземноморья во времена поздней Республики и Римской Империи. Цицерон сообщает нам о запрещении трансальпийским

Рис. 15. Голова из слоновой кости, найденная в заливе Фо

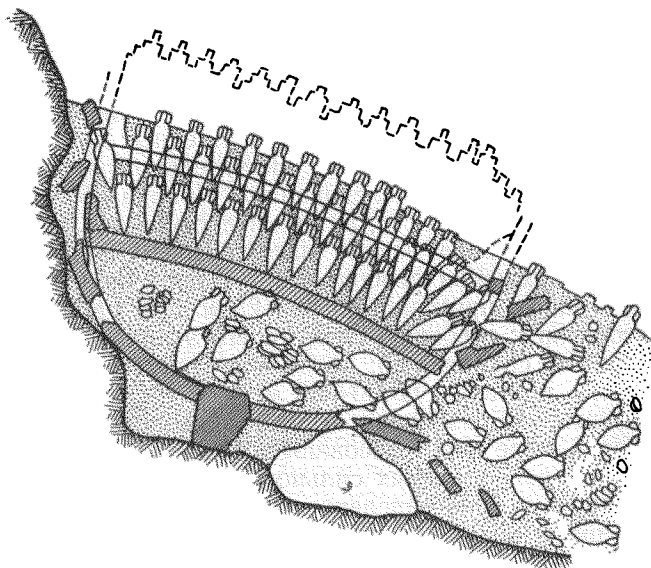

Рис. 16. Разрез корабля, затонувшего около Марселя

племенам разводить оливковые деревья и виноградники³⁸. Согласно свидетельству Светония³⁹, Домициан издал эдикт о вырубке в провинциях всех виноградников, оставив половину их лишь там, где их было большое

³⁷ L. Casson. *More Sea Digging*, стр. 252, 254.

³⁸ Cicero. *De rep.*, III, 9, 16.

³⁹ Suet., *Dom.*, VII.

количество. Еще до обнаружения кораблей у берегов Галлии высказывалось мнение, что названные мероприятия римского правительства имели своей целью прежде всего способствовать развитию италийского виноделия⁴⁰ и отчасти обеспечить ему рынки сбыта в провинциях, в частности в Галлии⁴¹. В настоящее время наличие италийских амфор на ряде затонувших древних кораблей служит подтверждением данного мнения.

За последние годы Восточное Средиземноморье не привлекало такого внимания подводных исследователей, как Западное. Однако многочисленные находки амфор, которые постоянно вылавливают рыбаки в Эгейском море⁴², особенно около Хиоса, позволяют заключить, что и там находятся большие археологические богатства.

* * *

Выше мы уже говорили о неоднократно проводившихся подводных работах у северных берегов Черного моря в начале и в 30-х годах текущего столетия. Все эти работы проводились с помощью профессиональных водолазов.

Однако нужно сказать, что исследование археологических памятников, находящихся под водой, с помощью одних лишь водолазов в тяжелом снаряжении было связано со значительными затруднениями. Такие экспедиции требовали применения сложного и дорогостоящего оборудования, а главное, самые подводные работы осуществлялись профессиональными водолазами, а не археологами. Эти недостатки могут быть хотя бы частично устранены в настоящее время, когда легководолазное дело достигло значительного развития. Современное легководолазное снаряжение — кислородные приборы, и особенно акваланги, — открывает широкие возможности для работы под водой самих археологов, хотя бы на сравнительно небольших глубинах. Разумеется, археологи-подводники могут привлекать в качестве своих помощников водолазов-профессионалов, а отчасти и спортсменов-аквалангистов, однако на долю этих помощников можно отвести только рекогносцировку дна, фото- и киносъемку, а равно и подсобные работы при обследовании обнаруженных памятников.

Появление археологов-подводников значительно расширяет районы, доступные археологическому исследованию. Правда, большие глубины в морях и озерах пока остаются и для них недоступными, а работы в мутной и малопрозрачной воде весьма затруднены. Однако археологи в легководолазном снаряжении свободно могут производить исследование на небольших глубинах, примерно до 20—25 м. Эти работы значительно приблизят археологов к освоению следующего этапа — подводным работам в скафандровом снаряжении; тогда им станут вполне доступными и большие глубины, примерно до 60—80 м.

Следует отметить, что различные отрасли археологической науки далеко не в одинаковой мере заинтересованы в подводных работах. Для изучения истории народов, имевших сильно развитое кораблестроение или располагавших другими многочисленными средствами для плавания по морям, рекам и иным водоемам, подводная археология нужна в значительно большей мере, чем для исследования прошлого тех племен, которым в силу тех или иных причин навигация была чужда.

При любых обстоятельствах подводная археология будет весьма нужна для изучения древнего мира и средневековья. Так, для антиковедов, исследующих Северное Причерноморье, применение подводных работ позволит более чем вдвое увеличить районы их экспедиционных работ.

⁴⁰ M. Rostovtzeff. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1924, стр. 492, прим. 17.

⁴¹ Сказанное отнюдь не исключает хорошо засвидетельствованного факта вывоза вина из Галлии (см. M. Rostovtzeff. Ук. соч., стр. 155 сл.).

⁴² L. Casson. Ук. соч., стр. 255.

Именно это обстоятельство сделало первоочередной задачей налаживания подводных археологических работ для археологов-антиковедов.

Для организации этих работ было необходимо подготовить кадры археологов, ознакомиться с условиями подводных археологических работ, приобрести в ходе самих исследований необходимые навыки, а также установить, какое техническое оборудование будет необходимо для последующих изысканий. С этой целью в составе экспедиции, раскапывавшей Пантикапей в конце лета и в начале осени 1957 г., была организована небольшая группа археологов-подводников, прошедшая обучение в Центральном Морском клубе ДОСААФ СССР и работавшая на кислородных приборах. Кроме того, к ним была присоединена группа спортсменов-аквалангистов⁴³, студентов МАИ, самостоятельно соорудивших акваланги⁴⁴. На небольших глубинах применялись рейдовые маски и смотровой ящик.

В прошедшем году мы ставили перед собой довольно скромную задачу — предварительно ознакомиться с условиями археологических подводных работ в различных частях Керченского пролива: у западного и восточного берегов, а также у кос Тузлы и Чушки. Было обследовано морское дно в районах, прилежащих к древним городам: Нимфею, Пантикапею.

Прием работы был следующий: шлюпка с водолазами ставилась на якорь над тем участком, который подлежал исследованию. По данному со шлюпки сигналу ее местонахождение фиксировалось для нанесения на план. На берегу была разбита базовая линия, на концах которой стояли фиксаторы, засекавшие местонахождение шлюпки по бусоли. После этого один или два водолаза погружались в воду и плыли над грунтом. Двигались они по спирали на страховых концах до 40 м длиной. Обнаруженные водолазами предметы наносились на план особо.

Проведенные работы показали возможность уточнения наших представлений о затопленных и размытых морем частях древних городов. В результате двухдневных исследований, проведенных в Гермонассе, удалось дать предварительную наметку расположения размытых частей древнего города (рис. 17). При подводных работах около Нимфея, Гермонассы и в других местах были собраны обломки античной и средневековой керамики. Главным образом это были черепки остродонных амфор, среди которых наиболее интересны амфорные клейма, обнаруженные около Гермонассы. Это были два омикронобразных знака, оттиснутых на горле хиосской амфоры, анэпиграфное круглое клеймо с маской Медузы-Горгоны «архаического типа» на ручке фасосской амфоры⁴⁵ и часть шейки гераклейской амфоры с плохо сохранившимся энглифическим клеймом.

Организация подводных археологических работ связана с преодолением целого ряда значительных трудностей.

Прежде всего, нужны новые молодые специалисты (возраст для работы на морской глубине строго лимитирован), которые должны пройти как археологическую, так и специальную водолазную подготовку. Таких специалистов пока в небольшом числе начинает готовить кафедра археологии исторического факультета Московского университета при энергичном содействии Центрального Морского клуба ДОСААФ.

Помимо подводных археологов, нужны также специалисты, которые

---

⁴³ Группа археологов-подводников состояла всего из трех человек: Б. Г. Петерса, И. В. Смирнова и А. В. Блаватского. Они проходили обучение в Центральном Морском клубе под руководством А. М. Близнакова и Н. В. Тимофеюка. Бригадиром группы аквалангистов, состоявших из студентов МАИ, был В. Кошелев. Погружения во время экспедиционных работ производились под контролем инструктора Л. В. Лесового.

⁴⁴ См. журнал «Техника — молодежи», 1957, № 6, стр. 22 сл.

⁴⁵ В каталоге Е. М. Придика упомянуто всего одно клеймо этого типа, дошедшее в плохой сохранности; оно было найдено в 1869 г. на Митридатовой горе. Е. М. Придик отнес его к ручкам неизвестного происхождения (см. Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. II. 1917, стр. 118, № 457, табл. XV, 22).

будут конструировать, испытывать под водой, а также применять целый ряд необходимых механизмов. Ведь подводная археология, в отличие от полевой, требует на каждом шагу различного технического оборудования, в ряде случаев специально для нее сконструированного. В этом отношении нам приходят на помощь научные работники и студенты Московского энергетического института.

Особенно сложным делом является проведение подводных раскопок. При сравнительно небольших глубинах возможно и вполне целесообразно

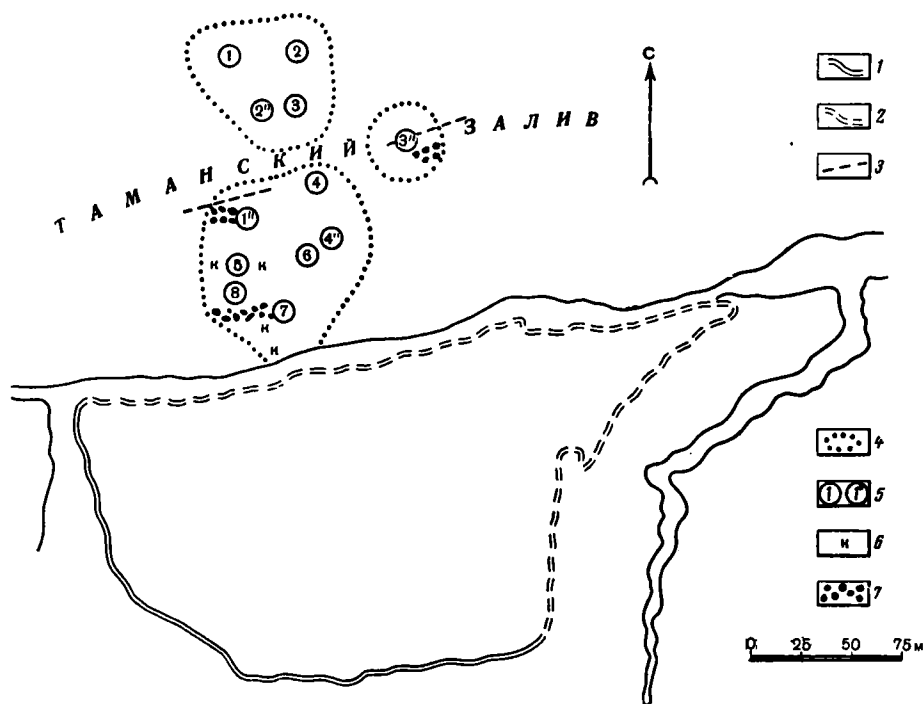

Рис. 17. Схематический план Гермонассы, составленный в результате наземных и подводных археологических работ около Гермонассы (план городища, по Б. А. Рыбакову; подводные работы под руководством В. Д. Блаватского в 1957 г.)

1—3 — границы Таманского городища: 1 — хорошо сохранившиеся, 2 — поврежденные размывом, 3 — возможная граница размывтой части города; 4 — граница обследованных подводных участков; 5 — пункты, с которых велись подводные обследования (местонахождение лодки); 6 — места находок обломков керамики; 7 — места, где были обнаружены скопления камней

применение кессонов. На больших глубинах от них нужно будет отказаться, и водолазам придется работать, стоя на грунте — «в открытую» под водой. Привычная лопата здесь не годится, и ее заменят различные типы грунтососов с мощными надводными двигателями⁴⁶. Эти механизмы будут подавать наверх отсосанный ими культурный слой, где он будет пропускаться через решетку для выборки находок. Такое отсасывание грунта можно будет вести по пластам, примерно отвечающим «штыкам» в наземных раскопках.

Одна из главных трудностей, с которой придется столкнуться подводной археологии при разведочных работах, — это мощные отложения ила, которые могут полностью скрыть от взоров исследователя даже очень большие предметы. В этих случаях существенную помощь нам могут оказать геофизические приемы исследования, поскольку грузы затонувших

⁴⁶ Мы полагаем, что применять размывочные средства при подводных археологических работах нецелесообразно, так как они поднимают очень большую мусть и тем самым еще более затрудняют наблюдение и выборку находок.

кораблей (камни, амфоры и пр.) могут быть уловлены соответственными физическими приборами.

Другую большую трудность при подводных работах представляет мутная вода, даже на небольших глубинах, не говоря уже о сколько-нибудь значительных; она делает фотоаппараты непригодными к работе, а водолаза почти слепым, принуждая его работать главным образом осязью.

Преодоление перечисленных трудностей позволит широко организовать в СССР в ближайшем будущем подводные археологические работы на глубинах, доступных аквалангистам. Однако в дальнейшем будет целесообразно перейти к широкому применению работ археологов в скафандрах.

Мы не сомневаемся в том, что развитие конструирования подводных археологических приборов в не очень далеком будущем позволит проникнуть и на огромные глубины, в настоящее время человеку недоступные. Тогда с помощью телевизоров, осветительных приборов и водолазов-механизмов окажется возможным вести археологические работы на любой глубине, где только потребуются, хотя бы на дне Атлантического океана.

* * *

Задачей подводной археологии, как нам представляется, прежде всего должна быть разведка дна всех доступных водоемов и составление подробных археологических карт. Эти разведки должны периодически возобновляться, ибо дно водоемов, особенно в прибрежной полосе, не является постоянным и время от времени испытывает изменения.

Правильно организованные разведки дна не могут не выявить различных затонувших предметов. Особый интерес при этом представляют корабли, погибшие в древнее и средневековое время. Прежде всего, античное кораблестроение, имевшее громадное значение для греко-римского мира, во многом остается неясным. Достаточно напомнить, что никому до сего времени не удалось удовлетворительным образом объяснить структуру многоярусных кораблей периода эллинизма. В случае обнаружения кораблей, деревянные части и такелаж которых имеют хорошую сохранность, наши представления об античном кораблестроении в значительной мере обогатятся. Обследования как торговых, так и военных кораблей, несомненно, выявят новые и существенные данные не только для морского дела, но и для других сторон античной культуры, в частности экономики и техники.

Древние и средневековые корабли в большом числе погибали во время штормов в различных морях, в том числе и в Черном море. Ксенофонт красочно повествует о фракийцах, которые грабили греческие корабли, севшие на мель около Салмидеса, захватывая ложа, лари, книги и «все, что корабельщики возят в деревянных ящиках»⁴⁷. Это свидетельство Ксенофонта позволяет нам восстановить в общих чертах картину древних кораблекрушений около Салмидеса. Фракийцы, видимо, не имели обыкновения захватывать греческие корабли в то время, когда они, только что севши на мель, лишались возможности спастись бегством от нападавших. Ведь в таком случае добыча фракийцев нередко была бы значительно более богатой и разнообразной: в нее прежде всего вошли бы многочисленные амфоры с вином и маслом, металлические изделия, не говоря уже о людях, обращаемых в рабство. Обо всем этом вряд ли умолчал бы Ксенофонт.

Большая часть перечисленных Ксенофонтом предметов представляет собою деревянные изделия: ложа, лари, ящики. Вероятно, их море прибило к берегу, после того как севшие на мель корабли оказывались разбитыми волнами и весь тяжелый груз (амфоры, металлические изделия, камни и т. п.) шел на дно. При таких обстоятельствах особый интерес

⁴⁷ Xenophon., Anab., VII, 5, 12.

представляют для нас упоминаемые Ксенофонтom βιβλοι γεγραμμέναι, т. е. книги. Как известно, в античное время книги имели вид свитков папируса, несколько таких свитков хранилось в цисте — специальном, обычно бронзовом футляре цилиндрической формы, закрывавшемся крышкой. Если такие цисты со свитками не тонули сразу и море могло прибивать их к берегам Салмидоса, то это было возможно лишь в том случае, если укупорка их была герметической. Вероятно, чтобы избежать порчи книг от влаги в сыром трюме кораблей, купцы промазывали скважины крышек смолой, воском или иным водонепроницаемым веществом. Это обстоятельство весьма существенно для дальнейших перспектив подводной археологии. Оно позволяет надеяться, что при счастливых обстоятельствах на дне морей могут быть обнаружены произведения древних авторов, в том числе и те, которые до сего времени нам остаются неизвестными.

Другое заслуживающее внимания свидетельство мы находим у Полибия, сообщающего, что перед устьем Истра имеется коса — Στήθη, длиною в 1000 стадий, образовавшаяся из наносов ила; моряки, плавающие по Понту, иногда ночью разбивают об эту косу свои корабли⁴⁸.

Помимо сказанного, следует также отметить, что раскопки античных городов и поселений лишь в крайне редких случаях дают нам сколько-нибудь хорошо сохранившиеся комплексы предметов быта, ремесленных инструментов, сельскохозяйственных орудий, предметов вооружения, культа и т. п. Поэтому-то наши музейные коллекции обычно весьма неполны и, во всяком случае, односторонне отражают материальную культуру древности. Исследование хорошо сохранившихся затонувших кораблей может в известной мере восполнить этот пробел и дать нам комплексы особых типов: вещей, перевозившихся на купеческих, военных, пиратских и иных судах.

О несомненном наличии кораблей, затонувших в античное и средневековое время около северного побережья Черного моря, убедительно свидетельствуют многочисленные находки амфор, служивших тарой для вина или оливкового масла. Такие находки нередко доставляют рыбаки, команды землечерпалок и других кораблей, плавающих в различных частях северочерноморского побережья. Любопытно, что большей частью такие амфоры или их обломки бывают обнаружены не поодиночке, а группами, хотя бы небольшими; это еще более убеждает нас в том, что мы имеем дело не со случайным одиночным предметом, а с частью груза затонувшего корабля⁴⁹.

Однако кораблями не ограничиваются те археологические богатства, которые могут быть обнаружены на дне водоемов. Другой очень важный тип подводного археологического памятника — это остатки древних поселений, оказавшиеся на дне моря или озера в результате затопления, вызванного медленным или внезапным опусканием берега или же подъемом уровня воды. Обследование таких «подводных городищ» представляет собою задачу, в методическом отношении близкую обычным наземным раскопкам, но технически значительно более сложную. Ведь под водой невозможны вертикальные стенки отсеков, оставление бровок, обычные для наземных работ приемы зачисток. Тем не менее задача исследования находящихся под водою многослойных городищ (со всею их сложной стратиграфией) стоит перед археологами, и она, конечно, будет решена с помощью механизмов, специально сконструированных для этой цели.

Среди античных городов Северного Причерноморья, частично затопленных морем, большой интерес представляет Фанагория. Раскопки, производившиеся там в 1939 г. на песчаной полосе, вдоль самого берега мо-

⁴⁸ Polyb., IV, 41, 1—2.

⁴⁹ Отметим, что остатки средневекового корабля с грузом амфор и пифосов найдены на дне бухты у селения «Новый Свет» под Судаком. Эти остатки были обнаружены рыбаками, а затем летом 1957 г. их осматривали две группы спортсменов, собравших обломки средневековой керамики.

ря, обнаружили культурные напластования значительно ниже морского уровня⁵⁰. В числе прочих сооружений был открыт фундамент монументального здания IV в. до н. э.; он уходил под морское дно, и нам удалось его раскрыть более чем на 1,5 м в длину за пределами береговой полосы. Значительно глубже залегало самое нижнее из напластований — конца VI в. до н. э.; подошва его была обнаружена на глубине 2 м ниже уровня моря. Все эти данные показали, что часть развалин древнего города находится под водой, а гряда камней, расположенная в море, против восточной окраины городища, в действительности является остатками оборонительной стены, а не молом, как полагали К. К. Герц и др. Так, наметилось наличие затопленной морем, но вместе с тем достаточно сохранившейся части Фанагории, протяжение которой, если следовать К. К. Герцу, было не менее 200 м (100 сажен)⁵¹.

Результаты археологических работ в Фанагории оказались полезными и для океанологов⁵², позволив им говорить о времени подъема уровня воды в Керченском проливе, опираясь на довольно точные хронологические данные. Последние в настоящее время могут быть значительно уточнены. В 1939 г. мы работали на морском берегу Фанагории, располагая крайне недостаточным оборудованием. В настоящее время изучение скрытой под водой прибрежной части древнего города становится вполне доступным. Это позволит уточнить границы затопленных частей Фанагории и, кроме того, выяснить глубину подошвы нижнего напластования последней⁵³. Не менее существенно и то обстоятельство, что раскопки затопленных частей Фанагории могут способствовать уточнению датировки отложений пластов ила на дне Таманского залива.

Еще в древности было известно, что побережье Меотийского озера, т. е. Азовского моря, увеличивается вследствие речных наносов. Как сообщает Аристотель⁵⁴, в его время туда входили суда лишь гораздо меньшей величины, чем за 60 лет до этого. Таким образом, исследования находящейся под водой части фанагорийского городища должны пролить свет на вопрос, решение которого одинаково важно и для археологии, и для океанографии. Ведь таким образом пополнятся данные, способствующие уточнению истории изменения береговой линии, и мы приблизимся к более надежному решению сложного вопроса об очертаниях суши в Керченском проливе в античную эпоху.

Условия, в которых находятся залитые водой части Фанагории, сравнительно благоприятны, так как здесь морем размывались только верхние части городских напластований, а нижние дошли до нас неповрежденными. Значительно хуже обстоит дело в таких городищах, как Гермонасса. Она расположена на более высоком берегу, в силу чего там морем размывается материковая глина, залегающая под мощными культурными напластованиями. Морские волны вызывают большие обвалы и оползни, в результате чего культурные напластования смещаются и, обрушиваясь в

⁵⁰ В. Д. Блаватский. Раскопки в Фанагории в 1938—1939 гг. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 294, рис. 4; стр. 297 и сл.; его же. О строительном деле Фанагории. Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, книга девятая. М., 1950, стр. 35 и сл., рис. 2—4.

⁵¹ К. К. Герц. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870, стр. 88.

⁵² Е. Н. Невеский. Исследование толщ прибрежных отложений с помощью вибропоршневой трубки. Доклады АН СССР, 1957, т. 112, № 3, стр. 420.

⁵³ Учитывая глубину соответствующих частей дна залива, глубина подошвы нижнего напластования Фанагории, возможно, окажется на 3—4 м ниже уровня моря. Однако, разумеется, что только после проведения надлежащих подводных работ эта глубина может быть надежно установлена, что и делает названные работы столь необходимыми. Попутно отметим, что уж давно высказывались предположения о наличии трансгрессии, т. е. постепенного поднятия уровня Средиземного моря. При этом предполагалось, что в VIII в. до н. э. уровень Средиземного моря был на 3,5 м ниже, чем в настоящее время (Л. П. Колли. Уж. соч., стр. 131 и 135).

⁵⁴ Arist., Meteor., I, 14, 29.

море, подвергаются сильнейшим разрушениям. При таких обстоятельствах все данные стратиграфии оказываются утраченными. Однако, как показали работы 1957 г., даже при таких обстоятельствах возможны наблюдения, позволяющие прийти к небезынтересным выводам.

* * *

Подводная археология имеет большое научное значение и может оказаться весьма полезной не только для истории, но и для других дисциплин, прежде всего океанологии.

Специфика подводной археологии, в отличие от полевой, заключается в том, что она порождена значительным развитием техники. Дальнейший рост этой отрасли археологической дисциплины тесно связан и отчасти зависит от дальнейшего развития современной техники. Можно предполагать, что когда подводная археология станет полнокровной дисциплиной, она в свою очередь будет стимулировать появление некоторых видов новых механизмов, специально приспособленных для глубоководных работ.

В заключение отметим, что специфической особенностью подводных археологических работ является большая роль коллектива. Многие из изложенных в этой статье мыслей, связанных с приемами подводных археологических исследований, не появились бы у ее автора, если бы ему не пришлось многократно наблюдать работу молодых археологов-подводников в 1957 г., а также советоваться со специалистами водолазного дела.

От археолога-подводника требуются весьма высокие моральные и физические данные, чувство корпоративности, исключительная стойкость и выносливость, дисциплина, умение быстро ориентироваться в обстановке и сохранять спокойствие, проявлять нужную инициативу. Обладая широким диапазоном представлений в области гуманитарных наук, он должен быть достаточно знаком с необходимыми ему достижениями современной техники; ему нельзя ограничиваться только тем, что он «понимает свой маневр», он должен уметь создавать этот маневр.

Не сомневаюсь, что в ближайшее время в нашей стране вырастут именно такие молодые кадры, сумеющие преодолеть все стоящие на их пути трудности.

ОТ РЕДАКЦИИ: Публикуемая статья В. Д. Блаватского посвящена новой отрасли археологии — подводной археологии, складывающейся в настоящее время у нас на глазах.

В статье В. Д. Блаватского говорится только о возможностях, которые открывает подводная археология в отношении античных и отчасти раннесредневековых древностей. Но надо сказать, что этим не ограничиваются задачи подводной археологии. Уже давно известны памятники древностей других эпох, вплоть до палеолита, находящиеся под водой. Ограничимся немногими примерами.

Известно, что многие морские проливы и заливы не существовали в древности (в ледниковую, а некоторые и в послеледниковую эпоху), как, например, Па-де-Кале, Гибралтар, Эгейское и Адриатическое моря и т. д. На этих обширных пространствах, несомненно, существовали как древние поселения, так и могильники. Нередко в специальной литературе упоминаются находки каменных орудий, извлеченных со дна моря на небольших глубинах, некогда представлявших собой сушу, а затем погружившихся в море вследствие различных тектонических явлений. Напомним о неолитических янтарных украшениях⁵⁵, добытых во множестве и извле-

⁵⁵ R. Klebs. Der Bernsteinschmuck der Steinzeit. Beiträge zur Naturkunde Preussens. Königsberg, 1882.

каемых сотнями и в настоящее время при драгировании янтаря в заливах Балтийского моря и в Калининградской области.

Упомянутый В. Д. Блаватским челн, поднятый Р. А. Орбели со дна р. Буга⁵⁶, имеет прекрасную параллель в челне, извлеченном в 1954 г. М. Е. Фосс⁵⁷ с глубины 6 м на берегу р. Дона.

Год спустя там же был найден второй такой челн⁵⁸. Все три челна относятся к неолитической эпохе и имеют около 7 м длины. Широко известен челн, обнаруженный А. А. Иностранцевым при прорытии Сясского канала⁵⁹. Сколько же таких челнов этого и более позднего времени, возможно, с товарами, находится на дне наших рек и озер? Таково, например, большое судно, покоящееся на дне оз. Лача в Архангельской области, отмеченное на гидрологической карте исследовавшего это озеро гидролога К. К. Маркова⁶⁰. Два древних челна были извлечены со дна р. Оки⁶¹. К сожалению, начатые К. Э. Гриневичем в 30-х годах и широко развернутые в 1937 г. Р. А. Орбели подводные археологические работы прервались со смертью последнего в 1943 г.⁶².

Известно о существовании затопленных поселений на дне оз. Иссык-Куль и на оз. Севан. На осушенной части берега последнего раскопками 1956 г. вскрыты богатейшие курганы бронзового века.

Список подобных мест можно было бы значительно продолжить. Великое множество рек и озер, а также побережья морей Советского Союза хранят в своих глубинах остатки прошлого, найти и изучить которые предстоит подводной археологии, или гидроархеологии, как предпочитал называть ее Р. А. Орбели.

---

⁵⁶ Р. Орбели. Исследования и изыскания. М.—Л., 1947, стр. 251 сл.

⁵⁷ Находится в ГИМ.

⁵⁸ Находится в Воронежском музее.

⁵⁹ Находится в ЛГУ

⁶⁰ Карта хранится в ГИМ. Перечень других мест, где имеются погрузившиеся в воду археологические памятники, см. Р. Орбели. Ук. соч.

⁶¹ Хранятся в Рязанском музее.

⁶² Под руководством Р. А. Орбели с 1937 г. ЭПРОном (Экспедиция подводных работ особого назначения) производились гидроархеологические работы на Буге и в Коктебеле. Кроме того, Р. А. Орбели произвел многочисленные гидроархеологические разведки для обнаружения в разных местах СССР затонувших археологических памятников. Многие советские археологи помогали ему в этом деле, как, например, В. А. Городцов, Ю. Ю. Марти, А. И. Маркевич, С. С. Маркевич, С. С. Деев, Н. И. Репников, К. Э. Гриневич и др.

Г. Н. ЛИСИЦЫНА

К ВОПРОСУ ОБ АЛЛЕРОДЕ ПРИБАЛТИКИ И О ВОЗРАСТЕ СТОЯНКИ КУНДА

В мае 1954 г. благодаря любезной помощи научных сотрудников Института истории АН ЭССР археологов Л. Ю. Янитса и М. Х. Шмидехельм мне удалось посетить один из интереснейших памятников эпохи неолита Прибалтики, известный в литературе под названием «Кунда». Местность, где были сделаны археологические находки, представляет собою слегка заболоченную низину. Она расположена южнее г. Кунда и была в прошлом заливом Балтийского моря, а в настоящее время отделена от него береговым валом, прорезанным р. Кундой, дренирующей эту низину.

Под маломощным слоем торфянистой почвы залегают древнеозерные отложения, представленные в основном мергелем, содержащим ископаемые органические остатки, и подстилаемые ледниковыми образованиями последнего оледенения. В юго-восточной части низины находится холм Ламмасмяги высотой в 4—4,5 м (также сложенный ледниковыми образованиями), который был островом в период существования озера и служил местом поселения неолитического человека. Помимо холма Ламмасмяги, отдельные археологические находки были сделаны в западной части низины, в мергелях, на глубине 0,55—1,35 м от современной поверхности, и известны под названием находок в «болоте Кунда». Геологическое строение Кундской низины подробно изучено К. К. Орвику в связи с археологическими исследованиями Р. Индреко¹. Микропалеоботаническое изучение древнеозерных отложений проводилось П. Томсоном², и полученные им результаты полностью согласовывались с геологическими исследованиями. Нашей задачей являлось повторное изучение озерных отложений Кунды с помощью спорово-пыльцевого анализа в целях получения дополнительных данных по составу пыльцы травянистых и кустарничковых растений и увязки палеоботанических данных с культурным слоем Ламмасмяги. Образцы на спорово-пыльцевой анализ были взяты буром Гиллера у южного края холма Ламмасмяги из толщи древнеозерных отложений мощностью до 4,5 м.

Геологическая история этой территории рисуется, по К. К. Орвику, следующим образом. Освобождение местности Кунда от материкового льда произошло в конце готигляциального времени (т. е. приблизительно 12 000 лет до н. э.) — в начале существования Балтийского ледникового подпружного озера. Первоначально Кунда была заливом Балтики, но благодаря образованию в районе глинта вала, сложенного гравийно-галечными отложениями, уже к началу иольдиевого времени происходит отделение залива от Балтики и образование озера Кунда. Отложения древнего озера, представленные в основном мергелем, начали накапливаться еще во время существования Балтийского ледникового озера, т. е. в период, когда имелась связь Кунды с Балтикой; накопление закончилось лишь к началу литоринового времени, когда вследствие прорыва вышеупомянутого берегового вала произошел окончательный спуск

¹ R. Indreko. Die mittlere Steinzeit in Estland. Stockholm, 1948.

² P. W. Thomson. Die Regionale Entwicklungsgeschichte der Wälder Estlands. Dorpat, 1929.

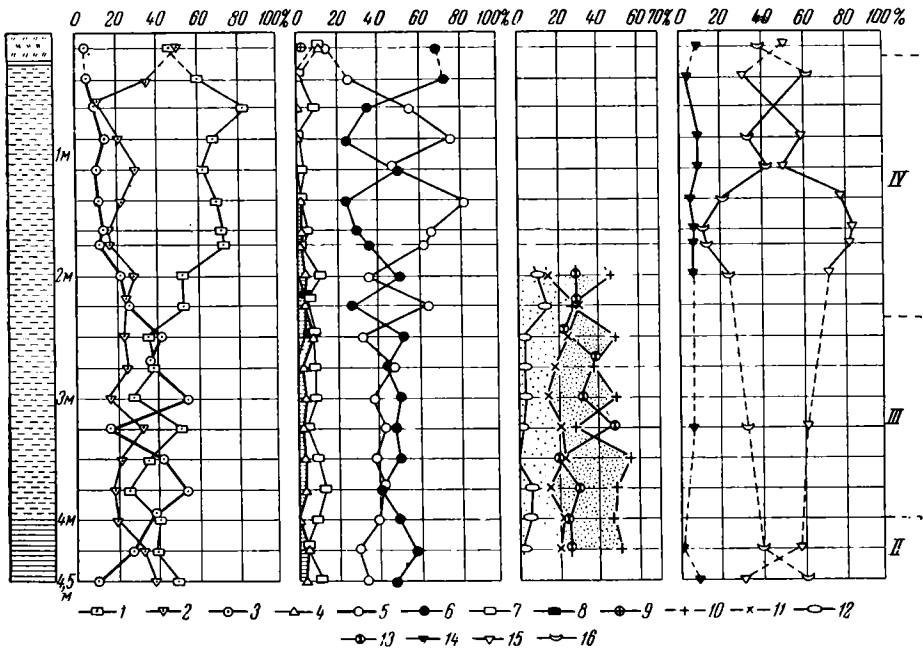

Рис. 1. Спорово-пыльцевая диаграмма древнеозерных отложений Кунды

1 — пыльца древесных; 2 — споры; 3 — пыльца травянистых и кустарничковых; 4 — *Picea*; 5 — *Betula*; 6 — *Pinus*; 7 — *Alnus*, 8 — *Querc. mix.*; 9 — *Salix*; 10 — *Artemisia*; 11 — *Chenopodiaceae*; 12 — *Cyperaceae*; 13 — разнотравье; 14 — *Sphagnales*; 15 — *Bryales*; 16 — *Polypodiaceae*

озера. Поскольку начало ильдиевой стадии в истории Балтики, по Саурамо, относится к 7800—7900 гг. до н. э., а начало литоринового времени — к 5000 г. до н. э., то продолжительность существования озера определяется в 2900—2800 лет. Пыльцевая диаграмма, полученная П. Томсоном для мергелей, охватывает отрезок времени с позднеледникового периода до начала атлантического (по схеме Блитта-Сернандера), что в общих чертах входит в рамки приведенных данных абсолютной хронологии. Однако более точной увязки диаграммы Томсона с историей растительности и климата позднеледникового времени сделать невозможно, так как отсутствуют определения пыльцы травянистых и кустарничковых растений, необходимые для дробного расчленения раннего голоцена.

Спорово-пыльцевая диаграмма (рис. 1), полученная нами в результате изучения толщи в 4,5 м поздне- и послеледниковых осадков (торфянистой почвы мощностью 0,25—0,3 м и мергеля мощностью 4,2 м), в известной степени восполняет этот пробел.

Самый верхний образец, взятый в торфянистой почве на глубине 0,12 м, характеризуется преобладанием пыльцы древесных пород (45%); в близких количествах обнаружены споры (50%); в незначительных количествах — пыльца травянистых и кустарничковых растений (5%). Пыльца древесных пород представлена елью, сосной, березой, ольхой и ивой. Ель обнаружена в количестве 9%. В составе спор преобладают зеленые мхи. Характер пыльцевого спектра и высокое содержание ели позволяют считать, что образование этой торфянистой почвы произошло в конце голоцена, в фазу верхнего максимума ели, или в субатлантический период (по схеме Блитта-Сернандера)³.

³ В связи со спуском озера и осушением территории между отложением торфянистой почвы и мергелей имел место довольно длительный перерыв, совпадающий по времени с атлантическим и суббореальными периодами (по схеме Блитта-Сернандера).

Таблица 1

		Спорово-пыльцевые анализы древнеозерных отложений Кудды																			
		1	3	5	7	9	11	13	14	16	18	20	22	24	26	28	30	32	34	36	
№№ образцов		1	3	5	7	9	11	13	14	16	18	20	22	24	26	28	30	32	34	36	
Глубина ваятия в с.м.		12	37	62	87	112	137	162	175	200	225	250	275	300	325	350	375	400	425	450	
Общая	Пыльца древесных пород	45%	60%	83%	67%	63%	69%	72%	73%	51%	51%	36%	38%	28%	51%	36%	26%	41%	40%	50%	
Состав	Пыльца травянистых и ку-	5%	5%	8%	13%	9%	10%	13%	11%	21%	25%	41%	37%	55%	17%	42%	55%	39%	27%	11%	
	старичковиков растений																				
	Спores	50%	35%	9%	20%	28%	21%	15%	16%	28%	24%	23%	25%	17%	32%	22%	19%	20%	33%	39%	
Состав пыльцы древесных пород	Picea	9%	1%	1%	<1%	0,5%	2%	2%	2%	4%	3%	7%	2%	4%	3%	3%	3%	0,5%	5%	3%	
	Pinus	68%	73%	35%	24%	49%	23%	28%	35%	50%	26%	52%	44%	51%	48%	50%	41%	50%	58%	48%	
	Betula	13%	24,5%	56%	75%	47%	73%	65%	61%	35%	64%	31%	46%	38%	43%	39%	43%	40%	32%	36%	
	Alnus	8%	1%	7%	1%	3%	2%	4%	2%	10%	3%	7%	7%	7%	5%	7%	13%	9%	5%	12%	
	Salix	2%	—	—	—	—	1%	1%	<1%	1%	1%	—	1%	1%	1%	—	—	0,5%	—	—	1%
	Tilia	—	—	1%	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1%	—	—	—	—	—
	Ulmus	—	0,5%	1%	—	0,5%	—	<1%	—	—	—	3%	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Corylus	1*	1*	2%	—	1,5%	—	—	—	—	2%	—	—	—	2%	—	—	—	—	—	4%
	Состав пыльцы древесных пород	Gramineae	1*	1*	2*	3*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		Cyperaceae	—	7*	3*	10*	10*	15*	21*	17*	10%	14%	4%	4%	4%	2%	—	—	—	5%	3%
Chenopodiaceae		—	—	—	—	—	1*	3*	4*	15%	30%	24%	19%	15%	22%	23%	15%	22%	21%	3*	
Caryophyllaceae		—	1*	1*	2*	1*	1*	—	—	—	—	—	—	—	—	1%	—	1%	1%	—	
Umbelliferae		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Artemisia		—	—	—	8*	6*	7*	8*	12*	46%	26%	49%	38%	49%	28%	56%	50%	48%	51%	6*	
др. Compositae		9*	—	—	—	1*	2*	2*	1*	1%	—	2%	3%	2%	4%	—	—	1%	—	2*	
Ephedra		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Неопределенные двудоль-		7*	7*	11*	24*	16*	8*	19*	12*	28%	30%	21%	36%	30%	44%	20%	27%	23%	24%	—	21*
ные																					
Спores	Bryales	53%	33%	5*	60%	49%	77%	84%	83%	73%	26*	35*	41*	22*	61%	39*	20*	32*	58%	31%	
	Sphagnales	8%	4%	—	8%	8%	4%	6%	5%	5%	3*	5*	2*	3*	6%	6*	2*	2*	2%	8%	
	Polypodiaceae	39%	63%	24*	32%	43%	19%	10%	12%	22%	22%	7*	6*	9*	33%	9*	6*	23*	40%	61%	
	Сумма подсчитанных пыле-	376	319	307	361	368	341	416	409	328	135	204	197	196	270	247	148	284	260	305	
вых зерен и спор																					

Примечание: * — количество пыльцевых зерен или спор.

Образцы, взятые из мергеля, имеют несколько иной состав пыльцы. Пыльцевую диаграмму, полученную для мергеля, по характеру изменений общего состава пыльцы (рис. 1) можно разделить на три отрезка.

Верхний отрезок диаграммы охватывает толщу отложений с глубины 0,25 м до 2,3 м и характеризуется абсолютным преобладанием пыльцы древесных пород (до 83%). Споры имеются в количестве от 9 до 35% и пыльца травянистых и кустарничковых растений — до 25% в самой нижней части фазы. Среди древесных пород господствующая роль принадлежит березе (до 83%); в больших количествах есть сосна (до 73%), ель (1—4%) и ольха (1—10%). Спектр носит характер бореального.

Средний отрезок диаграммы охватывает толщу мергеля с глубины 2,3 до 4,0 м и характеризуется высоким содержанием пыльцы травянистых и кустарничковых растений, которая в некоторых образцах абсолютно господствует (табл. 1). Пыльца древесных пород содержится в количестве до 51%, споры — до 32%. Состав пыльцы древесных пород аналогичен описанному выше; однако если в верхней части диаграммы господствующая роль принадлежала березе, то здесь сосна и береза присутствуют в близких количествах, причем несколько преобладает сосна. Ель и ольха — в количестве 2—13%. В образцах № 18 и 20 встречена пыльца вяза (3%). Состав пыльцы травянистых и кустарничковых растений не отличается разнообразием. Основными компонентами являются полыни (*Artemisia*), другие *Compositae* присутствуют в небольшом количестве (табл. 1). В меньшем количестве встречаются лебедовые (*Chenopodiaceae*), разнотравье, не определенное до вида, и осоки (*Cyperaceae*). В виде единичных пыльцевых зерен встречены злаки, гвоздичные, зонтичные и эфедра (образец № 30, глубина 3,75 м). Содержание пыльцы травянистых и кустарничковых растений в общем составе пыльцы и спор в это время достигает своего максимума, и этим пыльцевой спектр данной части диаграммы резко отличается от спектров верхней и нижней ее частей.

Нижний отрезок охватывает слои мергеля с 4 до 4,5 м. Здесь вновь может быть отмечено преобладание пыльцы древесных пород. Содержание пыльцы травянистых и кустарничковых растений падает до 11%. Состав древесных пород по-прежнему однороден: доминирует сосна — до 58%, в значительных количествах береза — до 40%, ель — до 5% и ольха — до 12%. Описанные выше три части диаграммы характеризуют три различные фазы в развитии растительности, окружавшей оз. Кунда в период накопления осадков: 1) фазу березовых и сосновых лесов; 2) фазу разреженных сосново-березовых лесов и открытых лугово-степных пространств; 3) фазу сосновых и березовых лесов. Сравнение пыльцевых спектров трех рассматриваемых выше фаз с поздние- и послеледниковыми спектрами соседних территорий, как восточных, так и западных, показало, что данная диаграмма существенно отличается от одновременных ей диаграмм Ленинградской области⁴, но обнаруживает большое сходство с позднеледниковыми диаграммами западных районов СССР (например, Литвы⁵), а также Германии, Дании и других стран. Три фазы Кундской диаграммы обнаруживают почти полное сходство с фазами аллерод (II), поздний дриас (III) и бореальный период (IV).

Сравнение описаний, приведенных в работах Фирбаса⁶ и Доннера⁷, с описанием фаз Кундской диаграммы показывает полную их идентич-

⁴ См. В. П. и М. П. Гричук. К вопросу о характере приледниковых ландшафтов Северо-Восточной Прибалтики. Вопросы географии, № 23, 1950.

⁵ См. В. К. Гуделис. Основные этапы геологического развития литовского побережья Балтийского моря в поздние- и послеледниковое время (в голоцене). *Vilniaus Valst v. Karsuko vardo universiteto mokslo darbai*, т. III, 1955.

⁶ S. Firbas. Spät- und nacheiszeitliche Waldgeschichte Mitteleuropas nördlich der Alpen, т. I. *Allgemeine Waldgeschichte*. Jena, 1949.

⁷ J. Donner. Pollen—Analytical Studies of Late-Glacial Deposits in Finland. *Bulleten de la Commission Géologique de Finlande*, № 154, XXIV, 1951.

ность; позднеледниковый и раннепозднеледниковый возраст отложений Кунды в общем вполне согласуется с полученной пыльцевой характеристикой. Для уточнения местоположения диаграммы из Кунды в истории голоцена кратко остановимся на современных представлениях о хронологии позднеледникового периода, которая установлена западноевропейскими и скандинавскими исследователями (см. работы Ф. Фирбаса, С. де Геера, М. Саурамо, Л. Аарио, Д. Доннера и др.).

Время отступления льда от южношведских или готигляциальных морен, известных вдоль побережья Балтийского моря (на Рюгене, Датских островах, в Южной Швеции), до среднешведских морен обозначается как готигляциальное время и укладывается в период с 14 500 г. до н. э. до 8 109 г. до н. э. (по де Гееру). Аллеродские отложения, как свидетельствуют Нордманн, Клеве-Эйлер⁸ и др., нигде не перекрываются ледниковыми образованиями, что позволяет считать, что их накопление происходило лишь после полного отступления льда с данной территории. В то же время аллеродские отложения не встречены за среднешведскими моренами, что позволяет синхронизировать аллерод с готигляциальным отступанием и считать его старше финигляциального отступления. Позднее тундровое время, следующее непосредственно за аллеродом, сопоставляется со стадией стояния ледника на среднешведских моренах, т. е. со стадией Сальпаусельке⁹. Аллерод и поздний дриас укладываются в довольно определенные хронологические рамки — не моложе 8 100 г. до н. э.—этапа, который является переломным моментом в голоцене, знаменующим переход от минералогенного осадконакопления к органогенному, от фазы позднего тундрового времени, характеризующегося разреженными лесами, к лесной бореальной фазе. Е. Нильсон, например, дает такие цифры: аллерод — 9 800 г. до н. э.— 8 800 г. до н. э.; поздний дриас — 8 800 г. до н. э.— 8 100 г. до н. э.¹⁰. История Кунды прекрасно укладывается в нижеприведенную схему (табл. 2). Как уже кратко упоминалось выше, освобождение Кунды ото льда приходится на конец готигляциального времени и соответствует началу Балтийского подпружного озера; собственно с этого момента начинается отложение осадков оз. Кунда. К этому этапу относятся нижние слои (мощность 0,5 м) исследованной нами толщи. Судя по характеру пыльцевого спектра и общей хронологии, это — аллерод. Вышележащие слои (мощность 1,5 м) отлагались в стадию Сальпаусельке, и по характеру пыльцевого спектра это позднее тундровое время в истории Балтики сопоставляется с морями Иольдия и Rhabdonema (или Echineis). К сожалению, для Восточно-Европейской равнины аллеродской фазы как таковой получено не было, и а ргіогі с аллеродом синхронизировали фазу «нижнего максимума ели». В опубликованной в 1951 г. сводке Доннера об аллероде приведены новые диаграммы из Карельской АССР (одна — из района южнее г. Петрозаводска и другая — из района между Онежским озером и Сегозером), нижние

⁸ A. Cleve - Fuller. Das Alter der Allerödbildungen. Lindsberg, 1941.

⁹ Имеется несколько иная точка зрения, высказанная Саурамо и Хилпе, о возможности сопоставления аллерода со стадией Сальпаусельке; такое расхождение связано с различными взглядами на причины остановки ледника на линии Сальпаусельке. Общепринятая точка зрения, объясняющая остановку льда возвратным ледниковым моментом, нам кажется наиболее правильной, а сопоставление с этой стадией фазы позднего дриаса — вполне оправданным.

¹⁰ Весьма интересны данные абсолютного возраста аллерода и позднего дриаса, полученные радиоуглеродным методом (См. E. C. Anderson, Hilde Levi, H. Tauber. Copenhagen Natural Radiocarbon Measurements, I. Science, 3 июля, 1953, т. 118, № 3053, стр. 6—11)

Серия известковистых глин из Зеландии: а) аллерод — 1) 10930 ± 380; 2) 10990 ± 240; 3) 11800 ± 410; 4) 11880 ± 340; б) граница аллерода и позднего дриаса — 1) 10890 ± 240; 2) 10 500 ± 400; 3) 11 060 ± 480. Серия известковистых глин из Ютландии: а) поздний дриас — 10 300 ± 350; б) граница аллерода и позднего дриаса — 10 700 ± 300; в) аллерод — 1) 11 700 ± 360; 2) 11 160 ± 320. Эти цифры полностью совпадают с цифрами, приведенными в тексте.

Таблица 2

Сопоставление поздней и послеледниковой истории Кунды с поздней и послеледниковой историей Балтийского моря, Ленинградской области и Западной Европы

Абсолютное летоисчисление до н. э.	Фазы поздней и послеледниковой эпохи	История Балтийского моря в поздней и послеледниковое время	История растительности в поздней и послеледниковое время в Западной Европе (по Ф. Фирбасу)	История поздней и послеледниковой растительности в Ленинградской области	Поздняя и послеледниковая история Кунды	
0	Сосредоточенно послеледниковая эпоха	Море	IX Время бука VIII Позднее теплое время, суббореальное; смешанные дубовые леса, буквые леса VII Поздняя молодая часть среднего теплого атлантического времени; господство смешанного дубового леса VI Древняя часть среднего теплого (атлантического) времени V Раннее теплое время; бореальное время орешника IV Дополнительное время; добореальное, раннее послеледниковое время березы (сосны) III Молодое субарктическое время; молодое тундровое или дриасовое время II Древнее субарктическое березово-сосновое время. Аллерод I в Древнее субарктическое время; древнейшее березово-сосновое время	Фаза «верхнего максимума ели». Существенную роль играют леса из сосны, березы и ели. Широколиств. породы и ольха в незначительных количествах Фаза значительного развития широколиственных пород и ольхи. Основную роль попрежнему играют леса из сосны и березы Сосна и береза с примесью широколиственных пород и ольхи Абсолютное господство сосны и березы почти полным отсутствием других пород	Поздняя и послеледниковая история Кунды Формирование торфянистой почвы Формирование культурного слоя на Лам-масяги	
1 000		Limnea				
2 000		Литоринное море				
3 000 4 000		Анциловое озеро				
5 000	Море Rhabdonema	Море Rhabdonema				
6 000	Июльдяновое море	Июльдяновое море				
7 000	Финнляндская эпоха	2-е Балтийское ледниковое озеро	I Древнее субарктическое время; древнейшее березово-сосновое время	Фаза разреженных сосново-березовых лесов и открытых лугово-степных пространств (позднее тундровое время) Фаза сосновых и березовых лесов (аллерод)	Отделение Кунды от Балтики	
8 000						Июльдяновое море
9 000						Июльдяновое море (1-е)
10 000						1-е Балтийское озеро
11 000	Потинляндская эпоха	1-е Балтийское озеро	I а Древнее безлесное или бедное лесами время (древнее тундровое или дриасовое время)	Фаза приледниковой растительности — холмная лесостепь. В составе растительности элементы степной, лесной и тундровой флоры	Освобождение местности Кунды от материкового льда	
12 000						1-е Балтийское озеро
13 000						1-е Балтийское озеро
14 000						1-е Балтийское озеро

Примечание. Пунктиром даны ориентировочные границы.

части которых, по мнению этого автора, сопоставляются с аллеродом и поздним дриасом; кроме того, как разрезы аллеродского времени описаны Гореловские обнажения под Ленинградом. Что касается новых Карельских диаграмм, то их сопоставимость с Кундской диаграммой и с другими диаграммами (главным образом западноевропейскими) в позднеледниковой части не вызывает сомнений. Время накопления торфяных линз в местности Горелово, по К. К. Маркову¹¹, совпадает со стадией 1-го Иольдиевого моря, т. е. действительно относится ко времени аллеродского колебания, однако характеристика спорово-пыльцевых спектров отличается от пыльцевой характеристики аллерода высоким содержанием ели. Гореловские диаграммы хорошо согласуются с позднеледниковыми спектрами разрезов северо-запада Восточно-Европейской равнины, в частности Ленинградской, Калининской и других областей, и соответствуют по времени второй половине фазы «нижнего максимума ели».

По-видимому, распространение ели, имевшее место в позднеледниковое время в северной половине Восточно-Европейской равнины и происходившее с востока, на территории Эстонии не получило столь яркого выражения, как в более восточных районах. Многочисленные диаграммы, полученные для Эстонии Томсоном (1929 г.), и вновь полученная Кундская диаграмма это подтверждают. Фаза «нижнего максимума ели» в районах, непосредственно примыкающих к Балтийскому морю, не находит столь четкого выражения, как в других областях Восточной Европы. В Лахтинском болоте и в Шуваловском торфянике под Ленинградом, в Кунде и в прибрежных районах Литвы «нижний максимум ели» составляет 2—4%, максимально — 10%.

Весьма характерно, что в фазу «нижнего максимума ели» эта порода проникала как в Карелию, так и в Финляндию, но лишь в ее юго-восточную и восточную части (на диаграммах обычно ель представлена в количестве нескольких процентов); в диаграммах юго-западных районов страны фаза «нижнего максимума ели» не отмечена.

Совместное рассмотрение диаграмм Гореловских торфяников с Кундской диаграммой позволяет довольно точно сопоставлять аллерод с фазой «нижнего максимума ели». Хотя подобное сопоставление делалось и раньше, однако фактических данных для этого было недостаточно. Приведенная диаграмма разреза Кунды является важным переходным звеном при сопоставлении западноевропейских и восточноевропейских позднеледниковых диаграмм в их позднеледниковой части.

Полученные палеоботанические данные, уточняющие историю позднеледниковой периода, позволяют также вновь вернуться к вопросу о возрасте археологических находок в Кунде. Возраст культурного слоя холма Ламмасмяги, судя по всем приведенным данным, не может быть древнее V тысячелетия до н. э., поскольку слой залегает у подножья холма на мергеле и мог образовываться здесь лишь после полного осушения озера в начале литоринового времени. Так как находки перекрыты сверху торфянистой почвой мощностью не более 0,5 м, время формирования которой падает на фазу «верхнего максимума ели», то верхний возрастной рубеж существования стоянки может быть ориентировочно отнесен к I тысячелетию до н. э. Полученная на основании изучения всех данных по естественной истории района (как новых, так и ранее известных) дата — период между V и I тысячелетиями до н. э. — полностью согласуется с датами, установленными на основании археологических данных, и, таким образом, их подтверждает. Что касается находок в «болоте Кунда», представленных предметами, утерянными при рыбной ловле и погребенными в мергеле, то их возраст должен соответствовать фазе существования Кундского озера, т. е. должен быть не моложе V тысячелетия до н. э. и приходиться на период с 7 900 г. до н. э. по V тысячелетие до н. э.

¹¹ К. К. Марков. Развитие рельефа северо-западной части Ленинградской области. Сб. «Очерки по географии четвертичного периода», М., 1955.

Е. И. КРУПНОВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

(По материалам экспедиции 1956 г.)

Среди обильных и разнообразных археологических памятников Северного Кавказа памятники переходной поры от камня к металлу (энеолит) и особенно скифского периода являются или малочисленными, или еще слабо изученными.

Весьма важными для освещения исторического прошлого Кавказа представляются также памятники материальной культуры, раскрывающие древнейшие связи местного населения Кавказа с окружающим миром, в частности взаимосвязи племенных групп Северного Кавказа с племенами Юго-Восточной Европы разных этапов эпохи бронзы.

В этом плане безусловного внимания заслуживают новые данные по археологии и древней истории Северного Кавказа, добытые археологической экспедицией ИИМК АН СССР и Чечено-Ингушского республиканского музея в 1956 г.¹

Северо-Кавказская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР наметила ряд первоочередных задач исторического характера, осуществление которых должно быть рассчитано на ряд лет: 1) установление времени и условий заселения человеком как степных районов Восточного Предкавказья, так и нагорной зоны центральной части Северного Кавказа; 2) выяснение исторического процесса формирования и развития древнейших земледельческих и скотоводческих племен края и их культур, начиная от неолитической эпохи и кончая поздним этапом бронзового века; 3) изучение вопросов социально-экономического и культурного развития северокавказских племен эпохи раннего железа и характера их взаимосвязей с окружающим их древним миром; 4) сбор материалов, способствующих разработке важнейшей проблемы этнической истории современных народов Северного Кавказа (вопросы происхождения народов и сложения их культур).

Основные полевые работы были проведены на территории Чечено-Ингушской АССР, и на последнем этапе работы экспедиции были осуществлены охранные раскопки в г. Кисловодске Ставропольского края.

Разведочные работы заключались в обстоятельном археологическом обследовании среднего течения р. Ассы и ущелья р. Чанты-Аргуна в пределах Чечено-Ингушской АССР. В этих районах было обследовано современное состояние археологических памятников, таких, например, как средневековые каменные ящики и подземные склепы близ с. Мужичи (б. Луговое) в Ассинском ущелье, средневековое поселение у с. Дачу-Барзой (б. Двуречье), курганный комплекс близ с. Дуба-Юрт (б. Родни-

¹ В состав экспедиции входили: от ИИМК — Е. И. Крупнов (начальник экспедиции), Р. М. Мунчаев (начальник стационарного отряда), В. И. Марковин (начальник разведочного отряда), В. А. Кузнецов, В. Л. Василевский, С. Н. Жураховская, И. М. Кузина, В. П. Чтецов, Л. В. Грехова, М. В. Любченко, А. Е. Крупнов, П. М. Михайлов; от Грозненского музея — И. Ф. Мutowин, Х. М. Магумов, В. Б. Виноградов и Т. И. Сливков.

ковое), боевые башни у с. Гатен-Кале (б. Солнечное), раннехристианский каменный крест близ с. Итум-Кале и ряд других объектов.

Разведочным отрядом открыт и исследован новый грунтовой могильник эпохи средней бронзы у с. Гатен-Кале (б. Солнечное). В одной женской могиле были обнаружены бронзовая булава с волотообразным па-

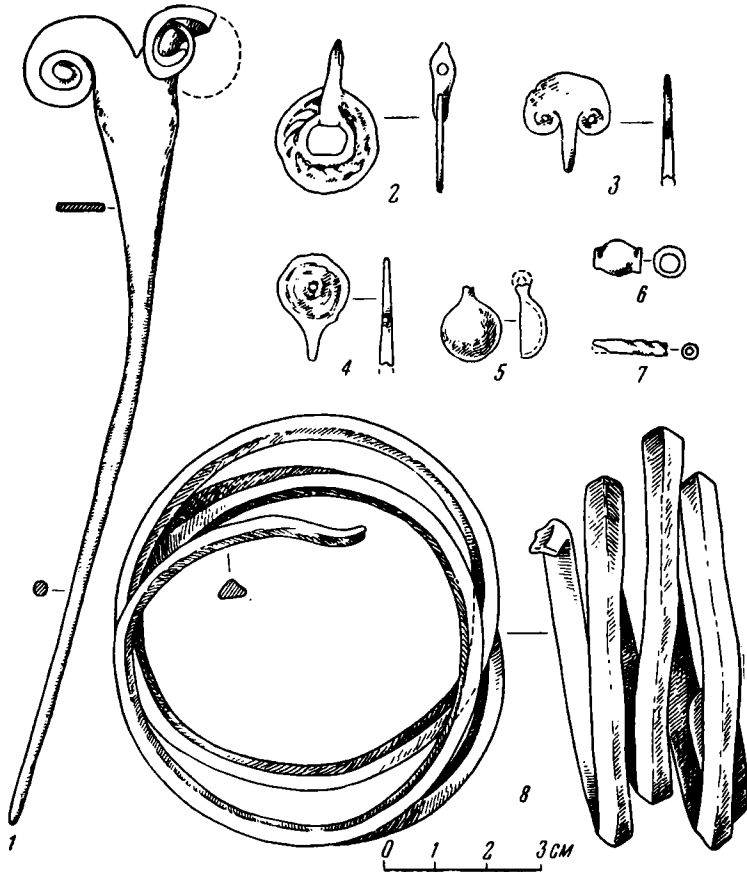

Рис. 1. Бронзовый инвентарь из могильника II тысячелетия до н. э. у с. Гатен-Кале (б. Солнечное)

1 — булава; 2 — подвеска; 3, 4 — наконечники миниатюрных булавок; 5 — бляшка; 6 — бусина; 7 — пронизь; 8 — браслет

вершием, бронзовый спиральный браслет из прута (треугольного в сечении) и ряд мелких бронзовых украшений (бус и подвесок), характерных для так называемой северокавказской культуры середины II тысячелетия до н. э. (рис. 1), богато представленной в более западных районах края Северной Осетии и Кабардино-Пятигорья. Факт обнаружения в восточном районе комплекса этих предметов имеет большое значение для установления точного ареала северокавказской культуры; сам же могильник заслуживает полного исследования.

Основные стационарные работы экспедиции на первом этапе были сосредоточены в Ассинском ущелье. Были продолжены раскопки обширного грунтового могильника скифского времени и подстилающего его слоя энеолитического поселения, расположенных на левом берегу р. Ассы близ с. Мужичи (б. Луговое)². В 1956 г. на площади в 1400 м² экспедиция,

² В связи с тем, что оба эти памятника — и энеолитическое поселение и более поздний могильник — уже освещены в литературе как находящиеся у с. Лугового, мы по-прежнему будем именовать их Луговым поселением и Луговым могильником. Информацию об итогах первых исследований этих объектов в 1952 и 1955 гг. см.

Рис. 2. Луговой могильник VI—V вв. до н. э. (у с. Мужичи)

1 — каменное кольцо (кромлех) вокруг могилы № 8; 2 — завал из булыжника над могилкой № 46; 3 — расчищенное женское погребение № 46

продолжая работы предшествующих лет, открыла и исследовала еще 50 грунтовых погребений. Во всех случаях, как и прежде, захоронения обнаруживались на небольшой глубине — от 0,20 до 1 м от поверхности. Как правило, все могилы заваливались булыжным камнем (рис. 2, 2).

Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция ИИМК. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 95—100; его же. Первые итоги археологического изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 155—163.

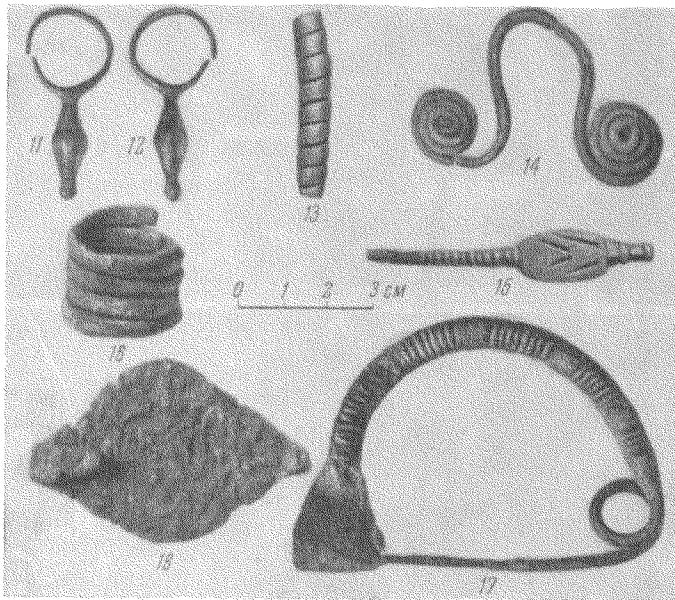
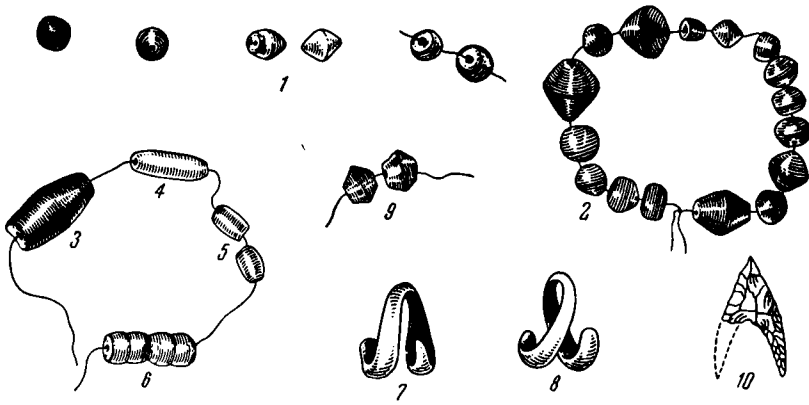

Рис. 3. Украшения из Лугового могильника VI—V вв. до н. э. и Мекенских курганов II тысячелетия до н. э.

1, 2 — цветные пастовые бусы из разных погребений Лугового могильника; 3—10 — вещи из Мекенских курганов (3 — лигнитовая черная бусина; 4 — белая пастовая бусина; 5 — две медные бусины; 6 — две костяные резные бусины; 7, 8 — две медные височные подвески из кургана II, погр. № 3; 9 — две медные бусины; 10 — кремневый наконечник стрелы из кургана I, погр. № 1); 11—18 — бронзовые вещи из Лугового могильника (11, 12 — биконические серьги из могилы № 47; 13 — спиральный накончик; 14 — очкообразная привеска из могилы № 48; 15 — конец шейной гривны из могилы № 48; 16 — кольцо; 17 — фибула из могилы № 48; 18 — железная обоймица от ножен из могилы № 21)

В условиях суглинистой почвы далеко не во всех случаях прослежены могильные ямы. Костяки очень плохой сохранности.

Все погребенные положены в могилу в скорченном положении и, за редким исключением, на правом боку, со строго выдержанной ориентировкой — головой на юго-запад. Встречены отдельные парные захоронения. Несколько могил представляли собой кенотафы. Девять могил из всех вскрытых 120 могил на Луговом могильнике были окружены большими каменными кольцами, так называемыми кромлехами (рис. 2, 1). Подобные каменные круги вокруг могил ранее нами зафиксированы при исследовании Нестеровского могильника у входа в то же Ассинское

Рис. 5. Стеклошые импортные бусы из Лугового могильника VI—V вв. до н. э.
 1—17 — бусы из разных погребений; 18—20 — бусы из могилы № 48

ущелье³. Эта черта указывает на определенную связь с глубокой традицией погребального обряда, существовавшего еще в энеолите и бронзовом веке у племен Северного Кавказа и в особенности Северо-Восточного Кавказа (например, могильник у с. Хорочой в Чечне)⁴.

Как и в предыдущие годы, отмечается богатство погребального инвентаря, особенно в женских погребениях (рис. 2, 3). Женские могилы отли-

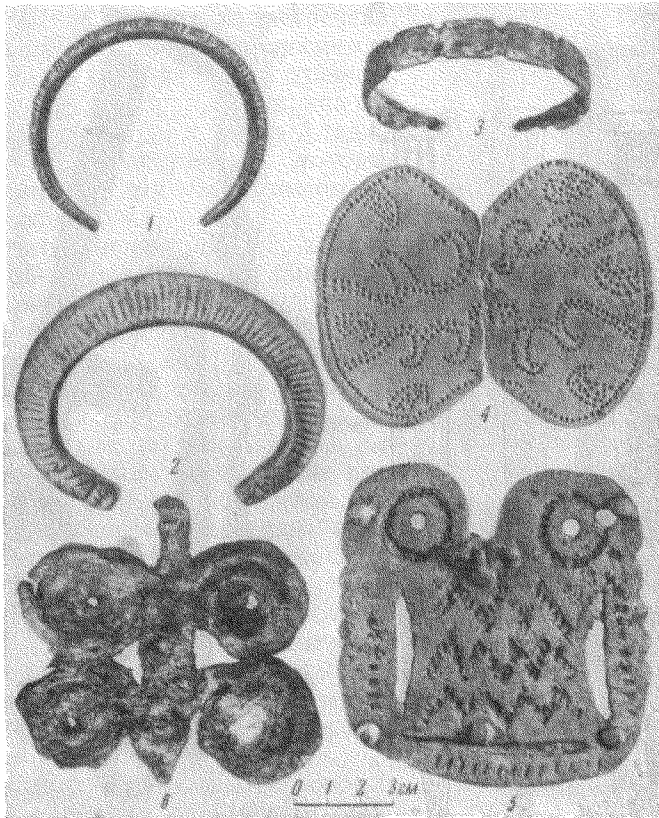

Рис. 4. Украшения из Лугового могильника VI—V вв до н. э.

1, 2 — бронзовые браслеты из могилы № 48; 3 — то же из могилы № 27; 4 — бронзовая бляха от головного убора из могилы № 24; 5 — бронзовая женская поясная пряжка из могилы № 27; 6 — железная мужская поясная пряжка из могилы № 1

чаются большим числом украшений из бронзы (бусы и бляшки, височные подвески и биконические серьги, шейные гривны, двувальные пластинчатые бляхи, дугообразные фибулы, браслеты, поясные пряжки, кольца и перстни, спиральные наконечники; рис. 3), из железа (браслеты, кольца, цилиндрические трубочки, пряжки; рис. 4), из серебра, свинца и сурьмы (височные подвески и кольчатые бляшки), из стекла и из стекловидной цветной пасты (разнообразные и богатые наборы многоцветных бус, в том числе глазчатые, бородавчатые и др.; рис. 5). Почти во всех женских могилах находится от двух до восьми экземпляров глиняных пряслиц.

Для всех погребений обычна глиняная посуда, по технологическим свойствам невысокого качества (миски, горшки, большие грушевидные сосуды).

³ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Грозненской области в 1946 г. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 68.

⁴ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 132.

В мужских могилах преобладают железные предметы, по преимуществу оружие. Это разных типов втульчатые наконечники копий листовидной формы, мечи-акинаки, крупные серповидные ножи (иногда с костяными рукоятками), трехперые втульчатые наконечники стрел скифского типа, топоры-секиры, удила, поясные бабочковидные пряжки, овальные обоймицы от ножен и пр. (рис. 6 и 7). Иногда и при мужских погребениях

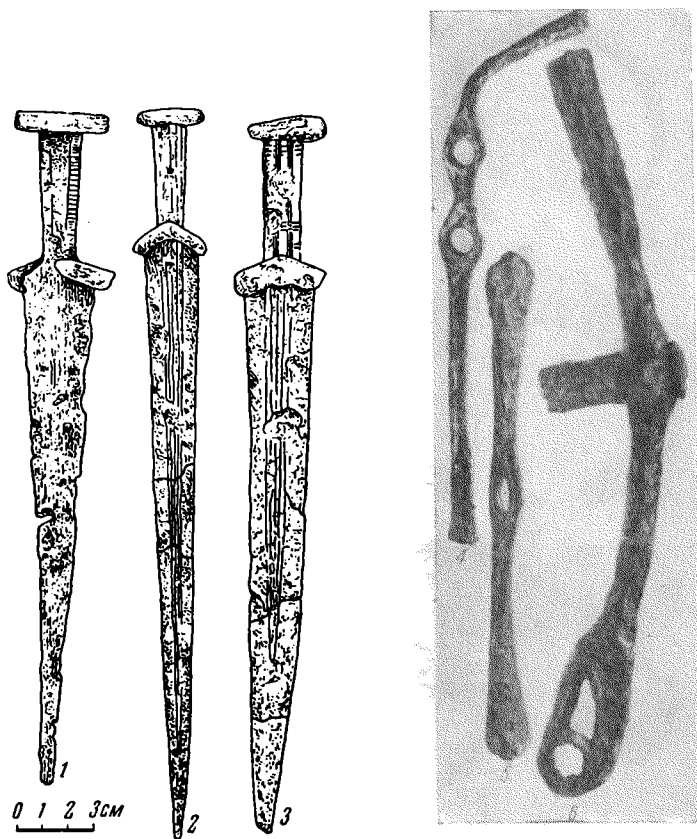

Рис. 6. Железный инвентарь из Лугового могильника VI—V вв. до н. э.

1 — меч-акинак из могилы № 37; 2 — то же из могилы № 49; 3 — то же из могилы № 50; 4 — псалий из могилы № 50; 5 и 6 — боевой топорик и клевец из той же могилы

обнаружены шейные гривны как бронзовые, так и железные, и даже бронзовые двуовальные бляхи, лежавшие на груди, а также кольца и перстни.

Находки на Луговом могильнике, сделанные в 1956 г. и по количеству и по разнообразию типов значительно превосходят материал, добытый на этом памятнике в предыдущие (1952 и 1955) годы.

Не повторяя детального анализа всех категорий предметов из Лугового могильника, данного нами в предшествующих публикациях, кратко остановимся только на тех вещах, которые впервые были найдены на Луговом могильнике в 1956 г.

Прежде всего нужно сказать о новом типе бронзовых налобных двуовальных блях, являющихся неременной принадлежностью женских головных уборов. Все найденные до сих пор бляхи были украшены пунктирным орнаментом в виде свастики в центре. В 1956 г. были найдены бляхи с иными узорами, выполненными той же техникой. Одна бляха (погр. № 27) была покрыта пунктирным орнаментом в виде треугольни-

ков в каждом овале, а другая (погр. № 24) украшена сложным ветвистым узором, имитирующим разветвленные олени рога (рис. 4, 4), т. е. орнаментом, известным на некоторых бронзовых кобанских топорах и пластинчатых поясах. Здесь уместно отметить, что описываемая категория украшений является уникальной и составляет специфическую черту материальной культуры скифского времени памятников только Ассинского ущелья (Луговой и Нестеровский могильники) и нигде в памятниках СССР и Европы не встречена, если не считать лишь типологически близких, но гораздо более древних, золотых и серебряных украшений (III тысячелетие до н. э.) из Аладжи (Турция)⁵, сопоставлять которые с нашими бляхами мы не имеем никаких оснований.

Значительно пополнилась коллекция бронзовых массивных биконических серег (в 1956 г. их было обнаружено более десяти в женских погребениях; рис. 3, 11, 12), что позволяет, учитывая их слабую распространенность в других местах (в Южном Приуралье, на Украине и в Кабардино-Балкарии), считать их продукцией местного производства.

Интересны новые находки богато орнаментированных пластинчатых и массивных как бронзовых, так и железных браслетов, среди которых особенно выделяются очень массивные «пиявкообразные» браслеты с поперечными зарубками и браслеты с несомкнутыми концами в виде «змеиных головок» (рис. 4, 1—3).

Оригинальные покрытые своеобразным нарезным орнаментом бронзовые округло-квадратные поясные пряжки с кругами, обнаруженные в женских могилах (№№ 27 и 46) и до 1956 г. неизвестные в Ассинском ущелье. Одна из них украшена скульптурной головкой барана (рис. 4, 5). И по типу, и по характеру орнаментации эти пряжки близки позднекобанским поясным пряжкам⁶, хотя отдельные их экземпляры известны и из более восточных районов Северного Кавказа⁷.

Впервые встречены (погр. № 46) цилиндрические железные трубочки-накосники (длиной до 8 см), рядами лежавшие за спиной женщины. Подобные накосники, но бронзовые и обычно спиральные (рис. 3, 13), известны из Нестеровского могильника, Урус-Мартановского, Исти-су и др.

Чрезвычайно интересен не имеющий себе аналогий пояс (из парной могилы № 27), по-видимому, состоявший из сплошь нашитых на него

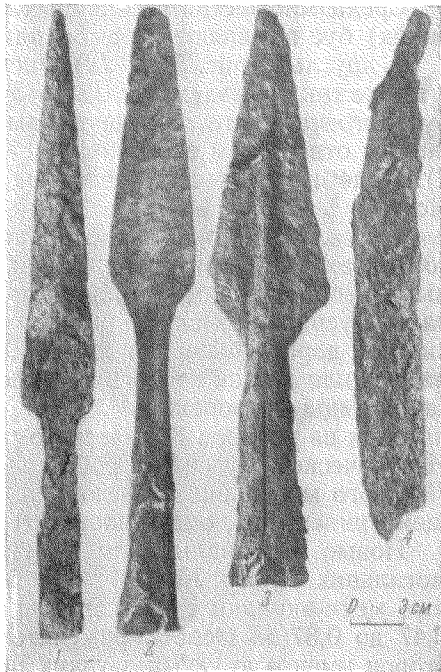

Рис. 7. Железное оружие из Лугового могильника VI—V вв. до н. э.

1 — наконечник копья из могилы № 23; 2 — то же из могилы № 24; 3 — то же из могилы № 29; 4 — нож из могилы № 16

⁵ Hamit Zübeyr Kosay. Ausgrabungen von Alača Höyük. Ankara, 1944, стр. 111, табл. XXX, №№ 28—30; стр. 124, табл. XCII, № 34.

⁶ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, М., 1900, табл. XXIII, 3; E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase, т. II, Paris — Lyon, 1886, табл. XII, 3, 4.

⁷ О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950, стр. 92, рис. 46, 1.

плоских, круглых с отверстием по середине, свинцовых бляшек-колец. Сохранившаяся длина пояса, прослеженная по расположению бляшек, равна 0,65 м.

Особого внимания заслуживают бусы. Они многочисленны и разнообразны. Много бронзовых пластинчатых бус, свернутых в колечко. Иногда ими обшивалось и платье или головной убор. Так, в одной женской могиле № 46 было обнаружено 1375 бронзовых бус в области грудной клетки. Среди них находились две редкие круглые бронзовые бусины с рядом выпуклостей на поверхности.

Среди множества стеклянных разноцветных (преимущественно темно-синих) бус выделяются ромбовидные (рис. 5, 1, 2), биконические (рис. 5, 4, 5), круглые (рис. 5, 9—12), иногда крупные рифленые бусы (рис. 5, 8), а также так называемые глазчатые и бородавчатые (рис. 5, 13—19). Среди бус встречены стеклянные пирамидальные подвески с плоским основанием и отверстием в верхней части для нанизывания на нитку (рис. 5, 6, 7). Подобные подвески известны из могильников у с. Урус-Мартан и Исти-Су⁸.

Уникальной для Северного Кавказа является одна очень крупная многоцветная цилиндрическая бусина из стекловидной массы с тремя лицевыми изображениями — двумя желтыми и одним белым (рис. 5, 20). Три такие бусины, как случайные находки у станции Казбек на Военно-Грузинской дороге, были известны еще в конце XIX в.⁹ Аналогичная же бусина входила в один из могильных комплексов V в. до н. э. из «Частых курганов» под Воронежом¹⁰. Еще одна такая бусина среди случайных находок из районов Кавказского побережья Черного моря хранится в Гос. Историческом музее¹¹. Особое значение нашей бусины из могилы № 48 Лугового могильника заключается в том, что, судя по всему сопутствующему инвентарю, она может датироваться VI в. до н. э.

Новые материалы дали и мужские погребения. Впервые на Луговом могильнике (погр. №№ 37, 49 и 50) были обнаружены массивные железные мечи-акинаки скифского типа. Их длина колеблется в пределах от 0,47 до 0,57 м. Особо примечательны их лезвийные части. Они с обеих сторон имеют до четырех узких продольных желобков, сходящихся внизу (рис. 6, 1—3). Эти особенности присущи бронзовым мечам Закавказья и некоторым типам бронзовых кинжалов кобанской культуры рубежа II и I тысячелетий до н. э. На типичных скифских мечах таких желобков нет. Возможно, мечи-акинаки из Лугового могильника и знаменуют собой первый этап развития оружия, позднее ставшего характерным для скифского вооружения.

Интересны также находки (в могилах №№ 32, 43 и 50) легких железных боевых топориков-секир (рис. 6, 5), типологически близких железному топорiku-секире из раскопок Д. Я. Самоквасова в колонии Каррас под г. Пятигорском¹² и бронзовой секире из синдской могилы конца VII — начала VI в. до н. э. на Таманском полуострове (у Цукурского лимана)¹³.

Впервые на Луговом могильнике (могилы №№ 48 и 50) найдено два железных топора-клевца со втулками для насадки (рис. 6, 6). Клевцы совсем не характерны для древнего оружия Кавказа и, за исключением

⁸ О. А. Артамонова-Полтавцева. Ук. соч., стр. 39, рис. 41, 1 и стр. 53.

⁹ П. С. Уварова. Ук. соч., стр. 155, табл. XXIII, рис. 5.

¹⁰ С. Н. Замятин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежом. СА, VIII, 1946, стр. 15, рис. 2, 5.

¹¹ Инвентарный № 64139. Приобретена у А. И. Поповского, с паспортом «Северный Кавказ и Феодосия».

¹² Е. И. Крупнов. Древняя история Кабарды. Уч. зап. Кабардинского НИИ, т. VII, Нальчик, 1952, стр. 38, рис. 8.

¹³ Б. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 30, рис. 13.

единственной находки на Перкальском могильнике близ Пятигорска¹⁴, им невозможно подобрать аналогий, кроме как из памятников Прикамья¹⁵ или Южной Сибири. Из принадлежностей конской сбруи и снаряжения впервые найдены железные удила (рис. 6, 4) с прямыми и коленчатыми псалиями (могилы №№ 48 и 50). В предшествующие годы только однажды были обнаружены эсвидные псалии (без удил).

Рис. 8. Керамические изделия скифского периода

1—6 — из Лугового могильника; 7 — из Кисловодского могильника (1, 2 — фрагменты сосудов с налепным орнаментом из могилы № 14; 3 — кувшинчик из могилы № 6; 4 — горшок из могилы № 11; 5, 6 — два пряслица из могилы № 1; 7 — чаша-миска из каменного ящика Кисловодского могильника)

В предыдущих публикациях уже отмечалось, что керамика Лугового могильника в основном повторяет формы посуды из Моздокского, Нестеровского могильников и могильника Исти-су. В находках 1956 г. выделяются два сосуда ранее неизвестных форм: маленький кувшинчик темно-серого цвета с круглой в сечении ручкой (могила № 6; рис. 8, 3) и небольшой горшок такого же цвета с утолщенным и круто отвернутым венчиком (рис. 8, 4). Плечи горшка ниже венчика опоясывает полоса, состоящая из елочного нарезного орнамента (могила № 11).

В двух случаях на обломках керамики имеется налепной орнамент из пересекающихся валиков, образующих в одном случае фигуру в виде развилки, а в другом — знак свастики (рис. 8, 1, 2). Подобная орнаментация керамики известна на Северном Кавказе по таким памятникам

¹⁴ Н. М. Егоров. Могильник скифского времени близ г. Минеральные Воды. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 53, рис. 20, 3.

¹⁵ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 104, табл. XXII.

скифского времени, как Нестеровские поселения и могильник¹⁶, поселения у горы Бештау, под Машуком у г. Пятигорска¹⁷ и др.

Богатейший могильный инвентарь Лугового могильника, представленный, с одной стороны, образцами местной позднекобанской культуры (бронзовые фибулы, браслеты, поясные умбовидные пряжки, перстни, височные привески, и пр.), а с другой — явными элементами степных культур скифо-савроматского типа (трехперые железные наконечники стрел, короткие мечи-акинаки, серповидные ножи, бронзовые шейные гривны со звериным орнаментом, некоторые формы керамики и пр.), позволяет определить время исследованных на Луговом могильнике погребений VI—V вв. до н. э.

Оригинальные двувальные бронзовые бляхи, украшенные пунктирным орнаментом (рис. 4, 4), своеобразные железные бабочковидные мужские поясные пряжки (рис. 4, 6) и железные овальные обоймицы от ножен (рис. 3, 18), находимые только в Луговом и Нестеровском могильниках, составляют отличительные особенности памятников Ассинского ущелья VI—V вв. до н. э.

Вместе с тем ряд других черт и в погребальном обряде (грунтовые погребения, кромлехи) и в могильном инвентаре (пластинчатые поясные пряжки, керамика) доказывают принадлежность к Луговому и Нестеровскому могильникам к восточной локальной группе памятников Северного Кавказа скифского времени.

Добытый материал помогает представить себе и направление древних связей местного населения с далекими центрами древнего культурного мира. Так, богатейшие наборы сурьмяных украшений и, особенно, многоцветных и разнообразных по формам стеклянных бус определенно указывают на наличие связей аборигенного населения Северного Кавказа с Закавказьем и, в частности, с Западной Грузией, богатой месторождениями сурьмы¹⁸, а также со странами Восточного Средиземноморья — Сирией, Ливаном и Египтом¹⁹ (вернее, с древними городами Финикии и Египта). Оттуда только и могли поступать на Северный Кавказ, очевидно, через легендарную Колхиду те многоцветные стеклянные бусы, которыми так богат оказался Луговой могильник. Нет абсолютно никаких оснований предполагать для этого времени местный характер сложного стеклодельного производства.

Считалось, что синие и темных цветов бусы изготавливались в финикийских производственных центрах (в городах Тире и Сидоне), а многоцветные, в том числе «глазчатые», — в Фивах и других городах Египта. Личное ознакомление с коллекциями бус в национальных музеях Ливана (в Бейруте) и Сирии (в Дамаске) и консультации специалистов, полученные мною во время поездки в Ливан в конце 1957 г., убеждают в том, что абсолютно все типы бус являлись продукцией городских ремесленных центров древней Финикии и Египта²⁰. Новые и массовые находки привозных бус на территории Чечено-Ингушской АССР являются ценными ис-

¹⁶ Е. И. Крупнов. К вопросу о поселениях скифского времени на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 36, рис. 4.

¹⁷ Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК в 1929 г. Сообщ. ГАИМК, № 3, 1931, стр. 28—30.

¹⁸ Месторождения сурьмы в Западной Грузии давно известны, чего нельзя сказать про Северный Кавказ (см. И. Г. Магакьян. Рудные месторождения. М., 1955, стр. 208, карта, рис. 60). По заключению проф. А. И. Воскресенского, одно как будто довольно крупное месторождение сурьмяной руды имеется в Чечне по р. Хуландой, где выходы этой руды наблюдаются в семи местах на протяжении 2 км (см. А. И. Воскресенский. Геологическая экспедиция в Чечню. Бюллетень Сев.-Кавк. бюро краеведения, №№ 1—6, Ростов-на-Дону, 1927, стр. 111). Возможно, это указание требует специальной серьезной проверки.

¹⁹ П. С. Уварова. Ук. соч., стр. 372—374.

²⁰ F. Neuburg. Glass in Antiquity, London, 1949, табл. XXXI, XXXII; A. Guide to the Archaeological Collections in the University Museum. American University of Beirut. Lebanon, 1951, табл. XII, 7.

точниками в освещении важной проблемы о древнейших взаимосвязях нашей страны с Ближним Востоком.

Предметы же степного скифо-савроматского типа, несомненно, доказывают действительность взаимосвязей населения даже предгорных районов Северного Кавказа со скифо-савроматскими племенами Юго-Восточной Европы. В аргументации этого положения материалам Лугового могильника принадлежит одно из первых мест.

При вскрытии погребений на Луговом могильнике были исследованы кое-где сохранившиеся остатки подстилающего могильник культурного слоя поселения эпохи энеолита. Среди большого количества фрагментированной энеолитической керамики, собранной в процессе раскопок, особого внимания заслуживают обломок массивной глиняной очажной рогообразной подставки с желобчатым верхом и круглым отверстием в центре и обломки глиняной посуды, орнаментированной рядом округлых выпуклостей. Очажные подставки мы находили и раньше на Луговом поселении²¹. Данная подставка повторяет тип, характерный для бытовых памятников так называемой майкопской культуры, в частности для Долинского поселения у г. Нальчика²². На тот же круг памятников раннего бронзового века Северного Кавказа указывает и сходство посуды с выпуклинами из Лугового поселения с керамикой из дольменообразной подкурганной гробницы у ст. Новосвободной²³ и из верхнего горизонта того же Долинского поселения²⁴.

Полученными в 1956 г. материалами подтверждается ранее сделанный нами вывод о том, что Луговое поселение можно рассматривать как связующее звено между памятниками закавказского энеолита (включая и Дагестан) с памятниками раннего этапа бронзового века Северного Кавказа²⁵.

Второй этап работы экспедиции протекал в надтеречных степных районах Чечено-Ингушской АССР. Летом 1956 г. экспедиция приступила к раскопкам одной из наиболее крупных курганных групп, находящейся в 1—2 км к востоку от ст. Мекенской на левом берегу среднего течения Терека.

При содействии администрации Наурской МТС сплошное снятие курганных насыпей было произведено с помощью трактора со скрепером.

Из 20 довольно крупных курганов, насыпанных из плотного и мелкопористого лёссовидного суглинка и достигающих 7—8 м высоты при диаметрах до 70 м, было раскопано три кургана.

В трех исследованных курганах было вскрыто 12 древнейших погребений, из которых только одно может быть отнесено к сарматскому периоду, остальные 11 погребений — к эпохе средней бронзы.

В кургане № 1 (высотой в 3,5 м, диаметром 41 м) было вскрыто шесть погребений; в кургане № 2 (высотой в 2,5 м, диаметром 29 м) — четыре погребения и в кургане № 3 (высотой в 1 м, диаметром — 20 м) вскрыто два погребения. Во втором кургане вне могил был обнаружен отдельный комплекс предметов, состоящий из глиняных сосудов, курильницы (рис. 9, 1—2) и кабаньего клыка. Вероятно, это — остатки тризны.

Все 12 захоронений в трех курганах были сосредоточены только в центральной части кургана. Кроме того, 11 погребений из 12 было совершено на южных половинах курганов и только одна могила находилась в северо-восточном секторе, но также близко от центра.

²¹ См. Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция, стр. 101, рис. 40, 2—3.

²² А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, № 3, 1941, стр. 204, табл. III.

²³ ОАК за 1898 г., стр. 28—39, табл. V, рис. 57, 59; табл. VI, рис. 68.

²⁴ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Ук. соч., стр. 208, табл. VII, рис. 6.

²⁵ Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция, стр. 100; Р. М. Мунчаев. Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита. СА, XXII, 1955, стр. 18—20.

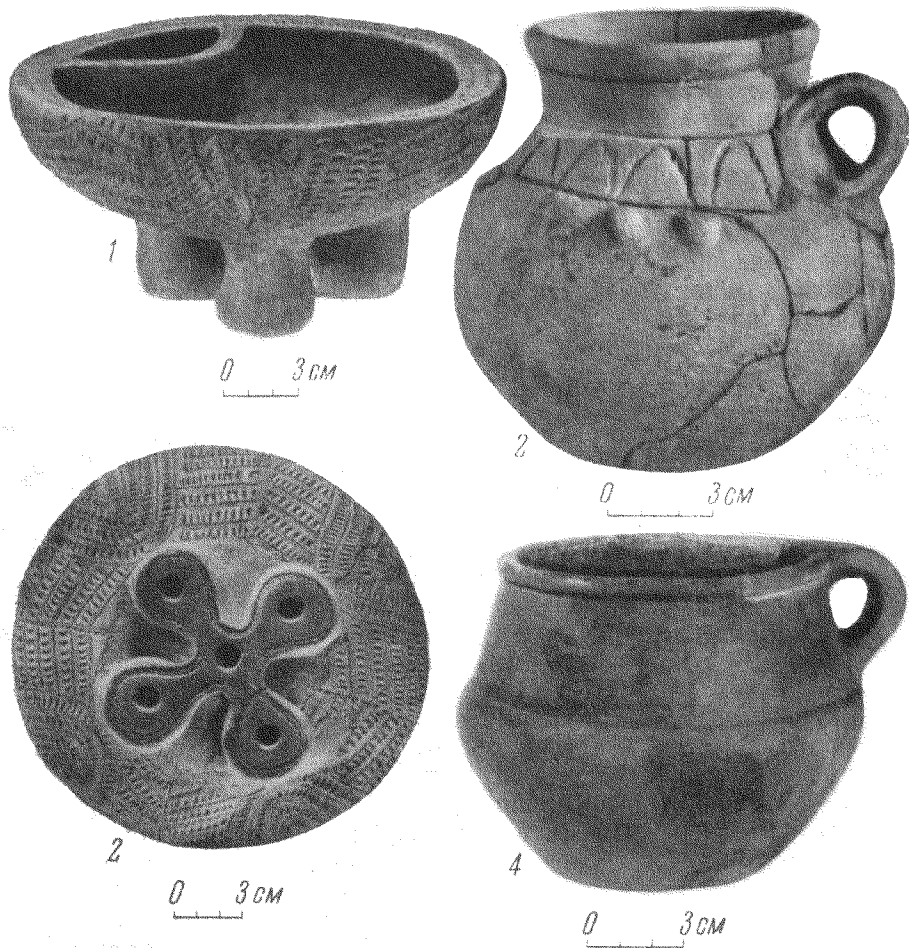

Рис. 9. Керамические изделия II тысячелетия до н. э. из курганов у ст. Мекенской
 1, 2 — глиняная курильница катакомбной культуры из кургана II; 3 — сосуд из кургана I;
 4 — сосуд из кургана I

Эта особенность подкурганых захоронений характерна для степных районов Восточного Предкавказья, периодически испытывавших разрушительные действия сильных ветров со стороны Прикаспия, развевающих восточные и северные склоны курганных насыпей²⁶.

Судя по особенностям погребальных сооружений в курганах (положение скелетов иногда в срубках) и погребального обряда (вытянутые скелеты на спине, скорченные на правом и левом боку), по окрашенности некоторых костяков красной краской, неустойчивости ориентировки погребенных (при преобладании юго-восточного направления), а также судя по могильному инвентарю (курильница, см. рис. 9, 1—2; кремневый наконечник стрелы, см. рис. 3, 10; украшения, см. рис. 3, 3—9) можно датировать захоронения в первых двух курганах серединой II тысячелетия до н. э. (по сходству с особенностями так называемой катакомбной культуры, широко распространенной в эпоху бронзы в степных районах Европейской части СССР²⁷).

²⁶ Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 164—166

²⁷ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии, 1901 г. Тр. XII АС, т. I. М., 1905, стр. 307 и др.

Основанием для сопоставления ряда погребений в Мекенских курганах с катакомбными в первую очередь служат кремневый наконечник стрелы (рис. 3, 10) и глиняная орнаментированная шнуром курильница на крестовидной ножке (рис. 9, 1—2), столь характерная для предкавказского или маньчского варианта катакомбной культуры²⁸.

Исследованиями за советский период признаки, типичные для погребений катакомбной культуры, были выявлены и в районах Нижнего Поволжья²⁹ и Предкавказья (в частности в районе Маныча)³⁰ и даже на Тереке, в Моздокских степях³¹. Отдельные же находки предметов катакомбной культуры, в том числе и курильницы, известны даже из района г. Грозного³².

Вместе с тем полученный могильный инвентарь — медные височные толстопроволочные привески в 1½ оборота (рис. 3, 7—8), форма некоторых сосудов и особенно наличие на них «полушарных» или «сверленных» ручек (рис. 9, 3) указывают на безусловную традиционную связь этих памятников с более древними комплексами Северного Кавказа еще раннего этапа бронзового века, что признавалось всеми исследователями районов Нижнего Поволжья и Северо-Западного Прикаспия³³.

Очевидно, не только более северные районы Предкавказья, но и все степные районы левобережья Терека (начиная от Моздока) следует рассматривать как пограничные районы стыка маньчского варианта катакомбной культуры с культурой племен Северного Кавказа во II тысячелетии до н. э. К этому выводу приводит первый опыт полевых исследований Мекенских курганов на Тереке.

На последнем этапе своей работы экспедиция произвела небольшие охранные раскопки на территории санатория им. М. Горького в г. Кисловодске³⁴, ранее обследованной С. Н. Замятниным³⁵ и В. В. Бобиным³⁶. В дополнение к пяти каменным ящикам, обнаруженным в 1955 г. В. В. Бобиным, экспедиция на площади в 150 м², отведенной под цветник, на глубине 1 м вскрыла еще один каменный ящик, почти квадратной формы. Лежавший в нем в скорченном положении на правом боку мужской костяк был ориентирован головой на северо-восток.

Могильный инвентарь составляли: крупная глиняная чаша-миска с нарезным орнаментом по высокой выгнутой шейке, местами расположенном в шахматном порядке (рис. 8, 7), железный наконечник втульчатого листовидного копья, железный нож и каменный оселок. Тип погребального сооружения, черты похоронного обряда и сам могильный инвентарь вскрытого каменного ящика повторяют особенности других могил Кисловодского могильника и вместе с тем отражают специфические особенности

²⁸ Т. Б. Попов а. Племена катакомбной культуры. Тр. ГИМ, вып. 24, 1955, стр. 69, 153; е е же. К вопросу о курильницах «северокавказского типа». СА, 1957, № 1, стр. 162, 177.

²⁹ По материалам экспедиции под руководством П. С. Рыжова, 1933—1937 гг., хранящимся в Саратовском музее. См. И. В. С и н и ц ы н. Памятники предскифской эпохи в степях нижнего Поволжья. СА, X, 1948, стр. 143.

³⁰ М. И. А р т а м о н о в. Раскопки курганов в долине р. Маныча в 1935 г. СА, IV, 1937, стр. 100; е го же. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. СА, XI, 1949, стр. 330.

³¹ Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.». М.—Л., 1941, стр. 244.

³² По материалам ГИМ и Грозненского республиканского музея.

³³ И. В. С и н и ц ы н. Ук. соч., стр. 157.

³⁴ Работы в Кисловодске произведены при участии профессора Симферопольского мединститута В. В. Бобина и ученого секретаря ИИМК Н. Я. Мерперта.

³⁵ С. Н. З а м я т н и н. Работы на строительстве санатория КСУ в Кисловодске. Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. I, Л., 1935, стр. 213.

³⁶ В. В. Б о б и н. Черты сходства культур древнего населения Крыма и Северного Кавказа времени перехода от бронзы к железу. Сб. «История и археология древнего Крыма», Киев, 1957, стр. 54.

таких могильников Кабардино-Пятигорья раннескифского времени, как Каррасский³⁷, Каменноостский³⁸, Минераловодский³⁹ и др.

Они характеризуют западный локальный вариант позднекобанской культуры срединной части Северного Кавказа уже раннежелезного века (VIII—VI вв. до н. э.). Значение этих памятников заключается в том, что их анализом уточняется время бытования кобанской культуры главным образом по связям со скифской культурой нашего юга.

Современный опыт изучения кобанской культуры позволяет на территории центральной части Северного Кавказа выделить три крупных района концентрации памятников этой культуры, правда, более позднего этапа ее развития: западную группу (Кабардино-Пятигорье, до верховьев Кубани), центральную (Северная Осетия и прилегающие к ней районы) и восточную группу (Чечено-Ингушская АССР).

Эти три группы памятников и по погребальным обрядам и по керамике четко отражают локальные варианты местной позднекобанской культуры уже скифского времени. Можно предполагать, что население всех этих трех районов до начала проникновения на Северный Кавказ ираноязычных элементов (скифов и савроматов) представляло собою довольно значительные этнически родственные между собою родоплеменные группы с культурами, отражавшими специфические особенности каждого района. К таким выводам приводят попытки исторического осмысления таких памятников Северного Кавказа, как Кисловодский, Каменноостский, Нестеровский могильники и особенно Луговой могильник, расположенный к тому же на наиболее древнем в крае энеолитическом поселении и являющийся самым крупным на Кавказе могильником скифского времени. Дальнейшее его исследование, несомненно, позволит вписать новые страницы в древнюю историю Кавказа и в первую очередь в историю Кавказа скифского периода.

³⁷ Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 123—127.

³⁸ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии, МИА, № 3, стр. 22; Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабарде в 1948 г. Уч. зап. Кабардинского НИИ, т. V, Нальчик, 1950, стр. 272.

³⁹ Н. М. Егоров. Ук. соч., стр. 62.

В. П. ДЕНИСОВ

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА р. ВЯТКЕ

До настоящего времени огромная территория бассейна р. Вятки и ее притоков в археологическом отношении довольно слабо изучена. Особенно это сказывается в области изучения эпохи камня и бронзы, хотя все многочисленные находки и сведения, собранные и в значительной части проверенные А. А. Спицыным¹ и другими исследователями, говорят нам о том, что эта территория была заселена с древнейших времен и является, по всей вероятности, очагом становления ананьинской культуры, быстро распространившейся в I тысячелетии до н. э. от р. Вишеры² (левый приток Камы) до Волги, включая почти всю территорию Вятского бассейна. Учитывая всю важность изучения истории первобытных племен Вятского бассейна для этногенеза современных народностей этой территории, Удмуртская археологическая экспедиция в 1955 г. организовала разведки и небольшие рекогносцировочные раскопки двух (из числа вновь открытых) памятников в Малмыжском и Нолинском районах Кировской области.

Основной целью разведок явилось выявление ранних археологических памятников, располагавшихся преимущественно на краю первой надпойменной террасы левого берега р. Вятки и ее притока р. Вои.

При планировке маршрутов особое внимание обращалось на места находок отдельных предметов, обнаруженных в 30-х годах и относящихся к эпохе неолита и бронзы³, а также на осмотр обнажений первой надпойменной (боровой) террасы. В общей сложности на протяжении около 120 км выявлено пять стоянок, одно селище и пять различных местонахождений.

Почти в центре г. Малмыжа, между трестом и трактом, в береговых обнажениях р. Шошмы, на уровне 8—10 м над рекой, обнаружен русский культурный слой, наибольшая мощность которого в районе городской церкви достигает 0,5—0,7 м и который, судя по находке поливного, темно-зеленого изразца, относится к XVII в.

Здесь же, около восточного угла церковной ограды, на разрушенной поверхности правого берега р. Шошмы, было обнаружено два маленьких обломка керамики, флажковый орнамент которых, нанесенный при помощи коротких насечек, напоминает керамику Луговской стоянки.

Осмотр поверхности и зачистка обнажений показали, что культурный слой почти полностью разрушен.

К северу от г. Малмыжа, на левом берегу р. Вятки, в 150 м к юго-востоку от бывшего хут. Наживина, была обнаружена стоянка, расположенная на краю невысокой первой надпойменной террасы.

На поверхности и в шурфах (1 × 1 м), заложенных по краю террасы, на протяжении около 110 м обнаружено несколько мелких кремневых отщепов и обломков керамики. Культурный слой (мощностью 30—40 см)

¹ А. А. Спицын. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. МАВГР, вып. 1, М., 1893.

² О. Н. Бадер. Археологические памятники Прикамья. Молотов, 1950, стр. 55

³ Вещи хранятся в Кировском и Малмыжском краеведческом музеях.

состоит из коричневого песка и почти полностью разрушен пахотой. Среди находок имеются два обломка кремневых орудий, изготовленных из светло-серого кремня (рис. 1, 5, 6), и шесть светло-желтых обломков керамики. Наружная поверхность посуды сглажена и орнаментирована зубчатым штампом в виде ряда косо поставленных отпечатков и вертикального зигзага (см. рис. 4, 1, 2); к глиняному тесту подмешивался песок и шамот.

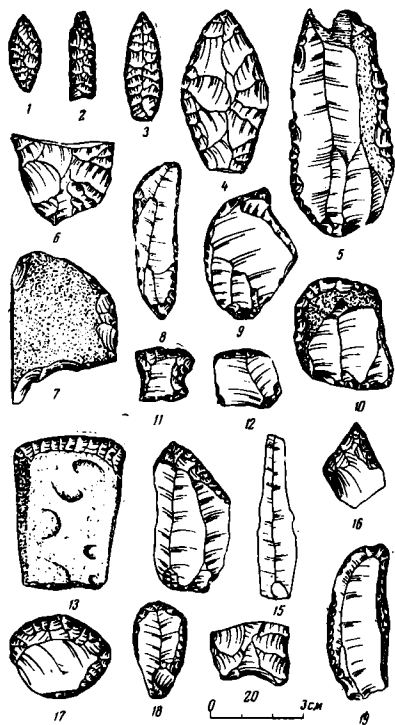

Рис. 1. Кремневый инвентарь

1—3, 7, 8, 10—14, 16 — стоянка Буй I; 4, 17—19 — Малмыжская стоянка; 5, 6 — Наживинская стоянка; 9 — стоянка Буй II; 15 — Таршинское местонахождение; 20 — стоянка у пос. Медведок

Очевидно, на этом же месте с 1924 г. Н. Г. Наживиным был найден обломок шлифованного тесла⁴. Судя по материалу, стоянка может быть отнесена ко второй половине II тысячелетия до н. э.

При обследовании правого берега р. Вятки около дер. Таршиной, на бичевнике, немного выше речной переправы, среди щебенки и галечника была найдена небольшая ножевидная пластинка из черного кремня (рис. 1, 15). Зачистка и осмотр береговых обнажений, из которых могли выпасть эти предметы, находок не дали.

Несколько ниже по реке при осмотре береговых обнажений около дороги, идущей от переправы в деревню, было найдено три обломка тонких неорнаментированных сосудов с примесью песка и шамота. Поверхность сосудов довольно тщательно сглажена.

Отсутствие орнамента и других каких-либо сопровождающих предметов затрудняет датировку. Светло-серый культурный слой, из которого выпала керамика, довольно хорошо прослеживается в обнажениях и не превышает 30 см. Неровная площадка памятника сильно разрушается весенними разливами.

В Нолинском районе Кировской области, в 1 км к юго-востоку от г. Нолинска,

на левом берегу г. Вои, на склоне боровой террасы был найден округлый кремневый отщеп из светло-серого кремня. При осмотре поверхности и обнажений, а также небольшого шурфа (1,5 × 1 м), заложенного на краю террасы, находок не обнаружено.

Затем был обследован край высокого коренного берега, сравнительно круто опускающегося к пойме левого берега р. Вои, который, постепенно понижаясь к речной пойме р. Вятки, переходит в хорошо выраженную боровую террасу.

На этой террасе, в месте пересечения ее с дорогой, идущей в Нолинск, была обнаружена большая многослойная стоянка Буй I, на описании которой мы остановимся ниже.

Стоянка Буй II находится в 0,8 км к северо-северо-востоку от стоянки Буй I и расположена на краю боровой террасы левого берега Вятки. При обследовании было обнаружено четыре овальных углубления (6 × 10 м), расположенных вдоль края террасы и ориентированных с юга на север. В шурфе (1 × 1 м), заложеном в одной из впадин на глубине около 50 см от поверхности в коричневом песчаном слое, был найден обломок кремневого орудия. При осмотре поверхности террасы возле дороги (в 10—15 м

⁴ Хранится в Малмыжском музее.

к востоку от впадины) были найдены скребок на плоском отщепе из светло-серого кремня (рис. 1, 9) и несколько мелких кремневых отщепов. По технике обработки орудий и расположению жилищных впадин можно предполагать, что стоянка относится к эпохе бронзы и может быть датирована серединой II тысячелетия до н. э.

Стоянка «Медведок» была обнаружена в пос. Медведок на краю первой надпойменной террасы между улицами Колхозной и Луговой. На песчаной поверхности разрушенного склона обнаружен обломок хорошо отретушированного дротика из светло-серого кремня (рис. 1, 20) и два мелких отщепя. Подобного рода дротики встречаются в Верхнем Прикамье на стоянках Чашкинской⁵, Бор I⁶, Боровое Озеро II⁷ и др., относящихся ко времени от начала до второй половины II тысячелетия до н. э. Зачистка обнажений края террасы показала, что светло-коричневый культурный слой, залегающий под дерном, достигает мощности 25—30 см.

После разведок экспедицией были проведены небольшие рекогносцировочные раскопки двух памятников.

Стоянка Буй I находится в 3 км западнее пос. Медведок Нолинского района Кировской области и в 2,8 км к северо-востоку от Буйской переправы. Стоянка обнаружена на мысе первой надпойменной террасы левого берега Вятки и возвышается над рекой на 3—4 м (рис. 2). Западная часть стоянки пересекается трактом и возле него разрушена песчаным карьером. Юго-западная часть мыса также разрушена старым песчаным карьером.

Осмотр обнажений и шурфы, заложенные в различных частях стоянки, показали, что культурные остатки располагаются на площади около 10 000 м².

При зачистке обнажений карьера в юго-восточной части стоянки, на глубине около 0,6 м от поверхности, был обнаружен выход из жилища (?) шириной в верхней части около 1,4 м и углубленный в подстилающий песок на 0,4 м. Здесь был заложен прямоугольный раскоп площадью 78 м² (рис. 3). Площадь раскопа, разбитая на квадраты 2 × 2 м, исследовалась послойно (слой 10—15 см). В результате раскопок и шурфовки была выявлена следующая стратиграфия: 1) дерн — 5—10 см; 2) поздне-русский, сильно гумированный слой — 5—18 см; 3) черноватый песчаный культурный слой — 20—70 см; 4) коричневый песчаный неолитический слой — 30—50 см; 5) подстилающий материковый песок.

Поздне-русский и черноватый культурные слои залегают в юго-восточной части и распространяются на площади не более чем 1000 м².

Неолитический слой довольно равномерно распространен по всей стоянке. В юго-восточной части стоянки он прорезан прямоугольным жилищем бронзовой эпохи (размером 3 × 7 м), дно которого было слегка

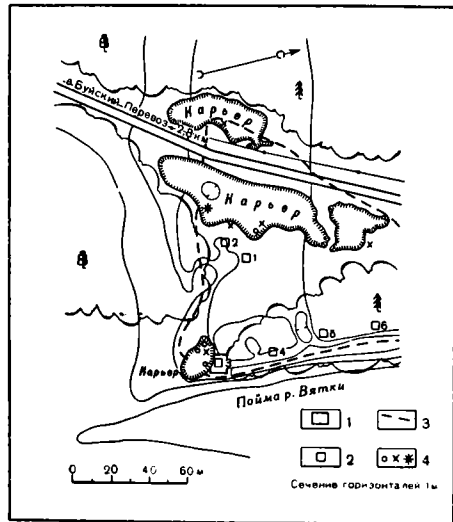

Рис. 2. План стоянки Буй I

1 — раскоп; 2 — шурфы; 3 — граница распространения культурного слоя; 4 — находки

⁵ Коллекция кабинета археологии Пермского государственного университета, № 418.

⁶ Там же, № 225.

⁷ Там же, №№ 141, 256.

углублено в материковый песок. Южная часть жилища почти полностью разрушена карьером. В юго-восточном углу на участках ЕД/11 - 13 прослежен выход (или какое-то хозяйственное углубление) размером $1,4 \times 4$ м; его заполнение, как и в жилище, — черный культурный слой с керамикой и кремнем. Стены жилища были выложены деревом. В северо-восточном углу, почти параллельно стенкам жилища, залежали два сильно обуглившихся тонких бревна, служивших, по-видимому, основанием сруба. Вдоль северной и восточной стенок жилища прослежены 25 ямок от столбов, служивших, по-видимому, для укрепления стен и кровли. Они располагались двумя параллельными рядами. Диаметр углублений вдоль внутреннего края жилища колебался от 20 до 45 см, а по внешней стороне не превышал 6—10 см. Разрезы этих ямок показали, что нижняя часть столбов была обычно засгнрена и углублена в материковый песок на 5—25 см.

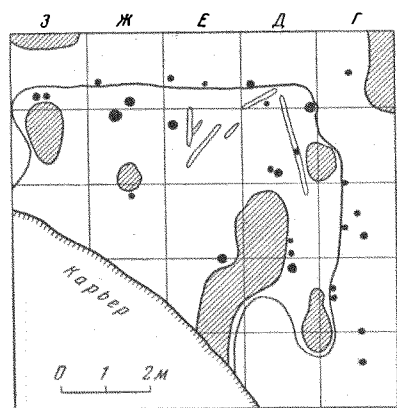

Рис. 3. План жилища на стоянке Буй I

1 — очертания жилища; 2 — хозяйственные углубления; 3 — ямки от столбов; 4 — обуглившиеся бревна

три относятся ко времени существования жилища, а шестая яма (на участках Г, Д/14) принадлежит неолитическому слою. В ямах, относящихся к жилищу, находок почти не встречено. Все ямы находились на глубине 0,60 м от поверхности, были округлые или овальные в плане (размером от $1 \times 1,6$ м до $0,5 \times 0,7$ м) и углублялись в подстилающий песок от 0,05 до 0,55 м. Признаков очага в жилище не обнаружено.

Керамика стоянки четко делится на два различных комплекса, относящихся к эпохе неолита и бронзы. К последнему относятся несколько обломков фатьяновской керамики, принадлежащей не менее чем пяти отдельным сосудам. Они найдены на дне жилища вместе с керамикой бронзовой эпохи.

Неолитическая керамика представлена обломками примерно 16 сосудов, изготовленных от руки при помощи ленточного налела. Форма сосудов, судя по обломкам, полуяйцевидная. Уплощенный или слегка округлый венчик (рис. 4) по сравнению со стенками почти не утолщен. Диаметр сосудов — от 12 до 50 см. Орнамент густо, без больших промежутков покрывает всю наружную поверхность сосудов, а в двух случаях распространяется даже на венчик. Элементов орнамента в основном два: гребенчатый (зубчатый) и ямочный. Орнамент на сосудах располагается горизонтальными зонами, состоящими из параллельно поставленных отпечатков зубчатого штампа в виде «шагающей гребенки» (рис. 4, 7, 8) или ряда косо поставленных отпечатков, которые отделялись друг от друга зонами ямочных вдавлений, наносимых белемнитом или круглой пустотелой косточкой (рис. 4, 3, 4, 8). В двух случаях при помощи ямочных или короткозубчатых отпечатков орнаментировалась вся поверхность сосудов (рис. 4, 6, 9). Подобная керамика находит себе близкие аналогии в поздних неолитических памятниках Прикамья конца III — начала II тысячелетия до н. э.⁸

Керамика, относящаяся к эпохе бронзы, представлена не менее чем

⁸ О. Н. Бадер. Стоянка Нижнеадидшевская и Боровое озеро I на р. Чусовой. МИА, № 22, 1951, стр. 23—25.

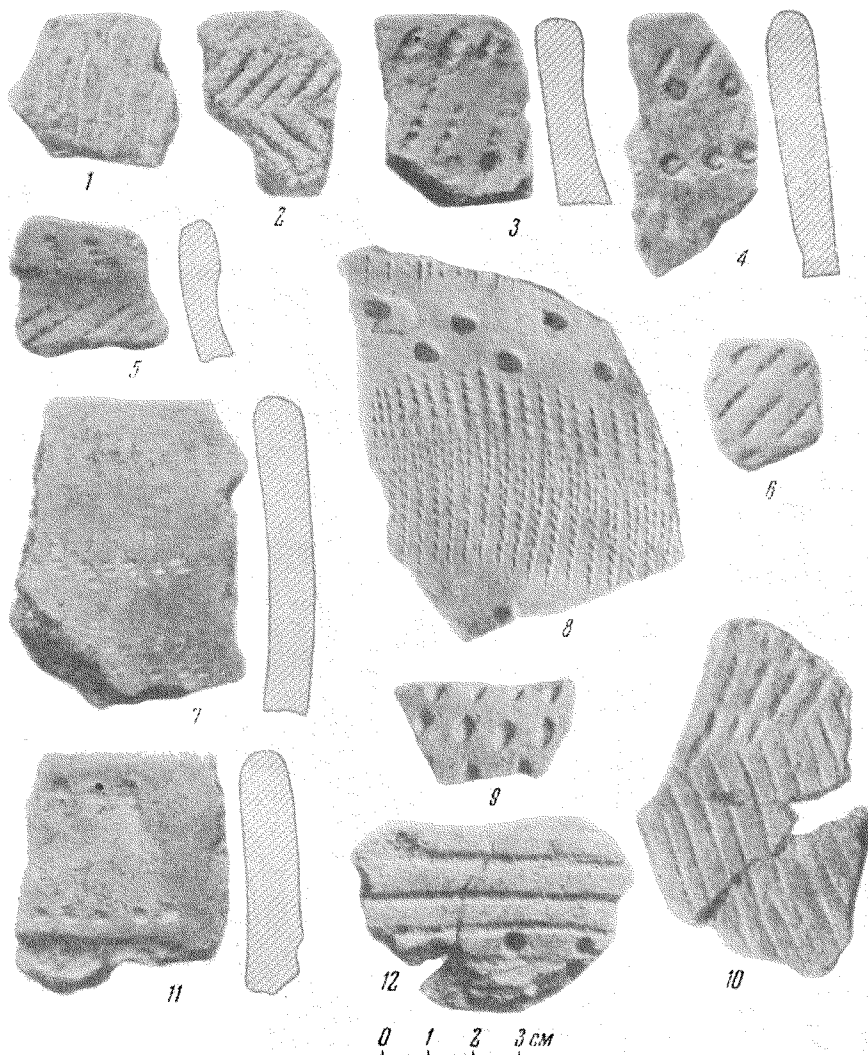

Рис. 4. Керамика

1, 2 — Наживинская стоянка; 3—12 — неолитическая керамика стоянки Буй I

29 сосудами, сделанными от руки при помощи ленточного налепа. В тесто добавляли растительные примеси и шамот. Внешняя и внутренняя поверхности сосудов в большинстве случаев сглаживались мягким предметом, но на некоторых фрагментах видны следы сглаживания зубчатым штампом. Все сосуды этой группы плоскодонные, с выпуклым туловом, отогнутой или прямой шейкой и слегка утолщенным или скошенным венчиком.

Большинство сосудов орнаментировано при помощи зубчатого и веревочного штампа, а также различного рода небольшими насечками и ямками. Орнаментальный узор в виде горизонтальных рядов косо поставленных зубчатых отпечатков, различных горизонтальных линий, зигзагов, заштрихованных треугольников, елочки и ромба наносился главным образом по шейке сосуда и изредка — по венчику. Вся эта керамика найдена в черном слое, относящемся к жилищу, и находит близкие черты сходства с керамикой Луговской и некоторых приказанских стоянок⁹.

⁹ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, табл. XXXIV, XXXV; Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Пселения

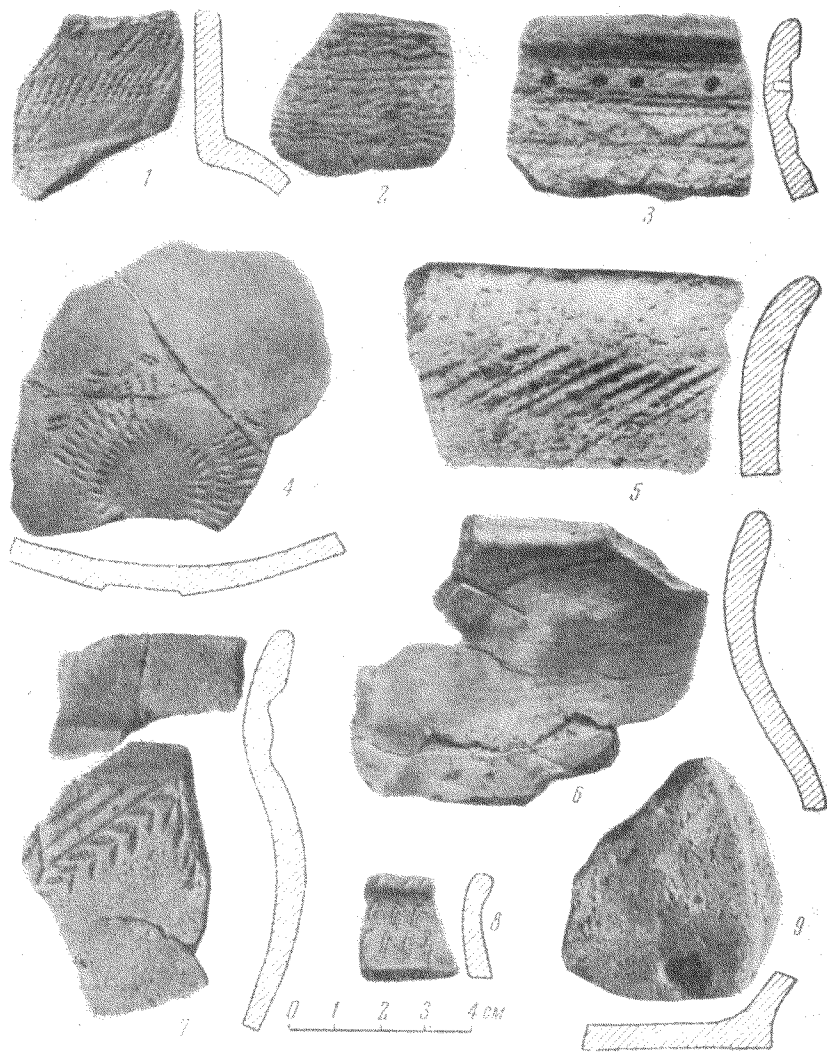

Рис. 5. Керамика эпохи бронзы со стоянки Буй I

В этом же слое, на дне жилища, найдено девять обломков не менее чем от пяти различных тонкостенных сосудов, изготовленных из хорошо промешанной и обожженной глины. Поверхность их тщательно обработана лощением и форма сильно напоминает фатьяновскую: с высокой шейкой, резко переходящей к тулову, и небольшим вдавлением на округлом днище (рис. 5, 1, 4). Орнамент, наносимый короткозубчатым тонким штампом, расположен только на шейке, по плечикам и на дне. Судя по присутствию в жилище керамики фатьяновского типа, имеющей очень близкие черты сходства с чувашской группой фатьяновской культуры¹⁰, можно датировать жилище временем не позднее третьей четверти II тысячелетия до н. э.

Кроме керамики, на стоянке было обнаружено небольшое количество кремневых орудий, необработанных кусков кремня, отщепов и других

эпохи бронзы в приказанском Поволжье по раскопкам 1951—1952 гг. МИА, № 42, 1954, стр. 182.

¹⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 24, 25, рис. 7, 6, 7, 9.

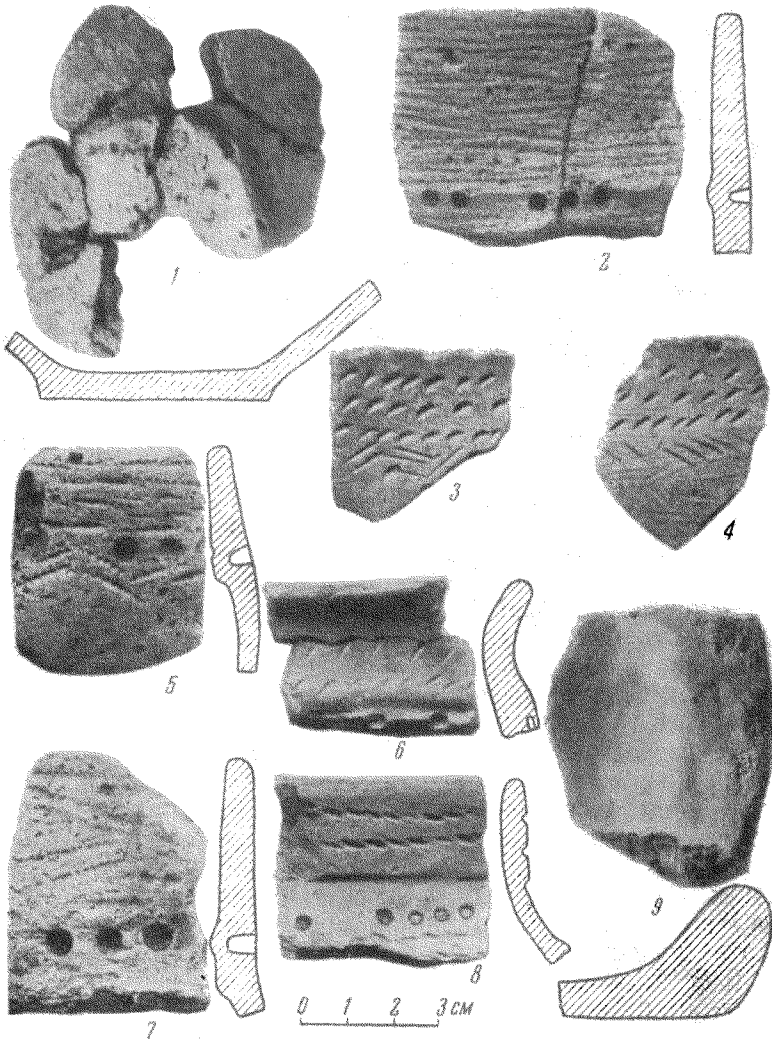

Рис. 6. Керамика и тигель со стоянок Буй I (1, 9) и Малмыж (2—8)

предметов. Смешанность кремневого материала затрудняет определение его культурной принадлежности. Преобладающее место среди орудий занимают скребки (13), обычно с прямым, округлым или скошенным рабочим краем (рис. 1, 10—14). Они довольно широко распространены в Прикамье в эпоху бронзы; два скребка-резчика напоминают волосовские ¹¹.

Найденные на стоянке три целых наконечника стрел — двух типов: листовидные и с выемкой. В эпоху неолита и бронзы подобные наконечники довольно часто встречаются в Прикамье. Из прочих орудий нужно отметить два ножа. Один из них с односторонней ретушью на небольшой ножевидной пластинке (рис. 1, 8), а второй сделан из куска тонкого плитчатого кремня с двухсторонней заостряющей ретушью на одном крае (рис. 1, 7). Ножи из плитчатого кремня на верхнекамских стоянках появляются в эпоху неолита и бронзы ¹². Кроме того, в коллекции имеется

¹¹ И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена. Тр. ГИМ, вып. XXII. 1953, стр. 30, рис. 4, 10.

¹² О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции Уч. зап. Молотовского университета, т. IX, вып. 3, Харьков, 1953.

одна небольшая проколка, изготовленная из кремневого отщепа (рис. 1, 16). Из других каменных орудий можно отметить небольшой пестерочник и обломок бруска. Здесь же найден обломок тигля из песчаника (рис. 6, 9). Подобные тигли часты в памятниках абашевской¹³ и приказанской культур¹⁴.

На основании изучения материалов из раскопок можно предполагать, что Буйская стоянка была заселена дважды: в конце III — начале II тысячелетия до н. э., а затем в третьей четверти II тысячелетия до н. э.

Малмыжская стоянка находится в 0,5 км к юго-западу от г. Малмыжа Кировской области. Стоянка занимает пологий склон невысокого песчаного всхолмления на левом берегу р. Шошмы (правый приток Вятки). Юго-восточная часть стоянки разрушена песчаным карьером. Сохранившаяся площадь (около 1500 м²) перепахана на глубину 0,2—0,3 м. Нами на краю карьера заложен небольшой раскоп общей площадью около 86 м².

В результате раскопок и зачисток обнажений была установлена стратиграфия памятника. Темно-серый песчаный культурный слой (мощностью 0,25—0,5 м) почти полностью разрушен пахотой. Нижняя часть нетронутого культурного слоя имеет черноватый оттенок. Повсеместно культурный слой подстилается желтым материковым песком. Каких-либо сооружений, кроме овальной ямы (1 × 1,5 м) с чашеобразным дном, углубленным на 0,5 м в подстилающий песок, при раскопках не обнаружено.

Кремневый и керамический материал распространялся довольно неравномерно и главным образом в северо-восточной части раскопа.

Собранный и полученный при раскопках материал состоит из мелких обломков посуды (большей частью не орнаментированной), 17 кремневых орудий и нескольких десятков кремневых отщепов и кусков кремня. Судя по керамике, материал стоянки относится к одному культурному комплексу. Посуда, изготовленная от руки ленточной техникой, в большинстве случаев имеет в глине растительные примеси. Из подобранных 25 отдельных сосудов все имеют горшковидную форму с отогнутой или прямой шейкой и расширенным туловом. Поверхность обработана при помощи сглаживания каким-то мягким предметом или зубчатым штампом. Часто на шейке сосудов имеется «воротничок», подобный ананьинским (рис. 6, 6, 8). Шейка обычно орнаментировалась зубчатым штампом, шнуром, ямками, насечками и вдавлениями. В узорах на тулове наиболее распространены различные горизонтальные или переплетающиеся линии, нанесенные зубчатым штампом (рис. 6, 2, 7), насечки в комбинации с треугольными клинышками (6, 3—4). Реже встречается веревочный орнамент. Ямочный орнамент встречается в сочетании с другими узорами и, как правило, располагается в один ряд, группируясь по три-четыре ямки (рис. 6, 2, 5, 7, 8).

Керамический материал очень близок позднебронзовым стоянкам Казанского Поволжья¹⁵ и Прикамья¹⁶.

Кремневые орудия представлены концевыми скребками с прямым, округлым или скошенным рабочим краем, изготовленными на округлых или удлинённых отщепах, и одним крупным наконечником стрелы ромбической формы из синеватого кремня (рис. 1, 4, 17—19). Подобные наконечники встречаются на приказанских стоянках¹⁷.

Материал с Малмыжской стоянки относится к предананьинскому времени и может быть датирован первой четвертью I тысячелетия до н. э.

¹³ Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Ук. соч., стр. 191, рис. 8.

¹⁴ Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Итоги археологических работ в 1945—1952 гг. Казань, 1954, стр. 37, рис. 12, 12.

¹⁵ Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы..., стр. 182.

¹⁶ А. В. Збруева. Ук. соч., табл. XXXIV, XXXV.

¹⁷ Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Итоги археологических работ..., стр. 238, рис. 48.

Керамика с «воротничками», очень близкая к ананьинской, может служить основанием для уточнения датировки стоянки VII—VI вв. до н. э.

На основании материала из наших разведок, а также уже имеющихся данных о ранних памятниках¹⁸ можно сделать выводы о том, что территория бассейна Вятки с древнейших времен была заселена человеком. Известно, что более северные районы заселены еще с эпохи палеолита¹⁹.

В позднем неолите эта территория была заселена племенами, близкими по культуре племенам Прикамья; об этом можно судить по форме сосудов, их ornamentации и способу их изготовления. Но в то же время их отличают местные особенности. Так, если в Верхнем Прикамье шейки сосудов преимущественно утолщены и имеют как бы небольшой валик с внутренней стороны, скошенный внутрь²⁰, то на стоянке Буй I они в большинстве случаев уплощены и по толщине равны стенкам. Если внимательно проанализировать орнамент, то можно заметить, что и он отличается от верхнекамского значительно меньшим процентом «шагающей гребенки» и широким применением конических и овальных ямок, на Верхней Каме почти не встречающихся. По-видимому, к этому же времени относится начало формирования шеек у сосудов, подобных изображенным на рис. 4, 3, 5; в эпоху бронзы они были распространены в Волго-Камье.

Пока нет еще достаточного материала, который мог бы хорошо осветить переходный период от неолита к эпохе бронзы, но нам кажется, что проникновение сюда во второй половине II тысячелетия до н. э. срубно-хвалыньских скотоводческих племен послужило причиной формирования на местной основе приказанской культуры. Об этом же в своей работе говорят Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков²¹.

В формировании приказанской культуры, очевидно, также участвовали позднефатьяновские (балановские) племена, о чем свидетельствуют находки фатьяновской керамики в жилище на стоянке Буй I, а также находки сверленных топоров и других предметов, характерных для фатьяновской культуры, в нижнем течении Вятки²² и к северо-востоку от Волги, вплоть до Среднего Прикамья²³. По-видимому, круглодонная фатьяновская керамика повлияла на появление округлого днища у сосудов поздних приказанских стоянок. В ананьинской культуре оно полностью вытеснило плоское днище.

Некоторое отличие буйской керамики от приказанской прослеживается в способе изготовления глиняного теста, в котором на приказанских стоянках растительные примеси составляют 3—6%, а на Буйской стоянке они преобладают. Кроме того, в нем полностью отсутствует примесь толченых ракушек, часто встречающихся в приказанском Поволжье. Это позволяет предполагать, что нижнее течение Вятки являлось территорией племен, этнически родственных с приказанскими.

Материал из раскопок Малмыжской и Буйской стоянок свидетельствует о большом влиянии местных племен эпохи бронзы на сложение ананьинской культуры.

Мы надеемся, что дальнейшее исследование ранних археологических памятников бассейна Вятки даст много нового и интересного для изучения ранней истории народов Волго-Камья.

¹⁸ А. А. Спицын. Уж. соч.

¹⁹ О. Н. Бадер. Первоначальное заселение Урала и Волгокамья человеком. Уч. зап. Молотовского Гос. университета, т. V, вып. 2, Молотов, 1947, стр. 93—135.

²⁰ Е го же. Стоянки Нижнеадищевская и Боровое Озеро I..., стр. 19—24.

²¹ Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы..., стр. 245—246.

²² В Малмыжском музее хранятся два сверленных топора из сборов Худякова и Машковцева в Вихаревской волости в 1920—1922 гг.

²³ О. Н. Бадер. К истории населения Средней Камы в эпоху бронзы (Верх-Савинский могильник). Уч. зап. Молотовского университета, т. 10, вып. 3, 1957.

Л. М. РУТКОВСКАЯ

ПАРФЯНСКАЯ КЕРАМИКА ДРЕВНЕГО МЕРВА

Планомерные раскопки, проводившиеся ЮТАКЭ в 1950—1955 гг. на территории городища Гяур-Калы — древнего Мерва, — наряду с большим количеством различных изделий дали значительное число керамики.

Здесь исследовались архитектурные комплексы разного времени, остатки мастерских и закладывались стратиграфические шурфы. На основании анализа содержания культурных наслоений, датированных, как правило, нумизматическим материалом, а также сопоставления находок из разных частей городища нам удалось выделить отдельные хронологические комплексы керамики древнего Мерва. Отмечу, что предлагаемую в настоящей работе хронологическую шкалу керамики мы имели возможность отчасти проверить и во время работ 1956 г.

В настоящее время наиболее полно представлена керамика парфянского времени (III в. до н. э. — III в. н. э.). Понятие «парфянская керамика» мы употребляем довольно условно, так как в данном случае имеются в виду не династические или этнические моменты, а хронологические рамки. Рассматриваемая керамика хронологически распределяется следующим образом: керамика III—II вв. до н. э.; керамика I в. до н. э. — I в. н. э.; керамика II—III вв. н. э.

В нижних слоях некоторых раскопов была обнаружена также керамика середины I тысячелетия до н. э. (древнемаргианская), но она представлена отдельными находками.

Комплекс керамики III—II вв. до н. э. был получен в нижних слоях (XXIII—XXIV—XXV ярусы) 1-го шурфа раскопа 6, а также в нижних слоях 1, 2 и 3 шурфов раскопа 2 (XIV—XIII—XII ярусы). Найдены в основном обломки керамики, которые при наличии целых сосудов идентичных форм дают возможность восстановить характер посуды II—III вв. до н. э. Критерием датировки этой керамики была ее сравнительная и типологическая характеристика, а также монеты Артабана I и Митридата I.

Все сосуды, за исключением кухонных, сделаны на быстровращавшемся гончарном круге. Изготовление сосудов отличается большой тщательностью. Глина тонкой отмучки, без видимых примесей. Черепок в изломе красного или розового цвета и лишь незначительное количество черепков серого цвета. Сосуды часто покрыты светлым ангобом. В особую группу мы выделяем краснолощенные и серолощенные сосуды. Кухонные сосуды изготовлены из грубой глины с примесью дресвы.

Посуда III—II вв. до н. э. характеризуется разнообразием форм: здесь есть широкогорлые сосуды, кувшины, горшки, чаши, кубки, тарелочки, миски, вазы, хумы, хумчи, котлы. Внутри каждого вида наблюдаются отдельные варианты.

Чаши. В культурных слоях III—II вв. до н. э. шурфов раскопа 6 и раскопа 2 эти сосуды представлены большим количеством фрагментов верхних частей и донышек и почти целых образцов. Все чаши имеют ши-

рокое устье; толщина стенок 3—6 мм с расширением ко дну. Большинство чаш (независимо от их формы) покрыто с внешней стороны светлым ангобом.

Большую группу составляют чаши, у которых верхняя часть внешней поверхности светлая, в то время как остальная поверхность — красная или розовая. На первый взгляд эта окраска производит впечатление светлого ангоба, но при детальном изучении оказывается, что это результат обжига. Светлый цвет имеет обычно самая широкая часть сосуда, независимо от его формы. На изломе черепка заметно, что с внешней стороны на толщину 1—2 мм он имеет светлый (кремоватый) цвет, который сменяется дальше розовым, красным или коричневым. Последнее обстоятельство мы связываем с самим процессом обжига, а именно: во время обжига чаши становились одна на другую днищем кверху; большая часть наружной поверхности оказывалась закрытой сверху стоящими чашами; открытой оставалась только наиболее широкая часть сосуда, которая, естественно, подвергалась воздействию более высокой температуры, чем вся остальная поверхность, но эта температура не была достаточно велика, чтобы черепок на всю его толщину оставался светлым.

Аналогичное явление отмечает В. Д. Блаватский для мегарских чаш¹.

Укажем, что чаши со светлой верхней частью известны в Маргиане еще во время, предшествующее раннепарфянскому (памятники типа Яз-Тепе III). Это говорит о том, что уже в ранний период производство чаш было массовым.

Что касается формы мервских чаш, то тут обращает на себя внимание отсутствие стандартов; среди одной и той же группы чаш трудно найти идентичные образцы, не говоря уже о том, что многие группы имеют свои разновидности.

Распространенной формой являются глубокие чаши цилиндро-конической формы (рис. 1, 1). Близки к ним чаши кубкообразной формы с невысоким вертикальным бортиком, загнутым внутрь (рис. 1, 2, 3). Имеется группа чаш с вертикальным бортиком, отличающихся широкими пропорциями (рис. 1, 5, 6, 10). Распространяются различные варианты полусферических чаш (рис. 1, 8, 9, 12, 13), причем среди них встречаются экземпляры серолощенных и в большем количестве красолощенных чаш.

Значительную группу составляют чаши с изогнутым профилем (рис. 1, 19, 21—24). Среди них есть и серолощенные (рис. 1, 14).

В меньшей степени распространены чаши, прямые стенки которых расширяются от дна к устью раструбом (рис. 1, 15—18).

Чаши имеют кольцевидное или плоское дноще.

М и с к и. По форме они напоминают чаши и отличаются от них только большими размерами. Они, как правило, имеют полуовальную форму с утолщенным венчиком, загнутым внутрь или отогнутым наружу. Есть миски с прямыми стенками, расширяющимися раструбом.

Т а р е л к и. Наряду с мисками выделяется категория мелких тарелок на кольцевом поддоне. В верхней части они оканчиваются широким бортиком, утолщенным венчиком или срезанным краем стенки (рис. 1, 26—28).

Ш и р о к о г о р л ы е с о с у д ы — в данном комплексе самая распространенная форма сосудов наряду с чашами. Они имеют форму горшка и кринки. Сосуды типа горшка часто имеют венчик, отогнутый наружу, с желобком для крышки (рис. 2, 8, 12, 13), венчик в виде валика (рис. 2, 4, 5), а также сдвоенный венчик (рис. 2, 3).

Распространяются кринки с подтреугольным сечением верхнего края с желобком (рис. 2, 1). Широкогорлые сосуды, как правило, не украшены, за исключением горшков, имеющих несколько рельефных линий на плечиках (рис. 2, 8).

¹ В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 253.

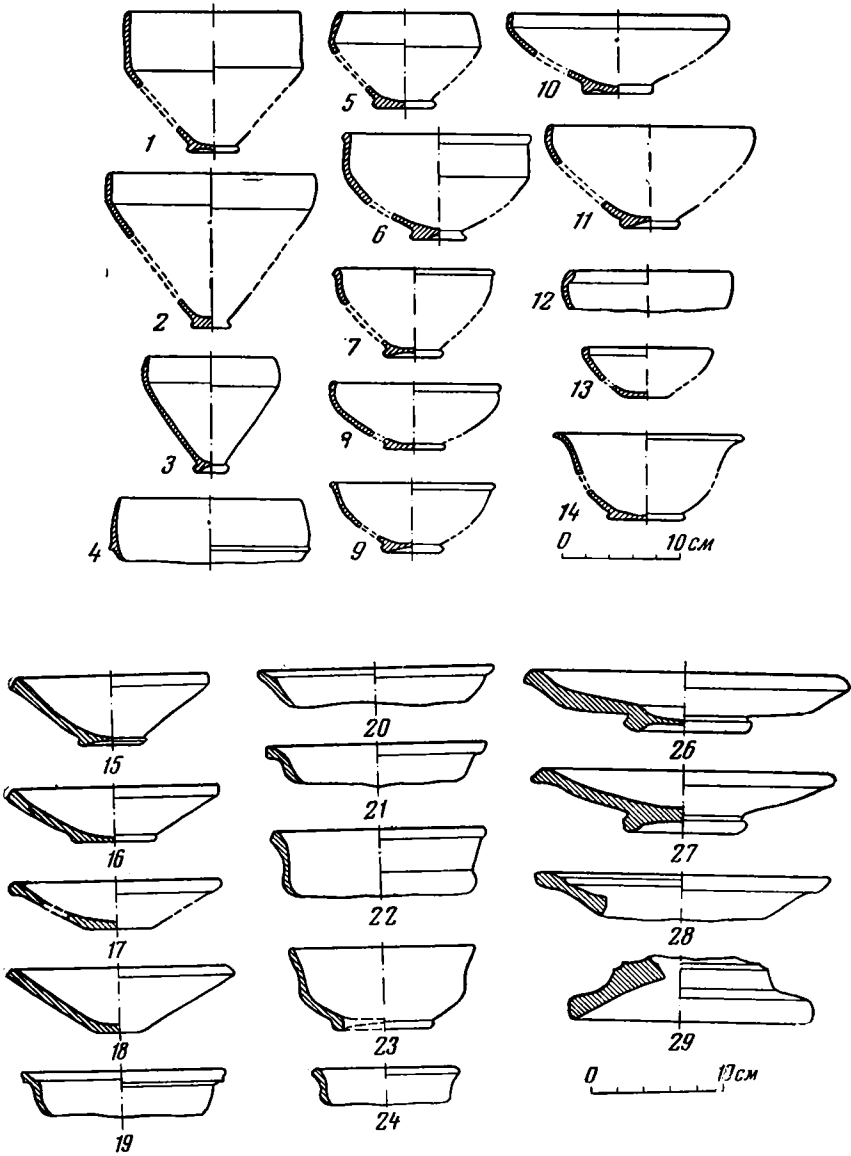

Рис. 1. Мерв. Гяур-Кала. Керамика III—II вв. до н. э.

Кувшины представлены сравнительно небольшим количеством обломков. Сохранились только части горловин, что не позволяет реконструировать их форму. Однако заметим, что некоторые типы кувшинов бытуют и в позднейшее время (вплоть до позднепарфянского). Характерной особенностью кувшинов парфянского времени, до II в. н. э., является то, что они, как правило, широкогорлые; диаметр горловины не намного меньше диаметра тулова. Горловина расширяется в нижней своей части и переходит в тулово. Некоторые наши фрагменты горловин свидетельствуют о том, что данные кувшины были также широкогорлыми и у них, как правило, нет следов ручек. Но фрагменты горловин небольших кувшинов имеют следы ручек. Найдено также немного отдельных ручек, круглых в сечении и овальных, с каннелюрами (рис. 2, 31—35).

Распространенным видом является горловина с венчиком в виде продолговатого валика, разделенного с внешней стороны желобком (рис. 2, 21, 22), а также с утолщенным венчиком, отогнутым наружу (рис. 2, 14—

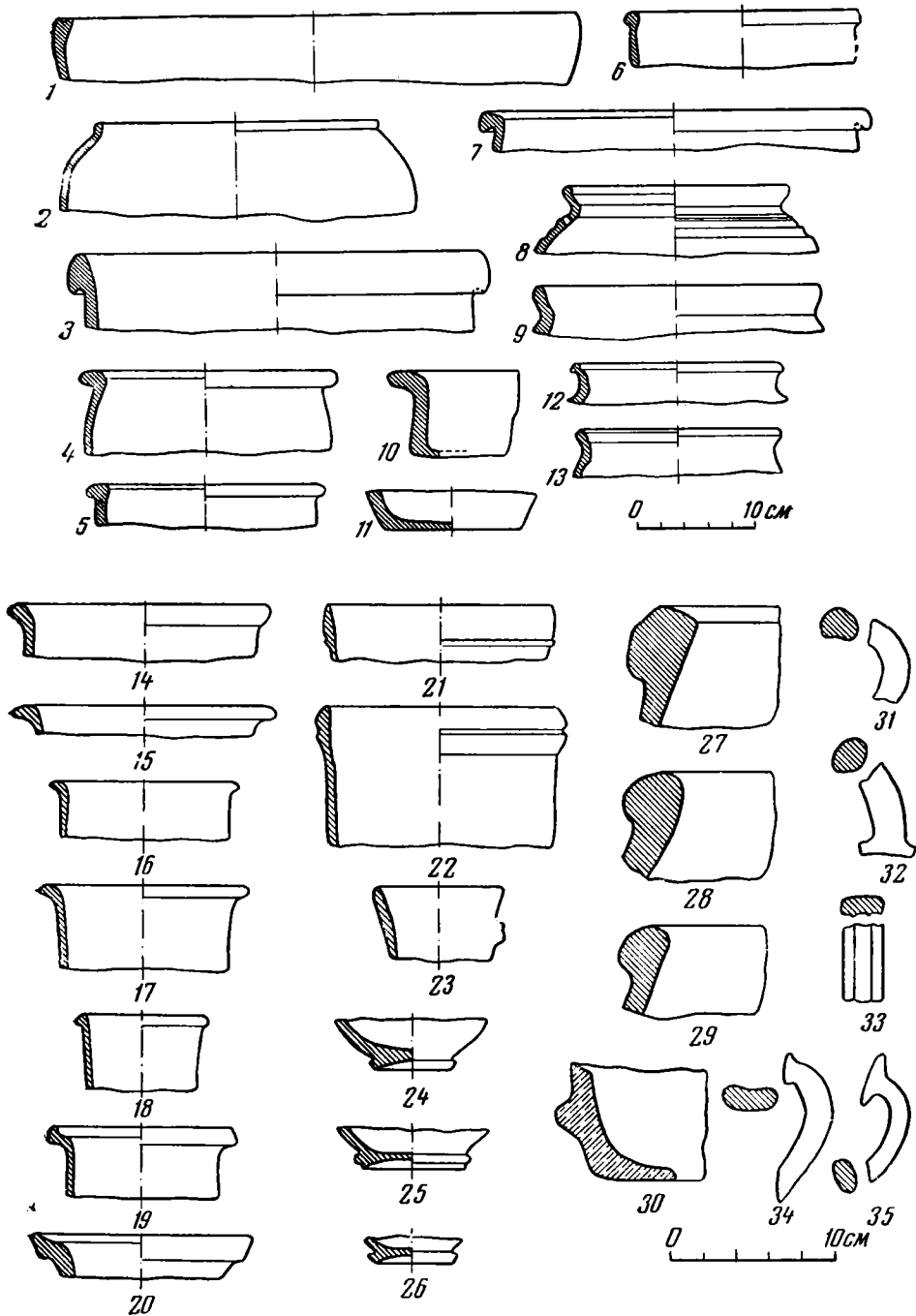

Рис. 2. Мерв. Гяур-Кала. Керамика III—II вв. до н. э.

18). В меньшем количестве встречаются горловины с резко отогнутым венчиком и с желобком для крышки (рис. 2, 19, 20).

Хумы представлены главным образом стенками, единичными фрагментами венчиков в виде утолщенного валика. Диаметр хумов по верхнему краю 37—44 см; изготовлены они на гончарном круге (рис. 2, 27—29).

Наряду с описанными выше основными типами сосудов, в данном ке-

рамическом комплексе имеются также кухонные сосуды, миниатюрные сосудики типа горшка, а также хумчи.

Переходя к анализу форм сосудов, надо отметить, что в III—II вв. до н. э. большинство форм продолжает традицию маргианской керамики предшествующего времени. Наряду с этим бытуют сосуды новых форм.

Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие формы кувшинов в памятниках середины I тысячелетия до н. э. (типа Яз-Тепе III). Их нет и в нижних слоях допарфянского времени Гяур-Калы, хотя известно, что кувшины бытуют в памятниках Анау III и IV.

Выше уже шла речь о том, что в комплексе III—II вв. до н. э. кувшины занимают небольшое место. Форма их за редким исключением очень несовершенна и представляет собой начальные звенья в эволюции этой категории сосудов вообще. По существу многие из наших кувшинов представляют собой переходные формы от широкогорлого сосуда к кувшину. На эту эволюцию указывают и аналогии в венчиках.

В Хорезме имеют место аналогичные явления. В керамике кюзелигырского типа кувшины пока не найдены, они появляются незадолго до кангюйского времени, а может быть, только в кангюйское². Некоторые формы кувшинов кангюйского времени Хорезма находят себе аналогии в кувшинах Гяур-Калы³. Но, в отличие от кувшинов Гяур-Калы, кувшины Хорезма часто орнаментировались росписью, нередко поверхность залащивалась вертикальным лощением. Ручки иногда оформлялись в виде фигурки животного.

На территории Согда кувшины появляются на стадии Афрасиаб II⁴ и так же, как на Гяур-Кале, они широкогорлые. На территории Бактрии характерным типом кувшинов в рассматриваемое время являются тоже широкогорлые кувшины. Но у кувшинов Кобадияна II встречаются две ручки, что мы склонны относить за счет влияния античной керамики⁵. В кувшинах Беграма I мы находим также аналогии описанным выше кувшинам Гяур-Калы⁶. Что же касается кувшинов рассматриваемого времени передневоосточных провинций Парфии, то здесь эта форма нашла уже широкое распространение и отличается большим разнообразием⁷. Ее формирование протекало под влиянием античной керамики.

Некоторые типы чаш находят себе аналогии на территории Согда⁸, Кобадияна⁹, Кашка-Дарьинской области¹⁰ и Хорезма.

Особый интерес представляет вопрос о распространении серолощенной и краснолощенной керамики, в частности чаш. Серолощенные цилиндрикоконические чаши были найдены В. М. Массоном на территории Маргианы в памятниках эпохи бронзы (типа Тахирбай-Тепе). Серолощенная керамика известна в Анау¹¹. Но во время, предшествующее парфянскому (в памятниках типа Яз-Тепе III), их нет. Они не отмечены и в допарфян-

² М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма рабовладельческой эпохи. М., 1954, стр. 14 (рукопись); хранится в архиве Института этнографии АН СССР.

³ Там же, рис. 104, 121.

⁴ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 156.

⁵ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян). МИА, № 37, 1953, стр. 286.

⁶ R. Ghirshman. Begram. Caire, 1946, табл. XXXI—XXXII.

⁷ N. C. Debevoise. Parthian Pottery from Seleucia on the Tigris. University of Michigan Press, 1939; N. Töll. The Green Glazed pottery. The Excavations at Dura — Europos. Final Report, вып. I, London, 1943; O. Raucher. Die Innenstadt von Babylon (Merkes), Leipzig, 1926, стр. 39; J. P. Peters. Nippur or Explorations and Adventures on the Euphrates. New York — London, 1897, табл. VII.

⁸ А. И. Тереножкин. Ук. соч., рис. 169. Коллекция Самаркандского Музея культуры народов Узбекистана, инв. № А-7-17; О. В. Обельченко. Куя-Мазарский и Лявандакский могильники — памятники культуры Бухарского оазиса. Ташкент, 1954 (рукопись); хранится в библиотеке АН УзССР.

⁹ М. М. Дьяконов. Ук. соч., стр. 286, рис. 20.

¹⁰ С. К. Кабанов. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе. Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР, т. 2, Ташкент, 1950, стр. 95.

¹¹ R. Putrully. Explorations in Turkestan. Washington, 1908, стр. 140—141.

ских слоях Гяур-Калы и появляются после перерыва только в раннепарфянское время и дальше не продолжают.

Появление серолощенной посуды в переднеазиатских провинциях, и в частности в Дура-Европос, вызвано подражанием чернолаковой античной посуде и относится ко второй половине III в. до н. э.¹²

Большое место серолощенные сосуды занимают в керамическом комплексе парфянского времени Нисы. Она имеет широкое распространение в Кабулистане (Беграм). Р. Гиршман, ссылаясь на свои находки в доахеменидских слоях Над-и-Али (Афганский Сеистан), считает, что сероглиняная керамика имеет здесь свою древнюю местную традицию¹³. В Кобадияне, так же как и в Маргиане, она составляет незначительный процент находок и представлена открытыми чашами, аналогичными маргианским. Впервые появляются они здесь в слое Кобадиян II (III—I вв. до н. э.)¹⁴. Серолощенная керамика не характерна для Согда и Хорезма. Для Мерва характерной формой серолощенной керамики является широко открытая чаша с изогнутым профилем либо полусферическая. Эти формы серолощенных чаш находят себе прямые аналогии на территории Кабулистана (Беграм), Кобадияна, Нисы, а также в Передней Азии (Дура-Европос, Селевкия на Тигре, Самара)¹⁵. По мере удаления на северо-восток, в среднеазиатские области, удельный вес серолощенной керамики уменьшается; она занимает еще большее место в керамике Нисы, но ее совсем мало в более северо-восточных областях (Маргиане и Кобадияне). Интересно, что ее нет в кангюйской керамике Хорезма, которая носит следы влияния позднеэллинистической керамики Причерноморья¹⁶.

Вышеизложенное дает возможность сделать вывод о том, что серолощенная керамика распространяется в III—II веках до н. э. в Средней Азии в результате тесного культурного общения с переднеазиатскими провинциями Парфии. Но тут же надо заметить, что ни в Парфии, ни в Маргиане мы пока не знаем привозной керамики вообще и в частности серолощенной. Серолощенная посуда изготовлялась на месте. Об этом свидетельствуют находимые фрагменты серого цвета, не подвергавшиеся лощению, либо лощенные частично.

Говоря о распространении серолощенной керамики, мы не ставили своей задачей рассмотрение общего ареала ее распространения. В этом случае пришлось бы значительно расширить территориальный обзор, так как серолощенная керамика в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры распространяется не только в странах Азии, но известна широко в Восточной и Западной Европе. На этом широком пространстве она связывается с разными племенными массивами (сарматами, греками Причерноморья, носителями культуры полей погребальных урн, пшеворской культуры и т. д.) и возникает в различных исторических условиях. В результате этого появляется целый ряд локальных форм сосудов, характерных для каждой данной территории.

О связях Мерва с переднеазиатскими провинциями Парфии свидетельствуют и формы нелощеных чаш, мелких тарелочек, ваз, имеющих красный или розовый черепок и покрытых иногда светлым ангобом. Чаши, для которых характерен плавный и изогнутый профиль (рис. 1, 7, 9, 14, 19, 21, 23), а также мелкие тарелочки появляются на Гяур-Кале в III—II вв. до н. э. и находят себе широкие аналогии в парфянской керамике Нисы¹⁷,

¹² D. H. Cox. The Greek and Roman Pottery. Excavations at Dura-Europas. Final report IV, ч. I, вып. 2. London—Oxford, 1949, стр. 18.

¹³ R. Ghirshman. Ук. соч., стр. 44.

¹⁴ М. М. Дьяконов. Ук. соч., стр. 285.

¹⁵ N. C. Debevoise. Ук. соч.; N. Toll. Ук. соч.

¹⁶ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 86.

¹⁷ Таблицы керамики шурфа Н₉ и раскопа Н₇, а также сводные таблицы парфянской керамики Новой Нисы, составленные М. И. Вязьмитиной. Хранятся в архиве ЮТАКЭ.

в переднеазиатской керамике, в керамике Беграма I¹⁸, Кобадияна II¹⁹, Мудин-Тепе I²⁰.

Что касается краснолощенной керамики, то она для Гяур-Калы нехарактерна и встречается в небольшом количестве. Она получила широкое распространение в керамике Тохаристана, Согда, Хорезма, Давани. Что касается самой техники лощения по красному ангобу, то она очень древняя и широко распространена как в Азии, так и в Европе. Однако в Передней Азии (в частности в Дура-Европос) эта краснолощенная керамика в корне изменяет свою форму и качество глины после того, как сюда стали проникать римские импортные сосуды *terra sigillata*, т. е. со II в. до н. э. Это дает возможность исследователям рассматривать краснолощенные сосуды этого времени как имитацию *terra sigillata*²¹. Однако это положение для областей Средней Азии вряд ли справедливо, так как сюда образцы римской краснолаковой посуды не проникали, а появление краснолощенных сосудов здесь относится ко времени до II в. до н. э. Так, в Согде они появляются в слоях Афрасиаб II—III²² (т. е. с IV в. до н. э.), в Хорезме — в раннекангюйское время (с IV в. до н. э.)²³, в Давани — с III в. до н. э.²⁴. Расцвет этой керамики относится к кушанскому времени, т. е. ко времени, когда влияние греко-римской культуры менее чувствуется в Средней Азии. И, наконец, в Южной Туркмении, которая находится ближе к областям римского экспорта, краснолощенная керамика встречается редко и в раннепарфянский, и в последующие периоды.

Все высказанные выше соображения приводят нас к выводу о том, что появление краснолощенной керамики в III—II вв. до н. э. в Мерве является результатом довольно тесных культурных взаимоотношений с соседними областями Средней Азии, в частности с Тохаристаном.

Заканчивая краткий обзор керамики III—II вв. до н. э., мы хотим еще раз подчеркнуть ее своеобразный характер, а также то, что ее формы в своем преобладающем большинстве продолжают древние традиции маргианской керамики. Аналогии уводят нас прежде всего на территорию переднеазиатских провинций Парфии — в Парфиену и Греко-Бактрию. В меньшей степени обнаруживаются аналогии на территории Согда и Хорезма.

Рассматривая керамику I в. до н. э.—I в. н. э., надо отметить, что по своему облику она является дальнейшим продолжением и развитием форм предыдущего времени; не изменяется и техника изготовления, только несколько увеличивается количество фрагментов с черепком сероватого цвета в изломе (лёсса).

В это время исчезают некоторые виды чаш, а мелкие тарелочки изменяют свой облик; как правило, они двух видов — с загнутым и прямым краем (рис. 3, 10, 16), а также с венчиком в виде валика (рис. 3, 15, 17).

Вместе с тем получают широкое распространение чаши древнемаргианского облика (рис. 3, 1). Сохраняется целый ряд форм предшествующего времени, но они отличаются меньшим разнообразием. Появляется форма цилиндрического бокала (рис. 3, 16).

Широкогорлые сосуды повторяют формы предшествующего времени.

В это же время более широко распространяются кувшины. Большую

¹⁸ N. Toll. Ук. соч., рис. 28—29, D. H. Cox. Ук. соч., табл. 3—5; N. C. Debevoise. Ук. соч., рис. 20—29, 205—211, 188—189; R. Ghirshman. Ук. соч., табл. XXX.

¹⁹ М. М. Дьяконов. Ук. соч., рис. 20.

²⁰ С. К. Кабанов. Ук. соч., стр. 95.

²¹ D. H. Cox. Ук. соч., стр. 6.

²² А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 156.

²³ С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 84.

²⁴ Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала имени И. В. Сталина. Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР, т. 4, Ташкент, 1951, стр. 23—24; е же же, Археологические наблюдения на Северном Ферганском канале. Изв. УзФАН, 1940, № 10, стр. 29; В. Д. Жуков. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала. Изв. УзФАН, 1940, № 10, стр. 22—24.

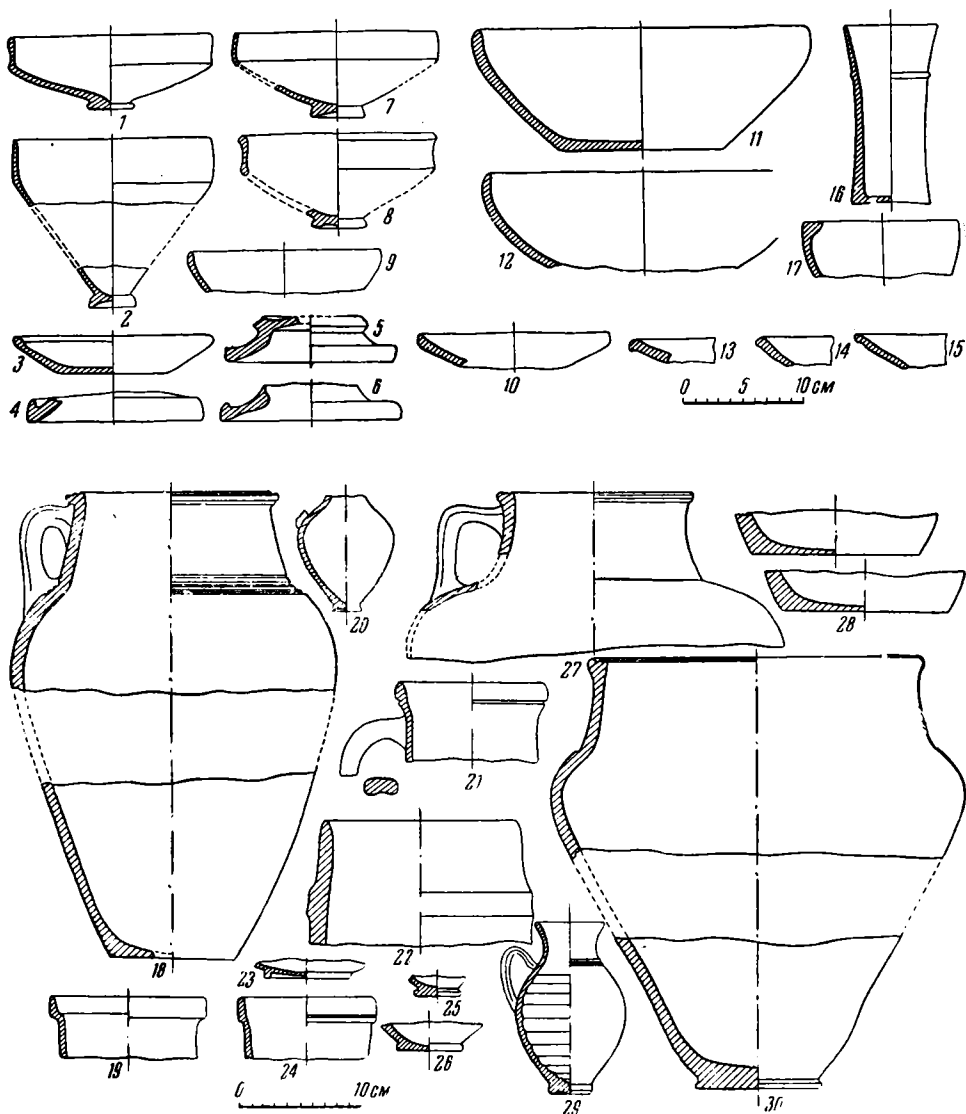

Рис. 3. Мерв. Гяур-Кала. Керамика I в. до н. э. — I в. н. э.

группу составляют широкогорлые кувшины с утолщенным сверху венчиком, подтреугольным сечением с желобками на верхней поверхности (рис. 3, 18, 30).

Указанные выше формы сосудов находят себе широкие аналогии в сосудах Средней Азии и прежде всего в приамударьинских областях левого берега реки (в частности, Чарджоу), в Сурхан-Дарьинской и Кашка-Дарьинской областях. Тут, по существу, можно говорить о некоторой идентичности форм. Сравнительная характеристика отдельных видов сосудов затрудняется тем, что керамика указанных областей недостаточно расчленена хронологически. Однако поражает большое сходство форм сосудов Мерва, Термеза²⁵, Айртама²⁶, Зар-Тепе, Хайрабада²⁷. То же отмечаем в

²⁵ В. Д. Жуков. Стратиграфический разрез части ограды калы древнего Термеза. Тр. АН УзССР, сер. I. История, археология, Ташкент, 1945, стр. 96, рис. 20.

²⁶ М. И. Вязьмитина. Керамика Айртама времени кушанов. Там же, стр. 57.

²⁷ Зар-Тепе и Хайрабад исследовались Л. И. Альбаумом. Материал хранится в Ин-те истории, археологии, этнографии АН УзССР. См. Л. И. Альбаум. Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников (1948—1949). Тр. Ин-та истории, археологии АН УзССР, вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 119.

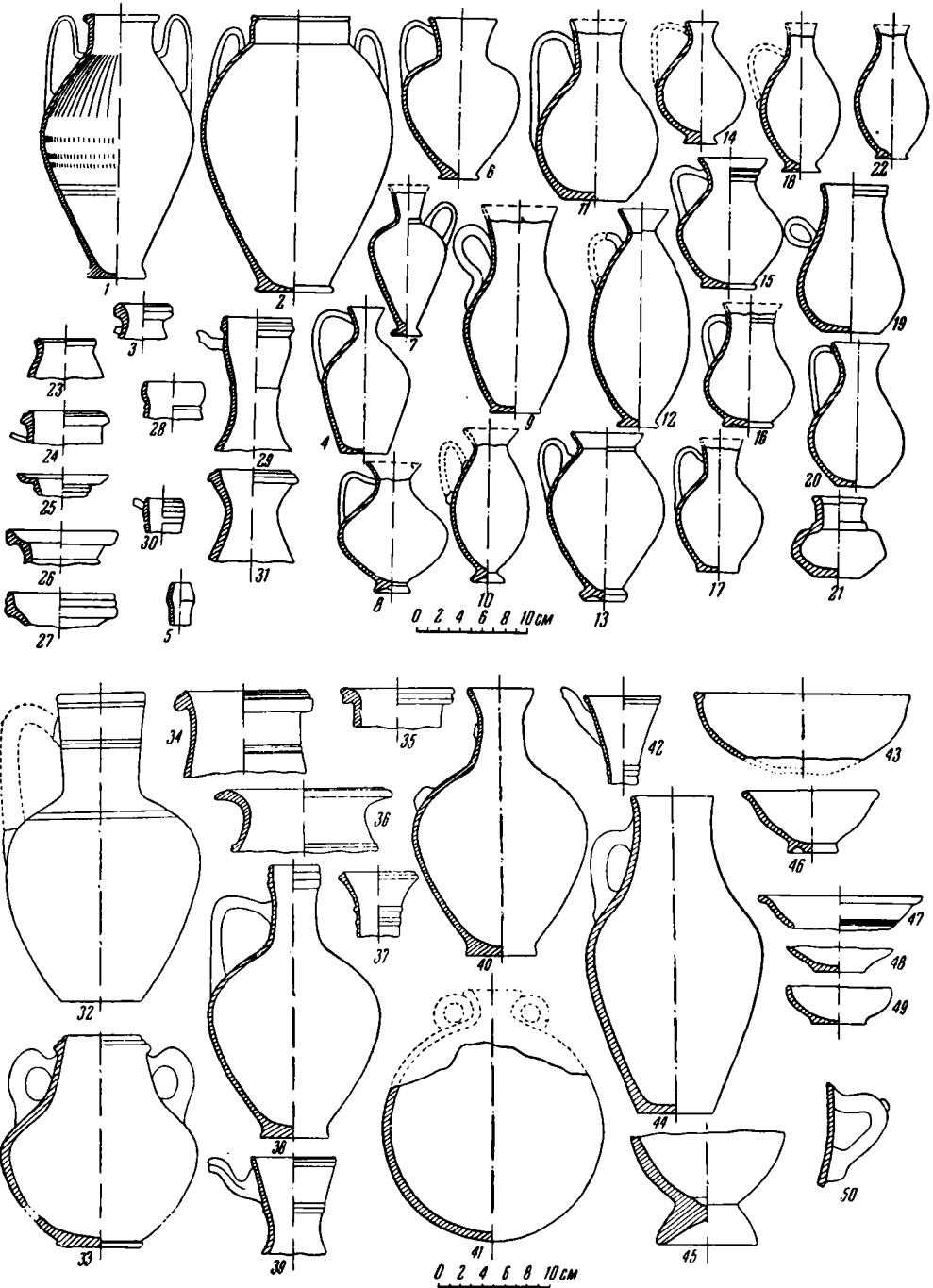

Рис. 4. Мерв. Гяур-Кала. Керамика II—III вв. н. э.

Кашка-Дарьинской области (в керамике Мудин-Тепе²⁸, Ер-Кургана²⁹). Отдельные аналогии керамическим формам Мерва мы находим в керамике Хорезма³⁰, в Исфаринском районе Таджикистана³¹, Мунчак-Те-

²⁸ С. К. Кабанов. Уж. соч., стр. 95, табл. 1.

²⁹ Там же, стр. 127, табл. 8.

³⁰ М. Г. Воробьева. Уж. соч., рис. 113, 125.

³¹ Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955, стр. 157.

пе³², Афрасиабе³³. Сравнительно много аналогий дает Беграм³⁴ и в меньшей степени, чем в предыдущее время, встречены аналогии в керамике Дура-Европос³⁵ и Селевкии на Тигре³⁶.

Комплекс сосудов II—III вв. н. э. был обнаружен на раскопах 2, 3, 4, 5Б, 5П, 6 и в шурфе 2. Он датируется монетами позднепарфянского и раннесасанидского чекана. Керамика II—III вв. н. э. представлена как целыми сосудами, так и фрагментами. В целом ее характеризует большое разнообразие форм, свидетельствующих о дифференцированном ее использовании.

Как показывает большое количество массового керамического материала во II—III вв. н. э., существенные изменения претерпевает техника изготовления сосудов. Сосуды, сделанные из тонко отмученной глины с красным и розовым черепком, составляют меньший процент, чем сосуды из глины без тонкой отмучки, но хорошо промешанной с сероватым, реже кремеватым и красным черепком.

Сосуды обжигаются при более высокой температуре, в результате чего при том же химическом составе глины цвет черепка становится не красным, а белым. К этому выводу мы пришли на основании многочисленных наблюдений над обжигом отдельных сосудов. Встречаются сосуды, которые прожжены на 1—2 мм толщины черепка и дают светлую наружную поверхность; на остальной толщине излома цвет черепка красный. Это мы наблюдаем на фрагментах и предыдущей хронологической группы, но в меньших размерах. В данном случае ясно, что светлый цвет черепка является результатом обжига. На некоторых фрагментах видно, что одна половина сосуда была красного цвета, другая белого; это подтверждает высказанное положение.

Как видно по материалам раскопанных керамических печей, последние во II—III вв. претерпевают значительные изменения.

Во II в. н. э. в очень незначительных количествах встречаются сосуды краснолощенные. По общему своему облику керамика II в. н. э. производит впечатление более грубой; но она отличается большим разнообразием форм, чем в предшествующее время. Здесь бытуют кувшины, широкогорлые сосуды, чаши, бокалы, миски, тарелки, толстостенные сосуды, кухонная посуда. Остановимся кратко на некоторых из них.

Кувшины бывают широкогорлые и узкогорлые. Имеют яйцевидное и округлое тулово. Характерны горловины со сложной профилировкой и венчиком (рис. 5, 25—27, 29—35, 37, 38; рис. 5, 6, 21), а также расширяющиеся раструбом и заканчивающиеся утонченным краем (рис. 4, 40, 44).

Сосуды иногда имеют одну ручку. В это время впервые появляются кувшины с двумя ручками, но они не имеют широкого распространения. Для крупных кувшинов характерны поднятые над венчиком ручки, овальные в сечении, с каннелюрами. Очень часто внизу, на месте прикрепления ручки к тулову, имеются вдавления, сделанные пальцем. Имеются также вертикальные витые ручки с лепешкообразными налепами и вмятиной.

В орнаментации крупных кувшинов со II в. н. э. все чаще встречается волнистый орнамент, рельефные линии, появляется также рифление. Интерес представляет появление на стенках некоторых кувшинов орнамента в виде налепного S-образного жгута (в горизонтальном положении) и зооморфной орнаментации.

Впервые появляется форма мустахары (рис. 4, 41). Много имеется кувшинов мелких размеров, высотой 12—19 см. Они отличаются большой тщательностью изготовления и разнообразием форм, подражающих круп-

³² В. Ф. Гайдукевич. Керамическая обжигательная печь Мунчак-Тепе. КСИИМК, вып. 28, 1949, стр. 81.

³³ А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 69.

³⁴ R. Ghirshman. Ук. соч., табл. XXX, XXXII.

³⁵ N. Toll. Ук. соч., табл. 28—29.

³⁶ N. C. Debevoise. Ук. соч.

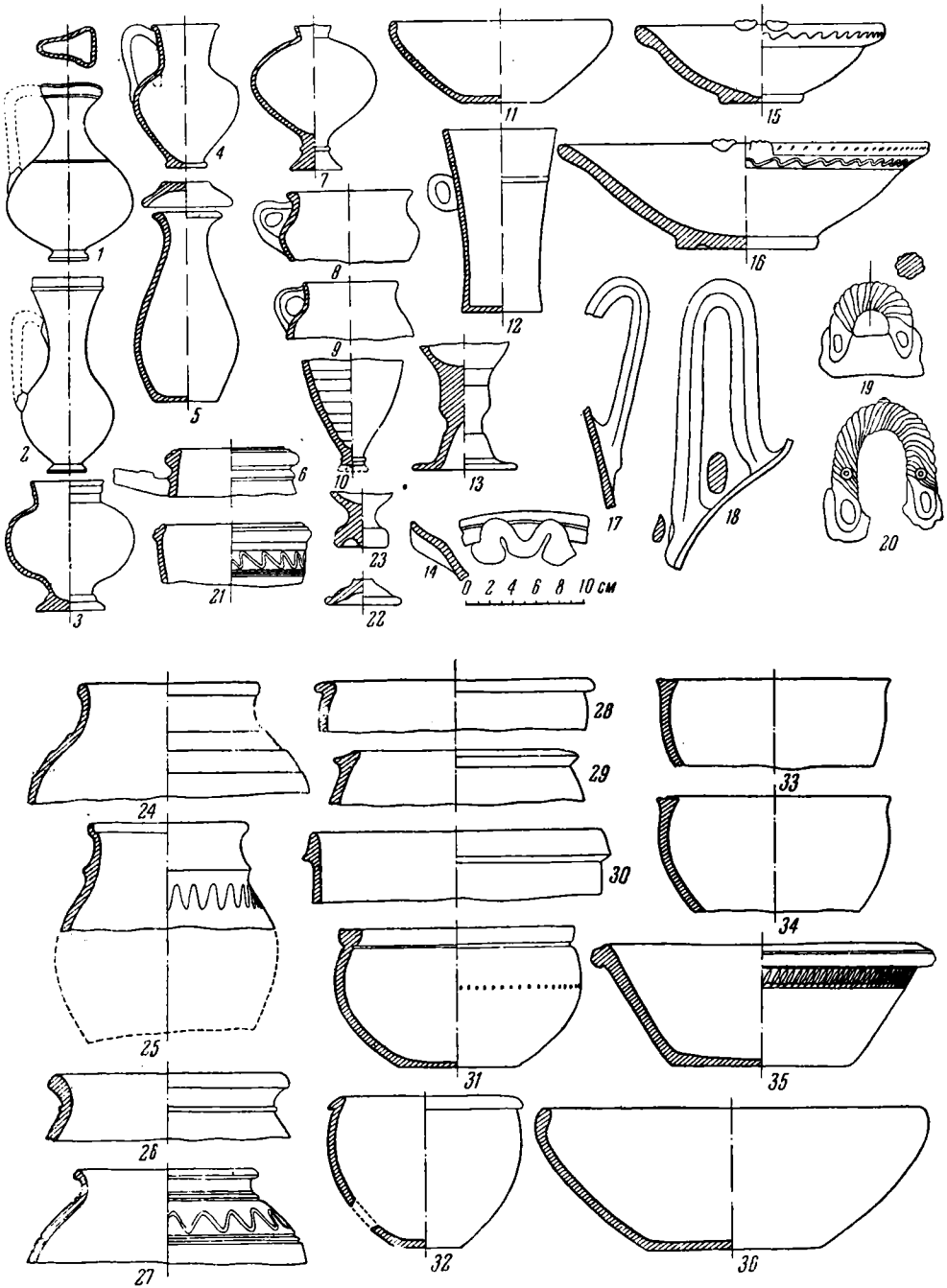

Рис. 5. Мерв. Гяур-Кала. Керамика II—III вв. н. э.

ным кувшинам. Характерным для мелких кувшинов является отсутствие венчика, а вместо него утончается край стенки, которым заканчивается либо широкий раструб шейки, либо узкая горловина (рис. 4, 7—14, 17, 18, 20). В этих сосудах впервые появляются новые элементы: грушевидное или бомбовидное тулово, петельчатые ручки. Новым является форма конусовидного полого внутри поддона, особенно часто встречающегося у мелких кувшинов. Конусовидный поддон образовался, вероятно, в результате эволюции кольцевого. Такая форма поддонов наиболее характерна для сосудов с яйцевидным туловом, стенки которого значительно сужа-

ются ко дну. Конусовидный поддон как бы увеличивает диаметр дна, делая сосуд более устойчивым. Такие поддоны, но более массивные, встречаются и у крупных кувшинов (рис. 4, 45).

Есть еще одна форма ножек, неизвестная в предыдущее время,— это ножка с перехватом в виде рельефной линии в верхней части и полая конусовидная внизу (рис. 5, 7). Имеются также высокие ножки без перехватов (рис. 5, 23). Некоторые из таких ножек принадлежат бокалам, форма которых пока не установлена.

Широкогорлые сосуды. В количественном отношении их меньше, чем в комплексах предшествующего времени. Они продолжают и развивают формы широкогорлых сосудов I в. до н. э.— I в. н. э.

Наиболее распространенной является форма крынки с подтреугольным сечением венчика (рис. 5, 31, 33, 34). Наряду с ними распространяются и сосуды типа горшка (рис. 5, 24—27). Они часто орнаментированы волнистой линией.

Ч а ш и. Пережиточно бытуют формы предшествующего времени, но преобладают чаши полусферические (рис. 4, 46, 47, 49). Встречаются единичные фрагменты краснолощенных чаш.

Б о к а л ы сохраняют цилиндрическую форму, которая теперь получает петельчатую ручку (рис. 5, 12). Есть в незначительных количествах бокалы на высокой ножке типа «кушанских».

М и с к и. Наиболее распространенной формой является полукруглая миска с загнутым внутрь венчиком (рис. 5, 36) или с прямым венчиком, профилированным двумя рельефными линиями. Есть полукруглые миски с широким горизонтальным бортиком, украшенным волнистой линией. Наряду с описанными, имеются миски с прямыми стенками и отогнутым наружу венчиком (рис. 5, 35).

Т а р е л к и во II—III вв. н. э. являются широко распространенной формой, все они одного типа (рис. 5, 15, 16). Для их украшения широко использован волнистый орнамент. Выделяется группа тарелок, на бортике которых с внутренней или с внешней стороны имеется жгутообразный налп, имитировавший ручки (рис. 5, 14).

Т о л с т о с т е н н ы е с о с у д ы. К ним мы относим тагары, хумы, хумчи, ступки. Хумы формованы от руки из хорошо промешанной глины; часто их внешняя поверхность покрывалась светлым ангобом (рис. 6). Интерес представляют лепные ступки, часто украшенные волнистым орнаментом.

Кроме описанных сосудов, имеются также кухонные сосуды, изготовленные из грубой глины с примесью дресвы. Имеется также группа сосудов с горизонтальными витыми ручками, однако их форму установить не удалось. На ручках имеются налпы в виде двух небольших лепешек, по-

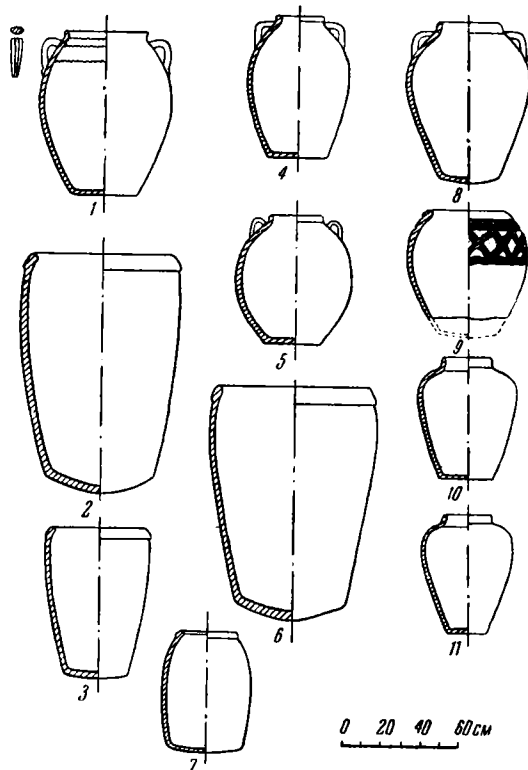

Рис. 6. Мерв. Гаур-Кала. Хумы

мещенных одна на другую. В местах прикрепления ручки к сосуду есть вмятины, сделанные пальцем (рис. 5, 19—20).

Ко II—III вв. относится также ритон в виде головы быка.

Аналогии описанным сосудам II—III вв. н. э. встречаются на территории Средней Азии. В частности, аналогии широкогорлым сосудам Мерва мы находим прежде всего в Маргиане. Некоторые аналогичные формы имеются среди парфянской керамики Старой и Новой Нисы³⁷. В кушанской керамике Хорезма встречены некоторые близкие по форме венчики³⁸, но здесь количество аналогий невелико. Гораздо больше аналогий дает керамика Беграма II—III³⁹, кушанская керамика Термеза⁴⁰, синхронная керамика Каршинского оазиса⁴¹, Кобадияна 4—5⁴², Афрасиаба⁴³. Меньше сходства в формах горшков имеется в керамике Ферганы⁴⁴ и Каунчи II⁴⁵.

Из вышесказанного явствует, что формы широкогорлых кувшинов ближе всего к керамике Мавераннахра. Как мы увидим ниже, это характерно и для других форм сосудов.

Из керамических форм Гяур-Калы, представленных в комплексе II—III вв. н. э., совершенно новой является форма бокала на высокой ножке. Однако она, судя по небольшому количеству фрагментов, не получила широкого распространения и не идет дальше III в. н. э.; так как эта форма не связана с местной керамической традицией, то ее можно считать привнесенной извне. Действительно, она широко распространяется в так называемой кушанской керамике на территории современного Таджикистана, Сурхан-Дарьинской области, Кашка-Дарьинской, Самаркандской, Бухарской и Ферганской областях.

Новым является также описанный тип тарелок с широким бортиком с жгутообразными налепами. Появляется он впервые во II—III вв. н. э.

Тарелки со жгутообразными налепами известны также и на других городищах Маргианы позднепарфянского времени⁴⁶, а также на территории Новой Нисы⁴⁷.

В Термезе в слое, датированном монетой Васудевы (III в. н. э.), встречены такие же жгутообразные налепы, но не на тарелках, а на чашах полусферической формы⁴⁸. Сосуды с широким бортиком в виде тарелок из городища Зар-Тепе, которые здесь датируются I—II вв. н. э., имеют ручки, которые напоминают по форме наши жгутообразные налепы⁴⁹. Судя по этому, можно считать, что жгутообразные налепы являются имитацией ручек.

Указанные выше факты говорят о том, что ареал распространения сосудов со жгутообразными налепами довольно широкий и связываются они прежде всего с культурой Мавераннахра первых веков нашей эры.

³⁷ См. таблицы парфянской керамики Старой и Новой Нисы, хранящиеся в архиве ЮТАКЭ.

³⁸ М. Г. Воробьева. Ук. соч., рис. 119, 140.

³⁹ R. Ghirshman. Ук. соч.

⁴⁰ М. И. Вязьмитина. Ук. соч., табл. 4; В. А. Шишкин. Курган и мечеть Чор-сутун в развалинах старого Термеза. Тр. АН УзССР, сер. I, история, археология, 1945, стр. 125.

⁴¹ С. К. Кабанов. Ук. соч.,

⁴² М. М. Дьяконов. Ук. соч., стр. 288—291.

⁴³ А. И. Тереножкин. Ук. соч.; Т. Н. Книпович. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода. КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 74.

⁴⁴ В. Д. Жук. Отчет о работе II-го отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. Сталина. Тр. Ин-та истории, археологии, т. 3, Ташкент, 1951, стр. 56—58.

⁴⁵ В. Г. Григорьев. Каунчи-Тепе. Ташкент, 1940.

⁴⁶ Разведки ЮТАКЭ 1953—1954 гг.

⁴⁷ Неопубликованный материал из раскопок М. И. Вязьмитиной 1947—1949 гг. Хранится в Музее истории ТуркмССР.

⁴⁸ В. А. Шишкин. Ук. соч., стр. 126.

⁴⁹ Л. И. Альбаум. Ук. соч., стр. 108, рис. 23.

В комплексе II—III вв. н. э. впервые появляется зооморфная орнаментация. Отметим, например, ритон с изображением быка⁵⁰, находящий себе аналогии в Тохаристане (S-образные налесты на тулове, витые ручки с налестами, ручки с отростками в виде рогов, ручки с изображением барана). Эволюцию указанных видов орнамента разработали В. Г. Григорьев⁵¹ и А. Н. Бернштам⁵².

Итак, все отмеченное относительно новых элементов в керамике Гяур-Калы II—III вв. показывает, что их формирование и эволюция связаны с культурой Мавераннахра первых веков нашей эры, в частности аналогично вводят нас к культуре сарматоидного облика типа Каунчи II. Характерно, что в изображении женского божества в терракоте во II—III вв. н. э. появляются новые этнические признаки и новая одежда⁵³.

Анализ керамических форм, а также данные глиняных рельефов свидетельствуют о проникновении на территорию Мерва во II—III вв. н. э. новой этнической струи с территории Мавераннахра.

Итак, краткий обзор парфянской керамики показывает локальные особенности развития материальной культуры Маргианы и, в частности, Мерва. Эволюция форм начиная с III в. до н. э. до III в. н. э. свидетельствует о непрерывной линии развития с превосходящими моментами культурных влияний.

Как показывают работы ЮТАКЭ, в других пунктах Маргианы керамика аналогична мервской. Это объясняется не только тесными взаимоотношениями с Мервом, но и сходными историческими условиями.

Формы керамических сосудов других городов Маргианы слагаются под влиянием керамического производства Мерва. Судя по большим масштабам керамического производства Мерва, часть сосудов вывозилась, надо думать, в близлежащие города. Эти сосуды, вероятно, и служили теми образцами, которым подражали керамисты периферии. Кроме вывоза готовой продукции, здесь надо предполагать и непосредственное участие мервских мастеров в керамическом производстве других городов.

Анализ керамических форм выявляет культурные взаимоотношения Мерва с другими областями, и здесь мы хотим еще раз отметить близость ранней керамики (III—II вв. до н. э.) Мерва к керамике передневоосточных провинций Парфии. В последующее время количество аналогий здесь сокращается, и близость Мерва уже к Мавераннахру отмечается на протяжении длительного исторического периода. Это надо объяснять тем, что в это время экономические и политические интересы Мерва были связаны с Мавераннахром. Тут производилась оживленная торговля. В смысле политическом Маргиана входила еще при Ахеменидах в состав Бактрии, затем в состав Греко-Бактрийского царства. Надо думать, что и при парфянах это единство на какой-то промежуток времени сохранялось. Что же касается общности керамики II—III вв., то это объясняется передвижением племен из Мавераннахра и изменением в какой-то степени этнического состава населения города.

Приведенный выше анализ керамического материала Мерва парфянского времени позволяет нам выделить еще одну культурно-историческую область, которая характеризуется высокой своеобразной материальной культурой, развитие которой, так же как и историческое развитие Мервского оазиса, не проходило изолированно.

⁵⁰ М. Е. Массон. Новые данные по древней истории Мерва. ВДИ, 1951, № 4, стр. 98.

⁵¹ В. Г. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении. Изв. АН КазССР, серия археологическая, вып. I, Алма-Ата, 1948.

⁵² А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 15.

⁵³ Г. А. Пугаченкова. Великая маргианская богиня. Доклад, прочитанный на заседании кафедры археологии САГУ 28 марта 1954 г.

И. Т. КРУГЛИКОВА

КЛАД БОСПОРСКИХ СТАТЕРОВ III в. из дер. СЕМЕНОВКИ

В 1957 г. при раскопках античного поселения у дер. Семеновки, расположенной на Крымском побережье Азовского моря, южнее мыса Казантип, экспедицией ИИМК АН СССР был обнаружен в развалинах жилища клад из 96 монет, лежавших кучкой в углу у стены рядом с печкой в слое золы и сажы, заполнявшем все помещение. Вероятно, монеты находились в мешочке, сгоревшем при пожаре, от которого погибло поселение. Из 96 монет были определены 92, остальные были сильно испорчены патиной. Все монеты чеканены при боспорском царе Рискупориде. Наиболее ранняя из них относится к 539 г. боспорской эры (242 г.), наиболее поздняя — к 564 г. б. э. (267 г.), т. е. к последнему году перед восьмилетним перерывом в чеканке¹. Последнее обстоятельство не позволяет установить точную дату гибели поселения, а также время смерти или пленения лица, накопившего монеты. Эта катастрофа произошла между 267 и 275 гг. н. э., по-видимому, в результате набега вражеских племен, прибывших со стороны Азовского моря. Именно в это время погибло и другое боспорское поселение, находившееся на берегу Азовского моря, на месте современной дер. Ново-Отрадное². Наиболее поздние из найденных там монет датируются 260—267 гг. н. э.

В Семеновке, как и в Ново-Отрадном, монеты не были зарыты, а хранились в помещении и, по-видимому, не являлись сокровищем, а служили средством платежей. Так как враги напали неожиданно, хозяин не успел хорошо спрятать деньги, а засунул их за стоявшие у печки горшки.

Слабая изученность денежного обращения в III в. н. э. делает особой ценной находку данного клада. Большой Тиритакский клад, найденный в 1937 г. и содержащий 2093 боспорских статера, из которых самые ранние относятся к 234 г., а самые поздние — к 276 г., остался до настоящего времени неопубликованным. В небольшой предварительной публикации А. Н. Зографа³ имеется лишь краткая информация и ценные исторические выводы, но нет никаких сведений о характере чеканки, о штампах, особенностях изображений и надписей.

Анализ Семеновского клада позволяет детально изучить монетное дело Боспора в середине III в. н. э. за двадцатипятилетний период, с 242 по 267 г. н. э. Это один из наиболее интересных и смутных периодов в истории Римского государства и связанных с ним областей, в том числе и Боспора. В кладе представлены чеканки 17 лет.

90 поддающихся датировке монет распределяются следующим образом:

242 г. — 1 монета;	251 » — 10 монет	263 г. — 15 монет
244 » — 1 » »	252 » — 1 » »	264 » — 11 » »
245 » — 2 » »	254 » — 1 » »	265 » — 7 » »
246 » — 2 » »	256 » — 2 » »	266 » — 17 » »
249 » — 4 » »	261 » — 5 » »	267 » — 8 » »
250 » — 1 » »	262 » — 2 » »	

¹ А. Н. Зограф. Тиритакский клад. КСИИМК, вып. VI, 1940, стр. 58.

² И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря. СА, XXV, 1956, стр. 245.

³ А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 58 сл.

Все монеты принадлежали к группе обычных деградированных статеров, т. е. они сохранили форму и вид золотых статеров, чеканившихся на Боспоре с конца I в. до н. э., но, по существу, являлись уже биллоновыми, часто в составе сплава преобладала медь и лишь поверхность монет была посеребрена. В Семеновском кладе преобладают монеты из биллона (60 экз.), много медных (34 экз.), есть две маленькие тоненькие монетки (560 г. б. э.) из чистого серебра.

Все монеты имеют на лицевой стороне в центре погрудные изображения боспорского царя в профиль вправо, а по окружности имя и титул царя: βασιλέως Ρηξουπορίδος. На одной из монет 548 г. б. э. справа от бюста царя изображена палица (рис. 1, 9)⁴.

Начиная с 560 г. б. э. рядом с бюстом царя появляется изображение трезубца. На оборотной стороне монеты имеют портрет римского императора в профиль вправо, иногда — двух соправителей в профиль лицом друг к другу и дату боспорской эры. Рядом с бюстом императора большей частью имеется знак в виде палицы, звездочки, трезубца, точки, либо букв «иоты» или «каппы». По окружности обеих сторон на монетах почти всегда нанесен ободок из рельефных точек, который, впрочем, очень часто бывает смещен, так же как и изображение, в результате небрежного наложения штампа. За 25 лет чеканки монет этого клада на Боспоре сменилось много монетных штампов и, хотя сюжеты изображений оставались неизменными, стиль и манера исполнения изображений на штампах изменялись неоднократно. Анализ изображений на лицевых и оборотных сторонах монет приводит к выводу о последовательной смене нескольких сильно отличающихся друг от друга групп изображений, причем смена их на лицевой стороне не всегда совпадала со сменой этих групп на оборотной стороне, почему эти группы лучше рассматривать раздельно для каждой стороны монет. Просмотренные мною монеты Тиритакского клада, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, и монеты основного собрания этого музея полностью подтверждают наличие и последовательную смену этих групп, несколько уточняя их хронологию. Монеты Семеновского клада позволяют выделить семь групп изображений на лицевых сторонах.

К первой группе относится одна монета 539 г. б. э. (рис. 1, 1). На ней погрудное изображение царя крупным планом, в диадеме и плаще. Черты лица выполнены тщательно. «Омега» в титуле царя перевернута⁵.

Ко второй группе относятся монеты чеканки 541—543, 546—548 г. б. э. (рис. 1, 2—9, 11). На них — небольшое погрудное изображение царя с длинными спускающимися на плечи волосами⁶, в диадеме и плаще, застегнутом на правом плече. За исключением двух монет (№№ 5 и 6), чеканенных одним и тем же штампом, имя царя на всех монетах этой группы пишется не через «ου», а через «ο»: ΡΗΣΚΟΠΟΡΙ (ΔΟΣ).

К третьей группе относится монета чеканки 549 г. (рис. 1, 10). На ней голова царя изображена крайне схематично и близко напоминает изобра-

⁴ Палица на лицевой стороне справа от бюста царя встречается на монетах 548 г. б. э. (из собрания Гос. Эрмитажа, №№ 370—374, 381). Там имеются и монеты этого же года с двумя точками справа от бюста царя (№№ 375—380), а также со знаком, как бы сочетающим и палицу и точки (№№ 381, 382, 367, 369). Интересно, что у большинства этих монет оборотная сторона не имеет дифферента. Исключение представляет одна монета Тиритакского клада (№ 367) и одна монета Семеновского клада, где на оборотной стороне справа от бюста императора изображен трезубец (рис. 1, 9). Монета этого же года с двумя точками на лицевой стороне опубликована П. О. Карышковским (см. П. О. Карышковский. Несколько неизданных монет античного Причерноморья. Нумизматический сборник, ч. 2, Тр. ГИМ, вып. XXVI, М., 1957, табл. 1, 14).

⁵ Статер этого же года выпуска, изображенный у Б. В. Кене (см. Б. В. Кене. Описание музея князя Кочубея, ч. II, СПб., 1857, табл. XIX, 110) относится к этому же типу, хотя он и чеканен другим штампом.

⁶ Может быть, здесь изображены не длинные волосы, а одетый на голову кожаный или войлочный головной убор, спускающийся на плечи, известный по рельефным изображениям на золотой пластинке из кургана Карагодеуаш, а также по находке в одной из гробниц Фанагории. Сверху на него могла надеваться диадема — знак царского достоинства.

жение римского императора на монетах 548 г. б. э.⁷ (рис. 1, 2—4, 6). Очень условно изображены черты лица, плаща нет, волосы растрепаны, без диадемы. Такие же монеты известны с именем Фарсанза и датируются 550 и 551 гг. б. э. (253 и 254 гг.). Наиболее ранняя из известных монет этой группы с именем Рискупорида относится к 547 г. б. э. Таким же штампом продолжали чеканиться монеты в 548 и 549 гг. б. э.⁸ На монетах этой группы, как и всех последующих групп, имя царя пишется ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ, причем допускаются различные варианты написания последних двух слогов.

К четвертой группе можно отнести монету 551 г. б. э.⁹ также с очень схематичным изображением царя, но совсем иного типа (рис. 1, 15). Царь вновь, как и на монетах группы II, изображен с длинными волосами, спускающимися на плечи.

К пятой группе относятся две монеты 553 г.¹⁰ На них голова изображена очень реалистично. Крупное улыбающееся лицо царя с массивным носом, толстыми губами, с длинными, но не достигающими до плеч волосами, в диадеме. Четко изображены плащ, застегнутый на правом плече, и развевающиеся сзади ленты диадемы (рис. 1, 12, 13; рис. 2, 19).

К шестой группе относятся лицевые стороны монет 558—562 гг. б. э. (рис. 1, 16—20; рис. 2, 1—2, 16) и двух монет 563 г. б. э. (рис. 2, 8 и 12). На них погрудное изображение царя с мелкими, лишенными какого-либо портретного сходства чертами лица, с длинными, спускающимися за спину волосами, исполненными в виде прямых линий. Характерна нижняя часть изображения, как бы расчленяющаяся на две части перекрещивающейся застежкой плаща¹¹. Начиная с 560 г. б. э. справа от изображения царя появляется эмблема-трезубец, подчеркивающая происхождение царя от Посейдона. Стремление возвеличить власть боспорского царя, связав происхождение царского рода с потомками бога Посейдона, нашло отражение и в эпиграфических памятниках¹².

К последней, седьмой группе относятся монеты 563 и 564 гг. б. э. Погрудное изображение царя на них сделано значительно тщательнее, чем на монетах шестой группы. Некоторые изображения, по-видимому, портретны. Для всех монет этой группы характерны длинные волосы у царя и заостренность нижней части бюста в виде угла (рис. 2, 3—7, 9—11, 13, 14).

Изображения на оборотных сторонах монет также распределяются на семь сменяющих друг друга групп.

К первой относится монета 539 г. (рис. 1, 1). Портрет императора на ней испорчен, черты лица смещены, но, судя по изображениям на других монетах этого же года чеканки¹³, на монетах этой группы был портрет римского императора — с полным лицом без бороды, в лавровом венке — и эмблема в виде палицы. Вероятно, это портрет императора Гордиана III, правившего до марта 244 г. и изображавшегося обычно на римских монетах бритым и часто в лавровом венке¹⁴.

⁷ См. А. Н. Зограф. Античные монеты. М., 1951, табл. L, 2; Б. В. Кен е. Ук. соч., табл. XIX, 112. Опубликованные монеты относятся к Фарсанзу.

⁸ Собрание Государственного Эрмитажа, инв. №№ 188, 188а, 246, 291—293.

⁹ Монеты с лицевой стороны этой группы продолжали чеканиться и какую-то часть 552 г. (Собр. Гос. Эрмитажа, №№ 304, 305).

¹⁰ Монеты этой группы чеканились с 552 по 554 г. б. э. (с 255 по 257 г.). Они имеются в собрании Эрмитажа (№№ 303, 306) и среди монет Тиритакского клада (№№ 493—500).

¹¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. L, 5—10.

¹² IOSPE, II, № 41.

¹³ А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. L, 1; Б. В. Кен е. Ук. соч., т. II, табл. XIX, 110.

¹⁴ M. Bernhart. Handbuch zur Münzkunde der römischen Kaiserzeit. Haale, 1926, табл. 15, 8, 9; 27, 4 и др.; H. Cohen. Description historique des monnaies frappées sous l'empire romain. Graz, 1955, т. V, стр. 20 сл.; Fr. Imhoff - Blumer. Porträtköpfe auf Römischen Münzen. Leipzig, 1879, табл. III, 74.

Рис. 1. Статеры из дер. Семеновки, 242/3—263/4 гг. н. э.

Рис. 2. Статеры из дер. Семеновки, 264/5—267/8 гг. н. э.

Ко второй группе относятся монеты 541—543 гг. б. э. (244—246 гг.)¹⁵ (рис. 1, 11). На них изображен император — с небольшой бородкой, в застегнутом на плече плаще — и эмблема-палица или трезубец. Возможно, это портрет императора Филиппа Араба (умер в 249 г.), изображавшегося с небольшой острой бородкой¹⁶. По стилю к этой группе следует отнести некоторые из монет 547 и 548 гг. б. э. (250/1 и 251/1 гг.) (рис. 1, 7—9). Плохое качество выполнения штампов не позволяет решить вопрос о портретном сходстве. Но вполне возможно, что на этих монетах был схематично переданный портрет правившего тогда в Риме императора Траяна Деция¹⁷. Последний был изображен, вероятно, и на монетах с оборотной стороной третьей группы.

К третьей группе относятся монеты 546 и 549 гг. б. э., а частично и монеты 548 г. б. э. (249, 251 и 252 гг.)¹⁸ (рис. 1, 2, 3, 4, 5, 6). Изображение императора на них крайне схематично. Лицо бритое, черты лица условны, характерно изображение шеи в виде одного, иногда двух параллельных валиков, заканчивающихся внизу небольшим поперечным валиком. Эмблемы на монетах различны: палица, трезубец и две точки. Изображение императора сделано столь примитивно, что найти здесь какое-либо портретное сходство невозможно, тем более, что на некоторых лицевых сторонах монет таким же образом изображался боспорский царь (группа III и все монеты Фарсанза; рис. 1, 10).

К четвертой группе относится монета 551 г. б. э. (254/5 г.)¹⁹. На ней изображен император с небольшой бородкой, в лучевой короне. Черты лица более реалистичны, чем на монетах предыдущей группы. Эмблема — трезубец (рис. 1, 15). Вероятно, здесь должно быть изображение Валериана, правившего империей с 253 по 259 г. н. э.²⁰, но, может быть, и его сына и соправителя, Галлиена²¹.

К пятой группе относятся две монеты 553 г. б. э. (256 г.)²², на которых очень грубо исполнено изображение безбородого императора с трезубцем. Исполнение настолько грубо, что ни о каком портретном сходстве не может быть и речи; но обращает на себя внимание то, что император изображен без лаврового венка или короны (рис. 1, 12, 13).

К шестой группе относятся монеты 558—562 гг. (261—265 гг.). Их объединяет характер изображения императора — с очень примитивно выполненными чертами лица, лишенными какой-либо индивидуальности. Инте-

¹⁵ Чеканка монет с оборотной стороной второй группы охватывает период с 540 по 548 г. б. э. Только для 546 г. б. э. (249/50 г.) мне пока неизвестны монеты этой группы.

¹⁶ M. Bernhart. Ук. соч., табл. 15, 1; H. Cohen. Ук. соч., стр. 94 сл.; Fg. Imhoof-Blumer. Ук. соч., табл. III, 75.

¹⁷ Fg. Imhoof-Blumer. Ук. соч., табл. III, 78; H. Cohen. Ук. соч., стр. 191 сл.

¹⁸ Монеты с оборотной стороны третьей группы известны от 541—542 гг. и от 545—550 гг. б. э. Монеты этой группы, но с именем Фарсанза, продолжают чеканиться и в 551 г. б. э. (254 г.) См. собрание Государственного Эрмитажа, инв. № 10.

¹⁹ Из монет Тиритакского клада к этой группе, относятся монеты №№ 471 и 472 с датой 551 г. б. э. и монета № 473 с датой 552 г. б. э. Последняя чеканка иным штампом с более мелким изображением, так же как и монета 552 г. б. э. из общего собрания Государственного Эрмитажа (инв. № 304). Интересно, что на всех монетах этой группы впервые появляется изображение лучевой короны, в которой обычно изображали императоров на римских антонинианах.

²⁰ Fg. Imhoof-Blumer. Ук. соч., табл. III, 85. Впрочем, изображения Валериана на римских монетах были очень разнообразны, и часто он изображался бритым. См. H. Cohen. Ук. соч., стр. 304 сл.

²¹ H. Cohen. Ук. соч., стр. 347 сл. Даже на хорошо выполненных римских монетах иногда нелегко различить портреты этих императоров.

²² Известны не менее пяти штампов лицевых сторон и шести — оборотных, которые можно отнести к пятой группе. Они были в работе с 552 по 554 г. б. э. Теми же штампами, что и монета № 23 Семеновского клада, чеканены монета № 306 из собрания Эрмитажа и монеты №№ 495—501 Тиритакского клада. Одинаковые штампы у монет № 24 Семеновского и № 493 Тиритакского кладов. Общие штампы лицевых сторон у монеты № 24 Семеновского клада, № 303 из собрания Эрмитажа, № 3626 из собрания ГИМ, №№ 493 и 494 Тиритакского клада. Общие штампы оборотных сторон у монеты № 24 Семеновского и 496 Тиритакского кладов.

ресно, что один бюст императора помещен только на первых и на последних по времени выпуска монетах. Все монеты 559 и 560 г. б. э., а также часть монет 558 и 561 г. б. э. имеют погрудные изображения двух человек лицом друг к другу с точкой между ними (рис. 1, 16—19; 2, 1). Качество исполнения и весь облик изображений на монетах с двумя бюстами почти тождественны изображениям на монетах с одним бюстом, что и позволяет отнести все эти монеты к одной группе. Эмблемой на монетах с одним бюстом является помещенная справа палица или «иота», как полагает А. Н. Зограф²³. Одна из монет 558 г. б. э. имеет эмблемой звезду или солнце.

А. Н. Зограф²⁴ (вслед за Б. В. Кене²⁵) писал, что два портрета на этих монетах следует считать изображениями императоров-соправителей — Валериана и его сына Галлиена. Ранее Кэри и Т. Е. Мюнне принимали их за головы Галлиена и Одената²⁶. Никакого портретного сходства в этих изображениях искать нельзя из-за их крайней примитивности. Видеть в этих изображениях Валериана и Галлиена мешает дата монет. Наиболее ранняя из них относится к 558 г. б. э., т. е. к 261 г. н. э., тогда как восточное правление Галлиена с отцом оканчивается еще в 260 г., когда Валериан попал в плен к персам и там умер. Наличие изображений двух соправителей после 260 г., когда в Риме считался единоличным правителем Галлиен, и продолжение чеканки таких монет вплоть до 264 г. н. э. свидетельствуют о крайне слабой связи Боспора с Римом в этот период. Именно при Галлиене политический и военный кризис Римской империи достиг своей кульминационной точки. В отдельных областях стоявшие там армии провозглашали своих вождей императорами. В истории эти местные императоры известны под именем «тридцати тиранов»²⁷. Появление в это время на оборотной стороне боспорских статов изображений двух бюстов, вероятно, и надо объяснить этим смутным временем. Ведь именно в 261 г. н. э. два сына Фульвия Макриана — Фульвий Макриан и Фульвий Квиет — были провозглашены императорами на Востоке. Они были признаны в Египте и на всем Востоке, кроме Пальмиры²⁸. Связи Боспора с восточными провинциями в первые века нашей эры безусловны. О них свидетельствуют эпиграфические, литературные и археологические памятники²⁹. Впрочем, правление этих солдатских императоров было недолгим. В то же время Оденат, князь Пальмиры, становится самостоятельным наместником на Востоке. Он получает от Галлиена титул императора и командование над римской армией, стоявшей на востоке. Можно предположить, что боспорский царь в это смутное время, сохраняя принятый ранее обычай чеканки на оборотной стороне монет портрета римского императора и не желая терять расположение могущественных соседей, на поддержку которых он мог рассчитывать, предпочитает изображать на монетах две головы, из которых либо одна, либо обе изображают фактических правителей Востока.

Но с 563 г. б. э. (266 г.) на Боспоре начинает чеканиться монета с оборотной стороной седьмой группы. Вновь появляется крупное изображение головы императора вправо в лавровом венке с индивидуальными чертами лица, причем на некоторых монетах лицо сделано очень четко и бесспорно стремление передать портретное сходство с изображениями императора Галлиена на римских монетах. Особо надо отметить монеты 564 г. б. э., где заметно усиление стремления к реалистической передаче изображения лица императора. На монетах этой группы последний, так

²³ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 210.

²⁴ Там же.

²⁵ Б. В. Кене. Ук. соч., ч. II, стр. 339.

²⁶ Там же.

²⁷ Н. А. Машкин. История Рима. М., 1947, стр. 533.

²⁸ Т. Моммзен. История Рима, т. 5, М., 1949, стр. 389.

²⁹ М. И. Ростовцев. Понт, Вифиния, Боспор. Русский исторический журнал. 1917, № 1-2, стр. 130 сл.

Рис. 3. Образцы перечеканенных монет

же как и на римских монетах и медальонах, изображается иногда бритым, а иногда с небольшой бородкой, согласно римской моде. На всех этих монетах справа от бюста императора стоит буква «К» являющаяся, по видимому, уже не эмблемой, но «дифференциалом». А. Н. Зограф связывает появление этой буквы с повышением номинальной стоимости каждой данной монеты вдвое — с переходом от стоимости в 10 единиц к стоимости в 20 единиц³⁰, что свидетельствует о падении в это время реальной стоимости статеров. На нескольких монетах этой группы заметны следы перчеканки (№№ 69, 76, 85, 87, 89)³¹.

Исследование монет данного клада подтвердило давно уже замеченный исследователями факт, что статеры с именем боспорского царя Рискупорида середины III в. резко делятся по характеру изображения царя на две группы: 537—554 гг. б. э. (240/1—254/8 гг.) и 558—564 гг. б. э. (261/2—267/8 гг.)³².

Б. В. Кене приписывал обе серии монет одному царю. Х. Гиль и П. Бурачков считали, что они принадлежат двум разным правителям, первого из которых они отождествляли с Рискупоридом, правившим еще до Инифимея. А. Подшивалов, А. В. Орешников и В. В. Латышев также разделяли эти две группы между двумя Рискупоридами (V и VI). Однако А. Н. Зограф присоединяется к точке зрения Б. В. Кене. Он считает, что подвергать статеры этого времени, особенно 537—553 гг. б. э., какому-либо иконографическому анализу невозможно из-за их грубости и считает, что на статерах 537 и следующих годов боспорской эры изображено молодое лицо, а на второй группе, начиная со статеров 558 г. б. э., изображено лицо человека средних лет, с бородой, поэтому можно обе группы монет приписать одному царю Рискупориду V. Четырехлетний перерыв в чеканке (с 554 до 558 г. б. э.) он считал сознательно устроенным «умудренным долголетним опытом правителем». Однако рассматривая изображения царя на монетах шестой группы Семеновского клада, можно прийти к заключению, что скорее на них изображено лицо молодого, чем старого правителя, если вообще решаться делать заключения на основании столь схематично выполненных изображений. На монетах же с лицевой стороны седьмой группы, чеканка которых началась почти через шесть лет после перерыва, изображение царя значительно более четкое и реалистичное. Усы и маленькая бородка свидетельствуют о моде того времени и не дают оснований говорить о преклонном возрасте царя (рис. 2, 4, 6).

Год босп. э.	Лицевая сторона	Оборотн. сторона
539		I
540	I	
541		III
542		
543	II	II
544		
545	III	III
546		III
547	III	II
548		III
549	III	
550	Фарсанз	
551	IV	IV
552	V	V
553	V	V
554	Чеканки нет	
555-7	Чеканки нет	
558	VI	VI
559	VI	VI
560	VI	VI
561	VI	VI
562	VI	VI
563	VI	VI
564	VI	VI

Рис. 4. Смена групп штампов лицевых и оборотных сторон (на материале Семеновского и Тиритакского кладов)

³⁰ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 211.

³¹ Эти монеты, а также большое количество перчеканенных монет из Тиритакского клада опровергают мнение К. В. Голенко о том, что в III в. н. э. перчеканка статеров не производилась (см. К. В. Голенко. Надчеканки на медных боспорских монетах III в. н. э. Нумизматический сборник, ч. 2. Тр. ГИМ, вып. XXVI, стр. 48).

³² А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 208; А. В. Орешников. Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова, т. VII, М., 1887, стр. 113; В. В. Латышев. Почтиж. СПб., 1909, стр. 118 сл.

Резкое различие между изображениями на монетах серии 537—554 гг. б. э. и серии 558—564 гг. б. э., отсутствие общих штемпелей, перерыв в чеканке, следующий непосредственно за очень своеобразными монетами пятой группы, выделяющимися из всех монет предшествующего периода — все это заставляет считать эти две серии монет с именем Рискупорида принадлежащими разным боспорским царям. В пользу этого говорит и наличие среди монет с оборотной стороной седьмой группы большого количества перечеканок, относящихся к концу 562 и, главным образом, к 563—564 гг. б. э. (к 266 и к 267/8 гг.). На перечеканенных монетах сохранились следы прежних штампов и даты — 558, 559, 560 гг. б. э., свидетельствующие о том, что большое количество монет с лицевой и оборотной стороной шестой группы и специально с оборотной стороной, на которой изображены два бюста императоров, были изъяты из обращения и перечеканены другими штампами, в основном седьмой группы³³ (рис. 3). Видеть в этой перечеканке только политические мотивы, т. е. только стремление при налажившихся отношениях с Римской империей уничтожить серию монет, свидетельствующую о нарушении этих связей и о колебаниях боспорского царя, мешая, во-первых, наличие среди перечеканенных монет хотя и небольшого числа монет с лицевой стороной второй группы³⁴, во-вторых, факт нахождения совместно монет VI и VII групп в Семеновском и Тиритакском кладах, что свидетельствует о продолжении их обращения как денежных знаков. По-видимому, перечеканка не была результатом полного изъятия из обращения какой-либо группы монет, но явилась результатом своего рода денежной реформы и свидетельствует о стремлении боспорского царя укрепить денежную систему, поднять стоимость денег, изъяв из обращения какую-то часть монет, выпущенных в первые годы правления данного царя в большом количестве. Знаменательно, что все перечеканенные монеты имеют дифферент в виде «К», т. е. стоимость их повышена искусственно. Вместе с тем перечеканка не была вызвана только необходимостью постановки на монетах нового дифферента, так как «каппа» появляется еще в 562 г. б. э. на монетах с реверсом шестой группы (с одним бюстом).

Если бы перерыв в чеканке монет перед 558 г. б. э. был преднамеренным и имел целью восстановить денежное обращение, нарушенное обильными выпусками статеров в конце 40-х и в 50-х годах (как думает А. Н. Зограф³⁵), то в первые годы после перерыва не стали бы выпускать такого огромного количества монет, да еще такого плохого качества. Наоборот, именно в эти годы должна была бы проводиться массовая перечеканки слишком большого количества монет, выпущенных в предшествующие годы. Однако, как мы видим, реформа началась только спустя четыре или пять лет после перерыва.

О том, что перерыву в чеканке монет предшествовал какой-то смутный период с неустойчивой царской властью, свидетельствуют монеты последних пяти лет. Так, с 547 г. б. э. появляются монеты с лицевой стороной третьей группы, на которых схематичность изображений царя доведена до предела: отсутствуют обычные для всех изображений длинные волосы, нет диадемы и т. д. С 550 г. б. э. на монетах этой группы появляется имя царя Фарсанза, правившего, по-видимому, с середины 550 до середины 551 г. б. э. Вряд ли правильно предположение, что монеты с именами Рискупорида и Фарсанза выпускались одновременно. Оно основывается на наличии одних и тех же дат на этих монетах, а именно 550 и 551 гг. б. э. Надо принять во внимание, что из всех семи разбиравшихся нами выше групп лицевых и оборотных сторон одновременная смена групп обеих сто-

³³ Заметные следы перечеканки имеют 100 монет Тиритакского клада, пять монет Семеновского клада, одна — из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина, две — из собрания ГИМ. Все они с реверсом седьмой группы.

³⁴ Тиритакский клад 1937 г. Собрание Гос. Эрмитажа, монета № 1907 и, может быть, № 1895.

³⁵ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 208 сл.

рон произошла только в 551 г. б. э., когда на смену штемпелям третьей группы с именем Фарсанза пришли штемпеля четвертой группы с именем Рискупорида (рис. 4). Монеты третьей группы с именем Рискупорида перестают чеканиться еще в 550 г. б. э. Нет ни одной монеты, на которой одна из сторон имела бы штемпель третьей группы, а другая — штемпель четвертой группы. Такая одновременная смена штемпелей наблюдается только в 558 г. б. э., когда появляются новые штампы после трехлетнего перерыва в чеканке. Все это позволяет, во-первых, считать, что Фарсанз сменил на престоле Рискупорида V в 550 г. б. э. (253/4 г.) и в свою очередь был смещен в 551 г. б. э. Был ли царь, изображенный на монетах 551 и 552 гг., Рискупоридом V или кем-либо из его родственников, принявших имя царствовавшего ранее дома, сказать трудно. Обращают на себя внимание монеты V группы (552—554 гг. б. э.), на которых изображен царь с варварскими чертами лица, с полудлинными волосами. Они сохраняют имя Рискупорида, но резко выделяются из всех монет предшествующих и последующих групп. Может быть, они принадлежали царю, связанному родственными узами с прежней царствующей династией. Интересно наличие сходства в манере выполнения изображений боспорского царя на монетах V гр. с изображениями на бронзовых монетах Рискупорида III (211—229 гг.) из собрания ГИМ (инв. №№ 3447, 3451). Эти монеты предшествуют перерыву в чеканке. Они немногочисленны не только в Семеновском кладе, но и в собраниях музеев. Однако предполагать, что мы здесь имеем преднамеренное уменьшение монетной чеканки в связи с наводнением рынка «статерами» чеканки 40-х годов, вряд ли правильно, так как преднамеренное сокращение чеканки должно было повлечь за собой улучшение качества и увеличение веса немногочисленных вновь чеканенных монет. На деле же мы видим, что качество «статеров» выпуска 550—554 гг. б. э. заметно уступает монетам предшествующих групп.

Все это заставляет отказаться от предположения о преднамеренном перерыве и считать период 550—557 гг. б. э. (253/4—260/1 г.) смутным временем, когда, как говорит Зосим, «царский род угас и верховную власть получили люди ничтожные и потерянные»³⁶. По-видимому, в это время происходила борьба претендентов на боспорский престол; к ним надо отнести как Фарсанза, так и других, имена которых не сохранились. Возможно, некоторые из них, связанные родственными отношениями со старой царской династией, принимали имя Рискупорида.

С 558 г. б. э. (261/2 г.) укрепившийся на боспорском престоле новый царь, принявший также имя Рискупорида, вводит свои типы чеканки монет, сохранявшиеся в течении шести лет. Для того чтобы упрочить свои права на боспорский престол, он объявил себя, как и другие боспорские цари, потомком Посейдона и приказал на монетах начиная с 560 г. б. э. (263/4 г.) рядом со своим изображением помещать трезубец. Эта эмблема сохранилась на всех статерах Рискупорида до конца его чеканки.

Изучение монетной чеканки середины III в. н. э. позволяет сделать выводы и о взаимоотношениях Боспора с Римом. Зосим говорит о том, что пока на боспорском престоле находились законные цари, они были в дружбе с Римом. Они были заинтересованы в торговых связях с Римской империей, и императоры ежегодно посылали им дары³⁷. Когда же власть захватили те, кого Зосим, отражая тенденцию римской историографии, называет «недостойными», эти связи с Римом были, по-видимому, нарушены. Сокращение внешней торговли и прекращение поступления «даров» отразилось и на монетной системе. Изоляция Боспора от средиземноморского античного мира привела и к отходу от античных традиций портретных изображений на монетах. С 541 г. б. э. (244/5 г.) вместо портрета римского императора на оборотной стороне монет появляются крайне схематичные изображения третьей группы. На монетах 552—554 гг. б. э. (255—

³⁶ ВДИ, 1948, № 4, стр. 276 = SC, I, стр. 790.

³⁷ SC, I, стр. 790.

Приложение I. Список монет Семеновского клада*

№ инв.	Лицевая сторона				Оборотная сторона							Датировка	Вес	Условные обозначения	Металл	Публикация	
	Ободок	Группа	Надпись	Состояние сохранности	Ободок	Группа	Дата			Обналичивание	Средний вес						
							Условная	Эмблема	М.З.								
1	T	I	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	С	Т	I	Б	ΔΑΦ	539	242	Х	21	704	1	Б	З 1.1	
2	T	II	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	П	Т	II	Б	ΔΑΦ	561	244	С	19	676	1	Б	З 1.11	
3	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	Х	С	IV	Т	Б	ΒΝΦ	542	245	Х	20	762	1	Б	З 1.11
4	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	С	С	IV	Т	Б	ΒΝΦ	542	245	С	21	642	1	Б	З 1.11
5	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	Х	Т	Б	Б	ΔΑΦ	543	246	С	19	104	1	Б	З 1.11	
6	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	С	Т	Б	Б	ΔΑΦ	543	246	С	19	694	1	Б	З 1.11	
7	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	С	Т	III	Б	ΔΑΦ	544	24	С	20	705	1	Б	З 1.11	
8	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	Х	С	IV	Т	Б	ΔΑΦ	546	249	С	20	723	1	Б	З 1.11
9	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	С	Т	Б	Б	ΔΑΦ	546	249	С	20	729	1	М	З 1.11	
10	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	П	С	IV	Т	Б	ΔΑΦ	546	249	С	20	723	1	Б	З 1.11
11	T	II	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	ОП	Т	II	Б	ΔΑΦ	547	250	П	24	648	1	М	З 1.11	
12	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	П	Т	III	Б	ΔΑΦ	548	251	Х	20	729	1	Б	З 1.11	
13	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	С	Т	Б	Б	ΔΑΦ	548	251	С	20	742	1	Б	З 1.11	
14	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	С	Т	Б	Б	ΔΑΦ	548	251	С	19	727	1	Б	З 1.11	
15	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	ОП	Т	Б	Б	ΔΑΦ	548	251	П	20	586	1	М	З 1.11	
16	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	С	Т	Б	Б	ΔΑΦ	548	251	С	19	648	1	Б	З 1.11	
17	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	С	Т	II	Б	ΔΑΦ	548	251	С	19	751	1	Б	З 1.11	
18	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	П	Т	Б	Б	ΔΑΦ	548	251	ОП	19	553	1	С	З 1.11	
19	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	Х	Т	Б	Б	ΔΑΦ	548	251	Х	20	725	1	Б	З 1.11	
20	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	С	Т	Б	Б	ΔΑΦ	548	251	Х	18	831	1	Б	З 1.11	
21	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	ОП	Т	Б	Б	ΔΑΦ	548	251	П	20	743	1	М	З 1.11	
22	T	III	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	С	Т	III	Б	ΔΑΦ	549	252	П	18	576	1	Б	З 1.2	
23	T	IV	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	Х	Т	IV	Б	ΔΑΦ	551	254	Х	21	760	1	Б	З 1.2	
24	T	V	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	Х	Т	V	Б	ΔΑΦ	553	256	С	20	686	1	Б	З 1.2	
25	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	С	Т	Б	Б	ΔΑΦ	553	256	Х	19	690	1	Б	З 1.2	
26	T	II	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	С	Т	II	Б	ΔΑΦ	556	261	С	20	567	1	Б	З 1.2	
27	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	Х	С	IV	Т	Б	ΔΑΦ	556	261	Х	20	776	1	Б	З 1.4
28	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	П	Т	Б	Б	ΔΑΦ	556	261	П	19	572	1	С	З 1.4	
29	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	П	С	IV	Т	Б	ΔΑΦ	556	261	П	21	748	1	М	З 1.4
30	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	П	С	IV	Т	Б	ΔΑΦ	556	261	П	20	564	1	Б	З 1.4
31	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	П	Т	Б	Б	ΔΑΦ	559	262	П	20	685	1	М	З 1.4	
32	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	П	Т	Б	Б	ΔΑΦ	559	262	П	21	637	1	М	З 1.4	
33	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	Х	С	IV	Т	Б	ΔΑΦ	560	263	Х	18	738	1	Б	З 1.5
34	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	ОП	С	IV	Т	Б	ΔΑΦ	560	263	ОП	19	525	1	М	З 1.5
35	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	ОП	Т	Б	Б	ΔΑΦ	560	263	П	18	299	1	С	З 1.5	
36	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	Х	Т	Б	Б	ΔΑΦ	560	263	Х	19	751	1	Б	З 1.5	
37	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	С	Т	Б	Б	ΔΑΦ	560	263	С	18	148	1	С	З 1.5	
38	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	Х	С	IV	Т	Б	ΔΑΦ	560	263	Х	20	741	1	С	З 1.5
39	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	Т	Т	Б	Б	ΔΑΦ	560	263	П	19	716	1	М	З 1.5	
40	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	С	С	IV	Т	Б	ΔΑΦ	560	263	Х	19	705	1	Б	З 1.5
41	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	С	С	IV	Т	Б	ΔΑΦ	560	263	С	18	749	1	Б	З 1.5
42	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	П	Т	Б	Б	ΔΑΦ	560	263	П	19	597	1	М	З 1.5	
43	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	П	С	IV	Т	Б	ΔΑΦ	560	263	ОП	20	714	1	Б	З 1.5
44	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	С	Т	Б	Б	ΔΑΦ	560	263	С	19	658	1	М	З 1.5	
45	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	С	С	IV	Т	Б	ΔΑΦ	560	263	ОП	19	714	1	Б	З 1.5
46	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	П	С	IV	Т	Б	ΔΑΦ	560	263	П	18	626	1	Б	З 1.5
47	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	С	Т	Б	Б	ΔΑΦ	560	263	С	20	722	1	М	З 1.5	
48	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	С	Т	Б	Б	ΔΑΦ	561	264	С	20	664	1	Б	З 1.11	
49	T	Б	ΒΑΣΙΛΕΥΣ... ΡΙΔΟΣ	П	С	IV	Т	Б	ΔΑΦ	561	264	С	20	639	1	М	З 1.11

* В списке монет клада приняты следующие сокращения: Т — ободок из точек; Б — погрудное изображение; С, П, Х, ОП — сохранность средняя, плохая, хорошая, очень плохая; металл: Б — биллон, М — медь, С — серебро; публикация: З — А. Н. Зограф. Ук. соч., К — Б. В. Кене. Ук. соч., Кар. — П. О. Карышковский. Ук. соч.

257 г.) изображают императора без венца или короны. После 261 г. н. э. вместо одного Галлиена появляются изображения двух правителей. Взаимоотношения налаживаются, по-видимому, около 266/7 г. н. э. В это время идет массовая перчеканка статов шестой группы. Появляются вполне реалистические портретные изображения императора, улучшается качество монет, несколько увеличивается их средний вес.

Выводы, сделанные на основании изучения монетного клада из Семеновки, подтверждаются и другими монетами, найденными при раскопках данного поселения. Кроме клада, там было найдено еще восемь монет, в

Приложение II. Список монет Семеновского клада

№ п/п	Ободок	Лицевая сторона			Оборотная сторона			Дата	Общая стоимость	Средняя стоимость	Взвешивание	Взвешивание	Металл					
		Надпись	Средняя стоимость	Общая стоимость	Ободок	Надпись	Средняя стоимость							Общая стоимость				
50	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥ	С	С	Ν50	T	VI	Б	I	ΑΤΦ	561	264	С	21	6,81	М	Б
51	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν57	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	18	7,16	М	Б
52	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν57	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	18	6,88	М	Б
53	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν57	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	18	6,88	М	Б
54	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν57	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	18	5,52	М	Б
55	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν57	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	20	6,59	М	Б
56	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν57	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	21	7,12	М	Б
57	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν52	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	21	6,76	М	Б
58	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν50	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	21	4,77	М	Б
59	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν50	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	21	6,30	М	Б
60	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν50	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	20	5,49	М	Б
61	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν50	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	20	6,80	М	Б
62	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν50	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	19	5,85	М	Б
63	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν50	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	22	5,50	М	Б
64	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν74	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	20	6,53	М	Б
65	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν74	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	20	6,53	М	Б
66	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν70	T	"	Б	I	ΑΤΦ	563	266	С	20	7,35	М	Б
67	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν69	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	21	6,75	М	Б
68	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν77	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	21	6,75	М	Б
69	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν67	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	21	7,67	М	Б
70	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν66	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	21	7,17	М	Б
71	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν72	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	21	6,63	М	Б
72	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν71	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	21	7,07	М	Б
73	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν66	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	21	6,60	М	Б
74	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν65	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	20	7,30	М	Б
75	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν66	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	22	6,35	М	Б
76	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν66	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	21	6,84	М	Б
77	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν68	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	20	6,88	М	Б
78	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν69	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	20	6,28	М	Б
79	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν69	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	20	6,59	М	Б
80	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν69	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	20	6,71	М	Б
81	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν69	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	19	6,70	М	Б
82	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν69	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	20	6,81	М	Б
83	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν74	T	"	Б	I	ΑΤΦ	564	267	С	20	6,30	М	Б
84	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν88	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	21	7,77	М	Б
85	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν88	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	21	7,52	М	Б
86	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν88	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	20	6,20	М	Б
87	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν88	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	21	7,33	М	Б
88	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν84	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	-	4,46	М	Б
89	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν84	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	-	2,72	М	Б
90	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν84	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	-	1,94	М	Б
91	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν84	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	21	-	М	Б
92	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν84	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	21	-	М	Б
93	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν84	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	21	-	М	Б
94	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν84	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	21	-	М	Б
95	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν84	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	21	-	М	Б
96	T	БФ	ΑΣΙΑΕΩΣΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ	С	С	Ν84	T	"	Б	I	ΑΤΦ	"	"	С	21	-	М	Б

том числе семь медных, среди которых определимы: монета 234—239 гг. н. э. с надчеканкой, один двойной денарий Ининфимея 234—239 гг. н. э., один сестерций Савромата 93—118 гг. н. э. Кроме того, был один посеребренный биллоновый статер 250 г. н. э. Все найденные монеты свидетельствуют о том, что население было втянуто в денежное обращение с конца I в. н. э., т. е. с самого начала существования поселения на данном месте. Ходовой оборотной монетой была медная. Статеры, хотя и очень упавшие в цене к середине III в., являлись основными денежными единицами и служили для более крупных оплат. Население вело крупные торговые обороты, вероятно, продавало рыбу и сельско-хозяйственные продукты, причем торговыми посредниками были боспорские купцы. Из 104 монет не было ни одной римской.

С. К. КАБАНОВ

СОГДИЙСКОЕ ЗДАНИЕ V в. н. э. В ДОЛИНЕ р. КАШКА-ДАРЬИ (УЗБЕКИСТАН)

В 1955—1957 гг. на территории будущего Чим-курганского водохранилища, в средней части долины р. Кашка-Дарьи, велись археологические работы Чим-курганским отрядом Узбекской археологической экспедиции Института истории и археологии АН УзССР.

Водохранилище строится в степной части долины, примерно на одинаковом расстоянии (65 км) от г. Шахрисябза, находящегося в верхней части долины, и г. Карши, расположенного в низовой ее части. В зонах затопления выявлено 25 памятников — развалин древних и средневековых поселений¹.

На правом (северном) берегу реки, в месте, намечаемом для строительства плотины, на краю третьей террасы находился небольшой бугор (рис. 1), называвшийся Аул-Тепе; возле него (еще на памяти местного населения) существовало небольшое поселение, от которого остались развалины, а также погребения на самом тепе.

Аул-Тепе — округлый в плане холм (рис. 2); высота с южной стороны, обращенной к пойме, — около 7 м, включая и высоту террасы; склоны крутые. На уровне террасы находится подошва культурного слоя; на этом уровне площадь памятника достигает около 800 м²; верхняя площадка, изрытая неглубокими ямами, возвышается над уровнем террасы на 3 м.

В 1955 г. благодаря проведенным на Аул-Тепе разведочным раскопкам выяснилось, что памятник является развалинами здания, стены которого сохранились в высоту до 2,6 м.

В 1956 г. были осуществлены раскопки этого памятника². Развалины здания сверху были прикрыты слоем довольно плотного грунта комковатой структуры, перекрытого поздними ямами и могилами; толщина слоя, покрывавшего массивные стены здания, нигде не превышала 1 м. Кое-где на склонах выступали из-под земли части стен, что позволило установить толщину внешних стен здания (1,5 м). Вскрытие поверхностного слоя велось по квадратам (2 × 2 м), как обычно; однако после обнаружения помещений каждое из них вскрывалось в порядке, определявшемся условиями работы в них — размерами помещения, сохранностью его стен и характером наслоений. Сверху стены местами были разрушены поздними погребениями. Помещения и коридор были заполнены завалом из плотного грунта с примесью керамики, золы, угля. Пол здания обнаружен на глубине 2,5—3,3 м от верхней площадки тепе; различия в глубине определяются неровностями последней. Около пола местами в коридоре прослежены прослойки золы. Четко выраженный пол залегал на материковом лёссе террасы.

¹ С. К. Кабанов. Археологические памятники зоны Чим-курганского водохранилища. ИАН УзССР, 1957, № 2, стр. 75—83.

² Раскопки в 1956 г. велись под руководством С. К. Кабанова при участии научного сотрудника Т. Г. Салиховой и лаборанта А. Н. Златомрежева.

Рис. 1. Аул-Тепе (вид с юга, до раскопок)

Для постройки здания лёсс брался вокруг подготовленной и выравненной для строительства площадки, вследствие чего вокруг нее образовалась ложбина в форме полудуги, окружавшая здание с трех сторон, кроме южной, где край площадки совпадал с краем террасы; так образовалась естественная платформа — стилобат для здания. Поверхности этого естественного стилобата и пола почти совпадали, лишь местами между ними обнаруживалась прослойка (толщиной 10—20 см) довольно плотного грунта комковатой структуры (видимо, следы подравнивания строительной площадки). Внешние стены сплошь выстроены из пахсы. При возведении внутренних стен, толщиной от 1 до 1,3 м, применялась комбинированная кладка³ из слоев пахсы толщиной в 0,45—0,5 м, чередующихся с

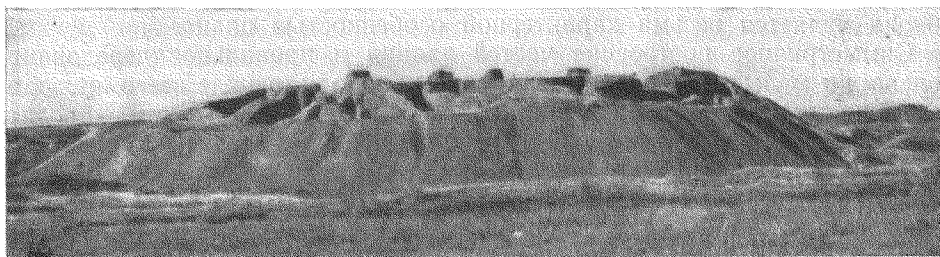

Рис. 2. Аул-Тепе (вид с юга, после раскопок 1956 г.)

двумя рядами сырцового кирпича размером 48—50 × 28—30 × 8—10 см. В сохранившейся нижней части здания прослежено в высоту два ряда такой кладки. Кирпич применялся для подравнивания пахсы: местами он уложен в один ряд, иногда прерывающийся.

Сырцовый кирпич употреблялся также для устройства перегородок в помещениях и для перекрытия дверных проемов шириной около 1 м. Арка проема полуциркулярная, составлена из веерообразно положенного кирпича (рис. 3); в одном случае над проемом, соединяющим коридор с лестничной клеткой, отмечена кладка арки из прямоугольных блоков пахсы. В углах помещений никаких признаков сводчатых перекрытий не замечено. План здания оказался довольно сложным, но композиционно очень стройным (рис. 4).

Здание было прямоугольным, вытянутым с востока на запад, возможно, с башенными выступами на углах. Размеры сохранившейся части здания — 33 × 27 м; с достаточной точностью устанавливается, что протяженность его с востока на запад не превышала 34 м. Труднее установить протяженность с севера на юг, так как южная часть наиболее разрушена.

³ В. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии. Архитектурное наследство, вып. 3, М., 1953, стр. 6 и 12.

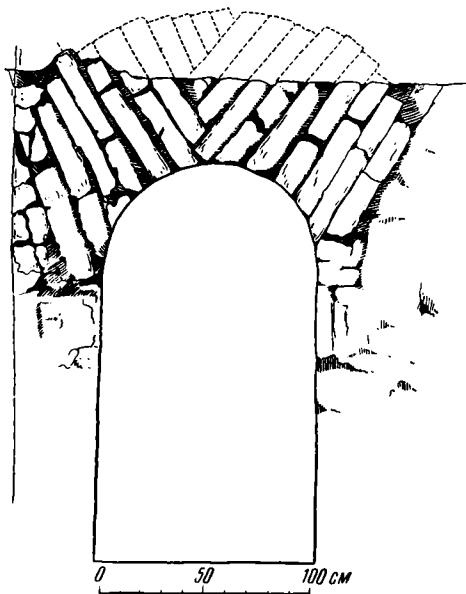

Рис. 3. Арка проема (черт. В. А. Нильсена)

помещений, отличающийся чередованием больших (около $4,2 \times 4$ м) и малых (до $2,5 \times 2,2$ м) помещений (рис. 6). Наличие этого внешнего обвода является весьма характерной особенностью плана.

Симметричное построение частей здания и правильное чередование больших и малых помещений по внешнему обводу прежде всего приводит к мысли о том, нельзя ли недостающую южную часть реконструировать как симметричную северной. Однако одно существенное наблюдение не дает оснований к такой реконструкции: дело в том, что с южной стороны тепе имелся такой же крутой склон, как и с других сторон, только он значительно выше, поскольку он совпадает с краем террасы. Под склоном проложена дорога шириною около 3 м, которая только немного возвышается над второй террасой, заболачивающейся во время дождей и поливов полей. Такой рельеф с южной стороны тепе не позволяет реконструировать южную часть по северной, так как в этом случае нужно было бы ожидать наличия большого земляного шлейфа от рухнувших стен; кроме того, в этом случае должна была бы сползти и находившаяся под этой частью здания полоса террасы, чего предполагать нет никаких оснований. В силу этих наблюдений приходится отказаться от изложенного варианта реконструкции южной части здания. К счастью, относительно хорошо сохранился юго-восточный угол, который и дает основание, как мы считаем, для правильной и достаточно точной реконструкции.

В юго-восточном углу обнаружено небольшое помещение с проемом и к югу и к западу (в сторону коридора). Южная стена южной части коридора прослеживается только на небольшом отрезке от юго-восточного

Обходный коридор (рис. 4 и 5) окружал центр жилого массива, состоящего из шести комнат; восточная и западная части комплекса этих помещений разбеднялись двумя проходными узкими помещениями. Северное помещение является частью лестничной клетки с пандусом, ведущим на второй этаж (на плане отмечено стрелкой), южное — очень удлиненное — видимо, было вспомогательным, хозяйственного назначения, судя по сохранившимся в нем остаткам очага и находкам жерновов, ножей и женских украшений (бус, подвесок) в количестве, несравненно большем, чем в других комнатах. Хозяйственное помещение в южном конце было перегородено.

Между внешними стенами и коридором с северной, восточной и западной сторон находится ряд

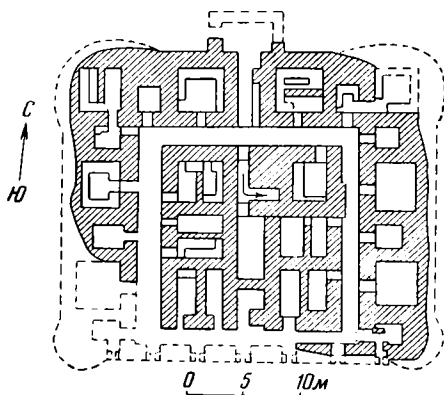

Рис. 4. Схематический план здания (пунктиром показаны реконструированные части)

угла коридора до едва намечающегося проема, расположенного против юго-восточного угла центрального жилого массива; дальше к западу на расстоянии около 3 м можно было проследить остатки стены в виде уплотненного грунта. Решающим элементом для реконструкции южной части здания оказались две кладки из сырцового кирпича в небольшом угловом помещении. При помощи одной из них в западной стене помещения образована глубокая ниша. Вторая такая же кладка обнаружена в южной стене, и это дало основание предполагать, что и она обрамляла глубокую оконную нишу, обращенную к югу. Таким образом возникло предположение, что с южной стороны обходного коридора была только стена с нишами. Зная толщину внешней стены и интервалы между нишами, мы реконструируем всю южную стену; она, видимо, имела семь ниш, с внешней стороны суженных до ширины бойниц, подобно тому, как это наблюдается в более древнем памятнике Джанбас-Кала, в Хорезме⁴. Бойницы находились примерно на высоте 5 м над уровнем прилегающей части второй террасы. На основании планировки помещений, расположенных по периметру здания, реконструируется также и весь недостающий его юго-западный угол, где, возможно, было расположено еще одно большое помещение. Его северо-восточный угол прослежен в сохранившейся части здания, и одна небольшая угловая комната уже полностью вскрыта.

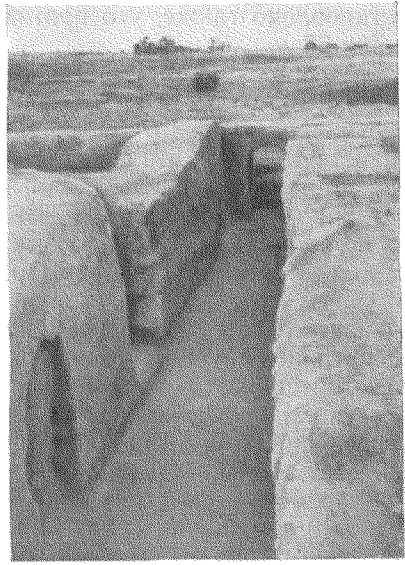

Рис. 5. Северный сектор коридора

Рис. 6. Вид на раскоп с северо-востока

(слева хорошо видны помещения восточного сектора внешнего обвода; на заднем плане — останцы от контрольной полосы, показывающие уровень поверхности тепе до раскопок)

Вход в здание был в середине северной стены, где находился входной коридор; последний вместе с лестничной клеткой и упомянутым длинным хозяйственным помещением является осью симметрии плана здания. Снаружи по обе стороны от входного проема обнаружены остатки стен толщиной в 90—95 см; видимо, они принадлежали предвратному помещению.

Таким образом, план здания в нижнем этаже восстановлен полностью;

⁴ В. Л. Воронина. Строительная техника древнего Хорезма, Сб. «Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции, 1945—1948». М., 1952, стр. 100.

установлено также, что протяженность здания с севера на юг не превышала 28 м.

Массивность внутренних стен, сохранность их на большую высоту в завале, образовавшемся от разрушения верхних частей здания, наличие лестничной клетки в центре здания, против входа в него,— все это свидетельствует о том, что существовал и второй этаж, расположенный, видимо, только над центральным жилым массивом. Если бы второй этаж находился и над помещениями, примыкающими к внешним стенам, то туда почти не проникал бы свет. Возможно еще одно предположение: второй этаж был выстроен над внешним рядом помещений, а в середине, над центральным массивом, был закрытый с трех сторон (кроме южной) дворик. Однако в этом случае возможно было бы ожидать наличие больших завалов вне наружных стен и лучшей сохранности последних, тогда как в действительности сохранность наружных стен очень плохая, а там, где остатки их сохранились, больших завалов не обнаружено. Кроме того, в наслоениях внутри здания местами наблюдается покатошь слоев сверху вниз, от середины к краю.

Рассмотрим, что представляют собой отдельные помещения. В здании было 23 помещения (из которых не сохранились два); из них восемь комнат небольших размеров и восемь больших располагались во внешнем обводе; из последних две были разделены на две почти равные части стенкой из сырцового кирпича толщиной в 50 см, положенного в один ряд. В центральном массиве было шесть жилых помещений, из них пять разделялось перегородками на две части, причем три из них — наглухо.

Эти промежуточные стенки не были связаны с перекрытиями и не служили опорой для них, так как и в обводном поясе и в центральном массиве есть помещения без перегородок. Правда, в северной и западной частях внешнего обвода имеющие перегородки помещения чередуются с помещениями, на полу которых обнаружено по одному углублению от столбов; но эти углубления находятся не в середине, а вблизи одной из стен, так что если принять столбы за опоры перекрытия, то придется прийти к выводу, что перекрыта была только часть помещения. Кроме того, в восточной части здания два больших помещения не имеют ни перегородок, ни углублений от столбов.

В одном из помещений центрального массива (северо-восточном) на полу также обнаружено углубление от столба, в отличие от других не прямоугольное, а круглое, диаметром всего в 10 см; в этом помещении обнаружены и гнезда от балок на высоте 165—170 см, указывающие на то, что столб, очевидно, был предназначен для опоры настила типа полатей.

В другом помещении центрального массива, северо-западном (с перегородкой), в стене, на высоте 2 м, также обнаружены углубления от балок, видимо другими концами опиравшихся на перегородку. Наличие на небольшой высоте углублений в стенах в помещениях как со столбом, так и с перегородкой показывает, что и в других помещениях столбы, а возможно и перегородки, служили в качестве опор для полатей.

Во многих помещениях были устроены глиняные возвышения в 10—15 см (суфы). Эти возвышения (шириной около 90 см) были возведены вдоль всех стен или части их, причем в некоторых случаях при постройке перегородок суфы оставались в одной половине или только в ней одной и устраивались. В одном случае в середине было сделано углубление, видимо, для ног. Это показывает, что существовал обычай сидеть опустив ноги вниз, обычай, отличающийся от современного (сидеть поджав ноги).

Ни в одной из жилых комнат не обнаружено очага, пригодного для приготовления пищи; признаки такого очага в виде пятна обожженного пола у стены, огороженного поставленными на ребро кусками кирпича, найдены только в одном помещении, определенном нами как хозяйственное. В двух помещениях есть зольные ямы, служившие, видимо, для обогревания, в трех других — на полу найдены пятна обожженной от

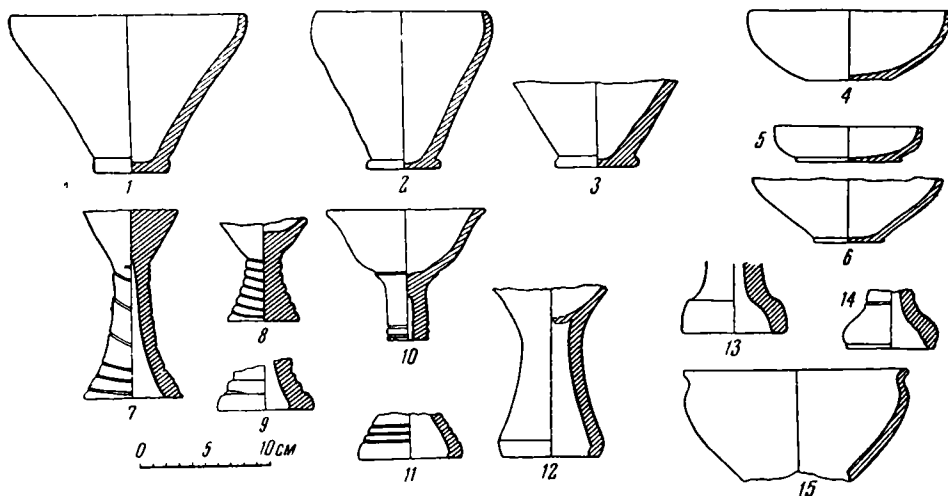

Рис. 7. Чаши

случайных причин земли. Таким образом, возникает вопрос, где же происходило приготовление пищи. Вероятно, кухня была во втором этаже, где хранился и необходимый запас топлива и продуктов.

Здание не подвергалось переделкам, которые привели бы к существенным изменениям плана. Несомненно, перегородки, наглухо делящие помещения на две части (их отмечено всего четыре, включая и хозяйственное), возведены уже после постройки здания, во время его использования; эта переделка сопровождалась устройством отдельных проемов, которые вели в коридор и отличались от старых шириной или поверхностью стенок; в одном помещении отмечен неодинаковый уровень пола двух его частей. Перегородки были возведены заново, в них не видно заложённых проемов.

Судя по планировке суф, некоторые из перегородок с проемами были выстроены одновременно со зданием, другие — после, уже при его использовании.

Единственной новой деталью плана, возникшей в результате ремонта, является кирпичная стена в восточном секторе коридора, служившая контрфорсом для разрушенной стены. На углу этой же стены для ее поддержания была поставлена деревянная балка, от нее осталось гнездо в

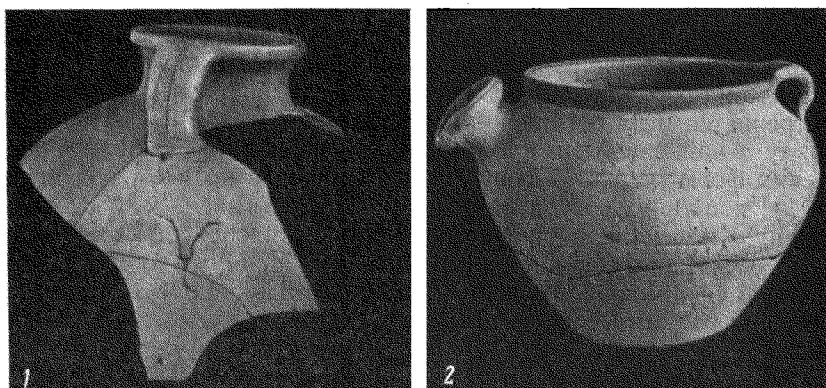

Рис. 8.

1 — кувшин с согдийским знаком; 2 — кринка со сливом под венчиком

полу и ложбина в нижней части стены; стены в восточной части коридора оказались сильно разрушенными, в значительной части они были переложены.

Несколько иного характера изменение отмечено в северо-западном помещении центрального массива; здесь первоначальный дверной проем, находившийся в его западной стене, оказался заложенным, а вместо него в северной стене, ближе к выходу из здания, был прорублен лаз на высоте 60 см от пола, шириною в 1 м и высотой в 90 см.

Чем вызвана гибель здания? Ответ на этот вопрос, как мы полагаем, дает характер наслоений, зафиксированных у входа: здесь обнаружен большой завал из камней, среди которых были зернотерки и жернова (целые и в обломках), а также обломки сырцового кирпича (видимо, от сводов), подвергнувшиеся действию огня. Стены у входа в здание сплошь обожжены. Несомненно, здесь происходила ожесточенная схватка, во время которой защищающиеся сбрасывали вниз заготовленные для этой цели камни, а также и все имевшиеся под рукой тяжелые предметы. Схватка закончилась поражением осажденных. После битвы здание, видимо значительно пострадавшее, пустовало и использовалось лишь случайными обитателями, которые в одном из помещений прорубили опisanый выше лаз. Здание постепенно разрушалось; в наслоениях отмечены прослойки отмученной глины, образовавшиеся в результате дождей.

Во время раскопок подавляющую часть находок, как обычно, составили фрагменты глиняной посуды, преимущественно толстостенной; керамические изделия были чрезвычайно раздроблены; удалось собрать всего лишь несколько целых сосудов, отмечалась также разбросанность на большой площади фрагментов от одного и того же изделия. Это подтверждает высказанное выше заключение о последующем использовании здания случайными и кратковременными обитателями.

Тем не менее и при таких условиях получен довольно обширный материал, характеризующий культуру и быт строителей здания. Керамика однородна во всех помещениях и на всех уровнях. Прежде всего, типичны сосуды, напоминающие собой чашевидные кубки типа кубков Тали-Барзу IV, с невысоким поддоном, прямыми, крутыми стенками и слегка загнутым внутрь бортиком (рис. 7, 1—3); сосуды из хорошо обожженной глины покрыты серым или красным ангобом. Весьма характерны и чаши с серым ангобом на высокой ножке, причем некоторые из них украшены спирально врезанной линией из семи витков, независимо от длины ножки; возможно, это указывает на ритуальное назначение чаши (рис. 7, 7—9). Весьма обильными для данного комплекса являются и кувшины небольших размеров с поддоном; встречаются и сосуды, подобные тонкостенным кувшинчикам Каршинского оазиса⁵. Очень часто встречались и кувшины более крупных размеров; под ручкой одного из них процарапан знак (рис. 8, 1), аналогичный часто встречающемуся на согдийских монетах⁶; такой же знак был обнаружен при раскопках в Пенджикенте⁷. Попутно отметим, что на сосудах имелось всего пять тамгообразных врезов, из них один встречается и на согдийских монетах.

Наряду с чашевидными кубками одной из наиболее характерных керамических форм являются сосуды типа кринок с носиком под венчиком (рис. 8, 2); два таких сосуда найдены почти целыми.

Основную массу находок составили обломки сосудов более крупных размеров, объемистых, с широкими устьями, хорошего обжига. Все сосуды хорошо сформованы на гончарном круге. Находки обломков лепных сосудов были редкими.

⁵ С. К. Кабанов. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V веках. ВДИ, 1956, № 2, стр. 165.

⁶ О. И. Смирнова. Материалы к сводному каталогу согдийских монет. Сб. «Эпиграфика Востока», вып. VI, М.—Л., 1952, стр. 12.

⁷ И. Б. Бентович. Керамика Пенджикента МИА, № 37, 1953, стр. 136.

Среди находок имеются каменные жернова, терки, зернотерки и точильные камни, многочисленные пряслица, грузила для ткацких станков и железные ножи; найден только один плоский железный наконечник стрелы.

Из украшений встречались бусы из кораллов, сердолика, из пасты и стекла; найдены единичные экземпляры бус из опала и лазурита, а также перстни и подвески.

Художественными произведениями являются найденные изображение лягушки из египетской пасты, в виде бусинки, обломок чаши со штампованным изображением павлина, примитивная лепная фигура всадника на осле, выполненная из необожженной глины.

В различных помещениях и на различных уровнях были найдены четыре одинаковые медные монеты, подобные найденным ранее на Шор-Тепе, в районе г. Карши, датированные IV—V вв.⁸ Кроме того, в одном из помещений, на глубине 1 м от поверхности, была найдена серебряная монета, чеканенная в подражание монетам Варахрана V. По определению О. И. Смирновой, монеты данного типа следует датировать, вероятнее всего, второй половиной V в., и, во всяком случае, не позже чем началом VI в.

Судя по монетным находкам, здание оставлено жителями во второй половине V или начале VI в.; следовательно, время основания и функционирования здания определяется V в. Незначительные переделки свидетельствуют о том, что оно существовало недолго и не могло быть построено в IV в. Предполагаемую дату подтверждает и керамический материал.

Долина р. Кашка-Дарьи являлась частью Согда; об этом свидетельствуют как письменные источники, так и характер материальной культуры. В комплексе исследованного памятника с наибольшей яркостью обнаруживается единство культуры обеих частей Согда — северной (долина Зеравшана) и южной (долина Кашка-Дарьи), разделенных Зеравшанским хребтом; это единство выражается не только в сходстве некоторых керамических форм, но также и в наличии знаков на сосудах, аналогичных знакам согдийских монет.

---

⁸ С. К. Кабанов. Археологические раскопки на Шор-Тепе близ Карши. ИАН УзССР, 1954, № 1, стр. 92.

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

ОСТАТКИ ЗАМКА VI—VII вв. НА ГОРОДИЩЕ АК-БЕШИМ

В 1954 г. Чуйским археологическим отрядом Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР, производившим археологическое изучение одного из крупных древних городищ Северной Киргизии — городища Ак-Бешим¹, среди ряда других объектов² раскопаны остатки замка-башни VI—VII вв.

Замок был расположен к юго-востоку от стен шахристана на территории городской округи, огороженной длинной стеной³. Вся эта площадь занята ныне посевами и потому большинство расположенных здесь холмов, скрывающих остатки древних сырцовых сооружений, уже находится в полураспаханном состоянии.

Поэтому и остатки замка до раскопок представляли собой округлый (диаметром 25—26 м) холм с пологими склонами и вспаханной поверхностью. Так как вся местность имеет общее понижение с юга на север, то высота холма над окружающей почвой неравномерна: с юга — 1,58 м, с севера — 2,2 м. Западная полая холма была срезана плугом в виде уступа на глубину 0,8 м.

Несмотря на плохую сохранность памятника, все же были предприняты его раскопки. Они были вызваны обнаруженными на этом холме тремя редкими по форме кирпичами-налепами из обожженной глины в виде кругов или низких цилиндров с глубоко оттиснутыми крестообразными углублениями, напоминающими очертания несторианского креста (рис. 1)⁴.

От замка сохранилось очень немного. Раскопки вскрыли остатки некогда прямоугольного достаточно мощного пахсового стилобата размерами около 15 × 10 м и до 2,5 м высотой (рис. 2). Первоначально стилобат имел большую площадь. Несмотря на тщательную расчистку его, нигде, к сожалению, не удалось обнаружить ненарушенных частей внешней поверхности стилобата, и поэтому мы ничего не можем сказать о том, как были оформлены наружные фасадные плоскости его стен.

Верхняя, относительно гладкая и ровная поверхность стилобата после расчистки оказалась покрытой сложной, беспорядочно расположенной сетью трещин, образовавшихся при высыхании толщи отдельных слоев пахсы.

Изучение стилобата показало, что он сооружен на материковом слое из мелкого галечника путем наращивания по вертикали нескольких слоев битой глины по всей поверхности. Разрез толщи стилобата выявил, что

¹ Городище Ак-Бешим расположено в 8 км к юго-западу от г. Токмак Фрунзенской области Киргизской ССР.

² См. Л. Р. Кызласов. Работы Чуйского археологического отряда в 1953—1954 гг. КСИЭ, вып. XXVI, 1957; его же. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. II. М., 1958.

³ План городища, на котором замок отмечен как объект V, см. Л. Р. Кызласов. Работы Чуйского археологического отряда..., стр. 91, рис. 2.

⁴ Ср. А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 166. рис. 72, 2.

слои пахсы имели толщину 0,4 м (только один слой — 0,52 м) и таких слоев было, очевидно, шесть. При этом необходимо заметить, что не все слои имели четкие границы, обособляющие их друг от друга, так как плотная набивка глины приводила к их спаиванию.

Таким образом была получена монолитная, чрезвычайной крепкой пахсовая площадка, на которой некогда был воздвигнут замок, видимо имевший вид башни, сложенной в основном из сырцовых кирпичей.

Мелкие обломки сырцовых кирпичей покрывали стилобат сверху и образовали мощные завалы по его сторонам, в результате чего памятник имел до раскопок, как указывалось, вид округлого холма. Многочисленность остатков сырцовых кирпичей⁵, количество которых, надо полагать, первоначально было значительно большим (необходимо принять в расчет уничтожение и растаскивание кирпичей как в древности после разрушения замка, так и в позднее время, когда эта площадь стала объектом многолетней распашки), позволяет заключить, что воздвигнутая некогда на описанном выше стилобате башня была достаточно высокой и,

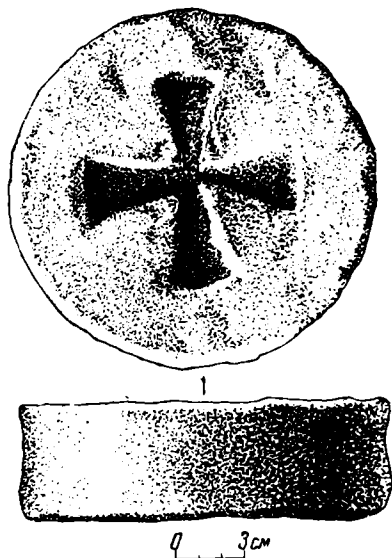

Рис. 1. Круглый обожженный кирпич с крестовидным вдавлением

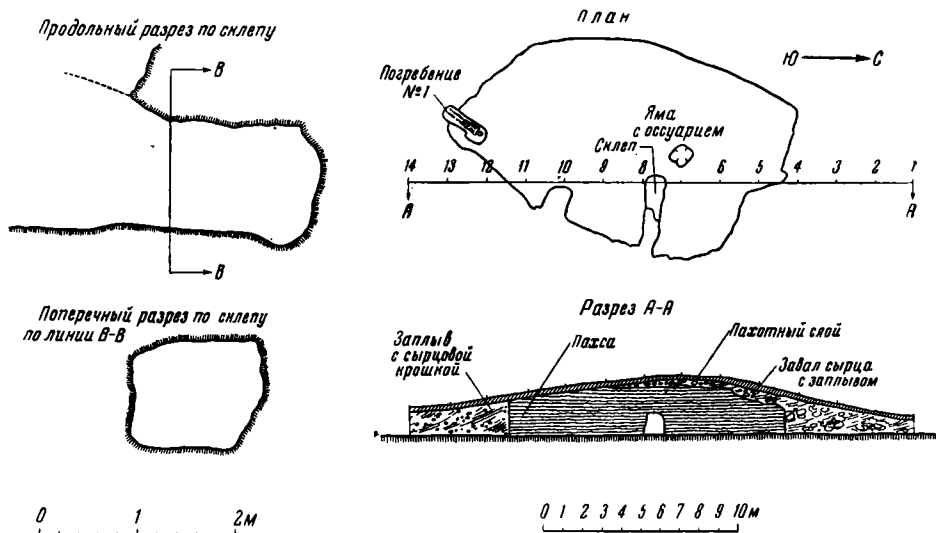

Рис. 2. Планы и разрезы остатков замка и погребений

по-видимому, представляла собой двухэтажный замок, подобный замку, изображенному на известном серебряном Аниковском блюде⁶, и по декорировке была близка замку Ак-Тепе близ Ташкента⁷.

⁵ К сожалению, из-за сильной раздробленности обнаруженных обломков сырцовых кирпичей установить их первоначальные размеры оказалось невозможным.

⁶ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 20; В. Л. Воронина. К вопросу об изучении доарабского зодчества Средней Азии. Новые исследования по истории архитектуры народов СССР. Сообщ. Ин-та истории и теории архитектуры, вып. 8, М., 1947, стр. 42, рис. 6.

⁷ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.). Тр. Ин-та истории и археологии АН Узбекской ССР. Материалы по археологии Узбекистана, т. I, Ташкент, 1948.

О сходстве с указанными замками свидетельствуют и найденные на разных уровнях в сырцовом завале многочисленные обломки и целые экземпляры фигурных обожженных кирпичей. Набор фигурных кирпичей состоит из трех многократно повторяющихся типов. Это, прежде всего, уже упомянутые круглые кирпичи-налепы с крестовидными углублениями в центре⁸. Диаметр их 15—16 см (чаще 16 см), толщина 5—7,5 см (чаще 6 см). Крестовидные вдавления заходят в толщу кирпича глубоко, но

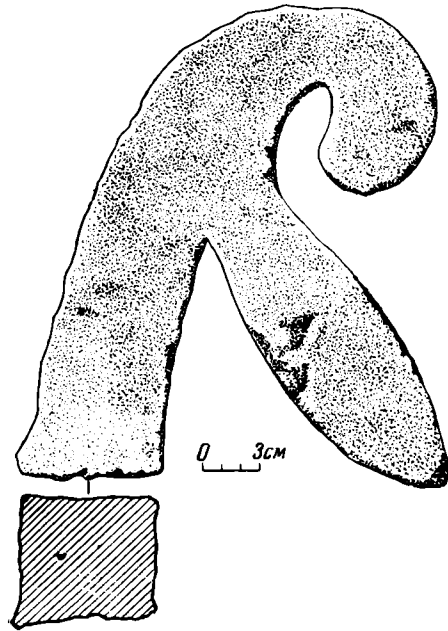

Рис. 3. Обожженный фигурный кирпич

на разные уровни (от 2 до 4,5 см), и только в нескольких случаях в центре вмятин обнаружены круглые отверстия (диаметр — 8 мм), очевидно предназначавшиеся для насаживания на деревянные штыри, втыкавшиеся в сырцовые стены.

Второй тип — кирпичи в виде перевернутой буквы «У» (рис. 3)⁹.

Третий тип — зубчатые кирпичи (рис. 4)¹⁰, высота их 25 см, ширина внизу 22 см, обмер ножек снизу — 6,5 × 6,5 см; такие же размеры имеет в сечении и самый верхний зубец.

Четвертым типом найденных здесь обожженных кирпичей являются простые прямоугольные кирпичи размерами 34 × 17,5 × 4,5 (5) см или 34 × 16 × 3,5 см¹¹.

Все эти четыре типа обожженных кирпичей не являлись конструктивными строительными деталями, каковыми была пахса и сырец, а составляли лишь элементы внешнего декора фасада замка,

располагаясь на вертикальных плоскостях сырцовых стен и фризах двух его этажей, очевидно, совершенно так же, как это изображено на известном рельефе Аниковского блюда. Наши фигурные кирпичи всегда с одной стороны имели следы сырцовой массы, в которую они некогда были вмazаны, причем на боковых поверхностях их сохранился тонкий серый слой засохшего раствора. Отметим, что у всех трех типов фигурных кирпичей задние плоскости, предназначавшиеся для скрепления со стенами, даже не заглажены, а у круглых налепов сзади имеются крестовидные, ромбические или неправильные треугольные вмятины, способствовавшие их скреплению с сырцом.

Детальное описание согдийского замка VI—VII вв. на Аниковском блюде неоднократно давалось в исторической литературе. Отметим лишь то, что не замечено другими авторами: в набор его декоративных деталей из обожженной глины входили не только все три типа фигурных кирпичей, описанных выше, но и прямоугольные кирпичи, также найденные в

⁸ Целыми и в обломках их обнаружено свыше 27 экземпляров.

⁹ Найдено (вместе с обломками) 13 экземпляров. Высота этой фигуры (при установке обеими ножками на плоскость) — 25—26 см, ширина основания — 23 см; размеры ножек в поперечном сечении: 7 × 6,4, 7 × 7, 6,5 × 6,5 см; толщина верхнего завитка 6 см.

¹⁰ Найдено (вместе с обломками) семь экземпляров.

¹¹ Обнаружено два целых кирпича и обломки от нескольких других экземпляров с размерами (без длины) 16 × 4,5 см; 15,5 × 3,5 см; 16 × 4 см. Упомянем, что среди них оказался обломок кирпича серого цвета с двумя оттисками прямоугольного сетчатого штампа на одной поверхности (длина оттиска 16 см, наибольшая ширина 4,5 см, но край по ширине оббит).

развалинах Ак-Бешимского замка. Из них и состояли, очевидно, фризы первого и второго этажей замка — в виде поясов из наклонно установленных кирпичей под венчающими стены зубчатыми кирпичами.

Прямоугольные обожженные кирпичи тех же самых размеров, т. е. совершенно аналогичные обнаруженным среди остатков башни в Ак-Бешиме, оказались и в замке Ак-Тепе близ Ташкента (VI—VII вв.)¹², где вместе с ними найдены три остальных типа фигурных кирпичей (зубчатые, круглые с крестовидным отверстием и У-образные)¹³.

Те же три типа фигурных кирпичей были открыты еще в 1927 г. М. Е. Массоном при раскопках здания VI—VII вв. на шахристане древнего Тараза (г. Джамбул) в Южном Казахстане¹⁴.

Все указанные архитектурные аналогии уже позволяют заключить, что раскопанный нами в Ак-Бешиме замок-башня был сооружен и обитаем в VI—VII вв. Однако имеются и другие факты для подкрепления такой датировки. Это прежде всего стратиграфические данные. На самом холме были вскрыты впускные погребения, захоронение которых совершено уже после того, как замок был разрушен и превратился в холм.

Погребение № 1 — вытянутое труположение на спине, головой на северо-восток, без вещей. Яма располагалась в южном поле холма (рис. 2), причем она немного врезалась в пахсовый стилобат¹⁵.

Если погребение № 1 (по поводу датировки которого можно сказать лишь, что оно относится ко времени после VIII в.) не способствует установлению времени разрушения замка, то большое значение для выяснения этого вопроса имеет второе впускное оссуарное погребение, обнаруженное в северной половине холма. Здесь при расчистке пахотного слоя обнаружена подквадратная яма $0,95 \times 0,9$ м, впущенная в пахсовый стилобат так, что дно ее выявлено на глубине 0,9 м от верхней близлежащей точки холма (отметка 7). В яме оказались обломки оссуария овальной формы и человеческие кости плохой сохранности. Верхние части оссуария были извлечены тракторным плугом при пахоте, а нижние перемешаны. На одной из боковых стенок оссуария сохранилось изображение «деревца», прочерченное палочкой по сырой еще глине (рис. 5).

Аналогичные овальные оссуарии, также происходящие из впускных погребений, обнаружены были на городище еще при строительстве железной дороги Фрунзе—Рыбачье, которая прошла вдоль северной стены шахристана городища Ак-Бешим¹⁶. Найдены они и в других пунктах

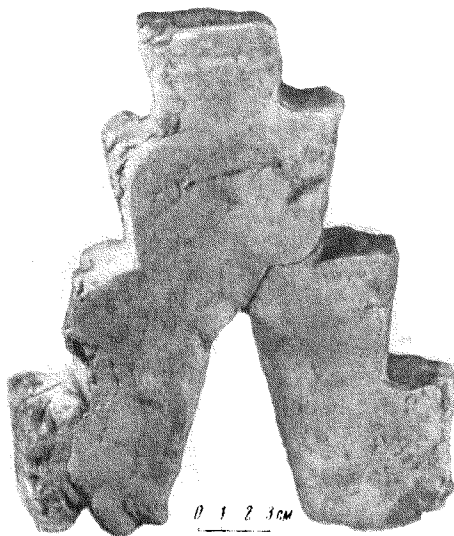

Рис. 4. Ступенчатый обожженный кирпич

¹² А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе..., стр. 119.

¹³ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе..., рис. 20, 22, 23; его же. Согд и Чач, рис. 69, табл. XXI, 18, 19, 20 и рис. 71, 9; ср. В. Л. Воронина. Ук. соч., рис. 7. (Размеры их близки нашим).

¹⁴ М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Гумбез Манаса. М., 1950, стр. 110.

¹⁵ По определению Н. Н. Миклашевской, это погребение старика 60—70 лет, сочетающего монголоидные и европеоидные черты, причем первые преобладают.

¹⁶ Тр. Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». МИА, № 14, 1950, стр. 110.

Чуйской долины, в частности аналогичные оссуарии с древовидным орнаментом открыты Семиреченской экспедицией при раскопках кладбища во дворе усадьбы V—VII вв. на соседнем Краснореченском городище¹⁷, А. Н. Бернштам относил как прямоугольные, так и овальные оссуарии, найденные в Чуйской долине, к V—VII вв.¹⁸, имея в виду, однако, что прямоугольные оссуарии должны предшествовать овальным¹⁹. Он указы-

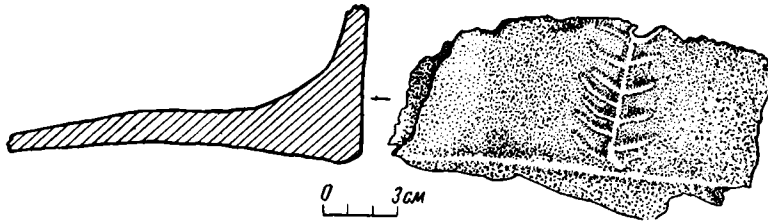

Рис. 5. Обломок дна оссуария из впускного погребения № 2 (глина)

вал при этом, что в так называемый карлукский период VIII—X вв. оссуариев уже нет, им на смену пришли погребения костей в хумах²⁰.

По мнению Б. Я. Ставиского, изучавшего оссуарный обряд погребений Средней Азии в связи с материалами из некрополя древнего Пенджикента, прямоугольные оссуарии Согда, Чача и Семиречья относятся к V—VI вв., а овальные — к VII — первой половине VIII в., но не позже²¹.

Учитывая обе вышеизложенные точки зрения и тот очевидный факт, что господство карлуков в Северной Киргизии началось в 766 г., мы, очевидно, должны считать, что впускное оссуарное захоронение, обнаруженное нами, может датироваться не позднее первой половины VIII в., а разрушение замка, видимо, относится к

концу VII в., так как нужен был значительный срок для того, чтобы замок превратился в заброшенный холм, в котором позже стали совершать захоронения.

Таким образом, и стратиграфические данные подтверждают дату существования замка (VI—VII вв.), установленную первоначально с помощью архитектурных аналогий. Эта датировка подкрепляется и теми немногочисленными предметами, которые нами обнаружены при раскопках этого памятника.

В разных местах холма, в завалах, между обломками сырцовых кирпичей, найдено несколько предметов. Среди них четыре железных: два обломка изогнутых пластин и два четырехгранных острия неясного назначения (рис. 6, 3, 5). Кроме того, обнаружены бочен-

ковидная бусина из белой стекловидной пасты с зелеными разводами (рис. 6, 4), небольшой наременный наконечник из бронзы с двумя заклеп-

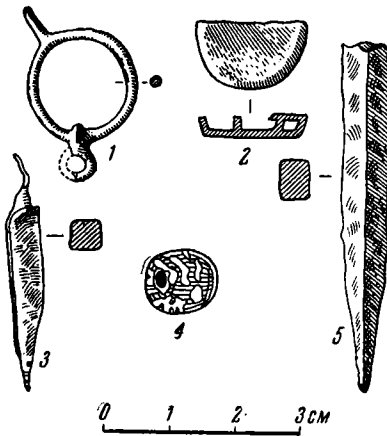

Рис. 6. Предметы, найденные при раскопках холма

1, 2 — бронза; 3, 5 — железо; 4 — стекло

¹⁷ Там же, стр. 15, 28, 30—32, 73, 81 и табл. XIV, 1, 3, 4; ср. табл. 62, 1, 4, 5.

¹⁸ Там же, стр. 29, 35. Ср., однако, дату VI—VIII вв. в подписи к табл. 62 на стр. 156. Первую находку прямоугольного оссуария в Чуйской долине см. В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан. ИРАИМК, т. II, Петербург, 1922, табл. III.

¹⁹ Тр. Семиреченской археологической экспедиции, стр. 31.

²⁰ Там же, стр. 129 и ср. стр. 32, 33.

²¹ Б. Я. Ставиский, О. Г. Большакови и Е. А. Мончадская. Пянджикентский некрополь. МИА, № 37, 1953, стр. 95; Б. Я. Ставиский. Пянджикентский некрополь, как памятник культуры Согда VII—VIII вв. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1954, стр. 13.

камни и обломанной задней пластинкой (рис. 6, 2) и бронзовая серьга с острым боковым выступом и колечком для привешивания подвески (рис. 6, 1). Последние две находки хорошо подтверждают установленную выше дату, так как они являются характерными предметами инвентаря тюркских могил VI—VII вв. на Алтае²².

Остается еще рассмотреть находки, обнаруженные нами в открытом здесь же своеобразном склепе. При расчистке пахсового стилобата с восточной стороны на уровне материкового галечника выявлен засыпанный ход, ведущий под толщу стилобата. После разборки завала оказалось, что это длинный минообразный прямой подбой, вытянутый с востока на запад (длина около 4 м, ширина 0,7—1,2 м, высота до 1,2 м). Он был пробит в глинобитной массе стилобата, т. е. сооружен позднее окончания строительства самой башни (рис. 2). Стены подбоя неровны, так как глинобитная масса выкалывалась целыми «блоками». Последнее свидетельствует, во-первых, о том, что стилобат к тому времени уже полностью высох, и, во-вторых, о том, что проходка подбоя осуществлялась не рубящим, а откалывающим орудием типа кайлы. Потолок подбоя значительно более ровный, чем его стены. Последнее обстоятельство объясняется тем, что граница потолка в данном случае совпала с разграничением двух горизонтальных слоев пахсы стилобата, о которых говорилось выше.

Находки позволяют заключить, что подбой являлся своеобразным семейным склепом. В его засыпке на разных уровнях и в разных местах найдены разбросанные фрагменты трех овальных оссуариев и их крышек, мелкие обломки человеческих костей, два почти целых черепа²³ и куски третьего, небольшой кувшинчик, черепки еще от трех сосудов, кусок крышки сосуда, два обломка железных изогнутых пластин и часть бронзового плоского кружка с отверстием в центре.

Склеп был разграблен и частично поврежден (обрушена часть потолка над входом), очевидно, сразу же после разрушения замка, так как в подбое, частью даже в западном конце его, найдены заброшенные туда фигурные декоративные кирпичи и их обломки: два целых круглых кирпича с крестом, два обломка кирпичей того же типа, целый зубчатый кирпич (рис. 4) и кусок ножки от другого зубчатого кирпича.

В то же время следует иметь в виду, что вход в склеп был возможен лишь до того, как здание превратилось в холм, ибо разрушение стен замка привело к нарастанию мощного завала сырцовых кирпичей над входом. Таким образом, оссуарные захоронения в склепе совершенно определенно относятся ко времени гораздо более раннему, чем верхнее, впускное в холм, погребение в оссуарии, т. е. склеп, очевидно, был сооружен еще до разрушения здания, когда, видимо, по какой-то причине возникла необходимость в этой «домашней семейной усыпальнице»²⁴.

Если считать, что разрушение замка относится ко второй половине или к концу VII в., когда был уже разграблен и склеп, то сооружение последнего следует относить не к VI в., а к первой половине VII в. Такое определение времени сооружения склепа подтверждают и сделанные в нем находки и, в первую очередь, овальные оссуарии, относящиеся, судя по всем вышеуказанным обстоятельствам и стратиграфическим условиям, к первой половине VII в., что находится в соответствии и с общепринятой их датировкой. Оссуарии были овальными в плане с выпуклыми боками

²² Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. Тр. ГИМ, вып. XVI, 1941, рис. 17 и табл. III Б, подвески у пояса; ср. Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Чаа-гас у села Копены. Тр. ГИМ, вып. XI, 1940, стр. 33, рис. 11.

²³ Один из черепов определен Н. Н. Миклашевской как мужской, в возрасте 35—45 лет, смешанного типа.

²⁴ Аналогичное семейное кладбище во дворе замка V—VII вв. было обнаружено А. Н. Бернштамом на Краснореченском городище. См. Тр. Семиреченской археологической экспедиции, стр. 15, 16, 30—32, 35, 36 и 73.

и со скошенными во внутрь верхними краями, на которые опирались выпуклые крышки, прикрывавшие эти костехранилища²⁵.

Высота боковых стенок 23—24 и 30 см. Один оссуарий украшен только наlepным валиком, надрезанным ножом на рельефные, прилегающие друг к другу пирамидки (рис. 7, 1), другой — имеет наlep из выступающих зубцов, под которыми расположены резные треугольники, заключенные в

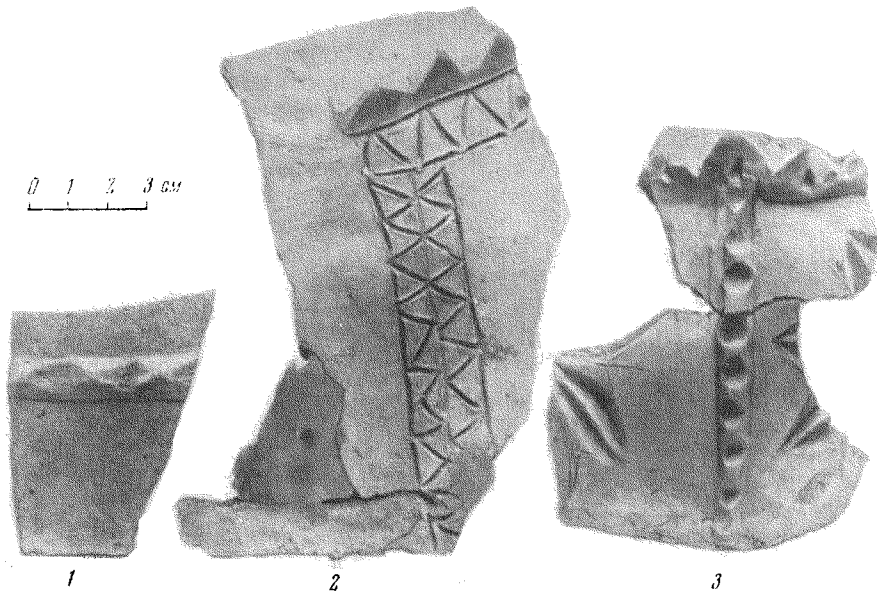

Рис. 7.

1 — обломок верха оссуария; 2 — обломок стенки оссуария; 3 — угловая стенка оссуария

пояски из параллельных линий и образующие, видимо, П-образную фигуру (рис. 7, 2). Наконец, у третьего оссуария от горизонтального ряда выступающих зубцов (с вырезанными треугольничками внутри них) отходит вниз наlepной валик с вмятинами на поверхности, а по обе стороны этого вертикального валика сохранились фрагменты двух звезд с вырезными лучами (рис. 7, 3), которых, по-видимому, было восемь.

Оссуарии с такими украшениями на территории Семиречья нам неизвестны. Наиболее близки нашим оссуариям некоторые костехранилища VII—VIII вв. из кладбища Пенджикента (Согд), среди которых имеются украшенные горизонтальными выступающими наlepами, разрезанными на зубцы²⁶, а также нарезными восьмилучевыми звездами²⁷. Отметим, что обрамление стенок оссуариев выступающими зубчатыми лентами, очевидно, является признаком довольно ранней даты, ибо в Семиречье подобный орнамент встречен лишь на прямоугольном оссуарии

²⁵ Сохранились лишь разрозненные обломки крышек (6) и боковинок (8) от трех оссуариев. Все оссуарии сделаны от руки, причем дно формовалось на подсыпке из песка, а стенки из широких лент (шириной до 4 см), наращиваемых по спирали друг на друга до шести раз. Обжиг хороший; глина в изломе красная с примесью мелкой гальки и песка. Поверхность покрыта белым или желтоватым ангобом. Крышки, судя по фрагментам, имели форму удлиненного овала, концы которого срезаны прямо (перпендикулярно продольной оси овала), причем у одного обломка заметен след прилива к ручке, хотя сами ручки не обнаружены.

²⁶ Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. А. Мончадская. Ук. соч., стр. 82, рис. 15.

²⁷ Там же, стр. 75, рис. 10.

V—VI вв., случайно найденном на р. Аламедин у г. Фрунзе²⁸, а в Согде они имеются на таких же по форме оссуариях из Биянаймана²⁹. Таким образом, описанные оссуарии из Ак-Бешима являются наиболее ранними из овальных, т. е. относятся, вероятно, к первой половине VII в.³⁰

В раскопанном нами склепе при погребении были, очевидно, установлены сосуды с пищей и напитками. От них сохранились лишь отдельные

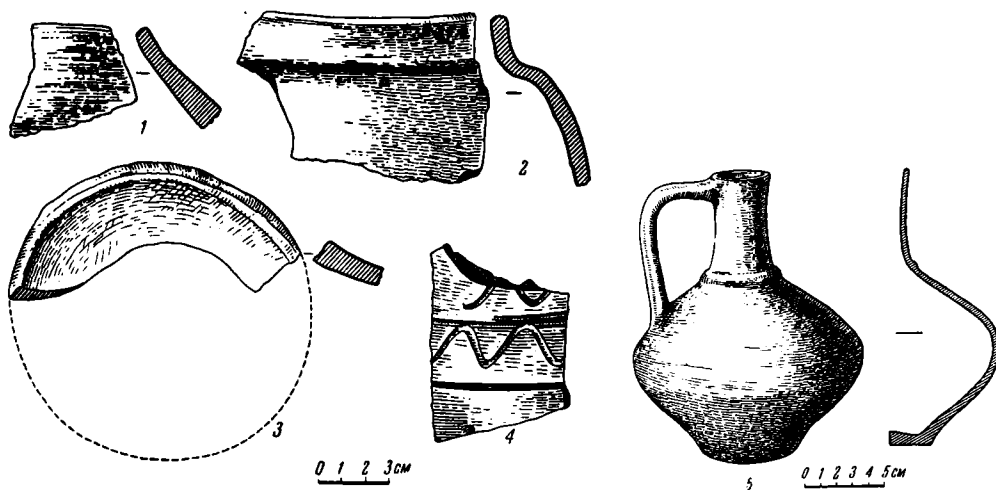

Рис. 8. Керамика из склепа

разрозненные обломки и один целый, изготовленный на круге небольшой кувшинчик (рис. 8, 5). Примечательно, что сам подбор сосудов аналогичен составу сосудов, найденных в наусах древнего Пенджикента³¹. Нами найдены сделанные на круге обломок венчика чаши (рис. 8, 1) и боковинка кувшинообразного сосуда с линейно-волнистым поперечным орнаментом на поверхности (рис. 8, 4), фрагмент лепного котла с крутым плечиком (рис. 8, 2) и кусок выпукло-вогнутой крышки сосуда, сделанной на песчаной подсыпке (рис. 8, 3). Все эти фрагменты находят себе прямые аналогии в согдийской керамике VI—VII вв. из Пенджикента и замка Ак-Тепе близ Ташкента³². Исключением является узкогорлый кувшинчик, которому не удалось найти аналогий (рис. 8, 5)³³. Датируется он по всему комплексу VII в.

Исследованный нами замок сооружен в VI в. и относится к числу ранних архитектурных сооружений Чуйской долины, связанных с возникновением первых городов в этой части Семиречья. Строительная техника, декоративные кирпичи и наличие семейного склепа с погребениями в овальных оссуариях, характер керамики — все это позволяет заключить,

²⁸ В. В. Бартольд. Ук. соч., табл. III.

²⁹ А. Я. Борисов. Изображения на биянайманских оссуариях. ТОВГЭ, т. II, Л., 1940, стр. 40, табл. I и II.

³⁰ Более поздними (вторая половина VII — начало VIII в.) являются оссуарии с древовидными изображениями, найденные на Краснореченском городище (см. Тр. Семиреченской археологической экспедиции, табл. XIV и LXII) и в верхнем впускном погребении, описанном выше.

³¹ Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. А. Мончадская. Ук. соч., стр. 84.

³² Там же, стр. 71, рис. 5; табл. IX, 4; А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе..., стр. 116, рис. 18 и рис. 19, 6. Найденные нами обломки сосудов все имеют желто-красный цвет глины в изломе (с примесью дресвы) и покрыты желтым ангобом.

³³ Поверхность его покрыта белым ангобом, горло хорошо заложено сверху вниз, цвет глины в изломе желто-красный, в глине имеется примесь серой дресвы, стенки его у дна подрезаны ножом.

что замок сооружен согдийцами, проникшими сюда из центральных областей Средней Азии в результате первой волны согдийской колонизации в Семиречье в V—VI вв.

Чрезвычайно важно при этом подчеркнуть, что переселение согдийцев происходило, очевидно, не столько с территории самого Согда (чего полностью, впрочем, отрицать нельзя), сколько из Чача (область современного Ташкента), культура которого в VI—VIII вв., как это доказано А. И. Тереножкиным, «развивается под прямым воздействием Согда и приобретает облик согдийской культуры»³⁴. К этому выводу нас приводит факт отсутствия как в Согде, так и в остальных районах Средней Азии, а также в сопредельных с ней областях замков подобного типа с тем же полным набором фигурных кирпичей, которые обнаружены до сих пор только в Чаче (замок Ак-Тепе) и в Семиречье (Тараз, Ак-Бешим). Наши новые материалы, таким образом, хорошо подтверждают заключение А. И. Тереножкина, указывающего, что в этот период «мощная согдийская колонизационная струя через Чач и Тараз (разрядка моя.— Л. К.)... глубоко проникает в Центральную Азию»³⁵.

Этот вывод, как мы видим, безусловно верен для Чуйской долины, и, во всяком случае, абсолютно верен для города, называемого ныне городищем Ак-Бешим, ибо, кроме результатов исследования описанного выше замка, это подтверждает и исследование нижнего строительного яруса шахристана этого городища, залегающего на глубине 7,5 м, где встречена керамика, во всем аналогичная керамике Чача V—VI вв. Этим материалам мы посвятим особую статью.

Наконец, в связи с нашими материалами следует остановиться еще на одном частном вопросе, а именно на вопросе о происхождении знаменитого Аниковского блюда, который по-разному решался разными исследователями. Теперь уже доказано, что этот замечательный памятник происходит не из сасанидского Ирана, как это считалось еще недавно³⁶, а является изделием среднеазиатского происхождения³⁷.

Вместе с тем оставалось неясным, в какой области Средней Азии работал тот безымянный тореут, который создал Аниковское блюдо.

А. И. Тереножкин и С. П. Толстов считали, что этот памятник создан в Хорезме³⁸; другие исследователи, как, например, В. Л. Воронина, в связи с находками фигурных кирпичей в Ак-Тепе близ Ташкента ставили под сомнение такое решение вопроса³⁹, и, наконец, третья группа авторов (прежде всего М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова⁴⁰) считают блюдо произведением согдийской тореутки. Полное согласие всех исследователей имеется лишь в датировке этого памятника VI—VII вв.

Вопрос решается, в первую очередь, безусловно, с помощью анализа архитектурных особенностей замка, изображенного на Аниковском блюде. И для того чтобы решить его правильно, необходимо учесть не отдельные элементы, а всю совокупность этих особенностей.

Здесь недостаточно ссылаться лишь на стилобат из пахсы и сооруженные на нем гофрированные стены, которые, как выясняется, присущи не только архитектуре раннесредневековых памятников Хорезма, но и Средней Азии в целом⁴¹.

³⁴ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 162. В Чаче в этот период чеканятся уже местные монеты с надписями на согдийском языке.

³⁵ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 161.

³⁶ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Ук. соч.

³⁷ К. В. Тревер. К вопросу о так называемых сасанидских памятниках. СА, XVI, 1952, стр. 283.

³⁸ А. И. Тереножкин. К истории искусства Хорезма. Искусство, 1939, № 2, стр. 121—126; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 198 и 205.

³⁹ В. Л. Воронина. Ук. соч., стр. 42, 43.

⁴⁰ М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Ук. соч., стр. 99. См. также М. М. Дьяконов. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. Сб. «Живопись древнего Пянджикента». М., 1954, стр. 139.

⁴¹ В. Л. Воронина. Ук. соч., стр. 43 и сл.

Недостаточно также ссылаться на венчающие стены замка зубчатые кирпичи, так как и они были широко распространены в VI—VII вв. не только во всей Средней Азии⁴², но и в архитектурных памятниках сопредельных стран, от сасанидских крепостных сооружений на западе⁴³ до храмовых комплексов Восточного Туркестана на востоке⁴⁴.

Но как только мы поставим вопрос о том, где же распространен тот комплекс архитектурных особенностей, который присущ изображенному на Аниковском блюде замку, как сразу же обнаружим четко ограниченную Чачско-Семиреченскую область (Ташкент, Джамбул, Токмак), имевшую тесные географические и исторические связи и входившую, кроме всего прочего, в VI—VII вв. в одно политическое объединение — в западно-тюркский каганат. Только в этой области уже в трех пунктах обнаружены остатки замков, давшие полный набор тех четырех типов обожженных декоративных кирпичей, которые так эффектно украшают фасад двухэтажной жилой башни Аниковского блюда. Чачско-Семиреченская область, по-видимому, и является тем районом, где искусный местный согдийский⁴⁵ тореут создал этот замечательный памятник, позволивший нам спустя тринадцать столетий представить себе, каким был первоначально тот замок, развалины которого нам пришлось исследовать на одном из древних городищ Чуйской долины.

---

⁴² Для Согда это известно нам по изображениям стен с зубцами на росписях в Пенджикенте (сб. «Живопись Пянджикента», табл. XIX—XX, XXIV) и по находке фигурного зубчатого кирпича в Самарканде. См. А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда. ВДИ, 1947, № 4, стр. 131.

⁴³ Е. А. Пахомов. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье. ПИМК, 1933, № 9—10, рис. на стр. 45. В Иране зубчатые фигурные кирпичи известны уже в ахеменидский период, в Афганистане они встречены в храме II—III вв. См. Journal Asiatique, т. CCXI, № 4, Paris, 1952, стр. 448.

⁴⁴ Ср. изображения стен на росписях. С. Ф. Ольденбург. Русская туркестанская экспедиция 1909—1910 г. Краткий предварительный отчет. СПб., 1914.

⁴⁵ «Согдийский» потому, что, как уже говорилось выше, сооружались замки этого типа в Чачско-Семиреченской области VI—VII вв. местным, согдийским, по языку, населением.

Е. А. ШМИДТ

ДЛИННЫЕ КУРГАНЫ У дер. ЦУРКОВКИ В СМОЛЕНСКОМ РАЙОНЕ

В 22 км юго-западнее Смоленска, у дер. Цурковки, в пойме р. Уфиньи (левый приток Днепра), расположена курганная группа, исследованная А. Н. Лявданским¹. Им обнаружено 30 курганов, из которых один был раскопан и, кроме зольно-угольной прослойки на материке, в нем ничего не было найдено. На основании этого сделано неправильное предположение, что в кургане было труположение, но скелет истлел. На карте эти курганы отмечены как курганы с труположением. После раскопок А. Н. Лявданского несколько курганов в 20-х годах было уничтожено кладоискателями. К настоящему времени сохранилось только 25 насыпей, из которых пять имеют повреждения (рис. 1).

Курганная группа разделяется на две части: семь курганов находятся на правом берегу р. Уфиньи при слиянии ее с р. Хохловкой, а 18 курганов расположены на левом берегу р. Уфиньи на болотистом лугу. Курганы по форме неоднородны: пять длинных насыпей (8 × 15 м и подобные), шесть курганов слегка удлинённых (9 × 7 м, 8 × 5 м) и 14 округлых. Все курганы низкие — от 0,3 до 1,2 м, ровики вокруг них в болотистой почве незаметны. Насыпи состоят из почвы, взятой здесь же, т. е. из торфа, известкового туфа и торфянистого суглинка.

В 1956 г. нами был раскопан курган № 2 с целью проверки наблюдений А. Н. Лявданского. Курган № 2, длинный (18 × 8,8 м), высотой 1,2 м, был самой большой насыпью в группе. Расположен он на правом берегу р. Уфиньи в долине у края луга между курганами №№ 1 и 3, так что полы этих курганов почти сливались. Длинная ось его вытянута с запада на восток. Восточная часть кургана шире, чем западная; в центре была небольшая седловина — остатки кладоискательской ямы. Курган раскапывался на снос и для удобства ведения раскопок разбивался на четыре сектора двумя бровками, продольной и поперечной (рис. 2, I—III).

Восстановление картины погребального обряда было значительно затруднено кладоискательской ямой, которая нарушила стратиграфию насыпи в центральной части и повредила три захоронения: два на материке и одно в насыпи.

Насыпь состояла из торфянистого грунта и больших прослоек и вкраплений известкового туфа. Неоднородность грунта насыпи кургана позволила проследить последовательность сооружения кургана (рис. 2).

Курган не был насыпан в один прием, а сооружался постепенно. Первоначально были произведены захоронения на материке (западное и восточное) при обряде трупосожжения на месте. В этом убеждают оплавленные предметы (лежавшие на материке), большое количество пережженных костей, значительная разбросанность предметов и сплавов по кострищу, наличие золы и угольков на всей площади кострища.

¹ А. Н. Лявданскі. Археолёгічныя досьледы у вадазборах рр. Сожа, Дняпра і Капслі у Смаленскай губэрні. Працы археолёгічнай камісіі, т. II, Менск, 1930, стр. 309—310.

Первым было совершено восточное захоронение; доказательством этому может служить однородность прикрывающего грунта. Здесь насыпь состояла только из торфянистого грунта. Такой грунт залегает на поверхности луговины ниже и выше по течению р. Уфинья, а под ним содержится известковый туф. Для сооружения насыпи кургана над восточным захоронением был снят окружающий его дерн с верхним торфянистым грунтом; для насыпи над западными захоронениями был использован нижележащий грунт без поверхностного слоя, т. е. известковый туф с торфянистыми прослойками.

Позже между этими двумя небольшими курганами была сделана подсыпка почти сплошь из известкового туфа. На ней была выравнена площадка, на которую положены остатки нового трупосожжения, совершенного на стороне. После этого курган был досыпан и принял удлиненную форму.

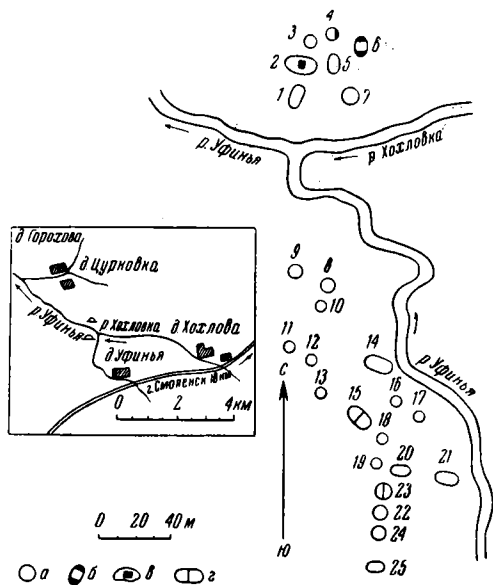

Рис. 1. План курганной группы у дер. Суровки
 а — курган хорошей сохранности; б — испорченный пахотой; в — поврежденный кладовскальской ямой; г — с траншеей посередине

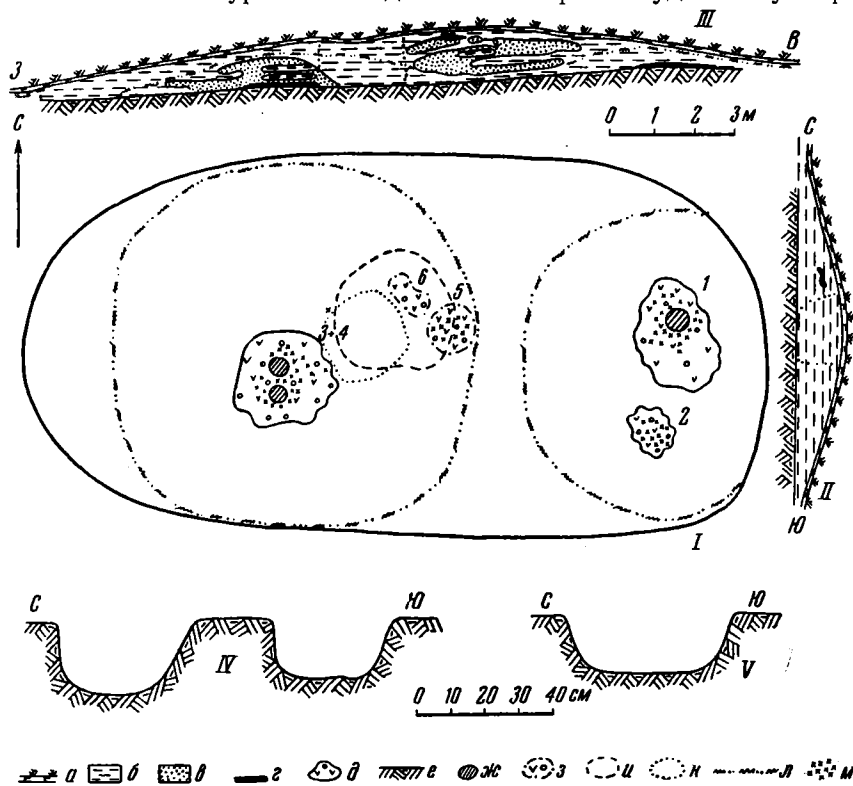

Рис. 2. Курган № 2 (план и профили бровок)

а — слой дерна; б — торфянистый грунт; в — известковый туф; г — захоронения (в профиле); д — захоронения на материке; е — материк; ж — погребальные ямки; з — захоронения в насыпи; и — предполагаемое место сожжения мужчины; к — кладовскальская яма; л — предполагаемые контуры первоначальных курганов; м — находки

В северной части кургана, без увеличения насыпи, вероятно, было совершено еще одно вводное захоронение, поврежденное кладоискательской ямой.

Погребенные в восточной части кургана на материке останки принадлежат женщине. Здесь найдены бусы, спиральные пронизки, подвески, височные украшения, браслет и т. д. (рис. 3, 1—6, 8—11, 13, 15). После сожжения трупа была вырыта в грунте небольшая округлая ямка (в попе-

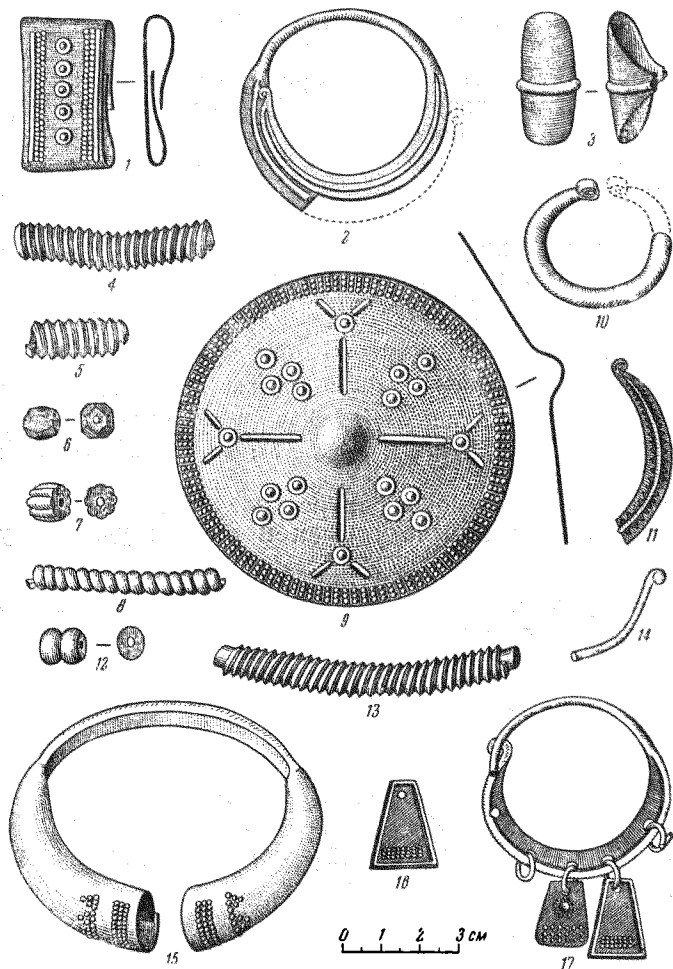

Рис. 3. Вещи из длинного кургана № 2 у дер. Цурковки

речнике северо-юг — 0,5 м, западо-восток — 0,6 м, глубиной 0,18 м; рис. 2, V), куда ссыпали часть остатков сожжения; остальное было сдвинуто к центру кострища. Остатки нетронутого кострища со следами трупосожжения прослежены на площади 2 × 2,6 м (рис. 2).

Кроме того, в 0,8 м южнее этого захоронения, на материке, имеются следы еще одного кострища округлой формы, около 1,0 м в поперечнике. Среди золы и угольков находились пережженные кости. Здесь же обнаружены женские украшения: бусы, спиральки, височные украшения и обломки других предметов (рис. 3, 4, 7, 8, 12, 16, 17). Наличие глиняной урны и височных украшений особого типа свидетельствует, что здесь было совершено другое захоронение останков женщины.

К западу, также на материке, было совершено захоронение двух человек: мужчины и женщины. Это подтверждает инвентарь: бусы, спираль-

ные пронизки, подвески, шпора, поясной набор, бляшки и пр. (рис. 3, 3, 5, 6; рис. 4, 7—15). В хорошо сохранившейся части кострища обнаружены два углубления в грунте материка, оба округлой формы (южная погребальная ямка диаметром северо-юг — 0,36 м, западо-восток — 0,38 м, глубиной 0,18 м, северная — диаметром северо-юг — 0,4 м, западо-восток — 0,46 м, глубиной 0,22 м) (рис. 2, IV). В обоих углублениях помещены пережженные кости с золой и углями, и здесь же найдено большое количество предметов. Однако определить, в каком углублении нахо-

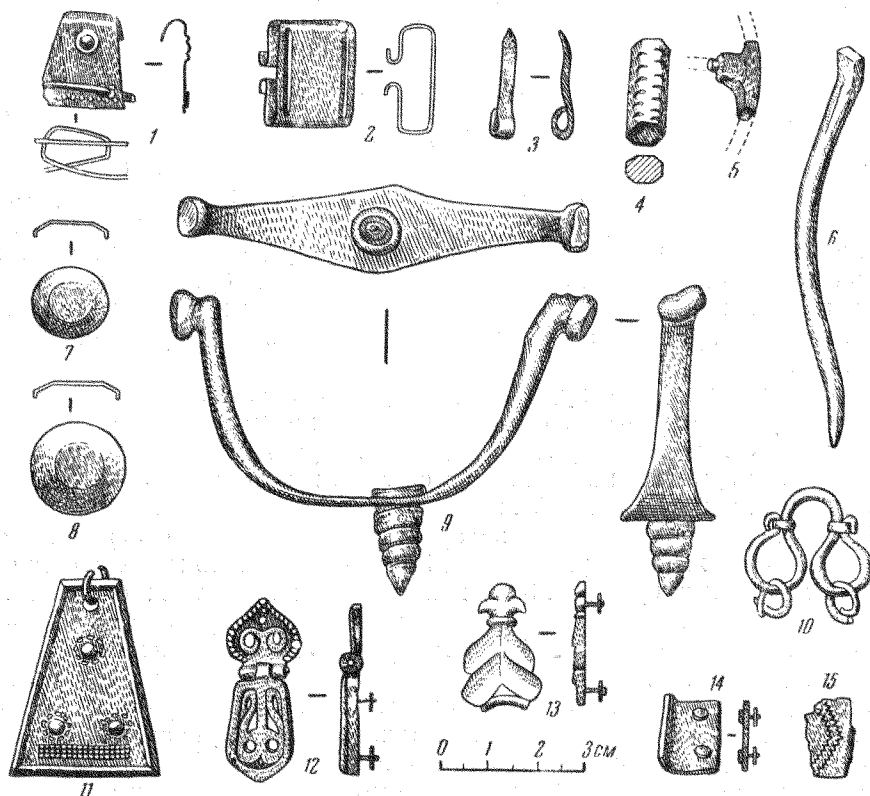

Рис. 4. Вещи из длинного кургана № 2 у дер. Цурковки

дились остатки мужского или женского погребения, не представляется возможным, так как женские предметы найдены в обоих углублениях вместе с мужскими. Вероятнее всего, было произведено одновременное сожжение мужчины и женщины. Судя по находкам на грунте материка, на костре, при сжигании женщина находилась юго-западнее, а мужчина — северо-восточнее. Углубления в грунте размещаются по линии север — юг, причем у южного углубления был поставлен разбитый глиняный сосуд. Северо-восточная часть кострища повреждена кладоискательской ямой.

Как под западными, так и под восточными погребениями на материке, под золой и дубовыми угольками, была прослежена очень тонкая прослойка из красноватой обожженной глины. Очевидно, расчищенную для трупосожжения площадку посыпали тонким слоем глины или суглинка, а затем на этом месте раскладывали костер. В результате сильного действия огня глина обжигалась и приобретала красный цвет. Остатки трупосожжения сгребались в кучу к центру, а часть их помещалась в специально вырытое углубление; глиняные сосуды разбивались сверху на остатках трупосожжения, причем их бросали вверх дном.

Пятое захоронение совершено между западным и восточным курга-

нами. Подсыпка для него заполняла углубление между насыпями курганов, и ее выравненная площадка была примерно на уровне вершин курганов. Она также была посыпана чистой глиной. Трупосожжение было совершено на стороне, а на выравненную площадку помещено лишь небольшое количество принесенных пережженных костей вместе с золой и дубовыми угольками. Сверху был брошен разбитый глиняный сосуд. Это захоронение бедно находками.

Остатки шестого захоронения найдены в северной стороне в поле кургана, у края кладоискательской ямы, которой они были повреждены. Скорее всего, это вводное захоронение в готовую курганную насыпь при трепосожжении на стороне. Причем и здесь остатки трепосожжения были высыпаны на небольшую ровную площадку и был брошен разбитый глиняный сосуд. Таким образом, можно предполагать, что в кургане было совершено шесть захоронений (рис. 2, 1—6).

Раскопки длинных курганов дают в большинстве случаев очень бедный погребальный инвентарь. Это объясняется тем, что, во-первых, трепосожжение в большинстве случаев проводилось на стороне и в курган попадала только небольшая часть уцелевших от огня предметов, во-вторых, при очень сильном огне костра большинство серебряных, бронзовых и стеклянных вещей расплавлялось и превращалось в сплавы и капли металла, которые находят при всех захоронениях, но по которым трудно определить предметы.

В описываемом нами кургане, где трепосожжение было совершено на месте сооружения кургана, часть предметов, попав на материк, не была уничтожена огнем, поэтому здесь удалось получить сравнительно богатые комплексы предметов, позволяющие сделать некоторые сравнения.

Рассмотрим погребальный инвентарь по захоронениям.

Первое, основное восточное захоронение на материке содержало большое количество женских украшений. Здесь обнаружено много синих стеклянных 14-гранных бус (рис. 3, 6) как сохранившихся, так и оплавленных. Такого типа бусы широко распространены в длинных курганах Смоленской области, они найдены у деревень Арефино, Лопино, Василенщина, Заборье и в других местах. Найдены многочисленные бронзовые спиральные пронизки двух типов (рис. 3, 4, 8) и орнаментированные бронзовые бляшки (рис. 3, 1). Из этих элементов составлялись головные украшения — венчики, часто находимые в могильниках люцинского типа². Особенно интересны височные украшения (рис. 3, 2, 11). В смоленских курганах они найдены целиком или в обломках у с. Слободы³, у дер. Хотынь⁴ и у дер. Слобода-Глушицы⁵. Совершенно такого же облика височные подвески (как по форме, так и по размерам) известны из курганов Литвы⁶ и из района Полоцка⁷. От шейной гривны обнаружены два обломка (рис. 3, 3, 13); она представляла собой большой бронзовый проволочный стержень, обмотанный тонкой, треугольной в сечении проволокой, со своеобразным замком. Такие замки на гривнах известны из клада у с. Ивахники⁸ и довольно часты в Люцинском могильнике. Большой бляхе с тисненным орнаментом в виде кружков и линий (рис. 3, 9) прямых аналогий мы не знаем; мень-

² Люцинский могильник. МАР, № 14. Древности северо-западного края, т. I, вып. 2. СПб., 1893, табл. VIII, 18.

³ А. А. Спицын. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губ. ЗОРСА РАО, т. VIII, вып. I, СПб., 1906, стр. 206, рис. 36.

⁴ Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. МИА, № 6, 1941, табл. VIII, 17, 18.

⁵ Е. А. Шмидт. Раскопки длинных курганов в Смоленской области. КСИМК, вып. 54, 1954, стр. 149, рис. 68, 8.

⁶ Ф. В. Покровский. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии. Тр. IX АС, т. I, М., 1895, стр. 183, рис. 56.

⁷ А. Н. Ляуданскі. Археолёгічныя досьледы у Полацкай акрузе. Працы археолёгічнай камісіі, т. II, Менск, 1930, стр. 194, табл. VI, 36—39.

⁸ Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1954, табл. I, 4.

шего размера бляхи неоднократно обнаружены в курганах у дер. Арефино Смоленской области⁹.

Маленькие подковообразные бронзовые застёжки (рис. 3, 10) довольно часто встречаются в длинных курганах.

Интересен бронзовый браслет с расширенными концами (рис. 3, 15). Середина браслета представляет четырехугольную пластинку, концы браслета расширены и образуют полые трубки, по наружной стороне расширенной части нанесен орнамент в виде ложной зерни (выдавлен с внутренней стороны). Подобного типа браслеты с полыми широкими концами

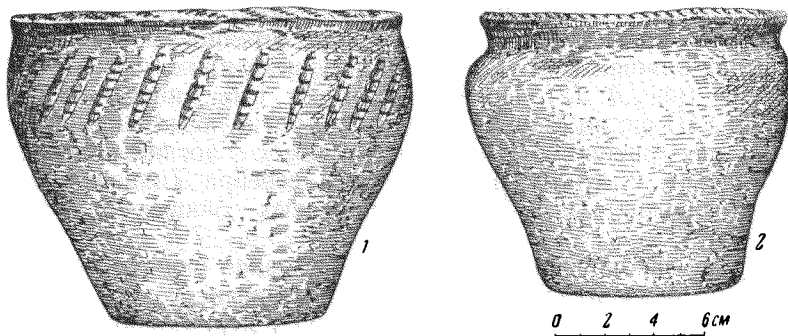

Рис. 5. Глиняные сосуды из длинного кургана № 2 у дер. Цурковки

известны из кладов, зарытых в начале VIII в. в Среднем Поднепровье и в районе Киева¹⁰; несколько отличает их характер орнаментации.

Глиняный сосуд, склеенный из обломков (рис. 5, 1), имеет горшковидную форму; изготовлен вручную без помощи гончарного круга из красноватой глины, включающей значительное количество отошающей примеси (песка и мелкой дресвы). Сосуд хорошо обожжен и в изломе имеет однородный красный цвет, однако глина размешана плохо и примеси распределены неравномерно. Сосуд очень плохой сохранности, механическая прочность невелика. Дно плоское. По плечу сосуд украшен орнаментом в виде наклонных гребенчатых вдавлений; такие же вдавления нанесены по краю венчика. Сосуды с подобным орнаментом были найдены в длинных курганах у деревень Слобода-Глушицы и Ямщицино.

Второе захоронение в восточной части кургана на материке содержало также только женские украшения. Здесь было большое количество бронзовых спиральных пронизок (типа изображенных на рис. 3, 4, 8), которые либо составляли головной жгут, либо входили в ожерелье совместно с бусами. Бусы встречены трех типов: 1) синие стеклянные 14-гранные (рис. 3, 6); 2) синие стеклянные ребристые (рис. 3, 7); 3) желтоватые стеклянные двойные (рис. 3, 12).

Височные украшения с пятью трапецевидными подвесками из этого захоронения весьма своеобразны (рис. 3, 17), близкие им по типу встречены в длинных курганах Смоленщины у дер. Арефино¹¹, но там имелось четыре отверстия для подвесок. Другие аналогии среди височных украшений нам неизвестны. Зато типологически они связываются с плоскими шейными гривнами, распространенными западнее, вплоть до Прибалтики¹², и иногда встречаемыми в рязанских могильниках¹³. В этом же захороне-

⁹ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, рис. 14, 1, 5.

¹⁰ Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. СА, XXII, 1955, стр. 75, 77, рис. 4, 5, 6.

¹¹ Н. Н. Чернягин. Ук. соч., табл. IV, 16.

¹² Люцинский могильник, табл. III, 11.

¹³ П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Материалы по этнографии, т. III. Л., 1926, рис. 4 и 5, стадии С₂ и Д.

нии найдена трапециевидная подвеска (рис. 3, 16) от височного украшения.

Глиняный сосуд обычной формы, типа изображенных на рис. 5, был брошен на кострище вверх дном и разбит. Он изготовлен из красной глины с примесью большого количества дресвы, поверхность неровная, сохранность плохая.

На материке в западной части кургана было совершено два захоронения (мужское — третье и женское — четвертое); вероятно, они одновременны.

При остатках мужского и женского сожжений в углублениях найдено большое количество обгоревших и целых предметов. К мужскому инвентарю относятся предметы поясного набора, состоящие из бронзовых массивных литых бляшек (рис. 4, 13) и бронзовых литых массивных бляшек на шарнире (рис. 4, 12). Последние имеют себе аналогии в могильниках VII и VIII вв. на Мораве и Дунае у Братиславы¹⁴. К мужскому захоронению, несомненно, относятся округлые с плоским верхом тонкие бляшки (рис. 4, 7, 8) из низкопробного серебра (или же из сплава серебра и бронзы) и обломки бронзовых бляшек с заклепками (рис. 4, 14).

К этому же захоронению относится и железная шпора (рис. 4, 9). Подобная шпора была найдена в удлиненном кургане у дер. Слобода-Глушицы¹⁵. Однако весь инвентарь из курганов у дер. Слобода-Глушицы не содержал предметов, которые можно было бы точно датировать, а аналогий среди курганных древностей второй половины I тысячелетия н. э. этой шпоре не было, поэтому ее пришлось сравнивать с более древними вещами Средней Европы. Вообще шпору таких форм возникли в позднем латене; изготовлялись они тогда из бронзы; затем подобные формы, изготовленные из железа, известны из пшеворских могильников вплоть до V в. н. э., но бытовали они и позже¹⁶. Учитывая весь комплекс предметов из кургана у дер. Цурковки, можно говорить, что подобные шпору встречались и в VII—IX веках.

Женское захоронение на материке в западной половине кургана содержало синие оплавленные стеклянные бусы, бронзовые спиральки из трехгранной проволоки (рис. 3, 5) и специфические проволочные украшения (рис. 4, 10), к которым подвешивались орнаментированные трапециевидные подвески (рис. 4, 11). Спиральки и проволочные украшения с трапециевидными подвесками широко распространены в длинных и удлиненных курганах; бытуют они широко во второй половине I тысячелетия н. э. Из этих украшений составлялись головные жгуты, известные на западной границе распространения длинных курганов в могильниках люцинского типа¹⁷.

Обломки глиняной посуды, найденной на кострище в западной половине кургана, относятся к небольшому плоскодонному сосуду, типа изображенного на рис. 5, 2. Сосуд изготовлен из красноватой глины со значительной примесью крупной дресвы. Глина перемешана плохо, но хорошо обожжена. Поверхность сосуда сглажена слегка шероховатым предметом; имеется бесцветная тонкая исчерченность. Дно сосуда покрыто мелким песком. Никакого орнамента нет. Подобные сосуды встречаются во многих длинных курганах Смоленщины¹⁸.

Пятое захоронение на подсыпке в центре кургана содержало очень мало вещей, так как сожжение проводилось на стороне. Это в большинстве

¹⁴ J. Eisner. Devinska Nova Ves. Bratislava, 1952. Оковки ремня из могил всадников № 62 и № 116, obr. 10/4 и 16/11.

¹⁵ Е. А. Шмидт. Ук. соч., рис. 68, 3.

¹⁶ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 133—134, рис. 34.

¹⁷ Люцинский могильник, табл. I, 11.

¹⁸ А. Н. Ляуданскі. Археологічныя досьледы у вадазборах рр. Сожа, Дняпра и Касплі..., стр. 281, табл. III.

случаев обломки предметов и сплавы. Из наиболее сохранившихся нужно отметить бронзовую трапецевидную подвеску с орнаментом, использованную вторично как набоечку (рис. 4, 1), и плоскую бронзовую обоймичу (рис. 4, 2). Кроме того, здесь был бронзовый язычок от пряжки (рис. 4, 3), бронзовый обломок гривны с насечкой (рис. 4, 4). Такая насечка, как прием украшения шейных гривен, бытует довольно поздно и известна в Люцинском могильнике¹⁹. Две другие находки (рис. 4, 5, 6) трудно определимы. Глиняный сосуд, найденный в обломках, по форме несколько отличается от остальной посуды (рис. 5. 2). Он несколько выше, плечики выражены ярче и венчик более отогнут, по краю венчика идет насечка, нанесенная несколько наискось. Сосуд очень плохого качества. Глина черная с добавкой дресвы, обжиг плохой, нижняя часть сосуда на изломе черная или трехцветная, в середине черная, а по наружному и внутреннему краю сероватая или желто-серая.

Сосуды с орнаментом в виде насечки по краю венчика встречены также в длинных курганах у дер. Арефино.

Шестое вводное захоронение в насыпи кургана было значительно повреждено кладоискательской ямой, а в сохранившейся части, среди кальцинированных костей, кроме отдельных фрагментов глиняной посуды, найдены только бронзовые сплавы.

Описанные нами материалы из курганной группы у дер. Цурковки позволили сделать ряд интересных наблюдений, дополняющих наши сведения о длинных курганах Смоленского Поднепровья, сооружение которых продолжалось и в VIII—IX вв. н. э.

---

¹⁹ Люцинский могильник, стр. 24, рис. 4.

Т. В. НИКОЛАЕВА

О НЕКОТОРЫХ НАДГРОБИЯХ XV—XVII вв. ЗАГОРСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

На территории Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника за последнее время открыты интересные белокаменные надгробия с надписями XV—XVII вв. Они дают новые сведения о некрополе одного из наиболее древних и богатых монастырей Московской Руси, каким был монастырь Троице-Сергиев.

С XIV века в Троице-Сергиевом монастыре погребали представителей высшей феодальной знати, служилого дворянства, духовенства, торговых людей, слуг и крестьян монастырских, приносивших вклады «на помин души». За шесть столетий территория монастыря превратилась почти в сплошной некрополь. Его древняя часть является своеобразным отражением строгой феодальной иерархии, соблюдавшейся и при погребении. В наиболее почетных местах, вблизи главных соборов и церквей, хоронили представителей «больших» родов (на что им давали право богатые пожалования), а ближе к восточной крепостной стене погребали «слуг и крестьян монастырских».

Таким образом, новые надгробия являются не только ценными памятниками русской эпиграфики, но и своеобразными историческими «документами», содержащими, кроме сведений о погребенном, еще и косвенные данные по истории монастыря.

Интерес к исследованию некрополя Троицкого монастыря впервые проявился в XVII в. Тогда был составлен список погребенных по плитам, находившимся на поверхности земли. Полуистертые надписи некоторых надгробий оказались непочитанными, а многие камни были уже скрыты землей: «А камней и надписей на них не знать, вросли в землю»¹.

В 1873 г. была сделана новая запись погребенных. Список составляли по историческим документам и по надписям на старых и новых надгробиях².

Насколько оба списка погребенных неполны, можно судить даже по тем случайным находкам, которые являются предметом данного исследования.

Для изучения надгробий мы располагаем рядом монастырских документов, не относящихся непосредственно к некрополю.

Наиболее ценной является книга записей вкладов в Троицкий монастырь 1673 г., включившая в себя и две книги 1639 г. Дополнением к Вкладной являются Кормовой синодик 1674 г., составленный также на основе более древних записей, и Синодик Ивана Грозного 1575 г., дошедший до нас в списке 1680 г., сделанном по инициативе боярина Богдана

¹ Список надгробий Троице-Сергиева монастыря XVII в. Изд. Ундольского. ЧОИДР, 1846, № 2, стр. 33.

² Запись погребенных в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре 1873 г. Рукопись. Загорский историко-художеств. музей, инв. № 174.

Матвеевича Хитрово³. Эти книги помогают либо определить принадлежность плит, если они сохранились в отдельных фрагментах, либо полностью восстановить на них надпись.

Надгробия, о которых будет идти речь, найдены при строительных и реставрационных работах, производившихся на территории заповедника. Всего за последнее время найдено семь надгробий. Наиболее раннее из них — 1494 г., четыре надгробия — XVI в., два — XVII в.

Списки погребенных XVII в. и 1873 г. не содержат никаких данных для восстановления надписей на плитах и определения их принадлежности. Основные сведения для этого мы находим во Вкладной книге 1673 г.

1. Надгробие 1494 г. (рис. 1) является одним из немногих монументальных эпиграфических памятников XV в. Оно было найдено в 2 м от южной стены паперти Никоновской церкви на глубине 1,10 м. Размеры плиты очень небольшие: 133 × 47 × 9 см.

Узкая и тонкая белокаменная плита 1494 г. имеет четкую геометрическую резьбу и следующую высеченную надпись: «ЛѢТ 7002 ГО (1494) ПОЛОЖЕ[...] БЫС РАБЪ БЖ[...] И РОМАНОВ[...] СЪЕВ». Надпись размещена необычно. Как правило, надпись помещали в верхней части плиты под клеймом в виде круга или полукруга, а под надписью на нижнем конце изображали круглое клеймо, от которого к боковым сторонам шли две закругленные тяги и одна прямая — к нижнему краю. Здесь же надпись помещена так, что нижняя часть плиты оказалась верхом, а сама надпись прямой тягой разбита по вертикали. Очевидно, белокаменные орнаментированные надгробия заготавливались заранее, а надпись наносилась уже после покупки. О том, что плита сделана не одной рукой, говорит и орнамент, который здесь наведен четко и хорошо распределен на поверхности, а надпись высечена небрежно (буквы разной величины, расстояния между строк неравные). Интересно, что плита лежала так, что надпись оказалась у погребенного в ногах, т. е. она была положена согласно распределению на ней орнамента, а не надписи.

Плита 1494 г. имеет близкое сходство с плитой 1513 г., изданной В. Н. Щепкиным⁴. Для этих двух ранних плит характерно полукруглое клеймо из правильно расположенных прямоугольных треугольников, а не в виде лучей, исходящих из общего центра, как на более поздних надгробиях.

На плите 1494 г. имеются остатки надписи, позволяющие определить погребенного по документам: буква «И» — видимо, конец имени, «РОМАНОВ» — отчество, «СЕЕВ» — конец фамилии. Во Вкладной книге имеется

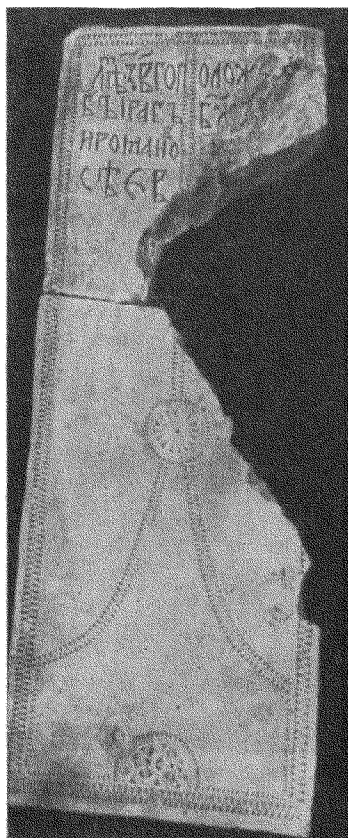

Рис. 1. Надгробие 1494 г. Юрия Романовича Алексеева

³ Вкладная 1673 г., рукопись, инв. № 5561; Синодик 1680 г., рукопись, инв. № 224. Книги хранятся в Загорском музее.

⁴ В. Н. Щепкин. Описание надгробий. Отчет Российского Исторического музея за 1906 г., ч. I, М., 1907, стр. 75.

следующая недатированная запись: «...дал вкладу Юрьи Романов снъ Олексеевъ по себе и по своих родителейъ вотчину свою в Боровском уезде, в Щитовском стану село Романовское на реке на Наре з деревнями и со всеми угоды... Юрьи же Романов снъ Алексеева⁵ дал вкладу по себе и по своих родителейъ вотчину свою в Ростовском уезде два сельца Загорье да Петрецово со всеми угоды...»⁶. Представители рода Алексеевых Роман и Юрий записаны и в Кормовом синодике Троицкого монастыря с перечислением приведенных выше вкладов⁷. Пожалования Алексеевых давали им право быть погребенными в Троицком монастыре и вписанными в Синодик, по которому совершались поминательные кормы в соответствующие памятные дни.

Рис. 2. Надгробие 1538 г. (по старому стилю — 1539 г.) Василия Васильевича Шуйского

Других лиц с отчеством «Романов» и фамилией, оканчивающейся на «сеев», в монастырских документах нет. Так что записи в Кормовой и Вкладной книгах и надпись надгробия надо считать относящимися к одному и тому же лицу. Следовательно, надпись на плите можно восстановить так: «ЛЕТ 7002 (1494) ГО ПОЛОЖЕН БЫ[СТЬ] РАБ Б(О)ЖИЙ ЮРЬИ РОМАНОВ СНЪ АЛЕКСЕЕВ». От слова «сын» на плите осталось титло.

В XV в. известен дьяк Роман Алексеев (должно быть, отец упоминаемого во Вкладной Юрия)⁸. Вместе с Леонтием Алексеевым он был послан великим князем Иваном III в покоренную Тверь для приведения к присяге ее жителей, «да и от своей силы беречи, чтобы не грабили»⁹. Надгробие уточняет и датировку вотчинных вкладов Алексеевых, записанных во Вкладной без точного года, т. е. дает возможность отнести их к концу XV в.

Судя по надписям, три следующие надгробия XVI в. принадлежали представителям высшей феодальной знати, приносившим в богатый и влиятельный Троицкий монастырь большие денежные и вотчинные вклады. Памятники относятся к бурной эпохе Ивана Грозного и представляют большой исторический интерес.

2. Надгробие 1538 г. (рис. 2) сохранилось в виде обломка неправильной формы (64 × 57 × 18 см) с обрывками высеченной славянской вязью надписи и орнаментом. Судя по величине шрифта надписи и орнаменту, плита имела большие размеры. Найдено под северной папертью Троицкого собора во время реставрации.

На надгробии читаются следующие слова: «[...]ВАСИЛИЕВИЧ ШУИС [...] БЫС ВАРЛАМЪ». Кроме этих слов, в верхней части плиты сохранилось несколько отдельных букв. По остаткам этой надписи можно предполагать, что плита являлась надгробием одного из представителей рода Шуйских с отчеством «Васильевич», должно быть принявшего монашество с именем «Варлам».

⁵ Слово «Алексеев» в первом случае написано через «о», а во втором — через «а».

⁶ Л. 561, гл. 470. Род Алексеевых.

⁷ Кормовой синодик 1674 года, л. 81 об.

⁸ Русский биографический словарь, т. II, Алексинский — Бестужев-Рюмин. СПб., 1900, стр. 17.

⁹ ПСРЛ, т. I, СПб., 1848, стр. 156; т. VI, СПб., 1853, стр. 22, 36, 278.

Во вкладной книге 1673 года находим следующие две записи:

«7047 (1539) го году ноября въ 1 день дал вкладу князь Иванъ Васильевич Шуйский по брате своем князе иноке Варламе денег сто рублев»¹⁰.

«7056 (1548)го году июня в 17 день государь царь и великий князь Иванъ Васильевич всеа Русии пожаловал по княгине Настасье по князь Васильевской Шуйского денег двести рублев».

Рис. 3. Надгробие 1542 г. княгини Ульяны Суцкой

В Кормовом синодике 1674 года среди представителей рода Шуйских мы также находим того же «князя инока Варлама» и рядом с ним княгиню Анастасию¹¹. Рассмотрим эти записи. Князь Иван Васильевич Шуйский вкладывает по брате своем князе иноке Варламе сто рублей денег 1 ноября 1539 г. Иноческое имя давали обычно по созвучию со светским именем, и чаще всего имя «Варлам» давали Василиям. В октябре месяце этого же года умер знаменитый временщик Василия III и Елены Глинской князь Василий Васильевич Шуйский, старший брат Ивана Васильевича Шуйского, известного своей дерзостью и своеволием в малолетство Ивана IV Грозного¹². Василий Васильевич Шуйский уже в преклонных годах, лет пятидесяти или более, женился на юной двоюродной сестре Ивана Грозного Анастасии, матерью которой была дочь Ивана III, а отцом — казанский царевич Петр Кайдагул. Становится понятным, почему «по княгине Настасье по князь Васильевской Шуйского» двести рублей вложил Иван Грозный и почему имена князя инока Варлама и княгини Анастасии стоят рядом в Кормовом синодике. Эти соображения подтверждаются записями в Синодике Ивана Грозного, переписанном в 1680 г.

¹⁰ Л. 254, об. и 255, гл. 108. Род Шуйских-Скопинных. И во Вкладной и в Кормовой книгах представители рода Шуйских и Шуйских-Скопинных записаны вместе под общим заголовком: «Род Шуйских-Скопинных». Вклады последних были более значительными и, должно быть, поэтому им отдано предпочтение в монастырских документах XVII в.

¹¹ Л. 114 и 114 об. Декабрь. Гл. 108.

¹² Так как Василий Шуйский умер в октябре, то по старому стилю это уже был новый, 1539 г., считая начало года с сентября. Таким образом, вклад Ивана Васильевича Шуйского был сделан в том же году, когда умер его брат Василий.

На листе 79 об. написано: «монаха Варлаама». Сверху пометка киноварью: «князь Шуйский». На листе 165 запись повторена: «князя монаха Варлаама»; сверху киноварью приписано: «Шуйской»; на поле же листа против имени поставлен год: 7047 (1539). Как видим, Шуйский записан

в Синодик под тем же годом, в котором его брат Иван сделал по нем вклад. Интересно, что на листе 264 Синодика имеется запись: «Княгини Анастасии»; сверху киноварью написано: «Шуйского».

Василий Васильевич Шуйский внезапно заболел и умер в октябре 1538 г. (по старому стилю 1539 г.). Должно быть, незадолго до смерти по обычаю того времени его постригли в монахи и дали имя «Варлам». Таким образом, можно считать установленным, что князь Василий Васильевич Шуйский был погребен в Троицком монастыре у главного древнего Троицкого собора, а фрагмент его надгробия, следовательно, можно датировать 1538 г.

3. Надгробие 1542 г. (рис. 3), найденное у юго-западного угла Духовской церкви, представляет собой верхнюю часть плиты (длина — 61 см, ширина сверху — 62 см, внизу — 60 см, толщина — 10 см). Орнамент этой плиты проще, чем на плите 1538 г. Надпись на плите спускается ниже полукруглых тяг. Ее содержание следующее: «ЛѢТА 7050 АГО (1542) МЧА ЮНЯ В 18 ДЕ ПРЕСТАВИСЯ КНЯИНЯ УЛИЯ [...] ОКА ЕУПРАКЪСЕЯ КНЯЖ ФЕДОРА ЮРЬЕВИЧА СУЦКОГО». Можно думать, что в сбитой части были

Рис. 4. Надгробие 1572 г. Евдокии Кутузовой. (Деталь)

буквы «УЛИЯ [НИЯ ИН] ОКА», т. е. Евпраксия — иноческое имя княгини. В надписи дважды встречается лигатура «ПР» и лигатура «МЧ».

Во Вкладной мы находим следующие записи:

«Род Суцких.

7020 (1512) го году марта въ 3 день по князе Федоре Суцкомъ дано вкладу денегъ 50 рублевъ.

7046 (1538) го году октября в 3 день дала вкладу княгиня Ульяна Суцкая по сыне своем иноке Иеве шубу черева бельи под камкой вишневую з золотомъ да денег 50 рублевъ.

7051 (1543) го году июня в 3 день далъ вкладу князь Иван Федоровичъ Суцкой по матери своей княгине иноке Еупраксее денег 50 рублевъ»¹³.

Вкладные записи дают возможность прочесть утраченную часть надписи на плите так: «ЛѢТА 7050 (1542) АГО М(ЕСЯ)ЧА ЮНЯ В 18 ДЕ(НЬ) ПРЕСТАВИСЯ КНЯ(Г)ИНЯ УЛИЯНА ИНОКА ЕУПРАКЪСЕЯ КНЯЖ ФЕДОРА ЮРЬЕВИЧА СУЦКОГО».

¹³ Л. 124, гл. 10. Род Суцких.

В Кормовом синодике запись о вкладах Суцких обобщена. Кроме перечисленных выше, здесь записаны и другие вклады: вотчины, драгоценные предметы и большая сумма денег — 9174 рубля¹⁴. В Синодике, изданном А. В. Горским¹⁵, кроме этих, упоминаются еще и новые вклады, сделанные невесткой Ульяны Суцкой, княгиней Аграфеной (в иночестве Александрой); там упоминаются и деревни, находящиеся вблизи Троицкого монастыря: «Деревня Неронова у Пречистые Богородицы под Сосною, да деревня Юрьево Копнина в Радонежском уезде».

Обращает на себя внимание богатство вкладов Суцких в Троицкий монастырь. Из Синодиков и Родословцев известно, что угасающий род Суцких, являвшихся отпрыском когда-то могущественных князей Ярославских, имел всего два поколения по мужской линии. Родоначальником их был Федор Юрьевич Суцкой, упоминаемый в надписи на надгробии, а его наследниками были два сына, оба Ивана с прозвищами Хромой и Меньшой; и тот и другой не оставили наследников, две же дочери одного из Иванов и княгини Аграфены умерли еще при жизни матери. Так что двумя братьями князьями Иванами Суцкими «то колено пресекалось», по выражению Бархатной книги¹⁶.

Отсутствие прямых наследников, возможно, и объясняет то, что Троицкому монастырю Суцкими были даны большие вотчинные и денежные вклады. Крупный феодал, каким был Троицкий монастырь, поглощал владения угасающих потомков великих князей, предоставляя им право быть погребенными за его стенами, а их имена вписывали «в вечные сенаники».

4. Надгробие 1572 года (рис. 4) сохранилось полностью, хотя и разбито пополам (длина — 1,78 м, ширина сверху — 72 см, внизу — 59 см, толщина — 18 см). Найдено на глубине 1,10 м в той же траншее, где и надгробие 1494 г.

Надпись отличается красотой шрифта, умелым и правильным ее распределением: «ЛѢТА 7080 Г̄ (1572) ГЕНВАРЯ В 10 ДН НА ПАМЯТ ИЖЕ ВО СТЫХ ОТЦ НШЕГ̄ ГРИГОРИЯ ЕПИСКУПА НИКИСКАГ̄ ПРЕСТАВИСЯ РАБО БЖІЯ ЕВДОКѢА ВО ИНОЦЕХ ЕФРОСИНЯ ОНДРѢВА ЖЕНА МИХАЙЛОВИЧА КУТУЗОВА». Вязь надписи — с многочисленными лигатурами.

Во Вкладной книге 1673 года о Кутузовых мы находим следующие записи: «7061 (1553) году марта въ 8 день дала вкладу Овдотья Ондреева жена Кутузова по дочери своей княгине иноке Марфе денег сто рублевъ».

7078 (1570) году по Андрее Кутузове да по жене его Евдокее дала вкладу дочь их цря Семіона кн гня (разрядка моя — Т. Н.) Марья вотчину свою по отце своемъ и по матери своей и по себе пустошь, что было село Тархово з деревнями в Русскомъ уезде, а в селе храмъ Семиона Богоприимца на предел преображения господня, а к селу осмнатцать деревень пустых со всеми угоды, а сколко в той вотчине пашни и какихъ угодей и за сколко денег дана, того не написано, а даная писана въ вотчинной книге въ Рузе, глава...

7090 (1572) году кн гня же Марья дала вкладу по отце своем Ондрее да по матери своей Евдокеи да по сестре своей княгине Марье и по себе вотчину свою в Дмитровском уезде селцо Биливое со всеми угоды, а в селе храмъ чудотворца Сергия, пашни в вотчине треть сохи да пятнадцать десятинь хоромного лесу, да два пруда с карасми а за сколко денег дана того не написано, а даная писана в вотчинной книге в Дмитрове, глава...

¹⁴ Кормовой синодик 1674 года. Л. 235. Июнь. Гл. 10.

¹⁵ А. В. Горский. Историческое описание Троице-Сергиевой Лавры, ч. II, М., 1890, стр. 56.

¹⁶ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих (Бархатная книга) Изд. Новикова, ч. I, М., 1787, стр. 175.

Да по Овдотье ж Одреева жене Кутузова вкладу написано в ризных описных книгах 83 году»¹⁷.

Последние вклады Марии Кутузовой, жены царя Семиона Бекбулатовича, были сделаны как раз в год смерти ее матери, Евдокии Кутузовой, которой принадлежит это надгробие.

Рис. 5. Надгробие 1605 г. Савостьяна Квасника

Значительные вотчинные вклады Кутузовых можно объяснить чрезвычайным обеднением старинных дворянских родов в результате кризиса второй половины XVI в и упадка старинных вотчин. Неслучайно упоминание во вкладе Марии Кутузовой «пустошь что было село Тархово... да осмнатцать дрвнь пустых со всеми угоды». Разоренные и пустующие вотчины отдавали монастырям, которые, будучи заинтересованными в их приобретении, могли оказывать дарителю покровительство. Это был период наибольшего роста феодальных владений монастырей¹⁸.

Кутузовы начали служить при Дмитрии Донском. Андрей Михайлович, упоминаемый на надгробии, был сыном Михаила Васильевича Кутузова — боярина Новгородского архиепископа Геннадия и родной племянник Бориса Васильевича, окольничего Ивана III, близкого друга Иосифа Волоцкого. К этому же роду принадлежал великий полководец Михаил Илларионович Кутузов-Смоленский.

5. Надгробие 1576 г. сохранило лишь верхнюю часть (длина — 64 см, ширина вверху — 62 см, ширина внизу — 69 см, толщина — 18 см). Пли-

¹⁷ Вкладная 1673 г. Род Кутузовых. Л. 206.

¹⁸ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси, т. I, ч. I, М.—Л., 1947, стр. 94—97.

та была найдена к востоку от абсид Духовской церкви 11 августа 1953 г. По борту плита украшена лентой плетенки, плетенка обрамляет и «вращающуюся розетку» в верхнем полукружии. На плите читается следующая надпись «ЛѢТА 7084 (1576) ГД МСЧА ИЮНЯ В [...] СТАГ МЧНКА УЛИЯНА ТА [...] (возможно и «УЛИЯНА ТАРСЯНИНА», праздник ему 21 июня) ПРЕСТАВИСЯ РАБ БОЖИЙ ВАСИЛЕЙ...».

В надписи имеется ряд лигатур.

Перечень XVII века в числе погребений, находящихся неподалеку от Духовской церкви (место могилы в перечне указывается только приблизительно), упоминает о погребении Василия Григорьевича Злобина, в надгробии которого написано: «летописей не знать». Во Вкладной книге 1673 года под 82-м (1574) годом находим вклады жены Злобина Анны: «82 (1574) же году декабря в 6 день дала вкладу Анна Васильевна жена Злобина денегъ десять рублевъ. Того же 82 (1574) году апреля 26 день Анна дала вкладу денегъ пятнадцать рублевъ»¹⁹.

В Кормовой синодик Василий Злобин не был вписан, вероятно, потому, что вкладов Злобиных было недостаточно, чтобы по ним совершали даже «корм меньшей», для которого денег или «рухляди» нужно было не менее, чем на 500 рублей.

Поскольку фамилия на плите сбита, а список надгробий не указывает точного места погребения, то мысль о принадлежности плиты 1576 г. Злобину может быть высказана только предположительно.

6. Плита 1605 г. (рис. 5) сохранилась почти полностью; отбита лишь небольшая часть нижнего края. Плита была найдена в 20 м от южной стены бывшей книжной палатки и в 20 м от Предтеченского корпуса, на глубине 1,10 м (длина — 1,5 м, ширина сверху — 65 см, ширина внизу — 50,5 см, толщина — 23,5 см). Орнаментация сходна с плитой 1576 г., борты украшены ложчатым орнаментом между двух полос каймы с косыми насечками.

На плите читается следующая надпись: «ЛѢТ 7113 (1605) МАРТА В 3 ДН ПРЕСТАВИС РАБ БЖ ИНОК САВОСТЬЯН КВАСНИКЪ».

Имеются лигатуры.

В списках погребений упоминаний о Савостьяне Кваснике нет. Но, должно быть, к нему во Вкладной книге в главе «Москвичи торговые и всякие люди» на листе 362 об. имеется запись: «108 (1600) го году дал вкладу москвитин Стефан Захарьинъ снъ Квасникъ днгъ 10 рублев и затот вклад ево постригли». После пострижения, очевидно, он получил имя Савостьяна. По-видимому, это было лицо незначительное и далеко не первостепенное среди монастырской братии, о чем можно судить и по месту погребения. По списку надгробий XVII века, в юго-восточном углу мона-

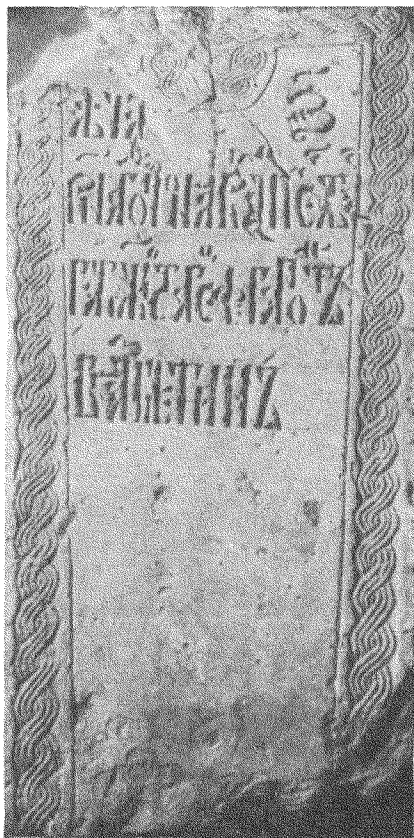

Рис. 6. Надгробие 1646 г. Ферапонта Вяземгина

¹⁹ Л. 183, гл. 47.

стыря, между Трапезной, Варваринским и Предтечинским корпусами, хоронили в основном крестьян монастырских, «а больших родов нет»²⁰.

Слово «Квасник», несомненно, является прозвищем Савостьяна, полученным по основному его занятию, которое, надо думать, он продолжал и в монастыре. Во Вкладной книге часто встречаются такие прозвища-фамилии, как «Серебряник», «Холщевик» и др. Изготовление квасов в монастыре являлось необходимым и традиционным делом. Так, например, опись монастыря 1641 г. указывает, что в теплом погребе вместе со множеством разных питий находились «четыре бочки ячнова квасу по сороку ведер в бочке итого сто шестьдесят ведер». Один из монастырских квасоваров и был погребен под плитой 1605 г.

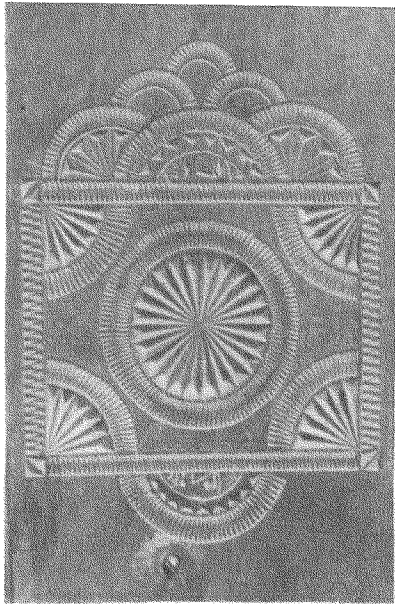

Рис. 7. Деревянная прялка. Ярославская обл., XIX в. (Деталь)

7. Плита 1646 (рис. 6), подобная предыдущей, но более скромная и меньших размеров (длина — 1,15 м, ширина вверху — 62 см, внизу — 46 см, высота — 13 см) найдена в строительном мусоре под гульбищем Трапезной с северной стороны. Плита украшена жгутовым орнаментом только по краю и вокруг верхнего клейма; с боков — орнамент из косых линий. Надпись на плите следующая: «ЛѢТА 7154 АГО (1646) ИЮНЯ В 1 ДЕ ПРЕСТАВИСѢ РАБ ЖИ СТАРЕЦ ФЕРАПОНТЬ ВЯЗМЕТИНЪ». В надписи имеются многочисленные лигатуры.

Сведений о Ферапонте Вязметине в монастырских документах и в списках погребений нет. Прозвище «Вязметин», вероятно, указывает на его происхождение из Вязьмы.

Описанные надгробия по орнаменту и характеру надписи делятся на три типа.

К первому типу принадлежит надгробие 1494 г. Надпись на нем уставная, орнамент — геометрический. Полукруглое клеймо заполнено правильно расположенными прямоугольными треугольниками.

Вторую группу составляют три надгробия XVI в.; надпись вязью; орнамент геометрический; клейма — круг или полукруг с исходящими из общего центра лучами.

Наконец, к третьей группе относятся три надгробия XVI—XVII вв. Надпись вязью; орнамент — жгутовый; клейма — в виде «вращающихся розеток».

Наш материал подтверждает сделанный ранее вывод, что с первой половины XVI в. на смену геометрическому приходит орнамент жгутовый²¹. Некоторое время тот и другой орнамент сосуществуют. Так, одно из надгробий 70-х гг. украшено геометрическим орнаментом, другое — жгутовым. Имеются памятники, на которых сочетаются и тот и другой орнамент²².

Белокаменные надгробия XV—XVII вв. представляют интерес и как памятники искусства. Определенная традиционность орнамента и его расположения говорят о том, что он отражает давно установившиеся мотивы.

²⁰ Список надгробий Троице-Сергиева монастыря XVII в., стр. 4.

²¹ А. В. Арциховский. Надписи, найденные на метрострое. Сб. «По трассе первой очереди Московского метрополитена». М., 1936, стр. 160—161.

²² А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 161, рис. 103; В. Б. Гиршберг. Эпиграфические заметки. КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 128.

Так, исследователи отмечали, что клейма на надгробиях являются пережитком давно забытой символики языческих верований²³. И это совершенно верно и не случайно. Сам характер орнаментации надгробий был заимствован из народной резьбы по дереву, где символические мотивы воспроизводились постоянно.

Археологические находки в Новгороде с совершенной несомненностью доказывают, что искусству древних русских каменосечцев предшествовал большой опыт резьбы по дереву²⁴.

Так, все элементы орнамента на надгробиях имеют буквальную аналогию в деревянной народной резьбе XIX в. Надгробия Алексеева (1494), Шуйского (1538), Суцкой (1542), Кутузовой (1572) украшены узором из треугольников, свойственным резьбе по дереву. Эту манеру резьбы, называемую трехгранно-выемчатой, можно видеть, например, на ярославских прялках, солоницах, рубелях, трепалах для льна и т. д.

Распределение орнамента на надгробиях также было заимствовано из деревянной резьбы. Так, нечто подобное узору надгробия Ульяны Суцкой 1542 года мы находим в орнаменте гребня ярославской прялки, где имеется орнамент по краю, полукруг с отходящими от него лучами и закругленные тяги, идущие к боковым сторонам. А так называемые «вращающиеся розетки» встречаются на рубелях, трепалах для льна и других предметах.

Древний знак солнца на ярославской прялке конца XIX в. изображается не только символически, в виде лучей и круга, а и в виде двух личин — каждая с одним глазом, условно обозначенным носом и оскалом зубов. От личин-солнц отходят уже радиальные лучи (рис. 7). Центральный солнечный знак на этой прялке (круг и лучи) совершенно сходен с орнаментом, изображенным на надгробии Василия Васильевича Шуйского 1538 г.

Таким образом, белокаменные надгробия XV—XVII вв. представляют интерес не только для историка или палеографа, но и для историка народного искусства этой поры.

²³ В. Б. Гиршберг. Ук. соч., стр. 130.

²⁴ А. В. Арциховский. Великий Новгород по исследованиям 1953 г. Тезисы докладов на сессии отделения исторических наук и на пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. М., 1954, стр. 1.

Л. В. ВАНКИНА

РАСКОПКИ В САРНАТЕ в 1955—1956 гг.

Музей истории Латвийской ССР в 1955—1956 гг. продолжал начатые в предыдущие годы раскопки Сарнатской торфяниковой стоянки в Вентспилсском районе. В этой работе принимали участие местные жители, передавшие музею предметы, случайно найденные на территории торфяника и в его окрестностях. По сведениям местных жителей, янтарь, каменные грузила от сетей и другие предметы были ими найдены также и на окрестных лугах вплоть до оз. Семба. Очевидно, стоянка занимает большую территорию. Точно установленная часть стоянки занимает около 7 га в западной части болота. Из этой обширной территории всего исследовано 1590 м².

В 1955—1956 гг. были продолжены раскопки в южной части стоянки, к югу от дороги Сарнате — Семба, а также заложены новые раскопы к северу от р. Сарнате с целью проверки характера жилищ в этой части стоянки. Раскопками были вскрыты остатки двух жилищ и несколько отдельных очагов.

Остатки жилища были вскрыты в южной части стоянки недалеко от дороги Сарнате — Семба. От этого жилища сохранились концы вбитых в торф еловых и березовых кольев толщиной в 7—10 см. По расположению кольев прослеживались границы жилища, имевшего размеры около 30 м². Посредине помещения находился большой очаг, тщательно сложенный из песка, дерева и коры с толстыми прослойками из углистого песка и золы. На самом дне очага были сложены корни деревьев и выкорчеванный пень, поверх которых был насыпан толстый слой песка и коры. Очевидно, во время существования стоянки здесь встречались и листовенные породы. Вблизи очага найдено много обгоревших головешек, а в песке очага — большая примесь мелких осколков обгоревших костей. На восточной стороне очага, под выкорчеванным пнем, на глубине 0,68 м, была обнаружена небольшая тщательно отделанная деревянная мотыга (рис. 1, 2), рабочая часть которой была украшена углубленным геометрическим орнаментом; конец рукоятки украшен резной головкой животного. Длина мотыги — 32 см. Вблизи этого очага обнаружены две маленькие деревянные ложечки; рукоятка одной из них была украшена резной головкой животного (собаки?) с длинной, слегка согнутой шейкой, маленькими ушками, едва заметными глазами и открытым ртом.

Эти предметы являются древнейшими образцами резьбы по дереву в Латвии. Возможно, что они употреблялись также для нужд культа, так как, например, мотыга из-за своих незначительных размеров для работы непригодна.

В золе очага на северо-восточной стороне и на всей площадке жилища было обнаружено довольно много обломков посуды с волнистой поверхностью. Вокруг очага находился слой скорлупы водяных орехов, а с юго-восточной стороны его — нерасколотые орехи. В слое орехов вблизи очага обнаружена колотушка для орехов.

Это жилище сравнительно богато находками. Находки располагались на глубине 0,22—0,70 м. Здесь были найдены различные предметы рыболовства и охоты: каменные грузила от сетей, поплавки для сетей из сосновой коры, четыре ясеневых весла (рис. 1, 1) и их обломки, небольшой деревянный предмет (28,6 см длиной), напоминающий бумеранг (рис. 1, 3), два лука и др. Луки, разломанные на мелкие куски, были обнаружены в культурном слое на глубине 0,57 м. Один из них полностью реставрирован (рис. 1, 4). Лук ясеневый, плоский, длиной 1,44 м и шириной 5 см. Один край его закруглен, другой заострен. В центре дуги была сделана зарубка. Поверхность лука хорошо сглажена. От другого лука, подобного первому, обнаружен один конец и несколько обломков. По своей форме эти луки напоминают лук эпохи мезолита, найденный в Дании¹. В Латвии подобных находок до сих пор не было.

Найдено также орудие из рога оленя с выгнутым, хорошо обработанным острием, напоминающее тесло. В этом же жилище был найден кусок отесанного с обоих концов дерева, следы рубки на котором соответствуют ширине острия упомянутого орудия из рога. Обух у этого орудия отсутствует. Из янтарных изделий в этом жилище была найдена пуговка с V-образным отверстием и девять подвесок с грубо обработанной поверхностью, с отверстием, просверленным с обеих сторон.

Большой интерес представляют глиняные сосуды различной величины и формы. Один из них (рис. 2, 2) маленький (диаметр — 8,5 см, высота — 6,8 см), имеет остроконечное дно и выгнутый венчик. Плечики сосуда украшены отрисками ногтя, расположенными группами по три. Вблизи сосуда найдена маленькая овальная мисочка (длина — 15 см, ширина — 8 см и высота — 4 см), украшенная только по верхнему краю; поверхность ее покрыта грубой штриховкой (рис. 2, 1). Половина другой мисочки (рис. 2, 3) была найдена у очага. Обе мисочки внутри и снаружи, а в особенности по краям были сильно закопчены; возможно, что они употреблялись в качестве сковородок. Такие мисочки встречаются вблизи очагов и в других жилищах Сарнате. Подобные овальные глиняные мисочки вне Латвии были найдены на Курской косе в Калининградской области² и принадлежат к культуре шнуровой керамики.

На южной стороне жилища была обнаружена часть небольшого глиняного сосуда с гладкой поверхностью, с маленьким плоским доньшком. Верхняя часть сосуда утрачена: по форме сосуд напоминает сосуды шнуровой керамики³. В этой же связи следует упомянуть найденный в Сарнате в другом жилище черепок глиняного сосуда, подобной же чистой глины, с елочным орнаментом, характерным для поздней шнуровой керамики на побережье Балтийского моря⁴. Подобный сосуд в Латвии был най-

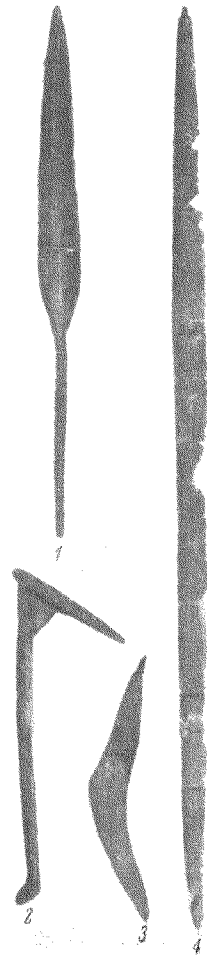

Рис. 1. Деревянные предметы

1 — весло; 2 — мотыга; 3 — бумеранг (?); 4 — лук

¹ Дж. Г. Д. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, табл. I.

² W. Gaerte. Die steinzeitliche Keramik Ostpreussens. Königsberg, 1927, рис. 200.

³ A. Europaеus. Die steinzeitlichen Wohnplätze bei Ravi im Kirchspiel Säkkijärvi Finsk museum, XXIX, 1922, Helsingki, 1923, стр. 20—31, рис. 7.

⁴ W. Gaerte. Ук. соч., рис. 188.

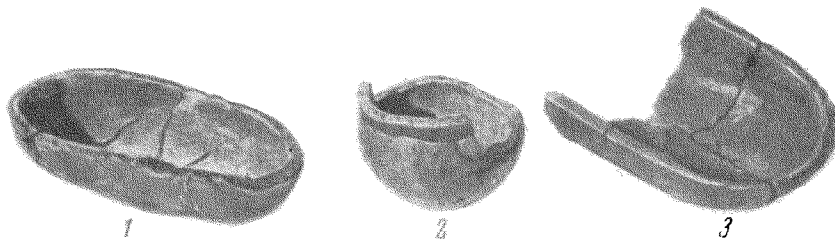

Рис. 2. Глиняные сосуды

1, 3 — овалынные мисочки; 2 — горшочек

ден в Гарозас Рутениеки, Елгавского района⁵. При осушении болота на территории стоянки Сарнате был найден также ладьевидный каменный топор. В описанном выше жилище найден, кроме того, обломок предмета, сплетенного из мелких березовых веточек (возможно, остатки корзины).

В южной части стоянки оказались интересные находки, концентрировавшиеся вблизи жилищ; на площадках же между отдельными жилищами находок не обнаружено.

Вблизи одного из жилищ найден ладьевидный деревянный сосуд (около 1 м длиной), выдолбленный из лиственной породы, с резными ручками на заостренных концах. Средняя часть сосуда (тонкие стенки) отломалась. Вблизи был найден опрокинутый очень большой глиняный горшок, употреблявшийся для варки пищи. Диаметр его в верхней части достигает 43 см, в средней — 50 см, вместимость — около 2 ведер. Сосуд имел прямые края, острое дно, волнистую поверхность с мелкими вдавлениями пальцев на шейке. Глина очень рыхлая, с примесью растительных остатков. Внутри и снаружи сосуда сохранилась копоть.

Были найдены также шаровидная пуговица с V-образным отверстием, массивная дубовая колотушка 55,5 см длиной и 8,6 см толщиной, костяное острие для плетения и три каменных долота различной величины для обработки дерева. Эти предметы в Сарнатской стоянке являются редкими находками.

Остатки жилища были обнаружены в 1956 г. к северу от реки, где была вскрыта площадь в 120 м². Здесь сразу же под дерном наметились три отдельных песчаных очага, отличающихся от ранее открытых отсутствием деревянной конструкции. Вблизи очагов было много угля твердой лиственной породы и разбросанных камней.

Вокруг среднего очага были вскрыты остатки четырехугольной постройки, места стен которой обозначались рядами кольев толщиной в 6—10 см, сравнительно плотно вбитых вплоть до дна болота, которое здесь находилось на глубине 2,4 м. Колья показались только на глубине 0,25 м, так как верхняя их часть сгнила. Жилище имело размеры около 4×5 м. От пола и перекрытия постройки ничего не сохранилось. Очаг жилища, к сожалению, был почти полностью уничтожен дренажной канавой. Вход в жилище мог быть расположен с западной стороны, где промежуток между кольями более широк.

Вокруг очага жилища и в золе было много угля и остатков еды — костей животных (в том числе и горелых) и осколков обгоревших костей и позвонков рыб. Обычный слой скорлупы орехов в этом жилище отсутствовал. Водяные орехи здесь пеклись в золе, подобно картофелю, и после этого употреблялись в пищу. Об этом свидетельствуют найденные в этом же раскопе в небольшой очажной ямке ядра обгоревших водяных орехов, причем некоторые были еще в скорлупе.

⁵ Фонды Музея истории Латвийской ССР.

Вблизи жилища была открыта яма для отбросов (около 0,25 м глубиной), наполненная темным торфом, в котором было найдено несколько обломков ребер мелких животных и кости птиц и рыб.

Большинство находок в этом жилище обнаружено на глубине 0,20—0,30 м. Только деревянные предметы больших размеров, как, например, весла, находились на глубине 0,50—0,80 м. Здесь найдено несколько плоских грузил от сетей, сравнительно много янтарных пуговок с V-образным отверстием и подвесок, разбросанных по всей вскрытой площади. Из деревянных предметов найдены две лопатки от ясеневых весел (длиною 60 и 62 см), конец лука и тщательно обработанный сломанный предмет из ясеня (88,5 см длиной) с очень острым концом, употреблявшийся, вероятно, как оружие на охоте.

На площадке жилища было также найдено несколько подвесок из зубов животных и долото для обработки дерева, сделанное из зеленого мелкозернистого сланца, с толстым обухом, какое в Сарнате обнаружено впервые. Длина долота — 12,2 см, ширина — 4,6 см и толщина — 3,7 см. Возможно, что это долото было привезено с севера, из Карелии.

Черепков глиняной посуды найдено немного; они рыхлые и почти без орнамента. Черепки по большей части имеют грубо заштрихованную поверхность. В Латвии подобная керамика найдена в верхнем слое Пурциемской стоянки «С», которую датируют приблизительно серединой II тысячелетия до н. э.⁶ В золе очага найдены также черепки нескольких глиняных мисочек и фрагмент маленького деревянного сосуда.

В раскопках последних лет в Сарнате в небольшом количестве найдены также кости диких животных⁷: оленя, косули, лося, дикой свиньи, медведя, тура, бобра и тюленя. Последние свидетельствуют о морском промысле. Из костей рыб найдены позвоночники сома, из костей птиц — кости утки и других более мелких птиц, которые пока не определены.

Костей домашних животных не обнаружено. Интересно отметить, что среди найденных костей был также один обломок бедренной кости человека. Возможно, что находка этой кости объясняется захоронениями на стоянке или поблизости от нее.

Наряду с охотой и рыбной ловлей обитателям Сарнате было известно также примитивное мотыжное земледелие, распространившееся во II тысячелетии до н. э. по всей южной части Латвии. Многие найденные в Латвии каменные мотыги напоминают по своей форме сарнатские деревянные мотыги. На краю Сарнатского болота была также обнаружена характерная для Восточной Прибалтики каменная мотыга с так называемой «змеиной головкой», которая датируется серединой II тысячелетия до н. э.⁸ Интересно отметить, что находки каменных мотыг в Латвии сочетаются с находками шнуровой керамики, изделий из янтаря, а во второй половине II тысячелетия до н. э. также с находками ранних изделий из бронзы. Эта часть Сарнатской стоянки датируется серединой II тысячелетия до н. э.

В северной части стоянки, вблизи дороги в Сисе, на глубине 0,20—0,30 м, в двух местах был вскрыт тонкий слой песка со слабыми следами двух очагов. Вблизи них было найдено небольшое количество черепков посуды с ямочно-гребенчатым орнаментом, которые датируются концом III тысячелетия до н. э.

На территории Латвии наиболее близки к находкам в Сарнате предметы из стоянок Пурциемс, Леяс-Цискас и Силиньупе в юго-западной части Латвии. Они, вероятно, составляют одну группу местной культуры.

⁶ Senatne un māksla, 1937, № 1, рис. 5 и 8; 1940, № 1, стр. 60.

⁷ Кости определены доктором биологических наук Н. К. Верещагиным и канд. биологических наук К. Паавером.

⁸ Н. М о о г а. Pirmatējā kopienas iekārta un agrā feodālā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. Rīgā, 1952, стр. 32, рис. 16.

Э. Р. РЫГДЫЛОН, п. п. ХОРОШИХ

ПОГРЕБЕНИЯ В МЕСТНОСТИ ИДАН (ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ)

Летом 1956 г. в местности Идан, расположенной на второй береговой террасе левого берега р. Ангары в 4 км ниже с. Суховского и в 39 км к северу от г. Иркутска, были обнаружены энеолитические погребения.

Терраса в том месте, где находились погребения, имеет высоту около 8 м над уровнем р. Ангары. Геологическое строение террасы представляется в таком виде (сверху вниз): 1) почвенный слой черной земли толщиной 0,24—0,30 м; 2) слой бурого суглинка толщиной 0,15—0,19 м; 3) плотный слой темно-бурой супеси, в которой местами встречаются песчаник и мелкая береговая галька.

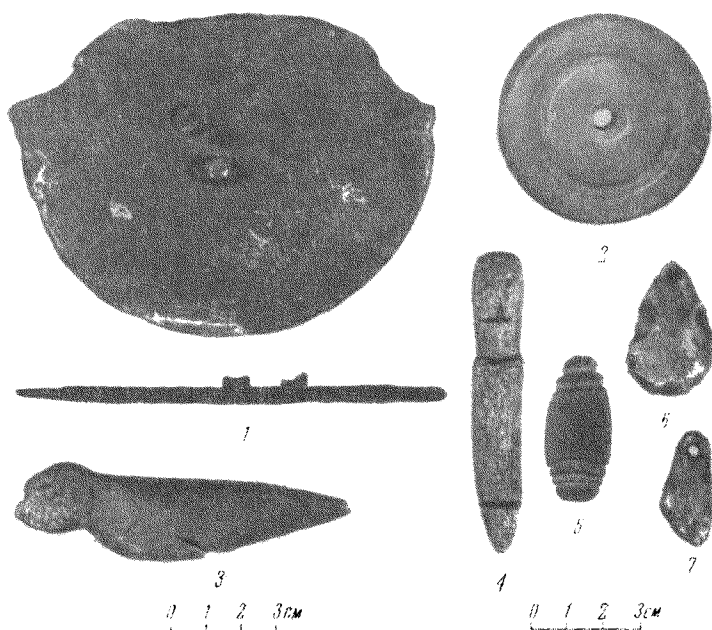

Рис. 1. Предметы из энеолитических погребений

1 — бронзовое зеркало; 2 — диск из белого нефрита; 3 — костяная фигурка нерпы; 4 — костяная антропоморфная фигурка; 5 — каменный грузик; 6 — кремневое орудие; 7 — подвеска из зуба марала

Около края террасы, на глубине 0,30 м от поверхности, была обнаружена двойная каменная кладка, ориентированная с северо-запада на юго-восток, овальной формы, длиной 2,1 м и шириной 1,2 м, сложенная из плотно подогнанных друг к другу камней округлой и удлиненной формы. Размер наибольших камней 0,21×0,35 м, наименьших — 0,12×0,16 м.

Под кладкой, на глубине 0,58 м от поверхности, было обнаружено сломанное бронзовое зеркало круглой формы, диаметром 11 см и толщиной 0,4 см. Сохранились следы отлетевшей рукоятки, которая была прикреплена к зеркалу на четырех стерженьках (рис. 1, 1).

Остатки погребения находились на глубине 0,64—0,66 м от поверхности, в плотном слое темно-бурой супеси. Костяк лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-восток. Сохранилось несколько трубчатых костей, три зуба, несколько фаланг пальцев и отдельные

фрагменты черепной коробки, остальные части скелета истлели. По определению проф. А. И. Казанцева, костяк принадлежал подростку.

На груди подростка лежал диск из белого нефрита прекрасной отделки со сквозным отверстием посередине и с желобками с обеих сторон по окружности. Диаметр диска — 6,5 см, толщина — 1 см. (рис. 1, 2). Около ног находился небольшой скребочек из темно-серого кремнистого сланца длиной 4 см (рис. 1, 6).

Судя по обряду захоронения и по найденным при костяке предметам, погребение относится к энеолитическому времени. Бронзовое зеркало, найденное под каменной выкладкой, относится, видимо, к карасукскому времени.

На этой же террасе, примерно в 200 м к юго-западу от описанного выше погребения, мы обнаружили следы второго погребения, которое залегало в плотном слое темно-бурой супеси на глубине 0,50 м от поверхности. Костяк настолько истлел, что определить его ориентировку было затруднительно; сохранились только мелкие фрагменты черепной коробки и обломки трубчатых костей. В погребении найдены: костяная антропоморфная фигурка (рис. 1, 4), две ножевидные пластинки из серого кремнистого сланца, грушевидная подвеска из резца марала со следами окиси меди (рис. 1, 7) и обломок бронзовой восьмеркообразной бляшки (рис. 2). Такие бляшки обычно датируются карасукским временем.

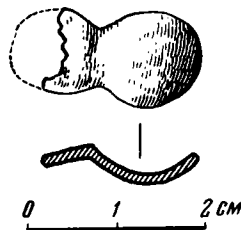

Рис. 2. Бронзовая бляшка

В 5 м от костяка найден стерженек-грузик для сетей из красно-бурого мелкозернистого песчаника (рис. 1, 5) и костяная фигурка, изображающая нерпу — байкальского тюленя (рис. 1, 3). Это — вторая находка фигурки нерпы в долине р. Ангары¹.

Высокая терраса в местности Идан являлась также местом для погребений и в эпоху неолита.

В 1948 г. И. В. Арембовский и П. П. Хороших обнаружили здесь неолитическое погребение китойского времени, которое находилось примерно в 80 м ниже раскопанного нами энеолитического погребения с каменной выкладкой. В 1950 г. М. Р. Полесских раскопал вблизи местности Идан детское неолитическое погребение, ориентированное на юго-восток.

На террасах левого берега р. Ангары, расположенных ниже с. Суховского, были исследованы неолитические стоянки, на которых найдено большое количество кремневых и нефритовых орудий, куски нефрита со следами распиловки, а также и пилы, которыми распиливали нефрит. По-видимому, некоторые предметы из зеленого саянского нефрита изготавливались здесь же на месте.

¹ Первая каменная фигурка нерпы была найдена в 1948 г. П. П. Хороших в погребении № 4 в неолитическом могильнике на стадионе «Локомотив» (г. Иркутск).

В. И. СПРИШЕВСКИЙ

РАСКОПКИ ЧУСТСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ в 1956 г.

Чустское поселение эпохи бронзы (Наманганская область) было открыто в 1950 г.¹

За четыре сезона работ поселение прорезано раскопом шириной 12 м и длиной 116 м. Толщина культурного слоя достигает 3 м. Выявлены юж-

¹ В. И. С п р и ш е в с к и й. Чустская стоянка эпохи бронзы. СЭ, 1954, № 3; е го ж е. Чустское поселение эпохи бронзы. (Из раскопок 1954 г.). КСИИМК, вып. 69, 1957; е го ж е. Чустское поселение. КСИИМК, вып. 71, 1958

ная и северная границы поселения. Никаких остатков стен или вала не обнаружено. Это было поселение открытого типа, защищенное с северной, восточной и южной сторон оврагами и котловинами, а с западной — болотистой низменностью. Таким образом, к поселению был доступ только с северо-западной стороны, но здесь путь преграждало какое-то укрепление, остатки которого скрыты под высоким бугром.

В 1956 г. раскопки² в основном велись в северной части холма, на котором расположено поселение. Незначительная площадь была вскрыта на южном склоне, и небольшой раскоп был заложен на бугре в северо-западной части поселения.

Рис. 1

1 — зерна ячменя и пшеницы; 2 — веревка

На поселении выявлены следы жилых и хозяйственных сооружений. Расчищены 163 круглые и овальные в плане ямы, выкопанные в материке. Некоторые из них носят признаки жилья (полуземлянки), остальные же использовались для хозяйственных целей. В некоторых ямах на полу были найдены зерна различных злаков, сваленная в беспорядке битая посуда и зола. Но большинство ям оказалось совершенно пустым, и установить их назначение пока не удастся.

Жилые полуземлянки имели перекрытие из жердей и камыша, связанных растительными веревками, остатки которых были найдены в 1956 г. (рис. 1, 2).

Представляют интерес остатки наземных сооружений из глины, обнаруженные в 1955 и 1956 гг. Остатки толстых пахсовых стен (толщина 1,1 м) наземного сооружения были расчищены в 1956 г. под насыпью северо-западного холма (единственный доступ на поселение). Сохранилось узкое, прямоугольное в плане помещение (1,5 × 3 м). Второе помещение веерообразное в плане, шириной в узкой части 1 м и в широкой — 2,2 м при наибольшей длине 4 м; стены сохранились в высоту на 1,4 м. Пол помещений был выстлан камышом, как и во многих ямах; находок в помещениях было немного. В 1956 г. на полу одной из ям была обнаружена нижняя челюсть человека вместе с рогом козла.

Небезынтересно то, что среди отбросов пищи древнего человека — разбитых костей животных — встречено уже значительное количество также

² Раскопки проводились Музеем истории народов Узбекистана и Институтом истории и археологии АН УзССР.

разбитых и даже со следами надрезов костей человека. Такое явление дает возможность высказать предположение о существовании у древних чуждцев пережитков каннибализма.

На площади основного раскопа на разных глубинах, и в особенности на материке, обнаружено значительное количество зерен пшеницы, ячменя и просовидного растения как в крупных круглодонных сосудах, так и рассыпью на месте сгоревших скоплений (рис. 1, 1). Также на разных глубинах были найдены в большом количестве зернотерки и каменные серпы различной величины. Все это свидетельствует о том, что основным занятием населения было земледелие.

Рис. 2. Бронзовые предметы

1 — игла; 2 — стрела; 3—5 — ножи;
6 — серп

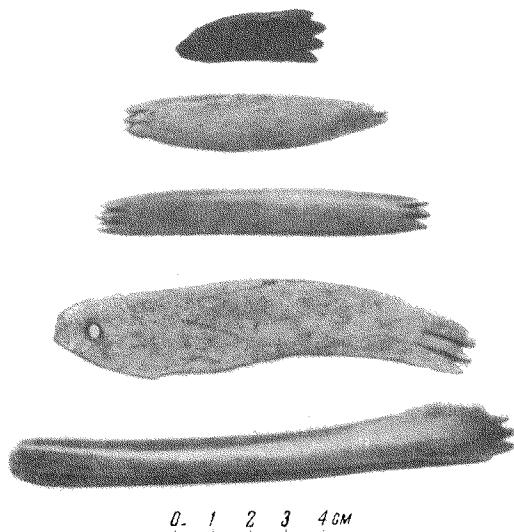

Рис. 3. Ткацкие костяные гребенки

Огромное количество различных находок, обнаруженных в культурном слое, позволяет определить несколько видов местного производства: литье металла, ткачество и лепку глиняной посуды. О литье металлических предметов свидетельствуют бронзовые шлаки, песчаниковые двухстворчатые литейные формы для копья и ножа (найденные в предшествующие годы) и для зеркала (находка 1956 г.; см. рис. 5, 4). Бронзовых предметов в 1956 г. собрано около 20 (рис. 2). Из целых бронзовых предметов представляют интерес массивный однолезвийный нож или серп без четко выраженной ручки (длиной 19 см; рис. 2, 6), два черешковых, с прямоугольным сечением, наконечника стрел (длиной 8,6 см; рис. 2, 2), бронзовая бусина цилиндрической формы и почти полностью сохранившаяся бронзовая игла с ушком (длина 8,5 см; рис. 2, 1). Последняя найдена в Узбекистане впервые.

Чустская бронза, как показали анализы³, является оловянистой.

О ткачестве, сильно развитом на поселении, говорят такие предметы, как костяные гребенки с небольшими зубцами для набивки шерстяных ниток (рис. 3), большое количество грузиков, изготовленных из обломков посуды и камня, а также отпечатки различных шерстяных тканей на стенках посуды.

³ Спектральный анализ произведен в 1957 г. в лаборатории ЛОИИМК И. Березовской.

Наибольшее количество находок составляет керамика. Определяется свыше 35 различных типов посуды — плоскодонные, круглодонные, бокалообразные, кубкообразные (типа намазга-тепинской), чашки, миски, кружки и т. д., тянутые как из одного комка глины, так и лентами по спирали от доньшка, на шаблоне из шерстяного мешка. Здесь встречена грубая лепная посуда (рис. 4, 1, 2) и посуда, покрытая росписью. Роспись в основном черная по красноангобированному фону, однотипная, но различных вариаций и сочетаний геометрических рисунков, среди которых

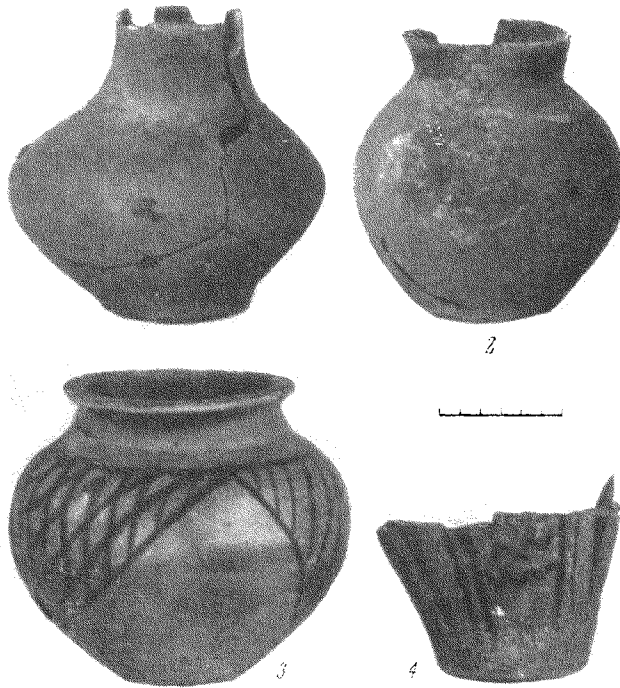

Рис. 4. Керамика

1, 2 — грубые лепные сосуды; 3, 4 — сосуды с росписью

преобладает сетка, чаще всего заключенная в треугольники, ромбы и пр. Впервые найден целый сосуд с шаровидным туловом, с плоским доньшком и отогнутым наружу венчиком (рис. 4, 3). Поверхность его покрыта красным ангобом и черной росписью в виде треугольников, опускающихся от плечиков вершинами вниз, заполненных крупной сеткой. Сосуд изготовлен ленточным способом с последующей подлепкой хорошо профилированного венчика, сформованного на вращающейся основе. Находка подобного венчика не единична на поселении. Сосудов, изготовленных полностью на круге, на поселении не обнаружено.

К чустской посуде близки по типу росписи и формам сосуды, найденные на Дальверзинском селище Ю. А. Заднепровским⁴, а также кайраккумская находка Б. А. Литвинского⁵. На Чустском поселении есть кубкообразные сосуды, аналогичные намазга-тепинским⁶.

⁴ Ю. А. Заднепровский. Дальверзинское селище. КСИИМК, вып. 69, 1957, рис. 16.

⁵ Б. А. Литвинский любезно предоставил автору рисунок сосуда.

⁶ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, 1956, табл. VI, 1—5; XVII; XXX, 12; XXXI, 1; XXXII, 1, 4; XXXV, 7.

Населением широко использовались местные породы камня для изготовления серпов, зернотерок, пестов, молотов, литейных форм и украшений. Некоторые каменные изделия, например ручной молот (рис. 5, 1), шаровидное навершие булавы (рис. 5, 3) и каменные боченкообразные и цилиндрические бусы из лазурита и сердолика подвергались тщательной шлифовке, полированию, сверлению. Среди каменных изделий особо интересны серпы. Обнаруженная в 1956 г. половина шаровидного навершия булавы — вторая по счету подобная находка на поселении. В культурном слое собрано большое количество разбитых костей, по которым Н. К. Верещагиным были определены следующие виды животных.

Домашние животные: собака, лошадь, осел, свинья, мелкий рогатый скот, крупный рогатый скот.

Дикие животные: туркестанская крыса, кулан, кабан, сайгак, архар, джейран, олень.

Коровы, овцы, козы и ослы были сравнительно мелкими. В количественном отношении среди домашних животных преобладает мелкий рогатый скот, затем идет крупный рогатый скот и лошадь.

Обнаружены кости птиц — беркута и бородача-ягнятника. Судя по вышеизложенному, разведение домашних животных (часть которых использовалась, вероятно, как тягловая сила или для верховой езды) играло немаловажную роль в жизни древних ферганцев. Охота на диких зверей имела второстепенное значение.

Чустские находки — керамика расписная и без росписи, каменные навершия булав и ручной молот в форме небольшого песта, а также бронзовые пластинчатые ножи — имеют ближайшую аналогию с материалом, собранным Т. Г. Оболдуевой при земляных работах на строительстве Большого Ферганского канала на участках 8—9, 13⁷, и с материалом раскопок Ю. А. Заднепровского в Дальверзине, которые, несомненно, также относятся к эпохе бронзы.

Еще в первый год работы было высказано предположение, что Чустское поселение можно датировать второй половиной II тысячелетия до н. э. Эта датировка подтверждается и материалами из раскопок К. Х. Кушаревой в Нагорном Карабахе⁸, где было обнаружено значительное количество аналогичных чустским каменным навершиям булав шаровидной и грушевидной формы.

Материалы, найденные на Большом Ферганском канале, Чустском и Дальверзинском поселениях, а также расписной сосуд, обнаруженный в Кайрак-Кумах, свидетельствуют о широком распространении культуры со своеобразной расписной посудой на территории Ферганы во II тысячелетии до н. э.

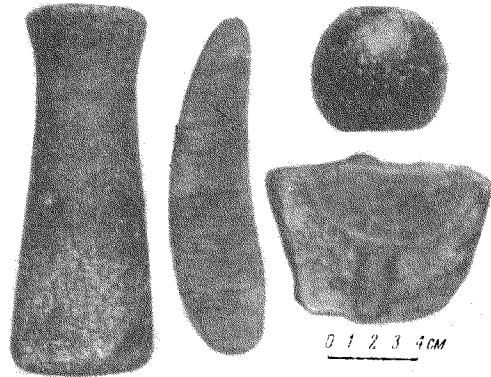

Рис. 5. Каменные предметы

1 — ручной молот; 2 — серп; 3 — навершие булавы; 4 — форма для отливки зеркала

⁷ Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе Первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. Тр. Института истории и археологии АН УзССР, т. IV, Ташкент, 1951, табл. VIII, 1, 5, 6; табл. X, 5, 6; табл. XI.

⁸ К. Х. Кушарева. Памятники медного века в Нагорном Карабахе. СА, XX, 1954, рис. 1, 2; рис. 2, 9, 10.

Г. В. ЧАРУШИН, В. Д. ВОЙЛОШНИКОВ

НОВЫЕ НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ В ПРИБАЙКАЛЬЕ

Во время летних геологических исследований 1955 г. нами были осмотрены древние рисунки на скалах в долинах рек Унги (левый приток Ангары) и Ии (левый приток Оки) в Иркутской области.

В 3,5—4 км к северо-востоку от с. Нукуты Нукутского района, у плоской вершины горы Даглан, на высоте приблизительно 100 м надо дном долины р. Унги, тянется скальная полоса красных песчаников. На этих отвесных скалах, против места слияния рек Залари и Унги, Г. В. Чарушиным были обнаружены рисунки, расположенные в разных местах обнажения, на одном и том же пласте плотного среднезернистого песчаника, мощность

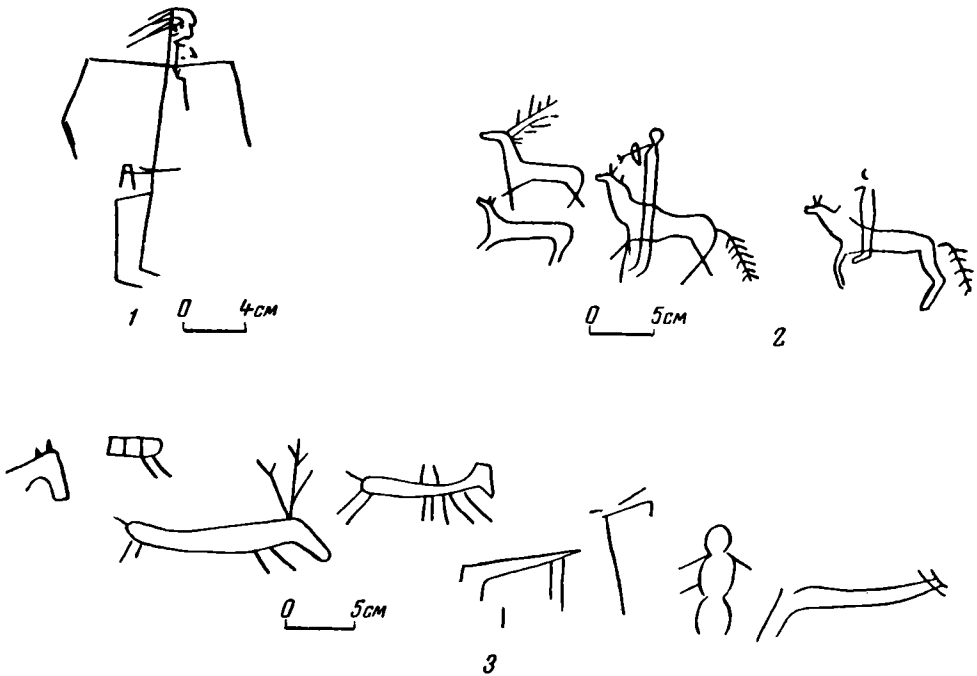

Рис. 1. Изображения на горе Даглан

1 — шаман; 2 — охота на маралов; 3 — пасущееся стадо

которого достигает 0,40—0,50 м. Рисунки высечены по контуру. Глубина высекания 0,3—0,5 см, ширина 1,0—1,5 мм. Древний художник пользовался каким-то остро заточенным металлическим инструментом.

Первые два рисунка (рис. 1, 1, 3) находятся на вертикальной плоскости обнажения, ориентированной на северо-запад, в сторону речной долины. Один из рисунков, размером 20×9 см, изображает шамана, лицо которого обращено на юго-восток. Голова шамана — довольно сложный реалистический рисунок; туловище, руки и ноги изображены весьма схематично, в виде ломаных линий. В 30—50 м от этой фигуры, по направлению к южному окончанию скальной полосы, на высоте 2,5 м от подошвы обнажения высечены стада оленей и лошадей с пастухами. Животные в большинстве случаев изображены движущимися на юг. Некоторые фигуры животных чрезвычайно упрощены и схематизированы, другие, наоборот, представляют собой более реалистические изображения копытных животных, но у тех и других не соблюдены пропорции.

Из-за действия процессов выветривания уже сейчас значительное количество линий на рисунках исчезло.

Лучше сохранился третий рисунок, находящийся на южном конце скальной полосы песчаников. Здесь изображена охота на маралов (рис. 1, 2). Два всадника (один из которых с луком) преследуют оленей. Все фигуры изображеныдвигающимися на юго-запад. Как и на предыдущих рисунках, здесь наблюдается схематичность и диспропорция фигур. Длина и высота их — 10—12 см.

Вторая группа рисунков, исследованная В. Д. Войлошниковым, расположена по горе Малый Хашхай (правый берег р. Унги), в 9 км к северо-западу от с. Нукуты. Гора Малый Хашхай с восточной стороны примыкает к горе Большой Хашхай и возвышается на 140 м над уровнем р. Унги.

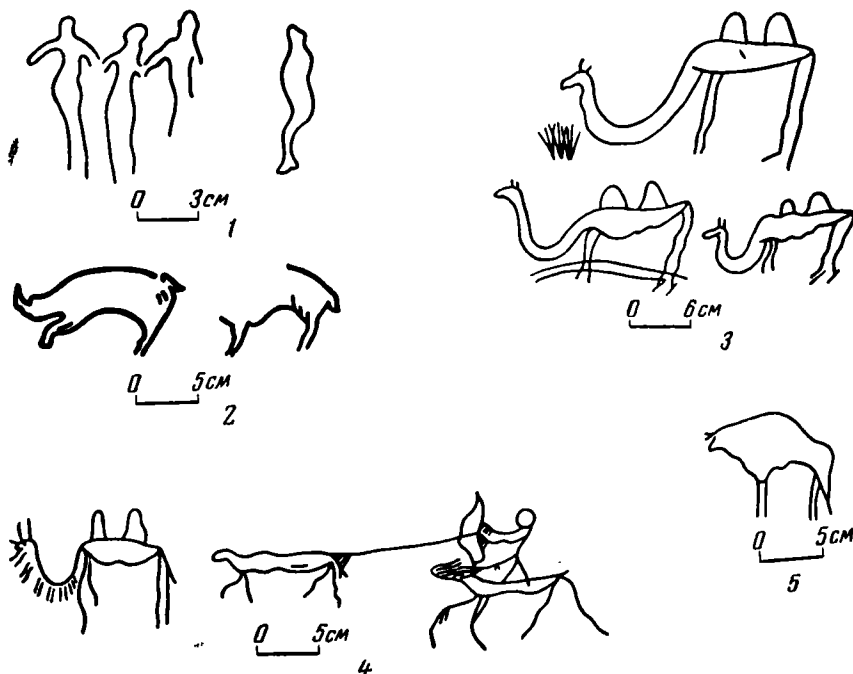

Рис. 2. Наскальные изображения на горе Малый Хашхай

1 — танцующие люди; 2 — кабаны; 3 — верблюды на пастбище; 4 — верблюд и сцена охоты; 5 — бык

Изображения расположены на южном склоне горы, на 20 м ниже ее вершины, и высечены на гладкой поверхности красноцветного песчаника, протягивающегося моноклитным пластом вдоль склона горы. Большая часть изображений вырезана неглубоко по контуру. Плиты песчаника местами покрыты тонким налетом лишайника светло-серого цвета, поэтому некоторые рисунки можно разобрать с большим трудом. Размер отдельных фигур — от 3,5 до 21 см.

Основными сюжетами являются сцены охоты (рис. 2, 4) и кочевого скотоводства, фигуры танцующих людей (рис. 2, 1), диких кабанов, (рис. 2, 2), верблюдов (рис. 2, 3, 4), быков (рис. 2, 5). Следует отметить, что древние художники лучше изображали животных, чем людей.

Все описанные выше рисунки на горе Даглан, по-видимому, сделаны одновременно. Об этом свидетельствует однообразная техника их исполнения, почти близкие по размерам фигуры, одинаковая степень сохранности. Напротив, изображения на горе Малый Хашхай, различные по технике исполнения и по степени сохранности линий рисунков, обладающие к тому же сюжетами, в одних случаях предполагающими тайгу, в дру-

гих — выжженные солнцем степи, вероятно, одновременны и принадлежат разным народностям, ранее населявшим эту местность.

Сравнивая унгинские рисунки с рисунками на горах Манхай, Байтог, Укыр, Булук и Улан-Хада (Кудинские степи), исследованными П. П. Хороших¹, а также с верхнеленскими рисунками, исследованными А. П. Окладниковым², можно прийти к выводу, что все рисунки на горе Даглан и часть рисунков на горе Малый Хашхай (рис. 2, 2), по-видимому, относятся

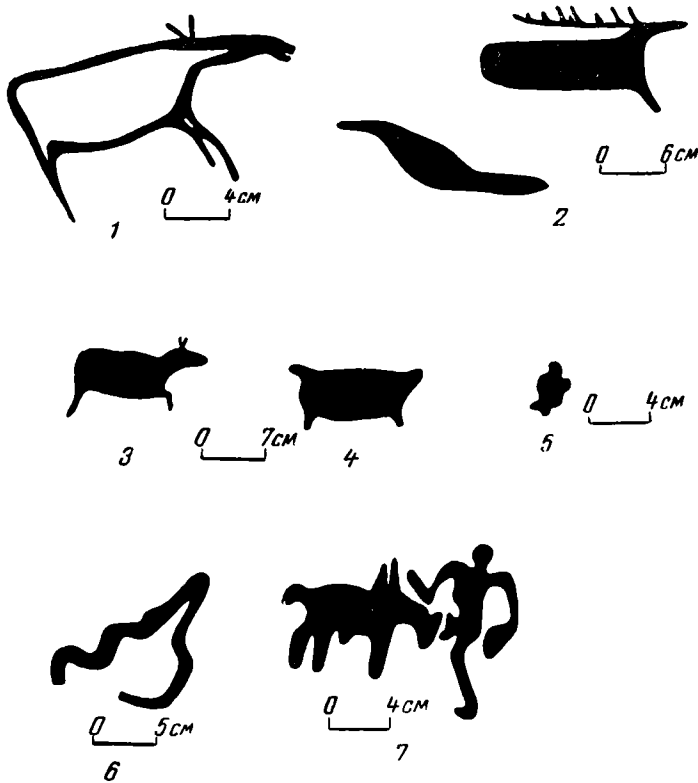

Рис. 3. Наскальные рисунки у дер. Малый Кукучей

1—4— лося; 5 — человек (?); 6 — непонятное изображение; 7 — человек и животное

к древнетюркским рисункам курыканской группы (VI—X вв. н. э.). Остальные рисунки на горе Малый Хашхай (рис. 2, 1, 3—5) относятся к числу древнебурятских изображений (XIV—XVI вв. н. э.). Находка курыканских рисунков дает возможность расширить границу распространения этой народности в Прибайкалье.

Изображение кабанов (рис. 2, 2) позволяет нам предположить, что в современной степной долине р. Унги ранее обитали таежные животные, а следовательно, здесь когда-то была тайга.

Интересно, что в Балаганской пещере, расположенной в той же лесостепной зоне, что и гора Малый Хашхай, И. Д. Черским найдена новейшая фауна тайги: медведь, благородный олень, косуля. Возможно, что в первые века нашей эры в бассейне р. Унги были еще таежные условия и лишь позднее появились степные участки. Тайга отошла далеко к югу и северу вследствие вырубки.

¹ П. П. Хороших. Писаницы на горе Манхай. КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 127—131; его же. По родному краю. Иркутск, 1950, стр. 47, 48.

² А. П. Окладников. История Якутской АССР, т. I, М.—Л., 1955, стр. 98—100, 305.

Третья группа рисунков была обнаружена Г. В. Чарушиным на левом берегу р. Ии, около южной окраины дер. Малый Кукучей Тулунского района. Здесь на высоте 17—19 м над урезом воды нижнесилурийские песчаники образуют в верхней части скальной полосы террасовидную ступень. Рисунки располагаются на высоте 2—3 м от площадки этой ступени.

В одном месте (рис. 3, 1), на высоте 3 м от площадки ступени, находится высеченный по контуру рисунок лося длиной 20 см. Ширина контурной линии — 0,6—0,8 см. Ниже, на высоте 1 м от площадки, располагаются две сплошные фигуры (15×12 см), изображающие человека и какое-то животное (рис. 3, 7). Между ними находится непонятная фигура (рис. 3, 6) и небольших размеров фигура, напоминающая туловище человека (рис. 3, 5). Если верхнее изображение — лось — представляет собой отчетливый рисунок, то все остальные фигуры — расплывчатые.

Дальше, к югу, на этом же мощном пласте нижнесилурийских песчаников, сохранилось несколько отдельных фигур лосей (рис. 3, 2, 4). Длина сплошь высеченных фигур лосей — 20—25 см. Глубина высекания — менее 1 см. Большинство животных изображено двигающимися вверх по течению р. Ии.

Сопоставляя друг с другом отдельные рисунки, обнаруженные в окрестностях дер. Малый Кукучей, можно прийти к выводу, что высеченные сплошь и контурно отчетливые фигуры животных сделаны позже, чем расплывчатые фигуры людей. Возможно, что одни рисунки были наложены на другие. Подобные рисунки встречны А. П. Окладниковым на Ангаре и Лене³, Г. С. Виноградовым и М. Р. Полесских — на Оке⁴.

Кукучейские писаницы, возможно, относятся ко времени конца неолита или начала бронзового века.

³ А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 98—100, 305.

⁴ Г. С. Виноградов. Следы неолитической стоянки. Завальская писаница. Этнографический бюллетень Вост.-Сиб. отд. РГО, № 3, 1923, стр. 16, 17; М. Р. Полесских. Завальские писаницы. СА, XXIII, 1955, стр. 279—290.

О. Д. ДАШЕВСКАЯ

СИМФЕРОПОЛЬСКОЕ РАННЕТАВРСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Симферопольское поселение расположено у подножия восточного склона возвышенности второй гряды Крымских гор, на вершине которой находится скифское городище Неаполь, на нижней террасе левого берега р. Салгира, рядом с Алуштинским шоссе.

Первые раскопки здесь производились в 1948 и 1949 гг.¹ В результате этих раскопок была установлена принадлежность поселения к кизил-кобинской культуре, распространенной в предгорном и горном Крыму и связываемой исследователями с ранними таврами. Поселение датировано VII—VI вв. до н. э. Обнаружено, что в III в. н. э. некрополь скифского Неаполя простирался вплоть до территории таврского поселения, к тому времени давно уже заброшенного.

Симферопольское поселение принадлежит к числу открытых селищ. Северо-восточная часть его срезана Алуштинским шоссе. Оставшаяся часть вытянута вдоль шоссе (идущего здесь параллельно долине Салгира) полосой, шириною приблизительно 100 м и протяженностью не менее 350 м. Таким образом, площадь сохранившейся части поселения составляет около 3,5 га.

¹ См. О. Д. Дашевская. Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 110—119.

В 1952 г. в средней части поселения, около шоссе, нами был зачищен обрыв глиняного карьера, где были сосредоточены основные раскопки прежних лет². За последние годы карьер расширился из-за оползней и добычи глины местным населением. В обрыве на расстоянии 4—5 м одна от другой обнаружены и раскопаны четыре ямы (№№ 19—22), аналогичные открытым на поселении в предыдущие годы раскопок. Все они расширяются книзу, диаметры их дна — 1—1,60 м, глубина вырытых в глине нижних частей — 0,20—0,80 м.

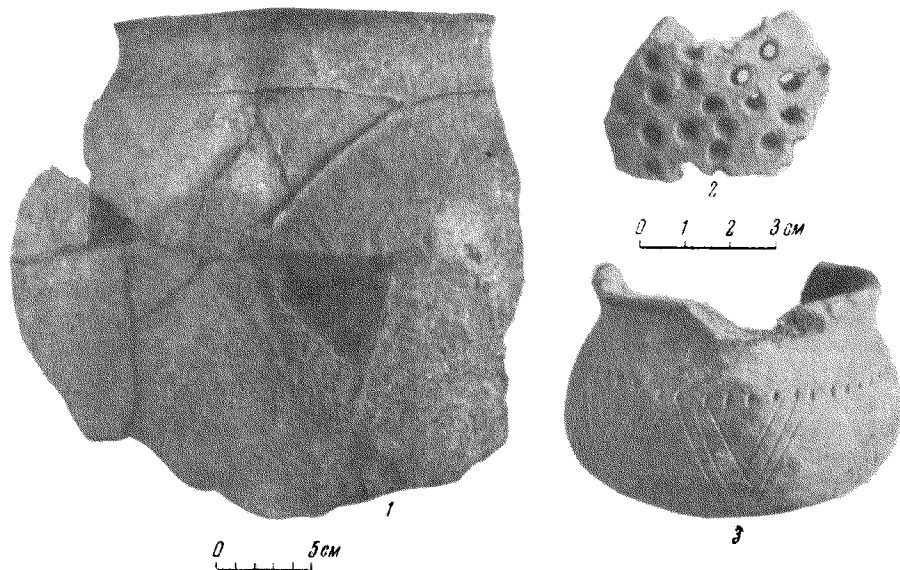

Рис. 1. Керамика Симферопольского поселения

1 — фрагмент большого горшка с налепным валиком; 2 — фрагмент сята; 3 — лощеный горшочек с резным орнаментом

По характеру заполнения выделяется яма № 21, имевшая, как и почти все ямы, раскопанные в 1949 г., обильное вторичное мусорное заполнение (свыше 250 обломков сосудов, два точильных камня и несколько костей животных). Яма № 19, почти совершенно разрушенная, также, по видимому, использовалась как мусорная. Остальные две ямы содержали находки в таком же количестве, как и окружающий культурный слой.

В 1957 г. на расстоянии около 50 м к западу от карьера, в обрыве котлована, нами было обнаружено и расчищено еще пять ям (№№ 23—27), аналогичных вышеописанному и содержавших такие же находки.

Керамика из раскопок 1952 и 1957 гг. дала целый ряд экземпляров, дополнивших нашу прежнюю классификацию. Как и прежде, вся керамика — лепная и подразделяется на две группы — простую и лощеную.

Среди простой керамики здесь во второй раз встречен большой горшок, украшенный налепным валиком с ниспадающим концом (рис. 1, 1). Такой валик известен и на керамике других поселений кизил-кобинской культуры (Кизил-Коба, Белогорское, Ашлама-Дере³). Отметим также горшок с широким горлом и очень слабо отогнутым венчиком, сильно суживающийся книзу и близкий к баночной форме (рис. 2, 17, 18). Некото-

² Здесь в 1948—1949 гг. было открыто 16 хозяйственных ям (из общего количества 18), характерных для поселений кизил-кобинской культуры.

³ П. Н. Шульц. Тавро-скифская экспедиция (в 1947 г.). КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 66; Х. И. Криз. Разведки на поселении эпохи поздней бронзы и раннего железа в балке Ашлама близ Бахчисарая. СА, XXIV, 1955, стр. 189.

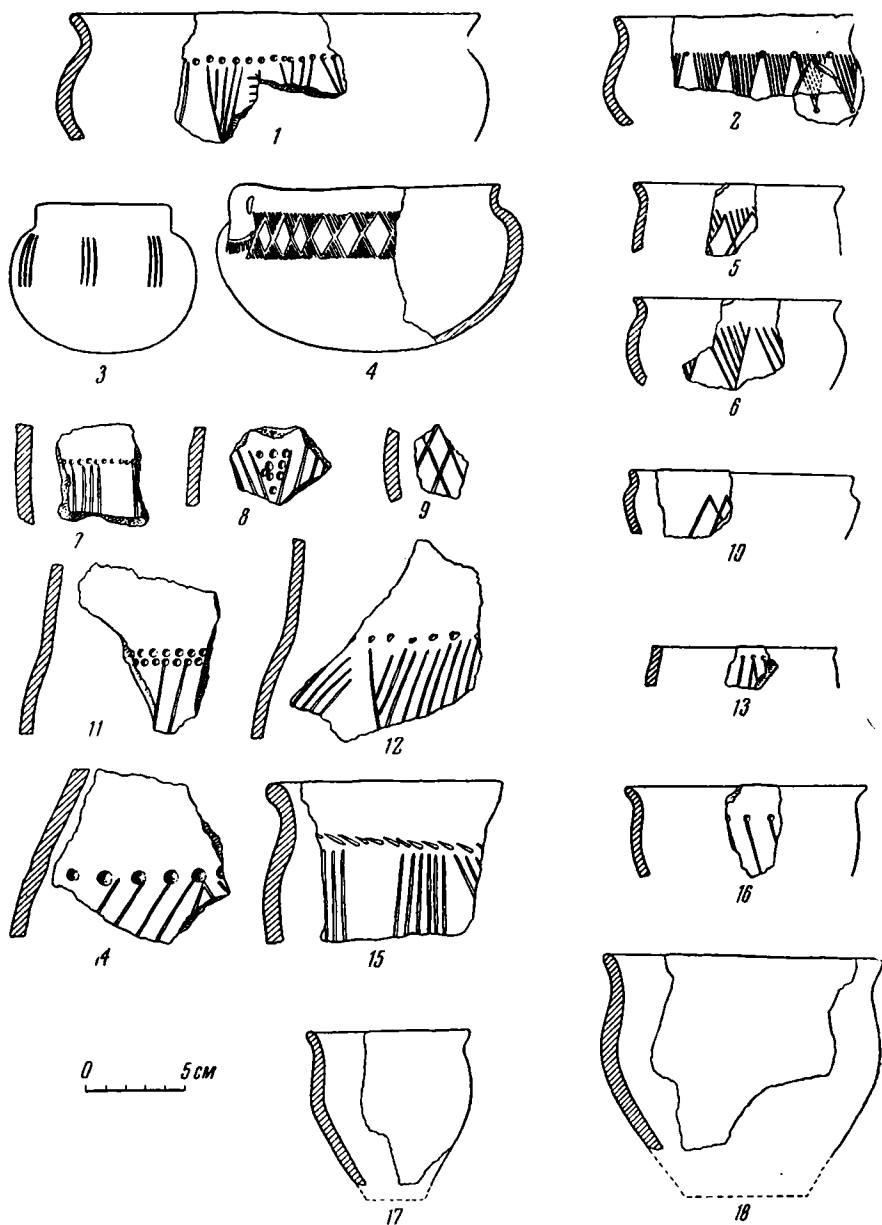

Рис. 2. Керамика Симферопольского поселения

1—16 — лощеные сосуды с резным орнаментом; 17, 18 — нелощеные сосуды

рые обломки простой керамики имели обычный, неоднократно встреченный на Симферопольском поселении орнамент: насечки и вдавления по венчику, валики на плечах, иногда также украшенные насечками или вдавлениями.

Следует также обратить внимание на несколько обломков простых горшков с лощеной внутренней поверхностью. Безусловно, здесь лощение имело чисто утилитарное значение и служило для того, чтобы пища легче отставала от стенок сосуда.

Среди лощеной керамики (обычно с хорошим черным лощением), служившей по всей вероятности, столовой посудой, встречаются как плоскодонные горшки, так и характерные круглодонные низкие горшочки или

чашечки с низкой шейкой и слегка отогнутым или прямым краем (рис. 1, 3 и рис. 2, 1—6, 10, 13, 16). На некоторых из последних встречены новые для Симферопольского поселения варианты резного геометрического орнамента: группы параллельных линий, спускающихся вертикально по плечам (рис. 2, 3); два ряда заштрихованных треугольников, сходящихся вершинами (рис. 2, 4, 5); треугольники, заштрихованные то параллельными, то пересекающимися линиями⁴.

Впервые найден сосуд того же типа с маленькой ручкой-ушком (рис. 2, 4). Он имел прекрасное черное лощение с обеих сторон и резной орнамент на плечиках из двух рядов заштрихованных треугольников, сходящихся вершинами, а под ручкой — из параллельных вертикальных линий. Орнамент был инкрустирован белой пастой.

Новым типом как по форме, так и по орнаментации является здесь также большой открытый широкогорлый горшок со слегка выпуклыми стенками и слабо отогнутым венчиком (рис. 2, 15). Орнамент на нем, очень глубоко врезанный, состоит из наклонных насечек и спускающихся от них групп вертикальных и наклонных параллельных линий.

Остальные обломки лощеных сосудов или были без орнамента, или имели характерный для кизил-кобинской культуры много раз встречающийся раньше резной геометрический орнамент из разнообразных сочетаний маленьких ямок и заштрихованных треугольников, наклонных друг к другу групп параллельных линий, вертикальных линий и т. п., иногда одновременно с налестями (рис. 1, 3; рис. 2, 1, 2, 6—14, 16).

Кроме того, был найден обломок сосуда с отверстиями (сита или ситки), какие встречались на поселении и раньше (рис. 1, 2). Найдены также обломок зернотерки и два точильных камня.

В результате раскопок общее количество ям, открытых на поселении, достигло 27. Они были расположены не менее чем в два-три ряда вдоль карьера, а также на других участках.

Могильника рядом с поселением пока не обнаружено. Но в 4 км к юго-востоку, в зоне Симферопольского водохранилища, в 1954 г. экспедицией Крымского филиала АН УССР была раскопана курганный группа, в курганах которой оказалось свыше 10 погребений кизил-кобинской культуры (в одном из курганов — основное погребение, в других — впускные). Это ближайший могильник, который можно связывать с нашим поселением. Раскопки могильника показали, что кизил-кобинцы хоронили не только в бескурганых каменных ящиках, но и насыпали курганы, а также использовали более ранние курганы для впускных погребений⁵.

Раскопки 1952 и 1957 гг., носившие охранительный характер, дали некоторый дополнительный материал, согласующийся с основными выводами, сделанными нами ранее, относительно датировки поселения и этнической принадлежности его жителей⁶.

В настоящее время, после недавних раскопок С. Ф. Стржелецкого на Гераклеяском полуострове, Х. И. Крис — близ Бахчисарая и в Инкермане и особенно после раскопок П. Н. Шульца в 1950 г. на горе Кошке около Симеиза, где кизил-кобинская керамика была найдена на укрепленном поселении, имевшем могильник из каменных ящиков, есть еще больше оснований связывать кизил-кобинскую культуру с ранними таврами⁷. Этому не противоречат и отдельные находки аналогичной керамики на Кер-

⁴ Ср. Х. И. Крис. Раскопки раннетаврского поселения в Инкермане. КСИИМК, вып. 58, 1955, рис. 11.

⁵ А. М. Лесков. Седьмой симферопольский курган. КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 116; П. Н. Шульц, А. Д. Столяр. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира. КСИИМК, вып. 71, 1958.

⁶ О. Д. Дашевская. Ук. соч., стр. 118.

⁷ С. Ф. Стржелецкий. Очерки истории Гераклеяского полуострова и его округи в эпоху бронзы и раннего железа. Автореферат канд. диссертации. М., 1954, стр. 8, 9; Х. И. Крис. Ук. сочинения; П. Н. Шульц. О роли местных племен и народностей в истории древнего Крыма. Симферополь, 1952 (на правах рукописи), стр. 6.

ченском полуострове⁸. Вместе с тем, накапливается все больше материала, говорящего о связях кизил-кобинской культуры с Северным Кавказом⁹.

Интересны факты существования селищ кизил-кобинской культуры не только в тех же районах, но и на тех самых местах, где потом возникли скифские поселения. Помимо Симферопольского, в Крыму известны сейчас еще два таких селища: Змеиный грот, у с. Партизанское (бывш. Саблы)¹⁰ и Терек-Эли у дер. Трехпрудное (бывш. Терек-Эли)¹¹. На месте кизил-кобинского селища Терек-Эли позже возникло скифское селище, а Симферопольское селище и Змеиный грот находятся у подножия возвышенностей, на которых позже возникли скифские городища Неаполь и Змеиное.

Сравнительно хорошая изученность Симферопольского таврского поселения и скифского Неаполя и определенные датировки их, наряду с аналогичными материалами других поселений, дают возможность поставить вопрос о причинах смены в одних и тех же местах кизил-кобинских (тавских) поселений скифскими.

Между прекращением жизни на Симферопольском поселении (VI в. до н. э.) и возникновением Неаполя (III в. до н. э.) существует хронологический разрыв по меньшей мере в два столетия. Это говорит за то, что возникновение скифских городищ не могло служить причиной оставления крымских предгорий таврами, скифские городища не вытеснили таврские селища¹². По всей вероятности, причиной ухода отсюда тавров было появление здесь в VI в. до н. э. кочевых скифов, которые своими набегами заставили тавров отступить к югу, в горы, и укрепить там свои городища мощными стенами.

⁸ И. Т. Кругликов а. Поселения эпохи поздней бронзы в Восточном Крыму. СА, XXIV, 1955, стр. 91, 92.

⁹ См. В. В. Б о б и н. Черты сходства культур древнего населения Крыма и Северного Кавказа времени перехода от бронзы к железу. Сб. «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957, стр. 54—60.

¹⁰ А. А. Щ е п и н с к и й. Некоторые новые археологические находки в Симферопольском и Черноморском районах Крымской области. Изв. Крымск. отд. Геогр. об-ва СССР, вып. 1, 1951, стр. 113—114.

¹¹ П. Н. Ш у л ь ц. Тавро-скифская экспедиция в 1946 г. «Советский Крым», № 5, Симферополь, 1947, стр. 65, 66.

¹² См. О. Д. Д а ш е в с к а я. Скифские городища Крыма. Автореферат канд. диссертации. М., 1954, стр. 4.

А. Е. АЛИХОВА

ОСОБЫЙ ТИП СООРУЖЕНИЙ НА ГОРОДИЩЕ КУЗИНА ГОРА

Курским Краеведческим музеем совместно с ИИМК АН СССР в течение последних трех лет проводятся исследования древнего городища, находящегося в 40 км к западу от Курска, на правом берегу р. Сейма, в Ивановском районе.

Городище расположено на восточном конце отрога плато, носящего название «Кузина Гора». По размерам и внешнему виду оно обычно для средней полосы. Это городище мысового типа, защищенное с напольной стороны двумя валами и рвами, разделенными посередине въездом.

На нем раскопками был выявлен необычный тип сооружений. По краю площадки городища прослеживалась постройка шириной около 4 м

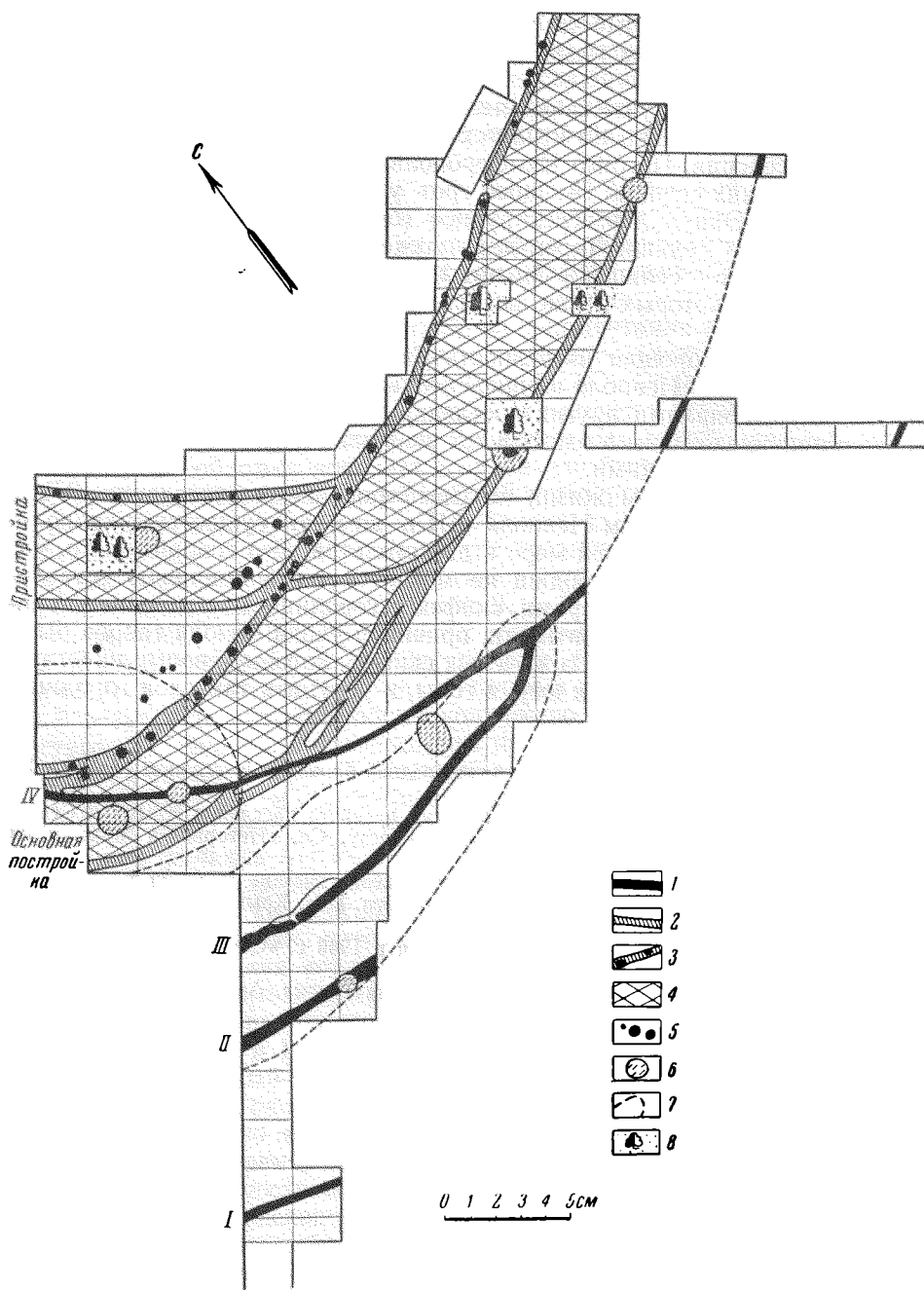

Рис. 1. План сооружений

1 — канавы от I, II, III и IV оборонительных стен; 2 — канавы от внешних стен построек; 3 — канавы от внутренних стен построек; 4 — постройки; 5 — столбовые ямы; 6 — ямы; 7 — валы; 8 — нераскопанные участки

(рис. 1). От этой постройки сохранились канавы, аналогичные канавам на скифском Каменском городище, описанном Б. Н. Граковым¹.

Канавы, оставшаяся от внешней стены, была особенно глубока — до 0,90 м, считая от древнего уровня поверхности. Очевидно, эта стена была сооружена из бревен, поставленных вертикально впритык. Такой тип сте-

¹ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днестре. МИА, № 36, 1954.

ны встречен на Архангельском городище в Воронежской области². Канава внутренней стены мельче на 0,20—0,40 м. В ней на дне прослеживаются столбовые ямы диаметром 0,30 м, расположенные на расстоянии 1,5—2 м одна от другой. Это указывает на иной тип стены, близкий к столбовым домам Бискупинского городища³. Ни очагов, ни поперечных перегородок в доме не обнаружено. Во внутренней стене имелся ряд узких входов, расположенных на значительном расстоянии один от другого.

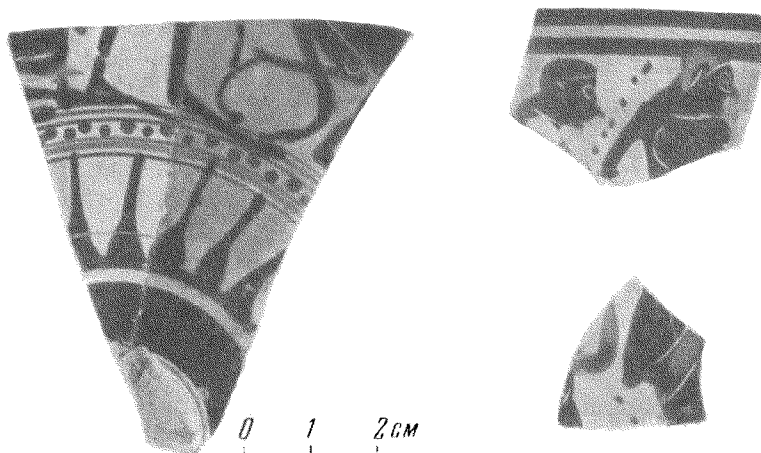

Рис. 2. Обломки чернофигурной керамики

Внутри постройки прослеживается тонкий пеплистый культурный слой, особенно богатый керамическим материалом.

Поселение было обнесено оборонительными стенами (см. рис. 1).

На городище прослежены два строительных периода. Первоначальное поселение не имело валов и рвов. Въезд в него был со стороны мыса. Можно предположить, что в этот период с напольной стороны въезда не было, но это еще подлежит дальнейшему исследованию. Вход на площадку городища представлял собой узкий коридор шириной 0,6—0,9 м и длиной 6 м, образованный путем изгиба внутрь под прямым углом концов внутренней оборонительной стены (внешняя стена в этом месте еще не вскрыта). Внутренний проход, более широкий (1,6—2 м), был образован поперечными стенами дома, которые продолжались за пределы дома внутрь площадки на 1,62 м.

Второй строительный период начался с момента, когда по каким-то причинам дом с напольной стороны был разрушен. На его месте была сооружена четвертая оборонительная стена (см. рис. 1).

Сам же дом был отодвинут внутрь площадки на 6 м. Затем параллельно этой части дома были насыпаны два вала: внутренний — на месте разрушенной постройки и IV оборонительной стены и внешний — на месте II и III оборонительных стен. I оборонительная стена оказалась при этом за пределами внешнего рва. Въезд на мысовой части был перегороджен стеной, и был устроен новый въезд с напольной стороны.

В раскопе, заложенном на площадке городища у внутреннего вала против въезда на городище, вскрыта часть новой пристройки с проездом на

² А. Н. Москаленко. Раскопки на Архангельском городище в 1952—1953 гг. КСИИМК, вып. 62, 1956.

³ М. В. Воеводский. Остатки торфяного поселения лужицкой культуры в Польше. ВДИ, 1938, № 2, стр. 232, рис. 10.

городище. Устройство его аналогично встреченному на мысе. Здесь также поперечные стены дома вдавались внутрь площадки, несколько изгибаясь и расширяя тем самым проход. Ширина прохода в узком месте — 2,20 м, в широком — 2,8 м.

Время постройки обнаруженных сооружений хорошо определяется находками нескольких фрагментов чернофигурных аттических сосудов (рис. 2), относящихся, по определению В. Д. Блаватского, к рубежу VI—V вв. до н. э., и обломками ионийских амфор, датированных И. Б. Зеест VI в. до н. э. Один из фрагментов чернофигурного сосуда был найден на дне канавы наружной стены постройки. Эти находки указывают на первый строительный период в жизни городища.

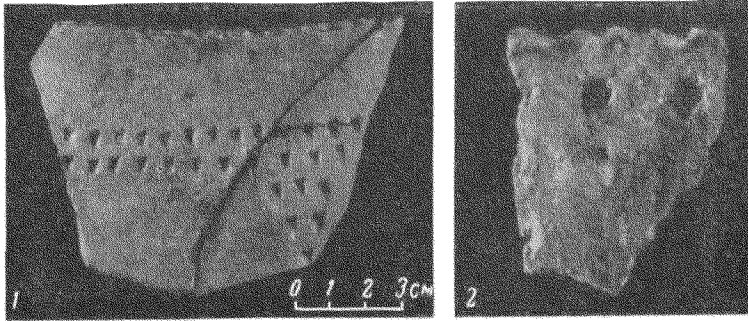

Рис. 3. Образцы керамики с городища Кузина Гора

1 — юхновская керамика; 2 — грубая керамика

Два периода в жизни городища, возможно, следовавшие непосредственно один за другим, прослеживаются также и по керамическому материалу, который делится на две группы.

Керамика первой группы, основной, относится к первому периоду, судя по тому, что она часто встречается в заполнении канав от стен постройки. Это довольно грубая керамика, с примесью шамота, крепкая и хорошо обожженная. Основная форма сосудов — широкогорлый горшок со слабо выраженной шейкой. Крайне редки обломки мисок. Большинство сосудов орнаментировано защипами или насечками по краю и различного типа ямками или горошинами на шейке. В единичных случаях встречаются проколы (рис. 3, 2). Эта керамика явно отличается от керамики городищ Западного Посеймья, известной по Ширяевскому городищу⁴ и разведкам И. И. Ляпушкина⁵.

Керамика второй группы — гладкая, тонкостенная, сделанная из хорошо промешанной глины без примесей — является характерной для юхновской культуры. Это широкогорлые сосуды, часто со слабо выраженной шейкой, орнаментированной различного рода ямками (рис. 3, 1)⁶.

Эта керамика встречена в верхних горизонтах культурного слоя попеременно с грубой. Создается впечатление, что оба описанных типа керамики бытовали одновременно.

Разобраться в этом помогает материал соседнего Плаксинского городища, находящегося на расстоянии 2—3 км от Кузиной Горы. На Плаксинском городище выявлены два культурных слоя мощностью в 0,50 м каждый. В верхнем слое найденная в большом количестве юхновская керамика, аналогичная встреченной на Кузиной Горе; в нижнем — керамика,

⁴ В. А. Ильинская. Городище скифского времени на р. Сейме. Археология, т. VIII, 1953.

⁵ И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры. СА, XII, 1950.

⁶ М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1949.

совершенно идентичная грубой керамике с Кузиной Горы. Аналогичная картина, только менее четко выраженная, прослеживается и на ряде других городищ Курского Посеймья.

Смена типов керамики, очевидно, свидетельствует о смене населения. Судя по материалам Кузиной горы, это произошло не позже конца V в. до н. э. Возможно, что именно с этим событием связан второй строительный период на Кузиной Горе, когда были сооружены более мощные оборонительные укрепления в виде валов и рвов.

Описанное городище на Кузиной Горе представляет большой научный интерес. В первую очередь следует отметить его четкую датировку благодаря находкам обломков чернофигурной керамики. Факт ее нахождения столь далеко на севере уже сам по себе знаменателен. В настоящее время это — самый северный пункт проникновения изделий греческих мастеров.

Связи с Югом прослеживаются также по металлическим изделиям, типичным для скифских памятников. Здесь найдены височные привески, бляхи от конской сбруи, пластинки от панциря и др. Особенно же четко выявляется скифское влияние в строительной технике, известной по Каменскому городищу и могильным сооружениям Посулья.

Д. Я. БЕРЕНБЕИМ

О ПУТИ ГРЕКОВ ЧЕРЕЗ ЧЕРНОЕ МОРЕ

В своей весьма интересной статье «Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами» (МИА, № 33, 1954, стр. 45—57) М. И. Максимова, основываясь на сведениях А. Л. Бертье-Делагарда¹, утверждает, что плавание от Синопы на Херсонес в IV в. до н. э. осуществлялось все время в пределах видимости берегов и что если удачно был выбран момент отплытия, то плаванью всегда содействовал попутный ветер.

А. Л. Бертье-Делагард пишет, во-первых, что «в середине моря в хорошее время видны оба берега, обстоятельство, известное еще Страбону» и, во-вторых, что «на обоих берегах летом дуют правильные бризы, днем с моря, ночью с берега, значит уходя на ночь из Крыма, к утру доходят почти до половины моря при все время попутном бризе, а там скоро подхватываются своим дневным бризом, тоже попутным...».

Таким образом, если бы эти положения А. Л. Бертье-Делагарда были справедливы, то плавание из Синопы на Херсонес «через перевал», как говорят современные моряки, не представляло бы никаких трудностей. В действительности же это не так.

Заметим, что Страбон (II, 5, 22) указывает расстояние между Карамбисом и Бараньим Лбом (современными мысами Керемпе и Сарыч) в тысячу стадиев, что составляет примерно 70% действительного расстояния между ними. По карте № 37 из «Морского атласа» это расстояние равно 144 милям (267 км).

Указание Страбона, что «многие из тех, которые проплывали этот пролив, говорят, что они одновременно видели оба мыса по обеим сторонам моря» (VII, 4, 3), также не внушает особого доверия, так как эти мысы очень низкие и даже дальность видимости маяков на них не превышает 20 миль (37 км).

Если учесть, что и у крымского, и у анатолийского берега расположены довольно высокие горы, дальность видимости которых нетрудно вычи-

¹ Цитируем А. Л. Бертье-Делагарда по статье М. И. Максимова.

слить, то оказывается, что теоретически можно рассчитать ширину полосы в море, откуда будут видны оба берега.

Максимальная дальность видимости гор с судна рассчитывается по формуле $D = 2,08 (H + e)$, где D — дальность видимости гор в морских милях (1 миля = 1852,4 м), H — высота горы над уровнем моря в метрах, e — высота штурманского мостика на судне в метрах. Формула рассчитана для среднего состояния атмосферы, когда полностью отсутствуют туманы и дымка, а коэффициент земной рефракции равен 0,08. При этом высота мостика, с которого наблюдатель рассматривает эти горы, равна 5 м. Высота трехгранных кораблей (трирем) у греков и римлян достигала 6,5 м. Расчеты дальности видимости гор ниже приведены нами для средних по величине судов, так что отклонение дальности видимости в зависимости от высоты судна будет порядка 1—1,5 мили в ту или другую сторону. Наиболее высокими и ближе всего стоящими к береговой черте и к линии мысов Карамбис — Бараний Лоб (Керемпе — Сарыч) являются горы: Ай-Петри (1233 м) на крымском берегу, отстоящая от берега примерно на 7,5 км, с дальностью видимости 73 мили, и Яралыгёз-Даг (1986 м) на анатолийском берегу, в 25 км от берега, с дальностью видимости 92 мили. Области, откуда эти горы теоретически должны быть видны, ограничиваются дугами, радиусами которых является максимальная дальность видимости гор. Пересечение дуг очерчивает зону, откуда теоретически могут быть видны одновременно крымский и анатолийский берега, вернее — упомянутые выше горы.

Наибольшее расстояние между дугами в зоне их пересечения соответствует максимальной ширине полосы, где могут быть одновременно видны оба берега. При благоприятных условиях видимости и среднем состоянии атмосферы это будет около 4 миль. Заметим, что вероятность увеличения рефракции на Черном море весьма невелика. Но в летнее время здесь бывает сравнительно небольшая облачность, почти всегда ясное небо и дымка у горизонта. Поэтому видимость в горизонтальном направлении обычно невелика, и как анатолийские, так и крымские берега исчезают обычно уже в 30—35 милях (56—65 км).

Плавав по Черному морю в течение семи лет, я ни разу не видел одновременно оба берега Черного моря, хотя специально интересовался этим².

Бризовые ветры, о которых пишет А. Л. Бертье-Делагард, на Черном море летом действительно имеют место, но заметны они лишь на расстоянии не более 20—30 км от берега. Помимо этого, бризовые ветры зачастую маскируются ветрами, связанными с прохождением циклонических образований над Черным морем.

Таким образом, ни направление ветра, ни видимость берегов не могли служить для греческих мореходов надежными ориентирами для плавания через Черное море по кратчайшему пути.

Что же могло служить таким надежным ориентиром при плавании напрямик? Наиболее вероятно, что в ночное время такое плавание осуществлялось с помощью ориентации по звездам. Так, весьма удобно было плавать по этому пути, ориентируясь по Полярной звезде, которую греки хорошо знали³. При плавании от анатолийского берега к крымскому По-

² Так, 12—14 августа 1957 г. во время проведения океанографических работ по плану Международного геофизического года нами выполнялся разрез между мысами Керемпе и Ай-Тодор (вблизи мыса Сарыч). Стоял штиль, видимость была вполне удовлетворительной, но горы в районе мыса Керемпе (Карамбис Страбона) мы потеряли в дымке примерно в 30 милях от турецкого берега, а Крымские горы увидели в 35 милях от берегов Крыма. Таким образом, при самых благоприятных условиях плавания по маршруту древнегреческих мореходов мы совершили переход около 80 миль без видимости берегов.

³ Об умении древнегреческих мореходов совершать плавания точно на север, ориентируясь по Полярной звезде, свидетельствует Страбон (XI, II, 3): «Танаис отстоит от устья Меотиды, если плыть прямо на север (разрядка моя.— Д. Б.), на 220 стадиев».

лярная звезда находилась почти как раз по курсу судна, так как плавание происходило почти по меридиану. При плавании же в обратную сторону Полярная звезда находилась все время по корме судна. Плавание могло начинаться в конце дня, чтобы при дневном свете еще был виден берег, а ночью уже идти по звездам; утром же, приближаясь к другому берегу, его можно было увидеть при нормальных условиях видимости на расстоянии около 56—65 км.

Плаванию подобного рода способствовало обычно ясное или малооблачное небо в летний период⁴. Но, безусловно, подобное плавание было значительно более сложным, чем по схеме, предложенной А. Л. Бертье-Делагардом и безоговорочно поддержанной М. И. Максимовой.

⁴ Следует подчеркнуть, что такое плавание было возможно только в летний период года, когда на Черном море преобладает антициклоническая маловетренная погода с ясным обычно небом, и вряд ли плавание могло осуществляться зимой, когда преобладают сильные и холодные штормовые ветры, а все небо затянуто облаками. Известно, что даже в конце средневековья, когда искусство мореплавания было выше, чем в античную эпоху, постановлением кафедрского трибунала генуэзцам было запрещено плавание по Черному морю «от декабрьских календ до половины марта». См. В. Х. Кондараки. Универсальное описание Крыма, ч. III, СПб., 1875, стр. 57.

Е. Г. КАСТАНАЯН

РАСКОПКИ ПОРФМИЯ в 1953 г.

В 1953 г. были проведены раскопки городища, расположенного к северо-западу от г. Керчи, на берегу Керченского пролива, между пос. Опасное и дер. Жуковка.

Городище занимает площадь около 0,65 га (рис. 1). Конфигурация его определяется линией крепостной стены; в плане оно имеет вид неправиль-

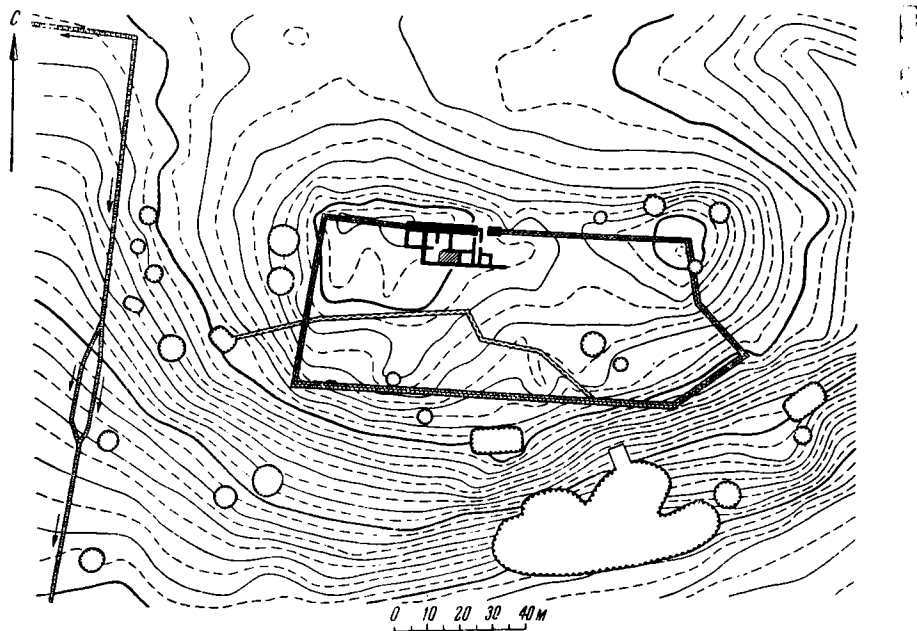

Рис. 1. План городища Порфмий

ной трапеции, вытянутой с востока на запад, с выступом в восточной части. Городище относится ко второй половине VI — началу I в. до н. э. Условно мы называем это городище Порфмием, о котором упоминается в перипле Анонима.

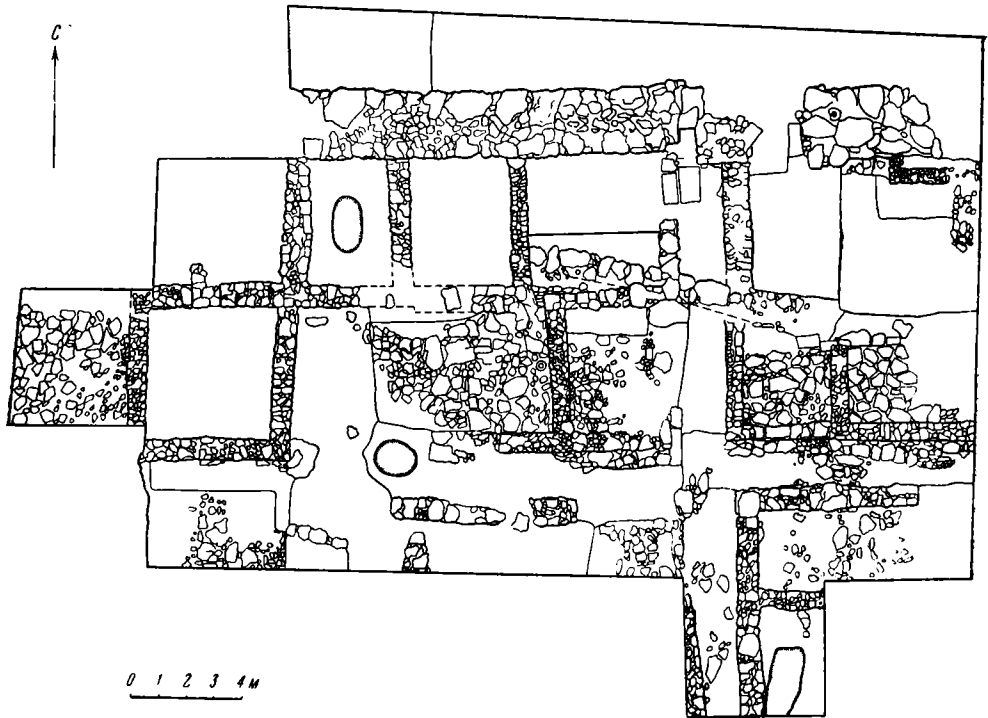

Рис. 2. План раскопанного участка Порфмия

По словам автора этого перипла, Порфмий (Аноним называет его то $\chi\acute{\omega}\mu\eta$, то $\chi\omega\rho\acute{\iota}\omicron\nu$) находился на европейском берегу Керченского пролива. Само название «Порфмий» происходит от греческого слова $\pi\omicron\rho\phi\mu\epsilon\acute{\iota}\omicron\nu$, что означает «место для переправы». Поэтому естественно предположить, что населенный пункт, носящий такое имя, находился в месте, откуда совершалась переправа через Боспор Киммерийский с европейско-

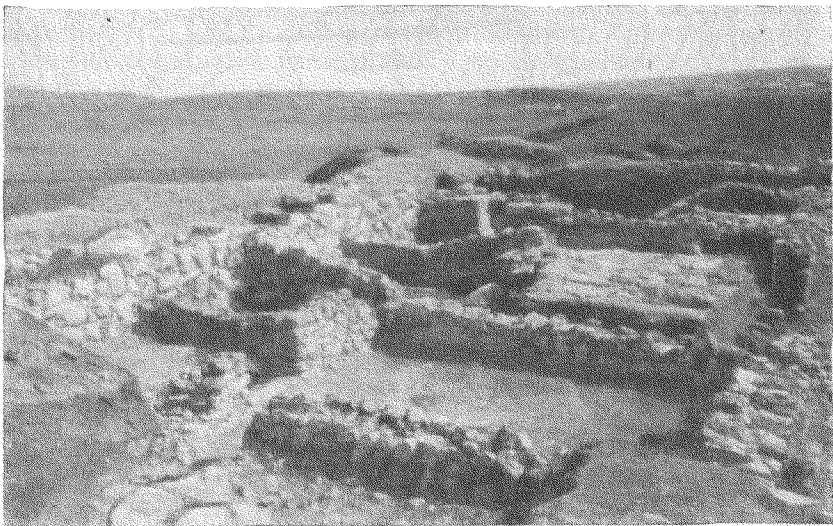

Рис. 3. Общий вид раскопанного участка Порфмия (с юго-запада)

го берега на азиатской, т. е. в самом узком месте пролива, наиболее удобном для переправы. Таким местом и являлось то, на котором расположено наше городище.

Раскопками 1953 г. вскрыта площадь в 625 м^2 (рис. 2 и 3). Раскопана на протяжении около 30 м часть городской стены, построенной из крупных (до 1 м) необработанных глыб известняка на глине с бутом. Высота стены в наиболее сохранившейся части — 2,25 м.

Открыты городские ворота шириной свыше 2 м, по бокам которых со стороны города располагались пристройки типа пилонов. Сохранился один такой пилон с западной стороны ворот. Кладка его резко отличается от кладки крепостной стены. В противоположность последней, пилон построен из тесаных квадров известняка правильной прямоугольной формы, один из которых оказался рустованным. Время сооружения крепостной стены с воротами — III в. до н. э. Во II в. до н. э. в связи с перепланировкой участка города возле городских ворот эти последние были застроены и, видимо, перестали функционировать.

От ворот к югу шла улица (рис. 4) шириной 1,60 м, раскрытая на протяжении 25 м. Она имела черепяную вымостку из сильно измельченных обломков глиняной посуды вперемежку с морской галькой и мелким щебнем. На расстоянии 10 м от городской стены, параллельно ей, проходила вторая улица шириной 1,25 м, имевшая вдоль северной своей стороны по-

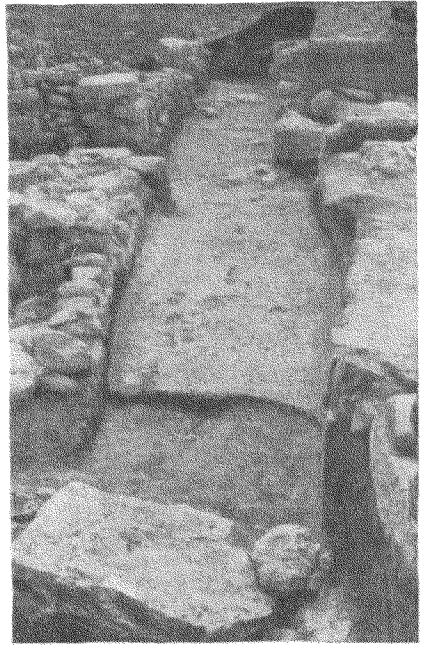

Рис. 4. Улица с черепяной вымосткой

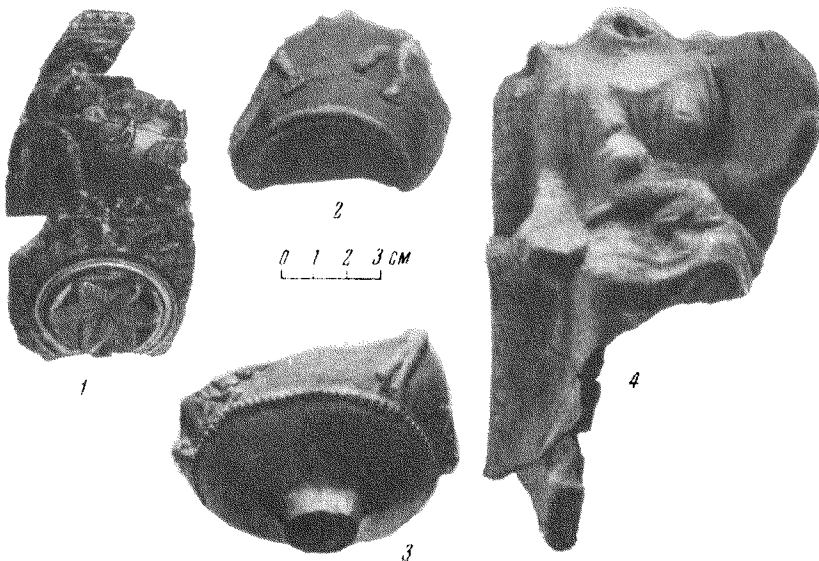

Рис. 5. Фрагменты сосудов (1—3) и терракоты (4) из эллинистического слоя

Рис. 6. Терракота из слоя II в. до н. э.

добытые при раскопках вымостки, принадлежат гераклеийским, родосским и синопским амфорам. Ниже вымостки шел слой конца IV — начала III в. до н. э., содержащий обломки гераклеийских амфор с энглифическими клеймами, фасосских амфор и краснофигурных сосудов. Таким образом, вымостка не древнее III в. до н. э.

Раскопано пять домов, пристроенных впритык к крепостной стене. Город в этом месте имеет четкую, правильную планировку, дома построены по единому образцу. С южной стороны домов расположены дворы, имеющие выход на улицу, параллельную крепостной стене (рис. 3). Уровень жилых помещений ниже уровня дворов в среднем на 0,50 м.

Находки из эллинистического слоя, к которому относится подавляющее большинство открытых строительных остатков, представлены многочисленными обломками амфор, красноглиняной боспорской посуды, синопских лутериев, так называемых мегарских чашек (рис. 5, 1), чернолаковой и краснолаковой эллинистической посуды, представляющей собой импорт из малоазиатских центров (рис. 5, 2, 3), терракот (рис. 5, 4 и рис. 6). Среди обломков амфор большинство принадлежит синопским и родосским с клеймами, причем преобладают синопские. Встречались также в большом количестве обломки коссских амфор, гораздо меньше — книдских.

Многочисленные находки керамики (главным образом торговой тары), импортированной из различных эллинистических центров, свидетельствуют о том, что Порфмий был одним из крупных торговых центров Боспора в период эллинизма. Большое количество монет, находимых главным образом при разработке уличных черепяных вымосток, дополняет картину бойкого торгового городка, каким рисуется нам в этот период Порфмий.

Встречались также предметы, свидетельствующие о занятии жителей земледелием (зернотерки, ступки, пестики, растиралки для зерна), рыбо-

верх черепяной вымостки — каменную, шириной 0,60 м, состоявшую из одного ряда плит, грубо обработанных, разной формы, размерами приблизительно $0,45 \times 0,50$ м, при толщине 0,10 м. Такая же каменная вымостка была, вероятно, и на первой улице, вдоль ее западного края, но от нее сохранилась только одна плита.

Раскрытая черепная вымостка представляет значительный интерес так как в ней найдено большое количество обломков ручек и горл амфор с клеймами и монет. Большинство найденных в вымостке монет относится к III—II вв. до н. э., единичные — к I в. до н. э. Если учесть, что и остальной датированный материал из городища (включая и монеты) не позже этого времени, то следует считать, что жизнь в городе замирает в начале I в. до н. э. Почти все найденные на городище, в том числе и на вымостке, монеты — пантикапейские; три монеты фанагорийские (250—240 гг. до н. э.), одна синопская (120—63 гг. до н. э.); всего — 104 монеты. Керамические клейма,

ловством (каменные и глиняные грузила круглой и полукруглой формы, медные крючки), ткачеством (ткацкие грузила, пряслица).

Раскопанные кварталы эллинистического города относятся к III—II вв. до н. э., когда участок этот подвергся значительной перестройке. Время постройки крепостной стены определяется залегающим ниже ее подошвы слоем IV—III вв. до н. э., датируемым находками обломков фасосских и гераклейских амфор с энглифическими клеймами, чернолаковых киликов со штампованным орнаментом в виде пальметок и обломками краснофигурных сосудов. Здесь найдена также медная монета второй четверти IV в. до н. э. От этого слоя сохранилась часть кладки, на которой покоится фундамент крепостной стены. Ниже слоя IV в. до н. э. залегал слой V в. до н. э., датируемый обломками чернофигурных и краснофигурных аттических сосудов, обломками чернолаковых киликов с орнаментом на доньшках, исполненным резбой, чернолаковых открытых светильников и ионийских сосудов с красными полосками. Сколько-нибудь выразительных строительных остатков в этом слое обнаружено не было, за исключением частей двух кладок.

В одном месте удалось частично обнаружить здание, относящееся ко второй половине VI в. до н. э. Раскрыт угол этого здания и часть находящейся рядом плитовой вымостки (здание уходит под крепостную стену). Из вещей, найденных в этом слое, следует отметить обломки чернофигурных сосудов с пурпуром и резбой, обломки ионийских киликов и открытых светильников, пухлогорлых амфор с полосами по венчику и ручкам и кружками на горле, исполненными коричневой краской.

Итак, Порфмий представлял собою небольшой, но оживленный торговый городок, роль которого определялась самим его расположением в месте переправы, связывающей европейскую и азиатскую части Боспора. Благодаря местонахождению Порфмия в центре одного из важных торговых путей, такая роль его становится особенно понятной, причем город мог не только производить собственные торговые операции, но и служить базой для складов различного рода товаров, шедших с одного берега Боспора Киммерийского на другой. Отчасти этим можно объяснить громадное количество обломков торговой тары, добытых раскопками городища. Вместе с тем Порфмий, судя по его мощным крепостным сооружениям, служил, очевидно, военным форпостом в системе государственной обороны Спартокидов, защищавшим подступы к боспорской столице — Пантикапею.

Порфмий возник во второй половине VI в. до н. э., но о ранних периодах жизни города мы располагаем пока незначительными данными.

Т. М. АРСЕНЬЕВА

МЕСТНАЯ КЕРАМИКА ИЗ ТАНАИСА

(По материалам Нижне-Донской экспедиции 1955—1957 гг.)

Раскопки Недвиговского городища — древнего Танаиса — в 1955—1957 гг.¹ дали большое количество различного керамического материала. Преобладающее место среди находок занимают амфоры, далее следует лепная керамика. При этом лепная керамика не только не уступает количественно круговой лощеной посуде, как считала Т. Н. Книпович², но на-

¹ Экспедиция ИИМК АН СССР под рук. Д. Б. Шелова.

² Т. К. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 82.

много ее превосходит. Увеличение процента лепной керамики характерно для городов Боспора в римское время³.

К сожалению, не вся керамика Танаиса может быть точно датирована вследствие перекопанности слоев на многих вскрытых участках городища. Поэтому особый интерес представляет датированный серединой III в. н. э. комплекс местной керамики, найденный в 1955 г. на II раскопе, рядом с оборонительной стеной, в подвале помещения «Г»⁴.

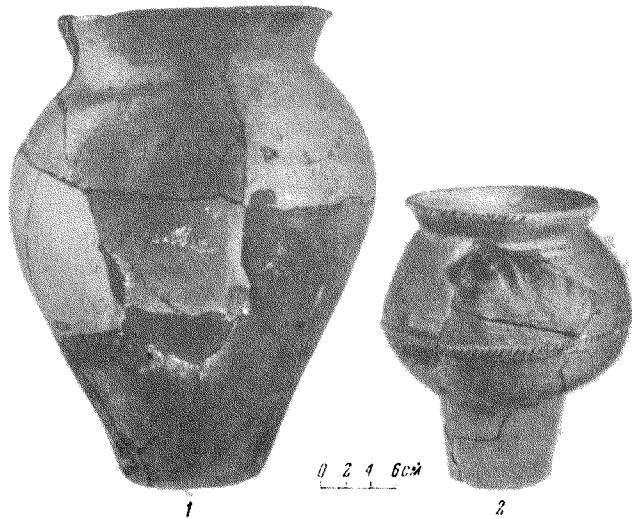

Рис. 1. Лепные сосуды

Среди сосудов местного производства из помещения «Г» наиболее разнообразны по формам лепные сосуды. Среди них преобладают горшки.

Найден большой горшок с яйцевидным высоким туловом, сужающимся ко дну, с крутыми плечами и резко отогнутым венчиком (рис. 1). Дно у него уплощенно-округлое, неустойчивое. Обжиг хороший, поверхность бугристая, серовато-коричневого цвета; в глине имеются включения толченого известняка и мелких камешков. Следов сажи и копоти на стенках нет. Вероятнее всего, горшок служил для хранения продуктов. Подобные же сосуды встречаются в Неаполе скифском⁵.

Подобную же форму имеют два небольших горшочка. Один из них (рис. 2, 10) сделан из хорошо промешанной глины, с тщательно сглаженной поверхностью серовато-желтого цвета. На его плечиках симметрично расположены четыре овальных налета, рассеченных выемкой. Другой (рис. 2, 12) — худшего обжига; поверхность его желтая, бугристая. В глине — включения мелкого камня и толченого известняка. Имеются два сосуда с плавно отогнутым венчиком и округлым туловом. По форме они сходны с горшками первого типа Елисаветовского городища⁶. Один из них (рис. 2, 11) хорошего обжига, с поверхностью серовато-желтого цвета. По

³ И. Т. Кругликова. О местной керамике Пантикалея и ее значении для изучения состава населения этого города. МИА, № 33, 1954, стр. 103; Е. Г. Кастьяная. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки. МИА, № 25, 1952, стр. 286.

⁴ Д. Б. Шелов. Отчет о раскопках Танаиса в 1955 г. Архив ИИМК, № 1168, стр. 9—11.

⁵ П. Н. Шульц. Исследования Неаполя скифского (1945—1950 гг.). Сб. «История и археология древнего Крыма», Киев, 1957, стр. 82, рис. 13, б.

⁶ Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станции Елисаветовской. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 162, рис. 45, 2.

краю венчика проходят глубокие насечки, сделанные палочкой. На плечах — пять небольших налепов. Второй небольшой горшок (рис. 2, 8) имеет поверхность коричневато-серого цвета, хорошо сглаженную. На венчике орнамент в виде насечек. На плечах имеются два овальных и два дугообразных налета с ямками.

Эту же форму повторяет маленький горшочек с черной закопченной поверхностью (рис. 2, 9).

Интересен лепной сосуд необычной формы (рис. 1, 2). Он имеет шаровидное тулово, резко отогнутый наружу венчик и цилиндрический поддон. По краю венчика проходят глубокие насечки. Плечики сосуда украшены М-образным налепом и двумя рядами мелких овальных углублений. Тулово опоясано налепным валиком с насечками. Поверхность сосуда желтовато-розового, местами серого цвета и сглажена травой; в глине — включения известняка и песка. Орнамент в виде вали-

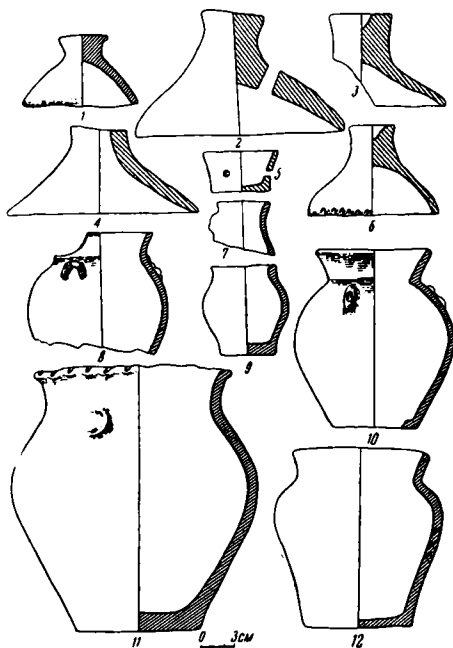

Рис. 2. Лепные сосуды и крышки

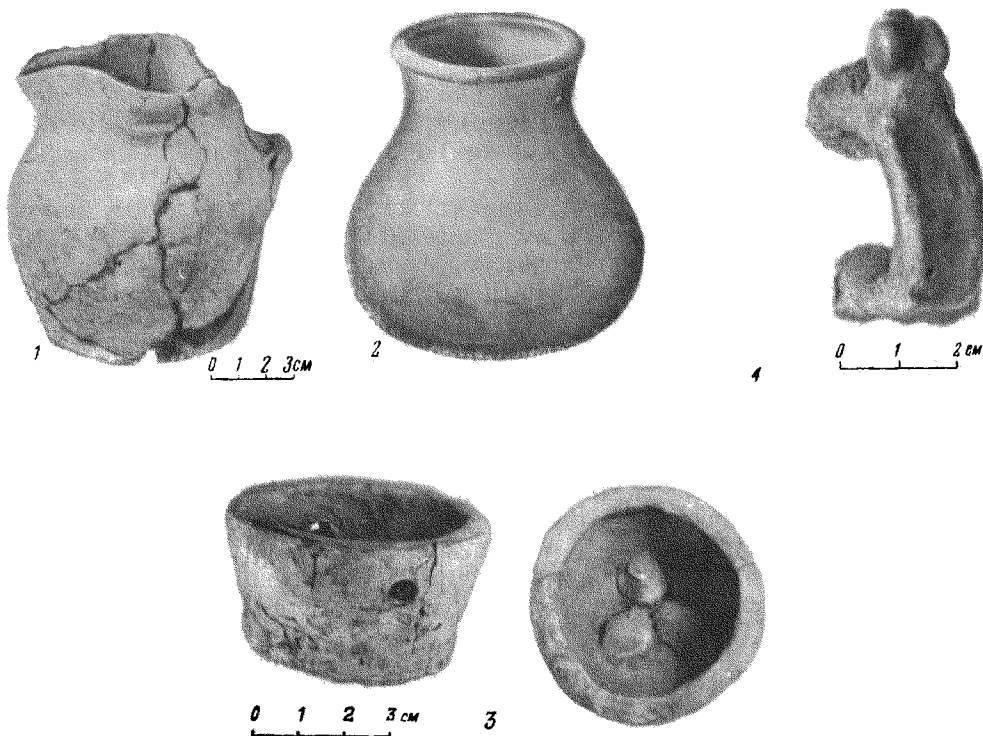

Рис. 3. Лепные сосуды

1 — кувшинчик со сливом; 2 — лощеный сосуд; 3 — курильница; 4 — ручка со стилизованным изображением животного

ка с насечками встречается на лепной керамике Елисаветовского городища⁷, но на танаитских лепных сосудах он очень редок. Среди лепной керамики аналогии этому сосуду неизвестны. По форме он напоминает психтер.

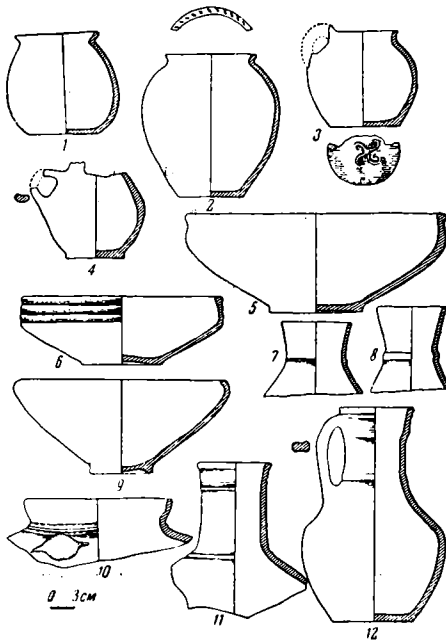

Рис. 4. Сосуды, сделанные на гончарном круге

для выхода пара. Часть крышек орнаментирована по краю насечками (рис. 2, 1, 6). Некоторые из крышек, наиболее устойчивые, одновременно могли служить и мисочками. Диаметры крышек — от 9 до 17 см. Подобные крышки (но без сквозных отверстий) известны на нижнеднепровских городищах¹¹.

В подвале помещения «Г» найдено также пять маленьких сосудиков-курильниц высотой от 2,5 до 4,5 см, диаметром от 5,5 до 6,5 см (рис. 2, 5 и рис. 3, 3). Два из них цилиндрической формы, три других — несколько расширяются вверх. Четыре курильницы имеют в стенках около дна по три круглых отверстия, а одна имеет два отверстия и на внутренней стороне дна — выпуклую розетку. Форма курильниц типично сарматская, часто встречающаяся в сарматских памятниках¹².

Рассмотренные нами лепные сосуды различаются между собой характером обжига и качеством обработки глины. Наряду с сосудами из грубой, плохо промешанной глины с примесями камешков и известняка, с бугристой и плохо сглаженной поверхностью, имеются сосуды, сделанные из хорошо отмученной глины, с тщательно обработанной поверхностью, иногда лощеной, часто украшенной орнаментом. Последние сосуды не дают основания говорить о деградации лепной керамики Танаиса¹³.

⁷ Т. Н. Книпович. Опыт характеристики..., стр. 169, рис. 49, 10.

⁸ И. Т. Кругликова. Фанагорийская местная керамика из грубой глины. МИА, № 19, 1951, стр. 99, рис. 6, 3, 4.

⁹ П. Рыков. Суловский курганный могильник. Саратов, 1925, рис. 61, 62.

¹⁰ И. Т. Кругликова. О местной керамике Пантикалея..., стр. 108, табл. III, 35.

¹¹ Н. Н. Потребова. Позднескифские городища на Нижнем Днестре. Рукопись хранится в Архиве ИИМК АН СССР.

¹² И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 15.

¹³ См. Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 78, 79.

Единичной находкой является и небольшой кувшинчик со сливом (рис. 3, 1). Обжиг его плохой, в глине — включения мелких камешков. Подобные сосуды известны из Фанагории (слой I—IV вв. н. э.)⁸.

Следует отметить лощеные лепные сосуды: маленькое горлышко чернолощеного кувшинчика с основанием ручки, отличающееся тщательностью выделки и хорошим качеством глины (рис. 2, 7) и горшок с лощеной коричневой поверхностью (рис. 3, 2). Горшки, аналогичные последнему, известны в Суловском могильнике⁹, а также в Пантикапее (III—IV вв. н. э.)¹⁰.

Довольно часто встречаются на городище сделанные на гончарном круге крышки с небольшими выступами-ручками и похожие на них по форме лепные крышки. Так, в данном комплексе в подвале найдено шесть целых лепных крышек (рис. 2, 1—4, 6). Некоторые из крышек имеют сквозные отверстия

В слое городища круговых грубоглиняных сосудов найдено мало, да и то только фрагменты. В подвале же помещения «Г» найдено четыре таких сосуда (рис. 4, 1—4).

Из них наибольший интерес представляет сосуд с отпечатком на дне в виде крупной выпуклости в центре и расходящихся от нее четырех волн (рис. 4, 3). Подобный мотив встречается на сарматских зеркалах. Полная аналогия такому изображению имеется на бронзовом зеркале из Краснодара¹⁴.

На территории городища найдена и лощеная круговая керамика. Глина этой группы керамики плотная, хорошо промешана, имеет мелкие включения известняка и песка. Поверхность сосудов чаще — серого, реже — черного, желтого или красного цвета, хорошо залощена. Наиболее распространенной формой в этой группе керамики являются миски и кувшины. В нашем комплексе целиком подобрались три миски и кувшин. Найдены также три обломка горловин кувшинов и обломок кастрюли. Миски, найденные в помещении (рис. 4, 5, 6, 9), хорошо известны из Прикубанья¹⁵. Аналогии кувшинам имеются среди керамики сарматского времени Прикубанья¹⁶.

К этой же группе относится фрагмент края кастрюли (рис. 4, 10).

Среди сарматских сосудов имели широкое распространение сосуды с ручками в виде стилизованного животного. В подвале помещения «Г» обнаружена одна подобная ручка (рис. 3, 4).

Рассмотренные типы местной керамики Танаиса частью генетически связаны и непосредственно развиваются из керамики Елисаветовского городища (рис. 2, 7, 9). Это уже отмечала Т. Н. Книпович¹⁷. Часть керамики сделана под влиянием форм античных сосудов (лепные светильники, возможно, сосуд, напоминающий психтер, сероглиняная лощеная кастрюля). Многие сосуды находят аналогии среди сарматской керамики (курильницы, лощеная круговая керамика). Местная керамика Танаиса имеет сходство с керамикой Северного Кавказа, Прикубанья, Нижнего Поволжья и Боспора. Интересно отметить, что лепная керамика Танаиса имеет больше аналогий в лепной керамике того же времени Пантикапея и Фанагории и меньше — в лепной керамике Тиритаки и Мирмекия. В Танаисе, так же как и в Пантикапее и Фанагории, преобладающей формой лепных сосудов являются горшки без ручек¹⁸. В Тиритаке и Мирмекии, наоборот, больше одноручных и двуручных сосудов¹⁹.

¹⁴ Собр. ГИМ, № 46, 943.

¹⁵ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 194; В. П. Шилов. Новые данные об Елисаветинском городище по раскопкам в 1952 г. СА, XXIII, 1955, стр. 238, 245.

¹⁶ Собр. ГИМ, № 43 281 (Кубань, ст. Казанская); Н. В. Анфимов. Ук. соч., стр. 192.

¹⁷ Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 79.

¹⁸ И. Т. Кругликова. О местной керамике Пантикапея...; е е же. Фанагорийская местная керамика из грубой глины.

¹⁹ Е. Г. Кастанаян. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки.

С. Н. БОБЧЕВ

ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАМПАНИИ В СОФИИ в 1952—1956 гг.

Застройка центра Софии в 1952—1956 гг. сопровождалась археологическими раскопками древней Сердики, развалины которой глубоко скрыты под центральными улицами современной Софии.

Изучение топографии города ведется уже давно. Еще К. Иречек, будучи министром просвещения в первые годы после освобождения Болгарии от турецкого ига (1878 г.), рекомендовал молодежи работать в этом

направлении. Впоследствии почти все наши историки и археологи работали в этой области, но лишь в последнее время их деятельность приобрела самостоятельный и целенаправленный характер. Этому во многом способствовало постановление Совета Министров от декабря 1952 г., согласно

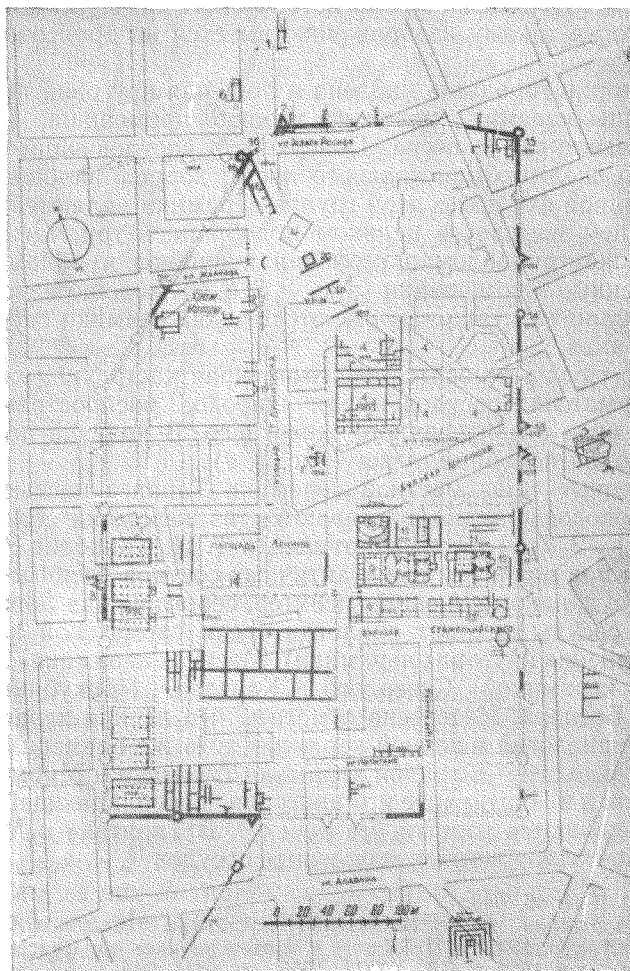

Рис. 1 План археологических раскопок в центре Софии

1 — святилище Зевса Юписта; 2 — большое античное здание; 3 — древнехристианские базилики и баптистерий; 4 — античные кварталы; 5 — здание с круглым бассейном и каналом; 6 — святилище Эскулапа; 7 — треугольная башня; 8 — другая треугольная башня и две административные базилики; 9 — церковь св. Георгия; 10 — бульвертион; 11 — здание с большим залом; 12 — культовый комплекс с октагоном; 13 — круглая башня и часть восточной стены; 14 — другая круглая башня и часть восточной стены; 15 — круглая угловая башня на северо-восточном конце внутренней городской стены; 16 — северные ворота и круглая башня; 17, 18 — треугольные башни у восточных ворот; 19 — средневековые церкви; 20 — резервуар римского каптажа минеральной воды и римские бани; 21 — главный античный водопровод города и распределительная камера

которому всякое учреждение, имеющее отношение к строительству в местах, где можно предполагать наличие древних памятников, обязано выделять средства на их изучение. В том же постановлении Болгарская Академия наук (точнее Археологический институт и его филиалы) обязуется вести исследования памятников. Впервые археологи работали совместно со строителями в центре Софии, где в 1952 г. началось строитель-

ство крупных объектов. До этого, в 1950 г., археологические раскопки проводились на стройплощадке Дома Коммунистической партии, а затем в 1954 г. на улицах, по которым прокладывались трубы центрального отопления с теплоэлектростанции «Республика», а также при каптировании минерального источника и сооружении резервуара на улице Искр и т. д. В данном случае важно то, что Археологический музей получил возможность расширить свои исследования за пределы территории строительных предприятий.

Было обнаружено много следов древней Сердики. Число находок особенно увеличилось начиная с 1949 г. Помимо того, недавние находки обогатили науку новыми данными, которые будут способствовать выяснению облика старой Софии.

На нашем схематичном плане (рис. 1) обозначены цифрами археологические памятники, обнаруженные после 1944 г. Из них явствует ошибочность прежнего взгляда, будто возможности дальнейшего уточнения плана города Сердики ограничены.

В 1949 г. во время строительства химико-технологической лаборатории были обнаружены развалины античного здания, вероятно, храма или святилища Зевса Юписиста (восточного божества времен религиозного синкретизма), если судить по характеру здания, по надписи на алтаре и фрагментам статуй Зевса с его атрибутом — орлом (№ 1 на плане).

Северная часть этого святилища осталась нераскрытой под улицей Симеона I из-за того, что его раскопки требовали исключительно крупных средств и времени.

Такое ограничение работ территорией стройплощадок продолжалось и позднее. Так, например, при строительстве в 1949—1950 гг. дома на бульваре Дондукова и площади 9 сентября было невозможно проследить в восточном направлении (за территорией стройки) открытое там крупное античное здание (№ 2 на плане).

Но если назначение этого античного здания остается неясным, то совершенно ясны и назначение и дата открытых в том же 1950 г. двух базилик времен раннего христианства с круглыми апсидами, ориентированными на восток. Они расположены одна над другой. Верхняя базилика — в три нефа, с атрием, с синтроном в апсиде алтаря — была построена после разрушения нижней. Севернее, вдоль узкой улочки, найдены развалины небольшого здания баптистерия. Все стены этих зданий — смешанной кладки и датируются концом IV или началом V в. (№ 3 на плане).

В районе центра Софии (бывшего и центром древней Сердики), расположенного вокруг минерального источника, продолжали строить большие здания и вместе с тем открывать остатки многих античных строений (№ 4 на плане). Так, открытые в 1951 г. под фундаментом здания Детского магазина на бульваре Стамболийского остатки зданий образовывали вместе с открытыми ранее объектами западнее улицы Калояна большой комплекс длиной 95 м. Судя по большому круглому бассейну с восточной стороны, это были остатки какого-то крупного производства. Подобный же бассейн был открыт покойным С. И. Покровским в 1933 г. на противоположной стороне бульвара Стамболийского (№ 5 на плане). Тогда же на бульваре Г. Димитрова (дом № 35) были обнаружены интересные развалины святилища или храма бога Эскулапа, судя по найденным здесь фрагментам статуи бога Эскулапа с его атрибутами — змеей и чашей (потир). Там же найдены камни цоколей небольшого октагона-моноптера. На сердийских монетах часто выбивались такие октагоны — символ храма бога-целителя (в Сердике долгое время существовал монетный двор). Найденное здесь исключительно большое число сильно поврежденных мелких медных римских монет IV в. подтверждает предположение, что это храм Эскулапа (№ 6 на плане).

С 1931 г. у нас не было новых данных о внутреннем городском крепостном вале, окружавшем площадь от минерального источника до Су-

дебной палаты, но в настоящее время сделаны важные открытия и на этом участке Софии.

На северо-восточном углу бульвара Г. Димитрова и улицы Экзарха Иосифа (в 1951 г.) и под домом № 13 на улице Лавеле, на месте стройки здания Комиссии государственного контроля (в 1952 г.), были открыты развалины треугольных башен, очень характерных для внешнего пояса этого крепостного вала, сооруженного исключительно из кирпича. Особенно интересна первая из них (№ 7 на плане), наиболее ясно очерченная в плане, так как в ней проявляются отличительные признаки эпохи, в которую она была перестроена. По второй же треугольной башне устанавливается новое, уточненное очертание внутренней городской стены — запад-

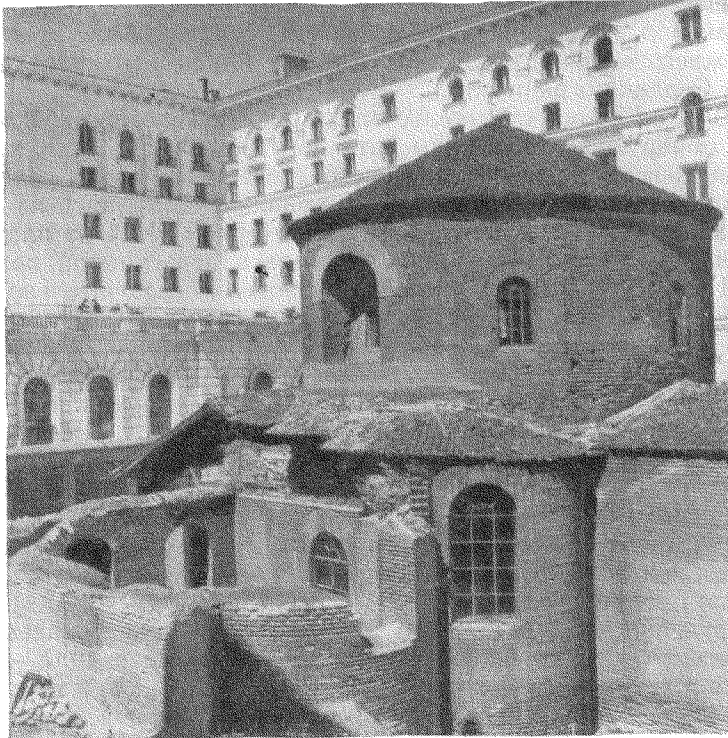

Рис. 2. Древняя церковь св. Георгия

ной, которая долгое время отмечалась лишь предположительно (№ 8 на плане). Развалины двух античных базилик (суд, нотариусы и архивы), открытые непосредственно возле второй башни, вполне закономерно дополнили ряд четырех других базилик, открытых ранее и параллельных им.

Наконец, в декабре 1952 г., когда уже были предусмотрены значительные средства на археологические раскопки, началось строительство четырех крупных зданий в центре Софии. Хотя строительство подвигалось быстро и исследование зачастую за ним не поспевало, результаты совместной работы археологов и строителей оказались благоприятными. Были изучены и полностью выявлены строительные остатки западнее, севернее и южнее церкви св. Георгия, где обнаружен просторный вестибюль с апсидами и атриумом с западной стороны (№ 9 на плане). Под этими постройками, относящимися, вероятно, к V в., были открыты развалины других, более древних строений — III, IV вв. и более раннего времени.

Здесь, в нижних пластах, были обнаружены стены на глиняном растворе и монета фракийского царя Реметалка III. Остатки четырех античных улиц окружают со всех сторон этот большой комплекс вместе с церковью св. Георгия (рис. 2 и 3). Севернее, на узкой улице обнаружены развалины здания, похожего на театр, с каменными сиденьями, расположенными полукругом (вероятно, остатки городского совета — булеветериона Сердики) (№ 10 на плане). Восточнее его открыто большое античное здание неизвестного назначения с одним большим и двумя меньшими залами. Следы такого здания с залами найдены и с другой стороны широкой улицы, южнее комплекса храма св. Георгия (№ 9 на плане). К востоку от «здания с залами», под фундаментом здания Детского магазина, обнаружены сложные очертания основ какого-то здания с водными резервуарами неизвестного назначения (№ 5 на плане). Восточнее церкви св. Георгия при оформлении двора образцовой гостиницы в 1955 г. были обнаружены обширные развалины античного культового комплекса. Он отделен от церкви св. Георгия античной улицей, хорошо сохранившейся, вымощенной крупными плитами. Самая восточная из этих культовых построек представляет собой октагон с античными каменными базами колонн. Во времена раннего христианства этот октагон был превращен в христианский храм посредством пристройки апсиды алтаря с востока. Здесь, как и в других местах, сохранились следы мозаики пола (№ 12 на плане). На западной стороне этого культового комплекса в раннее средневековье пристроено квадратное помещение с доставленными из других мест каменными фрагментами парапетов, колонн и статуй. Изнутри стены оформлены очень интересно и разнообразно декоративными нишами и геометрическими орнаментами из кирпича. Дальше на восток обнаружены значительные остатки восточной части городского вала с круглой башней, несколько раз перестроенной (№ 13 на плане). Западнее башни найден обломок колонны с надписью конца VI в., относящейся к годам, предшествовавшим возобновлению водопровода Сердики. Позднее, в 1955—1956 гг., был обнаружен восточный городской вал, почти полностью сохранившийся на расстоянии 550 м (на 10 м западнее и почти параллельно улице Лере, к северу от бульвара Дондукова). Здесь, перед западным входом здания Дома Партии, обнаружена треугольная башня. Позднее в 75 м севернее была открыта круглая башня (№ 14 на плане), а затем на крайнем северо-восточном конце внутреннего крепостного вала была обнаружена большая угловая круглая башня с остатками стен и лестницы, а также помещения, расположенные, со стороны города (№ 15 на плане).

Наконец, в 1956 г. после нескольких последовательных и вначале безуспешных раскопок на бульваре Дондукова были открыты развалины восточных ворот внутреннего крепостного вала и второй треугольной башни у этих восточных ворот (№ 16 на плане). Южной башней оказалась открытая в 1955 г. треугольная башня (№ 17 на плане). Во время прокладки канала ТЭЦ «Республика» были открыты развалины нескольких небольших средневековых церквей (№ 19 на плане) и северных ворот внутренней крепостной стены — первых обнаруженных ворот Сердики (№ 16 на плане). Вблизи этих ворот, немного западнее, во время рытья в северо-восточном подвале здания торговых рядов найдены были и развалины круглой башни. Тем самым подтверждается достоверность письменных сведений, полученных в 1909 г., согласно которым во время строительства торговых рядов и синагоги в земле были обнаружены развалины крепостного вала и в западном направлении под обоими зданиями (обозначены пунктиром).

При рытье глубокого коллектора по бульвару Г. Димитрова (параллельно каналу ТЭЦ) были найдены следы античных стен, которые определяют направление улиц в этой северо-западной части Сердики, отклоняющейся от обычного направления всех других обнаруженных улиц города (север — юг и восток — запад).

При повторном каптировании минерального источника были обнаружены очень массивные стены широкого резервуара римского каптажа на глубине 9 м (№ 20 на плане). Направление этих стен, как и направление другой массивной стены, открытой под фундаментом универсального магазина и севернее его гипокауста, подтверждает, во-первых, особое направление улиц и зданий в этой части Сердики и, во-вторых, предположение, что здесь в римское время стояло крупное здание — бани.

На этом заканчивается первый этап широкого строительства в центре Софии, в результате чего мы на долгое время теряем возможность исследовать развалины древних строений внутреннего города Сердики, и начинается второй этап. Площадь внешнего города, чрезвычайно мало изученного, еще долгие годы будет давать нам материал для пополнения имеющихся у нас данных о его прошлом.

Рис. 3. Раскопки в центре Софии на месте древней церкви

Здесь, помимо указанных выше святилищ Эскулапа и Зевса Юпсита, южнее Владайской реки (по улице Веслец) впервые были открыты также части внешнего крепостного вала. Тем самым опровергается утверждение некоторых ученых о наличии какой-то изолированной «цитадели севернее реки» и получено основание для исследования этого вала по направлению к югу. К сожалению, это направление до сих пор не проведено, так как здесь не было строительства крупных зданий.

Мы не упоминаем многие другие развалины античных зданий меньшего размера, заснятые и нанесенные на общий план Сердики, так как невозможно связать их непосредственно с другими, более крупными комплексами. Все же рядом с ними были обнаружены остатки каналов, водопроводов и мостовых, указывающих на направление улиц и фасадов зданий. Таковыми являются, например, развалины главного водопровода Сердики по направлению с юга (с Витоши), открытого в 1956 г. на Алабинской улице, южнее Судебной палаты. Они связаны с распределительной камерой водопровода, открытого в 1923 г. во время землекопных работ в районе Судебной палаты (№ 21 на плане).

По-видимому, при планировке города военные соображения брали верх, так как улицы упирались в сторожевые башни, что идет в согласии с общим планом.

Таким образом, Сердика встает перед нами как правильно застроенный и красивый благоустроенный город. Строения были настолько фун-

даментальны, что их снос в настоящее время представляет серьезные трудности.

Расцвет города относится ко II—IV вв. Город несколько раз разрушался пожарами; об этом свидетельствуют углистые слои на одинаковом уровне на всей площади его. Самые тяжелые последствия имел, вероятно, пожар 453 г., запаленный гуннами. После него Сердика снова возродилась и достигла расцвета в царствование императора Юстиниана, но на более ограниченной площади — в районе минерального источника, внутри крепостного вала.

Христианская Сердика сначала строила небольшие, а затем, с IV—V вв., и большие базилики, из которых некоторые, епископские, — за пределами города. Церковь св. Софии — крупнейший памятник того времени — построена на месте других, меньших церквей, кладбищенских, в IV—V вв.

Захват Сердики ханом Крумом был для нее новым тяжелым ударом. Однако невозможно предположить, чтобы ее архитектура не оказала влияния на строительное искусство нового, славяно-болгарского народа, несмотря на резкие различия в мировоззрении и культуре.

Сердика переменила свое название и в известной степени облик, но, видимо, в основном сохранила направление улиц. Правда, строительство стало мельче. Однако город не потерял своего значения. Стены его сохранили свою крепость, о чем говорит направленное султану Мураду в 1382 г. донесение турецкого полководца Лала Шахина, несколько месяцев безуспешно осаждавшего город. Достаточно отметить сильное впечатление, которое произвели на победителей-турок богатство города и мужественный отпор защитников крепости, чтобы понять, какое богатое наследие досталось нашему народу, населявшему город в продолжение тысячелетий.

Сто лет спустя турки приступили к застройке города, начав с самого большого и солидного здания — Бююк Джамии (ныне Археологический музей). Однако для памятников древности Сердики — Софии наиболее тяжелые последствия имела перемена направления улиц, и в особенности неправильная, кривая прокладка этих улиц. Интересно отметить, что теперь направление главных улиц снова совпадает с направлением античных улиц, вопреки долгим вековым изменениям в эпоху болгарского и особенно турецкого средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Известия на Българското археологическо дружество, 1910—1920.
2. Известия на Българския археологически институт, 1921—1952.
3. F. Kanitz. Donaubulgarien und der Balkan. 2 изд., т. 2, Leipzig, 1882.
4. К. Иречек. Пътувания по България. Превод от чешки от С. Аргиров. Пловдив, 1899.
5. К. Иречек. Български дневник, ч. I и II. Превод от чешки от С. Аргиров, София, 1930.
6. Г. И. Кацаров. Принос към старата история на София. Кн. I от Материали за историята на София. София, 1910.
7. С. Добревски. Исторически очерк на софийската крепост. Военен журнал, 1907.
8. С. Добревски. Укрепяване на родината през вековете. Издание на Военно-инженерната библиотека. София, 1934.
9. С. Н. Бобчев. Сердика. Материали за изучаване топографията, устройството и архитектурата на града. Кн. XII от Материали за историята на София. София, 1944.
10. С. Н. Бобчев. Днешното състояние на проучванията върху останките от Сердика. Сп. Сердика. Год XV (1952).
11. С. Н. Бобчев. Стара Сердика под нова София. Сп. Природа. Кн. II. 1953.
12. Т. Иванов. Страници из миналото на Римска Сердика. Сп. Сердика, год XV (1952).
13. С. Н. Бобчев. История на архитектурата на стария свят, ч. II, София, 1955, стр. 86, табл. LXII.
14. С. Михайлов. Археологически изследвания в центъра на София. Исторически преглед, т. IX, кн. 5. София, 1953.

Р. Б. АХМЕРОВ

СТЕКЛЯННЫЙ СОСУД ИЗ УФИМСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ

В 1953 г. во время рытья траншеи во дворе дома № 8 по ул. К. Маркса обнаружено и затем мною доследовано детское погребение с интересным инвентарем. Рядом выявлены следы еще трех разрушенных и разграбленных погребений взрослых. Публикуемый стеклянный сосуд принадлежит, несомненно, одному из этих погребений.

Сосуд (рис. 1) представляет собой толстостенную чашу из матового стекла, которое местами имеет зеленоватый оттенок, а изнутри крошится

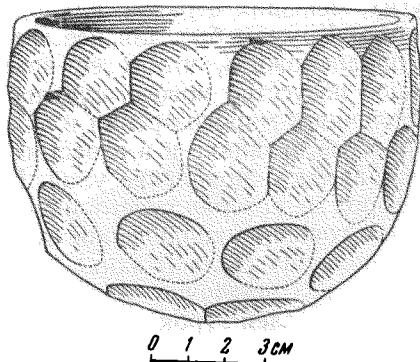

Рис. 1. Стеклянный сосуд

белыми слоями. Верхний край сосуда прямой, стенки плавно переходят к округленному днищу. Внутренняя поверхность гладкая, а наружная орнаментирована многочисленными овальными выемками неправильной формы. Высота сосуда 8,5 см, диаметр 10 см, толщина стенок 0,5 см.

Этот сосуд пока является единственным стеклянным сосудом, встреченным при археологических раскопках в Башкирии и вообще на Урале. Но он имеет почти точные аналогии среди кавказских находок: это стеклянная чаша из кургана у с. Лац в Северной Осетии¹ и подобная же чаша, найденная при раскопках городища Судагылан на р. Мингечаур в Азербайджане в слое I—III вв.² В отличие от уфимского мингечаурский сосуд имеет орнамент из одинаковых круглых выемок.

Стеклянные сосуды с аналогичным орнаментом из выемчатых овалов — флакон и обломок чаши — найдены при раскопках Гарни в Армении и также датируются I—III вв. н. э. Б. Н. Аракелян считает их изделиями местного производства, изготовленными путем литья в форме и затем — шлифовки на точильном круге³.

Если учесть удивительное сходство между уфимским и кавказскими сосудами, то можно думать, что они представляют собой продукцию одного производства. Вероятно, наш уфимский стеклянный сосуд тоже происходит с Кавказа. Он является одним из тех характерных археологических предметов, которые наглядно свидетельствуют о тесных связях древних племен Приуралья с племенами и народами Кавказа и Причерноморья.

¹ Е. Г. Пчелина. Два погребения времени алано-хазарской культуры из селения Лац. Тр. секции археологии РАНИОН, IV, 1928, стр. 408—422, рис. 2.

² Р. М. Ваидов. Раннесредневековое городище Судагылан (Мингечаур). КСИИМҚ, вып. 54, 1954, стр. 130 и рис. 59, 5.

³ Б. Н. Аракелян. Значение раскопок в Гарни для изучения культуры древней Армении. ВДИ, № 3, 1953, стр. 155, 156, рис. 6; его же. Гарни, II. Ереван, 1957, стр. 64 сл., рис. 37.

В. И. КОЗЕНКОВА

ГОНЧАРНАЯ ПЕЧЬ ИЗ ХИЛЛЯ

Летом 1956 г. во время археологической рекогносцировки в Пахта-Абадском районе Андижанской области на территории колхоза им. Карла Маркса (кишлак Хилля) обнаружены развалины большого древнего поселения. Вся современная поверхность в этом месте представляет собой сглаженные в результате распашки холмы, усеянные фрагментами керамики и стекла IX—XII вв.

В обресе оврага у кишлака Хилля удалось проследить, что культурный слой имеет толщину от 3 до 5 м.

Развалины гончарного горна были обнаружены в западной стенке оврага на глубине 3,5 м. В целях выявления конструкции печи на краю

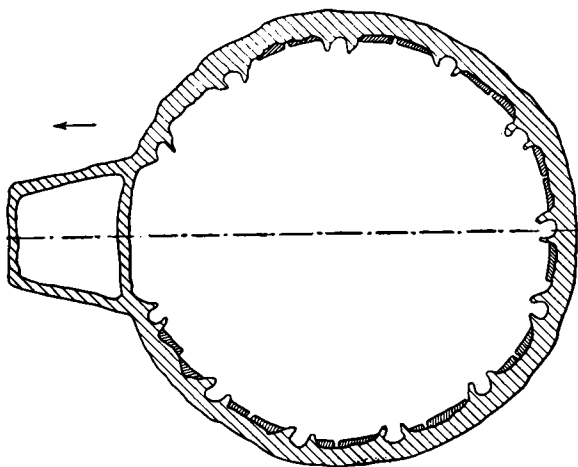

Рис. 1. План гончарной печи

оврага был заложен шурф площадью 3×3 м. Раскопки показали, что сохранилась лишь топочная камера печи. Топка была вырыта в лёссе. Стенки ее оказались местами покрытыми светло-зеленым шлаком. Толщина шлаковой массы колеблется от 5 до 7 см. При расчистке печи удалось проследить остатки пода обжигательной камеры — площадки, на которой расставлялась для обжига посуда. Под имел толщину 0,28—0,30 м. Установлено наличие 12 круглых жаропроводных отверстий, расположенных по краю пода. Диаметр отверстий — 0,12—0,14 м. Стенки отверстий покрыты глиняной обмазкой и в результате воздействия огня приобрели желтовато-зеленый налет, несколько отличающийся по цвету от шлака. Жаропроводные отверстия, проходя через толщу пода, расширяются книзу воронкой и несколько врезаются в стенки топки. Печь не имела опорного столба, на котором бы держался под. Форма топочной камеры бочкообразная, круглая в плане (рис. 1). Высота топки — 2 м, диаметр пода — 2,25 м, диаметр дна — 1,70 м. С южной стороны топочной камеры имелся небольшой топочный ход. В нем перед отверстием для загрузки топлива имелась трапецевидная ямка для золы глубиной 0,88 м. Размеры топочного хода: высота вместе с ямкой — 1,73 м, длина — 0,52 м, ширина — 0,45—0,65 м. Высота отверстия, ведущего в камеру — 1,13 м. На дне топки сохранились пережженные остатки веток, соломы и травы.

По конструкции наша печь относится к широко распространенному типу двухъярусных гончарных горнов, но в то же время она отличается от большинства известных нам памятников такого рода.

В Средней Азии аналогичные печи были открыты В. Л. Вяткиным на Афрасиабе в квартале гончаров с материалами VII—VIII вв.¹ Они также круглые в плане, двухъярусные, без опорного столба, с подом, сложенным из кирпича в клетку. В Южной Туркмении, в Мерве, обнаружено несколько гончарных горнов, напоминающих печь из Хилля. Такова двухъярусная, без опорного столба, со сложной системой жаропроводных отверстий печь из Уч-Тепе². Более отдаленно напоминает нашу печь горн из Гяур-Калы, относящийся по времени к первым векам нашей эры³.

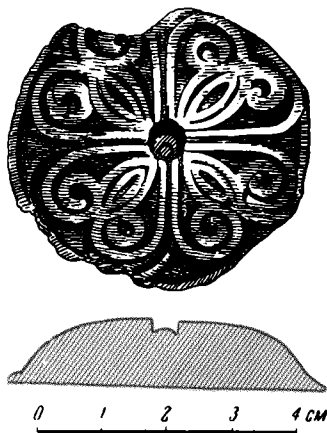

Рис. 2. Глиняная бляшка-налеп

Но наиболее близкие аналогии гончарному горну из Хилля мы находим в Хорезме. Здесь раскопаны многочисленные двухъярусные круглые печи, относящиеся к различному времени — от античности до средневековья (Канга-Кала, Шемаха-Кала)⁴. М. Г. Воробьева отмечает, что в Хорезме в кангюйский период имелись печи с перекрытиями между камерами в виде глиняного диска с продухами и без опорного столба⁵. Из хорезмийских печей необходимо еще отметить сходную по конструкции с нашей печь, раскопанную М. Г. Воробьевой у Уй-Калы⁶. М. Г. Воробьева датирует этот памятник первыми веками нашей эры. Печь из Уй-Калы круглая в плане, с двумя камерами, без опорного столба, с перекрытием между камерами в виде глиняного диска с жаропроводными отверстиями, с ямой перед топочным устьем. Однако здесь нет такого выделенного углубления для золы, которое характерно для печи из Хилля. Таким образом, сравнение с известными нам гончарными горнами из других районов Средней Азии позволяет отнести нашу печь к кругу печей, датирующихся от рубежа нашей эры до средневековья. Для более точной датировки печи рассмотрим в первую очередь условия находки.

Изучение материала из раскопок показывает нам картину постепенного разрушения печи. После того как обрушилась обжигательная камера, печь была заброшена, топка стала заполняться мусором. Печь располагалась в самом нижнем слое поселения, и материал, заполнявший топочную камеру, оказался разновременным. Здесь найдены обломки глазурованных чаш с белой или зеленоватой поливой и подглазурной росписью в виде буквенного орнамента и процарапанных завитков под глазурью, а также несколько донышек от блюд с коричневой вихревой розеткой, которые характерны для саманидо-караханидского времени. Аналогии им многочисленны на Афрасиабе и в Семиречье. Имелся и материал более раннего времени. Это — фрагменты грубой лепной керамики, аналогичной кассанской, которую А. Н. Бернштам относил к тюркскому времени⁷. Здесь же

¹ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Ташкент 1927. стр. 32.

² В. И. Сарияниди. О гончарных печах древней Маргианы. Доклад на Среднеазиатской секции археологического пленума ИИМК в 1956 г.

³ Е го же. Керамические печи городищ древнего Мерва. Сборник студенческих работ САГУ, вып. V, Ташкент, 1953, стр. 55.

⁴ Н. В. Вактурская. О раскопках 1948 г. на средневековом городище Шемаха-кала. Тр. Хорезмской экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 190.

⁵ М. Г. Воробьева. Гончарные печи античного Хорезма. КСИЭ, т. XXVI, 1957. стр. 115.

⁶ М. Г. Воробьева. Опыт картографирования гончарных печей для атласа. Доклад на II среднеазиатском совещании археологов и этнографов в Сталинабаде в 1956 г.

⁷ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 241.

найлены фрагменты хума с резным и штампованным орнаментом и несколько обломков стеклянной посуды. Небольшая небрежно сделанная стеклянная ручка с шишечкой очень напоминает ручки стеклянных сосудов доарабского времени из Афрасиаба⁸.

На глубине около 3 м от поверхности, там, где расчищены остатки перекрытия между камерами, найдена обожженная бляшка-налеп со штампованным орнаментом (рис. 2). Бляшка, видимо, является производственным браком, она отлепилась от сырого еще сосуда (с тыльной стороны хорошо видны следы пальцев гончара).

Растительный узор на бляшке, нанесенный штампом, напоминает орнамент на металлических бляшках и щитах пряжек тюрских поясов из раскопок С. В. Киселева на Алтае около Курая⁹.

В слоях VI—VIII вв. на Афрасиабе В. Л. Вяткин отметил находки фрагментов хумов со сходным орнаментом¹⁰. К тюркскому слою относится и хум с налепами, найденный А. И. Тереножкиным на Афрасиабе¹¹.

Помимо этого, в слое топочной камеры найдено свыше 30 обломков покоробленных стенок от бракованных сосудов, покрытых красным ангобом, среди которых — несколько черепков, покрытых по внешней поверхности красным и коричневым ангобом и лощением. Черепки довольно массивны и принадлежат сосудам, изготовленным на круге. Такая керамика, так называемая позднекушанская, была распространена в Средней Азии, в том числе и в Фергане, в III—V вв. н. э.¹²

В топочном ходе, у самого отверстия, внутри топки, найден целый бракованный покривившийся сосуд на узком поддоне с грушевидным туловом и прямым венчиком; ручка отбита (рис. 3). Сосуд изготовлен из хорошо отмученной глины на ножном гончарном круге и покрыт красным ангобом. Но по тесту, по общему облику и по качеству ангоба, покрывающего поверхность сосуда, его можно отнести к V—VI вв. н. э.

Для определения времени действия гончарного горна кружка имеет особо важное значение. Наиболее вероятной датой керамического горна из Хилля надо считать V—VII вв. н. э. Эта датировка определяет время и бракованных красноангобированных черепков, и декоративную бляшку-налеп.

Размеры печи свидетельствуют о том, что производство керамики было ремесленным. Сама гончарная мастерская располагалась, видимо, недалеко от печи.

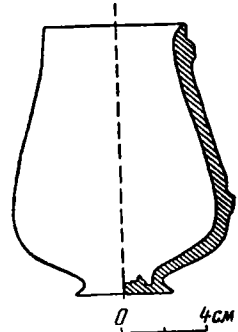

Рис. 3. Кружка, найденная в гончарной печи

⁸ В. Л. Вяткин. Ук. соч., стр. 61—63, рис. 73 и 74.

⁹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 537, табл. 50.

¹⁰ В. Л. Вяткин. Ук. соч., стр. 33, 34, табл. II.

¹¹ А. И. Тереножкин. Раскопки на городище Афрасиабе. КСИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 137.

¹² А. Н. Бернштам. Ук. соч., стр. 230; Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. Тр. Ин-та истории и археологии ФАН УзССР, т. VI, 1951, стр. 12; В. Д. Жуков. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала. Изв. УзФАН, № 10, 1940, стр. 23, 24; Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Тр. Ин-та истории и археологии АН ТаджССР, т. XXXV, 1955, стр. 69.

Н. Г. ПОРФИРИДОВ

ИМЕННЫЕ ВЛАДЫЧНЫЕ ПЕЧАТИ НОВГОРОДА

Одной из наиболее известных групп во всей древнерусской сфрагистике являются печати владык Великого Новгорода. Для этой группы, как и для печатей других новгородских должностных лиц — посадников, тысяцких, — характерно обилие именных печатей, связанных с определенными историческими лицами, и относительно значительное число экземпляров, сохранившихся при грамотах. Кроме того, эта группа представлена вообще большим количеством памятников, фонд которых продолжает непрерывно пополняться новыми находками.

За столетие, протекавшее со времени одного из первых обзоров русской сфрагистики¹, число известных архиерейских печатей древнего Новгорода увеличилось в несколько раз².

Это не значит, конечно, что все, без исключения, проблемы, относящиеся к данному разделу русской сфрагистики, решены. Но быстрое накопление материала постепенно стирает остающиеся на этом участке «белые пятна». Настоящая заметка имеет целью пополнить основной вид новгородских владычных печатей — именные печати — новым, неизданным или малоизвестным, материалом, поставив его в связь с кратким обзором всего накопившегося материала.

В каталоге новгородских владык, заполняемом на основании наличия их именных печатей, остается все меньше пробелов. Новгородскую кафедру со времени ее учреждения до утраты самостоятельности Новгородской республики занимало 28 лиц, не считая не имевших посвящения. Семь первых епископов XI и начала XII в. не оставили печатей или, во всяком случае, их печати пока не известны. Из остающихся 21 к настоящему времени оказываются без именных печатей только пять. Точнее, эта цифра должна быть уменьшена до четырех, так как в числе памятников этого вида должна учитываться печать несомненно именная, на которой как раз строка надписи с именем владельца оттиснулась неразборчиво³.

Древнейшей именной печатью новгородских владык, дошедшей до нас, является пока печать Н и ф о н т а (1130—1156 гг.), известная в нескольких экземплярах, оттиснутых несколькими различными матрицами. Три экземпляра ее воспроизведены Н. П. Лихачевым⁴; четвертый, найденный в 1920 г. на Яковлевской ул. в Новгороде, находился в собрании Новгородского музея (рис. 1, 1)⁵. Небезынтересно отметить, что из четырех экземпляров лишь два — из новгородских находок, другие два — зарубежного происхождения (Константинополь и Афины).

Относящаяся к типу именных владычных печатей, который в течение долгого времени, с XI по XIV в. включительно, характеризовался наличием на одной стороне изображения Богоматери Знамение, на другой — строчной надписи с именем владельца, печать Нифонта по некоторым особенностям пока не имеет себе аналогий среди новгородских печатей. Изображение Богоматери на ней поясное, тогда как на всех других печатях оно дается в рост. Надпись на печати греческая, чего на других именных новгородских владычных печатях не встречено. Оба указанных обстоятельства ставят печать этого новгородского епископа в ряд известных печатей XI—XII вв. русских епископов-греков: киевского митрополита Никифора, смоленского епископа Мануила, галицкого епископа Козьмы. Печати Нифон-

¹ Лакиер. Русская геральдика. Записки Археологического общества, т. VII. СПб., 1854, стр. 162, 163.

² В. Л. Янин. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. Тр. Новгородской археологической экспедиции, т. I. МИА, № 55, 1956, стр. 144.

³ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом. Архив ЛОИИМК. Табл. XXXVIII, 13.

⁴ Там же, табл. XXVIII, 10, табл. XLIII, 8; табл. LIII, 2.

⁵ Воспроизводится по фотографии, любезно предоставленной М. К. Каргером.

Рис. 1. Печати новгородских владык

1 — печать епископа Нифонта (1130—1156 гг.); 2 — печать архиепископа Митрофана (1199—1211 и 1219—1223 гг.); 3 — печать архиепископа Антония (1211—1219, 1225—1228 и 1228—1229 гг.); 4 — печать архиепископа Моисея (1325—1330 и 1352—1359 гг.); 5 — печать архиепископа Ионы (1458—1470 гг.); 6 — печать архиепископа Феофила (1470—1482 гг.)

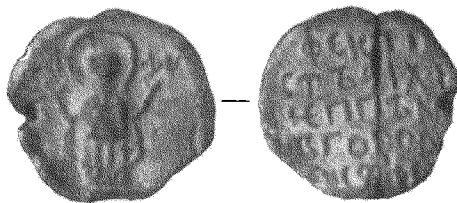

Рис. 2. Печать архиепископа Феоктиста (1299—1308 гг.), найденная на Готланде

та свойственна особая орфографическая и каллиграфическая безупречность надписи, распределенной на издаваемом экземпляре по пяти строкам следующим образом: АГ ѠСК/ЄПОІСМЕ/ѠФѠNTA/N Ѡ ВОГРА/ДОУ. Все это может служить дополнительным доводом в пользу мнения о греческом происхождении Нифонта. По типологическим особенностям — небольшому размеру (около 20 мм), изяществу изображения и надписи — печать может быть причислена к сфрагистической «классике» XII в.

Следующая из известных именных новгородских владычных печатей принадлежит архиепископу М а р т и р и ю (1193—1199 гг.). Между той и другой печатями сравнительно небольшой разрыв во времени, представляющееся на это время число лиц, занимавших новгородскую кафедру, трех владык: Аркадия, Илии и Григория. В дальнейшем сфрагистический материал такого разрыва не дает.

Печать Мартирия, известная в двух экземплярах⁶, небольшим размером (около 20 мм), изяществом выполнения изображений и надписи сближается с печатью Нифонта. Но за вторую половину XII века в архиерейской печати произошли изменения: надпись на печати уже не греческая, а русская, притом содержащая только обозначение имени и титула владельца, без молитвенного обращения к Богородице; изображение последней — в рост, а не поясное. Эти новые черты затем надолго получили устойчивый характер.

От XIII века литературе известны именные печати также двух новгородских владык (обоих — второй половины века): Д а л м а т а (1251—1274 гг.) и К л и м е н т а (1274—1299 гг.). Из четырех экземпляров печати Далмата два, оттиснутые одними матрицами, но в разном материале (золоте и свинце), дошли до нас при договорной грамоте Новгорода с Готским берегом⁷ (самые ранние из владычных печатей, сохранившихся при документах) и по экземпляру сохранилось в собрании Н. П. Лихачева⁸ и Новгородского музея⁹. Три экземпляра печати Климента — все отдельно от грамот¹⁰. От памятников XII в. обе печати отличаются большими размерами (около 25 мм) и характерным для XIII в. огрубением изображений и шрифта надписей.

Указанный ограниченный репертуар именных печатей XIII в. пополняем еще двумя неизданными памятниками, притом относящимися, в отличие от приведенных, к самому началу века.

В Государственном Эрмитаже находится единственный экземпляр печати архиепископа М и т р о ф а н а (1199—1211 и 1219—1223 гг.)¹¹. На одной стороне печать содержит изображение Богородицы Знамение в рост, с титулами МР — ѠУ, на другой — надпись в пять строк: МТРО/ФАНЪЕ/ППЪНО/ВГОРО/ДСКЪН. Обе стороны печати имеют точечный ободок (рис. 1, 2). Диаметр печати — 26 мм. Экземпляр несколько погнутый. В собрание Эрмитажа она поступила из бывш. музея училища Штиглица и, надо думать, найден в Новгороде¹². Диаметр — 26 мм.

Отдел древнерусского искусства Русского музея обладает таким же уникальным экземпляром¹³ печати архиепископа Антония (1211—1219, 1225—1228, 1228—1229 гг.), в миру — Добрыни Ядрейковича, знаменитого путешественника в Константинополь, трижды занимавшего нов-

⁶ Н. П. Лихачев. Ук. соч., табл. XI, 1; табл. L, 5.

⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., 1949, № 29, стр. 56; Н. П. Лихачев. Ук. соч., табл. XI, 2, 3.

⁸ Там же, табл. LVI, 3.

⁹ Инв. № 3991 (старый № 4042).

¹⁰ Н. П. Лихачев. Ук. соч., табл. XI, 4, 5; табл. XXXVIII, 12.

¹¹ Инв. № 1957/6.

¹² Музеем училища Штиглица печать была приобретена у новгородского антиквара.

¹³ Инв. № 3618 (старый № 11901).

городскую кафедру. Печать с изображением на одной стороне Богоматери Знамение в рост с младенцем у груди и титлами по сторонам МР — ΘΥ ΙС — ΧС и с русской надписью на другой стороне АНТО/ННАРХН/ЄП-СКПО./НОВЪГОРО/ДЪСКЪТІ строгого шрифта, в духе XII в., небольших размеров — 20 мм (рис. 1, 3). Место находки печати — Новгород, уточненное в музейной документации следующим образом: найдена на Софийской стороне, на берегу р. Волхова, под мостом.

Таким образом, из печатей владык XIII в. мы не знаем только именной печати Спиридона (1229—1249 гг.), если не ему принадлежит упомянутая выше печать с плохо оттиснутым именем. Арсений, занимавший кафедру очень недолгое время (был избран в 1223 г., изгнан в 1225 г., вновь появлялся в 1228 г.), притом не имевший посвящения, надо думать, не имел печати.

Именные печати новгородских владык XIV и XV вв. становятся известными почти исчерпывающим образом. Некоторые из них представлены многочисленными экземплярами, в том числе сохранившимися при грамотах. Это века обильной и развитой документации внешнеполитических сношений и внутреннего управления Великого Новгорода. Владыка — обязательный участник государственных актов Новгородской республики.

Печатей Феоктиста (1299—1308 гг.) известно пять, из них три — при грамотах¹⁴; печатей Давида (1309—1325 гг.) — наибольшее количество из всех — семь экземпляров, из них один — при грамоте¹⁵; Василия (1331—1351 гг.) — два экземпляра, оба дефектных¹⁶; Алексея (1359—1388 гг.) — три, из них один — при грамоте¹⁷; Иоанна (1388—1415 гг.) — один фрагментированный экземпляр¹⁸.

Указанную серию печатей XIV в. можно пополнить неизданной печатью Моисея (1325—1330, 1352—1359 гг.). В собрании Новгородского музея имеется ее экземпляр¹⁹, найденный при раскопках музея на Ярославом Дворище в 1946 г. Печать большого размера (диаметром 30 мм), содержит, как и все известные печати XIV в., изображение Богоматери Знамение в рост, на другой стороне — надпись в пять строк крупным уставом: МОНС/ЪНАРХН/ППЪНОВ/ОРОДЪС/. (рис. 1, 4). Другой экземпляр печати Моисея, иных матриц, с таким же грубоватым изображением Богоматери, но с надписью более строгого шрифта, найден при раскопках Новгородской археологической экспедиции АН СССР в 1957 г. на Неревском конце²⁰.

Последний век существования Новгородской республики в отношении владычных печатей являет весьма пеструю картину. Нет ни одного памятника этого периода, который не представлял бы тех или иных отступлений от типа, устойчиво сохранявшегося по XV в., либо в отношении изображения, либо в отношении формулы и расположения надписи, либо, наконец, в отношении материала.

Так, печать Симеона (1415—1421 гг.), дошедшая в единственном экземпляре при грамоте этого владыки, адресованной в Ригу²¹, имеет

¹⁴ Грамоты..., №№ 6, 7, 9; Н. П. Лихачев. Ук. соч., табл. XI, 6--9; Т. J. Agne. Ett. medeltida ryskt sigill, funnet på Gotland. Fornvännen, Stockholm, 1932, кн. 3, стр. 190, 191, рис. 98. Последняя печать (рис. 2) найдена в 1932 г. на Готланде (мыза Сойдунгас, погост Фоле) и хранится в Стокгольмском государственном историческом музее. Находка этой печати осталась не отмеченной в советской литературе, и мы пользуемся случаем, чтобы заполнить этот пробел.

¹⁵ Грамоты..., № 11; Н. П. Лихачев. Ук. соч., табл. XI, 10, 11, 14; табл. XXVI, 12; табл. XXXVIII, 10; табл. XLII, 3; табл. L, 7.

¹⁶ Там же, табл. XI, 15; табл. XXXVIII, 9.

¹⁷ Грамоты..., № 18; Н. П. Лихачев. Ук. соч., табл. XI, 12, 13; табл. XXXVIII, 11.

¹⁸ Н. П. Лихачев. Ук. соч., табл. XLIII, 9.

¹⁹ Инв. № 3992 (старый № 7084).

²⁰ За сообщение об этом приношу благодарность В. Л. Янину.

²¹ Грамоты..., № 57; А. Соболевский и С. Пташицкий. Палеографические снимки с русских грамот. СПб., 1903, табл. 42; Н. П. Лихачев. Ук. соч., табл. XXXVI, 9.

изображение благословляющей руки с круговым расположением на той же стороне именной надписи в новой формулировке: МЛТЪЮБЖЮПЕЧАТЬАРХНЕПАСЕМЕНА НОВОГОРОЧКОГО. Еще более отличает эту печать от всех других то, что она оттиснута не в свинце, а в воске²².

Печатаей, дошедших при документах архиепископа Евфимия II (1429—1458 гг.), известно несколько, но все они принадлежат к виду анонимных²³. Именная печать Евфимия II известна, по-видимому, в одном экземпляре²⁴. Она снова свинцовая, причем своеобразна и по изображению, и по легенде: на одной стороне ее находится изображение Троицы в виде трех ангелов, на другой — надпись в четыре строки: ΕΥΘΙΜΙΝ/ΑΡΧΙΕΠΠΤΩΒΕΛ.../ΝΟΒΑΓΡ.../ΠΣΚ[ΟΒΑ]. Вторая половина титула архиепископа, несомненно, объясняет появление на его печати псковской эмблемы — изображения Троицы.

Печать владыки Ионы (1458—1470 гг.) при грамоте Великого Новгорода Соловецкому монастырю, находящейся в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР²⁵, — свинцовая, диаметром 33 мм, содержит изображение Христа, сидящего на троне, помещенное в ободке из точек, на другой стороне — надпись в шесть строк: ΗΩΝΑ/ΠΡΕΣΒ Ξ Ν/ΝΥΑΡΧΙΕΠΠΤΩΒΕΛΝΚΟΓΟΝ/ΟΒΑΓΡΑΔΑΙ/ΠΣΚΟΒΑ, в таком же ободке и с пунктирными украшениями вверху и внизу (рис. 1, 5). Изображение превосходного качества, исполнено высоким рельефом; надпись сделана красивым строгим шрифтом.

Наконец, печать последнего владыки эпохи самостоятельности Новгорода — Феофила (1470—1482 гг.), — имеющаяся при ряде грамот в том же архиве²⁶ в нескольких несовпадающих оттисках, строго говоря, не принадлежит к виду именных, так как при наличии изображения Богоматери на одной стороне, на другой вместо именной надписи она имеет изображение креста в типе анонимных печатей. Однако и эта печать отличается любопытной особенностью. На некоторых экземплярах ее в числе литер по сторонам креста добавлены буквы ΘΩ—ΘΔ (рис. 1, 6), которые, по-видимому, естественнее всего понимать как обозначение имени владельца печати²⁷. Эта деталь лишает печать Феофила чистоты анонимного вида и позволяет упомянуть ее в ряду именных. Печать свинцовая, большого размера (диаметр 35 мм).

²² Такое же отступление от обычного материала представляют и печати новгородских светских властей — посадника Александра Игнатьевича и тысяцкого Кузьмы Терентьевича при их грамоте, посланной одновременно с грамотой Симеона и по тому же поводу туда же, в Ригу.

²³ Грамоты..., №№ 70, 72, 95 и др.

²⁴ Н. П. Лихачев. Ук. соч., табл. XXXVII, 1.

²⁵ Собрание актов до 1613 г., № 1/8; Грамоты..., № 96.

²⁶ Соловецкие акты, №№ 5—9; Н. П. Лихачев. Ук. соч., табл. XII, 12; табл. XLIV, 1, 2; табл. XLVIII, 16.

²⁷ В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 146.

П. А. РАППОРТ ХАБАРОВ ГОРОДОК

Одним из наиболее сложных вопросов, возникающих при изучении древних русских крепостей, является вопрос о социальном типе или, точнее, социальном содержании поселений, для защиты которых были созданы данные оборонительные сооружения. Если для выяснения плана, конструкции и времени возникновения оборонительных сооружений иногда достаточно самого минимального объема археологических работ,

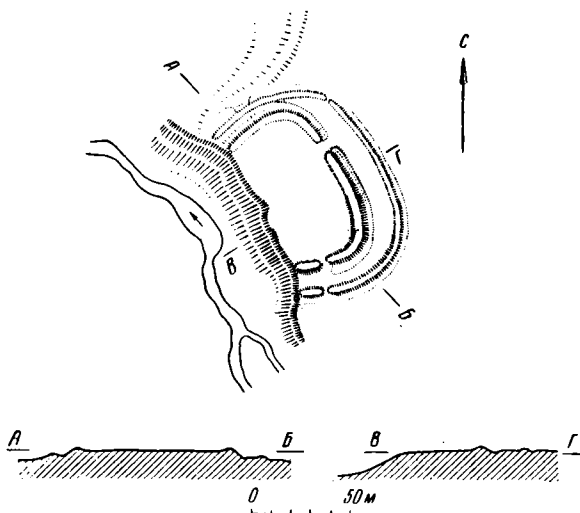

Рис. 1. Хабаров Городок

то для того чтобы выяснить социальное содержание самого поселения, необходимо, как правило, полное вскрытие всей площади этого поселения. Но, более того, даже раскопки всего поселения далеко не обязательно дают исчерпывающие материалы для окончательного решения этого вопроса¹.

Многие исследователи отмечали, что значительная часть городов Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. носила частновладельческий характер и являлась по существу крупными княжескими замками. В особенности явно

этот замковый характер проявляется в сравнительно небольших городах, построенных князьями. Однако и в этих случаях всегда возможно, что укрепления были построены для защиты не только двора самого князя, но и ремесленно-торгового поселения, а иногда эти укрепления вместе с тем служили и стратегически важной крепостью, населенной специальным военным гарнизоном.

Тем более важно поэтому изучение тех укреплений, которые на основании письменных источников, а иногда даже просто на основании их названий можно уверенно определить как укрепленные владельческие дворы, не имеющие ни военно-стратегического, ни торгово-ремесленного характера.

В тех случаях, когда укрепленные дворы принадлежали незначительным княжеским родам, не игравшим заметной политической роли и не владевшим крупными уделами, военно-стратегический или торгово-ремесленный характер поселений можно исключить почти наверняка. Следует при этом отметить, что центры мелких княжеских уделов вообще далеко не всегда были укрепленными; часто это бывали просто села. Так, например, в Ярославском княжестве центрами вотчин князей Шехонских и Деевых были укрепленные «городки»², а центром вотчин князей Курбских — неукрепленное село Курба³.

Но если даже центры незначительных княжеских уделов иногда бывали неукрепленными, то тем более часто должны были быть неукрепленными центры боярских вотчин. Конечно, очень вероятно, что значительная часть этих боярских дворов имела некогда деревянные укрепления — частокол, а иногда, возможно, и более мощные стены. Но такие укрепления, не имевшие валов и рвов, не оставили после себя никаких следов на поверхности земли, и поэтому в настоящее время без раскопок о них очень трудно судить.

¹ О расхождении мнений исследователей по поводу назначения Райковецкого городища см., например, П. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, № 52, 1956, стр. 175.

² См. Е. В. Барсов. Княжий городок на р. Шексне. Тр. VII АС, т. 2, М., 1891, стр. 215; И. Покровский. Село Диевы городища. Ярославские епархиальные ведомости, 1879, № 6, стр. 46; Спутник по реке Волге, ее притокам Каме и Оке. Саратов, 1902, стр. 15.

³ А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. 2, СПб., 1891, стр. 118, прим. 351. Археологическое обследование села проведено в 1957 г.

Между тем существуют, правда в очень незначительном количестве, и городища, представляющие собой остатки боярских «городков» — укрепленных боярских усадеб. Одним из таких немногих известных городищ является Хабаров Городок⁴.

Маленькое городище, известное у местных жителей под названием Хабарова Городка, находится в районе с. Сима Юрьев-Польского района Владимирской области⁵. Оно расположено на высоком и крутом берегу р. Селекши и имеет площадку размером 73 × 42 м (рис. 1.). Одной стороной городище вплотную примыкает к береговому обрыву, с остальных сторон защищено двумя валами, почти полукруглыми в плане. Перед валами сохранились сильно заплывшие рвы. Пространство между валами около обрыва очень узкое, а к напольной стороне расширяется (до 10 м).

Разрез внутреннего вала и рва городища, выполненный в 1955 г., показал, что первоначальная высота вала была около 2 м, а глубина рва перед ним — до 2,3 м. Таким образом, общая высота земляных препятствий даже первоначально была здесь всего немногим более 4 м. Ров вырыт в песчаном грунте, и из полученной при этом земли насыпан вал. На гребне вала прослежены темные пятна (диаметром 0,30 м) от деревянных столбов, забитых вдоль вала на расстоянии около 3 м один от другого. Очевидно, данные столбы представляли собой конструктивную основу оборонительной стены, состоявшей из горизонтально расположенных бревен или плах, закрепленных между этими вертикальными столбами с помощью пазов. Стены такой конструкции до сих пор широко применяются на всей территории России при постройке различных жилых и хозяйственных сооружений.

Несомненно, что оборонительные сооружения Хабарова Городка не могли противостоять сколько-нибудь серьезной осаде. Они могли быть предназначены лишь для защиты от неожиданных и более или менее кратковременных вражеских нападений, скорее всего для обеспечения от разбойников или даже от восстаний местных крестьян. Ясно, что Хабаров Городок ни в какой мере нельзя рассматривать как настоящую военную крепость. Интересно отметить, что хотя в духовной грамоте Ивана Грозного перечислены почти все русские «города» середины XVI в., в том числе многие очень незначительные по размерам и мощности укрепления, Хабаров Городок в этом документе не упомянут⁶. По-видимому, даже в ту пору, когда каждый укрепленный пункт, независимо от его размеров, назывался городом, Хабаров Городок все же таковым не считался. Между тем, в середине XVI в. Хабаров Городок, по-видимому, еще не был заброшен, а если и был заброшен, то лишь очень незадолго до этого.

Зачистка ям на городище показала, что культурный слой здесь имеет ничтожную толщину — 0,20 м. В этом слое было найдено небольшое количество фрагментов керамики, относящейся, очевидно, ко времени до середины XVI в., поскольку здесь совершенно отсутствует керамика с лощением.

Само название связывает Хабаров Городок с хорошо известным по летописи историческим лицом — боярином Хабаром-Симским. Иван Васильевич Образцов, Симский-Хабар, упоминается в летописи с начала XVI в.⁷ Год его рождения неизвестен, но, во всяком случае, в 1506 г. он был уже наместником в Нижнем Новгороде. Отец этого боярина не носил еще прозвища Хабар, тогда как его потомки назывались уже Хабаровы⁸.

⁴ Автор приносит искреннюю признательность директору Юрьев-Польского музея Ф. Н. Полуянову за помощь в обследовании Хабарова Городка.

⁵ К. Тихомиров. Владимирский сборник. М., 1857, стр. 63.

⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М.—Л., 1950, стр. 443.

⁷ Указатель к первым восьми томам «Полного собрания русских летописей», отд. I, т. 2, СПб., 1898, стр. 154.

⁸ Родословная книга князей и дворян российских, ч. II, М., 1787, стр. 134.

Название «Хабаров Городок» является производным от имени «Хабар», а не «Хабаров», и поэтому естественнее всего связывать этот городок с самим боярином И. В. Хабаром, т. е. относить постройку этого укрепления к концу XV или самому началу XVI в. По-видимому, Хабаров Городок является одним из наиболее поздних примеров укрепленных боярских усадеб, поскольку после окончательного сложения централизованного русского государства и ликвидации последних остатков феодальной раздробленности укрепленные частновладельческие дворы-замки постепенно уступают свое место неукрепленным усадьбам.

Может возникнуть вопрос о том, насколько правомерно применять термин «за́мок» к русским укрепленным усадьбам, поскольку с этим термином обычно ассоциируются не русские деревянные укрепления, а каменные твердыни западноевропейского средневековья. Однако и в Западной Европе феодальные замки вплоть до XII в. обычно были не каменными, а деревянными; между тем, не возникает никаких сомнений в том, что к ним термин «за́мок» вполне применим⁹. Определяющим для замка является не конструкция его укреплений, а его содержание, его назначение. За́мок — это укрепленное жилище феодала, крепость и резиденция одновременно¹⁰. Но именно такая двойственность назначения как раз характерна для очень многих укрепленных пунктов древней Руси. Конечно, древнерусские укрепления очень существенно отличаются от западноевропейских как типом конструкции, так и общей планировкой. Но хотя русский феодализм также развивался несколько иначе, чем феодализм во Франции и Германии, все же общие, основные закономерности их социального развития совпадают. Поэтому и термин «за́мок» может быть вполне применим к тем русским укрепленным поселениям, которые служили для защиты жилища феодала. Примером небольшого боярского замка, одним из наиболее поздних замков русского средневековья и является Хабаров Городок.

⁹ Ch. Oman. A History of the Art of War in the Middle Ages, т. 2, London, 1924, стр. 10; F. Prevost. Etudes historiques sur la fortification, l'attaque et la défense de places. Paris, 1869, стр. 31.

¹⁰ R. Allen Brown. English Medieval Castles. London, 1954, стр. 18.

Р. К. АЛЛАХВЕРДИЕВ

КЛАД XVI в. ИЗ с. ХАР-ХАР В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Летом 1956 г. при подъеме опытного плантажа под виноградник в с. Хар-Хар (Кедабекского района Азербайджанской ССР) нами был случайно обнаружен богатый клад.

Клад, находившийся в узком каменном подвале, состоял из глиняных винных кувшинов (рис. 1, 1) и прикрытого серебряным и медным блюдами одного маленького кувшина, внутри которого находились различные украшения (рис. 1, 2). В кладе оказалось 139 серебряных монет сефевидской чеканки, периода правления шаха Тахмаспа I в Азербайджане (1524—1576 гг.). Они отчеканены преимущественно в закавказских монетных дворах: Гандже, Нахичевани, Ереване и др. Следует сказать, что монеты периода долголетнего правления шаха Тахмаспа I представлены в фонде Музея истории АН Азербайджанской ССР в очень небольшом количестве и наша находка значительно восполняет существующий пробел¹.

¹ Дату находок по нашей просьбе определил Институт истории АН Азербайджанской ССР.

Анализ остатков, извлеченных из винных кувшинов-карасов, показывает, что кувшинами действительно пользовались для хранения виноградного вина. Высота их — 1,5 м, ширина — 0,90 м.

Находка показала, что в XVI веке в с. Хар-Хар было развито виноградарство и население приготавливало виноградное вино. Обнаружить остатки винограда нам, естественно, не удалось. Однако климатические

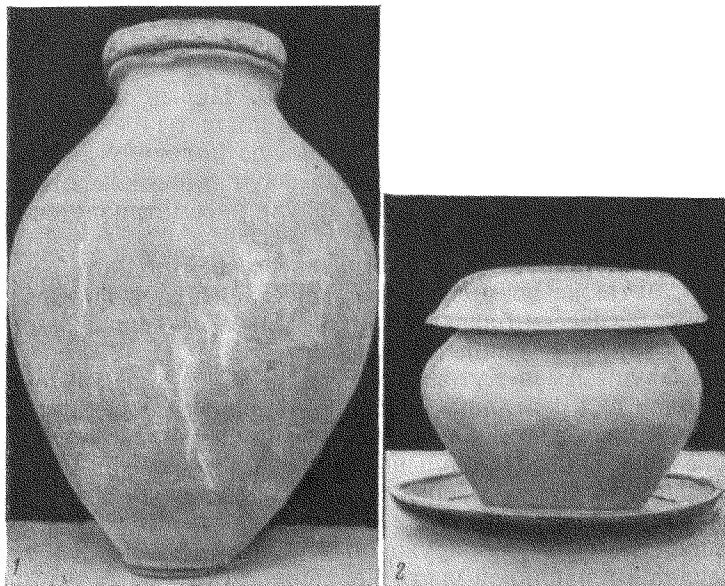

Рис. 1.

1 — винный кувшин; 2 — кувшин с кладом

условия южных и юго-восточных склонов, как показывают предварительные данные нашего опыта по закладке виноградников на месте находки, позволяют культивировать здесь, на высоте 1300—1400 м над уровнем моря, некоторые винные и столовые сорта винограда раннего и среднего периода созревания.

В. И. БИБИКОВА

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ФАУНЕ ИЗ МУСТЬЕРСКОЙ ПЕЩЕРЫ АМАН-КУТАН I

Многолетние раскопки пещеры мустьерского возраста в Ургутском районе Самаркандской области Узбекской ССР, проводившиеся Самаркандским университетом под бессменным руководством Д. Н. Лев, дали, помимо кремневого инвентаря, большую коллекцию костей позвоночных животных среднеплейстоценового возраста¹. Эта богатая и разнообразная фауна позволяет не только осветить некоторые стороны деятельности древних обитателей юга Узбекистана и охарактеризовать природную обстановку, в которой они жили; она позволяет также осветить более

¹ Д. Н. Лев. Древний палеолит в Аман-Кутане. Тр. Узб. университета, нов. сер., № 39, Самарканд, 1949; его же. Древний палеолит в Аман-Кутане. Тр. Узб. университета, нов. сер. № 61, Самарканд, 1956.

широкие вопросы, связанные с климатом и ландшафтом второй половины четвертичного периода.

Пещера находится в западной части Зеравшанского хребта, на высоте около 1300 м над уровнем моря. Расположена она на 90—100 км севернее известного одновозрастного грота Тешик-Таш, лежащего на высоте 1500 м над уровнем моря в западных отрогах Гиссарского хребта².

Материалы из раскопок 1949—1954 гг. в значительной своей части поступили в хранилище Зоологического института АН СССР, где производилась основная обработка их. Материал из раскопок 1955 г. хранится в Институте зоологии АН УССР.

Кости из Аман-Кутана I сильно разбиты. Целые кости, за редким исключением, отсутствуют. Зачастую остатки покрыты слоем известкового туфа. Определимые кости составляют меньшую половину коллекции.

Между различными слоями стоянки в фаунистическом отношении не наблюдается никакой разницы, поэтому фауна рассматривается суммарно из всех слоев и за все года раскопок.

Коллекция представляет большой интерес своей полнотой и разнообразием видов, а также возможностью сопоставления с фауной территориально и хронологически близкого ей комплекса из Тешик-Таша. Состав фауны и разнообразие ее видны из табл. 1.

В составе фауны Аман-Кутана имеется 20 видов млекопитающих, два вида птиц и один вид рептилий. Особенно обильно в коллекции представлены кости животных, употреблявшихся в пищу и широко распространенных в районе поселения. Наибольшее количество остатков и особей принадлежит барану, медведю, оленю, косуле, сурку, дикобразу и черепахе.

Древний комплекс Аман-Кутана в общих чертах близок к современному. Большинство форм, обнаруженных в Аман-Кутане, и в настоящее время встречается в западной части Зеравшанского хребта и в прилегающих к нему районах (бараны, олени, сурки, дикобразы, барсуки, куницы, степная черепаха и др.). Из всего списка Аман-Кутана только пещерная гиена и кулан не встречается в указанном районе в настоящее время, хотя кулан еще совсем недавно был обычен в Юго-Западном Таджикистане и в Туркмении. Другое, более существенное отличие — отсутствие в древнем комплексе Аман-Кутана, как и в других памятниках палеолита Средней Азии, остатков дикого кабана, во множестве встречающегося на этой территории в настоящее время. Момент проникновения кабана в Среднюю Азию пока не улавливается, но, видимо, его следует относить к самым поздним стадиям плейстоцена или даже к началу голоцена.

Состав древней фауны Аман-Кутана указывает на распространение древесной и кустарниковой растительности, перемежающейся с открытыми травянистыми пространствами. На основании находки в Аман-Кутане остатков марала, косули и бурого медведя можно с уверенностью говорить о значительном развитии лесов лиственного типа в среднем плейстоцене в западной части Зеравшанского хребта³.

Огромное преобладание в Аман-Кутане остатков барана над остатками всех других видов животных не только указывает на значительную плотность этого вида в данном районе и на доступность его для обитателей пещеры, но и позволяет рассматривать его как основной индикатор при восстановлении ландшафтной обстановки того времени.

Наличие баранов в древнем Аман-Кутане, да еще в таком огромном количестве, указывает на значительное развитие открытых пространств, поросших обильной травянистой растительностью, и на относительно

² А. П. Окладников. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан. Сб. «Тешик-Таш. Палеолитический человек». Тр. Ин-та антропологии МГУ, 1949.

³ Н. А. Бобринский, Б. А. Кузнецов, А. П. Кузякин. Определитель млекопитающих СССР. М., 1944, стр. 233; К. К. Флеров. Кабарги и олени. Фауна СССР. Млекопитающие, т. I, вып. 2, М., 1952, стр. 102 и 152.

Таблица 1

Виды животных	Аман-Кутан I		Тешик-Таш*	
	Количество		Количество	
	Костей	Особей	Костей	Особей
Еж (беловатый?) <i>Hemiechinus</i> sp.	2	2**	—	—
Кожан <i>Eptesicus</i> sp.	1	1**	—	—
Куница каменная <i>Martes foina</i> Erxleb.	9	4	—	—
Куньи <i>Mustelidae</i>	5	5	—	—
Барсук <i>Meles meles</i> L.	14	4	—	—
Медведь бурый <i>Ursus arctos</i> L.	689	39	2	2
Волк <i>Canis lupus</i> L.	10	2	—	—
Лисица караганка <i>Vulpes vulpes karagan</i> Erxleb.	57	7	—	—
Корсак (?) <i>Vulpes corsac</i> L. (?)	1	1	—	—
Гиена пещерная <i>Hyæna crocuta spelaea</i> Goldf.	84	7	1	1
Барс <i>Felis uncica</i> Schreb.	32	4	—	—
Леопард <i>Felis pardus</i> L.	—	—	2	2
Кулан <i>Equus hemionus</i> Pall.	8	3	—	—
Лошадь <i>Equus</i> sp.	—	—	2	1
Косуля сибирская <i>Capreolus pygargus</i> Pall.	76	5	—	—
Марал <i>Cervus elaphus canadensis</i> Erxleb.	254	10	—	—
Олень <i>Cervus</i> sp.	—	—	1	1
Сибирский козел <i>Capra sibirica</i> Mey.	45	5	761	38
Азиатский муфлон <i>Ovis orientalis</i> Gmel.	3797	116	—	—
Заяц (толай ?) <i>Lepus</i> sp. (cf. <i>tolai</i> Pall).	—	—	2	1
Пищуха <i>Ochotona</i> sp.	—	—	11	7
Суслик реликтовый <i>Citellus</i> cf. <i>relictus</i> Kaschk.	14	6***	—	—
Длиннохвостый сурок <i>Marmota caudata</i> Geoffr.	354	57***	16	1
Дикобраз <i>Hystrix</i> cf. <i>leucura</i>	82	8***	—	—
Крыса туркестанская <i>Rattus turcestanicus</i> Sat.	3	2****	1	1
Слепушонка <i>Ellobius talpinus</i> Pall.	14	5**	19	6
Серый хомячок <i>Cricetulus migratorius</i> Pall.	—	—	11	6
Полевка (кэррузерса ?) <i>Microtus</i> (<i>Phaiomis</i> sp. ? cf. <i>carruthersi</i> Thos)	—	—	6	4
Полевка <i>Microtus</i> sp.	—	—	1	1
Лесная соя <i>Diromys nitedula</i> Pall.	—	—	1	1
Мышиные <i>Muridae</i>	—	—	70	70
Птицы <i>Aves</i>	4	2	101	27
Степная черепаха <i>Testudo horsfieldi</i> Grey	843	105****	—	—
Недиагностичные	7020	—	—	—
Всего:	13 418	396	1008	170

* В. И. Громова. Плейстоценовая фауна млекопитающих из грота Тешик-Таш. Сб. «Тешик-Таш. Палеолитический человек». Тр. Ин-та антропологии МГУ, 1949.

** Определение И. М. Громова.

*** Определение И. М. Громова и В. А. Топачевского.

**** Определение Л. И. Хозацкого и В. И. Тарашук.

невысокое положение пещеры над уровнем моря⁴. О значительном развитии открытых травянистых пространств позволяют говорить и находки в Аман-Кутане остатков сурков, степной черепахи, слепушонки и других животных.

Наличие в Аман-Кутане остатков кулана указывает на близость равнин и предгорий.

Небольшое количество остатков горного козла указывает на значительную удаленность от пещеры мест обитания этого вида, откуда лишь изредка древними обитателями приносились к пещере немногочисленные охотничьи трофеи.

⁴ См. В. И. Цалкин. Горные бараны Европы и Азии. М., 1951, стр. 283.

В целом фаунистический комплекс древнего Аман-Кутана следует рассматривать как комплекс нижнего пояса гор, в который благодаря активной деятельности человека — охоте — вошли обитатели более высоких поясов гор и обитатели предгорий. Показательным при определении положения пещеры относительно ландшафтных зон является наличие большого количества остатков степной черепахи, которая редко поднимается в горы до 1200 м или несколько более над уровнем моря⁵.

Таким образом, основной вывод, который можно сделать из анализа фауны Аман-Кутана, тот, что природная обстановка, окружавшая пещеру, в основных чертах была сходна с современной. Высотное положение пещеры как абсолютное, так и относительно ландшафтных зон и в мустьерское, и в настоящее время одинаково. Все это вместе взятое указывает на постоянность климатических условий во второй половине плейстоцена.

Исключительный интерес представляет сопоставление фаунистических комплексов древнего Аман-Кутана и примерно одновозрастного ему Тешик-Таша. Как уже отмечалось выше, оба памятника хронологически совпадают друг с другом и относятся к мустьерскому времени. Территориально они также близки между собой. Обе стоянки располагаются в самых западных отрогах двух самых западных хребтов Тянь-Шаньской системы. Аман-Кутан находится севернее и расположен в отрогах Зеравшанского хребта; Тешик-Таш расположен южнее, в отрогах Гиссарского хребта. В фауне того и другого памятника имеется много общих форм: медведь, гиена, сурок, слепушонка. Однако все общие формы — животные интразональные, мало что дающие для характеристики ландшафта прошлого. Преобладающее количество остатков в обоих памятниках принадлежит копытным животным — основным объектам охоты палеолитического обитателя, широко распространенным в окрестностях стоянок. Обычная для археологических памятников общность фаунистической картины, пожалуй, только этим и ограничивается. При сравнении же основных компонентов этих двух комплексов выявляются существенные различия. В комплексе Тешик-Таш абсолютно преобладают остатки горного козла, в то время как в фауне Аман-Кутана фон всего комплекса составляют остатки муфлонов. В Аман-Кутане в значительном количестве встречаются остатки оленя, косули, дикобраза, кулана, отсутствующие в Тешик-Таше. Различие между этими двумя комплексами выявляется и при анализе орнитофауны. Если в Тешик-Таше птицы представлены богато и разнообразно, то в Аман-Кутане обнаружено всего четыре фрагмента костей птиц. Ряд видов птиц из Тешик-Таша — типичные обитатели альпийской зоны (кеклик, скалистый голубь, клушица)⁶. Совершенно иная картина наблюдается и в распределении остатков рептилий. В Аман-Кутане имеется большое количество остатков черепах, а в Тешик-Таше они совершенно отсутствуют.

При сопоставлении этих двух одновозрастных древних фаунистических комплексов прослеживается определенная закономерность в распределении различных видов животных. Наличие горного козла, кеклика, клушицы, сурка позволяет рассматривать комплекс Тешик-Таша как типично высокогорный. Комплекс же Аман-Кутана никак нельзя поднять выше среднего пояса гор. Большинство форм млекопитающих в его составе — обитатели нижнего и отчасти среднего пояса гор (бараны, олени, косули). Большое количество остатков дикобраза, обитающего главным образом в предгорьях и нижних частях гор, наличие в Аман-Кутане остатков кулана с несомненностью указывает на близость предгорий и даже равнин.

Из всего сказанного выше видно, что в местоположении древних фаунистических комплексов Аман-Кутана и Тешик-Таша относительно ланд-

⁵ П. В. Терентьев, С. А. Чернов. Определитель пресмыкающихся и земноводных. М., 1949, стр. 109.

⁶ П. В. Суслова. Плейстоценовая орнитофауна из грота Тешик-Таш. Сб. «Тешик-Таш. Палеолитический человек». Тр. Ин-та антропологии МГУ, 1949.

шафтных зон наблюдается аналогичная современной зональность. Комплекс Тешик-Таш, расположенный и в настоящее время выше в горах, — типичный высокогорный; комплекс Аман-Кутана, лежащий ниже, является комплексом нижнего пояса гор. Сопоставление этих двух комплексов не только подтверждает выводы В. И. Громовой о сходстве природной обстановки, окружавшей грот Тешик-Таш во время заселения его человеком, с современной, но и расширяет территорию, к которой приложим этот вывод⁷.

В свете рассмотрения этих двух древних комплексов, существовавших в двух разных (хотя и одной системы) хребтах, предположение о поднятии в послерисское время этого большого участка вызывает большие сомнения. Нам кажется, что с большей долей вероятности можно говорить о постоянстве в основных чертах не только фауны, но и ландшафта и климата с миндель-рисского периода, синхронного возрасту стоянок, до настоящего времени.

Итак, исследование фауны из Аман-Кутана и Тешик-Таша, как мы старались показать, имеет большое значение для изучения истории ландшафта. Оказывается, что в основных своих чертах горный ландшафт и распределение фаунистических комплексов по поясам в районе западной оконечности Тянь-Шаня остаются почти неизменными в течение плейстоцена и голоцена. Геоморфологические черты этого района Средней Азии в среднечетвертичное время, по-видимому, были сходны с современными. Интересно, что в последнее время новые данные позволяют прийти к тем же заключениям при исследовании истории форм рельефа в плейстоцене на очень отдаленных друг от друга территориях.

Доктор Пэй Вэнь-чжун в докладе о находках гигантропа в провинции Ганьсу подчеркнул, что рельеф этой горной провинции почти не изменился с раннечетвертичного времени⁸. Примерно такая же картина наблюдается в Крыму, где орографическая система, гидрологическая сеть и высотные отметки на местности в настоящее время почти такие же, какие были в плейстоцене⁹. На основании приведенных данных можно отметить, примерно такое же положение и для района Южного Узбекистана. Не приходится говорить о том, как это важно для дальнейших археологических работ, особенно в области разыскания следов древнепалеолитического человека.

⁷ В. И. Громова. Ук. соч.

⁸ Пэй Вэнь-чжун. О находках гигантропа в Ганьсу (Китай). Доклад на секции ископаемого человека на Всесоюзном междуведомственном совещании по изучению четвертичного периода в мае 1957 г. в г. Москве.

⁹ С. Н. Бибииков. О датировке и реконструкции палеолитических убежищ Крыма. БКЧП, № 21, 1957.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Г. Б. ФЕДОРОВ

О ДВУХ ОБРЯДАХ ПОГРЕБЕНИЯ В ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ (ПО ПАМЯТНИКАМ МОЛДАВИИ)

В Молдавии открыто в настоящее время 12 могильников II — начала V в. н. э. Все эти могильники относятся к черняховской культуре, а один — у с. Боканы на р. Прут, с черняховской керамикой, близок к сарматским по обряду погребения и инвентарю¹.

Датировка черняховской культуры II в. — первой половиной V в., установленная еще В. В. Хвойкой свыше полувека назад², до сих пор никем не опровергнута. Мало удачными и фактически необоснованными оказались все попытки удлинить или сократить время существования черняховской культуры, предпринятые в соответствии с той или иной интерпретацией этой культуры или концепцией истории народов Северного Причерноморья³.

Указанная общая датировка черняховской культуры полностью подтверждается материалами могильников и селищ Молдавии. Нижняя дата — II век — устанавливается по хорошо датированным римским красноглиняным двуручным кувшинчикам, по типам пшеворской керамики и керамики зарубинецкого типа и по римским монетам I и II в. (Траяна, Фаустины Старшей и др.), найденным на ряде черняховских селищ. Верхняя дата определяется раннесредневековыми красноглиняными амфорами с низким широким горлом, тонкостенными стеклянными конусовидными кубками, кубком с греческой надписью и четырьмя шлифованными овалами⁴. Как и во всех черняховских могильниках, в могильниках Поднестровья содержатся изделия различных типов. К сарматским изделиям следует отнести бронзовые или серебряные круглые зеркала с небольшой ручкой, одноручные сероглиняные кувшины вытянутой формы с ойнохоевидным горлом, с пролощенными вертикальными линиями на верхней части тулова, трехручные глубокие миски, разноцветный бисер, пряслица в виде двух неравных по высоте усеченных конусов, сложенных основаниями, или с одним вогнутым основанием.

В ряде могильников имеются обычные для сарматских погребений могильные ямы со ступеньками, уступами и подбоями (Малаешты, Будешты), остатки гробов или колод; покойники часто захоронены с согнутыми ногами (могильники Малаешты, Будешты, Балцаты). Вещи гетского типа представлены липицкими одноручными кувшинами с круглобким туловом и высоким венчиком, корчагами-зерновиками, усеченно-коническими чашками и т. д. К пшеворскому типу относятся обмазанные жидкой глиной и обваленные в песке лепные горшки, железные умбоны конической формы или с небольшим плечиком, ручка от щита, копье и т. д.; к зарубинецкому — лепные баночной формы горшки с расширяющимся книзу асимметричным туловом (Малаешты и др.), вытянутые кверху лепные горшки, близкие к славянским горшкам пражского типа VI—VIII вв. (Будешты). Достаточно многочисленны и римские вещи: стеклянные кубки, монеты, амфоры, двуручные красноглиняные кувшинчики и т. д. В греческих причерноморских городах был выработан (видимо, на основе кельтской среднелатен-

¹ Г. Б. Федоров. К вопросу о сарматской культуре в Молдавии. Изв. Молд. ФАН, № 4 (31), Кишинев, 1956, стр. 49—66.

² В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, стр. 43 сл.; его же. Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, т. XII, вып. 1—2, новая серия. СПб., 1901, стр. 186.

³ См. «Совещание, посвященное проблемам черняховской культуры и ее роли в ранней истории славян». СА, 1957, № 4, стр. 274—277.

⁴ Этот кубок найден в Малаештском могильнике. См. Г. Б. Федоров. Итоги полевых работ археологов. Вестник АН СССР, № 7, 1956; Всемирная история, т. II, под редакцией С. Л. Утченко, М., 1956, стр. 710. Кубки этого типа датируются Г. Эггерсом концом IV — началом V века. См. H. Eggers. Der Römische import in freien Germanien. Hamburg, 1951, т. II, табл. XVI, стадия «С», тип 238; т. I, стр. 78, 180, 626 и сл. Подобный же кубок (хотя и с некоторыми отличиями) был найден в 1952 г. в Польше во время раскопок у с. Пивоницы в одном из жилищ позднеримского времени. Польские и чешские археологи датируют кубок V веком. См. K. Dabrowski. Výzkumne a Konserváční metody. Archeologické rozhledy, 1954, Praha, сб. VI, вып. 6, стр. 807—809 и рис. 360 на стр. 791.

ской схемы) и обычный для черняховских могильников тип бронзовой фибулы с подвязанным приемником.

К кельтским прототипам восходят средние черняховские миски с выемкой под венчиком⁵, а возможно, и большие горшки с выпуклобоким туловом. Погребальный инвентарь — украшения, оружие, посуда, пища, орудия труда, различные бытовые предметы, даже игрушки — вместе с вещами, найденными на поселениях, и письменными источниками представляет собой основной материал для характеристики материальной культуры населения Молдавии во II—V вв. н. э.

Могильники, их расположение, обряды погребений и их эволюция, антропологические и другие материалы являются сами по себе ценным историческим источником. Могильники находятся, как правило, на пологих южных, юго-западных и юго-восточных склонах и вытнуты обычно с севера на юг. Погребения расположены более или менее правильными рядами и обычно (за редчайшим исключением) не перерезают друг друга. Все это свидетельствует об определенном порядке в размещении и планировке могильников и расположении погребений, о вероятном существовании общинного руководства погребальным культом и погребальными обрядами.

На территории могильников, обычно на их окраине, находятся несколько ям (цилиндрической или усеченно-конической формы, глубиной до 1 м), заполненных углями, золой, расколотыми вдоль костями конечностей и другими разрубленными костями крупного и мелкого рогатого скота, битой посудой со следами варки пищи (Малаешты, Балцаты II). Вероятно, эти ямы связаны с погребальными тризнами и культом предков. После совершения ритуальной трапезы посуда, которая при этом употреблялась, разбивалась и вместе с остатками трапезы (кости животных и др.), с золой и углем костра, на котором готовилась пища, закапывалась в специально вырытые для этого ямы.

Подобные культовые языческие ямы известны в Восточной Европе с глубокой древности и до настоящего времени. Проф. Раду Вульпе рассказал нам о том, что у цыган-язычников, живущих в Румынии, весной существует день поминовения умерших. В этот день цыгане собираются на окраине кладбища, совершают поминальную трапезу, а затем разбивают посуду, которая служила для трапезы, и вместе с остатками этой трапезы — костями, золой и углем костра — закапывают ее в специально вырытые ямы.

Культовые ямы, найденные на черняховских могильниках в Молдавии, аналогичны тем культовым ямам, которые были найдены М. Ю. Брайчевским и В. И. Довженком⁶ у с. Иванковцы на Днестре, на территории УССР. Ямы располагались на окраине черняховского селища, в святилище, возле трех каменных многоликих человекоподобных божеств⁷. В ямах были найдены фрагменты черняховской керамики и кости домашних животных.

Для всех собственно черняховских могильников характерен биритуализм, сочетание обрядов трупосожжения и трупоположения. Трупосожжения и трупоположения встречаются в могильниках примерно в равном количестве. Лишь к самому концу существования черняховской культуры обряд трупоположения стал, видимо, вытеснять обряд трупосожжения.

Погребения с трупосожжениями находятся обычно на глубине от 0,10 до 0,50—0,80 м. Сожжение производилось не на территории могильника, а где-то в стороне. Вместе с трупом в погребальный костер попадала часть мелких вещей (украшения, части одежды, пряжки и др.). Другая часть вещей помещалась в могильную яму или урну уже после совершения обряда трупосожжения и не имеет следов действия огня. Пережженные, кальцинированные человеческие кости клались либо прямо в неглубокую и круглую (реже овальную) могильную яму (диам. от 0,30 до 0,80 м), либо в урну, которая иногда накрывалась сверху другим сосудом. Погребальные урны не изго夫лялись специально, ими служили обычные бытовые сосуды: горшки, реже миски, обычно небольшие или средних размеров из числа столовой посуды. Иногда рядом с погребальной урной ставились сосуды для еды и питья: горшки, миски, кувшины, амфоры, кубки.

Пережженные кости помещались в урну, видимо, в определенном порядке, поверх других костей укладывались остатки черепной крышки.

Погребения с трупоположениями находятся в овальных в плане, прямых (редко с уступами, ступеньками или небольшими подбоями) ямах. Глубина ям колеблется от 0,40 до 3 м, длина — от 1,30 до 2,30 м, ширина — от 0,60 до 1,40 м. Дно всегда плоское. Посуда для пищи и питья, оружие и пр. помещались обычно на уровне залегания костяка; оружие и орудия труда — возле правой руки или костей таза, посуда обычно в головах и в ногах, реже около таза, украшения — на теле умершего. Умершие клались

⁵ Ср. черняховские миски и миски из кельтских погребений в средней Европе. J. Filip. *Keltové ve střední Evropě*. Praha, 1956, табл. VII, 16; табл. XIII, 5, 6; табл. XIX, 17, 18; табл. LXXXI, 2, 8; табл. LXXXIX, 8; табл. CXX, 10, 11, 12, 14, 16.

⁶ В. И. Д о в ж е н о к. Древнеславянские языческие идолы из с. Иванковцы в Поднестровье. КСИИМК, вып. 48, 1952, стр. 136 и сл.

⁷ Чешский археолог М. Беранова отмечает, что находки этих каменных изваяний подтверждают правильность сообщений о языческой славянской религии и что почитание многоликих богов было распространено на обширной территории от Эльбы вплоть до Днестра. См. M. Beranová. *K otárce vicehlavosti Slovanských bohů*. *Archaeologické rozhledy*. Ročník, VII, 1955, Sešit 6, Praha, стр. 804—808.

обычно на спину⁸ с вытянутыми ногами (иногда одна или обе ноги согнуты в коленях); руки положены вдоль тела (реже левая или правая рука согнута в локте и лежит на костях таза).

За время существования черняховской культуры в деталях обряда погребений с труположениями можно отметить некоторые изменения. Ранние могильные ямы не так глубоки, как поздние, в них гораздо больше вещей; погребенный обычно помещался головой на север (с различными отклонениями к западу или к востоку). В самих поздних погребениях могильные ямы становятся значительно глубже (до 3,00 м, а в ранний период их глубина равнялась 0,40—1,20 м); вещей в них очень мало, а иногда и совсем нет, умершие кладутся головой на запад (также с отклонениями). Эти изменения в деталях обряда погребений с труположениями черняховской культуры впервые установил на материалах могильников Поднепровья Э. А. Сымонович. Следует отметить, что они полностью подтверждаются на материалах черняховских могильников в Молдавии (Малаештский, Балцатский I и II могильники и др.). Как правильно предполагает Э. А. Сымонович, эти изменения, возможно, связаны с проникновением христианства. Более того, можно предположить, что именно в Днестровско-Прутском междуречье христианство появилось раньше, чем в Поднепровье. По сообщению ряда источников, уже в IV в. готы и племена, жившие рядом с ними по берегам Дуная, приняли христианство (арианскую ересь)⁹ и патриаршие престолы будто бы простирались до Дуная, до славян, аваров, гунов¹⁰; известен в IV в. и готский епископ Ульфила¹¹. Таким образом, население Прутско-Днестровского междуречья в IV—V вв. находилось в непосредственной близости от областей, подвергавшихся усиленной христианизации, и вряд ли могло ее избежать.

В могильниках встречаются погребения как совсем без вещей или с очень бедным и незначительным инвентарем (один грубый лепной сосуд, одна бусина и т. д.), так и с исключительно богатым и разнообразным инвентарем, в который входят до 12 различных сосудов, амфоры, драгоценные римские стеклянные кубки, тысячи бус, несколько зеркал, косметический флакон и т. д. Это свидетельствует о далеко зашедшей имущественной, а следовательно, и социальной дифференциации общества. В погребениях встречаются орудия труда (пряслица, ножи и др.), сырье для изготовления украшений (большой кусок сердолика, слиток бронзы), что говорит о появлении специалистов-ремесленников. Особенно богатый инвентарь содержится в женских погребениях. Однако как в женских, так и в мужских и детских захоронениях, совпадающих по времени, наблюдается резкое различие в количестве и качестве погребального инвентаря. Интересно, что во всех случаях, когда были найдены бесспорные погребения воинов — с железными умбонами и ручкой для щита (Малаешты) и с копьем (Балцаты II), это были погребения с обрядом трупосожжения.

Как мы уже сказали, в течение всего времени существования черняховской культуры и на всей территории ее распространения был развит биритуализм — сочетание обряда трупосожжения и труположения. Это настолько характерная черта, что она является одним из признаков, определяющих самую принадлежность памятника к черняховской культуре. Только там, где черняховская культура является привносной и поздней, не ранее IV в. (Зап. Молдова, могильник Извоаре), господствует обряд труположения.

Вопрос о происхождении этой двойственности погребального обряда является одним из основных вопросов в изучении черняховской культуры.

На территории Молдавии открыты уже сотни селищ и свыше десяти могильников черняховской культуры. Мы изучали пласт за пластом культурный слой ряда селищ (Лопатна, Лукашевка и др.) и погребение за погребением, ряд могильников (Малаешты, Балцаты I, Балцаты II и др.) и везде наблюдали одинаковую картину. Люди, жившие в одно и то же время на одних и тех же поселениях, пользовавшиеся одними и теми же вещами, хоронили своих умерших в одних и тех же могильниках как по обряду труположения, так и по обряду трупосожжения. Могилы с остатками обряда труположения и могилы с остатками обряда трупосожжения встречаются в одних и тех же рядах попеременно и содержат один и тот же вещевой материал. Ни пол, ни возраст, ни имущественное и социальное положение не играли роли при выборе обряда погребения. Остается предположить, что решающее значение имело только одно обстоятельство — различие в этническом происхождении, именно в происхождении, а не вообще в этнической принадлежности. Ведь люди, применявшие одновременно как обряд трупосожжения, так и обряд труположения жили в одно и то же время, на одних и тех же селищах, имели одну и ту же культуру и хоронили своих умерших в одних и тех же могильниках. При наблюдавшемся в черняховской культуре смешении различных этнических групп различие в происхождении, несомненно, продолжало сказываться в самых консервативных и медленно меняющихся ритуалах — обрядах погребения.

⁸ Одно скорченное погребение на боку известно из Черняховского могильника и одно из Малаештского могильника на р. Прут. Эти погребения, возможно, принадлежали кочевникам.

⁹ Ермий Созомен. Церковная история, гл. 8. SC, I, стр. 757.

¹⁰ Евсевий. Перечисление границ святейших патриарших и апостольских престолов. SC, I, стр. 667.

¹¹ Ермий Созомен. Ук. соч., стр. 763; Теодорит епископ Кирский, кн. IV, гл. II. SC, I, стр. 776.

На территории Прутско-Днестровского междуречья в VII—III вв. до н. э. встречаются погребения с обрядом трупоположения (Алчедарский и другие могильники), связанные как с древними местными традициями, так и со скифским влиянием. Однако этот обряд не был господствующим на данной территории и в III—II вв. до н. э. полностью исчез, уступив место обряду с трупосожжением, который был издавна характерен для местного гето-фракийского населения.

В период, непосредственно предшествующий черняховской культуре, в Прутско-Днестровском междуречье господствовал обряд трупосожжения. Этот обряд применялся местным оседлым земледельческим населением — гетами, жившими на Днестре (Тирасе), или тирагетами. К гетскому населению в небольшом количестве примешивались носители пшеворской и зарубинецкой культур, которые были ассимилированы местным гетским населением, привнеся некоторые новые элементы в его материальную культуру¹².

Еще до начала нашей эры на эту территорию стали просачиваться сарматы, для которых, в противоположность как гетам, так и племенам пшеворской и зарубинецкой культур, был характерен обряд трупоположения.

Во II—IV вв. н. э., согласно указаниям письменных источников, на территории Прутско-Днестровского междуречья продолжали оставаться местные гетские земледельческие племена — тирагеты; в той или иной мере сюда проникали также римляне, сарматы, славяне, готы и гуны. Письменные источники не дают решительно никаких оснований полагать, что пришельцы вытеснили местное гетское население. Как в могильниках, так и на селищах черняховской культуры действительно находятся вещи гетские, сарматские, пшеворские, зарубинецкие, римские, подтверждающие показанья письменных источников и свидетельствующие о смешанном составе населения Прутско-Днестровского междуречья во II—V вв. — в тот период, когда, выражаясь словами Энгельса, «продолжительные походы перемешивали между собой не только племена и роды, но и целые народности»¹³.

Естественно, что наблюдаемый на этой территории биритуализм следует рассматривать прежде всего как результат такого этнического смешения.

Для местного оседлого земледельческого населения, гетов, на всей территории их распространения (а не только в Молдавии) с самой глубокой древности единственным обрядом погребения было трупосожжение¹⁴.

Очевидно в гетах и следует прежде всего видеть тех, кто в черняховской культуре сохранял обряд трупосожжения. Обряд погребения является, как известно, одним из самых консервативных обрядов и меняется лишь крайне медленно и в силу только исключительных обстоятельств. В собственно Дакии такими исключительными обстоятельствами были захват римлянами в начале II в. Дакии и ее усиленная романизация. Однако это не могло послужить причиной для того, чтобы гетское население Прутско-Днестровского междуречья сменило обряд трупосожжения на обряд трупоположения. Прежде всего христианство в Римской империи во II в. не было еще господствующей религией, и романизация вовсе не означала обязательного перехода к обряду трупоположения. В более поздний период, в III—IV вв., в самой Дакии местное гетское население, восприняв очень много из римской культуры (керамику, украшения, орудия труда, оружие и т. д.), стойко продолжало сохранять обряд трупосожжения, причем как обряд, абсолютно господствующий у значительной части этого местного населения. Так, например, в самой Дакии на востоке Трансильвании находится обширный некрополь Кашолц, в котором раскопано 299 погребений, принадлежавших местному дакийскому населению. Могильник датируется римскими монетами и другими вещами I в. н. э. — второй половиной II в. н. э. Почти все погребения совершены по обряду трупосожжения¹⁵. В среднем течении р. Муреш, где жили хотя и подвластные римлянам, но не покоренные, свободные даки, в могильниках III—IV вв. — Лекинца, Кипеу, Морешти и др. — также господствовал обряд трупосожжения¹⁶. В западной Молдове, на правобережье Прута, местное население, создавшее во II—IV вв. н. э. так называемую карподакийскую культуру и воспринявшее целый ряд особенностей римской культуры, полностью сохранило обряд трупосожжения, как это явствует, например, из раскопок верхнего горизонта могильника Поянешты¹⁷. Если гетское население оккупированной римлянами Дакии, несмотря на усиленную романизацию, сохранило обряд трупосожжения, то нет решительно никаких оснований сомневаться в том, что его сохранило и свободное гетское население Прутско-Днестровского междуречья, которое в состав Дакии не входило. Таким образом, ясно, что обряд трупосожжения в черняховской культуре — результат прежде всего преемственности этого обряда, продолжения его существования у местного гетского населения. На всех черняховских селищах и могиль-

¹² Г. Б. Федоров. Лукашевский могильник. КСИМК, вып. 68, 1957, стр. 51—62.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 391.

¹⁴ V. Pârvaș. Dacia. București, 1957.

¹⁵ M. Macrea și D. Berciu. Șantierul arheologic de la Cașolt și Arașul de sus studii și cercetări de istorie veche (SCIV), т. 3—4, вып. VI, București, 1955, стр. 581—623

¹⁶ K. Horedt. Șantierul arheologic Morești. SCIV, т. 3—4, вып. VI, București, 1955, стр. 643—681.

¹⁷ R. Vulpe. Sapăturile de la Poinesti. Materiale Archeologice, т. I, București, 1953, стр. 213.

никах в Молдавии в самой материальной культуре эта преемственность от предшествующей гетской культуры неуклонно прослеживается (гетские усеченноконические чашки, зерновики-корчаги и т. п.). Следовательно, обряд трупосожжения в черняховскую культуру принесло и продолжало его соблюдать прежде всего местное гетское земледельческое население.

Перейдем теперь к обряду трупоположения в черняховской культуре и постараемся выявить его истоки.

Обряд трупоположения явно не был воспринят от римлян в силу изложенных выше причин. Рассмотрим, какое же из племен, живших на территории распространения черняховской культуры, могло принести в эту культуру обряд трупоположения. Это не могли быть гунны, хотя бы потому, что они появились в Северном Причерноморье лишь в конце IV в. Они ничего не принесли в черняховскую культуру, а лишь по мере сил ее разрушили. Это не могли быть также племена пшеворской и зарубинецкой культур, так как для них с древнейших времен был характерен обряд трупосожжения, а обряд трупоположения возник у них очень поздно. Носители пшеворской и зарубинецкой культур, из числа которых невозможно исключить славян, также принимали участие в создании черняховской культуры. Об этом говорят как данные антропологии, так и сходство некоторых лепных сосудов из черняховских могильников (Будешты и др.) со славянскими лепными горшками VI—VIII вв. пражского типа¹⁸. Однако на территории Молдавии основные типы черняховской лепной керамики восходят не к пшеворской и зарубинецкой керамике, и здесь, следовательно, вклад славян в формирование черняховской культуры был невелик. Интересно все же отметить, что воины с оружием, которое относится к пшеворскому типу, погребались обычно по обряду трупосожжения. Роль же славян в формировании черняховской культуры на других основных территориях распространения последней еще предстоит выяснить.

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о кельтах. За последнее время чешские ученые И. Поулик, Я. Филип, Б. Бенадик, Е. Влчек, Г. Амброс и др. уделяют серьезное внимание изучению кельтской культуры в Подунавье и вообще в Центральной Европе. Фундаментальная монография о кельтах Яна Филипа¹⁹ и коллективная работа Бенадика, Влчека и Амброза²⁰ о кельтских погребениях, наряду с предшествующими исследованиями, позволяют внести ясность в вопрос о кельтской культуре и обряде погребения у кельтов.

Кельты на территории Польши, Чехословакии и в других местах еще с эпохи раннего латена применяли обряд трупоположения²¹.

На территории современных Австрии, Чехии, Моравии покойники погребались головой на север, в Словакии и Карпатской котловине — на юг. Скелеты обычно вытянуты на спине (в небольшом количестве встречаются и погребения в скорченном положении); в могилах часто находятся следы дерева — остатки колод, гробов или досок, которыми обкладывали могильную яму. Встречаются каменные оградки могил, двойные погребения или погребения одно над другим. В III—II вв. до н. э. у кельтов в Карпатской котловине, в Нижней Австрии и в Моравии наряду с трупоположениями начинают появляться и трупосожжения, которые распространяются все больше и больше, хотя трупоположения сохраняются до самого конца кельтского влияния в этих местах, т. е. до рубежа нашей эры. Обряд трупосожжения кельты заимствовали у местного населения Чехии, у которого этот обряд господствовал. Ян Филип в связи с этим приходит к вполне закономерному выводу о том, что «теряют всякий смысл прежние попытки объяснить обычай трупосожжения у кельтов вмешательством или влиянием германцев»²². Кельтская материальная культура оказала определенное влияние на формирование черняховской культуры: фибулы с подвязанным приемником, обычные для черняховских памятников, были сделаны на основе фибул среднелатенской схемы; один из типов черняховских сосудов — средней величины миска с выемкой под венчиком — и, возможно, один из типов средних горшков с округлобким туловом имеют своими прототипами кельтские сосуды; наконец, близки к кельтским и черняховские гончарные горны. При этом важно отметить, что у кельтов гончарный круг и гончарный горн появились еще во II в. до н. э.

Однако в целом значение кельтской материальной культуры для формирования черняховской культуры не следует преувеличивать. Основные формы типичной кельтской керамики имеют иные пропорции, формы и орнаментацию, чем черняховские²³, иной облик имеют и кельтские украшения²⁴ и другие изделия. Во второй половине

¹⁸ Э. А. Рикман. Могильник первых столетий н. э. у с. Будешты в Молдавии. СА, 1958, № 1, стр. 198 сл., рис. 4, 2 и 13.

¹⁹ J. Filip. Ук. соч.

²⁰ B. Benadik, E. Vlček, Č. Ambros. Keltske pohrebiská na juhozápadnom Slovensku. Bratislava, 1957.

²¹ B. Stjernquist. Simris. On Cultural Connections of Scania in the Roman Iron Age. Acta archaeologica Lundensia, серия № 4, № 2, Bonn (Germany) — Lund (Sweden), Lund, 1955.

²² J. Filip. Ук. соч., стр. 509.

²³ См. J. Filip. Ук. соч., стр. 201, рис. 62, 1, 3; стр. 203, рис. 63, 1, 5—7; стр. 213, рис. 3—12; табл. CXX, 10—12, 14, 16 и др.

²⁴ J. Filip. Ук. соч., стр. 205, рис. 1—6; B. Benadik и др. Ук. соч., табл. IV, 6; табл. VIII, 1—9; табл. XXVI, 1—10, табл. XXXIX, 1—10 и др. Отсутствуют в черняхов-

III в. до н. э. кельты из Франции продвигаются в Среднюю Европу и вступают в контакт с местным населением, в том числе и с гето-даками, причем гето-дакийский царь Бурвиста после ожесточенных боев выбивает кельтов из Паннонии. Расцвет кельтов и усиление кельтского влияния в Центральной Европе приходится, как это доказывает в упомянутой уже монографии Я. Филип, на 125—150-е годы до н. э. К рубежу нашей эры кельтское влияние в Средней Европе уменьшается. Неясно, были ли сами кельты на территории распространения черняховской культуры. Хронологический разрыв между периодом кельтского влияния в Средней Европе и периодом формирования и существования черняховской культуры, отличие обряда трупоположений кельтского от черняховского и различие между большинством кельтских и черняховских изделий дают возможность считать, что в черняховскую культуру вошли кельтские элементы лишь как пережиточное явление. Кельтские типы керамики и украшений, очевидно, проникли в черняховскую культуру через местное население, когда-то заимствовавшее их от кельтов. Наконец, указанные выше обстоятельства заставляют считать, что отнюдь не кельты принесли в черняховскую культуру обряд трупоположения.

Специального и особого рассмотрения заслуживает вопрос о готах и черняховской культуре.

С нашей точки зрения, готы не только не принесли обряд трупоположения в черняховскую культуру, но и вообще никакого отношения к формированию этой культуры не имели, а лишь использовали ее, оказавшись в Северном Причерноморье.

Готы появились в Нижнем Подунавье, в Прутско-Днестровском междуречье и вообще в области распространения черняховской культуры лишь в самом конце II или начале III в., т. е. уже тогда, когда все основные элементы черняховской культуры сложились.

Но, может быть, готы, придя в область черняховской культуры, чем-либо обогатили ее, принесли в нее какие-либо новые черты? Априорно на этот вопрос можно ответить отрицательно, так как чем же собственно могли обогатить культуру местных земледельческих племен, достигших высокого уровня развития и издавна испытывавших влияние античной культуры, кочевники, пришедшие с далекого севера. Но, конечно, одних априорных соображений недостаточно. Для решения этого вопроса необходимо изучить готскую материальную культуру и вообще культуру германских племен в ее исходных пунктах, на той территории, где она сложилась и откуда готы начали свое продвижение к Причерноморью, т. е. в Скандинавии и близких к ней районах.

Древности Готланда последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры (до начала V в.) изданы в двух частях обширной монографии «Древний железный век Готланд», из которых первая часть опубликована в 1914 г. в Стокгольме Оскаром Альмгреном, а вторая часть также в Стокгольме в 1923 г. Оскаром Альмгреном и Биргером Нерманом²⁵. В 1955 г. в Лунде (Швеция) в совместном издании Бонн (ФРГ) — Лунд (Швеция) Берта Штейернквист в археологической серии трудов Лундского университета опубликовала итоги раскопок свыше 100 погребений могильника у с. Симрис на восточном побережье Скандинавии (в Швеции)²⁶. Большинство из этих погребений относится к I—IV вв.

Следует отметить, что все изделия, найденные на Готланде, резко отличаются от черняховских. Формы, пропорции, орнаментация браслетов, пряжек, привесок, даже фибул, пуговиц, железных умбонув, керамики настолько различны, что в этом легко убедиться, сравнив лишь таблицы вещей, изданные Альмгреном, с любым изданием черняховских памятников. Как в готской, так и в черняховской культуре встречаются совершенно различные категории изделий (крючковые застёжки пряжек, спиральные браслеты, цепочки и др. готской культуры, которые вообще не встречаются в черняховской культуре) и ряд изделий, характерных только для черняховской культуры (бисер, пряслица с вогнутой нижней поверхностью и т. д.), которых нет на Готланде. В самом массовом материале — в керамике — нет буквально ни одного сосуда, который по форме или орнаментации был бы общим или хотя бы частично совпадающим в черняховской культуре и на Готланде. Единственное, что есть общего между готландской и черняховской керамикой — это черная лощеная поверхность части сосудов. Однако это никак не может быть вкладом готов в черняховскую культуру. Черная лощеная поверхность сосудов в Нижнем Подунавье, в Поднестровье в Попрутье широко известна еще со времен раннего Фракийского гальштата, а в Поднепровье — по крайней мере со скифских времен. В черняховской культуре чернолощенных сосудов встречено немного; большинство из них серолощенные. Даки и геты применяли черную лощеную посуду уже в гальштате; в последние века до нашей эры такой посудой в Средней Европе широко пользовались кельты.

В готландских и в черняховских памятниках встречаются предметы римского экспорта (стеклянные кубки и др.), а также фибулы, хотя и совершенно отличные по стилю и обработке, но близкие по схеме (причерноморско-кельтского облика). Однако римские вещи и такие фибулы были в этот период распространены везде, по всей Европе и во многих областях Азии и Африки, и не могут служить для установления какой-

ской керамике и горшки с орнаментом в виде углубленных вертикальных полосок по всему тулову, обычные для кельтских горшков (там же, табл. XV, 22).

²⁵ O. Almgren. Die Ältere Eisenzeit Gotlands. Stockholm, 1914; O. Almgren und Birger Nerman. Die Ältere Eisenzeit Gotlands, ч. II, Stockholm, 1923.

²⁶ B. Stjernquist. Ук. соч.

либо другой общности этих областей, кроме общности римского влияния. То же относится и к односторонним костяным гребням (иногда с циркульным орнаментом, с железными и бронзовыми заклепками), которые еще со времен латена встречаются по всей Центральной, Юго-Восточной и Северной Европе. Коренным образом отличается и устройство могил с труположениями на Готланде и в черняховской культуре. Для готландских могил характерны каменные вымостки под скелетом, каменные оградки, каменные ящики, каменные насыпи, каменные крышки и курганы²⁷, т. е. сложные каменные конструкции. Никакие камни или каменные конструкции в черняховских могильных ямах никогда не встречаются. Исключение составляет локальная нижнеднепровская группа памятников, которая, возможно, является готской.

Можно было бы предположить, что в области распространения черняховской культуры эта конструктивная особенность готских могил не могла быть применена из-за отсутствия камня или трудностей его обработки. Однако это не так. На территории черняховской культуры имеется сколько угодно камня, в том числе и очень легкого для обработки ракушечника, а также сарматского известняка, гораздо более мягкого, чем булыжник, из которого на Готланде и вообще в Скандинавии часто изготовляли конструктивные детали могил. Черняховцы отлично умели обрабатывать камень. На всех черняховских селищах встречаются в изобилии каменные изделия: точильные бруски, жернова и т. д. Очень широко применялись уплощенные камни или плиты и при строительстве печей, очагов, жилищ, для каменных отмосток, вымосток и т. д. (но никогда для устройства могил).

Таким образом, можно установить, что материальная культура Готланда на протяжении всей первой половины I тысячелетия н. э. (как и в предшествующий и последующий периоды) коренным образом отличалась от черняховской культуры и ни один из сколько-нибудь заметных или характерных элементов готской культуры не перешел в черняховскую культуру.

К таким же выводам можно прийти, изучая данные, полученные при раскопках могильника в Симрисе (Швеция). Все основные элементы материальной культуры и конструктивные особенности могил, типичные для Готланда, характерны и для могильника в Симрисе. Здесь также нет ничего общего с черняховской культурой. Каким же был обряд погребений у германских племен, в особенности у готов? Какова эволюция этого обряда погребений и каковы причины, породившие эту эволюцию?

Г. Коссина уже давно выдвинул свое истолкование обряда труположения и продолжал придерживаться выдвинутых им положений до последнего времени²⁸. Согласно Г. Коссине, обряд труположения якобы был отличительной чертой готских племен. В соответствии с этим националистические последователи Коссины (Хюлле и др.) объявляли все могильники в Европе, содержащие труположения первой половины I тысячелетия н. э., готскими. Готской объявлялась и черняховская культура.

Но не говоря уже о неверном принципе, выдвинутом Коссиной для приписывания готам никогда не принадлежавших им культурных комплексов, вся его теория разлагается в прах при соприкосновении с фактами.

Еще задолго до Коссины выдающийся немецкий ученый Рудольф Вирхов доказывал, что именно германским племенам принадлежат древнейшие погребения с трупосожжениями в Восточной Германии²⁹. Выдающийся славянский ученый Любор Нидерле отмечал, что для германских племен, так же как для литовцев, славян и галлов, с древнейших времен был характерен именно обряд трупосожжения, а не труположения³⁰. Монография Берты Штейернквист «Симрис» позволяет проследить особенности изменения обрядов погребения у готов и выяснить происхождение обряда труположения в I в. до н. э. и первой половине I тысячелетия н. э. в Северной и Центральной Европе.

Обзор и анализ памятников, сделанные автором монографии «Симрис», и ее выводы представляются настолько важными и убедительными, что мы остановимся на них особо. В самом Симрисе вскрыто 102 погребения, из них девять — трупосожжения и остальные — труположения, обычно в каменных ящиках, часто под каменными курганами. Трупосожжение было древнейшим обрядом погребения на Симрисе; могилы с трупосожжениями (№№ 1, 26, 28 и др.) восходят еще к I в. до н. э. Часть погребений с трупосожжениями совершалась в одно время с погребениями с труположениями, которые появляются только в конце I — во II в. Такая же картина наблюдается на Готланде и Бронхольме, что и дает основание автору монографии «Симрис» опровергнуть положение Коссины, что якобы для готов всегда был характерен обряд труположения. Могилы с трупосожжениями и труположениями имели обычно ка-

²⁷ O. Almgren. Ук. соч., ч. I, стр. 26, рис. 40; стр. 27, рис. 44—46; стр. 28, рис. 47—49; стр. 29, рис. 50; стр. 45, рис. 82—84; стр. 46, рис. 86; стр. 47, рис. 87—90; ч. II, стр. 89, рис. 154—156, стр. 91, рис. 159в; стр. 92, рис. 160—164, стр. 93, рис. 165, 166; стр. 114, рис. 201; стр. 115, рис. 202; стр. 122, рис. 212; стр. 124, рис. 216—220; стр. 129, рис. 221, 222 и др.

²⁸ G. Kossina. Die Zeitbestimmung der Skelettengräber von Trebitz, Mansfelder Seekreis, Nachrichten über deutsche Altertumsfunde, 1903; ег о же. Die Karte der germanischen Funde in der frühen Kaiserzeit, Mannus — Bücherei 25, 1933; ег о же. Die deutsche Vorgeschichte (8 Auflage), Mannus — Bibliothek, № 9, Leipzig, 1921.

²⁹ См. Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 205.

³⁰ Там же.

менную вымостку, каменные ящики, иногда ладьеобразной формы, часто с каменными, реже с деревянными покрытиями и очень часто с каменными насыпями или курганами. Иногда внутри каменных ящиков находились деревянные колоды или гробы. Трупосожжения совершались прямо на месте погребения; иногда на дне каменных ящиков или внутри каменных оградок могил прослеживаются остатки кострищ³¹. Заметим, что этим германские трупосожжения отличаются, помимо всего прочего, от трупосожжений в черняховской и гетской культурах, где сожжение трупа всегда производилось не на территории могильника, а поодаль.

По наблюдениям Б. Штейернквист, единичные погребения с труположениями в ладьеобразных и других каменных ящиках (датируемые железными булавками со спиральными головками) в начале железного века на короткий период известны в Северной Европе, там, где было влияние гальштата, а через него и скифской культуры. Эти единичные погребения с труположениями были, как считает Б. Штейернквист, результатом иноземного влияния и, может быть, иноземного вторжения. Затем этот обряд полностью исчезает и господствует обряд трупосожжения как на Готланде, так и в Норвегии и во всей Северной Европе. Возрождается обряд труположения лишь в I—II вв. н. э. уже в римский период.

В III в. н. э. во всей области распространения германских племен начинает преобладать труположение, хотя трупосожжения существуют до самого конца римского периода. Скелеты обычно вытянуты на спине, хотя в небольшом количестве встречаются и скорченные. Ориентировка скелетов различная. В Симрисе преобладала северная ориентировка, однако в могильнике Хаммерснас в Норвегии из 96 погребений только 33 скелета лежали головой на север. Обряд труположения распространялся в Северной Европе — на Готланде, в Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии и т. д. — приблизительно в одно и то же время, в I—II вв. н. э., причем для всех погребений были характерны каменные конструкции. Проследивая хронологическую последовательность появления обряда труположения в Европе, Б. Штейернквист устанавливает, что из всех областей, где находились германские племена, раньше всего, еще в доримский период, обряд труположения появился в Восточной Австрии, ближе к Дунаю, и в Венгрии, т. е. там, где германские племена вступали в непосредственный контакт с сарматами. Появление обряда труположения у германских племен, таким образом, есть результат сарматского влияния³². Этот новый обряд, полученный германскими племенами от сарматов, в результате контакта между различными областями, передвижения по римским торговым путям и т. д. широко распространился даже на севере Европы, где был воспринят рядом германских племен. В Подунавье, в частности в Венгрии, контакт между сарматами и германскими племенами существовал еще до римского периода. Отсутствие же сарматских вещей в готских и других германских могильниках на севере Европы Б. Штейернквист вполне правомерно объясняет тем, что римляне не торговали сарматскими вещами, а экспортировали свои вещи; для самих же сарматов торговля имела гораздо меньшее значение³³.

Таким образом, готы не принесли в черняховскую культуру и вообще в Среднее и Нижнее Подунавье обряд труположения, они, наоборот, именно здесь получили этот обряд от сарматов. На Готланде, Бронхольме, вообще во всей Скандинавии и даже в Восточной Пруссии этот воспринятый от сарматов обряд труположения подвергся местным изменениям (возведение каменных насыпей и курганов над могилами). Следовательно, исключается и возможность того, что готы, получив обряд труположения от сарматов, снова принесли его в область распространения сарматских племен, в Северное Причерноморье. Здесь этот обряд, и притом в обычной для сарматов форме, существовал непрерывно еще с последних веков до нашей эры и до конца первой половины I тысячелетия н. э.³⁴

Таким образом, перечислив все племена, которые проходили по территории черняховской культуры или жили на ней длительное время, мы убедились, что ни одно из них, кроме сарматов, не могло принести в черняховскую культуру обряда труположения в той форме, в какой он в основном существовал в этой культуре.

Обряд труположения был привнесен в область распространения черняховской культуры, и никто, кроме сарматов, не мог его принести.

Для всяких кочевников вообще, для сарматов в частности, обряд труположения является характерным с глубокой древности. Об этом свидетельствуют хорошо изученные чисто сарматские погребения в Заволжье, в той области, откуда сарматы двинулись на запад к Подунавью. Скелеты обычно лежат на спине, вытянутые, с вытянутыми конечностями, реже со скрещенными ногами, головой на север или, реже, на запад: часты вытянутые, деформированные черепа. Встречаются погребения в деревянных колодах и гробах, ямах с уступами и подбоями и т. д. Могильный инвентарь — одноручные кувшины, бронзовые, реже серебряные круглые зеркала с неболь-

³¹ В. Stjernquist. Ук. соч., стр. 39—41.

³² Там же, стр. 66—68.

³³ Там же, стр. 68.

³⁴ Например, у с. Михайловское Рыбницкого района Молдавской ССР было обнаружено сарматское захоронение с черняховской керамикой. См. М. А. Тиханова Локальные варианты черняховской культуры. СА, 1957, № 4, стр. 186; Г. Б. Федоров К вопросу о сарматской культуре в Молдавии. Изв. Молд. ФАН, № 4(31), Кишинев, 1956, стр. 49—66.

шой ручкой, глубокие миски — и сарматский обряд погребений и вещевой инвентарь сарматского облика отчетливо прослеживаются в качестве составных элементов в черняховской культуре. О существовании и сильном влиянии всех этих элементов сарматской культуры в черняховских памятниках Поднепровья хорошо известно, их отмечал уже ряд исследователей³⁵, и нам нет надобности на них останавливаться особо. Даже в самом Черняховском и в Масловском могильниках имеются захоронения с деформированными черепами, различные виды керамики сарматского типа, сарматские зеркала, бусы. В Северном Причерноморье, в частности на Южной Украине, сарматская культура претерпевала некоторые, и притом значительные, изменения. Как отмечала М. И. Вязьмитина, «оседание сарматских элементов в долинах реки вокруг городов до известной степени перемешало этногеографию обитавшего там населения и включило в него новые этнические элементы»³⁶. Оседая вокруг греческих городов Северного Причерноморья и на Южной Украине, сарматы не только передавали местному населению элементы своей культуры, но и в значительной степени усваивали элементы местной культуры. Так, несомненно, из античных городов Северного Причерноморья были восприняты и сарматами и другим населением Причерноморья бронзовые фибулы с подвизанным приемником — основной вид фибул и у причерноморских сарматов и вообще во всей черняховской культуре. Одним из центров производства таких фибул была, например, Ольвия, где этот тип фибул и вырабатывался на основе более древних фибул среднелатенской схемы и местных производственных традиций³⁷. Под влиянием керамики греческих городов Северного Причерноморья изменились, стали изящнее и неизмеримо лучше по технике и традиционные сарматские формы керамики (например, одноручные кувшины³⁸), появились кувшины с ойнохоевидным горлом (Малаешты) и т. д. О том, что еще с последних веков до нашей эры и в первые века нашей эры сарматы продвигались на запад к Подунавью, хорошо известно по письменным источникам. Еще Страбон сообщал о том, что из Крыма и Нижнего Поднепровья множество людей переправлялись за Днестр и Дунай³⁹. В Ленковцах, на Днестре, найдены сарматские погребения с труположениями, относящиеся к первым векам нашей эры; сарматам принадлежит и Боканский могильник на Пруте, причем нижняя дата этого могильника — II в. н. э.⁴⁰ В период, непосредственно предшествующий появлению черняховской культуры, и в период ее сложения в область, где формировалась и существовала эта культура, просачивались, и притом в значительном количестве, сарматы, успевшие в первые века нашей эры и до этого испытать влияние греческих городов Северного Причерноморья. Вся эта область со II в. до н. э. называлась обычно уже не Скифией, а Сарматией. Как показали исследования Боканского селища и могильника, эти сарматы частично уже оседали на землю, воспринимали местную материальную культуру и, в свою очередь, обогащали ее элементами своей культуры. Как отмечал еще Тацит, сарматы перемешивались с местным причерноморским населением и даже вступали с ним в браки⁴¹. В то же время там, где еще не произошло полного слияния местного земледельческого населения с сарматами, как, например, на Боканском поселении, обрядом погребения было только труположение. Скелеты в Боканском могильнике лежали вытянутые на спине, головой на север. Замечательно интересны в этом отношении и антропологические исследования. Антропологический тип Боканского могильника неоднороден; 40% его черепов деформировано приемами обычной для сарматов бинтовой деформации. Один из антропологических типов черепов морфологически близок к черепам местного населения и населения черняховских селищ Среднего Поднепровья, а через них к славянским северянским сериям; другой близок к сарматам Украины, причем обычай деформации черепов позволяет предполагать существование каких-то связей с южным кругом форм⁴². Эта двойственность антропологического типа вполне понятна. При тесном контакте и перемешивании местного оседлого земледельческого населения и осевших на землю сарматов смешивалась и перенималась не только материальная культура, но и погребальные обряды.

Так, в типично черняховском Малаештском могильнике, который относится к периоду расцвета и позднему времени существования черняховской культуры и датируется III — началом V в., труположения и трупосождения встречаются примерно в равном количестве. Антропологический тип погребений с обрядом труположения также неоднороден⁴³; большинство черепов морфологически близки к черепам черняховских

³⁵ См., например, Ю. В. Кухаренко. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях. СА, XIX, 1954, стр. 117 и сл.

³⁶ М. И. Вязьмитина. Вивчення сарматів на Території Української РСР. Археологія, т. VIII, Київ, 1953, стр. 75.

³⁷ А. А. Фурманская. Фібули з розкопок Ольвії. Археологія, т. VIII, стр. 76—94.

³⁸ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 44.

³⁹ Страбон, VII, гл. 4.

⁴⁰ Г. Б. Федоров. К вопросу о сарматской культуре в Молдавии, стр. 49—65.

⁴¹ Тацит. Германия, XVI. Сб. «Древние германцы». М., 1937.

⁴² Заключение антропологов сектора антропологии Института этнографии АН СССР М. Великановой и Т. Сурниной.

⁴³ Заключение М. Великановой и Т. Сурниной.

селищ Поднепровья и через них — к славянским северянским сериям, а в небольшой части черепов заметны сарматские черты, хотя в этот период уже совершенно прекращается искусственная деформация черепов.

Во всех черняховских селищах и могильниках Молдавии и в самой материальной культуре отчетливо прослеживается значительное сарматское влияние.

Так же обстоит дело и в западной Запрутской Молдавии и вообще в Подунавье. Сарматы кое-где образовывали значительные компактные группы, как, например, венгерские языки, памятники которых опубликованы М. Пардуцом в трех выпусках «*Arheologia Hungarica*»⁴⁴.

Однако большей частью сарматы, оседая на землю, жили либо чересполосно с местным населением, либо сливались с ним. Так было, например, на территории Румынии, в частности в Западной Молдове и в Трансильвании. В могильнике у дер. Холбок в Трансильвании, где покойные погребались в вытянутом положении на спине, головой на север, найдены сарматские зеркала, проволочные бронзовые серьги с одним эсовидным и другим завязанным концом и граненые плитчатые бусы, подобные Боканским⁴⁵.

Сильнейшие сарматские элементы прослеживаются как в могильниках местного населения, так и в могильниках черняховской культуры в Румынии — в Молдове и в Трансильвании. Так, например, в Западной Трансильвании, к северу от р. Муреш, находится могильник у с. Сэнтена Орад. В этом могильнике, принадлежавшем, видимо, в основном местному населению, встречаются и погребения с трупосожжениями и погребения с труположениями, а среди вещей, наряду с местной керамикой, встречаются и сарматская керамика, зеркала и т. д. Погребения с деформированными черепами, с сарматскими зеркалами и сарматскими одноручными кувшинами найдены и в позднечерняховском могильнике Спанцов, расположенном на берегу Дуная, в 18 км от впадения в него р. Арджеш⁴⁶. В Молдове сарматские зеркала, бусы и сосуды найдены в могильнике Вертишкой и в могильнике Поянешты II—IV вв. н. э., оставленном местным карпо-дакийским населением. Среди сарматских сосудов, найденных в этом могильнике, характерны трехручные глубокие миски (причем их ручки иногда имеют зооморфный облик) и небольшой серолощенный одноручный кувшинчик (из погребения № 101), совершенно подобный боканским⁴⁷.

Весьма показательны результаты краниологических исследований антропологических материалов могильников Спанцов и Ербичень, произведенных выдающимся антропологом Румынии О. К. Некрасовой. Эти исследования показали, что в обоих могильниках антропологический тип был смешанным: один из них морфологически увязывался с местным населением, другой был сарматским⁴⁸.

Исследователь Поянештского могильника проф. Р. Вульпе пришел к выводу, что на территории Румынии до II в. н. э. господствовала гетская культура, а в III—IV вв. происходило смешение различных культур (гетской, римской, сарматской и славянской), закончившееся к VI в. н. э. ассимиляцией славянской культурой всех других культур. Этот вывод Р. Вульпе представляется нам вполне закономерным. Что же касается основной территории распространения черняховской культуры, то там, как мы видели, влияние сарматов начало сказываться еще раньше и сказывалось гораздо сильнее. Это и понятно, так как на территории Румынии в период с начала II и до третьей четверти III в. н. э. была римская провинция Дакия, существовал римский лимес и господствовала римская культура, оказывавшая основное влияние на гетскую культуру местного населения. Памятники черняховской культуры появляются на этой территории лишь в VI в., после очищения римлянами Дакии и, видимо, в результате отступления части населения из Поднепровья и Поднепровья к Подунавью под давлением гуннов. Рассмотрение черняховских памятников, в частности могильников, позволяет сделать вывод, что на территории Прутско-Днестровского междуречья, а соответственно и в Поднепровье сарматы появились еще до сложения черняховской культуры и сыграли большую роль в формировании этой культуры. Именно сарматы принесли в черняховскую культуру обряд труположения. Слияясь в Поднепровье с местным гетским земледельческим населением, к которому примешивались пшеворские и зарубинецкие элементы, сарматы сами оседали на землю, воспринимали местную культуру и обогащали ее элементами своей культуры, уже носящей следы влияния культуры греческих городов Северного Причерноморья. Биритуализм — сосуществование обрядов труположения и трупосожжения (характернейшая особенность черняховской культуры) — есть результат смешения местных земледельческих племен с сарматами-земледельцами.

⁴⁴ M. P a r d u c z. *Aszarmatatok Emlekei Magyarorszagban. Arheologia Hungarica*, т. I, вып. XXV, Budapest, 1941; т. II, вып. XXVIII, 1944; т. III, вып. XXX, 1950.

⁴⁵ SCIV, т. III, București, 1952.

⁴⁶ M. B u c u r. *Şantierul Spancov. SCIV*, т. I—II, вып. 4. București, 1953, стр. 228—237.

⁴⁷ R. V u l p e. *Săpăturile de la Poienişti, Materiale Arheologice*, т. I, București, 1953, стр. 349, рис. 174.

⁴⁸ Эти сведения сообщены автору настоящей статьи О. К. Некрасовой, за что и приношу ей глубокую благодарность.

О КАМЕННЫХ ОРУДИЯХ АВСТРАЛОПИТЕКА

Уже давно было высказано мнение, что шелльские ручные рубила нельзя считать первыми орудиями человека. Они являются продуктом длительного процесса эволюции и предполагают более примитивную стадию в развитии орудий труда. Эту стадию обычно называют эолитической, или дошелльской. Первые каменные орудия, по мнению многих ученых, должны были иметь лишь незначительные признаки обработки или не иметь их совсем.

Недавнее открытие в Южной Африке каменных орудий вместе с остатками австралопитеков (признаваемых за прямоходящих обезьян) представляет большой интерес со многих точек зрения.

Сведения об орудиях из галек, находимых в отложениях, соответствующих геологическому возрасту австралопитеков, стали поступать из Южной Африки с 1927 г., когда Е. Вайланд открыл их в Уганде и назвал «кафуенскими орудиями». Позднее подобные орудия были найдены Л. Б. Лики на территории Восточной Африки в Олдвее (Танганьика). Теперь они встречаются во многих местах Африки и стратиграфически предшествуют шелльским ручным рубилам. Но до последнего времени не было точных сведений о нахождении таких орудий вместе с остатками самих обезьян.

В 1955 г. поступило сообщение, что К. Брайн нашел в пещере Макапан орудия из галек (или, точнее, гальки со следами оббивки) в отложениях гравия непосредственно над главным слоем, содержащим кости австралопитека. В этом же гравии был обнаружен и обломок челюсти австралопитека. Гальки в основной массе были доломитовые, но встречались в небольшом количестве и из кварцита. Доломитовые гальки представляли собой куски окатанного плитняка.

Эти каменные изделия, если их так можно назвать, выставлялись ван Рит-Ловом¹ для обозрения на Панафриканском конгрессе по изучению доисторического периода в июле 1955 г. в г. Ливингстоне, но вызвали у многих археологов и антропологов настороженное отношение. Однако, несмотря на глубокую патину, на поверхности этих галек были хорошо видны признаки оббивки в виде широких фасок, расположенных с одной стороны. По числу фасок можно сосчитать число последовательных ударов оббивки, которыми был заострен край плоской гальки, превращенной в подобие грубого лезвия (рис. 1). Отчетливо прослеживается пять скальвающих ударов, насколько можно об этом судить по зарисовке одного из орудий, опубликованной вместе с фотографией его в статье К. Окли². Шелльские ручные рубила, как показывает изучение фасок на их поверхности, требовали при обработке значительно большего числа скальвающих ударов, в среднем до 25—30 (рис. 1, 2, 3). Опыты по двусторонней обработке каменных орудий показывают, что далеко не каждый удар, как бы он ни был точно намечен, достигает своей цели. Общее число ударов, наносимых при оббивке по гальке, бывает в несколько раз больше числа скальвающих.

Близ пещеры Макапан, по соседству с остатками австралопитека, залежали кости животных: трубчатые кости, челюсти и куски черепов антилоп. Р. Дарт считает, что эти костные остатки указывают на то, что австралопитеки приносили к пещере части туш своей охотничьей добычи. Попытки некоторых ученых приписать залегание этих костей в слое австралопитека деятельности гиен не удалось: в раскопанной недавно берлоге, занимаемой современным видом гиен, костей не было найдено. Обычно гиены, обладающие сильным зубным аппаратом, способным дробить самые крепкие кости, редко оставляют после себя какие-либо части добычи. В пользу гипотезы о существовании охоты у прямоходящих обезьян Южной Африки говорят и исследования скелетов бабуинов, найденных в разное время вместе с остатками австралопитеков. Около 70% всех черепов бабуинов имело макушки, проломленные тупым оружием.

Одним из возражений против того, что оббитые гальки являлись орудиями, служит указание на залегание их не в самом слое австралопитека, а несколько выше. Однако такое возражение не имеет существенного значения, так как известны другие наход-

¹ G. Mortelmans. Le troisième Congrès pan-africain de préhistoire (Livingstone, Juillet 1955). Académie Royale des Sciences coloniales. Mémoires. Nouvelle série, т. IV, n° 3. Bruxelles, 1954, стр. 32—33.

² K. Oakley. The Earliest Tool-Makers. Antiquity, № 117, 1956, стр. 4—9.

ки оббитых галек — в отложениях, соответствующих горизонту австралопитека, хотя и без остатков последнего³. Гальки со следами оббивки были найдены близ Харрисдаля на берегах р. Вааля. Если эти орудия не были сделаны австралопитеком, то, как допускает К. Окли, они могли принадлежать другим, более развитым существам, но жившим в одно время с австралопитеком. Д. Робинсон таковыми считает парантропов, остатки которых были найдены им в брекчиях пещеры Сворткранс, синхронных слоям австралопитека.

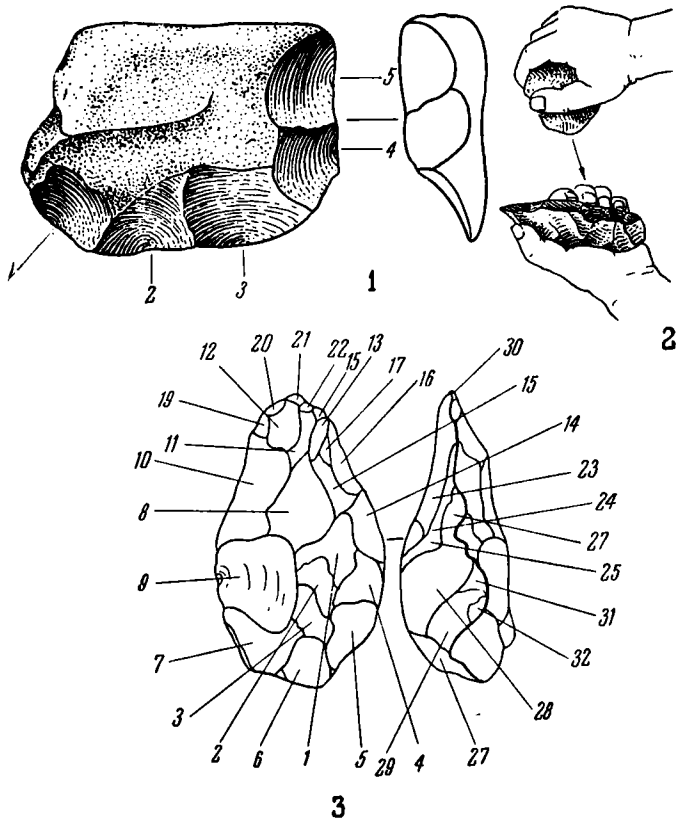

Рис. 1.

1 — рисунок оббитой гальки (цифрами указано число сколов, которыми заострен край); 2, 3 — способ оббивки шельского ручного рубила (цифрами указано число сколов, которыми было оформлено орудие)

Сейчас трудно сказать, кому принадлежат орудия из Харрисдаля, но и этот вопрос не может иметь существенного значения, так как орудия из оббитых галек известны во многих местах Южной Африки и предшествуют двусторонне обработанным, которые распространены по всей Африке от Средиземного моря до мыса Доброй Надежды. Что касается геологического возраста австралопитека, то большинство участников Панафриканского конгресса сошлось во мнении (которое в свое время было обосновано К. Окли), что он не уходит глубже первого плейстоценового плювиала⁴, т. е. совпадает с концом первого оледенения в Европе. Следовательно, австралопитек значительно ближе к нам по времени, чем предполагал Р. Брум, относивший его к плиоцену⁵, и, возможно, был современником опередивших его в развитии обезьянолюдей из Тирнифина, Чжоукоутяня и Триниля.

Для нас представляет большой интерес и другой вопрос: можно ли считать оббитые гальки из Макапана орудиями, сделанными рукою живого существа, а не силами природы? Окончательный ответ на этот вопрос пока не может быть дан. Еще не вся

³ G. Mortelmans. Le «Pebble Culture» africaine, source des civilisations de la pierre. Bull. de la Société Royale Belge Anthropol. et Préhistorique, 1954, стр. 5—56.

⁴ K. Oakley. The Dating of the Australopithecinae. American Journal of Physical Anthropology, т. 12, № 1, 1954.

⁵ R. Broom, G. Sheppers. The South-African Fossil Ape-Man: the Australopithecinae. Transvaal Museum Memoirs, Pretoria, 1946, № 2, стр. 141.

пещера Макапан раскопана, недостаточно изучены материалы. Однако уже сейчас можно высказать некоторые существенные соображения.

Прежде всего, нельзя понять серьезных изменений на пути перехода от обезьяны к человеку в рамках биологической эволюции, не учитывая фактора труда.

В развитии головного мозга австралопитек недалеко ушел от антропоидов. Вес мозга австралопитека едва ли превышал вес мозга шимпанзе более чем на 100—150 г. Существует взгляд, что в отношении строения коркового вещества эта разница несомненно более заметна. Значительно более сдвинутое вперед затылочное отверстие в черепе свидетельствовало о почти вертикальном положении головы австралопитека. Строение большого пальца руки последнего, судя по пястной кости, имело важные преимущества по сравнению со строением большого пальца антропоидов. Зубной аппарат имел больше общих черт с человеческим, чем с обезьяньим. Тазовые кости австралопитека очень мало отличались от человеческих и весьма далеко стояли от тазовых костей человекообразной обезьяны. Австралопитек был вполне сложившимся двуногим существом. Это значит, что его бедра, живот, спина, плечи, грудь и руки должны были находиться в корреляции с тазовым поясом, т. е. были близки к строению человеческого тела. Ибо по условиям взаимного соответствия органов невозможно допустить, чтобы при вертикальном положении туловища у австралопитека оставались длинные руки шимпанзе.

Антропоид проконсул, предполагаемый предок австралопитека, жил в миоцене, и возраст его исчислялся в 30 миллионов лет. С этого времени началось и господство в Южной Африке открытого степного ландшафта.

Однако нельзя объяснить одним изменением природной среды выработку прямохождения у австралопитека. Горная горилла Беринга и павианы не приобрели вертикального положения тела, обитая в безлесных условиях. Использование рук только для собирания пищи не требовало утраты локомоторных функций. Горные гориллы и павианы, использующие руки для передвижения, — превосходные собиратели. В то же время прямохождение и укороченные руки австралопитека не способствовали собирательской деятельности. Кроме того, малоустойчивое равновесие тела (из-за относительно высокого положения центра тяжести и малой площади опоры в стоячем положении) ставило австралопитека африканского в невыгодные условия и в качестве хищника, т. е. животного, способного охотиться только силою своих органов. Его зубной аппарат с редуцированными клыками не был приспособлен к такой деятельности, и руки утратили значительную часть физической силы вместе с потерей локомоторных функций.

Указанные соображения позволяют думать, что австралопитек систематически пользовался орудиями и умел их делать простейшим способом. Это может нам объяснить столь далеко зашедшее у него разделение функций между конечностями.

С. А. Семенов

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДРЕВНЕЙШЕЙ КУЛЬТУРЕ КАМЕННОГО ВЕКА НА СЕВЕРЕ ЯПОНИИ

Одной из наиболее сложных и наименее ясных проблем древнейшей истории Японских островов является вопрос о первоначальном заселении и о древнейших культурах — палеолите и мезолите — этой части островного мира Восточной Азии.

Как известно, здесь чрезвычайно широко распространены многочисленные и яркие памятники неолитической культуры, разделяющиеся на ряд хронологических групп. Самые ранние из них характеризуются сосудами с острым дном. Позже развивается керамика нового типа, представленная плоскодонными сосудами, наружная поверхность которых покрыта так называемыми «веревочными оттисками» (керамика дзёмон).

Культура дзёмон с самого начала принадлежит уже вполне зрелому неолиту со шлифованными рубящими орудиями типа топоров, типично неолитическими, двусторонне ретушированными наконечниками стрел из кремня и обсидиана и другими орудиями, характерными для этого времени¹.

Однако до сих пор на Японских островах не было известно каких-либо более древних следов человека, возраст которого мог бы быть бесспорно установлен на основании археологических и геолого-палеонтологических данных. Поэтому происхождение богатой культуры японского неолита оставалось невыясненным и вообще неизвестно было, как давно и какими путями проникли сюда древнейшие обитатели Японских островов.

¹ А. П. Окладников. К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре. СЭ, 1946, № 4, стр. 11—33; G. J. Groot. The Prehistory of Japan. New York, 1951. (В этой обширной монографической сводке дана самая полная в литературе на европейских языках характеристика древнейших культур Японии и богатая библиография).

В последнее время проблема первоначального заселения Японских островов человеком привлекла усиленное внимание ряда японских археологов и геологов, а также некоторых европейских археологов². В результате был сделан ряд весьма интересных открытий и геологических наблюдений, которые вносят в эту проблему немало нового и вместе с тем еще больше усложняют ее. Сюда, в первую очередь, относятся работы по изучению каменных изделий, связанных с так называемой «красной глиной» в районе Канто. Как установлено этими геологическими наблюдениями, в центральной части Японии, на о. Хонсю, в районе равнины Канто (у Токио) обычной для четвертичных отложений является следующая стратиграфия (сверху вниз): а) современный почвенный слой черного цвета, богатый перегноем; б) глинистые отложения вулканические пеплы; в) пески или гравий (часто с костями сухопутных животных континентального происхождения), свидетельствующие о связи с материком Азии; на Хоккайдо в них встречаются кости мамонта.

Как правило, остатки культуры дзёмон встречаются в черном гумусном слое или сразу под ним; они часто бывают связаны с прослойками раковин, но, как правило, нахождение здесь этих раковин может быть объяснено деятельностью человека. Возраст этих культурных остатков достаточно ранний. Анализ угля из Убайма методом C^{14} показал, что находки на этом поселении, относящиеся к культуре дзёмон, датированы в пределах III тысячелетия до н. э.

В слое песков или гравия никаких следов деятельности человека не встречено.

Но такие остатки встречаются зато в верхней части «красной глины Канто», которая, по мнению некоторых геологов, имеет голоценовый возраст, а по мнению других, — плейстоценовый. Большинство исследователей склоняется к мысли о позднеплейстоценовом возрасте этих глин. Наиболее важным местонахождением этой культуры является Конгэнияма (в префектуре Гумма около г. Исэдзакэ), где Т. Айдзава, занимающийся изучением вопроса о древнейших следах человека в Японии, собрал при строительных работах в глинистых отложениях на трех разных уровнях некоторое количество весьма архаичных по облику каменных изделий, сделанных из андезита, кремня и других пород камня.

И. Марингер, тщательно описавший часть этих находок, пришел к выводу о том, что эти находки несколько различаются в зависимости от глубины их залегания. В самом низу, в слое I, имеются отщепы псевдоловалуаского облика, боковые скребки («side-scrapers»), рубила («hand-axes») патжитанского типа, с заостренным концом.

Выше, в слое II, находятся массивные рубящие орудия типа «чопперов» («choppers», «chopping-tools»), скребловидные орудия, отщепы с чертами клэптонской и псевдоловалуаской, а также мустьерской техники. Сопоставляя их с патжитанскими нижнепалеолитическими изделиями с о. Явы, И. Марингер находит в них много общего.

Вместе с тем в них есть и существенные отличия от патжитанских вещей. Так, И. Марингер пишет, что изделия из Конгэнияма обработаны более тщательно, а размеры их значительно меньше, что должно свидетельствовать не о нижнепалеолитическом, а о более позднем времени.

Склоняясь к датировке этих находок позднеплейстоценовым временем, он допускает, что они относятся к доледниковому времени, когда существовал мост между Японскими островами и сушей, по которому палеолитический человек проник в эти места³.

Дальнейшие исследования должны дать более полную картину геологических условий, с которыми связаны эти интересные находки, и более полную характеристику каменных изделий этого рода. Тогда проблема первоначального заселения Японских островов человеком станет гораздо яснее. Но и сейчас можно думать, что эти находки, связанные с «красными глинами Канто», действительно предшествуют неолиту Японии.

В связи с этим интересно, что они, в общем, имеют некоторое сходство с наиболее ранними находками каменных изделий в Приморье, в районе г. Ворошилова и оз. Ханка, где тоже найдены грубые нуклеидные изделия, сходные с чопперами, и вещи, напоминающие по облику ашельские рубила⁴.

Следует также иметь в виду отмеченные И. Марингером совпадения между изделиями древней (как он полагает, докерамической) культуры Японских островов не только с нижним палеолитом Явы, но и с так называемой хоабинской культурой мезо-

² J. Maringer. The Palaeolithic Period in Japan. *Man*, т. LIII, 1953; J. Edward Kiddle. A Reconsideration of the Pre-Pottery Culture of Japan. *Artibus Asiae*, т. XV, 1954; K. K. Beardsley. Japan before History. *A Survey of the Archaeological Record. Far Eastern Quarterly*, № 14, 1954/1955; Adolfo Tamburello. Notes on the Earliest Stages of the Prehistory of Japan. *East and West*, № 2, 1957, стр. 187—191.

³ J. Maringer. Einige faustkeilartige Geräte von Congenyama (Japan) und die Frage des Japanischen Paläolithikums. *Anthropos*, т. 51, 1956; его же. A Core and Flake Industry of Palaeolithic Type from Central Japan. *Artibus Asiae*, т. XIX, 2, 1956.

⁴ J. Maringer. Some Stone Tools of Early Hoabinien Type from Central Japan. *Man*, т. LVII, 1957; А. П. Окладников. Древнейшие культуры Приморья в свете исследований 1953—1956 гг. Сб. статей по истории Дальнего Востока. М., 1958, стр. 5—18.

лита Индокитая и Индонезии, для которой характерны односторонне оббитые рубящие орудия. Возможно, таким образом, что если не все, то значительная часть каменных орудий докерамического времени в Японии связана с хоабинской культурой и относится к мезолиту.

Не меньший интерес для древнейшей истории Японии представляют новые находки на крайнем севере Японии, на о. Хоккайдо. Здесь японские исследователи усиленно занимаются изучением так называемой культуры пластин местного каменного века. Изучая каменный век Хоккайдо, они пришли к выводу, что местному неолиту, который входит в общепонскую культуру «веревочной» керамики — дзёмон,— предшествует более древняя, еще докерамическая культура⁵.

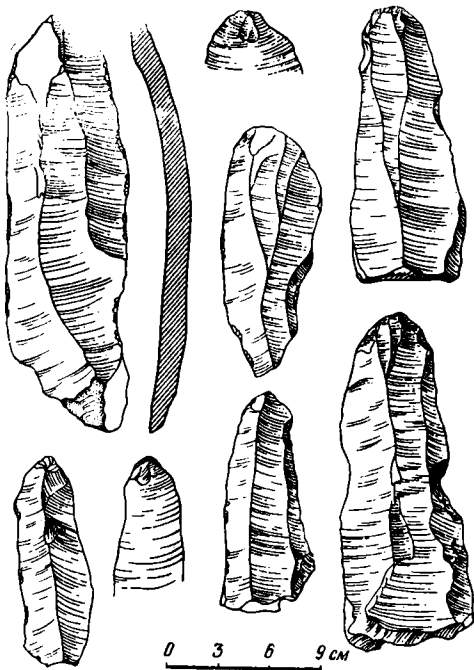

Рис. 1. Крупные пластины из Таругаси

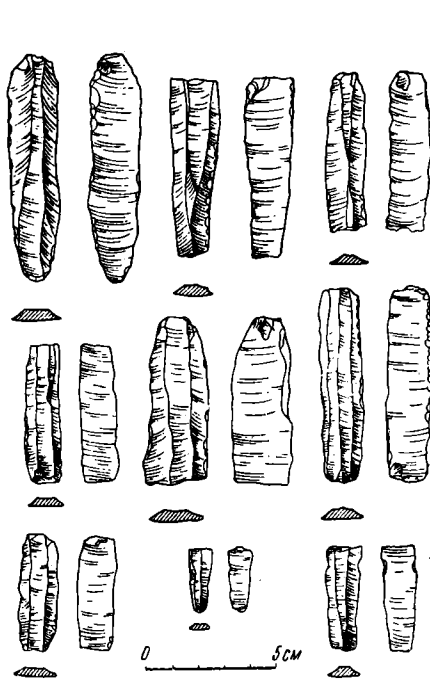

Рис. 2. Пластины, снятые с призматических нуклеусов

Эта культура характеризуется наличием многочисленных пластин, которые не встречаются на ранних этапах культуры дзёмон. В связи с этим возник вопрос о времени появления и о наличии вообще в каменном веке Японии техники отщепления пластин («blade-technique»).

Как полагает М. Иосидзаки, в настоящее время выясняется, что такая техника здесь существовала и ее история может быть разделена на три этапа.

Первая группа находок образцов такой техники связана с плейстоценовыми доледниковыми отложениями на о. Хоккайдо и охватывает очень длительное время. Для нее сначала характерны каменные отбойники грубого вида и изделия «наподобие корабельного кия».

В данном случае речь идет, видимо, о тех массивных вещах, которые И. Марингер считает по типологическим признакам рубилами («hand-axes») и чопперовидными орудиями. Здесь нет еще килевидных скребков («keeled scrapers») и резцов («gga-vegs»), но характерны крупные пластины. Такие находки имеются на Хоккайдо в большом числе в районе дер. Сиротама в уезде Момбэцу (округ Китами). Они зарегистрированы также на прибрежных возвышенностях в верхнем течении р. Токатигава и на

⁵ Мадзакацу Иосидзаки. Культура пластин в Восточной Японии. «Культура в Токио», т. 14, 1956, стр. 13—15 (на японск. яз.); его же. Краткое сообщение о находках в Тоеда, деревня Аюнай, пров. Китами на Хоккайдо. «Каменный век», № 1, Токио, 1955, стр. 46—47 (на японск. яз.); его же. Индустрия пластин на Хоккайдо. Хоккайдо дайёнки кэнкю кай рэнракусси, № 7, 1956, стр. 2—5; Sosuke Sugihara. Stage of Stone Age Culture in Japan. Quaternaire. Actes du IV Congrès international du Quaternaire, Rome, 1956, стр. 766—768; В. Хитоси. О способах отщепления пластин и о так называемых каменных ножах. Ниндзай, XI, 1948 (на японск. яз.).

р. Кобэцугава. Таковы, например, очень крупные, превосходно выраженные пластины из Таругаси в бассейне р. Кобэцугава (рис. 1).

Во вторую группу входят мелкие пластины, которые, по мнению М. Иосидзаки, относятся к концу плейстоценового времени или к началу аллювиального периода. Пластины отделялись здесь от микронуклеусов. Они употреблялись (в отличие от более ранних, больших пластин) закрепленными в оправе, т. е. как вкладыши. На о. Хоккайдо они найдены в Комбу, Канурадзава, в Ери (уезд Каминава). На о. Хонсю, как пишет Сэридзава Нагасукэ, их много встречается в провинции Нагано и по берегам Внутреннего моря (рис. 2).

Третья группа местонахождений характеризуется наличием каменных наконечников стрел очень своеобразной архаической формы и такой же архаической техники (рис. 3).

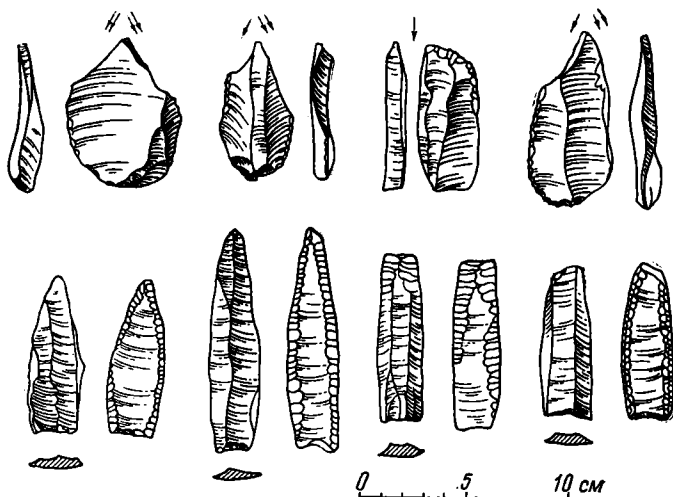

Рис. 3. Пластинчатые наконечники стрел

Эти наконечники стрел, по словам М. Иосидзаки, совершенно не встречаются ни в первой, ни во второй группе. Вместе с тем они совершенно непохожи и на обычные, широко распространенные в Японии, каменные двусторонне ретушированные наконечники неолитической культуры дзёмон.

Это — ножевидные пластины, шириной около 1—1,5 см. Большая часть поверхности пластин не обработана. На одной стороне пластины (брюшко) сохраняется гладкая поверхность скола, которым она отделена от нуклеуса, на другой — длинные параллельные грани соответствующие предшествующим сколам на нуклеусе. Ретушь оформляет только длинные края пластины, и при этом, как правило, только с брюшка. Ретушь эта нередко очень плоская, выравнивающая. Основание наконечников обычно выемчатое, иногда со слегка асимметричным «оттянутым» жальцем.

Среди изделий, сопровождающих эти пластинчатые наконечники, имеется много правильных ножевидных пластин, иногда с ретушью. Ядрища, от которых откальвались эти пластины, обычно цилиндрические и обладают специально подготовленной ударной площадкой. Замечательной чертой этого комплекса является наличие резцово-ударной техники. Среди пластин есть образцы с резцовыми сколами и имеются хорошо выраженные резцы на отщепках, срединного и бокового типа.

Сравнивая эти находки с памятниками культуры неолита на Хоккайдо и на Тохоку, М. Иосидзаки исходит из деления последних на три хронологические группы. К первой относятся находки с керамикой типа татэбира и типа найденной в нижнем слое поселения Янагава. Здесь есть уже шлифованные топоры грубой шлифовки, но нет скребков с ручкой (кнопочные ножи, или «каменные ложки»). Ко второй группе относятся находки с керамикой типа сумиёси. Здесь уже есть скребки с ручкой.

К третьей группе (дзёмон) относится керамика с настоящим шнуровым орнаментом типа сундзицу-но-мати.

На всех этих трех этапах отсутствует настоящая техника отделения пластин от нуклеусов призматического облика. Есть только отщепы пластинчатых форм, но настоящих призматических пластин нет, как не имеется и соответствующих нуклеусов. Они здесь, по словам М. Иосидзаки, «безусловно отсутствуют». Соответственно каменные наконечники стрел делаются из обыкновенных отщепов.

Отсюда этот исследователь делает общий вывод, что «культура призматических пластин» («blade-culture») не связана с культурой неолита дзёмон и имеет иное происхождение. Он пишет, что наконечники стрел пластинчатого типа, аналогичные най-

денным на Хоккайдо и характерные для третьей группы «blade-culture», были обнаружены Окада Наосигэ в бассейне р. Амура и, следовательно, есть основания связывать их по происхождению с «северными областями» Азиатского материка.

К этому следует добавить, что такие наконечники стрел «даурского» типа действительно хорошо известны в неолите Амура (выше Хабаровска, в районе Благовещенска). Есть они также в Забайкалье, в Монголии в долине р. Халхин-Гол и, наконец, в Дунбэе, в том числе на известной стоянке Линнси.

Таким образом, в настоящее время на севере Японии отмечаются весьма древние памятники докерамической культуры каменного века, которые, в свою очередь, могут быть расчленены, по-видимому, на ряд частных культурных этапов. Судя по опубликованным сведениям, первый, самый ранний, этап каменного века Северной Японии представлен памятниками, очень близкими к находкам в Центральной Японии, которые напоминают патжитанские каменные изделия нижнего палеолита на о. Яве и хоабинские в Индокитае. Возраст их, скорее всего, позднелейстоценовый. В связи с этим очень интересно, что на территории нашего Приморья, в районе оз. Ханка и г. Ворошилова, как уже упоминалось выше, тоже встречены каменные изделия типа рубил и нуклеидных изделий — «чопперов».

Далее развивается ранне-неолитическая «культура пластин», на самом позднем этапе которой здесь распространяются наконечники стрел на пластинах, сходные с даурскими наконечниками Дунбэя, верховьев Амура и Восточной Монголии.

Очень вероятно, что эта техника и такие специфические формы наконечников стрел из камня действительно могут свидетельствовать о каких-то взаимных культурных связях древнейшего населения Японии и племен, обитавших в Дунбэе, Восточной Монголии и в бассейне Амура. Не менее интересно, что резцовая техника этих областей могла иметь связь с древнейшими культурами Аляски и Канады. Эта тема заслуживает дальнейшего исследования.

Будущие работы, несомненно, дадут еще много интересного и неожиданного для освещения этих древних культурных и этнических связей племен Азиатского материка; но и то, что стало известно теперь, заслуживает внимания не только японских, но и советских исследователей.

А. П. Окладников, В. Н. Горегляд

ДОКЕРАМИЧЕСКИЙ НЕОЛИТ ИЕРИХОНА

(Дискуссия в «Antiquity»)

Еще в довоенные годы Д. Гарстангом были открыты на палестинском поселении Иерихон культурные слои, в которых остатки домов, несомненно свидетельствующие об оседлом образе жизни и, видимо, занятии населения земледелием, не сопровождались находками керамики. Продолженные в последние годы раскопки этих слоев дали совершенно новый, а для многих исследователей весьма неожиданный материал, вокруг которого в последних номерах «Antiquity» развернулась интересная дискуссия. Обратимся прежде всего к фактическим данным, приведенным в статье руководителя раскопок К. Кенъон¹.

Наибольшая мощность слоев с остатками домов, относящихся к периоду, условно названному докерамическим неолитом, достигает в Иерихоне 13,5 м. Эти слои могут быть разделены на две фазы, которые К. Кенъон склонна относить к двум различным народам, что едва ли справедливо делать в столь категорической формулировке.

Для ранней фазы характерно употребление сырцового кирпича, имевшего одну сторону плоскую, а другую — овальную («hog-back brick phase»). Жилые помещения в это время, возможно, имели овальный план, пол их покрывался глиняной обмазкой. Обнаружены кремневые орудия, каменные чаши, зернотерки и различные изделия из кости. Все эти предметы, по словам К. Кенъон, весьма отличны от предметов поздней фазы, когда сырцовый кирпич делали в формах, оставляющих отпечаток елочкообразного рисунка на одной из сторон кирпича. Дома в этой второй фазе строятся уже более тщательно. Несколько прямоугольных комнат примыкает ко внутреннему двору, образуя, возможно, обособленные дома (ни один из которых, правда, не раскопан полностью). Пол и стены покрыты гипсовой обмазкой, тщательно залощенной, что дало название второй фазе («plaster floor phase»). Кремневые орудия этой фазы принадлежат к числу так называемой тахунийской индустрии, выделенной в 30-х годах на основании сборов подъемного материала с ряда других памятников. Особенно показательно для этих слоев Иерихона большое количество вкладышей для серпов. При рас-

¹ К. Н. Кенъон. Jericho and Its Setting in Near Eastern History. Antiquity, № 120, 1956, стр. 184—195; е е ж е. Jericho — the World's Oldest Town. The Illustrated London News, 13 октября 1956, стр. 611—613. Раскопки в Иерихоне до 1956 г. также широко освещались в прессе и специальной литературе. Рецензия на книгу К. Кенъон «Digging up Jericho» (London, 1957) будет напечатана в одном из ближайших номеров журнала.

копках домов второй фазы найдено большое число сосудов, выточенных из камня, ступок, зернотерок и глиняных статуэток, изображающих женщин и животных. Весьма своеобразным является отмеченный в одном из слоев способ захоронения, когда черепа, видимо, с ритуальными целями, отделялись от остальной части скелета и покрывались глиной, восстанавливающей черты лица.

Наибольшее значение, несомненно, имеет открытие оборонительных сооружений древнейшего поселения Иерихона. Уже в пору первой фазы это было укрепленное поселение со стеной и башней, сложенными из буро-красного камня на глиняном растворе. Массивная башня имела толщину 10 м и высоту 7,5 м.

Первоначально К. Кенъон относил докерамический неолит Иерихона ориентировочно к VI тысячелетию до н. э., но произведенный радиоуглеродный анализ дал для поздней фазы даты 6 250 (± 200) г. до н. э. и 5 850 (± 160) г. до н. э.²

Определение характера этого древнейшего поселения и его исторического места среди других памятников и вызвало дискуссию. К. Кенъон и М. Уилер³ пришли к выводу, что Иерихон был городом, существовавшим уже в VII тысячелетии до н. э. Площадь поселения, составлявшая (по крайней мере, во время второй фазы) 8 акров, а главным образом наличие оборонительных сооружений, указывающих на высокую степень общественной организации, свидетельствуют, по мнению К. Кенъон и М. Уилера, в пользу этой точки зрения. «Хотя цивилизация заблистала в Месопотамии,— пишет М. Уилер,— но города существовали уже до Ура и Урука. Иерихон свидетельствует о раннем зарождении земледелия и цивилизации»⁴.

Подобное заключение вызвало сразу ряд возражений. Л. Вулли отметил неверное употребление терминов, применяемых М. Уилером, в частности — термина «цивилизация», связываемого уже с эпохой создания письменности⁵. То же самое отметил и Г. Чайлд, давший вместе с тем определение города как поселения, где, помимо земледельцев, живут ремесленники, торговцы, где уже выделился класс, управляющий поселением и существующий на прибавочный продукт, получаемый от земледельцев и других общинников. Г. Чайлд подчеркивает, что многие неолитические поселения или поселения средневековой Европы были укреплены, но они еще не стали от этого городами⁶. С развернутой статьей, направленной против основных положений К. Кенъон и М. Уилера, выступил Р. Брэдвуд⁷. Он решительно отвергает точку зрения, считающую докерамический Иерихон сложившимся городским поселением, и подвергает сомнению раннюю датировку Иерихона. По мнению Р. Брэдвуда, результаты радиоуглеродного анализа надо использовать на широком фоне датировки этим методом целого ряда памятников, делая по несколько проб для каждого из них. Поскольку, по мнению Р. Брэдвуда, Иерихон VIII соответствует фазе Амур Д, его следует относить к убейдо-халафскому времени, и тогда, при датировке нижних слоев Иерихона VII или, тем более, VIII тысячелетием до н. э., получится слишком большой разрыв в стратиграфии этого памятника. Период возникновения первых земледельческих поселений на Ближнем Востоке сам Р. Брэдвуд склонен относить к промежутку между 5 500 и 4 500 гг. до н. э.

В помещенном в этом же номере «Antiquity» ответе К. Кенъон выражает несогласие с подобным завышением даты. По ее словам, радиоуглеродный анализ новых образцов уже проделан и дал приблизительно те же цифры. К. Кенъон отказывается относить докерамический Иерихон к числу поселений («village») и продолжает видеть в нем город («town») ⁸.

В ходе дискуссии был поднят целый ряд других конкретно археологических вопросов и общенсторических проблем, останавливаться на которых в данной связи не представляется необходимым. Главное направление дискуссии можно свести к двум вопросам.

Первым таким вопросом является вопрос датировки. Следует сказать, что, даже отвергая или ставя под сомнение результаты радиоуглеродного анализа, нельзя не признать большую древность ранних слоев Иерихона. Ниже слоя Иерихона IX, в котором впервые встречается керамика и который, скорее всего, относится ко второй четверти V тысячелетия до н. э. (синхронизируясь с Хассуней), К. Кенъон насчитывает целый ряд строительных периодов, давших в общей сложности слой мощностью в 13,5 м. Расчеты Р. Брэдвуда о времени существования глинобитного дома весьма условны. Обычно сыровые постройки существуют значительно дольше — до пятидесяти и даже более лет. Поэтому предварительная датировка докерамического неолита Иерихона VI тысячелетием до н. э. пока наиболее вероятна.

Вторым основным вопросом дискуссии является проблема исторической интерпретации Иерихонского поселения. Его значение как несомненного города со сложной внутренней организацией явно преувеличено К. Кенъон и в еще большей степени —

² F. E. Zeuner. The Radiocarbon Age of Jericho. *Antiquity*, № 120, 1956, стр. 195—197.

³ M. Wheeler. The First Town? *Antiquity*, № 119, 1956, стр. 132—136.

⁴ Там же, стр. 136.

⁵ *Antiquity*, № 120, 1956, стр. 224, 225.

⁶ V. G. Child. Civilisation, Cities and Towns. *Antiquity*, № 121, 1957, стр. 36—38

⁷ P. Braidwood. Jericho and Its Setting in Near Eastern History. *Antiquity* № 122, 1957, стр. 73—81.

⁸ K. M. Kenyon. Reply to Prof. Braidwood. *Antiquity*, № 122, 1957, стр. 82—84

М. Уилером. Г. Чайлд вполне правильно показал, что города возникают лишь с развитием торговли и ремесла, в пору сложения классового общества. Иерихонское же поселение относится к начальным этапам возникновения земледелия, и об архаическом характере его хозяйства свидетельствует, в частности, большая роль охоты. Незвестна и внутренняя планировка поселения: ни один дом не раскопан целиком, а небольшие помещения, определенные К. Кенъон как святилища, лишены раз свидетельствуют об ограниченных экономических возможностях раннеземледельческих общин. Единственным аргументом в пользу определения Иерихона как города остается стена с крепостной башней. Но К. Кенъон и М. Уилер, ссылаясь на наличие укреплений, совершенно недооценивают возможности первобытно-общинного строя и простой кооперации. Первобытные поселения (особенно эпохи разложения первобытно-общинного строя), как правило, укреплены, и эти укрепления строились силами рода или племени в рамках родо-племенной организации. Достаточно вспомнить знаменитые дома пуэбло, построенные из сырового кирпича и бутового камня на глиняном растворе и прекрасно укрепленные. Строились пуэбло постепенно и обычно в течение длительного времени. Так же постепенно строились, по наблюдениям К. Кенъон, и укрепления Иерихона. Только для ранней фазы насчитываются три этапа строительства, причем первоначально здесь существовала одна лишь башня, возведенная, возможно, для ритуальных целей⁹.

Вместе с тем огромное значение сделанных открытий также несомненно. Не случайно эти открытия связаны с территорией Палестины, где 25 лет тому назад была открыта высокоразвитая натуфийская культура, носители которой широко практиковали сбор дикорастущих злаков, а возможно, и делали попытки их искусственного выращивания. Теперь мы являемся свидетелями раскопок в этом же районе древнейшего земледельческого поселения. Рядом исследователей тахунийская кремневая индустрия, характерная, как мы видели, и для докерамического Иерихона, рассматривается как прямое производное натуфийского мезолита. Эти данные совершенно определенно указывают на район Палестины как на родину одной из древнейших (если не самой древней) земледельческих культур.

В. М. Массон

⁹ К. Kenyon. *Jericho and Its Setting...*, стр. 188.

О СИНХРОНИСТИЧЕСКОЙ ТАБЛИЦЕ В КНИГЕ Г. ЧАЙЛДА «ДРЕВНЕЙШИЙ ВОСТОК В СВЕТЕ НОВЫХ РАСКОПОК» (М., 1956)

Издательство иностранной литературы правильно поступило, выпустив в переводе на русский язык книгу Г. Чайлда, уже получившую высокую оценку в советской науке. Можно без преувеличения сказать, что этот труд Г. Чайлда является одной из настольных книг археологов и историков, занимающихся Древним Востоком.

Однако в приложенную в конце книги синхронистическую таблицу вкралась досадные опечатки (стр. 350 русского текста и стр. 232—233 английского издания 1952 г.). Эти опечатки настолько велики, что нельзя считать Г. Чайлда автором таблицы, опубликованной в русском издании его книги. Соотношение культур в этой таблице смещено самым произвольным образом. Соотношение культур Египта и Палестины и их предполагаемые даты отражены правильно, хотя соотношение между собой комплексов раннего Египта уже искажено. Гелаун значительно древнее и тасийской, и бадарийской культур. В то же время нельзя считать бадарийскую культуру полностью синхронной тасийской и амратской культурам, как это получается по таблице в переводном издании. Сирийские комплексы приведены в совершенно искаженном виде. Хама М в основном соответствует тахунийской культуре, а отнюдь не натуфийской культуре. Хаму L следует помещать между гхассульской и ярмукской культурами, Хаму К — между палестинскими ранней бронзы I b и II, Хаму J — чуть позднее ранней бронзы III. Особенно недопустимым является искажение соотношения культур Египта и Шумера — основного вопроса ближневосточной хронологии. Ранний Убейд должен соответствовать Меримде, ранний Урук — Гхассуле, Джемдет-Наср — поздней маадийской культуре и частично — первой династии в Египте, Дхармо должно быть позднее натуфийской культуры. Соответственно следует изменить и абсолютную хронологию месопотамских культур. Соотношение с Шумером Ирана, Индии и Северной Месопотамии приведено более правильно, но здесь абсолютные даты следует также изменить в соответствии с изменениями, указанными для Шумера. Отметим лишь, что в Иране почему-то исчез комплекс Гисар Ia.

При пользовании таблицей в русском издании книги Г. Чайлда следует учитывать отмеченные выше недочеты, а лучше просто заменить ее копией с таблицы английского издания. Досадно, что непростительная небрежность издательства привела к таким искажениям в таблице, являющейся своеобразным итогом книги Г. Чайлда.

В. М. Массон

Sidney Toy. A History of Fortification from 3000 B. C. to A. D. 1700. London, 1955. 262 + XXIV стр. + 215 рис.

Вопросам истории фортификации посвящено очень большое количество работ. Имеются работы, в которых подробно рассматривается одна какая-либо древняя крепость или замок, имеются работы и более широкого плана, в которых рассматриваются оборонительные сооружения целой страны или определенного исторического периода. Однако до сих пор не делалось попыток нарисовать общую картину развития военно-инженерного искусства на большой территории и в широких исторических и хронологических рамках. Поэтому естественно, что работа С. Тоя вызывает большой интерес.

Ознакомление с книгой приводит, однако, к выводу, что и здесь описываются памятники фортификации далеко не всех стран мира. Приводимые автором единичные примеры древних крепостей Китая, Южной Африки или единственная упомянутая в работе русская крепость, Московский кремль, конечно, ни в малейшей мере не могут дать представления о развитии фортификации в этих странах. Да в этом и нет необходимости. Хотя автор в предисловии справедливо отмечает, что для правильного понимания развития фортификации нельзя изучать памятники военного зодчества в рамках одной страны, а необходим более широкий охват материала, однако разница в путях развития фортификации Западной Европы и Дальнего Востока, конечно, слишком велика, чтобы памятники этих отдаленных районов можно было изучать совместно.

Поэтому то обстоятельство, что книга в основном посвящена фортификации Западной Европы и частично — Ближнего Востока, не может вызвать серьезных возражений.

Далеко не равномерно распределен материал и хронологически. Древневосточной фортификации уделено чрезвычайно скромное место, так же как и фортификации древней Греции. Несколько подробнее описаны памятники Римской империи, но и они все же даны очень сжато. Единственный пример фортификации XVIII в. точно так же не дает представления о более позднем этапе развития военно-инженерного искусства. Таким образом, несмотря на то, что в заглавии книги указаны хронологические рамки от 3000 г. до н. э. до 1700 г. н. э., — фактически книга в основном посвящена фортификации средневековья.

Но, пожалуй, главное, в чем содержание книги не соответствует ее названию, — это то, что в ней описываются памятники фортификации, но вовсе не показана история фортификации. Автор не пытается выявить ни причины изменения форм крепостей, ни даже сам процесс этого изменения форм оборонительных сооружений, ограничиваясь в изложении материала лишь описанием отдельных памятников и (в редких случаях) описанием осад.

Библиографические указания в книге отсутствуют почти полностью.

Таким образом, работа С. Тоя — не история фортификации всех времен и народов, как можно было понять из ее названия, а лишь материалы по истории фортификации западноевропейского средневековья. Но если подойти к рассматриваемой книге именно с такой точки зрения, то она заслуживает самого пристального внимания и самой положительной оценки.

В книге описано большое количество памятников фортификации (крепостей и замков), причем описания отличаются краткостью и точностью. Читатель получает представление как об основной схеме построения укрепления, так и об организации системы обороны. Кроме того, во многих описаниях приводятся также размеры частей сооружений и характеристика наиболее важных узлов обороны и деталей. Выполненные в своеобразной манере чертежи также дают ясное представление о рассматриваемых сооружениях. Очень хорошие (хотя преимущественно небольшого размера) фотографии дополняют текст и чертежи. Следует особо отметить, что многие фотографии, сделанные с самолета, настолько удачны, что сами по себе уже дают почти полное представление о схеме композиции памятника.

Все это позволяет хорошо представить себе те древние крепости, о которых говорится в книге.

Большинство памятников военного зодчества, описанных в рецензируемой книге, автор имел возможность исследовать в натуре. Поэтому он мог выбрать из огромного количества материала те крепости и замки, которые он считал заслуживающими наибольшего внимания. Само собой разумеется, к тому же, что описания и чертежи, исполненные с натуры, отличаются особенно большой убедительностью и документальностью.

В целом книга С. Тоя должна рассматриваться как ценная работа, которая, несомненно, будет очень полезной для всех интересующихся историей средневекового военно-инженерного искусства и архитектуры.

П. А. Паннорт

E. Krem Akurgal und Ludwig Budde. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Sinope. Türk Tarih Kurumu Yayınlarından (Сообщение Турецкого исторического общества), V серия, № 14, Ankara, 1956, 49 стр. + XXIII табл.

Настоящая заметка имеет целью познакомить советского читателя с результатами археологических работ, проведенных германо-турецкой экспедицией в Синопе в течение трех лет (1951—1953). Первое систематическое исследование античного города на южном побережье Черного моря не может не вызвать большого интереса у советских археологов, поскольку между Синопой и городами Северного Причерноморья существовали широкие торговые и культурные связи, не говоря уже о политических событиях, связавших северные припонтийские области с царством Митридатом.

Отчет составлен двумя руководителями экспедиции: известным турецким археологом профессором Экремом Акургалом и немецким ученым доктором Людвигом Будде. Первый описывает находки архаического периода, второй — памятники от V в. до н. э. вплоть до византийского времени.

Авторы различно подошли к своей задаче. Экспедиции не удалось найти в Синопе нетронутого слоя архаического периода. Найденные памятники этого времени происходят преимущественно из ям и отчасти из некрополя. Поэтому Э. Акургал не дает описания археологических работ и стратиграфических наблюдений. Вместо этого он в особом очерке, озаглавленном «Проблемы и результаты», излагает некоторые выводы, простирающиеся из открытий экспедиции, и касается ряда общих вопросов истории Синопы и греческой колонизации берегов Понта Евксинского в целом. Попутно он дает характеристику добытого раскопками архаического материала и публикует ряд ваз VI в. до н. э. (К этому очерку мы вернемся в конце нашей рецензии). Турецкий ученый публикует и анализирует также три выдающихся художественных памятника, найденных в Синопе до начала там планомерных раскопок. Это бронзовая гидрия V в. до н. э. (табл. V), импортированная в Синопу из Пелопоннеса, и две позднеархаические надгробные стелы местной работы (табл. VI и VII)¹.

Проф. Л. Будде принадлежит обзор всех произведенных за отчетные годы полевых работ; на некоторых из них он останавливается довольно подробно, в других случаях ограничивается краткими упоминаниями². Не подлежит сомнению, что экспедиция проделала большую работу (частично — в трудных условиях застроенной местности и затопляемого грунта) и достигла значительных результатов. На двух участках — на некрополе, расположенном к югу от города, и в городском саду — были заложены крупные раскопы. Кроме того, в разных частях города были осуществлены небольшие работы, носившие преимущественно разведывательный характер: пытались определить границы города, стратиграфию отдельных участков, искали акрополь, водопровод, построенный при Траяне, и т. д. Обследованы и окрестности Синопы, причем найдены еще неизвестные надписи.

Некрополь был раскопан в 1951 г. Вскрыты 92 гробницы периода VI—IV вв. до н. э. Среди них оказались погребения четырех типов, существовавших одновременно. Это черепичные гробницы трех видов, погребения в деревянных ящиках, грунтовые могилы и, наконец, трупосожжения (почти все — в остродонных амфорах). В такой амфоре найден и коринфский арибалл начала VI в. до н. э., являющийся наиболее древним предметом из всех находок экспедиции. Однако, как отмечается в отчете (стр. 33), большая и, вероятно, наиболее древняя часть этого некрополя (не единственного в Синопе) погибла при закладке там спичечной фабрики в 30-х годах текущего столетия.

Детальному изучению подвергся также участок на территории городского сада. По словам местных жителей, при разбивке сада было найдено много мраморных блоков; это давало основание думать, что здесь в древности находились крупные общественные здания. Предположение подтвердилось раскопками. Здесь были вскрыты основания большого храма и монументального алтаря (табл. VIII—IX). Основание стен храма сложено из крупных квадров известняка, частично уцелевшая нижняя ступень стилобата была мраморной. Из известняка и мрамора сложены и уцелевшие части алтаря. К сожалению, не удалось выяснить ни общего плана храма, ни его ордера. Дополнительные исследования показали, что храмовый участок с четырех сторон был окружен портиком с дорическими колоннами. По форме капители и по обильным находкам эллинистической керамики в слое, перекрывавшем основание храма, весь этот строительный комплекс датируется II в. до н. э. Ниже оказались строительные остатки более древних строений (вероятно, также культового назначения). Части более древних построек были обнаружены также к востоку и к югу от храма, в том числе мозаика IV в. до н. э. из голышей (табл. VIII, в и XXII, а). К северу от храма было вскрыто множество кладок, лежавших на различных уровнях и в различных направлениях.

¹ Обе стелы уже были дважды опубликованы Э. Акургалом: первый раз — в турецком издании «Türk Tarih Kurumu Yayınlarından» (IX сер., № 3, Ankara, 1948) и вторично — в «Winkelmannsprogramm der Archäologischen Gesellschaft zu Berlin» (1955). См. также М. И. Максимова. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.—Л., 1956, стр. 113, рис. 14 и 15.

² Нельзя не пожалеть об отсутствии в отчете карт и планов, что сильно мешает разобраться в вопросах топографии.

Это остатки общественных зданий и частных домов. Л. Будде полагает, что в своей совокупности они могут рассматриваться как доказательства происходившей в этой части города (начиная с V в. до н. э.) непрерывной строительной деятельности, а также разрушений и перепланировок. Примерно в начале III в. н. э. весь участок был занят единым обширным комплексом построек (видимо, дворцом).

В пределах храма и всего садового участка раскопок найдено огромное количество керамики, различной утвари, вотивных статуэток (Сарапис, Дионис, Геракл, Исида). Для советских археологов особенно интересно большое количество амфорных клеев, которые определяются Л. Будде описательно как «разнообразные и богатые по содержанию фабричные марки». Эти материалы, надо полагать, обогатят и без того длинный список клеев на остродонных амфорах, давно определенных советской наукой как амфоры синопского производства. Выделение Б. Н. Граковым группы синопских амфор не встретило до сих пор, как известно, всеобщего признания в зарубежной науке. Эти сомнения должны теперь, как нам кажется, окончательно отпасть. Правда, в рецензируемом отчете не опубликовано ни одного клейма, ни одного фрагмента амфор. Зато много места уделено опубликованию архитектурных терракот. Один взгляд на таблицы X—XII показывает тождество представленных там антефиксов, водосливов, частей сими с многочисленными аналогичными изделиями, происходящими из ряда городов Северного Причерноморья и неоднократно публиковавшимися в советских изданиях как изделия Синоп³. Главным критерием для этого определения служит, как известно, характерная синопская глина. Л. Будде подробно описывает архитектурные терракоты, которые он делит на пять групп (от V в. до н. э. до римской эпохи). Описание глины этих памятников не оставляет сомнений в том, что это та самая глина с многочисленными черными вкраплениями, которая свойственна керамическим изделиям, определяемым советскими учеными как изделия синопские. Таким образом, установленный в советской науке взгляд на Синоп как на крупный производственный центр керамических изделий получил теперь полное подтверждение⁴.

Как уже упоминалось, в разных пунктах города Синоп произведены были разведки при помощи отдельных траншей и шурфов: у Северной гавани, внутри крепости (где пытались найти акрополь, но пока безуспешно) во дворе главной мечети и в других местах. Разведки выяснили стратиграфию в отдельных пунктах города и дали обильные находки, из которых особенно интересны огромная обжигательная печь, большие и многочисленные ямы — ботросы, фрагменты стенных росписей и римские мозаичные полы. Полная публикация и изучение этих памятников, несомненно, внесут много нового и ценного в наши представления об истории и культуре Синоп.

Некоторые общие наблюдения и выводы, подводющие итоги достижениям экспедиции, можно найти в первой главе отчета. Здесь констатируется, во-первых, что надежды экспедиции на открытие следов местных культур оправдались лишь в очень небольшой степени. Не удалось обнаружить следов пребывания на месте Синоп «сиров», т. е. каппадокийцев — предшественников греческих колонистов. Равным образом остались неуловимыми киммерийцы, обитавшие на месте Синоп, судя по словам Геродота, в течение нескольких десятилетий в VII в. до н. э. В садовом раскопе вместе с аттической керамикой середины VI в. до н. э. найдена фригийская керамика (табл. III) — ценное свидетельство о ранних сношениях Синоп с внутренними областями Малой Азии. А на расстоянии 16 км к югу от города экспедиция нашла холм с культурными слоями эпохи бронзы.

Э. Акургал дает также общую характеристику найденной в синоп архайческой керамики, кратко описывает и публикует отдельные ее образцы. Это коринфский арибалл начала VI в. до н. э., обломки поздней «милето-родосской» керамики, фрагмент аттического чернофигурного килика, амфора стиля «Фикеллура» и ионийская фигурная ваза. По наблюдениям автора, широкий ввоз аттической керамики начался около 560 г. до н. э., а до этого времени преобладал ввоз из Ионии. Наиболее ранней импортной керамикой в Синоп он считает коринфскую керамику VI в. до н. э. Однако вряд ли можно признать это наблюдение окончательным, особенно, если вспомнить, что наиболее древняя часть синопского некрополя погибла до начала раскопок и что большие участки города остались пока неисследованными.

Много места в очерке отводится вопросу о времени колонизации греками берегов Понта. По мнению автора, отсутствие в Синоп керамики более раннего времени, чем начало VI в. до н. э., подтверждает дату основания колонии в 630 г. до н. э., однако возможность существования там более древнего греческого поселения полностью не отрицается. С другой стороны, Э. Акургал солидаризируется с выводами Риса Карпентера⁵, пытавшегося доказать, что из-за сильного встречного течения в проливах греки,

³ См. И. Д. Марченко. О терракотовых антефиксах Пантикапея. Сб. «Археология и история Боспора», Симферополь, 1952, стр. 171 сл., рис. 1 и 2; М. М. Худяк. Предварительные итоги раскопок последних лет в Нимфее. Сб. «Археология и история Боспора», стр. 80, рис. 5; его же. Раскопки Нимфея 1952—1954 гг. СГЭ, VIII, 1955, стр. 45; М. И. Максимов а. Ук. соч., стр. 160 сл., рис. 20 и 21.

⁴ В рецензируемом предварительном отчете упоминаются также кровельная черепица и большие пифосы. См. о пифосах КСИИМК, вып. V, 1940, стр. 54 сл.

⁵ Rhis Carpenter. The Greek Penetration of the Black Sea. AJA, 1948, № 1, стр. 1—10.

при невысоком уровне их мореходной техники, не были в состоянии проникнуть в Черное море до изобретения триэры, т. е. до второй половины VII в. до н. э. Эта гипотеза противоречит греческому преданию и не согласуется с фактическими данными находок⁶. Она встретила справедливые возражения со стороны В. П. Невской⁷ и недавно была опровергнута Б. Лебаре⁸, показавшим, что проход через Босфор в северном направлении вполне возможен даже для мелких парусников при южном ветре, дующем в тех местах летом чаще ветра северного. Поэтому, как нам кажется, правильнее было бы признать, что раскопки в Синопе не внесли пока ничего существенно нового для решения вопроса о времени заселения Синопы греками, а тем более — вопроса о времени первого проникновения греческих мореходов в Понт Евксинский.

В заключение хотелось бы высказать два пожелания. Во-первых, мы будем с нетерпением ждать скорого полного опубликования ценных материалов, добытых германотурецкой экспедицией⁹. Во-вторых, продолжение столь успешно начатых исследований Синопы чрезвычайно желательно в интересах более полного изучения этого самого значительного на южном берегу Черного моря города, сыгравшего крупную роль в истории всего Причерноморья.

М. И. Максимова

⁶ См. А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья, ее предпосылки и особенности. Л., 1947, главы II—VII.

⁷ В. П. Невская. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953, стр. 13 и 32.

⁸ В. W. Lebaeue. How the Greeks Sailed into the Black Sea. AJA, 1957, № 1, стр. 29—33.

⁹ Кроме полного отчета о раскопках, предполагается издание труда проф. Г. Ленцена о сохранившихся в Синопе строениях римского и византийского времени, а также публикация надписей Синопы, в том числе и недавно найденных.

М. И. Максимова. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. Синопа, Амис, Трапезунт. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1956, 472 стр. + 49 рис. + 3 табл. Тираж 2500. Цена 20 р. 15 к.

Проблема социально-экономического и политического строя античных городов все более и более привлекает в последнее время внимание советских историков. Этот интерес не случаен, поскольку раскрытие своеобразия античного общества в значительной мере зависит от правильного понимания роли и сущности полиса на разных этапах его развития. Поэтому солидная монография М. И. Максимовой, посвященная всестороннему описанию трех крупных городских центров Юго-Восточного Причерноморья, имеет большое значение уже по избранной автором теме. Однако научное значение труда проф. М. И. Максимовой этим не исчерпывается. Как отмечает и сам автор в предисловии к книге, монографического исследования истории Синопы, Амиса и Трапезунта, городов, тесно связанных друг с другом в своем развитии, вообще не производилось, а монография Д. Робинзона, посвященная древней Синопе, не переиздавалась¹.

Книга Т. Рейнака о Митридате Евпаторе² также страдает многими существенными недостатками как в подборе материала, так в ряде случаев и в его трактовке.

Работа акад. Я. А. Манандяна³ в основном посвящена истории Армении, хотя автор и уделяет довольно большое место войнам Рима с Митридатом VI, царем Понта.

Появлявшиеся время от времени разнообразные материалы по истории понтийских городов хотя и затрагивались в работах различных ученых, но не подвергались самостоятельному монографическому изучению.

Специальный интерес представляет работа М. И. Максимовой для историков Северного Причерноморья. М. И. Максимова уделяет большое внимание вопросам связи городов Южного Причерноморья с городами Северного Причерноморья, пытается научно обосновать развитие этих связей. До М. И. Максимовой в этом направлении успешно работал Б. Н. Граков⁴.

Книга М. И. Максимовой представляет собой большое исследование, охватывающее все стороны социально-экономической и культурной жизни трех городов, насколько это позволяют собранные с большой полнотой источники (литературные, эпиграфические, археологические, в том числе и памятники искусства).

¹ D. Robinson. Ancient Sinope. Baltimore, 1906.

² Th. Reinach. Mithridate Eupator. Paris, 1890; Mithridates Eupator, König von Pontos. 2-е изд., Leipzig, 1895.

³ Я. А. Манандян. Тигран II и Рим в новом освещении по первоисточникам. Ереван, 1943.

⁴ Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929.

Исходя из исторической последовательности развития южнопричерноморских городов, автор разделяет книгу на четыре больших отдела: I. Древнейшая эпоха и основание городов (главы 1—3); II. Города Юго-Восточного Причерноморья в VII—IV вв. до н. э. (главы 4—6); III. Синопа и Амис в эпоху эллинизма (главы 7—10); IV. Синопа, Амис и Трапезунт под римским владычеством (главы 11—15).

В I разделе автор детально знакомит читателя с географическими условиями территории трех городов, а также, по возможности, и с местной этнической средой⁵. Затем автор исследует данные греческой традиции об основании Синопы и Амиса. Полемизируя с Ф. Билабелем⁶, автор, на наш взгляд, совершенно правильно приходит к выводу о двукратном основании Синопы милетянами: сначала — в первой половине VIII в. до н. э. (ойкист Хабронда) и вторично — во второй половине VII в. до н. э., полагая, что первое появление милетян сопровождалось основанием эмпория. Автору следовало бы сослаться здесь на работу Г. Бузольта⁷, который пришел в свое время к тем же выводам. Г. Бузольт подкреплял свои соображения указанием на то, что возникновение политически организованных полисов на берегах Черного моря стало возможным для греков лишь после основания Византия, т. е. после 657 г. до н. э.

Вполне правдоподобно и предположение автора о зависимости Псевдо-Скимна от каких-то местных литературных традиций, связанных с основанием города, поскольку это единственный источник, упоминающий имя ойкиста Хабронда.

Для решения вопроса об основании Амиса автор привлекает новый материал — архитектурные терракоты и плиты Ак-Алана, убедительно сопоставляя их с аналогичным материалом города Ларисы (вблизи Фокеи). Автор принимает датировку Л. Кгельберга, уточняя ее по отношению к различным группам материала Ак-Алана (начало VI в. до н. э.). На этом основании автор приходит к убедительному выводу об основании Амиса фокейцами в конце VII в. до н. э. После исследования М. И. Максимова эта датировка, по нашему мнению, может считаться доказанной, как и самый факт основания Амиса выходцами из Фокеи⁸.

II раздел работы посвящен общей характеристике городов Южного Причерноморья, их истории, экономике и политическому строю. Несомненный интерес представляют изыскания автора по вопросу о колхах, дрилах и моссиниках, а также о существовании краткого пути через Черное море и времени его освоения греческими мореходами.

Автор интересно характеризует торгово-ремесленную деятельность граждан Синопы в связи с основанием синопами собственных колоний в Трапезунте, Котиоре, Керасунте и других местах. Автор правильно определяет колонизационную политику Синопы как политику укрепления местностей, выгодных для развития торгово-ремесленного производства и для защиты Синопы от местных племен. Однако автор напрасно полагает, что это «редкий, если не единственный случай» в греческой колонизационной экспансии, поскольку «πολις» не образуют самостоятельную управляющуюся полисов, а остаются в подчинении у Синопы. Колонизационная политика Коринфа в период тирании осуществлялась также путем установления власти Коринфа над колониями. Аналогичную политику проводили и тираны Сиракуз в Сицилии. Таким образом, колонизационная экспансия Синопы имеет очевидные параллели, и рассматривать ее как своеобразную форму, присущую только Синопе, нет оснований⁹. Можно пожалеть, что автор не проанализировал этот вопрос глубже, так как форма колонизации, проводившейся Синопой, вероятно, свидетельствует о наличии централизованного управления в Синопе (может быть, о тирании).

Исходя из установленного факта о характере синопской колонизации, автор, однако, приходит к выводу, который не может считаться доказанным, а именно, — что все колонии Синопы «не вели самостоятельной внешней торговли и все свои товары направляли в Синопу, откуда они, как синопские, направлялись на внешние рынки» (стр. 76).

Этому противоречит самый текст Ксенофонта, положенный автором в основу анализа: Ксенофонт характеризует налог, установленный Синопой в городах-колониях, как *δασιμὸς* (ср. Апаб., V, 5, 10). В том же сочинении (IV, 5, 24) Ксенофонт раскрывает далее зна-

⁵ Автор ссылается при этом на ценную работу С. Н. Матвеева (С. Н. М а т в е е в. Турция. Азиатская часть — Анатолия. М.—Л., 1946), но, к сожалению, даже не упоминает большую монографию П. М. Жуковского (П. М. Ж у к о в с к и й. Земледельческая Турция. Азиатская часть — Анатолия. М.—Л., 1933).

⁶ F. Bilabel. Die ionische Kolonisation. Philologus, Supplementband, XIV, ч. I, 1920.

⁷ G. Busolt. Griechische Geschichte. Handbücher der alten Geschichte, т. II, 2-е изд., 1895, стр. 465 сл.

⁸ К сожалению, автору осталась неизвестной статья Е. Мильтнера (E. Miltner. Die erste milesische Kolonisation im Südpontos. Anatolian Studies Presented to W. H. Buckler, Manchester, 1939), посвященная первой милетской колонизации в Южном Причерноморье. Автор лишь ссылается на нее по работе Ф. Билабеля, хотя этот сборник в честь Баклера имеется в наших библиотеках.

⁹ Эти вопросы подробно рассмотрены у Э. Вилла. См. E. Will. Sur l'évolution des rapports entre colonies et métropoles en Grèce à partir du VI-e siècle. La nouvelle Clío, т. VI, № 7—10, Bruxelles, 1954, стр. 413—460; см. также М. P. Nilsson. Das frühe Griechenland von innen gesehen. Historia, т. III, кн. 3, Wiesbaden, 1955, стр. 257—282.

чение термина *δασις* как установление натурального налога: *εἶρον δὲ καὶ πώλους εἰς δασιον βασιλεὶ τρεφομένους ἰζ'*¹⁰. Налог, собираемый натурой (частью урожая, частью добытого металла) и при этом составляющий какую-то точно установленную часть (ср. *δασις τεταγμένης*), как раз исключает возможность перехвата в с е х товаров Синойой.

Вызывает сомнение и утверждение автора о бедности Северного Причерноморья металлом.

К сожалению, из работы М. И. Максимовой следует, что мы ничего не знаем о земельных владениях Синопы, Амиса и других городов. М. И. Максимова предполагает даже, что Синопе и Амису не хватало собственных зерновых продуктов, почему эти города были особенно заинтересованы в торговле с Северным Причерноморьем.

Однако даже тот незначительный материал, который сохранен в рассказе Страбона, позволяет сделать некоторые интересные наблюдения в этой части. Страбон в описании Синопы указывает на наличие плодородной почвы выше города и за его пределами, особенно в его окрестностях. Затем Страбон указывает на приморскую полосу, удобную для выращивания оливок. Затем, говоря об области Газелионтиде, половина которой принадлежала Амису, а западная часть — Синопе, он указывает на наличие здесь прекрасной *χώρα* — равнины, отличающейся большим плодородием (*πάμφωρος*; XII, 3, 13). Кроме того, самый вывод колоний на ее территории указывает на наличие свободной (или освобожденной) земли.

Во всяком случае, нам кажется, что было необходимо особо выделить вопрос о земельных владениях городов, поскольку он является чрезвычайно важным для постановки вопроса об экономике полиса. В работе М. И. Максимовой (вероятно, из-за скудости материала) эта проблема не получила специального освещения. Выделяя разделы «торговля» и «производство», автор опускает раздел «земледелие и землевладение». Это оказывает решающее влияние и на основные выводы автора о социальной структуре городов. Автор пишет: «Как и во всяком (разрядка моя.— К. К.) рабовладельческом полисе, население состояло из рабовладельцев, крупных и мелких, и рабов. Крупные рабовладельцы вряд ли основывали свое благосостояние на земельной собственности, хотя, как явствует из приводившегося выше текста Плутарха, тиранам Синопы принадлежали и земельные угодья. Все же в основном это была, вероятно, торговая аристократия, торговцы, навклеры и, может быть, владельцы крупных эргастериев» (стр. 110).

В приведенном же автором выше тексте Плутарха (*Pericl.*, XX; ср. стр. 98) сказано, что 600 афинян получили, распределив между собой, дома и землю (*οἰκίας καὶ χώραν*)¹¹, которой прежде владели тираны. Земля, на которой могли расселиться 600 афинян со своими семьями, представляет собою, несомненно, уже образец крупного рабовладельческого хозяйства.

Кроме того, следует заметить, что в античности самое понимание аристократии всегда связано с землевладением, поэтому даже купцы, чтобы быть принятыми в число местной знати, должны были иметь земельные владения. Об этом же свидетельствует широкий вывоз оливкового масла, поскольку производство масла на рынок уже требовало наличия больших земельных хозяйств.

Неправильно также суждение М. И. Максимовой о том, что «во всяком» рабовладельческом городе население состояло из крупных и мелких рабовладельцев и рабов. Во всяком рабовладельческом городе население состояло не только из рабовладельцев (крупных и мелких) и рабов, но также из классовой прослойки, при этом всегда довольно обширной, свободного гражданского и негражданского населения, живущего своим трудом, или совсем не связанного с рабовладением, или связанного с ним лишь спорадически. Да и сам автор далее признает это, говоря о мелких торговцах, собственныхниках мелких земельных участков и ремесленниках.

Автор не вполне правильно понимает город античного времени, полис, как город «в нашем понимании этого термина, т. е. крупное поселение, жители которого по своим занятиям фактически оторваны от земли» (стр. 130). Дело в том, что понятие «полис» объединяло не только самих горожан в узком смысле этого слова, но и земледельцев, входивших в состав полисного коллектива граждан. Даже в таком развитом торгово-ремесленном центре, как Афины, многие граждане еще и в IV в. до н. э., живя в городе, имели земельные владения и были связаны с сельскохозяйственным трудом.

Глава 5, посвященная характеристике колхов, дрилов и моссиников на основе анализа «Анабасиса» Ксенофонта, очень интересна, тем более что автор, не ограничиваясь античными литературными источниками (прежде всего, свидетельствами Ксенофонта), мастерски пользуется археологическими сравнительными данными циклопических сооружений Закавказья. Автор совершенно прав, когда пишет в заключение, что материалы Ксенофонта, несмотря на их неполноту, все же дают возможность составить общее представление об уровне социально-экономического развития припонтийских племен на грани V—IV вв. до н. э. (ср. стр. 144).

Очень важной является глава 6 — «Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами»¹², — с основными выводами которой трудно не согласиться

¹⁰ См. также Несучн., s. v. «*δασις*», «*φόρος*», «*μερσις*».

¹¹ В переводе М. И. Максимовой неточно: «дома и земля».

¹² Эта глава была ранее опубликована в МИА № 33 (1954) с некоторыми сокращениями и незначительными отличиями.

Раздел III монографии охватывает целый круг важных проблем, связанных с развитием Синопы и Амиса в период эллинизма: политический и социальный строй городов, производство и торговля, экономические связи при Митридатах и, наконец, завоевание римлянами Синопы и конец царства Митридата Евпатора (стр. 169—285).

Очень важным и интересным является здесь исследование автором изменения общей обстановки жизни городов в связи с изменением социально-экономических условий жизни припонтийской племенной среды, а также в связи с изменением племенного состава ряда территорий, близких к южнопонтийским городам. Проводя сравнительный анализ данных Страбона и Ксенофонта, автор приходит к выводу, что в этот период лишь халибы и тибарены, связанные с добычей железной руды, остались по-прежнему на своей территории.

Центральное место этого раздела занимает история городов в составе Понтийского царства. Автор приводит интересные материалы о внутренней экономической политике Митридатов — унификации чекана медных монет во всех, как больших так и мелких, городских центрах Понтийского царства. Крайне интересные данные, впервые опубликованные в нашей отечественной литературе и тщательно изученные автором, относятся к памятнику Митридату на о. Делосе. Этот памятник, построенный на участке самофракийского святилища, представляет исключительный интерес для истории Понта, так как сохранилась частично статуя самого Митридата и (что особенно интересно) рельефные медальоны с портретными бюстами его ближайших сподвижников.

Особое место в этом разделе, как и в предыдущем, занимают вопросы производства и торговли Синопы и Амиса. Автор впервые собрал воедино, сопоставил и обобщил отдельные довольно многочисленные публикации и исследования советских археологов, появившиеся в последнее время в печати, о всех керамических изделиях (амфоры с клеймами и без них, кровельная черепица, посуда, архитектурные терракоты) Синопы и Амиса, найденных в Северном Причерноморье. Этот материал действительно показывает широкие размеры торговых связей южнопонтийских городов, и особенно Синопы, с Северным Причерноморьем как в период до власти Митридата Евпатора, так и после включения Синопы в состав Понтийского царства. Интересны в связи с этим и наблюдения А. Н. Зографа, на которых специально останавливается автор, об увеличении количества монет понтийских городов в Северном Причерноморье, а также о параллелизме монет Боспора с монетными выпусками городов Понтийского царства. В свете политики унификации монетной системы в городах Понтийского царства этот материал дает основания для вывода автора о намерении Митридата провести полную унификацию выпуска городских монет Боспора с монетами городов Понта.

Очень интересны и важны также тщательно собранные автором данные о внешних связях Синопы и Амиса за пределами Причерноморья, в частности — с Афинами, Египтом и особенно с Делосом, который, как убедительно показывает автор, был исключительно важным центром в торговых сношениях городов Понта с Эгейским районом, а также, может быть, и со Средиземноморьем.

Как и в I разделе, наиболее слабым местом является вопрос о природе полиса в этот период. Автор, по-видимому, придерживается взгляда о неизменности социальной структуры полисов эллинистического поры по сравнению с полисами классического времени. Так, например, трактуя делосский памятник Митридату, автор на стр. 209 и 210 характеризует соратников Митридата как людей, порвавших с прежним укладом жизни в полисах, покинувших свои города и ставших деятелями нового типа. По мнению автора, они были выходцами из местной торговой аристократии.

Политику унификации городских монет Митридатом автор рассматривает как политику насаждения денежного хозяйства, при которой уничтожались границы городов и происходило слияние городов с сельскохозяйственными областями Понта (стр. 189).

Эти и другие рассеянные по разным страницам утверждения автора нам представляются сомнительными. Во-первых, города эллинистического времени уже не являлись городами классического периода, в них произошли существенные экономические и политические изменения, резко выразилась их классовая структура, в противовес прежней тенденции объединения коллектива граждан по этническому принципу (греческого происхождения). Характерным в политике Митридата, по нашему мнению, было привлечение ко двору аристократии различных городов, продолжавшей сохранять гражданские права того города, в районе которого находились принадлежавшие ей земельные владения.

Мы также не можем согласиться с автором в том, что предоставление новых земельных владений Амису Лукуллом свидетельствует о сокращении земельной территории городов при Митридите. Можно лишь говорить о расширении территории Амиса при Лукулле, а каждое действие римлян в этом направлении всегда рассматривалось как «благодеяние».

Обстоятельства осады и падения Синопы рассмотрены автором очень подробно; однако вывод автора о преданности демоса греческих городов, в частности демоса Синопы, римлянам нам не представляется убедительным. Автор к тому же указывает, что Леонипп (вождь демоса в Синопе) «нам ближе неизвестен» (стр. 262). Это неверно, так как существуют эпиграфические документы, относящиеся к переписке Митридата с Леониппом в период захвата Митридатом территории бывшего Пергамского царства и побережья Малой Азии¹³.

¹³ SIG², т. 3, №№ 328, 341; AM, XVI, 1891, стр. 95—106, 441; Ch Michel. Recueil

Леонипп в то время был сатрапом Кари, одним из ближайших помощников Митридата и проводником его антиримской политики. Несомненно, что и во время осады Синопы римлянами Леонипп, бывший стратегом города, оставался другом Митридата. Если Клеарх, как утверждает Оросий, был внуком, а Селевк — вождем пиратов, то проводниками политики Понтийского царя в городе были, конечно, не люди сомнительного происхождения, а поставленный царем стратег. До убийства Леониппа в городе функционировало народное собрание, созданное для решения важного вопроса: продолжать ли защиту города или, признав ее безуспешной, передать город римлянам.

Для рассмотрения этого вопроса следовало также привлечь первый эфесский закон 87 г. до н. э.¹⁴ Этот закон был принят уже после отпадения города от Митридата, в свое время с энтузиазмом встреченного населением города. Чрезвычайные демократические мероприятия, проводимые властями Эфеса (амнистии, массовое предоставление гражданских прав, ликвидация долгов, освобождение рабов и т. д.), явно показывают, что именно эти реформы должны были склонить народ к переходу на сторону римлян.

Во всяком случае, без специального рассмотрения этого важного источника нельзя прийти к сколько-нибудь убедительному выводу по вопросу о социальном составе сторонников Митридата в период вторжения его в западные районы Малой Азии.

Тот факт, что Митридат во время первой войны с Римом выступал под титулом «враг римлян», как это явствует из его переписки с Леониппом, говорит о популярности этого титула.

Необходимо было также рассмотреть материал, свидетельствующий об активном привлечении Римом на свою сторону всех возможных противников Митридата¹⁵.

Решительно возражая против гипотезы С. А. Жебелева об отождествлении Армян с гаванью Синопы и Ἀρμένιοι с гражданами этого городка¹⁶, автор пишет: «Детальный разбор гипотезы С. А. Жебелева убедил нас в ее ошибочности» (стр. 226). Однако ни на страницах книги, ни где-либо в другой работе анализ статьи С. А. Жебелева не был опубликован. Поскольку выводы, сделанные М. И. Максимовой на основании другой трактовки этой надписи, очень важны для оценки политики Митридата в Ольвии, автор был обязан хотя бы вкратце выставить свои возражения против доводов С. А. Жебелева.

IV раздел работы (главы 11—15) посвящен в основном характеристике жизни городов в период Римской империи.

Этот раздел также отличается большой полнотой материала по всем трактуемым в нем вопросам. Очень интересно исследование производства и торговли городов, проведенное с широким охватом материалов Северного Причерноморья, и анализ социально-политического строя трех городов в системе римского провинциального управления. Ценны также публикации надписей с обширным комментарием¹⁷. К сожалению, однако, автор не поставил вопроса об изменении функций полисов в период Римской империи. Невьясненным остается вопрос и о положении Синопы: был ли этот город колонией римлян или римская колония занимала лишь часть территории Синопы. В этом вопросе существуют большие разногласия, которых следовало бы коснуться детальнее.

Для написания последней главы, посвященной культуре южных городов, автору потребовалось проделать огромную работу по подбору и осмыслению всех упоминаемых публикаций и исследований, посвященных отдельным памятникам или проблемам. Автор выступает здесь не только в качестве археолога и историка, но и как искусствовед и историк религии. Достаточно посмотреть примечания автора с указаниями привлеченной литературы, чтобы оценить по достоинству тот труд, который понадобился для написания этой главы.

Заканчивая нашу рецензию, мы должны еще раз подчеркнуть, что монография М. И. Максимовой является очень ценным вкладом в нашу отечественную науку. Полнота, с которой М. И. Максимова рассматривает города Юго-Восточного Причерноморья, d'inscriptions grecques, т. I, прилож. 2, № 50, Brüssel, 1897—1927; Archiv für Papyrusforschung, т. VI, 1920, стр. 34; C. B. Welles. Royal Correspondence in the Hellenistic Period. New Haven, 1934, стр. 294, 295; ср. также САН, IX, 1932, стр. 239—241.

¹⁴ SIG², т. 3, № 253; ср. M. R. D'Arreste. Une loi éphésienne du premier siècle av. n. ère. Nouvelle Revue Historique de droit français et étranger, I, 1877, стр. 161—178.

¹⁵ Ср. римский закон 101 г. до н. э. (Дельфы). См. ВСН, № 48, 1924 и материалы, относящиеся к союзу Рима с Алабандой во время первой войны с Митридатом; ср. Hertges, т. XXXIV, 1899, стр. 305 сл.; ВСН, № 10, 1886, стр. 299 сл.

¹⁶ С. А. Жебелев. Ольвия и Мифрадат Евпатор. Сб. «Северное Причерноморье». М., 1953.

¹⁷ Трудно согласиться с автором в переводе и понимании надписи, опубликованной вместе с комментарием на стр. 305 и 379—380 книги. Автор считает, что Клавдия Павла сама была членом городского совета. Однако обычно в римской эпитафике времен империи женщины, муж которых занимал тот или иной должностной пост, именовались по должности мужа. Таким образом, Клавдия Павла была женой советника, но сама не состояла членом совета. Аналогичные случаи см., напр, у Т. Гранк: An Economic Survey of Ancient Rome. Т. IV, 1938, стр. 778. (Эта важная работа осталась не привлеченной автором). Ср. также АЖА, IX, 1905, стр. 311.

морья во всех доступных по источникам аспектах их жизни и деятельности, дает возможность оценить по заслугам важное значение этих городов не только в жизни Северного и Западного Причерноморья, но и в жизни античного мира вообще, особенно в период эллинизма, в период поздней Римской республики и империи.

В качестве пожеланий автору мы можем высказать лишь одно и самое основное: обратить в дальнейшем большее внимание на процесс коренных изменений в экономической и социальной структуре полисов в различные периоды их существования, так как полис времени основания колонии и первых веков ее существования не похож на полис эллинистической поры, так же как полис эллинистического времени имеет большие отличия от полиса времени Римской империи. Этот вопрос не был достаточно изучен автором, вероятно, прежде всего потому, что автор не обратил достаточного внимания на вопросы земельных владений полисов, рассматривая полисы преимущественно в аспекте торгово-ремесленной деятельности.

В данной рецензии мы, конечно, не претендуем на исчерпывающую полноту наших замечаний по книге М. И. Максимовой. Ряд отдельных мелких возражений по переводам отдельных слов или фраз, по некоторым (всегда мелким) неточностям, иногда встречающимся в книге, или небрежностям (ср., например, на стр. 261 текст Мемнона, почему-то отмеченный как вставка автора), довольно частые повторения — все эти мелкие недостатки могут быть легко устранены автором¹⁸. Общая же ценность исследования и новизна ряда трактуемых вопросов не подлежат сомнению.

К. М. Колобова

¹⁸ Следует также отметить неудовлетворительную работу издательства при правке греческих текстов.

О НЕКОТОРЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЗА РУБЕЖОМ

До сего времени в советской печати не появлялось систематических обзоров новых открытий и исследований в области археологии европейского раннего железного века. Предпринимая впервые подобную попытку, автор позволяет себе остановиться в данном обзоре на отдельных открытиях и вопросах, которые могут быть интересными для советского читателя. В основу обзора положены сведения, почерпнутые из французского журнала «Revue archéologique» за последние пять лет и дополненные материалом публикаций из других европейских изданий за разные (преимущественно послевоенные) годы. Само собой разумеется, что подобный обзор далеко не претендует на полноту.

1. Новые археологические открытия

Во Франции за последние годы внимание общественности было привлечено открытием на основной территории формирования кельтов двух богатейших женских погребений: около местечка Викс близ г. Шатильона на Сене в Северо-Восточной Франции и близ с. Рейнхейм в Саарской области. Помимо необычайного богатства и пышности инвентаря этих погребений, с которыми читатели «Советской археологии» уже знакомы¹, погребения эти интересны, как отражение двух последовательных этапов развития кельтской культуры. Если в виксском погребении, относящемся к концу VI в. до н. э., наиболее роскошными являются произведения импортной, греко-италийской торевтики, то рейнхеймское погребение V в. до н. э. дает яркие образцы самобытного кельтского искусства, сформировавшегося в это время под воздействием импорта художественных изделий с юга и юго-востока. Своеобразный местный колорит придает этому погребению цветистость декоративного орнамента золотых изделий, а также наличие среди украшений изображений человеческих голов в уникальных головных уборах в виде птицы с резко очерченным клювом и крыльями². Человеческая голова трактуется в виде маски или увенчивается непропорционально маленький бюст, подчеркивающий преобладающее значение именно головы, что так характерно для кельтского искусства (см. ниже).

Для погребального обычая кельтов гальштатского времени, к которому относится погребение в Виксе, характерно наличие четырехколесной колесницы. По мнению Р. Лантье³, эти колесницы, очень легкие, богато разукрашенные и обычно не носящие следов употребления, имели чисто ритуальное значение и использовались только для погребальной процессии. Этим, по-видимому, объясняется присутствие колесницы в женском погребении Викаса. По мнению того же исследователя, эти четырехколесные гальштатские колесницы не имеют никакого отношения к боевым двухколесным колесницам из погребений кельтских воинов раннелатенского времени, являющимся такой же частью воинского снаряжения, как меч, копье и дротик.

¹ См. СА, 1957, № 4, стр. 227, 228.

² Illustrated London News, 3 декабря 1955, стр. 945, 955—957.

³ R. L. Chariots funéraires hallstattiens. RA, 1957, № 1, стр. 87.

Викское погребение, по-видимому, относится к некрополю соседнего городища позднелатинского времени на Мон-Лассуа, раскопки которого были начаты еще в 1929 г. Лагоржеттом и продолжены в 1946 г. Р. Жоффруа. На городище открыты вали и рвы, остатки жилых домов и громадное количество вещевых находок (свыше миллиона обломков керамики, несколько сотен бронзовых и железных фибул, разные украшения, бусы, оружие и орудия). Дата определяется по фрагментам аттической чернофигурной керамики. В поисках некрополя этого городища и было обнаружено викское погребение, связанное, очевидно, также с близлежащим курганным некрополем в Сен-Коломб, где еще 100 лет тому назад были открыты богатые погребения того же времени с погребальными колесницами и богатым инвентарем (золотые украшения, железный треножник этрусского типа, великолепный лебес с головками грифонов из кургана Ла-Гаренн; массивные богато орнаментированные золотые браслеты и золотые серьги из кургана Ла-Бютт). Погребения из Вика и Сен-Коломба свидетельствуют о пышности быта кельтских князей, обитавших в городище на Мон-Лассуа⁴.

Интересные результаты дали и продолжают давать галльские городища среднелатинского времени на юге Франции, в долине Роны, на территории Прованса и Лангедока (Антремон, Рокпертуза, Оргон, Ансерюн, Ним, Сен-Блез и др.), разрушенные и покинутые во II в. до н. э. в связи с римским завоеванием. Долина Роны, расположенная на пути между Италией и Иберией, издавна являлась местом, куда проникали различные этнические элементы и где сталкивались разные культурные влияния. В начале I тысячелетия до н. э. здесь жили лигуры. В начале V в. до н. э. сюда вторглись с юга иберы, а в IV—III вв. до н. э. над местными племенами по обоим берегам Роны утвердилось владычество кельтов. Долина Роны раньше и глубже других областей Галлии восприняла влияние греческой культуры, начиная со времени основания (около 600 г. до н. э.) фокейской колонии Массилии на месте современного Марселя. Под влиянием этой культуры на городищах Роны возникают монументальные каменные здания с портиками в античном духе, украшенными росписью и рельефами, и интересные образцы статуарной скульптуры, связанной главным образом с погребальным культом.

Самым главным из городищ Прованса является городище в Антремоне, служившее политическим и религиозным центром местных кельто-лигурских племен вплоть до римской оккупации края. Раскопками открыты остатки города, окруженного каменной стеной, с регулярной планировкой жилых кварталов и каменными домами. Большой интерес представляет культовое здание, открытое в 1953—1954 гг., связанное с культом черепов. Посреди центрального помещения были обнаружены каменная голова и обломок каменной плиты с тремя овальными углублениями для хранения черепов. 12 скульптурных изображений мертвых человеческих голов покрывали каменный столб, который был обнаружен в кладке стены святилища. На уровне пола центрального зала были найдены 15 настоящих человеческих черепов, на трех из которых были просверлены отверстия для подвешивания, а в одном сохранился даже железный гвоздь. Черепа долихоцефальные и отличаются по своим показателям от черепов соседних греческих некрополей Марселя и Ампурии. В раскопках предыдущих лет в Антремоне были найдены интересные образцы местной скульптуры III—II вв. до н. э., в том числе каменные статуи (в натуральную величину) героизированных умерших, монеты, среди которых преобладает чеканка Массилии, керамика и пр.⁵

В Ансерюне, где раскопки ведутся с перерывами начиная с 1916 г., изучение города, также окруженного каменной стеной, показало, что он построен на некрополе раннелатинского времени. В 1945 г. был открыт участок более древней стены из крупных необработанных блоков известняка, по-видимому, еще иберийской эпохи. В зольнике у стены найдены фрагменты греческой керамики V в. до н. э. В том же году в некрополе, помимо иберийских трупосожжений V—III вв. до н. э., были открыты более поздние, несколько отличающиеся по деталям обряда и с инвентарем среднелатинского времени. Раскопки в Ансерюне представляют интерес для изучения взаимоотношений иберийской и галльской культур. Плохо датированная иберийская керамика встречается здесь вместе с хорошо известными формами греческих сосудов, которые дают надежные хронологические вехи⁶.

Большое значение для изучения галло-римской керамики имеют раскопки в Грофсанке, к западу от Роны, близ Мийо (Авейрон), проводившиеся с 1950 г. сначала Ф. Эрме, потом А. Альбанком. Последнему удалось найти остатки керамической мастерской II в. н. э., давшей большое количество фрагментов сосудов, в том числе и с клеймами мастеров. Сопоставление этой керамики с керамикой из латинского слоя, залегающего непосредственно под галло-римским, позволило А. Альбанку сделать заключение о продолжении традиции галльского латинского керамического производства в формах и орнаментике сосудов римского времени. В раскопках 1951—1952 гг. были обнаружены шесть глиняных штампов для оттисков на керамике, с фигурными изображениями и именами мастеров⁷.

⁴ R. Joffroy. Une sépulture à char à Côte d'Or. RA, 1953, № 1.

⁵ F. Benoit. L'art primitif méditerranéen de la vallée du Rhône. Paris, 1945; его же e. Recherches archéologiques dans la région d'Aix-en-Provence. Gallia, т. XII, ч. 2, Paris, 1954.

⁶ J. Jannoy. Les fouilles d'Ensérune (Hérault). RA, 1946, № 3, стр. 5.

⁷ A. Albanel. Nouvelles fouilles à la Graufesenque. RA, 1951, № 2; L. Balsan. Nouveaux poinçons-matrices de la Graufesenque. RA, 1953, № 2.

В 1952—1953 гг. происходили раскопки на территории древнего некрополя в западной части г. Дижона, показавшие, что некрополь существовал еще в эпоху раннего гальштата. Однако громадное большинство погребений относится ко II—VI вв. н. э. Преобладающим обрядом является труположение, часто в каменных саркофагах⁸.

Многолетние раскопки в лесистых низовьях Сены, ведущиеся еще с XIX в., показали исключительное богатство этого края археологическими памятниками. Помимо остатков земляных укреплений неопределенного времени и многочисленных находок эпохи бронзы, здесь оказалось немало остатков гальских поселений. Впервые для Западной Франции здесь обнаружены полуземлянки в виде круглых более или менее глубоких ям, какие хорошо засвидетельствованы в Северной и Восточной Франции. Особенно густо были заселены низовья Сены в галло-римскую эпоху, от которой сохранились развалины каменных домов, вилл и культовых зданий. Некоторые виллы отличались большой роскошью, как, например, великолепная мозаика из виллы в Бретонском лесу, хранящаяся в Руанском музее. Наряду с каменными сооружениями, крытыми черепицей, сохранились также остатки сельских построек из дерева. На большинстве поселений прослежена непрерывная жизнь в течение, по крайней мере, четырех веков: от времени позднего латена до Постума или Константина. Все эти поселения погибли внезапно, от военных нападений, по-видимому, саксов и франков, при этом в два приема: одни подверглись разрушению в начале второй трети III в., большинство же — в течение IV в. Такие же две волны прослеживаются и на плато, примыкающих к долине Сены. Здесь в III в. погибает Юлиобона, а в IV в. Руан вынужден огородиться каменной стеной⁹.

В Германии крупным археологическим событием последнего времени являются раскопки раннекельтского городища гальштатского времени в Хейнебурге на Верхнем Дунае, начатые проф. Биттелем в 1950 г. Они ведутся ежегодно В. Киммигом, проф. В. Дейн и др. Городище расположено близ Гундерзингена в Южном Вюртемберге, на северном берегу Дуная, на высоком холме над рекой. Установлено, что городище возникло в начале периода гальштат D (по Рейнке) и было первоначально укреплено земляным валом и деревянной стеной, которая скоро была заменена мощной стеной из сырцового кирпича на каменном основании, с четырехугольными башнями. Стена не имеет аналогий в гальштатской строительной технике, она построена под влиянием греческой архитектуры. После происшедшего пожара стена была разрушена и снова заменена деревянными укреплениями. Последняя стена состояла из трех рядов деревянных столбов, связанных горизонтальными брусками.

Греческое влияние сказывается также на гальштатской керамике Хейнебурга. Уже в начале периода гальштат D местная расписная посуда уступает место сосудам с орнаментом, нанесенным красной или иногда черной краской по белому фону. В конце этого периода появляются вазы на поддонах, имеющие уже, по существу, латенский характер. Связи с греками подтверждаются наличием фрагментов греческих амфор и чернофигурных сосудов конца VI — начала V в. до н. э., датирующих последний период жизни городища.

Раскопки Хейнебурга заставили заново пересмотреть периодизацию гальштатской культуры в Южной Германии, поскольку формы этой культуры продолжают жить в более позднее время, чем это полагали до сих пор. Большой интерес имеет также доказательство наличия торговых связей раннекельтских князей Подунавья с греками Марселя (Массилии), осуществлявшихся, по-видимому, через территорию Бургундии и Швабии. Результаты хейнебургских раскопок опубликованы в монографии К. Биттеля и А. Рита, вышедшей в свет в 1951 г.¹⁰

Большой интерес представляет также раскопки городища и некрополя латенского времени в Манхинге (Бавария), которые дали В. Кремеру основание для более детального расчленения применительно к Южной Германии стадии латен C (по Рейнке)¹¹.

В Северной Италии следует отметить раскопки кельтского городища Альбинтимилиум с хорошей стратиграфией и его некрополя. Результаты раскопок опубликованы Н. Ламболья в 1950 г. Изучение обнаруженной в культурном слое итальянской керамики в соответствии со стратиграфическим членением последнего дало автору возможность выделить три хронологические группы этой керамики¹².

На знаменитом некрополе Орнавассо, который был исследован Э. Бьянкетти в конце прошлого века и материал которого послужил в значительной степени отправным пунктом для датировок позднего латена, за последнее время велись раскопки на новых участках, давших дополнительный материал, опубликованный Кардуччи в «Notizie degli Scavi» (1950, стр. 214)¹³.

В Чехии при земляных работах в Мшеке-Зеровице в 1943 г. был найден интересный образец кельтской скульптуры — мужская голова из местного известняка (вы-

⁸ G. Grémaud. Dijon gallo-romain. Le cimetière de l'Ouest. RA, 1954, № 1.

⁹ L. Musset. Les forêts de la Basse Seine. RA, 1950, № 3.

¹⁰ C. F. C. Hawks. «K. Bittel und A. Rieth. Die Heineburg an der Oberen Donau, ein frühkeltischer Fürstensitz. Stutthart — Köln, 1951». The Antiquaries Journal, London, 1956, № 1—2.

¹¹ O. Klindt-Jensen. The Bronze Cauldron from Brå. Aarhus, 1953, стр. 68 сл.

¹² Там же, стр. 77.

¹³ См. O. Klindt-Jensen. Ук. соч., стр. 76 сл.

сотой 0,25 м), трактованная в геометризованном плоскостном стиле, с большими рельефными глазами и бровями, изогнутыми в виде волот. Такими же завитками переданы концы усов и уши, из которых сохранилось только одно. Стилизованные пряди волос оставляют открытым выпуклый лоб. На шею надета гривна с утолщениями на концах в латенском стиле. Голова была найдена среди остатков святилища и представляет собой, вероятно, обломок культовой статуи. На основании сопоставления с галльской скульптурой из Антремона Р. Лантье датирует голову кондом II в. до н. э., что подтверждается также находкой обломков керамики конца II — начала I в. до н. э.¹⁴

В Румынии в результате обширных работ археологов на городищах и поселениях Валахии и Трансильвании открыта интересная страница жизни и культуры гето-дакийских племен в последние века до нашей эры. Характеристика этой культуры по материалам археологических раскопок уже была дана в советской печати И. Т. Кругликовой¹⁵. Иного облика культура открыта раскопками Р. Вульпе в 1949 г. в Румынской Молдавии близ дер. Поянешти, в 17 км от г. Васлуй (район Ясс). Помимо остатков многослойного поселения (от неолита до III—IV вв.), здесь был открыт могильник II—I вв. до н. э. с трупосожжением в черноглиняных лепных урнах. Урны характеризуются грушевидным туловом, воронкообразным венчиком с гранчатой внутренней поверхностью и небольшими X-образными ручками. Изредка встречался рельефный орнамент в виде небольших шишечек и подковок, а также резной узор из пучков параллельных линий, меандра и пр. Урны были покрыты вместо крышек опрокинутыми острорыбными мисками с гранчатыми венчиками и небольшой ручкой. В урнах содержались остатки пережженных костей и разные вещи: железные (реже бронзовые) фибулы типов среднего и позднего латена, железные поясные застёжки в виде длинных крючков, железные латенские бритвы и ножи, бусы. Единичен железный кинжал с треугольным клинком. Этот могильник перекрывал гетское поселение средне-латенского времени, с которым он не имеет ничего общего. Следы аналогичной культуры прослежены в Румынии только на территории Молдавии (Сцинтея, Лунка Чуarei, Ихимени).

Р. Вульпе, посвятивший этому могильнику специальное исследование, находит аналогии керамике и железным вещам (фибулам и застёжкам) из Поянешти за пределами Румынии в бассейне Вислы и Одера, где формы поянештской керамики имеют глубокие местные корни и где они доживают до эпохи переселения народов. Р. Вульпе связывает эту культуру с бастарнами, которые, по свидетельству источников, в конце I тысячелетия до н. э. переселились из Повисленья на восток и юго-восток и во II—I вв. до н. э. укрепились на Нижнем Дунае. Частичное влияние бастарнской культуры Р. Вульпе усматривает также в некоторых формах зарубинецкой керамики, в Поянештском же могильнике он видит полную аналогию комплексам латенской культуры в Польше и Восточной Германии¹⁶.

Могильник в Поянешти представляет собой, несомненно, очень интересное культурное явление, тем более что близкие формы керамики открыты и на территории Советской Молдавии работами наших археологов (раскопки Г. Б. Федорова в Лукашешке). Изучение наших памятников, аналогичных или близких Поянештскому могильнику, должно существенно помочь в окончательном решении вопроса о характере и этнической принадлежности этой культуры.

Болгария. Широкий отклик в европейской прессе получило открытие уникальногоклада в Панагюриште (Южная Болгария). Здесь в 1949 г. при земляных работах в окрестностях кирпичного завода были обнаружены девять замечательных золотых сосудов с рельефными украшениями, которые сейчас хранятся в Национальном археологическом музее в Пловдиве. Помимо кратких заметок, посвященных этим находкам в разных журналах, клад из Панагюриште опубликован Д. Цончевым в специальном издании, посвященном памятникам античной торевтики¹⁷. Один из сосудов — золотая фиала с омфалом в центре, по краю которой проходят концентрические круги, состоящие из рядов розет, желудей, цветов лотоса и 24 голов негров. На чаше процарапаны знаки, обозначающие вес по аттической системе. Близкой, хотя и не совсем точной аналогией является золотая чаша из кургана Куль-Оба с ее рядами голов горгон и силенов, расположенных по радиусам и концентрическим кругам¹⁸. Среди других сосудов имеются четыре ритона с кощами в виде оленьих черепов, головы барана и протома козла. Ритоны украшены рельефными сценами на сюжеты греческой мифологии. Интересны три фигурных сосуда в виде женской головы, с ручками, украшенными изображениями сфинксов, и со сливным отверстием в виде головки льва с широко открытой пастью. Как и на чертомлыцкой вазе, сливное отверстие устроено в нижней части

¹⁴ J. Borkovský. Keltská tvář z Čech. Obzor prehistorický, 1946; R. L. (R. Lantier). La sculpture celtique en Bohême. RA, 1953, № 1, стр. 104.

¹⁵ И. Т. Кругликова. Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955, стр. 12 сл.

¹⁶ R. Vulpe. Le problème des bastarnes à la lumière des découvertes archéologiques en Moldavie. Nouvelles études d'histoire, présentées au Xme Congrès des sciences historiques, Rome, 1955. Bucarest, 1955.

¹⁷ RA, 1950, № 4, стр. 154; RA, 1954, № 2; «Archeologické rozhledy», Praha, 1953, № 5, стр. 633 сл.; B. Svoboda, D. Cončev. Neue Denkmäler antiker Toreutik. Praha, 1956; D. Cončev. Der Goldfund von Panagjurište.

¹⁸ А. П. М а н ц е в и ч. Гребень и фиала из кургана Солоха. СА, XIII, 1950, стр. 232 сл., рис. 10.

сосудов. Очень эффектно золотая амфора с ручками в виде фигур кентавров, опирающихся передними ногами на край вазы. Тулово покрыто рельефным узором из пальметт и овов и украшено изображением мифологической сцены, по-видимому, из Троянской войны. В нижней части амфоры в кругу из пальметт изображены сатир с канфаром и Геракл со змеей, а также две головки негров, служившие сливами.

Клад найден на территории древнефракийского поселения и по аналогиям в греческой торевтике датируется второй половиной IV в. до н. э. Драгоценные сосуды, входившие в его состав, вероятно, предназначались для употребления при дворе фракийских царей и сделаны руками греческих мастеров. По предположению автора, клад мог быть зарыт в связи со вторжением кельтов в восточную часть Балканского полуострова в конце первой четверти III в. до н. э.

Интересный по своему составу комплекс опубликован недавно Белградским Национальным музеем¹⁹. В 1948 г. при земляных работах в дер. Текие на Нижнем Дунае (Югославия) был обнаружен у стен древней постройки медный сосуд, содержащий римские серебряные монеты, золотые и серебряные ювелирные украшения, серебряные сосуды и части поясного набора, а также «иконки» в виде серебряных пластинок со штампованным изображением божеств в наосах. Судя по монетам, клад был зарыт в I в. н. э. при Домициане. Вещи клада разнородны по происхождению и назначению.

Золотые перстни и серьги, а также серебряные сосуды по своему стилю являются произведениями италийских позднеэллинистических мастерских. При этом сосуды, украшенные рельефным растительным орнаментом с головками Менад и Силены, имеют близкие аналогии среди посуды кладов из Боскореале, Гильдесгейма и т. п.

Специфически римский характер имеют, помимо монет, серебряные украшения пояса, характерные для снаряжения римских воинов. Надпись на поле одной из пряжек указывает имя владельца и центурию, к которой он принадлежал.

Совсем другой характер носят серебряные браслеты, витые или гладкие с закрученными концами, и подвески-амулеты к ним в виде миниатюрных орудий (зубила, заклепки, топорики), треугольных бляшек и пр. Такие браслеты и амулеты типичны для гето-дакийской культуры латенского времени и являются, по-видимому, продукцией местных мастерских. Особенно интересна подвеска в виде правой руки, пальцы которой сложены для благословляющего жеста, связываемого автором с культом Сабазия.

Происхождение «иконок» автор выводит из Малой Азии или Фракии, где они известны еще в III в. до н. э. в связи с культом Сабазия и Кибелы. В I—III вв. такие «иконки» распространились во всех областях Римской империи; однако данные «иконок», судя по их стилю, не выходят из круга восточного эллинизма и являются характерными для синкретических религиозных образов Мезии, Фракии и Дакии, где они, вероятно, и были сделаны.

Автор предполагает, что клад принадлежал римскому солдату, который в минуту опасности зарыл в землю вещи из ограбленного им местного святилища, хотя не исключена возможность, что он и сам мог исповедовать культы местных богов.

2. Вопросы периодизации латенской культуры

За последнее время западноевропейские ученые много внимания уделяют вопросам периодизации латенской культуры. Новые археологические открытия в Центральной Европе, особенно кельтских городищ с хорошо прослеженной стратиграфией (как, например, Хейнебург в Германии или Альбинтимилиум в Италии), изучение топографии и уточнение датировок старых и открытие новых могильников и пр. заставляют пересмотреть классические схемы периодизации, выработанные О. Тишлером, П. Рейнеке и Ж. Дешелеттом, и внести в них уточнения, в частности в свете локальных особенностей отдельных областей.

Большую работу по классификации памятников латенской культуры в Швейцарии проделали И. Видмер-Штерн и Д. Виоллье на основе погребений, изученных Д. Виоллье в Швейцарии, и единственного полностью исследованного кельтского некрополя в Мюнсингене (кантон Берн), которому посвящено специальное исследование Видмер-Штерна. Как видно из нижеприведенной сравнительной таблицы, швейцарские ученые внесли некоторые изменения в хронологию Рейнеке и Тишлера, более детально расчленив ранний латен и сдвинув средний латен частично в пределы позднего латена.

Тишлер	Рейнеке	Виоллье	Видмер-Штерн
	Латен А 500 — 400 гг. до н. э.	Латен I a 450 — 400 гг. до н. э.	1 пол. IV в. до н. э.
Латен I 400 — 300 гг. до н. э.	Латен В 400 — 300 гг. до н. э.	Латен I b 400 — 325 гг. до н. э.	2 пол. IV в.—1 пол. III в. до н. э.
Латен II 300 — 100 гг. до н. э.	Латен С 300 — 100 гг. до н. э.	Латен I с 325 — 250 гг. до н. э.	2 пол. III в. до н. э.
Латен III 100 г. до н. э.—рубеж н. э.	Латен D 100 гг. до н. э.— рубеж н. э.	Латен II 250 — 50 гг. до н. э.	200—50 гг. до н. э.

¹⁹ D o r d e M a n o - Z i s i. Nalaz iz Tekije. Narodni Muzej Beograd. Antika, II, Beograd, 1957.

Членение латена I проведено И. Видмер-Штерном и Д. Виоллье на основе видоизменения фибул и браслетов. Короткий двулезвийный меч с плоской колоколовидной рукояткой и ажурным окончанием ножен остается в Швейцарии во всех трех периодах латена I почти без изменений. Показательно, что для латена III в периодизации, предложенной швейцарскими учеными, совсем не нашлось места, так как среди изученных ими погребений не оказалось могил с позднелатенскими вещами. Вследствие этого И. Видмер-Штерн и Д. Виоллье были склонны думать, что латен III вообще не представлен в Швейцарии. Однако позднелатенский слой недавно обнаружен в Портском торфянике близ Латенской стоянки, а находки на территории газового завода в Базеле свидетельствуют о существовании здесь позднелатенского поселения, одновременного городу на Мон-Беврэ (Бибрак) во Франции. Поэтому некоторые исследователи полагают, что причиной отсутствия позднелатенских могил в Швейцарии могло быть изменение погребального обряда, и они скрываются среди безы Inventарных могил Мюнсингенского некрополя²⁰.

Наиболее неясными в периодизации латенской культуры остаются два вопроса: о начале раннего латена, т. е. о границе между латеном и гальштатом, и о времени начала позднего латена.

Исследования показывают, что в землях к востоку от Рейна, между Францией и Венгрией, ранний латен не имеет однородного характера, а местами совсем отсутствует. В северо-западной приальпийской области выделяется район, где в период раннего латена бытуют смешанные гальштато-латенские находки, между которыми очень трудно провести хронологическую границу²¹. Р. Питтиони, исследуя археологические памятники Австрии, обратил внимание на то, что в Австрии, особенно в восточной ее части, долго держится гальштатская культура и что латенская культура начинается здесь только со стадии латен В (по Рейнеке). Он объясняет это тем, что формирование кельтской латенской культуры стадии А произошло на сравнительно небольшой территории, охватывающей Северо-Восточную Францию и Юго-Западную Германию, а к тому времени, когда началось продвижение кельтов в области к северу и к югу от Альп, началось уже формирование культуры стадии латен В. Поэтому находимые в Австрии вещи, такие, как кинжалы с антропоморфной рукояткой и фибулы с масками или звериными головами, хотя по своему типу относятся к стадии латен А, по времени же их использования и зарытия в землю соответствуют стадии В. Таким образом, по мнению Р. Питтиони, латенская культура в Австрии начинается только с 400—390 г. до н. э. В Каринтии же влияние латенской культуры начинает чувствоваться только на стадии латен С в ее развитом виде²². Таким образом, ход развития латенской культуры в Средней Европе осложняется взаимоотношениями между кельтами и некельтскими этническими группами. В Чехии в позднегольштатское время господствовала аристократическая культура с гальштатскими традициями и богатыми погребениями вождей в обширных склепах под курганами. В IV в. до н. э. появляются кельтские некрополи с трупосожжением. Однако наряду с кельтами продолжает жить местное население с местными традициями культуры. Грунтовые могилы промежуточного между гальштатом и латеном типа сосуществуют с культурой исторических кельтов и долго хранят гальштатские традиции. Лишь в конце латенского времени происходит окончательное слияние кельтских и местных элементов²³.

Вопросу об определении хронологической границы между средним и поздним латеном посвящены работы датского археолога Мoberга²⁴. Мoberг прежде всего попытался устранить терминологическое неудобство схемы Тишлера, основанной на ранних, средних и поздних типах фибул и мечей. Исходя из того, что не всегда тип данной вещи соответствует ее фактическому возрасту, Мoberг предложил для основных типов латенских фибул и мечей нейтральные буквенные обозначения, основанные на внешнем сходстве данного типа с той или иной буквой (литеры с, d, u — для фибул раннего, среднего и позднего латенского типов и o, v, u — для соответственных типов мечей). При такой системе характеристика типа вещи не приковывает его к определенному хронологическому периоду. Пытаясь определить абсолютную дату начала позднего латена, Мoberг подверг пересмотру материал могильника в Орнавассо, привлекая новые нумизматические данные для определения римских монет и сопоставляя поздние комплексы из Орнавассо с классическими позднелатенскими комплексами Швейцарии, Франции и Чехословакии. В результате своих изысканий Мoberг пришел к выводу, что по абсолютной хронологии начало позднего латена должно быть отнесено к середине первой половины I в. до н. э., т. е. примерно к 75 г. до н. э.

Попытку дать периодизацию латена на основе художественно-исторического и стилистического анализа произведений кельтского искусства представляет собой вышед-

²⁰ O. Klindt-Jensen. Ук. соч., стр. 75; J. Filip. Keltové ve Střední Evropě. Praha, 1956, стр. 45, 46.

²¹ J. Filip. Ук. соч., стр. 52.

²² R. Pittioni. Urgeschichte des Oesterreichischen Raumes. Wien, 1954, стр. 647, 685.

²³ J. Filip. Praveké Československo. Praha, 1948, стр. 408.

²⁴ C. A. Moberg. When Did Late La Tène Begin? Acta archaeologica, т. XXI, København, 1950; его же. Between La Tène II and III. Acta archaeologica, т. XXIII, København, 1952.

шая в 1944 г. в Англии книга П. Якобсталя²⁵ о раннекельтском искусстве, в ходе развития которого автор различает четыре стиля: ранний, зрелый (или вальдальгесгеймский), пластический и стиль венгерских мечей. Ранний стиль, по Якобстально, продолжается от середины V до середины IV в. до н. э. и создается под влиянием интенсивного импорта с юга. В эту эпоху в кельтское искусство проникают греческие орнаментальные мотивы (пальметты, лотосы и пр.), а гальштатская геометрическая орнаментация приобретает более цветистый характер. Собственно кельтским нужно считать своеобразный мотив так называемого рыбьего пузыря: заостренный овал с округлым хвостом. В этом стиле еще нет органического слияния импортного и местного искусства. На его формирование оказала влияние главным образом архаичская традиция греко-италийского искусства. Лучшее всего этот стиль представлен в инвентаре раннелатенских княжеских погребений из Клейнаспергле, Дюркгейма, Бессерингена, Роденбаха и др. Территория распространения «раннего стиля» простирается от Франции на север — вплоть до Бельгии и на восток — вплоть до Чехословакии и Австрии.

«Зрелый», или «вальдальгесгеймский», стиль (по названию известного погребального комплекса в Вальдальгесгейме на Среднем Рейне) представляет собой уже единый стиль, в котором живые элементы органически слились с местными. Наиболее характерным является причудливо разветвляющийся растительный орнамент. П. Якобсталь датирует этот стиль примерно от половины IV и до начала III в. до н. э. Территория его распространения в основном продолжают оставаться Порейнье, Франция и Швейцария.

Далее концепция Якобсталя становится менее четкой. С одной стороны, он производит от «вальдальгесгеймского» «стиль венгерских мечей» с характерным мотивом асимметричных арабесок, свойственных только Венгрии, с другой стороны, из «зрелого стиля» развивается, по его мнению, «пластический стиль», распространяющийся, по-видимому, одновременно со «стилем венгерских мечей» в той же Венгрии, а также в Восточной Германии и Чехии. Таким образом, центры развития кельтского искусства в это время перемещаются на восток. В «пластическом стиле», по мнению Якобсталя, кельтское искусство достигает полной самостоятельности. В отличие от плоскостности предыдущих стилей, «пластический стиль» объемен. Характерными для него являются тугие кривые, образующие спирали и завитки с резко очерченными гранями и рельефными округлостями. В целом все положения Якобсталя относятся к орнаментально-декоративному искусству кельтов. Изображение же человека, по его мнению, почти никакой роли в искусстве кельтов не играло, и редкие памятники этого типа объясняются влиянием других народов, главным образом греков²⁶.

На книгу Якобсталя часто ссылаются и его периодизацией пользуются западноевропейские исследователи. Однако целый ряд положений автора вызывает справедливую критику. Оспаривая общую концепцию автора, Я. Филип указывает, что стилистические предпосылки не всегда являются надежными хронологическими критериями и что изделия, выполненные в так называемом пластическом стиле, встречаются в Средней Европе часто очень поздно, в такой среде, которая находится слишком далеко от влияния «зрелого стиля», и связаны, по-видимому, с деятельностью определенных мастеровских, работавших на определенный район, так что этот стиль не может считаться характерным для всей территории латенской культуры. Точно так же возражает Я. Филип против выделения «стиля венгерских мечей», так как этих мечей известно всего несколько экземпляров и они, вероятно, являются продукцией одной или нескольких мастерских²⁷. П. Ламбрехтс возражает против утверждения П. Якобсталя об аниконизме кельтов и против сопоставления кельтов с евразийскими народами, искусство которых не знает изображения человека и отличается развитием звериного стиля. Ламбрехтс доказывает, что у кельтов звериные мотивы не получили сколько-нибудь значительного распространения, уступая, с одной стороны, геометрической и растительной орнаментации, выросшей из гальштатской традиции, и, с другой — теме человеческой головы, которая проходит красной нитью через все кельтское искусство, начиная с эпохи независимости и вплоть до развитого средневековья. Статуарная скульптура юга Франции, по мнению Ламбрехтса, имеет национальный характер и по стилю и по характерным сюжетам, среди которых важную роль играет тема головы²⁸.

Датский ученый О. Клиндт-Иенсен, уточняя художественно-стилистическую периодизацию Якобсталя в свете последних археологических открытий и исторических событий, совершенно отказался от «стиля венгерских мечей» и «пластический стиль» датирует временем от конца III и до конца II в. до н. э., а между этой датой и завоеванием Галлии римлянами вводит так называемый гундеструнский стиль (по наименованию гундеструнского котла), не давая, однако, ему характеристики²⁹.

Приведенный выше краткий и неполный обзор последних работ в области периодизации латенской культуры показывает, что за последнее время в результате раскопок

²⁵ T. Jacobsthal. Early Celtic Art. Oxford, 1942—1944.

²⁶ J. Filip. Keltové ve Střední Evropě, стр. 54 сл.

²⁷ Там же.

²⁸ P. Lambrechts. L'exaltation de la tête dans la pensée et dans l'art des Celtes Brugge, 1954.

²⁹ O. Klindt-Jensen. Ук. соч., стр. 72.

накопился новый значительный материал, требующий систематизации и согласования с существующими схемами периодизации. Новые открытия в различных областях Средней Европы лишний раз подчеркивают, что развитие латенской культуры проходило не одинаково в разных странах в зависимости от своеобразия местных условий и характера взаимоотношений завоевателей-кельтов с местным некельтским населением и его культурными традициями. В то же время углубленное изучение отдельных областей вызывает опасение некоего сепаратизма, при котором местные исследователи могут быть склонны систематизировать местный материал так, как им удобнее, без учета общего хода развития латенской культуры в европейском масштабе. В этом отношении, по-видимому, прав Р. Питтиони, считающий, что слишком большая пестрота местных периодизаций латена может нанести лишь вред изучению латенской культуры в целом как явления общеевропейского порядка. Существенно важным для понимания латенской культуры является вопрос о смене гальштатских форм культуры латенскими, которая в разных частях Европы протекала неодинаково. В то же время накопление новых комплексов латенского времени делает настоятельно необходимым пересмотр принятой в настоящее время относительной и абсолютной хронологии как этапов латенской культуры, так и типов отдельных вещей, которые могут явиться ориентирами для определения новых латенских памятников, открываемых, в частности, и на территории Советского Союза.

Большой интерес представляет попытка новой периодизации латенской культуры, предпринятая Я. Филиппом в его недавно вышедшей работе³⁰, которая в данном кратком обзоре затронута быть не может.

3. Вопрос о кельтских «отрубленных головах»

На памятниках кельтского искусства часто встречаются изображения человеческих голов, оставляющие впечатление мертвых голов или масок. Они изображаются всегда в фас, глаза кажутся закрытыми, губы со слегка опущенными углами плотно сжаты, волосы ниспадаю прядями, верхушка черепа голая, голова обрезана под подбородком. Данные о подобном рода памятниках были собраны еще в 1913 г. А. Рейнаком³¹. В 1950 г. В. Деонна в статье о кельтских и галло-римских фаларах, имеющих декор из подобных голов³², ставит этот мотив в связь с кельтским национальным обычаем обезглавливания врагов и ношения вражеской головы в качестве трофея. Подвешенная к груди боевого коня, такая голова, по мнению В. Деонна, должна была устрашать врагов и отгонять злых духов. С течением же времени реальная человеческая голова, вероятно, была заменена изображением ее на фаларах конской сбруи.

Более широко трактована эта тема в работах Ф. Бенуа и П. Ламбрехтса. Ф. Бенуа предположил, что кефалические трофеи кельтов имели религиозно-магическое значение, выходящее за рамки военного обычая и лежащее также в основе культа черепов предков³³. П. Ламбрехтс в упомянутой выше работе писал, что исключительно широкая распространенность в искусстве кельтов темы головы имеет в основе представление о голове как о синтезе всего существа и средоточии жизненного начала. Эта концепция, свойственная многим народам на определенном уровне развития культуры, была у кельтов особенно популярна. На кельтских памятниках она выражается особым подчеркиванием роли головы или путем преувеличенных ее размеров, или путем небрежной и суммарной трактовки остального тела, особенно у божеств. Именно эта концепция лежит в основе и военного обычая обезглавливания врагов, и культа черепов умерших предков. Подтверждение последнему дает богатый материал раскопок галльских городищ на юге Франции. Здесь при раскопках Антремона, Гланума, Сен-Блэза были обнаружены каменные столбы со скульптурными изображениями мертвых человеческих голов или с вырезанными овальными углублениями для хранения черепов. В Рокпертузе в этих углублениях были обнаружены подлинные черепа. Та же концепция, по-видимому, лежит и в основе кельтского варианта известных сцен борьбы зверей, встречаемых на погребальных памятниках разных народов древности. В то время как у народов Древнего Востока и в античном мире обычно изображалось хищное животное (лев или грифон), терзающее травоядное (олень, лань или быка), в кельтском искусстве жертвой обычно является человек, изображаемый в виде одной только головы под лапой или между лапами зверя-победителя. Свои положения П. Ламбрехтс подтверждает богатый иллюстративным материалом, мало знакомым советскому читателю и представляющим, несомненно, большой интерес.

Немалое внимание уделяется также исследователями, особенно французскими, изучению частных вопросов кельтской мифологии и культов, а также публикации отдельных вещественных памятников.

Н. Н. Погребова

³⁰ J. Filip. *Keltové ve Střední Evropě*. Praha, 1956.

³¹ A. Reinach. *Les têtes coupées et les trophées en Gaule*. *Revue celtique*, т. 34, 1913, стр. 385 сл.

³² W. Deonna. *Phalères celtiques et gallo-romaines avec décor de têtes humaines*. RA, 1950, №№ 1 и 2.

³³ F. Benoît. *L'Ogmios de Lucien, la «tête coupée» et le cycle mythologique irlandais et gaulois*. «Ogam», 1953, № 3.

R. C. Rudolph and Wen P. u. Han Tomb Art of West China. A Collection of First and Second Century Reliefs. Los-Angeles, University of California Press, 1951, VII, 67 стр. с 67 рис. в тексте + 3 карты + 100 табл.

В Сычуане находятся прославленные пещерные мавзолеи, стены которых сплошь покрыты каменной резьбой, варьирующей от горельефа до скульптуры. По своей выразительности и реализму они превосходят барельефы из пещерных мавзолеев Шаньдуна, опубликованные Е. Шаванном. В работе описываются барельефы из пещерных мавзолеев в долине р. Миньцзян (в районе провинциального центра Чэнду) у городов Цзядин и Синьцзинь (75 барельефов) и штампованные фигурные изображения на кирпиче и черепице из этих же пещер (25 экземпляров).

Пещеры в районе г. Цзядин, высеченные в песчанике, являются либо отдельными, либо соединенными между собой. Одиночные пещерные погребения включают в себя, помимо погребальной камеры, еще и вестибюль с одним-двумя входами. Барельефы находятся по стенам вестибюля и над входом. Это обстоятельство, а также сама тематика изображений — все говорит о специальном назначении этих вестибюлей, игравших роль семейных храмов при усыпальницах. Почитание детьми умерших родителей, легенды и предания с уклоном в сыновний пиетет, изображение различных гениев и богов — вот обычное содержание сцен на барельефах.

В углах входа в вестибюль и у входа в камеру имеются почти скульптурные мемориальные сцены. У входа высечены изображения людей и животных, как бы охраняющие мавзолей. Из вестибюля узкий коридор ведет в усыпальницу. Стены коридора также покрыты барельефами, исполненными еще более тщательно. Коридор заканчивается одной-двумя камерами. В большей из них находятся каменные сундуки — хранилища для погребального инвентаря. Сундуки вырублены в скале, и внешняя поверхность их также украшена барельефами.

Другая группа пещерных мавзолеев расположена у г. Синьцзинь. Несмотря на близость расстояния, разделяющего эти две группы мавзолеев, между ними можно заметить значительные различия. Во второй группе мавзолеев нет огромных вестибюлей, а коридоры очень коротки. Зато стены и потолки коридоров облицованы каменными плитами. Из таких же огромных плит красного песчаника сделаны сундуки. Только на этих сундуках здесь высечены барельефы, а стены коридоров и камер гладкие. Можно заметить некоторые особенности в выборе сюжетов и в технике исполнения барельефов этой группы погребений.

Изображения на кирпиче и черепице представляют собой сцены пира, танцев, охоты.

Барельефы и изображения на кирпиче и черепице дают богатый материал для изучения материальной культуры, повседневной жизни, погребального обряда и верований на далеком юго-западе Китая, где в эпоху создания этих мавзолеев (I—III вв. н. э.) местные традиции юго-западных племен скрещивались с мощным китайским влиянием.

М. В. Воробьев

D. L a n g. Studies in the Numismatic History of Georgia in Transcaucasia. New York, 1955. X + 138 стр. + XV табл. + 1 карта

Грузинская нумизматика уже более ста лет продолжает привлекать к себе внимание ученых разных стран и оставаться предметом их научных изысканий. В периодических изданиях и журналах различных научных учреждений за это время появилось множество отдельных статей и публикаций, посвященных той или иной монете, а иногда — отдельным монетным группам и сериям. Наряду с этими работами время от времени издавались и капитальные труды, охватывающие весь предмет целиком, и к их числу, несомненно, следует отнести рецензируемую книгу известного английского грузинолога Дэвида Ленга.

Начинается она с краткого предисловия, уведомляющего читателя о том, что непосредственным предметом изучения автора явилось собрание музея Американской нумизматической ассоциации. Эта коллекция не отличается большим количеством и разнообразием представленных в ней экземпляров. Между тем нумизматическое наследие Грузии, как это отмечает автор, отличается исключительным богатством и разнообразием и требует долгих лет работы и тщательного изучения. Материал, которым располагал автор, представлен неравномерно по периодам истории Грузии: некоторые разделы этой коллекции представлены более или менее обильно, другие, наоборот, отличаются скудостью, а иногда даже отсутствуют вовсе. Все это, к сожалению, ограничивало автора и часто лишало его возможности оперировать подлинниками, что не могло не отразиться на результатах работы. Например, в приложенных к книге 15 таблицах с прекрасно выполненными репродукциями 148 монет материал расположен не-

равномерно: почти половина его (64 монеты III—IX таблиц) принадлежат разделу, озаглавленному автором «Грузия под монголами», к которому не совсем правильно отнесен период времени с 1240 по 1360 г. Оставшиеся на других таблицах изображения, естественно, не в состоянии дать полного представления о нумизматической истории страны за время с VI в. до н. э. до 1240 г. и с 1360 по 1834 г.

В тексте книги эта неравномерность наличия материала мало заметна, потому что автор с имеющимся в его распоряжении материалом оперирует с исключительным мастерством и большим знанием дела: описания монет он снабдил историческим фоном, при исследовании того или иного термина ссылается на древние рукописи, в которых он прекрасно разбирается (см., например, стр. 34, 39), он анализирует значение некоторых слов, встречающихся в надписях на монетах (стр. 55), делает сравнения изображений на монетах (стр. 85) и т. п. Для заполнения пробелов коллекции Музея Американской нумизматической ассоциации он с немалым знанием предмета пользуется и специальной нумизматической литературой. Д. Ленг не оставил без внимания почти ни одной работы по грузинской нумизматике, вышедшей до 1953 г. как в западноевропейских странах, так и у нас, в Советском Союзе (будь она на русском или грузинском языке).

Учитывая, что происходившие в Грузии исторические события неизменно отражались на монете, являющейся чутким барометром экономических и политических явлений, автор предположил работе введение, содержащее краткий очерк истории грузинского народа, начиная с мифических времен и кончая нашими днями. Эта часть книги представлена схематично и с предельной лаконичностью; нельзя, однако, оставить без внимания того обстоятельства, что русско-грузинские отношения изложены автором с присущей буржуазной науке тенденциозностью.

Книга снабжена превосходным научным аппаратом: географическими картами, таблицей грузинского алфавита (шрифты мхедрули и асомтаврули) с обозначением числового значения букв, лаконичными, но достаточно полными сведениями о грузинском летоисчислении — корониконе (стр. 4), списком монетных дворов Грузии (стр. 125), библиографическим списком (стр. 126—131), индексом (стр. 132—136) и 15 таблицами с репродукциями 148 монет.

Всем этим дополнительным научным аппаратом автор пользуется для того, чтобы дать наиболее полную картину развития монетного дела в Грузии на протяжении всей ее многовековой истории, рассматриваемой им по следующим разделам.

- I. Классический период (VI в. до н. э.— II в. н. э.).
- II. Владычество Сасанидов и арабов (VI—X вв. н. э.).
- III. Золотой век Багратидов (XI—XII вв.).
- IV. Грузия под монголами (XIII—XIV вв.).
- V. Грузия и Трапезундская империя (XIII—XIV вв.).
- VI. Послетимуридский период (XV—XVI вв.).
- VII. Грузия и Сефевиды (XVII—XVIII вв.).
- VIII. Монеты Мухранского царского дома (XVIII в.).
- IX. Грузия под турецкой оккупацией (первая половина XVIII в.).
- X. Надир-шах в Грузии (вторая четверть XVIII в.).
- XI. Последние Багратиды (вторая половина XVIII в.).
- XII. Русско-грузинская серия (первая треть XIX в.).

Распределение монетных групп по таким разделам нельзя признать удачным. Материал распределен явно неравномерно. Огромному промежутку времени, охватывающему два тысячелетия — с VI в. до н. э. по XV в. н. э. — уделено всего лишь пять разделов, тогда как последним пяти столетиям автор уделяет целых семь разделов. То же несоответствие замечается и по отдельным разделам; например, IV раздел сравнительно с другими непомерно велик, ему уделено 47 страниц, т. е. почти 40% всего изложения, тогда как III разделу, который охватывает время, более богатое нумизматическими памятниками, посвящено всего лишь 16 страниц. Но это, по-видимому, так же объясняется зависимостью автора от материала, находящегося в его распоряжении.

Нельзя признать удачными и наименования разделов, не выдержанные на основе какого-нибудь единого принципа, в результате чего разделы VIII и XII выпадают из общего строя.

Для устранения этих несоответствий и с целью заполнения лакун, имеющих в коллекции Музея, автор очень часто ссылается на экземпляры монет, известные ему по другим коллекциям или упомянутые в специальной литературе. К сожалению, все эти дополнения использованы автором неравномерно. В большей степени они использованы, например, в отношении монет классического периода (привлечены даже уникальные колхидские монеты, хранящиеся в Государственном музее Грузии и Кутаискском музее).

Утверждение автора о том, что применяемая в настоящее время так называемая европейская дата впервые появляется на грузинской монете лишь во второй половине XVIII в. (стр. 4), вызвано также ограниченностью фактического материала. Оно опровергается наличием монет Вахтанга VI, на которых прямо проставлен год 1708 или 1709. В рецензируемой книге нет не только описания и изображения монеты этого

типа, но даже упоминания о ней. Автору, по-видимому, неизвестна работа Е. А. Пахомова «Вес и достоинство медной монеты Тифлиса XVII—XVIII вв.» (Баку, 1928), где эти монеты опубликованы.

К категории тех же частных погрешностей следует отнести и недостаточно точную карту Закавказья: наряду с поздними названиями городов и основных грузинских областей (как, например, Kartli, Kakheti, Imereti) указаны города и области с древними названиями (Dioscurias, Phasis, Colchis), и только в скобках, более мелким шрифтом, даны их поздние названия (Sukhum, Poti, Mingrelia); р. Алазани имеет надпись *Agavi*.

Книга Д. Ленга отличается целым рядом несомненных достоинств. В первую очередь отметим, что автор решительно отмежевался от устаревших взглядов дореволюционных исследователей, полагавших, что Грузия постоянно являлась «сферой влияния» политики различных агрессоров и завоевателей. Он предпочел изучить нумизматические памятники Грузии главным образом в связи с экономическим и политическим развитием страны, а не только в связи с ее внешней политикой и династической историей.

О так называемых грузино-сасанидских драмах Д. Ленг говорит, что конфликт между Сасанидами и грузинами, отразившийся на монетах, свидетельствует о решительно возраставшей тенденции грузин к независимости. Автор показывает, что сасанидская драма начиная с Гварама постепенно эволюционирует и при Стефаносах превращается в грузинскую национальную монету (стр. 12).

Отмечая, например, что грузинские монеты XII в. помечались именами и мусульманских владык, он говорит, что «теперь мы понимаем, что это было жестом примирения» грузинского правительства с мусульманским населением страны, но отнюдь не признаком какой-либо зависимости Грузии от ее соседей (стр. 17).

Так же автор склонен рассматривать и грузинские монеты второй половины XVIII в.: он считает, что помещенная на них нейтральная религиозная формула, одинаково приемлемая и для грузин-христиан и персов-мусульман, равно как и изречение «Иа Керим» («О, Милосердный!»), совсем не означала зависимости грузин от Керим-хана. Это изречение было на грузинских монетах и до появления Керим-хана, продолжало проставляться и после его смерти и не имеет отношения к его имени (стр. 110). К сожалению, наличие такой же нейтральной религиозной формулы на многих тбилисских монетах XIII в. автор оставляет без внимания. Рецензируемая книга ценна и тем, что вводит в научный обиход монеты, которые до сих пор были совершенно неизвестны. До этой книги были известны монеты одного из последних тбилисских эмиров Али бен-Джафара, помеченные 386 и 418 г. хиджры (996/7 и 1027/8 г.). На первом из них, кроме имени эмира, упомянуто и имя халифа Ат-Таи, на втором — Ал-Кадер. Автор книги дает описание (стр. 15) и изображение (табл. I, 10) нового типа монеты этого же эмира с упоминанием имени халифа Ал-Кадера, но с другой датой, от которой сохранилась только последняя цифра (4) года хиджры. Автор полагает, что эта монета могла быть выпущена только в 394, 404 или 414 г. хиджры (1003/4, 1013/4 или 1023/4 г.). Чрезвычайно интересна и монета, чеканенная по типу арабского диргема, но с искаженной арабской надписью и пометкой тбилисского монетного двора, с полным основанием относимая автором ко времени Баграта III. Аналогичные диргемы были известны давно, их грузинское происхождение сомнений не вызывало, но пометки тбилисского монетного двора не имелось ни на одной. Крайне ценно, что эти монеты не пропали для науки.

Книга Дэвида Ленга знакомит читателя с богатым и разнообразным нумизматическим наследием Грузии и несомненно привлечет внимание специалистов.

Д. Г. Капанадзе

Studii și cercetări de numismatică. Vol. I. (Red. akad. C. Moisil), editura Academiei Republicii Populare Române, București, 1957. 498 стр. с табл., тираж 2700

Румынская наука обладает солидными традициями в области нумизматики, и это заставляет относиться с полным вниманием к инициативе Академии наук Румынской Народной Республики, открывающей рецензируемым томом серию изданий, посвященных истории монетного дела и смежным с нею дисциплинам. В рецензируемом сборнике объединено, не считая хроникальных и библиографических заметок, более 40 статей, которые принадлежат 30 авторам. Среди последних находим и известных в своей области специалистов, и молодых ученых. По характеру материалов том распадается на разделы «Статьи и исследования»¹ и «Дискуссионные заметки и сообщения»; особо

¹ Все статьи, находящиеся в этом разделе, снабжены резюме на французском и русском языках; последние, впрочем, не всегда изложены достаточно ясно и избыточно опечатками.

выделены информационные заметки о монетных находках, сжатые отзывы о книгах (так, на стр. 478—479 помещена рецензия Б. Митря на ТОНГЭ, т. I, 1945) и еще более краткая хроника. По содержанию большинство вошедших в том работ представляет собой публикации монетных кладов и отдельных находок (25 статей и заметок), но имеются в нем и обобщающие труды по античной и средневековой нумизматике Румынии, а также ценные исследования по метрологии, сфрагистике, геральдике и медальерному делу и даже небольшая статья Од. Апостол об упоминаниях монет в румынском фольклоре (стр. 455—457). Перед нами, таким образом, итоги труда значительного коллектива археологов, посвященного широкому кругу древних и средневековых памятников.

Из вошедших в том статей по античной нумизматике привлекает внимание прежде всего работа В. Канараке об автономных монетах Дионисополя и их относительной хронологии (стр. 61—78). Автор тщательно собрал более 60 монет указанного города, большинство которых было прежде неизвестно², и распределил их между 12 последовательными группами (от конца IV в. до н. э. до второй половины II в. н. э.). Особенно интересны и важны в историческом отношении монеты VII—VIII групп (в русском резюме ошибочно говорится о VI—VII группах), которые удачно сопоставлены с бурными событиями второй четверти и середины I в. до н. э. Заслуживает, в частности, полного признания отнесение монет №№ 43—45 к Акориону, известному по декрету из Балчика³ в качестве посла от Бурбисты к Помпею.

Серьезным вкладом в науку является и публикация Б. Митря и К. Секшану замечательного клада имитаций фасосских тетрадрахм и кельтских монет из Тэмэдэу Маре (стр. 19—49). Небольшой клад (17 подражаний и три кельтские монеты), обнаруженный в развалинах гетского поселения недалеко от Бухареста в 1950 г., является первой точно документированной находкой кельтских монет в Валахской низменности и подтверждает имевшиеся прежде случайные известия о таких находках в Валахии, которые рассматривались ранее как не заслуживающие доверия⁴. Б. Митря объясняет находки этих монет на указанной территории тем, что они были завезены в Подунавье войсками Бурбисты.

Несомненный интерес представляет и издание Н. Лупу коллекции дакийских монет из музея в Брукентале (Трансильвания), из которых 8 принадлежат к числу подражаний тетрадрахам Филиппа II Македонского⁵, 4 — к так называемому хунедоарскому типу, недавно изученному в статье О. Флока⁶, 12 — к группе подражаний изображению Артемиды на тетрадрахмах с надписью ΜΑΚΕΔΟΝΩΝ ΠΡΩΤΗΣ (стр. 41—59)⁷. Автор пытается связать брукентальские монеты первой и последней групп с находками в Сибишел-Куджире и в Петелях.

Ценные сведения о находках римских монет содержатся в целом ряде статей. И. Винклер издает 125 республиканских денариев III—I вв. до н. э., которые были найдены в Салу Ноу, на западе Трансильвании, совместно с четырьмя подражаниями денариям и одной имитацией фасосской тетрадрахмы (стр. 79—112). К. Преда публикует клад денариев (134 экз., от Нерона до Антонина Пия) из Дымбеу, также в Трансильвании (стр. 113—131). Два клада римских монет из Гура-Яломице в Валахии изданы И. Митителу (стр. 133—147); в одном найдено 180 денариев от Вителлия до Коммода, в другом — 46 силликов Валентиниана I и Валента. Д. Протасе приводит сведения об остатках клада из Ниреша в Трансильвании, разошедшегося, к сожалению, по рукам, так что в поле зрения автора попало лишь 29 денариев от Нерона до Констанция II и одна медная монета последнего (стр. 149—171). К этим статьям примыкает заметка А. Бэркэчилэ об известном в литературе кладе из Сисешть (стр. 413—416) и ряд мелких сообщений (стр. 420, 461 сл.). В этих публикациях представляет интерес стремление авторов связать зарытые клады с определенными событиями социальной истории провинции Дакия. Так, К. Преда вполне обоснованно полагает, что клад из Дымбеу зарыт в связи с восстанием даков в 143 г., известным по литературным и эпиграфическим памятникам⁸; второй из опубликованных И. Митителу кладов также увязывается автором с восстанием готов и эксплуатируемых низов придунайских провинций в 378 г.

² Ср. В. Pick. Die anticken Münzen Nordgriechenlands, т. I, ч. I, Berlin, 1898, стр. 125—131; Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, стр. 205.

³ См. Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова. ВДИ, 1939, № 3, стр. 251—253, № 18.

⁴ К. Paulsen. Die Münzprägung der Boier. Leipzig, 1933, стр. 110 сл.; В. Mitrea. Penetrare commerciale nella Dacia. Ephemeris Dacoromana, т. X, 1945, стр. 61 сл.

⁵ К. Pink. Die Prägung der Ostkelten. Dissertationes Pannonicae, ser. 2, вып. 15, 1939, стр. 72. На стр. 411—412 рецензируемого тома Н. Лупу издает другой вариант подобных монет.

⁶ О. Floca. Monnaies daciques du type de Hunedoara. Dacia, т. XI—XII, 1945—1947, стр. 71 сл.

⁷ К. Pink. Ук. соч., стр. 74.

⁸ А. Д. Дмитриев. Падение Дакии. ВДИ, 1949, № 1, стр. 80; И. Т. Кругликова. Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955, стр. 136.

Из других материалов, относящихся к античной эпохе, следует особенно выделить статью акад. К. Моисила (стр. 247—294). Автор дает фундаментальную публикацию древних гирь из Истрии, Каллатиса и Томи; в статье содержатся краткие, но содержательные замечания о весовых системах этих городов. Эта работа дополняется заметкой К. Преда (стр. 297—306), который издает еще три гири, найденные во время раскопок последних лет. По полноте и тщательности описания, четкой систематизации памятников труд К. Моисила является образцовой сводкой и делает возможным изучение многих черт хозяйственной и общественной жизни древнегреческих городов Добруджи. Всего издано в настоящее время три гири из Истрии (характерно, что две из них имеют изображение орла и дельфина, известное на монетах Истрии и на знаменитом декрете из Кара-Хырман)⁹, 33 гири из Каллатиса и 45 из Томи (из них 29 относятся к римскому времени). В связи с этим можно выразить пожелание, чтобы советские археологи подготовили подобную сводную работу о гирях городов Северного Причерноморья, отсутствие которой ощутительно сказывается в настоящее время¹⁰.

Переходя к краткой характеристике материалов по средневековой нумизматике, необходимо упомянуть статью И. Димиана о находках византийских монет на территории Румынии (стр. 189—261); вместе с заметками И. Бэнчилэ (стр. 417—418 и 425—438) она значительно дополняет соответствующие разделы известной сводки Моссера¹¹. Наблюдения автора не расходятся с заключениями румынских и венгерских нумизматов, показавших, что от начала VII в. до второй половины X в. в придунайских землях почти исчезла из обращения византийская монета¹². Однако он связывает это не только с внешнеполитическими событиями, но и с особенностями внутреннего развития Византийской империи; в советской научной литературе, впрочем, на это было обращено внимание еще несколько лет тому назад¹³.

Ряд помещенных в рецензируемом томе статей и заметок посвящен средневековым монетам Валахии и Молдовы. Сюда относится прежде всего работа О. Илиеску (стр. 217—240). Автор уточняет время чекана некоторых типов монет и исправляет ошибочное отнесение одного из них к Мирче Старому (1386—1418 гг.) вместо Михая I (1418—1420 гг.). А. Бэркэзилэ издает монеты, найденные при раскопках в Турну Северине (стр. 173—188). И. Митителу и О. Илиеску публикуют (стр. 439—440) новые варианты монет Влайку-Вода (1364—1377 гг.) и Раду I (1377—1384 гг.). О. Лукиан рассматривает любопытную монету Иона-Вода Грозного (1572—1574 гг., стр. 141—146). М. Халеви и К. Секэшану посвящают заметку известным золотым медальонам Константина Брынковяну (1688—1714 гг.; стр. 389—402). К этим работам примыкают сообщения И. Штефэнеску и П. Нэстурел; первый прослеживает происхождение изображения дерева в гербе Валахии и связывает его с древними верованиями балканских племен (стр. 373—378), второй разъясняет значение сочетания «Io» в сфрагистике и дипломатике XVII в., когда оно применяется в титулатуре князей вместо «ei» (т. е. в значении личного местоимения 1-го лица ед. ч.). Наконец, большой клад (4700 экз.) средневековых венгерских денариев (1516—1569 гг.), найденный в Сату-Маре, в Трансильвании, изучен в статье С. Золтан (стр. 241—246); на основании этих монет автор освещает работу монетного двора в Кремнице. К значительно более позднему периоду относятся две статьи Э. Выртозу (стр. 307—355 и 357—366) и небольшая заметка К. Моисила (стр. 405—406), посвященные румынской сфрагистике XIX в., а также сообщения К. Попеску об одной юбилейной медали начала XX в. (стр. 451—452).

Из приведенного обзора видно, что авторы помещенных в рецензируемом томе материалов впервые вводят в научный оборот или разъясняют значительное количество древних и средневековых памятников. Хотя публикации явно преобладают над обобщающими исследованиями, но в целом сборник оставляет отрадное впечатление и свидетельствует о своевременности такого издания. Авторы и редакция подошли к своим задачам серьезно и вдумчиво; изданные и изученные ими нумизматические памятники представляют несомненный научный интерес. Оформлен том хорошо; фотопродукции в большинстве случаев вполне удовлетворительны. Остается лишь пожелать, чтобы серия «Studii și cercetări de numismatică» заняла достойное место среди научных публикаций Академии наук Румынской Народной Республики.

П. О. Карышковский

⁹ G. Točilescu, Inschriften aus der Dobrudscha. AEMO, т. VI, 1882, стр. 36—38, № 78, табл. III; ср. SIG³, 708.

¹⁰ А. Л. Бертье-Делагард. Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Бориофене. НС, т. 1, 1911, стр. 78 сл.

¹¹ S. M. A. Mosser. A Bibliography of Byzantine Coin Hoards. New York, 1955.

¹² C. Moisil. Sur les monnaies byzantines trouvées en Roumanie. Bul. Sect. hist. de l'Acad. Roum., т. XI, 1924, стр. 210 сл.; T. Minea. Influența bisantină în regiunea Carpato-Dunăreană. Bul. Soc. num. Rom., т. XXVII—XXVIII, 1954, стр. 109 сл.; E. Condurachi. Tezaurile monetare din regiunea Carpato-Dunăreană. București, 1942, стр. 19 сл.; D. Csálányi. L'importance de la circulation monétaire byzantine pour le legs archéologique des Avars. Acta Archaeol. Acad. Hung., т. II, 1952, стр. 248 сл.

¹³ См. А. П. Каждан. Византийские города в VII—XI вв. СА, XXI, 1954, стр. 166—173.

М. Ильин. Рязань. Историко-архитектурный очерк, ч. I. XI — начало XX в. Изд-во Академии наук СССР. М., 1954. 178 стр. + 129 рис. Тираж 5 000. Цена 14 р. 65 к.

Монография М. А. Ильина «Рязань» относится к числу работ, кладущих начало более или менее развернутым очеркам по архитектурной истории русских городов. Выбор темы очень удачен. Рязань (бывш. Переяславль Рязанский) — ближайший к Москве крупный старый русский город, исторические судьбы которого были тесно переплетены с процессом формирования централизованного великорусского государства. Между тем архитектура Рязани хотя спорадически и привлекала внимание исследователей, но до работ М. А. Ильина не была предметом систематического изучения.

Первая работа М. А. Ильина о Рязани вышла еще в 1945 г.¹ В 1951 г. появилась статья того же автора, посвященная изучению раннего этапа каменного зодчества Рязани².

Таким образом, разбираемая здесь книга как бы суммирует труд автора над архитектурной летописью города, точнее — над первой ее частью (до начала XX в.), поскольку в обещанной второй части предполагается довести ее до наших дней.

Историко-архитектурному очерку современной Рязани (бывш. Переяславлю Рязанскому) предпослана своего рода предыстория города в виде особой главы (автор А. Л. Монгайт) о древней домонгольской Рязани, которая находилась ниже по течению р. Оки. (Старой Рязани А. Л. Монгайт посвятил недавно вышедшую в свет монографию³, уже отмеченную в печати; поэтому здесь не дается разбора вводной главы).

Последующие очерки М. А. Ильина построены по хронологическому принципу, с выделением описания наиболее интересных и важных памятников «новой» Рязани в самостоятельные главы. В очерк введены с почти исчерпывающей полнотой все известные в натуре и по письменным источникам памятники рязанской архитектуры⁴. В главах, посвященных раннему (XIV—XVI вв.) периоду рязанского зодчества, особенно интересна публикация фрагментов старого Успенского (позднее — Рождественского) собора князя Олега (конец XIV в.). Древнерусские памятники этого времени единичны, поэтому фрагменты Успенского собора важны не только для истории рязанского зодчества.

Ценны также публикации старого Архангельского собора (ранее ошибочно относимого к XVII в.) и особенно шатровой церкви Николая «Долгошея», разобранных еще в XIX в. и известной лишь по краткому описанию П. А. Раппопорта.

В разделе, посвященном рязанской архитектуре XVII в., М. А. Ильину удалось дать очень правдивую характеристику «рязанского варианта» посадского зодчества и раскрыть высокие качества кремлевского ансамбля. Уделено внимание и рядовому жилищному строительству XVII в., насколько это позволяли археологические материалы.

Большим подспорьем для воссоздания облика Переяславля Рязанского XVII в. явилась хранящаяся в Рязанском музее работа Д. Д. Солодовникова по социальной топографии города. Это многолетний труд покойного историографа Рязани, достойный, конечно, большего, нежели только упоминания в примечании. Совершенно необходимо было опубликовать если не весь план Переяславля XVII в., воссозданный Д. Д. Солодовниковым, то хотя бы его главную часть, так как подобные работы почти неизвестны и очень важны для науки. Кроме того, это было необходимо и для последующего анализа плана Рязани XVIII в.

С большим интересом читаются главы, посвященные характеристике творчества известного зодчего конца XVII в. Я. Г. Бухвостова. Впервые предстает перед читателем как живое лицо этот выдающийся мастер из крестьян Дмитровского уезда, проделавший за десятилетие блестящий творческий путь и создавший грандиозный Успенский собор.

Содержательны главы, в которых рассматриваются вопросы градостроительства Рязани: перестройка города по новому регулярному плану в 1780 г. и расширение этой планировки в начале XX в.

Положительной стороной монографии является большое (129) количество иллюстраций⁵.

Менее всего в монографии М. А. Ильина разработаны главы, посвященные архитектурной истории Рязани XIV—XVI вв. Конечно, здесь было и больше трудностей: памятники этого времени почти не сохранились, а если и сохранились, то в неузнаваемом виде. Именно это и обязывало автора собрать как можно больше археологических и архивных (графических и письменных) материалов о ранней истории Переяславля Рязанского. Приводит старое мнение М. П. Погодина о том, что город до XIII в. назы-

¹ М. А. Ильин. Рязань. М., 1945.

² Е го же. К изучению древнейших памятников каменного зодчества Переяславля Рязанского. КСИИМК, вып. XL, 1951, стр. 74—84.

³ А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955.

⁴ Для более полной характеристики рязанской архитектуры XVI в. следовало бы привлечь некоторые памятники Солотчинского монастыря, а для XVII — начала XVIII в. — уникальные памятники в сс. Медведево и Нагино.

⁵ Учитывая это количество, можно было заменить некоторые второстепенные фотографии такими необходимыми публикациями, как план старого Успенского собора, план церкви Николая «Долгошея», рисунок Н. Шумова старой колокольни Борисоглебской церкви, конструкция сводов Успенского собора Я. Бухвостова и т. д.

вался не «Переяславль», а «Борисов-Глебов», конечно, не стоило. В «Списке русских городов дальних и ближних» (конец XIV в.) среди рязанских городов названы и Переяславль и Глебов⁶.

Следует пожалеть, что М. А. Ильин недооценил предание о древнем Борисоглебском соборе Переяславля Рязанского. Вероятно, это вызвано тем, что автор связывает предание о Борисоглебском соборе с рязанским епископом Василием I (умершим в 1295 г.), когда речь могла идти только о Борисоглебском соборе Старой Рязани. Между тем еще Д. И. Иловайский, а за ним и другие высказались за то, что под епископом Василием, упоминаемым в «Повести об обновлении града Мурома» (XVI в.), следует подразумевать не Василия I, а Василия II, поставленного на рязанскую кафедру в 1355 г. Одна из редакций «Повести» (начала XVII в.), до сих пор не изданная, прямо говорит о построении епископом Василием (с помощью князя) каменного Борисоглебского собора в Переяславле Рязанском. Скорее всего, именно в этом епископском, а не в княжеском Успенском соборе и служил в 1389 г. молебен митрополит Пимен на пути своем в Царьград. Таким образом, вопрос о начале каменного зодчества Переяславля Рязанского приобретает новый интересный аспект, заостряя внимание археологов на необходимости соответствующих разведочных работ.

В отношении старого Успенского собора князя Олега исторический материал использован автором несравненно полнее, однако, посвятив (в 1951 г.) специальную работу обследованию фрагментов этого собора, М. А. Ильин не дал в рецензируемой итоговой работе какой-либо их интерпретации. В книге не помещен схематический план собора, опубликованный в статье 1951 г. Между тем фрагменты собора Олега в соединении с данными описей XVII в. вызывают чрезвычайно интересные вопросы. Если признать вместе с автором, что белокаменные апсиды существующего памятника сохранились от собора конца XIV в., то последний следует считать, по-видимому, не четырехстолпным, а шестистолпным, принимая за третью пару столбов пилоны, отделяющие храм от западного притвора. В противном случае необычная вытянутость старых апсид на восток необъяснима, и их следует признать переложенными. Городские соборы с западным притвором для XIV в. редки, поэтому особенно интересно, что ближайший пример дает Успенский собор Дмитрия Донского в Коломне (1379—1381), реконструированный Н. Н. Ворониным⁷. Установление хотя бы типологического соотношения между рязанским и коломенским соборами позволило бы М. А. Ильину поставить очень важные и интересные вопросы об истоках монументального зодчества Переяславля Рязанского, о его связях с раннемосковским зодчеством и с традициями архитектуры Старой Рязани.

Сохранившиеся части Архангельского собора тоже дают материал для гораздо более полной характеристики как самого собора, так и рязанского зодчества этой поры. Западные столбы собора не совпадают с фасадными лопатками, все четырехстолпие сдвинуто к востоку, восточные членения фасадов немного уже западных; старая угловая закомара лежит очень низко. При некоторых дополнительных археологических работах и расчетах можно было попытаться представить себе первоначальный верх собора, который, вероятно, не мог быть с одним рядом закомар.

Вместе с тем собор и до перестройки его в XVII в. должен был иметь крестовые же своды, повторяя такие сооружения, как собор Борисоглебского монастыря под Ростовом (1522—1524), аналогичный ему Троицкий собор Данилова монастыря в Переяславле Залеском (1530—1532) и некоторые современные им памятники Кирилло-Белозерского монастыря. Таким образом, Архангельский собор тесно входит в круг среднерусских памятников 20—30-х годов XVI в., и запись 1532 г. о даче собору епископом Ионой колокола не отстоит далеко от времени сооружения собора. Иона же рисуется и как наиболее вероятный заказчик храма. Что касается вопроса о несколько необычной для системы крестовых сводов композиции плана Архангельского собора, то в связи с этим следовало бы вновь пересмотреть вопрос о возможной зависимости сооружения 20—30-х годов XVI в. от более раннего памятника, на существование которого не только в XV в., но уже в XIV в. указывают местные легенды.

Характеристика, данная автором интересной церкви Николая «Долгошея», слишком описательна. М. А. Ильин отмечает ряд оригинальных особенностей памятника на основании только двух старых (XIX в.) фотографий, в то время как во многом близкая Никольской церкви шатровая Алексеевская церковь Солотчинского монастыря, хорошо изданная П. А. Раппопортом⁸, и некоторые современные вне поля зрения автора. Алексеевская церковь помогает уяснить, что в основании шатра Никольской церкви был не куб со стесанными углами, а неправильный (подквадратный) двенадцатигранник (!)⁹ — явление, на первый взгляд, исключительное, но вполне понятное, если подобного рода памятники счи-

⁶ М. Н. Тихомиров. Список русских городов дальних и ближних. Исторические записки, № 40, 1952, стр. 225.

⁷ Н. Н. Воронин. К характеристике архитектурных памятников Коломны времени Дмитрия Донского. МИА, № 12, 1949, стр. 234—237.

⁸ П. А. Раппопорт. Русское шатровое зодчество конца XVI в. Приложение 3. Шатровые церкви Солотчинского монастыря. МИА, № 12, 1949, стр. 297—301.

⁹ Это подтверждает и план церкви Николая «Долгошея», снятый в XIX в. Подробнее см. Г. К. Вагнер. К характеристике рязанских памятников шатрового зодчества XVI в. КСИИМК, вып. 71, 1958.

тать переходными от восьмигранных к квадратным в основании. Было бы очень уместно подробнее сопоставить церковь Николая «Долгошея» и Алексеевскую церковь с церковью Брусенского монастыря в Коломне и церковью с. Пруссы близ Коломны. Почти все перечисленные сооружения были памятниками казанского похода Ивана Грозного (1552). С Иваном Грозным издавна связывается и церковь Николая «Долгошея», что вполне правдоподобно, так как часть московского войска во главе с Курбским шла к Казани через Рязань и Мещеру. Следовательно, речь идет о каком-то большом и едином круге работ, отличающихся, в частности, поисками новых архитектурных решений подшатровых объемов. Это важно для характеристики не только рязанского зодчества XVI в., но и русского зодчества XVI в. вообще, так как проблема происхождения каменных шатровых храмов имеет много лакун.

Подробное рассмотрение последних разделов книги (вообще несравненно более удачных) должно составить отдельную рецензию скорее искусствоведческого профиля. Отмечу только два-три момента. В главе об Успенском соборе Я. Бухвостова совершенно неправильно интерпретирована предшествующая этому собору не менее грандиозная постройка зодчего Федора Шаритина, обрушившаяся в 1692 г. Это был колоссальный (22 × 25 сажен!) собор, не с одним, а с тремя притворами. Он дает материал для суждения о некоторых неясных вопросах происхождения центрических памятников конца XVII в. Интересное творческое лицо Ф. Шаритина заслуживает пристального внимания. Нельзя приписывать Я. Бухвостову Владимирскую церковь (1693—1695), построенную, несомненно, под влиянием приезжавшего в Рязань в 1692 г. Осипа Старцева. В начале XIX в. в Рязани работал не Лундзи Руска, а Иван Францевич Русско — строитель Никольского собора в Николо-Радовицком монастыре. В постройке соборной колокольни действительно принимал участие Воронихин, но не знаменитый Андрей Никифорович Воронихин, а Николай Ильич Воронихин — рязанский губернский архитектор. Вопрос об архитекторах, создавших лицо классической Рязани, в частности вопрос о работе в Рязани М. Казакова или его ученика, мог бы выделиться в самостоятельную интересную главу, материал для которой имеется в достаточном количестве.

Автор много сделал для систематизации разбросанного по различным местным изданиям исторического материала о рязанской архитектуре, мимо чего теперь не пройдет ни один исследователь архитектуры Рязани. Однако многие важные историко-архитектурные вопросы монографии нуждаются в уточнении и углублении. В связи с этим становится совершенно очевидной безотлагательность серьезных археологических работ по исследованию остатков древнейших памятников монументального зодчества Рязани.

Г. К. Вагнер

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ И КРАЕВЕДУ

Г. Ф. СОЛОВЬЕВА, А. С. ХАНУКОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ

18 апреля 1919 г. Совет Народных Комиссаров утвердил декрет «О Российской Академии истории материальной культуры», на которую было возложено «археологическое и художественно-историческое научное исследование вещественных, как монументальных, так и бытовых, памятников, предметов искусства и старины и всех вообще материальных культурных ценностей, а также научная охрана всех таких ценностей».

В последующие годы, руководствуясь ленинской оценкой культурного наследия прошлого, Советское правительство приняло ряд постановлений об охране памятников культуры, и в частности памятников археологии, о запрещении самовольных раскопок и о найденныхкладах.

Однако, несмотря на эти решения, в деле охраны археологических памятников имелись серьезные недостатки. Не было должного учета памятников, отсутствовал контроль за их состоянием, что нередко приводило к разрушению и безвозвратной их утрате.

Совет Министров СССР в октябре 1948 г. принял постановление «О мерах улучшения охраны памятников культуры», согласно которому все памятники, имеющие историческое, художественное или научное значение, были объявлены всенародным достоянием и взяты под охрану государства. Этим же постановлением охрана памятников, а также надзор за их содержанием были возложены на местные советские органы, а руководство и контроль за постановкой дела учета, охраны, реставрации и использования памятников — на министерства культуры.

Несмотря на удаленность археологических памятников от населенных пунктов, наличие громадного количества еще не изученных памятников, отсутствие во многих областях специалистов-археологов, все же была проделана огромная работа. Достаточно сказать, что в настоящее время только по Российской Федерации взято на учет более 25 тысяч памятников археологии, а наиболее важные из них включены в государственные списки памятников, подлежащих охране.

В то же время следует признать, что в отдельных случаях к этому серьезному делу подошли формально. В некоторых областях учет археологических памятников (паспортизация) проводился только по отчетным архивным данным, по ранее изданной литературе, без проверки состояния памятников на месте. В результате брались на учет уже не существовавшие к тому времени памятники. Кроме того, во многих областях работу по учету их проводили неспециалисты, что мешало составить правильное представление о памятниках и решить вопрос о целесообразности их охраны.

На территории Российской Федерации ежегодно производят исследования более ста различных археологических экспедиций. Сотрудники этих экспедиций должны принимать решительные меры по сохранению тех памятников, исследования которых они производят, или которые выявились во время разведок. В свою очередь органам культуры на местах необходимо больше интересоваться археологическими исследованиями на территории своего края, устанавливать связь с экспедициями, выяснить, какие же памятники подлежат охране и т. д.

К сожалению, такая тесная и постоянная связь между экспедициями и органами культуры на местах в большинстве случаев отсутствует. Это является серьезной помехой в общем деле охраны памятников археологии. Так, если в Пермской области сотрудниками экспедиции выявлено и взято на учет более пятисот археологических памятников, то в Читинской области — всего лишь три. Причем даже такой широко известный памятник эпохи Чингизидов, как Кондуйский городок, не был учтен. Активное участие в паспортизации археологических памятников в Краснодарском крае приняла экспедиция Н. В. Анфимова. Большинство памятников этого края взято на учет. А в соседнем Ставропольском крае не выявлено почти ни одного памятника; хотя исследования здесь проводит ряд археологов, но последние не связаны с органами культуры. Ставропольское краевое Управление культуры также не проявляет инициативы в этом отношении. Такие примеры можно привести и по некоторым другим областям.

Необходимо установить такой порядок, при котором начальники экспедиций при составлении краткого отчета для Комитета полевых исследований указывали бы также, какие памятники они считают целесообразным взять на государственную охрану. Один

экземпляр такого отчета должен посылаться в Министерство культуры для осуществления контроля за сохранностью этих памятников, а также для ознакомления соответствующих местных органов культуры. Это позволило бы также установить учет археологических памятников, как ранее выявленных экспедициями, так и тех, исследование которых происходит в настоящее время или будут проведены в ближайшем будущем.

Согласно инструкции к «Открытому листу», «по окончании полевых работ все сделанные на памятнике зачистки и раскопки засыпаются или же применяются иные меры к их охране». Вплоть до настоящего времени в подавляющем большинстве случаев археологами применяется первый из рекомендованных инструкцией методов охраны памятников, а именно засыпка. Реставрационные и консервационные работы по памятникам археологии почти нигде не проводятся, и во многих областях средства, выделяемые для этих целей, остаются неиспользованными. А ведь многие из исследуемых памятников могли бы быть замечательными музеями. Думается, что Институту истории материальной культуры АН СССР и Министерству культуры — двум организациям, наиболее заинтересованным в сохранности памятников, и не только в сохранности, но и в популяризации их среди населения, необходимо в ближайшее время рассмотреть вопрос о переходе от сохранения памятников путем засыпки к консервационным работам по ним (речь идет, конечно, не о всех, а о наиболее выдающихся памятниках археологии), тем более, что опыт такой работы имеется.

Как известно, Нижне-Донская экспедиция ИИМК АН СССР (рук. Д. Б. Шелов) возобновила раскопки на территории древнего Танаиса, входившего в состав Боспорского государства.

В конце раскопочного сезона здесь проводятся консервационные работы по сохранению оборонительных и жилых комплексов города.

* * *

Второй вопрос, на котором следует также остановиться,— это вопрос о состоянии памятников археологии.

В результате разлива рек, размыва почвы, обвалов, строительных работ и т. д. гибнут многие памятники археологии, как уже в какой-то степени известные, частично раскопанные, так и те, исследования которых совсем не проводились. Разливом реки совсем недавно были размыты остатки Анадырского острога, памятника XVI в. (Магаданская область); размывается городище Искер близ Тобольска и ряд других. Значительное количество памятников погибло при проведении Абакано-Сталинской железной дороги (Красноярский край), за строительством которой местный музей не успел организовать наблюдение. Испорчена сооружением силосных ям широко известная в науке палеолитическая стоянка у дер. Елисеевичи Брянской области.

В том случае, когда о предстоящих строительных работах известно заранее, удается если и не сохранить памятники, то исследовать их. Так, были произведены раскопки в зонах затопления ряда ГЭС (Куйбышевской, Сталинградской, Ангарской и др.). В свое время благодаря вмешательству Академии наук СССР и Министерства культуры РСФСР было запрещено сооружение больницы на территории известного Старичего городища в Калининской области. Объявлена заповедником вся южная часть Андреевского озера (Тюменская область). На территории расположенных здесь археологических памятников предполагается организовать филиал краеведческого музея. Прекращено хищническое разрушение Золотаревского городища в Пензенской области и т. д.

За последние годы значительно повысился интерес населения к памятникам археологии, к своему прошлому. Прокопьевский горисполком Кемеровской области, например, вынес решение о ежегодном выделении из бюджета города 15 тысяч рублей на проведение археологических раскопок с тем, чтобы впоследствии на базе собранного материала организовать в городе музей. В результате сбора подъемного материала созданы небольшие школьные музеи в станицах Синявской, Елизаветинской и Аксайской Ростовской области.

Значительную помощь в деле сохранения памятников оказали бы книги о них. К сожалению, имеющаяся литература рассчитана главным образом на специалистов-археологов. А такие издания, как «Основы археологии» А. В. Арциховского¹, «Археология в СССР» А. Л. Монгайт², зачастую невозможно приобрести на периферии. Прекратилось также издание серии книг «По следам древних культур». Правда, в ряде областей местными краеведческими музеями издаются сборники материалов³, в которых помещаются статьи о памятниках археологии (Смоленская, Томская области, Ставропольский край и др.), но, как правило, эти работы носят отчетный (по результатам раскопок) характер и также рассчитаны на узкий круг специалистов. Нам кажется, что назрела необходимость в издании ряда книг, которые в простой и доступной форме знакомили бы читателя с памятниками далекого прошлого нашей страны. Интерес к таким книгам велик.

¹ А. В. Арциховский. Основы археологии. М., 1955.

² А. Л. Монгайт. Археология в СССР. М., 1955.

³ Тр. Томского областного краеведческого музея, т. V, Томск, 1956.

Наряду с книгами, знакомящими с археологией как наукой и с археологическими памятниками, необходимо также издать методическое руководство о проведении разведок по археологическим памятникам и организации наблюдения при строительных работах (указать, на что прежде всего следует обращать внимание, как составить карту и т. д.). Имея такое методическое руководство, местные историки, краеведы могли бы оказать значительную помощь в деле сохранения памятников, организуя наблюдения за ними при проведении строительных работ или при других случаях, грозящих уничтожением памятников. Специалисты-археологи не всегда в состоянии обеспечить исследования всех таких памятников, а местные историки и рады были бы помочь, да не знают, как это сделать.

И, наконец, вопрос о пропаганде памятников.

Первый же декрет Советской власти о памятниках республики (1918 г.) говорил о необходимости охраны, изучения и возможно полного ознакомления широких масс трудящихся с сокровищами искусства и памятниками истории. Там, где население знает местные памятники, понимает их значение, они сохраняются лучше. К сожалению, пропаганда памятников проводится еще неудовлетворительно. К этому делу не привлечены культурно-просветительные учреждения и лекторские кадры Общества по распространению политических и научных знаний; мало выпускается кинофильмов о памятниках, и, как уже отмечалось выше, не издается литература на эти темы.

Совет Министров Российской Федерации обязал Министерство культуры РСФСР обеспечить, начиная с 1958 г., производство и выпуск популярных, хроникально-документальных фильмов и издание литературы о памятниках культуры, в том числе и о памятниках археологии. И здесь, конечно, необходима помощь специалистов-археологов. Кроме того, для расширения работы по пропаганде памятников следует также использовать всю громадную сеть местной печати (районные, областные газеты и др.), увеличить количество лекций. Использование всех имеющихся в нашем распоряжении средств по популяризации и пропаганде памятников, несомненно, значительно облегчит их охрану.

ШКОЛЬНЫЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ МУЗЕИ

Каждый уголок нашей Родины имеет свою замечательную историю. Исторические эпохи, сменяя друг друга, не прошли бесследно. Они оставили те или иные вещественные или письменные источники.

Использование археологического материала в школах ставит перед учителем больше трудностей, чем любой другой методический прием. Эти трудности, с одной стороны, заключаются в том, что прежде чем использовать местный археологический материал на уроке, учителю нужно самому хорошо знать историю местного края и главнейшие группы памятников, правильно провести их демонстрацию. С другой стороны, эти трудности усугубляются тем, что прежде всего нужно суметь собрать археологические материалы, правильно аннотировать их, хорошо оформить и обеспечить надлежащее сохранение.

Все эти трудности преодолимы. Большинство работ по оформлению и хранению собранных материалов можно проводить в школьном историческом кабинете, который постепенно, по мере накопления материалов, может превратиться в хороший музей.

Школьный музей может стать не только местом накопления разного рода материалов, но и организационным центром, вокруг которого разворачивается оживленная краеведческая работа.

В Смоленской области создано несколько таких школьных музеев. Так, при 20-й средней железнодорожной школе г. Вязьмы благодаря неутомимой деятельности учителей П. М. Запорина и С. И. Борисова организован школьный краеведческий музей. Этот музей создавался в течение ряда лет. Первоначально был организован исторический кружок, работа которого имела самые разнообразные формы: экскурсии по городу Вязьме и окрестностям, краеведческие походы, самостоятельные работы учащихся с последующими докладами на заседаниях кружка, сбор среди учащихся отдельных старинных предметов и т. д.

В результате накапливался значительный материал, позволивший постепенно от небольших выставок перейти к экспозиции музейного типа.

В настоящее время в школьном музее сравнительно хорошо представлены разнообразные археологические материалы. Здесь есть кремневые орудия с очень ранней неолитической стоянки у дер. Боровщина и отдельные предметы с других неолитических поселений. Культуру древних городищ характеризуют железные и костяные орудия труда, обломки глиняной посуды, кости домашних и диких животных. Несколько витрин и планшет дают интересные сведения о первобытно-общинном строе. Не меньшее количество материалов относится к древнерусскому государству. Среди них есть много вещей, собранных на территории древнего города Вязьмы, предметы быта и украшения, фотографии древнейших сооружений Смоленщины (церковь Ивана Богослова 1173 г.), отдельные кирпичи того времени (плинфа). Музею переданы комплексы вещей из раскопок курганов XI—XIII вв. под г. Вязьмой, проведенных научными сотрудниками Музея истории и реконструкции Москвы. В большом количестве

представлены предметы более позднего времени и положено начало нумизматической коллекции.

В вяземском школьном музее наряду с большой собирательской деятельностью проводится и исследовательская работа. Так, во время походов по родному краю были проведены археологические разведки отдельных участков в бассейнах рек Днепра и Угры. Выявлено значительное количество новых археологических памятников (городищ, селищ, курганных групп). Сведения о вновь найденных памятниках сообщаются Смоленскому областному управлению культуры. На основании литературных данных и вновь собранных сведений составлена археологическая карта района г. Вязьмы.

Основной формой, используемой в работе вяземского краеведческого кружка по сбору новых археологических материалов, является проведение экскурсий и походов с учащимися. Вообще же такие экскурсии и походы имеют более широкие цели. Они используются для повторения и закрепления материала некоторых тем курса истории, а также для расширения знаний учащихся о настоящем и прошлом родного края. Ценность экскурсий по местным историческим и археологическим памятникам заключается в том, что учащиеся приучаются самостоятельно наблюдать и анализировать сложные явления исторической жизни, делать выводы из своих наблюдений, приучаются бережно относиться к древним памятникам, приобретают простейшие навыки в ориентировке на местности, в составлении схематических планов, профилей и производстве измерений на местности, фотографировании и т. п.

Другой формой, часто используемой в работе кружка, являются индивидуальные задания по осмотру и обследованию отдельных объектов в свободное от занятий время.

При этом все члены кружка знают, что самовольные раскопки и уничтожение памятников запрещены законом, что исторические и археологические памятники являются всенародным достоянием и состоят под охраной государства. Поэтому сбор коллекций происходит за счет тех вещей, которые можно найти в разрушенных частях памятников (на обрывах, в вымоинах, на пашне, в окопах или в кладонскательских ямах).

Обработка материалов, собранных летом, производится главным образом в осенне-зимний период непосредственно в музейной комнате в свободное от уроков время. Здесь же на заседаниях кружка учащиеся делают сообщения о проделанной работе, проводят беседы, слушают доклады о результатах экскурсий и походов. Учащиеся сами оформляют экспонаты и коллекции. Для учащихся такие занятия особенно полезны, так как они вырабатывают привычку работать самостоятельно.

Создан небольшой музей при 9-й средней школе г. Смоленска. Основные экспонаты этого музея собраны и оформлены самими учащимися под руководством учителя В. Н. Липника. Большинство материалов для экспозиции, включая и археологические, собраны во время туристских походов по родному краю в течение последних трех лет. В этом школьном музее есть предметы, относящиеся к новому каменному веку, в том числе коллекция, характеризующая технику изготовления кремневых орудий. Особенно интересен раздел, показывающий древние укрепленные поселения (городища) периода распада патриархально-родовых отношений. Выставлен макет такого древнего поселка и ряд фотоснимков остатков земляных сооружений и отдельные находки, собранные в обнажениях культурного слоя городищ. Имеется некоторое количество экспонатов, характеризующих материальную культуру древнерусского города Смоленска. Есть нумизматическая коллекция, собранная самими учащимися. Некоторое количество экспонатов в этот школьный музей было передано из фондов Смоленского областного краеведческого музея.

В школах гг. Смоленска, Починка, Рославля и школах некоторых районов Смоленской области также начали создаваться при исторических кабинетах постоянные выставки, включающие археологические материалы. В дальнейшем на основе этих выставок будут создаваться школьные музеи.

Формы краеведческой работы в школе могут быть самыми разнообразными, они зависят от поставленных целей и характера древних памятников края. Археологические памятники являются одним из главнейших объектов краеведческой работы. Необходимо, чтобы каждая школьная краеведческая организация ставила в плане своей работы выявление новых археологических памятников, их фиксацию, мероприятия по охране и разъяснительную деятельность среди населения о значении археологических памятников для исторической науки¹.

Е. А. Шмидт

* * *

В последние годы во многих школах нашей страны организованы краеведческие и исторические музеи². Это свидетельствует о большом интересе учащихся к истории и стремлении учителей к поискам новых форм работы. Известный педагог-краевед А. Ф. Родин очень метко определил цель музея: «...раскрытие идей при помощи ве-

¹ С методикой учета и первичного изучения археологических памятников можно познакомиться в статье Д. А. Крайнова «Археология и краеведение» (СА, 1957, № 3, стр. 270—275) и в брошюре П. А. Сухова «Археологические памятники, их охрана, учет и первичное изучение» (М.—Л., 1941).

² Г. З. Школьный музей. Преподавание истории в школе, 1954, № 4; А. Ф. Родин. История родного села. М., 1954; В. С. Таранов. Школьная нумизматическая коллек-

щей»³. История, воплощенная в вещи, становится доступнее и понятнее для восприятия учащихся.

Исторический музей в школе № 297 Щербаковского района г. Москвы начал свое существование с 1953/54 учебного года. Работа по созданию музея охватила большое количество учащихся. Все оборудование в музее сделано самими учащимися. Ими собраны и созданы все экспонаты. В музее проводятся занятия, его посещают учащиеся других школ, родители, туристы. Наличие музея при школе дает возможность преподавателю демонстрировать изложение отдельных тем по истории показом археологического материала, особенно на вводных, повторительно-обобщающих и обзорных уроках в 5-х и 8-х классах.

Исторический кружок при музее, ныне преобразованный в общество «Юный историк», организовал ряд теоретических конференций.

В рамках настоящей статьи нам хочется поделиться опытом сбора, систематизации и использования археологического материала нашего музея в учебном процессе.

Археологический материал, как и всякий другой, поступает в школьный музей непосредственно от школьников. Одним из источников пополнения экспозиции нашего музея явились многодневные туристические походы учащихся, проводившиеся летом 1955 и 1956 гг. под руководством преподавателя истории Е. И. Ерхова. Так были совершены походы по историческим местам Каширского района Московской области, а также по историческим местам Украины: Москва — Полтава — Диканька — Киев — Москва. Экскурсия в Киево-Печорскую лавру дала возможность школьникам познакомиться с реставрационными работами по восстановлению выдающегося памятника древнерусской архитектуры, варварски разрушенного немецко-фашистскими захватчиками.

Многие учащиеся нашей школы занимаются в исторических кружках при различных музеях Москвы. Одни из них принимали участие в раскопках могильника около поселка им. Дзержинского Раменского района Московской области, другие посетили места раскопок стоянки первобытного человека (Молдавия) и античных городов Северного Причерноморья. На Украине школьники познакомились с раскопками скифских поселений, а в Брянской области и Белоруссии они видели остатки славянских поселений. Благодаря тесному контакту школьников с археологами экспозиция нашего музея значительно пополняется. Имеющиеся у нас памятники не представляют собой ценности для археологов, но в руках учителя они являются хорошим наглядным пособием.

Музеем собрано много старинных русских и иностранных монет. Во время рытья котлована в г. Мелитополе был найден клад серебряных монет, из которых около 60 хранится в нашем музее. При изучении клада выяснилось, что это монеты Ивана IV, Бориса Годунова и Михаила Федоровича Романова. Судя по наибольшему количеству серебряных копеек Михаила Федоровича, этот клад, очевидно, был зарыт не позднее середины XVII в.

Находки, поступающие в музей, мы регистрируем, определяем и размещаем в витринах. Большую помощь в определении находок и составлении картотеки нам оказывают сотрудники центральных музеев столицы.

Имеющийся в музее археологический материал широко используется как на уроке, так и во внеклассной работе. Урок-экскурсия дает большие возможности для демонстрации вещественных памятников в сочетании с соответствующими картинками и рисунками. Особенно широко используется археологический материал при изучении раздела «Первобытно-общинный строй на территории нашей страны» в 6-х и 8-х классах.

Показ фрагментов глиняной посуды связан с несколькими разделами: «Первобытное общество», «Древняя Греция», «Греческие колонии в Северном Причерноморье», «Скифы», «Славяне» и др. Особое внимание им уделяется при прохождении тем, посвященных экономике и культуре древних народов.

Знакомя учащихся с историей возникновения глиняных сосудов, их развития и совершенствования, особо выделяем посуду, сделанную на гончарном круге, и даем описание ручного гончарного круга. Попутно рассказываем о различных узорах, которыми украшалась как лепная, так и изготовленная на гончарном круге посуда. В этом отношении весьма показательны образцы греческой керамики, которые свидетельствуют о высоком уровне гончарного производства в Греции, а росписи на них — о культуре древних греков. При этом обращаем внимание учащихся на рисунок в учебнике⁴, где показана гончарная мастерская в Афинах в V в. до н. э. и др.

Большую трудность представляет реконструкция внешнего облика сосуда по фрагментам. Мы нашли двоякую форму реконструкции: меловой чертеж на классной дос-

ция. Преподавание истории в школе, 1955, № 3, стр. 82; е го же. Школьный историко-краеведческий музей. Преподавание истории в школе, 1956, № 2, стр. 73; И. З. Озерский и И. Исторический музей в школе. Преподавание истории в школе, 1956, № 2, стр. 82; е го же. Еще раз о школьном музее. Преподавание истории в школе, 1957, № 1; Л. О б у х о в а. А. С м о л ь н и к о в. Их имена. «Правда» за 11 января 1957 г.

³ А. Ф. Р о д и н. Ук. соч., стр. 148.

⁴ См. также Ф. П. К о р о в к и н. История древнего мира. М., 1955, стр. 78, С. И. К о в а л е в. История древнего мира. М., 1955, стр. 93.

ке⁵, если урок проходит в классе, и схема на листе бумаги, если урок или экскурсия проводятся в музее.

Говоря о широком развитии ремесла у славян, отмечаем, что славяне знали железо и умели его обрабатывать. В качестве вещественного доказательства показываем наконечники славянских стрел и дротика.

При объяснении значения земледелия у древних славян вычерчиваем на доске схему подсечного земледелия и показываем другую схему эволюции сохи, ведущей свое начало от бороны-суковатки. Затем демонстрируем макет двухзубой сохи и рисунок, изображающий пахаря славянина, обрабатывающего землю сохой. В заключение перечисляем сельскохозяйственные культуры, выращиваемые славянами.

Нумизматическая коллекция нашего музея насчитывает свыше 1000 видов монет и свыше 400 видов бумажных денежных знаков. В ней представлены древнегреческие, древнеримские и средневековые монеты. Монеты расположены тематически и хронологически в специальных витринах. Отдельные виды монет, имеющих у нас в нескольких экземплярах, используем непосредственно на уроке в качестве раздаточного материала. Например, рассказывая об императорах Диоклетиане и Константине, мы раздаем по рядам монеты с портретным изображением этих императоров. Демонстрацию монет связываем с рассказом об экономике и идеологии того времени. Нумизматический материал — наиболее доступный для учителя и учащегося вид вещественного наглядного пособия.

Наш музей поддерживает связь с рядом школьных музеев многих городов страны. С ними мы обмениваемся опытом работы, информацией о новых поступлениях в музей, экспонатами.

Работа по созданию школьного исторического музея и использование его материалов в учебном процессе открывают широкие возможности для сближения школы с археологией. Учащиеся могут принести большую пользу науке, принимая участие в различного рода экспедициях по изучению древностей своего края. В свою очередь археологи, передавая в школу материалы, не имеющие определенной ценности для научных исследований, облегчат создание школьных историко-краеведческих музеев.

И. З. Озерский

* * *

Создание при средних школах историко-краеведческих музеев и использование археологических материалов — дело сравнительно новое и еще недостаточно освещенное в методической литературе. Опыт многолетней работы историко-краеведческого музея средней школы с. Первомайского Харьковской области показывает огромное значение краеведческой работы как для учебно-воспитательных целей в школе, так и для дела содействия научным учреждениям, занимающимся изучением исторического прошлого нашей Родины.

Нами были выработаны разнообразные формы такой работы. Наиболее распространенными из них являются организация археологических разведок и экспедиций, составление археологической карты своего края, занятия в школьном музее с использованием его экспозиции на уроках истории.

В школе с. Первомайской Харьковской области краеведческая работа проводится археологической секцией ученического общества «Юный историк» под руководством преподавателя истории. За время существования общества было организовано 10 археологических разведок и восемь многодневных археологических экспедиций.

В 1955 г. наш отряд имел открытый лист и самостоятельно выполнял задание Института археологии АН УССР. В 1956 г. другой отряд работал совместно с Донецкой археологической экспедицией Института археологии АН УССР.

В 1951 г. археологической секцией была произведена глазомерная съемка курганного некрополя у хут. Гришковки Вилковского сельсовета, где школьники вскоре обнаружили и поселение. На нем было собрано много находок эпохи бронзы и скифского времени.

Учащимися нашей школы открыты неизвестные до тех пор древние поселения близ с. Пасеки Змиевского района. Сейчас юные археологи приступили к работе по составлению археологической карты среднего течения р. Сев. Донца.

В результате накопления материалов археологический отдел музея в настоящее время имеет следующие разделы: «Эпоха каменного века и бронзы», «Народы Северного Причерноморья в I тысячелетии до н. э.», «Древние славяне и кочевники».

Наличие при школе историко-краеведческого музея создает необходимые предпосылки для осуществления важного принципа советской дидактики — наглядности в учебно-воспитательной работе с учащимися. Использование школьного исторического музея в учебной работе обеспечивает конкретизацию исторических понятий на местном материале, расширяет исторический кругозор учащихся, помогает учителю вызвать интерес к исторической науке, поднять активность учащихся класса и т. п. Всем известно значение первых уроков истории в 5-х или 8-х классах, на которых учебный курс начинается с изучения далекого прошлого в жизни человеческого общества. Уча-

⁵ См. Д. Н. Никифорова. Наглядность в преподавании истории в 5—7-х классах средней школы. М., 1955.

щиеся должны получить конкретные представления о внешнем облике человека, о его жилище, о примитивных орудиях труда первобытного человека, которые медленно, но постоянно совершенствовались, о занятиях и культурном развитии древнего человека.

Создать такие ясные представления о первобытном обществе без использования музейных материалов невозможно. Поэтому учителя нашей школы первые уроки по истории в 5-х и 8-х классах проводят в школьном историко-краеведческом музее. При помощи зрительных образов, созданных экспонатами школьного музея, учащиеся подходят к пониманию известного тезиса Ф. Энгельса о том, что «труд создал человека».

Используя в учебном процессе школьный музей, учитель легко добывается хорошей усвояемости учащимися таких понятий, как вещественные и письменные памятники, археология и археологические раскопки, музеи и архивы. Все это приводит учащихся к пониманию предмета истории как науки.

Участие юных историков-археологов в разведках и экспедициях, в оформлении собранных материалов в экспозиции школьного музея имеет большое воспитательное и познавательное значение. Учащиеся получают навыки исследовательской и общественно полезной работы, что приучает их делать простейшие обобщения и выводы. Вместе с тем учащиеся приучаются ценить и бережно охранять памятники глубокой древности. Работа школьного музея благотворно влияет и на повышение квалификации учителя истории, расширяет его мировоззрение, создает условия для научно-исследовательской работы.

Я. И. Красюк

* * *

В средней школе № 8 пос. Сенная Темрюкского района (Краснодарский край) несколько лет тому назад был организован исторический кружок. Территория Краснодарского края особенно богата памятниками древности. Здесь на азиатской стороне Боспора с VI в. до н. э. существовали многочисленные города, основанные греками. Недалеко от нашего поселка расположена Фанагория, Келы и другие памятники. Их часто посещают члены нашего кружка и находят на поверхности городищ много интересных предметов, свидетельствующих об истории живших там народов. Так были найдены терракотовая головка сатиры⁶, египетская подвеска-амулет и много других вещей, которые послужили основой для создания школьного музея. Последний был открыт в годовщину 40-летия Великого Октября. В одном из отделов нашего музея экспонируются археологические памятники, главным образом эпохи Боспорского царства. Это монеты, амфоры, художественная и простая посуда, грузила, светильники, терракотовые статуэтки и различные украшения. В музее есть уголок творческих работ учащихся. Среди них заслуживает внимания макет скифской повозки и др.

Большую помощь в организации краеведческой работы в нашей школе оказывают нам местные краеведы и археологи — сотрудники Фанагорийской экспедиции Академии наук СССР. В настоящее время перед членами исторического кружка стоят следующие задачи: 1) усовершенствовать отделы музея, используя опыт работы краеведческих кружков других школ; 2) принять активное участие в раскопках Фанагорийского городища; 3) содействовать охране археологических памятников своего края.

«Познать свой край, свой район, его историю, его богатства — какое благородное занятие, какой могучий источник знания, прекрасное средство воспитания молодежи, наблюдательности, находчивости, инициативы»⁷.

Д. Г. Прокопенко

ОТ РЕДАКЦИИ. Как в этих, так и в других заметках, получаемых Редакцией, содержатся сведения о массовом явлении организации школьных музеев, содержащих археологические коллекции. Мы полагаем, что наступило время для перехода на следующий этап — для согласования работы таких музеев в области, крае, автономной республике. Это позволило бы устраивать хотя бы раз в год областные, краевые или республиканские конференции для планирования работы всех этих школьных музеев, для обмена опытом и т. д.

Школьные музеи, расположенные в разных частях СССР, должны тоже установить между собой связь (сначала путем переписки).

Кроме того, из присылаемых статей видно, что школьники разных школ часто проводят археологические разведки. Было бы желательно, чтобы в Отдел полевых исследований Института истории материальной культуры Академии наук СССР (Москва, переулок Садовских, дом № 2) присылались краткие отчеты о результатах этой работы. Отдел, со своей стороны, мог бы давать соответствующую консультацию по методам ведения таких разведок и по другим вопросам, которые могут интересовать школьников, и вносить поправки по тексту отчетов.

⁶ Н. М. Лосева. Терракотовая головка сатиры из Фанагории. МИА, № 57, 1956, стр. 176.

⁷ «Правда» от 25 мая 1940 г.

ХРОНИКА

ГОРДОН ЧАЙЛД

(1892—1957)

19 октября 1957 г. трагически погиб, упав со скалы в 50 милях к западу от Сиднея, крупнейший английский археолог Гордон Чайлд.

Чайлд был одной из самых ярких фигур в европейской археологии XX в. Его огромная эрудиция, великолепное знание археологического материала, большая трудоспособность позволили ему в десятках книг, статей, в лекциях и докладах обобщить новейшие археологические данные и обрисовать широкую картину развития человеческой культуры и человеческого общества. В научном творчестве Чайлда отразилось стремление современных археологов к усовершенствованию их исследовательского метода, их поиски и колебания, их победы и поражения. Многие из его книг, оставаясь актуальными в течение десятков лет, выдержали по нескольку изданий, и в каждом издании их автор перерабатывал текст, прибавляя новые материалы и смело пересматривая те положения, которые в свете новых данных казались ему ошибочными. Чайлд был археологом в том смысле этого слова, который ему придают советские ученые, или «прансториком», по терминологии наших зарубежных коллег. Его интересовали археологические данные не сами по себе, а как источник для изучения истории общества, истории прогрессивного развития древних культур. В поисках новых путей в науке он решительно стал на сторону тех, кто стремится к материалистическому объяснению исторического процесса.

Вир Гордон Чайлд родился 14 апреля 1892 г. в Сиднее, в Австралии. Он окончил Сиднейский, а затем Оксфордский университеты по классическому отделению. Вернувшись в Австралию, он в течение нескольких лет увлекался политической деятельностью и занимал должность секретаря премьера Нового Южного Уэльса. Его научная деятельность начинается в 1922 г., когда он, путешествуя и одновременно занимаясь в музеях Центральной и Восточной Европы, собирал материалы для своего первого большого труда по археологии «Заря европейской цивилизации» («The Dawn of European Civilization», 1925). К 1920-м годам относятся и его работы в качестве полевого археолога — раскопки неолитического поселения Скара-Брей на западном побережье Оркнейских островов. В 1925—1927 гг. Г. Чайлд состоял библиотекарем Королевского антропологического института. В 1927 г. он занял должность профессора доисторической европейской археологии в Эдинбургском университете в Шотландии и оставался там до 1946 г., когда занял ту же профессорскую должность и пост директора Института археологии в Лондонском университете. В 1957 г. Чайлд подал в отставку и уехал в Австралию для отдыха перед работой над своей новой книгой «Доистория европейской цивилизации».

Такова только канва жизни ученого, жизни, наполненной не только преподаванием и изданием многочисленных книг и статей, но и путешествиями по многим странам, работой в музеях и библиотеках, участием в многочисленных научных конгрессах и совещаниях. Его имя известно не только кругу его коллег, но и широкому кругу читателей, всем, кто интересуется древней историей и археологией. Его книги по несколько раз издавались в Англии и переводились на иностранные языки. Так, в русском издании вышли его книги: «Прогресс и археология» («Progress and Archaeology») в 1949 г., «У истоков европейской цивилизации» (The Dawn of European Civilization) в 1952 г., «Древнейший Восток в свете новых раскопок» («New Light of the Most Ancient East») в 1956 г. Книга «Что случилось в истории» («What Happened in History»), впервые изданная в 1942 г., разошлась в 300 000 экземпляров и появилась в итальянском, немецком, датском и шведском изданиях. Книги Чайлда способствовали популяризации достижений археологии, хотя немногие из них можно назвать популярными в строгом смысле этого слова. В большинстве случаев они предназначены не для широкого круга читателей, а для ученых и студентов и лишь благодаря историческому синтезу, обилию сведенного вместе материала и лаконичности изложения смогли заинтересовать неспециалистов.

Чайлд меньше всего был полевым археологом или ученым, склонным к изучению или классификации музейных коллекций; его призванием была работа в области интерпретации археологических данных, в области методики исследований. Как филолог-

классик по образованию; он впервые пришел к занятиям археологией при попытке связать ее данные с данными сравнительного языкознания; его целью была идентификация первобытных культур с индоевропейцами и установление происхождения этих культур. Убедившись в бесплодности этих попыток, Чайлд переходит к более глубокому изучению археологического материала, к созданию хронологической основы европейской прαιстории. Так появилась первая его книга «Заря европейской цивилизации» (1925). Результаты же его попыток установить связи сравнительного языкознания с археологией были изложены в книге «The Aryans. A Study of Indo-European Origins» (1926). Уже в первой своей книге Чайлд заявляет о себе как о стороннике определенной концепции, которой он в общем придерживался в течение всей жизни. Эта концепция — диффузионизм; ее идеи зародились в среде археологов в конце XIX — начале XX в. В какой-то мере диффузионистами были и Томсен, и Монтелиус, но в наибольшей мере проявил себя сторонником этой идеи крупнейший датский археолог Софус Мюллер, объяснявший все без исключения культурные явления в Европе заимствованиями с юга. Диффузионисты исходят из того, что великие открытия в области культуры были сделаны на протяжении истории лишь однажды и затем путем заимствований, миграций или просто распространением (диффузией) передались другим народам.

Таким образом, возможность эволюционного развития отдельных обществ, самостоятельно достигающих того или иного уровня культуры, отрицается, самобытность развития каждого народа преуменьшается, а роль заимствований и миграций в истории человечества непомерно преувеличивается. В частности, Чайлд огромное значение придавал влиянию культур Ближнего Востока на развитие Европы. В названной книге древнейшая история Европы представлена не столько в виде ступеней культурной эволюции, сколько в виде областей диффузий и влиятий. Чайлд не отрицал самостоятельного развития культурных зон, он признавал, что их прогресс — это не только процесс распространения восточной цивилизации. Однако внутреннему развитию Чайлд отводил второстепенную роль, считая решающими внешние влияния¹.

В 1935 г. в своей программной речи, которую Чайлд произнес, будучи председателем «Доисторического общества», он говорит о псевдомарксистском материализме, якобы позволяющем рассматривать эволюционные стадии, археологические «века» как результат независимого развития различных областей, и противопоставляет ему диффузионистическую доктрину как якобы единственно дающую возможность проследить непрерывность культурной традиции (см. «Changing Methods and Aims in Prehistory. Presidential Address for 1935 by V. G. Childe, Proceedings of the Prehistoric Society»).

Изучив русский язык и ближе познакомившись с советской археологической литературой, Чайлд убедился в том, что далеко не все советские ученые являются теми «псевдомарксистами», которые пытаются стадийным схематизмом подменить подлинное изучение древнейшей истории. Такими были только сторонники теории Н. Я. Марра, а они составляли меньшинство².

Вместе с тем Чайлд пришел к выводу, что диффузионизм не является единственной возможностью объяснения изменений культуры. В предисловии к книге «Шотландия до шотландцев» («Scotland before the Scots». London, 1946) Чайлд писал: «Наши советские коллеги... показали, как внутреннее развитие общества может объяснить обширную область археологических фактов. Применение ими марксизма к доистории породило исследования, которые кажутся более историческими, чем перечни вторжений, и солидно обоснованы наблюдениями». В своей вступительной лекции, прочитанной в Лондонском университете в 1946 г. («Archaeology as a Social Science», Third Annual Report, 1946, of the London University Institute of Archaeology), он совсем по-иному, чем в 1935 г., формулирует цели и возможности археологии. Он говорит о возможности археологии представить реальную картину жизни доисторических обществ или, по крайней мере, материальный базис их жизни. Он призывает видеть за археологическими культурами, за древними вещами жизнь обществ, создавших их.

Еще дальше по пути признания материалистических принципов при интерпретации археологических данных Чайлд идет в своей книге «Social Evolution», изданной в 1951 г.

Следует сказать, что для Чайлда понятия материалистической философии и марксизма были неотделимы. Он считал себя марксистом и был одним из создателей и постоянным сотрудником английского марксистского журнала «Past and Present».

Однако его взгляды во многом отличались от взглядов других марксистов, и прежде всего его коллег в Советском Союзе. Чайлд внимательно следил за развитием советской археологической мысли, иногда критиковал нас, но также прислушиваясь и к нашей критике. С годами намечалось все большее и большее сближение взглядов Чайлда и советских археологов, особенно после 1950 г., когда ясно стало, что не следует

¹ Правда, в 6-м издании «Зари европейской цивилизации», вышедшей в Лондоне в 1957 г., Чайлд писал, что он подверг книгу значительной переработке, стимулом к которой послужили как новые данные, полученные археологами, так и справедливая критика, содержащаяся в предисловии к русскому изданию его книги. Он считал нужным ослабить позиции «догматического ориентализма», которых придерживался в 1925 г.

² G. Childe. Piecing Together the Past. (The Interpretation of Archaeological Data), London, 1956, стр. 154.

путать догматические взгляды некоторой части ученых, сторонников теории Марра, с марксизмом. Конечно, не критика советских ученых, а самые факты древней истории и археологии по мере их накопления и изучения заставляли Чайлда все больше эволюционировать в сторону сближения с марксизмом.

И все же на протяжении всей своей научной жизни Чайлд оставался диффузионистом. Развитию идеи диффузий посвящены его важнейшие труды. В книге «У истоков европейской цивилизации» он пишет: «В соответствии с общими исходными положениями, принятыми в этой книге, мы положили в основу своей интерпретации принцип диффузии».

Будучи главным образом специалистом по европейской археологии, Чайлд обращается к теме, относящейся к другой области науки, и пишет книгу «Древнейший Восток» (в 4-м издании 1952 г. названную «New Light on the Most Ancient East»), потому что он считает, что «археология доисторического и протонисторического периодов Древнего Востока является ключом к правильному толкованию европейской предистории. Последняя в своей начальной стадии является главным образом историей подражания восточным достижениям или, в лучшем случае, их усвоения. О самих же достижениях мы узнаем из археологии Востока» (стр. 24—25 русского издания). Чайлд специально занимается археологией Балкан и Дунайского бассейна и пишет книгу «Дунай в доистории» («The Danube in Prehistory», Oxford, 1929), чтобы показать, что Дунай является важнейшей артерией, с помощью которой «цивилизация» с Востока распространилась в Европе. В своей книге «Доисторические миграции в Европе» («Prehistoric Migrations in Europe», Oslo, 1950), излагая археологические постулаты, Чайлд пишет: «Я диффузионист в следующем смысле: я предполагаю, что важнейшие технологические открытия и изобретения... были сделаны, как правило, однажды и распространились из единых центров» (стр. 9). Чайлд указывает, что «изменения могли наступить и в результате внутреннего социального и технического развития», но примитивные общества были весьма консервативны. Они мало изобретали. «Я убежден, что в древности вообще культурные изменения так же, как и соответствующие им существенные изменения в обществе, происходили только в результате внешнего толчка» (стр. 10).

В какой мере диффузионистские взгляды Чайлда противоречат марксистскому пониманию исторического процесса? Правильно ли противопоставлять друг другу эти концепции?

Археологи, этнографы, социологи XIX в. создали схемы эволюционного развития человечества. Они исходили из представления о физическом единстве человечества и, следовательно, о возможности самостоятельного и параллельного развития его культуры. Эти идеи соответствовали материалистическому взгляду на исторический процесс и были поддержаны и развиты Марксом и Энгельсом. Стадии культурной эволюции и соответствующие им изменения в обществе являются историческим фактом. Ни у кого не вызывает сомнения, что каменный век предшествовал бронзовому, а бронзовый железному. Но сходные культуры часто процветали неодновременно. Маори в Новой Зеландии в XVIII в. н. э. пользовались каменными топорами, сходными с топорами, которыми жители Северной Европы пользовались в XVIII в. до н. э. Кроме того, было замечено, что элементы культуры на разных территориях, даже если их население находится на одной стадии развития, различны. В науку было внесено понятие археологической культуры. Множество вновь открытых археологических и исторических фактов требовало объяснения. Явились идеи влияния и вторжений, идеи диффузионизма, которые противопоставлялись эволюционизму, как якобы устаревшей концепции. Между тем местные и хронологические различия в развитии культур не были совершеннейшей новостью, они были известны и эволюционистам XIX в., и Морган указывал, что одни и те же культурные явления могли в зависимости от условий возникать в разное время. Вопрос был не в том, существуют ли миграции и диффузии, а в том, что управляет ими, что является законом развития общества. Пытаясь с помощью миграций и диффузий объяснить исторический процесс, некоторые ученые пришли к выводу, что все древние культуры якобы можно разделить на «высокие» и «низкие», причем первые оказывают влияние на вторые, а вторые способны лишь пассивно воспринимать достижения первых или деградировать. В среде миграционистов зародились шовинистические и расистские идеи. Чайлд всегда был противником миграционизма в таком его толковании и решительно боролся против расизма и национализма. Он придавал большее значение диффузиям, т. е. проникновению, распространению достижений культуры путем миграции вещей и идей, чем вторжениям народов. Идея народа-завоевателя, носителя «вышей» культуры была ему глубоко враждебна, и он неоднократно называл германских археологов, сторонников этой идеи, «империалистами». Но Чайлд ошибочно противопоставлял диффузионизм эволюционизму и долгое время полагал, что эволюционизм равнозначен марксизму. Здесь не место излагать основные взгляды марксистов на исторический процесс, но ясно, что взгляды марксистов значительно шире эволюционизма. Вместе с тем если исключить догматиков, ставящих вопрос — либо диффузионизм, либо марксизм, то ученые-марксисты совершенно не отрицают диффузий. Они лишь не считают их главными, ведущими в историческом развитии. Совершенно очевидно, что процесс развития изолированных групп человеческого общества протекает более медленно, чем процесс развития групп неизоллированных, способных воспринимать культурные достижения других обществ. Миграции и диффузии, не являясь главной или единственной причиной развития, служат его могучим катализатором.

Признание закономерности исторических явлений, их обусловленности экономическими факторами, признание того, что человеческое общество развивается по своим особым законам и что эти законы могут быть выведены из человеческого опыта, делает историю и археологию подлинной наукой. Эти основные принципы не отрицают ни многообразия причин, ни воздействия на развитие общества иных факторов — географических, биологических, психологических, ни диффузий, ни миграций, ни даже элементов случайности, но они отличают главное от второстепенного, основное от производного и не подменяют причину следствием. Работы Чайлда оказали большое влияние на развитие европейской археологии. В XX в., когда происходил отход археологов от «классических» тем, таких, как история искусства или изучение типологических изменений в развитии вещей, когда за археологической культурой все больше стали видеть общество, ее создавшее, возник целый ряд теоретических вопросов, требовавших решения. Чайлд был одним из тех ученых, которые пытались подойти к этим решениям с научных материалистических позиций. Археология перестала быть собранием разрозненных фактов. Она превратилась в историческую науку, на основе археологических данных стали рисовать широкие картины развития культур и движения общества. Работы Чайлда относятся к лучшим, написанным в этом плане. Кроме названных выше, особо следует отметить раздел «Доистория», написанный Чайлдом для английской истории европейской цивилизации («The European Inheritance», Oxford, 1954). Здесь Чайлд в самом кратком, четком изложении подвел итоги исследований и дал блестящий образец исторического синтеза. Многие ученые в капиталистических странах считали, что на основании археологических материалов можно реконструировать быт и культуру общества, но идеология и общественные отношения остаются непознаваемыми. Чайлд, исходя из марксистского принципа, что между материальной культурой и социально-экономической жизнью общества на любой ступени его развития существует определенная закономерная связь, полагал возможным изучать общественные отношения по археологическим данным. Он подходит к этой теме осторожно, воздерживается от решительных выводов, стремится изучать древние общественные отношения сначала на материалах Шотландии и Англии («The Prehistory of Scotland», London, 1939; «Prehistoric Communities of the British Isles», London, 1942; «Scotland before the Scots», London, 1946), а потом и шире, в пределах всей Европы.

Главными явлениями в так называемой доистории Чайлд считал «неолитическую революцию» и «городскую революцию». Оба термина очень неудачны, но по существу речь идет о важнейших социальных процессах, для изучения которых именно Чайлд собрал огромные материалы. Неолитической революцией он называл распространение земледелия и скотоводства (в связи с этим он своеобразно применял термин «неолит», отказываясь считать неолитическими культуры, основанные на охоте и рыболовстве). Городской революцией он называл появление городов, государственности и письменности; для марксистов это возникновение классового общества.

Чайлда специально занимала тема «донстории науки», т. е. развития научных знаний в древних обществах. Он посвятил этим вопросам ряд статей и книгу «Society and Knowledge. The Growth of Human Traditions» (New York, 1956).

Круг научных интересов Чайлда был очень широк, и простой перечень тем, которыми он занимался, не дает представления о содержании его работ, обычно далеко выходявших за пределы избранной темы. Будущий историк археологии в своем очерке европейской археологии второй четверти XX в., несомненно, уделит значительное место Чайлду, его взглядам, его влиянию на науку, его открытиям и его ошибкам. Сам научный путь Чайлда, его постепенное приближение к марксизму символичны для развития общественных наук в наши дни.

А. Л. Монгайт

СЕКЦИЯ АРХЕОЛОГИИ МЕЖОБЛАСТНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ИСТОРИИ УРАЛА

6—9 февраля 1958 г. в Свердловске состоялась межобластная научная конференция по истории Урала, организованная Уральским и Пермским университетами и Институтом истории партии при Свердловском обкоме КПСС.

В работах секции археологии приняли участие археологи Москвы, Свердловска, Перми, Челябинска, Нижнего Тагила.

В докладе «Некоторые итоги и проблемы изучения древней истории Урала» К. В. С а л ь н и к о в осветил степень изученности отдельных эпох первобытной истории различных районов Урала. Более подробно докладчик остановился на основных вопросах археологии Зауралья. Необходимо усилить внимание к исследованию палеолита, пора попытаться выделить конкретные неолитические культуры на территории урало-западносибирской культурной области и культуры эпохи бронзы на площади, заселенной племенами андроновского облика. В эпоху раннего железа в Зауралье, по

мнению докладчика, существовали три группы племен: лесных, лесостепных и степных. В наиболее слабо изученной лесной полосе докладчик выделяет две хронологически различные культуры эпохи железа: каменногорскую с плоскдонной керамикой и иткульскую с круглодонной.

По мнению докладчика, следует усилить изучение археологических памятников, освещающих развитие древней и средневековой металлургии, памятников эпохи заселения Урала русскими. Важнейшей проблемой уральской археологии является установление этнической принадлежности древних культур, разработка вопросов этногенеза коренных уральских народов — башкир, хантов, манси — в содружестве с лингвистами, этнографами, антропологами.

О. Н. Бадер в докладе «К этнокультурной истории донеолитического Урала и Волго-Камья» подытожил результаты изучения древнейших памятников и установил время появления человека на Урале и пути его проникновения на эту территорию в палеолите и мезолите. Докладчик усматривает три этапа: в раннем палеолите население Урала было тесно связано с Восточной Европой; в позднем палеолите развитие оледенения и Каспийской трансгрессии изолирует Урал от Запада, устанавливаются тесные отношения с Сибирью; в мезолите культура Урала родственна культуре Прикаспия вследствие, по-видимому, проникновения новых этнических элементов с юга.

В докладе «К истории населения Среднего Прикамья в эпоху бронзы» В. П. Денисов познакомил присутствующих с результатами раскопок Камской археологической экспедиции в 1956 и 1957 гг. поселений эпохи бронзы на берегах среднего течения Камы. Докладчик показал, что Средняя Кама, от г. Перми до д. Сайгатки, была населена на грани II и I тысячелетий до н. э. племенами, которые имели в культуре много общего с творцами культуры Курмантау на р. Белой и в низовьях р. Камы. Вместе с тем усматриваются черты преемственности в керамике и конструкции жилищ от турбинской культуры. Большой материал для такого вывода дало Ерзовское поселение, на котором были исследованы три прямоугольные полуземлянки.

В докладе В. А. Оборина «К истории населения Среднего Прикамья в эпоху железа» освещен следующий этап развития племен того же района Прикамья на основе исследований Камской экспедиции в 1953—1957 гг. Ананьинские поселения Среднего Прикамья докладчиком делятся на два района: более северные примыкают по своим особенностям к памятникам верхнекамского варианта этой культуры, а поселения в районе Оса — Елово можно объединить как среднекамский вариант, сближающийся с памятниками нижнекамского, вятского и бельского вариантов ананьинской культуры. В памятниках ломоватовской культуры Средней Камы выявляются черты сходства с бахмутинской культурой, проявляющиеся в орнаментации керамики. Докладчик коротко осветил результаты небольших раскопок на ранних русских поселениях XVI—XVII вв. — Ново-Никольской слободе (в г. Осе) и Камском городище.

В докладе «Из истории населения Юго-Западной Башкирии в эпоху бронзы» В. Д. Викторова познакомила секцию с раскопками и разведками Южно-Уральской археологической экспедиции в 1951—1955 гг. памятников срубной культуры в Башкирии, остановившись подробно на исследовании большой землянки на селище Береговское I в Воскресенском районе. В керамике и конструкции жилища Береговского селища прослеживаются связи с андроновской культурой. На этом основании в памятниках срубной культуры Южной Башкирии докладчик усматривает особый вариант этой культуры, датирующийся XV—XII вв. до н. э.

Н. А. Мажитов в сообщении «Археологические исследования северных районов Башкирии в 1957 г.» изложил результаты раскопок 18 погребений в могильнике пьяноборского времени Чинатау в Балтачевском районе, произведенных археологической экспедицией Башкирского филиала АН СССР. Преемственные связи бахмутинской культуры с местными ее предшественниками видны также в керамике ряда городищ, обследованных в 1957 г. на севере Башкирии.

Доклад В. Н. Чернецова «Западная Сибирь в харинско-ломоватовское время» был посвящен выводам, которые сделаны на основе большого материала, накопленного в итоге работ в Нижнем Приобье, в частности исследований последних лет на Андреевском озере. В. Н. Чернецову удалось проследить важные моменты в истории древних угорских племен, продвижение последних на запад. Докладчик считает, что гляденовская культура в Прикамье возникла в результате ассимиляции местных племен пришедшими из-за Урала уграми.

Основное внимание в докладе А. И. Рассадович «Работы Нижне-Тагильского музея по изучению древней истории края» было уделено раскопкам Лайского жертвенного места гляденовского времени, средневековых домиц и Кокшаровского кургана, насыпанного из культурного слоя неолитической стоянки.

В докладе «Керамика Среднего Зауралья» Е. М. Берс сделала попытку классифицировать на основе керамики памятники от неолита до конца I тысячелетия н. э. Ряд памятников конца II и I тысячелетия до н. э. докладчиком сведен в понятия гамаюнской, аятской и исетской культур.

В. С. Стоколос сделал сообщение «Памятники древней истории на севере Свердловской области».

В постановлении секции говорится о необходимости организовать в составе Уральского филиала АН СССР институт истории с секцией археологии.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

17—19 февраля 1958 г. состоялась научная сессия Государственного Эрмитажа, посвященная итогам научно-исследовательской работы музея за 1957 г. Открывая сессию, заместитель директора Эрмитажа по научной части В. Ф. Левинсон-Лессинг отметил, в частности, большие археологические исследования, проведенные в 1957 г. отделами истории первобытной культуры, античного мира, истории русской культуры и истории культуры народов Советского Востока. В 1957 г. Государственный Эрмитаж организовал самостоятельно или в содружестве с другими научными учреждениями шесть археологических экспедиций: Северо-Кавказскую (рук. М. З. Паничкина), Западно-Украинскую (рук. Г. И. Смирнова), Херсонесскую (рук. Г. Д. Белов), Нижне-Волжскую (рук. В. Д. Белецкий), Кармир-Блурскую (рук. Б. Б. Пиотровский) и Кулдор-Тепинскую (рук. Б. Я. Ставиский).

А. Д. Столяр сообщил о находках Северо-Кавказской экспедицией неолитических памятников на Черноморском побережье в районе Адлера и продемонстрировал большое число микролитических орудий.

Г. Д. Белов доложил о работах в Херсонесе, где в 1957 г. был раскопан дом римского времени с рыбозасолочными цистернами и найдено много амфор, блюд и других типов античной керамики.

С большим интересом был прослушан доклад Б. Б. Пиотровского о раскопках в районе Еревана урартских крепостей Кармир-Блур и Арин-Берда. В ходе этих раскопок найден ряд интересных памятников культуры и искусства, в том числе железный меч, аналогичный келермесскому, и прекрасно выполненная бронзовая голова лошади, служившая навершием дышла колесницы. Большую научную ценность представляют несколько глинописных таблечек, найденных на Кармир-Блуре, и строительная надпись из Арин-Берда.

Археологической тематике были посвящены также доклады М. П. Грязнова «Характер художественного творчества ранних кочевников Алтая», Н. В. Дьяконовой «Материалы по буддийской иконографии Хотана», А. В. Банк «Новый серебряный сосуд из Ненецкого округа и некоторые вопросы взаимоотношений искусства Переднего Востока и Восточной Европы», А. И. Вошиной «Женский портрет времени Антонинов в собрании римской скульптуры Эрмитажа», В. М. Скудновой «Опыт характеристики архаического некрополя Березани» и В. М. Потина «О нечekanенных серебряных монетовидных пластинках вкладах X—XII вв.»

На заседаниях сессии присутствовало большое число гостей — научных работников, педагогов, студентов. В фойе Эрмитажного театра была открыта специальная выставка, на которой экспонировались материалы археологических экспедиций и новые приобретения музея.

Б. С.

СЕССИЯ УЧЕНОГО СОВЕТА ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ РАБОТАМ 1956—1957 гг.

20—22 февраля 1958 г. в ГИМ состоялась сессия Ученого совета, посвященная итогам археологических работ, проведенных музеем в 1956—1957 гг. Участвуя в решении ряда крупных проблем древней и средневековой истории, музей за отчетный период организовал ряд экспедиций; кроме того, сотрудники музея принимали участие в работе больших комплексных экспедиций ИИМК АН СССР, а также в работах ряда местных музеев и научно-исследовательских институтов; проведена научная обработка ряда ценных коллекций археологических находок, хранящихся в музее.

Хранящимся в музее богатейшим коллекциям из раскопок верхнепалеолитической стоянки Мальта был посвящен доклад М. М. Герасимова, уже в течение ряда лет исследующего этот интереснейший памятник.

В докладе А. Я. Брюсова о работе Вологодской экспедиции основное внимание уделено исследованию древних приемов отыскания почвенных вод, а также ряду методических вопросов, в частности роли керамического материала в датировке археологических памятников.

Исследованию поздневолосовской культуры по нижнему течению р. Оки посвящены работы И. К. Цветковой. Материал открытого ею поселения второй половины II тысячелетия до н. э., характеризующий волосовскую культуру на позднем этапе ее развития, интересен тем, что он имеет ряд черт, характерных для абашевской и фатьяновской культур. Из этого автор делает вывод об установлении с середины II тысячелетия до н. э. широких межплеменных связей.

Вопросу о сложении лесостепных культур эпохи позднего неолита и бронзы, поставленному несколько лет назад М. Е. Фосс, были посвящены работы в Тамбовской области под руководством Т. Б. Поповой. Полученные ею материалы характеризуют культуру этой области как смешанную, сложившуюся из местных элементов и включавшую в себя элементы южных степных культур, связанных с иранским миром.

Об изучении памятников Поволжья эпохи бронзы и раннего железа доложила Н. В. Трубникова, открывшая на территории Северной Чувашии ряд могильников и селищ фатьяновского и абашевского типа, а в более южных районах — памятники срубной культуры; открыт и изучен также ряд памятников железного века начиная с I тысячелетия до н. э.

Широкое изучение савроматской культуры в восточных районах стоит в центре внимания Оренбургской экспедиции, получившей интереснейшие материалы о формировании ранних сарматских племен и соотношении их культуры с более ранними культурами — ямной, андроновской и срубной. О некоторых ямных погребениях с окрашенными костяками и андроновских погребениях с оружием срубного типа доложила Э. А. Федорова-Давыдова, о погребениях савроматского и прохоровского времени с некоторыми новыми чертами обряда — И. И. Лобова.

Музей принимал участие в изучении античных городов Северного Причерноморья и культуры окружающих их племен. В докладе И. В. Яценко охарактеризован интересный архитектурный комплекс Неаполя скифского, одно из помещений которого сохранило на стене многоцветную роспись I — начала II в. н. э., состоящую из чередующихся расписанных под мрамор прямоугольников.

При раскопках некрополя Гермонассы Н. П. Сорокиной открыт ряд погребений V—I вв. до н. э. и первых веков нашей эры, характеризующих синдо-меотскую культуру и постепенное проникновение в Боспорские города местных меото-сарматских племен с Северного Кавказа и Прикубанья; интересно открытие эллинистических детских погребений в амфорах и следов тризны.

В Московской области было изучено два городища в Ухтомском (раскопки Н. В. Трубниковой) и Серпуховском (раскопки А. В. Успенской) районах. Оба городища большого хронологического охвата: нижние и основные их слои дают материал дьяковского времени, верхние — славянский материал X—XI вв.

Работы М. В. Фехнер в Угличском районе посвящены изучению раннефеодальной деревни. Изучено несколько небольших селищ и связанных с ними курганных могильников, расположенных в 3—5 км друг от друга у впадения в Волгу мелких ее притоков; получен большой материал для характеристики экономического уровня этого густо заселенного в домонгольское время района.

О раскопках в Ульяновской области раннеболгарского селища IX—XI вв. доложила Н. В. Тухтина.

В последние годы завершается изучение города Болгары. А. П. Смирнов сообщил о результатах работ последних лет, давших новые материалы для характеристики исторической топографии города и архитектуры золотоордынского периода, глубоко связанной в своем развитии с культурой Ирана, Хорезма и Нижнего Поволжья.

Л. П. Матвеева

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В КИЕВЕ

25—28 февраля 1958 г. в Киеве состоялась IX научная конференция Института археологии АН Украинской ССР, посвященная итогам археологических исследований, осуществленных на территории Украины за годы Советской власти. В работе конференции приняли участие представители многих научных учреждений, вузов и музеев Украины, а также Российской Федерации (Москвы, Ленинграда, Воронежа, Саратова, Ставрополя), Белоруссии, Молдавии, Азербайджана и Литвы.

Конференция открылась докладом директора Института археологии С. Н. Бибикова «Археология на Украине за 40 лет и перспективы ее дальнейшего развития», в котором были кратко освещены вопросы развития археологических научных учреждений за годы Советской власти и дана оценка их деятельности, а также подытожены результаты изучения археологических памятников на Украине, особенно памятников палеолита, эпилеполита, неолита, трипольской культуры и эпохи меди и бронзы. В докладе были намечены ближайшие задачи в области развития археологической науки на Украине, важнейшей из которых является подготовка многоотомного обобщающего историко-этнографического труда «Археологическая карта Украинской ССР».

Чл.-корр. АН СССР Б. А. Рыбаков выступил с докладом «Археология и летопись (по материалам VI—XIII вв.)», в котором остановился на значении археологических источников для изучения истории восточных славян и древней Руси и их важности в качестве критериев для проверки правильности положений ранних древнерусских летописей. На конкретных примерах Б. А. Рыбаков продемонстрировал, как археологический материал подкрепляет и уточняет утверждения древнерусских летописцев.

С докладом «Жилища и поселения позднего палеолита в свете новых исследований (вопросы реконструкции и планировки)» выступил И. Г. Шовкопляс. Докладчик на большом числе примеров отстаивал положение о том, что для позднего палеолита были характерны небольшие, преимущественно наземные или только немного углубленные в землю жилища, при сооружении которых широко использовались крупные

кости животных и каменные плиты. Комплексы таких небольших жилищ, чаще всего распалеолитических по близости одно от другого, образовывали небольшие поселения (позднепалеолитические стоянки).

М. Ю. Брайтчевский сделал доклад «Современное состояние и перспективы развития раннеславянской археологии», в котором остановился на результатах изучения и интерпретации древнеславянских памятников (зарубинецкой, пшеворской, липецкой и черняховской археологических культур). Значительное место в докладе было уделено также вопросам изучения памятников второй половины I тысячелетия н. э., непосредственно предшествующих образованию древнерусского государства. Докладчик отметил, что в качестве ближайших и наиболее важных задач в области славянской археологии на Украине продолжают оставаться вопросы экономического и социального развития древнеславянских племен, а также вопросы взаимоотношений с окружающими их неславянскими племенами, населявшими Восточную Европу в I тысячелетии н. э.

А. И. Тереножкин в своем докладе «Основные достижения советского скифоведения на Украине» подвел итоги изучения памятников предскифского и скифского времени. Докладчик остановился на освещении памятников белогородовской и чернелесской культур рубежа бронзового и железного веков и на их значении для формирования культур скифского времени в лесостепном Правобережье Украины. Были подведены также итоги изучения памятников юхновской и подгорцевской культур, памятников фракийского гальштата и тавров, а также скифо-сарматских городищ на Нижнем Днепре и погребальных памятников сарматов.

С докладом «Итоги археологических исследований в западных областях Украины в советские годы» выступил М. Ю. Смишко. Докладчик очень подробно осветил результаты изучения разнообразных археологических памятников на территории западных областей, относящихся ко всем древним историческим периодам, начиная от позднепалеолитических стоянок Среднего Приднестровья до древнерусских городов и городищ в Прикарпатье и на Волини.

Итогом изучения античных памятников на Украине был посвящен доклад В. Д. Блаватского «Античная археология Северного Причерноморья», в котором отмечался значительный количественный и качественный рост исследований памятников античности на Украине, особенно в Крыму. В советское время большое внимание было уделено изучению экономической жизни античных городов (ремесло, виноделие, торговля); в частности установлена большая роль в ней сельского хозяйства (клеры Херсонеса, сельскохозяйственные усадьбы и поселения на Боспоре). Много нового внесли советские ученые в изучение планировки городов (установление прямолинейной системы, открытие Ольвийской агоры) и их укреплений, развития военного дела и культуры (театр в Херсонесе).

С. И. Руденко рассказал о проводимых в Институте истории материальной культуры АН СССР работах по применению методов точных наук для определения абсолютного возраста археологических материалов.

Пленарные заседания конференции закончились докладом В. И. Довженка «Основные вопросы изучения древнерусских городищ». Докладчик остановился на характеристике этой группы древнерусских памятников, рассматривая их как укрепленные феодальные дворы-замки, господствовавшие над окружающими их неукрепленными сельскими поселениями.

На секции первобытной археологии заслушано и обсуждено 18 докладов и сообщений. Результатам раскопок Бахчисарайской мустьерской стоянки и обследованию ряда пещер в Крыму было посвящено сообщение Д. А. Крайнова. И. Г. Шовкопляс сообщил о результатах раскопок в 1957 г. на вновь открытой Радомышльской позднепалеолитической (ориньякской) стоянке на р. Тетерев в Правобережном Полесье УССР. Сообщение о фауне Радомышльской стоянки сделала Н. Л. Корнеев. В сообщении «Об остатках дикого кабана и их распространении в палеолите» В. И. Биби́ков а показала, что дикий кабан не входил в фаунистический комплекс позднего палеолита. Вопросам развития и взаимоотношений позднего палеолита Центральной Европы и Русской равнины было посвящено сообщение П. И. Борисковского. О результатах раскопок 1956—1957 гг. в пещерном навете Фатьма-Коба в Крыму сообщил С. Н. Биби́ков.

Значительная группа докладов и сообщений была посвящена итогам изучения неолитических памятников. Со сводным докладом «Опыт периодизации неолита Украины» выступил В. Н. Даниленко. Результатам изучения поселения и могильника конца неолита и начала эпохи меди и бронзы на р. Оскол на Харьковщине и некоторым вопросам сложения энеолитической культуры в бассейне Северного Донца был посвящен доклад Д. Я. Телегина. По неолитической тематике были сделаны также сообщения А. А. Формозова «Исследование неолитических стоянок в Крыму и на Кавказе в 1956—1957 гг.» и Ю. Г. Колосова «Стоянка Алексеевская Засуха на Сиваше».

Результатам двухлетних раскопок на одном из позднетрипольских поселений с наземными и полужемляночными жилищами в окрестностях с. Троянова близ Житомира было посвящено сообщение Н. М. Шмаглия.

О многолетних исследованиях памятника ранней поры эпохи бронзы на Нижнем Днепре — Михайловского поселения — с его многочисленными остатками каменных зда-

ний и оборонительных стен сделала доклад Е. Ф. Лагодовская. На основании исследований установлено, что в степных районах Восточной Европы уже в эпоху ямной культуры обитало оседлое население, знавшее развитое скотоводство и земледелие, а также высокую технику домостроительства с широким применением камня. К теме этого доклада были близки сообщения М. Л. Макаревича «Обработка меди на Михайловском поселении» и О. Г. Шапошниковой. «Погребальные памятники ранней поры эпохи бронзы на Нижнем Днестре». Сообщение о раскопках поселения культуры шнуровой керамики возле с. Кавско на Дрогобиччине сделал К. В. Бернякович. О раскопках поселения поздней поры эпохи бронзы у с. Каменки на Керченском полуострове сообщила В. Д. Рыбалова. Доклад об изучении памятников катакомбного времени, характеризующихся так называемой многоваликовой керамикой, был сделан С. С. Березанской. Сообщение Е. В. Пузакова было посвящено характеристике коллекции каменных сверленных топоров-молотов с Северного Донца, хранящихся в Харьковском историческом музее.

На секции скифо-сарматской археологии заслушано и обсуждено 15 докладов и сообщений, 4 из которых прочитаны на объединенном заседании с секцией античной археологии. Важное место среди докладов секции занимали вопросы изучения предскифского периода в различных районах Украины. Этой тематике были посвящены сообщения: Г. Т. Ковпаненко — о результатах раскопок на чернолесском городище у с. Калантаева на р. Тясмине, осуществленных в 1956—1957 гг. в зоне затопления будущего водохранилища Кременчугской ГЭС, Г. И. Смирновой — о раскопках поселения так называемого фракийского гальштата в с. Магала на Буковине (Черновицкая область) и Н. Н. Погребовой — об исследованиях Западно-Скифской экспедиции 1956—1957 гг., проводившихся в районах Березанского и Тилигульского лиманов в южной части Николаевской области.

Этой тематике были посвящены также доклад А. И. Мелюковой о памятниках предскифского периода в Молдавии и сообщение Б. Н. Гракова «Старейшие железные вещи из Восточной Европы».

Доклад Е. Ф. Покровской был посвящен итогам многолетних исследований одного из интереснейших памятников раннескифского времени — неукрепленного поселения у с. Жаботин Черкасской области. Сообщение о результатах раскопок на Басовском городище скифского времени на р. Суле (Сумская обл.) в 1957 г. было сделано В. А. Ильинской. А. М. Лесков рассказал о раскопках таврских погребальных памятников (могильников с каменными ящиками) в горной части Юго-Западного Крыма (Байдарская долина), осуществленных в 1956—1957 гг.

Доклад о трехлетних раскопках на городище и могильнике Неаполя скифского сделал П. Н. Шульц. Изучению памятников первых веков нашей эры были посвящены доклады А. В. Буракова «Лепные украшения и фрески Козырского городища (окрестности Ольвии)» и Н. А. Богдановой «Результаты трехлетних исследований могильника первых веков н. э. у с. Заветное в Крыму».

К. Ф. Смирнов сделал доклад о сарматской керамике. В. Ф. Пешанова рассказала о раскопках сарматского погребения в насыпи кургана эпохи бронзы на территории г. Запорожья в 1957 г.

На секции античной археологии прочитано 16 докладов и сообщений. Изучению памятников Боспорского царства были посвящены доклады В. Ф. Гайдукевича «Изучение малых городов Боспора», И. Т. Кругликовой «Археологическое изучение сельскохозяйственной территории Боспора в 1956 и 1957 гг.» и Л. И. Чуистойвой «О раскопках культового сооружения Афродиты Апатуры в Керчи», Д. Б. Шелова — об археологическом изучении Танаиса и сообщение А. И. Ивановой о статуе богини Астары, происходящей с таманской территории Боспорского царства.

Значительная группа докладов и сообщений была посвящена и памятникам Херсонеса. Доклад о результатах изучения Херсонеса в годы Советской власти был сделан К. Э. Гриневичем. О раскопках херсонесского античного театра рассказал О. И. Домбровский. В. В. Борисова сообщила о результатах изучения гончарных мастерских Херсонеса за последние годы, С. Ф. Стржелецкий — о раскопках оборонительных стен Херсонеса в 1957 г., Э. И. Соломоник — о жертвеннике Немесиды из Херсонеса.

Ольвийской тематике были посвящены доклады Л. М. Славина «Некоторые итоги раскопок Ольвии в Советскую эпоху», А. Н. Карасева «Ольвийская агора по раскопкам 1946—1957 гг.», Е. И. Леви «Материалы Ольвийской агоры», а также сообщения: Ю. И. Козуб — об основных типах могил и обрядах погребения в Ольвийском некрополе классической эпохи, А. И. Фурманской — о раскопках некрополя Ольвии в 1956 г. и П. О. Карышковского — об изображении стрельбы из лука и о скифском Геракле на монетах из Ольвии. Сообщение о греческой надписи, обнаруженной на Немировском городище, сделал Б. Н. Граков. О некоторых спорных вопросах в изучении античной Березани рассказал М. Ф. Болтенко.

На секции славяно-русской археологии заслушано 25 докладов и сообщений.

Славянской тематике были посвящены доклады Л. Д. Поболь «Исследование Чаплинского могильника», В. П. Петрова «Опыт сравнительной характеристики могильников черняховского типа», М. А. Тихановой «Поселение культуры полей

погребений в Луке-Врублевцевой по данным раскопок последних лет» и Д. Т. Березовца, Н. В. Линки и А. М. Шовкопляс «Славянские памятники VII—IX вв. на Тясмине», а также сообщения: Е. В. Максимова — о памятниках зарубинско-корчеватовской культуры возле с. Субботова Черкасской области, Е. В. Махно — о раскопках поселения черняховской культуры в с. Новолиповском Золотоношского района Черкасской области в 1957 г., Э. А. Симоновича — о некоторых вопросах изучения черняховской культуры, Б. А. Тимошук — об исследовании славянских памятников на Буковине и П. И. Хавлюка — о разведках славянских поселений на Южном Буге в границах Винницкой области. Были заслушаны сообщения Д. Т. Березовца «Памятники салтовской культуры на Осколе» и Т. М. Минаяевой «Керамика балки Канцырки в днепровском Надпорожье в свете археологических исследований на Северном Кавказе».

М. К. Каргер сделал доклад о раскопках 1957 г. на древнерусском городище-замке у с. Городище Хмельницкой области. Б. А. Рыбаков о результатах изучения древнего Любеча в 1957 г. Коллективный доклад К. В. Гончарова, В. И. Довженка и Р. А. Юры был посвящен результатам раскопок древнерусского города-крепости XI—XII вв. Воиня, в устье р. Сулы, возле с. Воинская Гребля Полтавской области. Крепость входила в свое время в «пусульскую оборонную линию», защищавшую Киевскую Русь от степных кочевников, и была разрушена в 1186 г. половцами. Сообщение о раскопках на посаде древнего Воиня сделал В. А. Богусевич. О результатах разведочных раскопок в 1957 г. на соседнем с Воинем древнерусском городище у с. Жовнина сообщила С. Р. Клиевич. Охранным раскопкам на поселении XII—XIII вв. в г. Чернигове и находке на нем клада ювелирных изделий было посвящено сообщение М. А. Попудренко и И. И. Едомахи. Сообщение об обследовании мест древнерусских мастерских по производству шиферных изделий в районе г. Овруча сделал В. А. Месяц.

Взаимоотношения древней Руси и Херсонеса (в частности осаде города Владимиром в 989 г.), а также находкам славянских материалов во время раскопок в Херсонесе в 1946 и 1948 гг. посвятила свое сообщение Н. В. Пяташева.

Д. И. Блитель сделал доклад о результатах многолетних раскопок на древнерусском курганном дружинном могильнике IX—X вв. в с. Шестовицы, близ Чернигова.

Об изучении городских кварталов и оборонительных сооружений «пещерного города» Чуфут-Кале и принадлежавшего ему могильника рассказали Е. В. Веймарн и В. В. Кропоткин. О раскопках средневековых поселений в Байдарской долине доложил А. Л. Якобсон, а о раскопках в с. Планерском в 1954—1957 гг. сообщил М. А. Фронджоло. Ю. С. Асеевым было сделано сообщение об изучении средневековой церкви Иоанна Предтечи в Керчи.

В постановлении, принятом на конференции, намечены конкретные мероприятия по дальнейшему развитию археологической науки на Украине, главным из которых на ближайшее десятилетие является подготовка многотомного источниковедческого труда «Археологическая карта Украинской ССР».

И. Ш.

IV СТУДЕНЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

IV студенческая археологическая конференция, созванная по инициативе Научного студенческого общества кафедры археологии МГУ, проходила в Москве с 1 по 5 апреля 1958 г.

В работе конференции приняли участие студенты 22 вузов страны (гг. Алма-Ата, Вильнюс, Воронеж, Ереван, Ижевск, Иркутск, Киев, Ленинград, Москва, Новгород, Пермь, Петрозаводск, Рига, Самарканд, Смоленск, Сталинабад, Ташкент, Тбилиси, Томск, Харьков, Чебоксары, Ярославль). Всего было заслушано и обсуждено около 50 докладов¹.

С. Астахов (Москва) сделал доклад «Палеолитическая стоянка им. Талицко-го». Автор указал на сочетание сибирских и европейских черт в кремневом инвентаре стоянки и на его возможные связи с Югом. М. Амонова (Самарканд) рассказала о палеолитических памятниках Самаркандской области. Г. Григорьев (Ленинград) в докладе «Многослойная палеолитическая стоянка Аносовка II» доказывает, что кремневые изделия и жилище второго слоя сближаются с Костенками IV (нижний слой), Пушкарями I и инвентарем стоянки Петрисковице в Чехословакии. Н. Праслов (Воронеж) посвятил свое сообщение Костенкам XIX, датируя памятник раннемадленским временем. М. Шахматова (Москва) сделала сообщение о результатах раскопок стоянки Сунгирь. Расположение культурного слоя непосредственно над рисской морской и характер кремневого инвентаря позволили докладчице датировать стоянку первой половиной верхнего палеолита. В. Гладиллин (Киев) рассказал об исследованиях на Каменной Могиле в 1957 г. Г. Григорьева (Ленинград) в докладе «Назначение орудий стоянки Валукинского» говорила о методах изучения первобытной техники при помощи микроскопа. А. Гирдаков (Сталинабад) сообщил о находках каменных орудий в среднем течении р. Ак-Су (Восточный Памир). Находки, по мнению автора, датируются концом верхнего палеолита.

¹ Тезисы докладов напечатаны типографией МГУ на правах рукописи.

Г. Медведев (Иркутск) рассказал о работе археологического кружка при университете и участии его в деятельности экспедиций в зоне затопления Иркутской и Братской ГЭС. А. Щетенко (Ленинград) доложил о раскопках на неолитической стоянке близ г. Свирска (Ангарская экспедиция). Интересное сообщение сделал Ким Ен Нам, рассказав о новых находках материалов каменного века в Северо-Восточной Корее (провинция Хамген).

Неолиту также посвящены были доклады А. Иванова (Пермь) «Кряжская неолитическая стоянка и ее место в культуре камского неолита», А. Никитина (Москва) «Результаты археологической разведки 1957 г. в Переславль-Залесском районе Ярославской области», Л. Тетерева (Москва) «Стоянка Селище».

Вопросам методики ведения археологических работ в Карелии посвятил свое сообщение Ю. Савватеев (Петрозаводск). В докладе «Памятники переходного времени эпохи бронзы в Минусинских степях» О. Овсянников (Ленинград) подтверждает точку зрения М. П. Грязнова, который в истории минусинской культуры выделяет самостоятельный бойковский этап.

Заслуживают внимания доклады Л. Яковлевой и Л. Старцевой (Томск) «Поселение андроновского времени в бассейне реки Томи» и Э. Албутовой (Чебоксары) «Раскопки абашевских курганов в Чувашской АССР в 1957 г.».

Г. Шокшуев (Пермь) сделал сообщение об археологических памятниках Оханского района Пермской области. Стоянки эпохи бронзы автор сравнивает с одновременными поселениями Чусовского Прикамья. Б. Петерс (Москва) рассказал о подводных археологических работах этого лета (изучение античных древностей) и о перспективах развития подводной археологии.

О Мирмекии как винодельческом центре Боспора сделал доклад С. Беляев (Ленинград). Е. Черненко (Киев) в докладе «Сарматские элементы в погребениях восточного участка некрополя Неаполя скифского» проследил процесс проникновения сарматского влияния на культуру населения города. А. Зелинский (Москва) посвятил свое сообщение археологическим памятникам Памира доарабского времени. Л. Яковлева (Томск) сделала доклад «К вопросу о кулайской культуре». Автор склонен датировать памятники этой культуры VII—IX вв. П. Павлов и Б. Рабинович (Чебоксары) доложили об изучении клада джучидских монет XV в. из Чувашской АССР. Г. Нурмухамедова и А. Кондратьева (Ижевск) сообщили о результатах раскопок городища Васья-Кар (X—XIII вв.). Новым данным по истории горного дела Узбекистана посвятила доклад Х. Сатарова (Самарканд).

Представители Вильнюса сделали коллективные доклады: «Археологические исследования городищ в Литве» и «Исследование замков в Советской Литве за последние годы». Г. Лакеев (Смоленск) доложил об изучении кривичских курганов VI—XIII вв. у дер. Заозерье Смоленской области. О раскопках славянского городища у хутора Титчиha рассказал Д. Попов (Воронеж). Р. Макейкина (Новгород) сделала сообщение «Благоустройство древнерусского города (по материалам Новгорода)».

В докладе А. Петросяна (Ереван) «Поливная керамика из раскопок Двина и Ани» отмечены изменения техники и методов орнаментации поливных сосудов с VIII по XIII в. Археологическому материалу с культово-ритуального места (VIII—VI вв. до н. э.) посвящен интересный доклад М. Барамидзе (Тбилиси) «Новейшие находки из с. Мелаани». Результаты археологических работ близ с. Нахшигора позволили Ю. Гагошидзе (Тбилиси) поставить вопрос о существовании здесь крупного населенного пункта в раннефеодальную эпоху. Обзор археологических памятников г. Тбилиси дан в сообщении Т. Берадзе (Тбилиси). Н. Кигурадзе (Тбилиси) сделала доклад «Археологические памятники античной эпохи в Западной Грузии». Л. Захарьян (Ереван) доложила о древнеармянской мозаичной живописи. О результатах раскопок крепости Гарни рассказал Ж. Хачатрян (Ереван). Эволюцию типов бань в Армении от античности до средневековья осветил А. Калантарян (Ереван).

К. Даниленко (Харьков) сообщил о детальном разборе II пункта Херсонесской присяги. Л. Кальян (Кишинев) сделал доклад о раскопках памятников черняховской культуры (III—V вв.) на территории Пруто-Днестровского междуречья.

В. Виноградов (Москва) доложил об изучении неопубликованных материалов сарматской культуры в Чечено-Ингушской АССР. Н. Рындина (Москва) объяснила в своем докладе технологию древнерусского литья «навыплеск». На основе новгородской стратиграфии удалось установить момент появления этого приема в начале XII в.

Должны быть отмечены доклады: В. Маришкиной (Ленинград) «К вопросу о происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями», в котором автор склонен связывать происхождение боспорских склепов с эгейскими и фракийскими толосами; М. Филонович (Ташкент) «Сырцовые кирпичи с клеймами из парфянского замка Эрк-Кала»; Б. Тургунова (Ташкент) «Достарханы из собрания кафедры археологии САГУ»; Е. Зауровой (Ташкент) «Керамические печи VII—VIII вв. на городище Гяур-Кала Старого Мерва»; М. Пшеницыной (Ленинград) «Ранние ковчежки Восточного Казахстана» и Н. Соболевой (Москва) «Раскопки общественного колодца в Пантикапее».

Н. О. Бадер, В. Б. Виноградов

СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК И ПЛЕНУМ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АН СССР

С 7 по 12 апреля 1958 г. в Москве были проведены сессия ОИН и пленум ИИМК АН СССР, посвященные итогам археологических исследований в 1957 г. Свыше 150 городов и десятки научных учреждений нашей страны прислали свой археологический актив для участия в конференции. На пленарных и секционных заседаниях было заслушано и обсуждено 165 докладов.

Открывая сессию ОИН и пленум ИИМК АН СССР, чл.-корр. АН СССР Е. М. Жуков отметил, что благодаря широкому размаху полевых работ исследуются огромные территории, бывшие ранее белыми пятнами на археологической карте нашей Родины.

Изучению материалов Национального архива Ганы и полевым работам по изучению жизни различных социальных слоев населения был посвящен доклад И. И. Потехина.

С большим интересом участники сессии заслушали доклад чл.-корр. АН СССР С. В. Киселева «Древние города Забайкалья»¹.

С. А. Семенов сделал доклад «Экспериментальные работы по изучению первобытной техники». Работы ИИМК по изготовлению и применению орудий древнейшего типа были вызваны недостаточностью этнографических свидетельств, касающихся труда первобытного человека. Выяснилось, что первобытный человек тратил не годы и месяцы на изготовление своих орудий, строительство домов, выделку луков, стрел и др., а дни и часы. Изменение наших представлений о первобытном труде имеет существенное значение для понимания истории первобытной культуры.

С. А. Иванов доложил об орнаменте народов Сибири как историческом источнике.

С большим вниманием собравшиеся заслушали доклад чл.-корр. АН СССР Б. А. Рыбакова «Археология и летопись». Докладчик нарисовал яркую картину перемещения центра тяжести из области письменных источников в область источников археологических в деле изучения Руси IX—XIII вв. Он указал на тематическую ограниченность письменных источников и безграничность археологических, позволяющих судить об эволюции народного хозяйства, жизни непосредственных производителей, сдвигах в народной культуре, истории деревни и пр., т. е. о тех вопросах, которые почти не затронуты письменными источниками. Б. А. Рыбаков указал основные направления совместного изучения летописных и археологических данных: установление реального облика предметов и понятий, упоминаемых в летописи; поиски археологических иллюстраций к отдельным сообщениям летописцев; изучение соответствий летописных описаний археологическому материалу; изучение расхождений между этими видами источников. Во второй части доклада Б. А. Рыбаков указал на важность критического подхода при разборе летописей. Сопоставляя «Повесть временных лет» с археологическими фактами, докладчик сделал важные выводы о первоначальном расселении славян, об истоках русской истории, о возникновении феодализма.

Чл.-корр. АН СССР С. П. Толстов сделал доклад «Новые данные по истории древнего Хорезма». Докладчик отметил большие достижения в области изучения памятников эпохи бронзы. Завершены раскопки памятника античного времени Кой-Крылган-Кала. Шире развертывается изучение памятников средневекового Хорезма. Систематически исследуется «варварская» периферия Хорезма.

Н. Н. Воронин сообщил о новейших работах археологов в области истории русского зодчества X—XIII вв. Развитие русского зодчества, связанное с живой мыслью русского народа, дало блестящие архитектурные шедевры. Археологические изыскания в этой области, начавшиеся в 1930-х годах, выявили более 40 памятников. Изучение киевских памятников X—XII вв. показывает самостоятельную переработку византийской традиции, разнообразие культовых зданий, высококую строительную технику. Докладчик особо остановился на владими́ро-суздальском зодчестве, давшем такие шедевры, как церковь Покрова на Нерли, собор Мономаха в Суздале, Успенский собор в Ростове, Боголюбский замок и т. д.

Интереснейшему памятнику русского средневековья городищу у с. Городище Шепетовского района Хмельницкой области, был посвящен доклад М. К. Каргера. Раскопки этого городища дали блестящие результаты. Открыты остатки жилищ и хозяйственных построек. Найдено огромное количество железных орудий (серпы, косы, лопаты, части плугов), жернова, конская упряжь, обгоревшие зерна и т. п. Обнаружено четыре клада серебряных украшений. Изучение материалов показало, что этот город, возникший во второй половине XII в., был разгромлен татаро-монгольскими полчищами в 1241 г.

Б. Б. Пиотровский сделал доклад «Об успехах изучения древнего царства Урарту». Докладчик дал яркую характеристику истории развития рабовладельческого государства Урарту. Б. Б. Пиотровский рассказал о раскопках урартского города Тейшебани, давших находки клинописных табличек, остатков тканей, высокохудожест-

¹ Доклад С. В. Киселева будет напечатан в № 4 нашего журнала за 1958 г. (Ред.).

венных бронзовых предметов с надписями урартских царей VIII в. до н. э. и т. д. Открыто восемь кладовых с сосудами для вина (общей емкостью свыше 400 тысяч литров).

Большой интерес вызвал доклад Е. И. Крупнова «Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа». Докладчик рассказал о результатах работ Северо-Кавказской объединенной археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1957 г., проведенной при участии Северо-Осетинского НИИ и Чечено-Ингушского Республиканского музея на территории Чечено-Ингушской АССР и Северной Осетии. В Чечено-Ингушской АССР завершены были раскопки Лугового могильника позднекобанской культуры скифского времени и энеолитического поселения у с. Мужичи. Материалы могильника служат ярким показателем древних взаимосвязей Северного Кавказа со скифами и савроматами, а также с народами Закавказья, Финикии и Египта. В Северной Осетии впервые было раскопано поселение кобанского времени, возникшее на местной основе. Огромные керамические и хозяйственные материалы, добытые здесь, позволили автору сделать ценный вывод о тесной связи кобанской культуры с крымской кизил-кобинской культурой и об их возможном этническом родстве. Исключительно интересными оказались раскопки Змейского катакомбного аланского могильника, которые позволяют сделать вывод о связях аланских племен XI—XII вв. с Киевской Русью, Закавказьем, Византией, Ираном, странами Ближнего Востока и другими народами. Опровергнута теория затухания аланской культуры в X в.

О новых данных по истории Танаиса сообщил в своем докладе Д. Б. Шелов. Удалось, наконец, уточнить историческую топографию Недвиговского городища и окончательно отвергнуть теорию о существовании двух Танаисов. Теперь не подлежит сомнению, что Недвиговое городище есть собственно Танаис и уже в III в. до н. э. город существовал. Около рубежа нашей эры он был разрушен карательной экспедицией Полемона, но в конце I и начале II в. н. э. город возрождается. В III в. он вновь подвергается разгрому, и только через 100 лет (в 60—70-х годах IV в.) жизнь его возобновляется и к концу IV в. н. э. окончательно замирает.

Доклад Г. Б. Федорова «О древних славянах в Молдавии» познакомил слушателей с результатами многолетних работ Прутско-Днестровской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, в которой принимали участие Молдавский филиал АН СССР, Институт этнографии АН СССР, Одесский археологический музей, а в 1957 г. и археологи Румынской Народной Республики.

За все время работ на территории Молдавской ССР было открыто и обследовано свыше 400 памятников от последних веков до нашей эры и до XVIII в. Письменные источники и материалы экспедиций позволили установить проникновение славян в Молдавию еще до VI в. н. э., а с VI по XI в. славянская материальная культура господствует в Молдавии. Свидетельства византийских историков о Поднепровье VI в. как центре расселения славянских племен подтвердились археологическими данными. В IX и X в. культура славян поднимается на более высокий уровень, и уже в X—XI вв. у них складываются феодальные отношения и культура их, несмотря на связи с Византией и западными славянами, носит ярко выраженный общерусский характер. Культура славян в Молдавии явилась важнейшим слагаемым материальной культуры молдавского народа.

На восьми секциях было заслушано и обсуждено 152 доклада.

На секции каменного века четыре доклада были посвящены памятникам нижнего и верхнего палеолита Кавказа: В. П. Любина — об исследованиях палеолита в Юго-Осетии (о мустьерской пещере Кударо I); А. Д. Колбутова — о геологических и геоморфологических условиях стоянки Кударо I; Д. М. Тушабрамишвили — о находках мустьерских и ашельских памятников нижнего палеолита в Имеретии. Вопросам стратиграфии Чохской стоянки в Дагестане был посвящен доклад В. Г. Котовича. О результатах работ Крымской археологической экспедиции сообщил С. Н. Бибиков. Верхнепалеолитическим стоянкам Дона были посвящены доклады П. И. Борисковского (Костенки XIX), А. Н. Рогачева (Костенки I) и М. Д. Гвоздовер. И. Г. Шовкопляс сделал доклад об исследовании Радомышльской позднепалеолитической стоянки в Полесье УССР. Днестровским палеолитическим памятникам были посвящены два доклада А. П. Черныша. Д. А. Крайнов рассказал об исследованиях Бахчисарайской мустьерской стоянки.

Доклады о результатах работ по палеолиту вызвали оживленный обмен мнениями. В Закавказье обнаружена стоянка, позволяющая отнести эту область к зоне древнейшего расселения человека. Также были отменены исследования памятников палеолита на Днестре. Открытие ряда стоянок эпохи неолита в районах, не исследовавшихся ранее, дает возможность шире поставить проблему этногенеза. Г. Н. Лисицыной был зачитан доклад о споро-пыльцевом анализе в археологии. Мезолиту и неолиту Прибалтики были посвящены доклады Н. Н. Гуриной о результатах работ неолитического отряда Прибалтийской экспедиции в 1957 г. и Л. В. Ванкиной о раскопках стоянки Сарнате в 1957 г. Л. Н. Соловьев познакомил секцию с результатами раскопок Воронцовской пещеры в Краснодарском крае. Л. Я. Крижевская сообщила о результатах работы неолитического отряда Башкирской экспедиции. Об археологических исследованиях в долине р. Вычегды рассказал Г. М. Буоров. О раскопках Коншаровской неолитической стоянки в Нижне-Тагильском крае сделала доклад А. И. Расадович. Об исследованиях памятников Сибири и Дальнего Востока были заслуша-

ны четыре доклада: П. П. Хороших, Р. В. Николаева, Р. В. Чубаровой и Э. В. Шавкунова.

На секции энеолита и бронзы были обсуждены (совместно с секцией археологии Средней Азии) доклады Ю. А. Заднепровского, А. М. Оразбаева, А. В. Виноградова и М. А. Итиной. Большой интерес вызвали доклады В. М. Массона «Раскопки на Джейтуне и Кара-Теле» и А. А. Марущенко «Сравнительная стратиграфия культур неолита, энеолита, бронзы и раннего железа подгорной полосы Южного Туркменистана». Обсуждению вопросов трипольской культуры были посвящены доклады Т. С. Пассек «Раскопки на поселении Флорешти в Молдавии», Е. К. Черныш «Результаты раскопок многослойного памятника у с. Незвиско на Днестре», А. Л. Есипенко «Раскопки в урочище Александровка» и В. Н. Даниленко «О происхождении трипольской культуры и синхронных с ней культур на Нижнем Дунае». Обсуждение трипольской проблемы позволило установить, что основными компонентами в сложении трипольской культуры были нижнедунайская культура эпохи бронзы и местные неолитические племена. Секция отметила выдающееся значение Михайловского поселения. О памятниках ямной культуры были прочитаны доклады Е. Ф. Латоховской «Поселение Михайловка» и Б. А. Латынина «Молоточкообразные булавки».

Секцией была проведена дискуссия по проблеме абашевской культуры. По докладом П. Н. Третьякова «Абашевская культура в Поволжье» и А. Х. Халикова «Новые памятники абашевской культуры в Волго-Окском междуречье» развернулись продолжительные прения, в которых выступали: О. Н. Бадер, О. А. Гракова, К. В. Сальников, И. В. Сеницын, М. М. Герасимов, Б. А. Латынин, Н. Я. Мерперт и С. В. Киселев. Большинство выступавших возражало П. Н. Третьякову по поводу его трактовки происхождения абашевской культуры от среднеднепровской. В итоге этой дискуссии были определены особенности абашевской культуры, ее территория, хронологические рамки, локальные варианты и основные культурные элементы, лежащие в основу этой культуры.

Были заслушаны доклады по важным вопросам энеолита и бронзы Кавказа (И. Л. Селимханов, Б. В. Техов и Г. А. Абилова) и Сибири (О. Абибуллаев, К. В. Сальников, А. И. Мартынов и А. Н. Липский). Секция особо отметила выдающееся значение открытий (доклад А. Н. Липского «Новые материалы афанасьевской культуры») на Афанасьевском некрополе в междуречье рек Енисей и Абакана, изменяющих представление об уровне материальной культуры, искусства и идеологии племен Южной Сибири времени энеолита.

На заседаниях секции раннего железа большой интерес вызвали доклады по различным вопросам скифской археологии (П. Д. Либеров, Б. А. Шрамко, М. М. Кубланов, С. С. Березанская). Секция отметила особую ценность материалов из раскопок Неаполя скифского (доклад П. Н. Шульца «Исследования Неаполя скифского»). Впервые на секции были поставлены доклады о результатах полевых исследований в Армении, Азербайджане и Дагестане (Э. Хандзатын, А. А. Мартиросян, С. М. Казиев, И. Нариманов, М. И. Питуль и В. В. Бобин). По сарматской проблеме были заслушаны доклады: В. П. Шилова, И. В. Сеницына, К. Ф. Смирнова, Г. В. Юсупова, И. Х. Садыковой и С. И. Капожиной. Особенно следует отметить археологические исследования в Нижнем Поволжье и возобновившееся изучение памятников сарматских племен в Оренбургской области и Южной Башкирии. Интересный доклад был прочитан Н. В. Анфимовым «О меотских племенах Прикубанья III—IV вв. н. э.». Кроме того, на секции были обсуждены доклады Ю. А. Краснова «К вопросу о хронологии памятников дьяковской культуры долины Москвы-реки» и В. С. Стоколоса об археологических памятниках севера Свердловской области.

Секция античной археологии заслушала и обсудила доклады о новых раскопках античных городов Боспорского царства и работах на Керченском полуострове (И. Б. Зеест, В. Ф. Гайдукевич, И. Т. Кругликова, А. П. Иванова и Н. И. Сокольский). Следует отметить участие польских археологов в работах по изучению эллинистических кварталов Тиритаки. О новых исследованиях Херсонеса доложили Г. Д. Белов и С. Ф. Стржелецкий. Особенно интересные материалы получены о крепостных сооружениях античного и средневекового Херсонеса. По вопросам ранней истории Березани выступила с докладом В. М. Скуднова. С реставрационно-консервационными работами в Керчи и Херсонесе секция ознакомилась по докладом В. И. Федорова и И. Л. Значко-Яворского. В. А. Леквинадзе прочитал доклад о древнейших оборонительных сооружениях Археополиса-Нокалакеви. Секция отметила, что в итоге работ 1957 г. получены новые данные по истории боспорских городов. Открыты новые поселения эпохи поздней бронзы, существовавшие городам. Проведены подводные исследования в Пантикапее и геофизические разведки поселений.

На секции славяно-русской археологии были заслушаны доклады Л. Д. Поболь об археологическом исследовании Чаплинского могильника, М. А. Тихановой о работах Днестровско-Волынского отряда Волынской экспедиции, а также доклад Д. Т. Березовца, Н. В. Линки и А. М. Шовкоплас о раннеславянских поселениях VII—IX вв. на р. Тясмин Кировоградской области. С интересом был заслушан доклад П. Н. Третьякова о городищах-святилищах левобережной Смоленщины.

О раскопках поселения раннефеодальной эпохи «Городок» под В. Луками сообщила в своем докладе Я. В. Станкевич. И. И. Ляпушкин сделал доклад об исследовании городища Опшня. Кроме указанных докладов, были прочитаны и другие по исследованиям различных славяно-русских памятников (Ф. М. Заверняев, А. Г. Минтрофанов, А. В. Успенская, И. С. Винокур, Б. А. Тимошук, Ф. Д. Гуревич, В. Ф. Генинг, С. А. Плетнева, А. Н. Москаленко, Д. И. Блитель, Б. А. Шрамко, С. Н. Орлов, Э. М. Загоруйский, В. Р. Тарасенко, М. Г. Рабинович, С. Н. Ильин, А. В. Никитин и Г. П. Латышева).

На секции средневековой археологии Юга и Востока было заслушано 12 докладов. Т. М. Минаева познакомила собравшихся с ценными материалами аланской культуры из раскопок в балке Канцирка на Днепре. Результатам раскопок салтовских памятников на р. Оскол и выяснению вопроса о черных болгарях был посвящен доклад Д. Т. Березовца, давший некоторые выводы для решения проблемы Волжской и Дунайской Болгарии. О раскопках раннесредневековых поселений и крепости в Юго-Западном Крыму доложил А. Л. Якобсон. О. И. Домбровский, Э. И. Соломоник и П. А. Шохин сообщили о местоположении «длинных стен» страны Дори Прокопия Кесарийского. Новые материалы были получены при раскопках средневековых могильников в Дидо (Дагестан) (доклад Д. М. Атаева). Большой интерес вызвали доклады Н. В. Минкевич-Мустафаевой и А. Л. Якобсона о раскопках городища Орен-Кала (Байлакана) в Азербайджане, давшего большой материал для характеристики ремесла и культуры и, что особенно ценно, ранние слои VI—VIII вв. н. э. О результатах химико-технологического изучения стекла древней Грузии сообщила Р. А. Бахтадзе. Л. Р. Кызласов и С. И. Вайштейн доложили об исследовании памятников средневековой Тувы. Полученные раскопками материалы свидетельствуют о развитой экономике и высокой культуре Тувы эпохи средневековья. Секция отметила продуктивность работы по изучению финно-угорских памятников Приуралья и Поволжья (доклады Р. Б. Ахмерова и М. Р. Полесских).

Секция среднеазиатской археологии заслушала и обсудила 30 докладов, из них шесть докладов на совместном заседании секции энеолита и бронзы. 10 докладов касались этнографических исследований, а остальные — археологических. Об археологических работах в Ферганской, Андижанской, Сурхан-Дарьинской областях, в Таджикской ССР и других местах Средней Азии и Казахстана сообщили Б. А. Латынин, В. И. Козенкова, И. Кожомбердыев, К. А. Акишев, Л. М. Рутковская, Л. И. Альбаум, Т. Ф. Геллах, А. М. Беленицкий, Н. Негматов, Б. А. Ставиский, В. А. Булатова, Б. И. Вайнберг, Т. Н. Сенигова и Л. Р. Кызласов.

Доклады продемонстрировали крупные успехи в изучении древнейшего прошлого Средней Азии. Особенно ценными были работы по изучению племен Южной Туркмении и Ферганы, а также исследования культур степной бронзы Казахстана и Хорезма. Изучение памятников кочевых племен конца I тысячелетия до н. э. дает возможность частичного разрешения проблемы о взаимоотношениях земледельческих оазисов и окружающей их варварской периферии. С успехом продолжались исследования памятников рабовладельческого периода и средневековья (Кой-Крылган-Кала, памятники Ангорского р-на, Мерв, Пенджикент, Шахристан, Кулдор-Тепе, Кува, Баба-Ата и др.).

На секции нумизматики был заслушан интересный доклад о монетах с надписью «EMINAKO» П. О. Карышковского. Л. П. Харько в своем докладе «О переделках медных пантикапейских монет в начале III в. до н. э.» установил, что пантикапейские медные монеты III в. до н. э. претерпели девять видов переделок. Анализ монет, найденных в Танаисе, был посвящен доклад Д. Б. Шелова. О монетах из Джемете сделала доклад Ю. С. Крушкол. О. И. Смирнова сделала доклад «Пенджикент и его правители» (по монетным данным). С. А. Янина в докладе «О местоположении Нового города (Янги-Шехр, Шехр-ал-Джедид) Золотой Орды» пришла к выводу, что указанный город находился в Молдавии. О новых монетных кладах Азербайджана рассказал Е. А. Пахомов. Д. Г. Капанадзе познакомил секцию с нумизматическими находками в старой части Тбилиси. Большой обобщающий доклад о денежном обращении русского государства перед реформой 1654 г. сделал И. Г. Спасский. Весьма положительным фактом является постановка впервые в работах секции доклада З. Р. Цеплите по западноевропейской нумизматике.

Кроме указанных, были заслушаны и другие доклады (А. С. Мельниковой, Б. Б. Жиромского, И. Г. Спасского).

Д. А. Крайнов

ПАМЯТИ В. П. ЛИСИНА

Василий Петрович Лисин родился в 1911 г. в семье крестьянина-бедняка, в с. Шереметьево Рудовского района Тамбовской области. Совмещая труд и учебу, Василий Петрович успешно заканчивает в 1930 г. среднюю школу. В 1926 г. вступает в ряды Ленинского комсомола и активно участвует в общественно-политической жизни села.

После окончания школы, в 1930 г., Василий Петрович поступает в Ленинградский государственный университет на отделение музейно-краеведческой работы. В 1932 г., после окончания II курса, переводится на экстернат. Осенью этого же года заканчивает университет и сдает вступительные экзамены в аспирантуру Государственной Академии истории материальной культуры, которую и заканчивает в 1936 г. по профилю историка-археолога античного времени. В университете и Академии Василий Петрович получил прекрасную философскую, историческую и археологическую подготовку для самостоятельной практической научной работы.

После окончания Академии Василий Петрович переезжает в г. Севастополь и поступает в государственный Херсонесский музей на должность заведующего Античным отделом. В 1938 г. Василий Петрович назначается зам. директора по научной части и совмещает с новыми обязанностями руководство Античным отделом.

Наряду с исследовательской работой Василий Петрович вел большую организационную работу. Им осуществляется громадная работа по приведению в порядок фондов музея: инвентаризируется весь археологический материал из раскопок Херсонеса в 20—30-х годах, создается лапидарий античных надписей и архитектурных фрагментов. Начаты серьезные и систематические работы по реставрации памятников Херсонеса. Коренным образом перестраивается экспозиция музея, в особенности его Античного отдела, строится кинофицированный лекторий для лекционной работы, весь коллектив сотрудников втягивается в научно-исследовательскую работу, в результате чего публикуется серия статей в изданиях АН СССР. За этот же период Василий Петрович издает Путеводитель по музею и раскопкам, пишет сценарий, консультирует съемку научно-популярного фильма «Херсонес Таврический» и заканчивает большое исследование по истории земледелия античного Херсонеса. Последняя работа В. П. Лисина «Античные хозяйства в районе Камышевой бухты» была диссертацией на соискание ученой степени кандидата исторических наук. В это же время Василий Петрович возглавляет экспедицию по раскопкам позднеантичной сельской усадьбы на берегу Камышевой бухты (1937 г.). В 1940—1941 гг. он активный участник крупных археологических исследований в Херсонесе. Наряду с этим Василий Петрович ведет большую общественную работу в музее и в городе.

В 1941 г. В. П. Лисин вступает в члены КПСС.

В 1941 г. Василий Петрович вступает в ряды крымских партизан, где и назначается политруком одного из отрядов. В борьбе с фашистскими захватчиками Василий Петрович был образцом беззаветной преданности Великой Коммунистической партии и советскому народу. В начале 1942 г. в бою за Севастополь в тылу у гитлеровцев Василий Петрович пал смертью храбрых. Оборвалась светлая жизнь талантливого советского ученого.

Памяти своего руководителя коллектив научных работников Херсонесского музея посвятил IV выпуск Херсонесского сборника.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический съезд
БКЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВДИ — Вестник древней истории
ВЯ — Вопросы языкознания
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАН УзССР — Известия Академии наук Узбекской ССР
ИГАИМҚ — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НС — Нумизматический сборник
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ПИДО — Проблемы истории докапиталистического общества
ПИМҚ — Проблемы истории материальной культуры
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
САГУ — Среднеазиатский Государственный университет
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СЭ — Советская этнография
ТОВГЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
ТОНГЭ — Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа
Тр.АС — Труды археологического съезда
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ЧОИДР — Чтения Общества истории и древностей российских
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
АЕМО — Archaeologisch-Epigraphische Mittheilungen aus Oesterreich-Ungarn
AJA — American Journal of Archaeology
AM — Mittheilungen des Deutschen Archaeologischen Instituts in Athen
BSH — Bulletin de correspondance hellénique
САН — Cambridge Ancient History
IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
SC — В. В. Latyshev. Scythica et Caucasica (Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе)
SCIV — Studii și cercetări istorie veche
SIG — W. Dittenberger. Sylloge Inscriptionum Graecarum

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Т. С. Пассек (Москва), Б. А. Латынин (Ленинград). К столетию со дня рождения А. А. Спицына (1858—1958)	3
З. А. Абрамова (Ленинград). Пещерный лев в палеолитическом искусстве	7
А. Я. Брюсов (Москва). К вопросу об индоевропейской проблеме	18
С. Н. Бибилов (Киев). О времени образования надпойменного уступа в долине среднего течения Днестра	27
Н. Н. Гурина (Ленинград). Валдайская неолитическая культура	31
Б. А. Латынин (Ленинград). О южных границах ойкумены степных культур эпохи бронзы	46
В. Л. Янин (Москва). О первоначальной принадлежности так называемого шлема Ярослава Всеволодовича	54
М. Г. Рабинович (Москва). О начальном периоде истории Москвы	61
Г. А. Федоров-Давыдов (Москва). Денежно-весовые единицы Таны в начале XIV в.	65
В. Д. Блаватский (Москва). О подводной археологии	73
Г. Н. Лисицына (Москва). К вопросу об аллереде Прибалтики и о возрасте стоянки Кунда	90

Публикации

Е. И. Крупнов (Москва). Новые данные по археологии Северного Кавказа	97
В. П. Денисов (Пермь). Новые археологические памятники на р. Вятке	111
Л. М. Рутковская (Ташкент). Парфянская керамика древнего Мерва	120
И. Т. Кругликова (Москва). Клад боспорских статеров III в. из дер. Семеновки	134
С. К. Кабанов (Ташкент). Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашка-Дарьи	144
Л. Р. Кызласов (Москва). Остатки замка VI—VII вв. на городище Ак-Бешим	152
Е. А. Шмидт (Смоленск). Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе	162
Т. В. Николаева (Загорск). О некоторых надгробиях XV—XVII вв. Загорского музея-заповедника	170

Заметки

Л. В. Ванкина (Рига). Раскопки в Сарнате в 1955—1956 гг.	180
Э. Р. Рыгдылон П. П. Хороших (Иркутск). Погребения в местности Идан (Восточная Сибирь)	184
В. И. Спришевский (Ташкент). Раскопки Чустского поселения в 1956 г.	185
Г. В. Чарушин, В. Д. Войлошников (Иркутск). Новые наскальные рисунки в Прибайкалье	190
О. Д. Дашевская (Москва). Симферопольское раннетаврское поселение	193
А. Е. Алихова (Москва). Особый тип сооружений на городище Кузина Гора	197
Д. Я. Беренбейм (Керчь). О пути греков через Черное море	201
Е. Г. Кастанаян (Ленинград). Раскопки Порфмия в 1953 г.	203
Т. М. Арсеньева (Москва). Местная керамика из Танаиса	207
С. Н. Бобчев (Болгария, София). Итоги археологической кампании в Софии в 1952—1956 гг.	211
Р. Б. Ахмеров (Уфа). Стекланный сосуд из уфимского погребения	218
В. И. Козенкова (Андижан). Гончарная печь из Хилля	219
Н. Г. Порфиридов (Ленинград). Именные владычные печати Новгорода	222
П. А. Раппопорт (Ленинград). Хабаров Городок	225
Р. К. Аллахвердиев (Баку). Клад XVI в. из с. Хар-Хар в Азербайджане	228
В. И. Бибилова (Киев). Некоторые замечания по фауне из мустьерской пещеры Аман-Кутан I	229

Дискуссии и обсуждения

Г. Б. Федоров (Москва). О двух обрядах погребения в черняховской культуре	234
---	-----

Критика и библиография

С. А. Семенов (Ленинград). О каменных орудиях австралопитека	244
А. П. Окладников, В. Н. Горегляд (Ленинград). Новые данные о древнейшей культуре каменного века на севере Японии	246
В. М. Массон (Ленинград). Докерамический неолит Иерихона	250
В. М. Массон (Ленинград). О синхронистической таблице в книге Г. Чайлда «Древнейший Восток в свете новых раскопок»	252
П. А. Раппопорт (Ленинград). S. Toy. A History of Fortification from 3000 B. C. to A. D. 1700	253
М. И. Максимова (Ленинград). E. Akurgal, L. Budde. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Sinope	254

К. М. Колобова (Ленинград). М. И. Максимова. Античные города Юго-Восточного Причерноморья	256
Н. Н. Погребова (Москва). О некоторых исследованиях в области археологии раннего железного века за рубежом	261
М. В. Воробьев (Ленинград). R. C. Rudolph, Wen Pu. Han Tomb Art of West China	269
Д. Г. Капанадзе (Тбилиси). D. Lang. Studies in the Numismatic History of Georgia in Transcaucasia	269
П. О. Карышковский (Одесса). Studii și cercetări de numismatică	271
Г. К. Вагнер (Москва). М. Ильин. Рязань	274

В помощь учителю и краеведу

Г. Ф. Соловьева, А. С. Хануков (Москва). Некоторые вопросы охраны памятников археологии	277
Школьные краеведческие музеи	279

Хроника

А. Л. Монгайт (Москва). Гордон Чайлд	284
К. В. Сальников (Свердловск). Секция археологии межобластной научной конференции по истории Урала	287
Б. С. Научная сессия Государственного Эрмитажа	289
Л. П. Матвеева (Москва). Сессия Ученого совета Государственного Исторического музея, посвященная археологическим работам 1956—1957 гг.	289
И. Ш. Археологическая конференция в Киеве	290
Н. О. Бадер, В. Б. Виноградов (Москва). IV Студенческая археологическая конференция	293
Д. А. Крайнов (Москва). Сессия Отделения исторических наук и пленум ИИМК АН СССР	295
Памяти В. П. Лисина	299

SOMMAIRE

T. S. Passek (Moscou). B. A. Latynine (Léningrad). Le centenaire de la naissance de A. A. Spitsyne (1858—1958)	3
Z. A. Abramova (Léningrad). Le lion des cavernes dans l'art paléolithique	7
A. I. Brussov (Moscou). Le problème des Indo-Européens.	18
S. N. Bibikov (Kiev). L'époque de formation des terrasses fluviales du cours moyen du Dniestre	27
N. N. Gourina (Léningrad). Culture néolithique du Valdai.	31
B. A. Latynine (Léningrad). Les frontières méridionales des civilisations step-piques de l'âge de bronze	46
V. L. Ianine (Moscou). A qui appartenait initialement le heaume dit «d'Iaroslav Vsévolodovitsch»	54
M. G. Rabinovitch (Moscou). La première histoire de Moscou	61
G. A. Fédorov-Davydov (Moscou). Les monnaies et les poids en Tana au début du XVI siècle	65
V. D. Blavatski (Moscou). L'archéologie sous-marine	73
G. N. Lissitsyna (Moscou). A propos de l'allérolite du littoral de la Baltique et de l'âge de la station de Kounda	90

Publications

E. I. Kroupnov (Moscou). Nouvelles données archéologiques sur la Caucasic du Nord	97
V. P. Dénissov (Perm). Nouveaux monuments archéologiques sur la Viatka	111
L. M. Routkovskaïa (Tachkent). Les céramiques parthes de Merv	120
I. T. Krouglikova (Moscou). Un trésor de statères bosporiens du III siècle à Sémissionovka	134
S. K. Kabanov (Tachkent). Un édifice sogdien du V siècle dans la vallée de Kachka-Daria	144
L. R. Kyzlassov (Moscou). Les ruines du château-fort d'Ak-Béchim (VI—VII siècles)	152
E. A. Schmidt (Smolensk). Les kourganes allongés de Tsourkovka (district de Smolensk)	162
T. V. Nikolaéva (Zagorsk). Certaines dalles tombales des XV—XVII siècles du musée de Zagorsk	170

Notes

L. V. Vankina (Riga). Les campagnes de 1955—1956 à Sarnate	180
E. A. Rygdylone, P. P. Khorochikh (Irkoutsck). Les sépultures d'Idane (Sibérie Orientale)	184
V. I. Sprichevski (Tachkent). Fouilles du campement de Tchoust	185
G. V. Tcharouchine, V. D. Voïlochnikov (Irkoutsck). Nouveaux graffiti sur roches aux environs du Baïkal	190
O. D. Dachevskaïa (Moscou). Village taurique de Simféropol	193
A. E. Alikhova (Moscou). Constructions du gorodistché Kouzina Gora	197
D. I. Bérenbeim (Kertch). La voie des Hellènes à travers le Pont-Euxin	201
E. G. Kastanaïan (Léningrad). Les fouilles de 1957 à Porthméion	203
T. M. Arséniéva (Moscou). Les céramiques de Tanaïs	207
S. Bobtchev (Bulgarie, Sofia). Bilans d'une campagne de fouilles à Sofia (1952—1956)	211
R. B. Akhmérov (Oufa). Le vase de verre de la nécropole d'Oufa	218
V. I. Kozenkova (Andijan). Le four à poterie de Khillia	219
N. G. Porfiridov (Léningrad). Sceaux en noms propres des archevêques de Novgorod	222
P. A. Rappoport (Léningrad). Le Khabarov Gorodok	225
R. K. Allakhverdiev (Bakou). Un trésor du XVI siècle à Khar-Khar (Azerbaïdjan)	228
V. I. Bibikova (Kiev). La faune de la caverne moustérienne Aman-Koutan I	229

Discussions

G. B. Fédorov (Moscou). Deux cérémonies funéraires de la culture de Tcherniakhovo	234
---	-----

Critique et bibliographie

S. A. Sémenov (Léningrad). Les outils en pierre de l'australopithèque	244
A. P. Okladnikov, V. N. Gorégljad (Léningrad). Du nouveau sur le paléolithique au Nord du Japon	246
V. M. Masson (Léningrad). Le néolithique précéramique de Jéricho	250